

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2024

№ 90

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекабай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Воробьева Э.А. Японский рыболовный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: новые аспекты	5
Диденко Д.В. Институциональные источники формирования человеческого капитала в регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.)	17
Концевой И.А. Двухпартийность в Крестьянской секции ВЦИК: практики взаимодействия большевиков и левых эсеров	30
Пушкаренко Е.А., Третьяк С.А. Политическое настроения населения и его реакция на немецкую пропаганду на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь)	40
Семенов Ю.В. Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Западной Сибири по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года	50
Харусь О.А. Проблема соотношения государственных и рыночных механизмов регулирования экономики в теоретических представлениях и программных установках кадетов Сибири	59
Шандала Д.Е., Грибовский М.В. Дискуссия о третьей роли. Подходы к изучению неакадемической деятельности университетов в исторической ретроспективе	66
Щеглова Т.К. «Память» выбирала бойцов, бойцы выбирали «Память»: память, памятники, историко-культурное наследие и коммеморации в практике движения студенческих строительных отрядов в 1970–1990-е гг.	74

Vorobyeva E.A. Japanese fishing in the Russian Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th century: new aspects	5
Didenko D.V. Institutional sources of human capital formation in the regions of European Russia, the Siberia, and the Far East (late 19th – early 20th centuries)	17
Kontsevov I.A. The dual-party system in the Peasant section of the Central Executive Committee: practices of interaction between the Bolsheviks and the left SRS	30
Pushkarenko E.A., Tretyak S.A. The political mood of the population and its reaction to German propaganda in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)	40
Semenov Y.V. Ethnic composition and features of the deployment of military formations in Western Siberia according to the results of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897	50
Kharus O.A. The State and Market Mechanisms Correlation Problem of the Economic Regulation in Siberian Cadets' Theoretical Ideas and Program Guidelines	59
Shandala D.E., Gribovskiy M.V. Discussion about the third role. Approaches to the study of non-academic activities of universities in historical retrospect	66
Shcheglova T.K. “Pamjat” chose fighters, fighters chose “Pamjat”: memory, memorials, historical-cultural heritage and commemorations in the practice of student construction brigade movement in the years 1970–1990s	74

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙPROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования	84
Ивкина Н.В. Международная помощь Африке в борьбе с COVID-19: опыт ЕС	96
Папашвили Г.З. Взаимодействие правовых систем Гонконга и КНР в контексте воссоединения китайских территорий	104

Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. On status of judges in the Mongol Empire and its uluses in 13th–14th centuries: an interdisciplinary analysis	84
Ivkina N.V. International assistance to Africa in the fight against COVID-19: EU experience	96
Papashvili G.Z. Hong Kong and the PRC Legal Systems Interaction within the Framework of Reunification of the Chinese Territories	104

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯPROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Брюханова Е.А., Рыгалова М.В. Печатные источники о городском населении Сибири конца XIX – начала XX в.	111
Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Геополитическая история как пограничная дисциплина истории и геополитики	119
Кожеева А.А. Подходы и методы к изучению дискриминационной кампании «лишения» (1918–1936) в трудах советских и российских историков и правоведов	130
Мамонтова Д.А. Становление и трансформация пенитенциарной политики периода НЭПа на территории Западной Сибири: историографический аспект	139
Юдина Е.А. «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» в сборниках сибирских старообрядцев	148

Bryukhanova E.A., Rygalova M.V. Printed sources about the urban population of Siberia in the late XIX – early XX centuries	111
Isaev B.A., Ignatyeva I.F. Geopolitical history as a frontier discipline of history and geopolitics	119
Kozhaeva A.A. Approaches and methods for studying the discrimination campaign of deprivation of voting rights (1918–1936) in the researches of Soviet and Russian historians and legal scholars	130
Mamontova D.A. Formation and Transformation of the Penal Policy during the New Economic Policy (NEP) Period in Western Siberia: a historiographical aspect	139
Yudina E.A. ‘The Twelve Dreams of King Shahaisha’ in the collections of Siberian Old Believers	148

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Подмаскин В.В. Гипотезы о происхождении уйльта (ороков) Сахалина (вторая половина XIX – начало XXI в.)	154
Садовой А.Н. Модели этносоциального мониторинга: проблемы научного прогнозирования этнических процессов	162
Томилов Н.А. Этноархеологическое познание социокультурной истории (из опыта сибирских ученых)	172
Шерстова Л.И. «Чужие» в контексте историко-мифологических воззрений народов Горного Алтая	182

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Бычков Д.А., Деманов И.А., Попова Б.С., Рацык К.С., Мальцев В.А., Ревединский В.С. Поселения и могильник эпохи бронзы в комплексе археологических памятников у Аникина камня (Нижнее Притомье) по результатам исследований 2022–2023 гг.	189
--	-----

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зиновьева В.И., Берсенева М.В. Алгоритмы институционализации инклюзии в рамках Большого университета г. Томска	199
---	-----

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Podmaskin V.V. Hypotheses about the origin of the Uilta (orok) of Sakhalin (second half XIX – beginning XXI century)	154
Sadovoy A.N. Ethno-social monitoring models: problems of ethnic processes. Scientific forecasting	162
Tomilov N.A. Ethno-archaeological study of socio-cultural history (based on the work of Siberian scholars)	172
Sherstova L.I. “Strangers” in the context of historical and mythological views of the of the Altai peoples	182

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Bychkov D.A., Demanov I.A., Popova B.S., Racyk K.S., Maltsev V.A., Revedinskii V.S. Settlements and a burial ground of the Bronze Age in the complex of archaeological sites near Anikin Stone (Lower Tom Region) according to the results of research in 2022–2023	189
--	-----

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Zinovieva V.I., Berseneva M.V. Algorithms for the Institutionalization of Inclusion within the Framework of the Big University of Tomsk	199
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 947.083(571)

doi: 10.17223/19988613/90/1

Японский рыболовный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: новые аспекты

Эвелина Александровна Воробьева

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, tinva@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается японский рыболовный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. В процессе исследования изучены материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. В числе аспектов, влиявших на динамику японского рыболовного промысла, подробно анализируются административные меры, применявшиеся российскими властями (на местном и центральном уровнях). Показана неоднозначность этих мер, а также «конфликт интересов», сложившийся между разными ведомствами по вопросу японского рыболовства. Также рассмотрены вопросы взаимодействия японских предпринимателей и населения, промышленников и властей Дальнего Востока.

Ключевые слова: история Дальнего Востока, российско-японские отношения, Рыболовная конвенция 1907 г., рыбная промышленность, охрана рыбных богатств

Для цитирования: Воробьева Э.А. Японский рыболовный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: новые аспекты // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 5–16. doi: 10.17223/19988613/90/1

Original article

Japanese fishing in the Russian Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th century: new aspects

Evelina A. Vorobyeva

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, tinva@yandex.ru

Abstract. The purpose of this work, at first, to study the directions and scales of Japanese fishing in the Russian Far East at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries and its impact on the Russian fishing industry, and in the second place, to consider the actions of the Russian administration (both local and central) in relation to Japanese industrialists. Materials from the Russian State Historical Archive of the Far East, including some that are introduced into scientific circulation for the first time, were used as the sources of the paper. The study of these documents made it possible to find out that since the end of the nineteenth century, there has been an almost continuous expansion of both the directions of action (Sakhalin Island, Amur River, Kamchatka Peninsula and other) and the scale of the Japanese fishing industry. The Japanese continuously increased both their own catch of fish (legal and poaching) and the export of fish to Japan from Russian fishermen. In 1897 the total import of fish to Japan from the Russian Far East is estimated as 700 thousand poods, and in 1909 more than 2M poods were exported to Japan only from the Nikolaev region (Amur River). In 1910, Japan caught about 4M poods of fish in the Russian Far Eastern convention waters. The influence of the Japanese fishing industry on the Russian fishing industry in the Far East was twofold: on the one hand, the Russian industry was losing out in competition with the Japanese; on the other hand, Japan served as the main sales market for Russian industrialists, as well as a source of necessary capital, fishing gear, labor, etc.

As for the actions of the Russian administration in relation to the Japanese industrialists, they cannot be described as consistent. If at the very beginning of the fishing activities of the Japanese the policy of the Russian authorities was patronizing, then a series of harsh prohibitive measures followed, which caused an increase in the illegal activities of the Japanese. An attempt to regulate fishing issues was made by signing the 1907 Russo-Japanese Fishing Convention. However, it becomes evident from the archival documents that the convention was not secured and protected by any sufficient means. In addition, there was an evident "conflict of interests" between various Russian departments, and if the local administration (of the Amur General Governorship) advocated the maximum restriction (or even prohibition) of the activities of the Japanese, then the central departments (the Ministry of Trade, the Ministry of Foreign Affairs and other) encouraged

these activities. As a result, the authorities continuously either prohibited or permitted various measures related to Japanese fishing, and the Japanese, wherever they could not act legally, resorted to the methods of "people-to-people diplomacy" (they directly negotiated with the local population, industrialists, etc.) that, in turn, only increased the suspicions of the authorities.

Keywords: history of the Far East, Russian-Japanese relations, Fishing Convention 1907, fishing industry, protection of fish resources

For citation: Vorobyeva, E.A. (2024) Japanese fishing in the Russian Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th century: new aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 5–16. doi: 10.17223/19988613/90/1

Японский рыболовный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в., с одной стороны, довольно подробно изучен исследователями, с другой стороны, обращение к архивным материалам дает возможность увидеть новые аспекты проблемы взаимодействия и одновременно жесткой конкуренции между Японией и Россией в дальневосточном регионе. Столкновение геополитических, экономических и социальных интересов (по-разному, кстати, понимаемых центральной и местной российской властью) породило довольно сложный клубок проблем, имевших далеко идущие последствия для обеих держав.

Условной отправной точкой для организации японского рыболовного промысла на русском Дальнем Востоке можно считать 1875 год. В результате подписания Петербургского трактата 1875 г. Япония получила право в течение 10 лет беспопынно заниматься рыболовным промыслом вдоль побережья Сахалина. В 1885 г. разрешение было продлено, но с условием, что японцы будут платить по 5 коп. с пуда выловленной рыбы. Режим максимального благоприятствования японцам на рыбных промыслах был одним из условий японской стороны при отказе от претензий на Южный Сахалин, поэтому первоначальные попытки местных русских властей ограничить японский промысел не находили поддержки в Петербурге [1. С. 238]. Итог не заставил себя ждать – к концу XIX в. рыболовный промысел на Сахалине оказался в руках японцев. В 1890-х гг. из 193 сахалинских рыбных промыслов 128 официально принадлежало японцам, еще 21 участок числился за подставными лицами из числа отставных русских чиновников [2. С. 64]. За 1895–1898 гг. японцами на Сахалине было добыто свыше 2,5 млн пудов рыбы [2. С. 65]. В 1899 г. на острове действовали 52 японских рыбопромышленника, арендовавших 222 рыболовных участка, а численность японских рабочих составляла 4 346 человек [3. С. 97]. Ф.Б. Шмидт, начальник экспедиции Русского географического общества, направленной на изучение Приамурья и Сахалина, отмечал в своих записках, что «русские участки являются такими только по имени», а все остальное – «рабочие, лодки, способы лова и приготовления рыбы, все предметы обихода, до последнего гвоздя и веревки, – все японское и привозится из Хакодате» (цит. по: [3. С. 99]).

Кроме Сахалина японцы начали развивать рыбный промысел в Приморье, на Амуре и Камчатке. По мнению А.А. Курмазова, быстрому развитию именно японского промысла способствовало то, что на первых порах местные власти отдавали ему предпочтение, поскольку японские рыбаки платили больший налог за право промысла, чем русские. Однако в дальнейшем мест-

ные власти стали ограничивать японскую промысловую деятельность на Амуре, и сфера деятельности японских рыбопромышленников сместилась на Камчатку, где контроль был значительно слабее [4. С. 394]. Уже в 1890 г. были приняты «Правила о производстве морских промыслов по побережью Приморской области и острова Сахалина», в которых ограничивались места, сроки и орудия лова; правила 1895 г. ограничили лов вблизи устьев рек и в самих реках, участились случаи задержания японских судов, ловивших рыбу без разрешения и т.д. Вместе с тем многие вопросы (например, что считать русскими территориальными водами), так и остались без законодательного разрешения [5. С. 15].

С 1898 г. рыбные промыслы в Приамурском генерал-губернаторстве находились в ведении Приамурского управления государственных имуществ. В специальной записке по итогам совещания 1903 г. «О рыбном промысле в Приморской области и на острове Сахалин» отмечалось, что до 1899 г. промысел рыбы на Сахалине и по реке Амур находился исключительно в руках японских рыбопромышленников. «Огромная потребность Японии в соленой рыбе, не удовлетворяемая рыболовством в собственных водах, дешевизна в Японии рабочих рук и всякого рода предметов промыслового снаряжения, широкое развитие каботаж, бесспорная опытность японцев в рыбном и мореходном деле – все это приводит к тому, что предприимчивые по природе японцы быстро обосновываются на новых местах и успешно конкурируют с местными предпринимателями» [6. Л. 2]. Подобное же положение, как отмечалось в официальных докладах, сложилось и на Камчатке, где местное население ловило рыбу лишь для собственного потребления и «не могло создать сколько-нибудь значительного контингента опытных ловцов», поэтому на Камчатке возник сразу «чисто иностранный промысел хотя бы под русской фирмой» [6. Л. 12]. Отметим, что местные власти довольно трезво оценивали ситуацию с японским рыболовным промыслом – как причины, побуждавшие японцев к активности, так и возможности составить им конкуренцию со стороны русских промышленников.

Причины интереса японцев к рыбной ловле на Камчатке были теми же, что и на Амуре, – огромная потребность Японии в рыбе, дешевизна и при этом опытность рабочих рук и т.п. В 1897 г. на Камчатке было создано Камчатское торгово-промышленное общество (КТПО), которое занималось в том числе ловлей рыбы. Общество считалось принадлежащим русским промышленникам, однако в его деятельности и финансировании активно участвовали японцы. В 1899 г. КТПО приступило к строительству рыбоконсервного

завода в бухте Тарья, руководил строительством американский инженер Смит, инженеры и рабочие этого завода были иностранцами. Приказчиком КТПО с 1900 или 1901 г. (по разным сведениям) был японский офицер Сечу Гундзи. На 27 рыбалках КТПО в 1901 г. работали 600 японцев (на 14 рыбалках рыбопромышленника А. Зубкова – 462 японца, на 9 рыбалках купца Бриннера – 348 японцев). Кроме того, японцы занимались самовольным (браконьерским) выловом рыбы, в начале XX в. он достигал до 100 тыс. центнеров рыбы в год [7. С. 145–149]. В целом к концу 1890-х гг. засилье японцев в дальневосточной рыбопромышленности было тотальным, из 320 рыбных промыслов 80% официально принадлежало японцам [5. С. 16]. Исследователи расходятся в оценках численности японских рабочих, занятых на рыболовных промыслах на русском Дальнем Востоке к началу XX в., но речь явно шла о сотнях и даже тысячах работников [8. С. 46; 9. С. 38; 10. С. 20].

Деятельность японцев по вылову рыбы на российском Дальнем Востоке очень скоро стала рассматриваться местной властью как угрожающая и экономическим, и геополитическим интересам России в регионе. Местное население, по мнению русских властей, терпело убытки от иностранных рыбопромышленников как вследствие истощения запасов рыбы, так и из-за невозможности неразвитой местной рыбопромышленности конкурировать с японской. К тому же, по мнению властей, японцы параллельно с ловлей рыбы (как и с другими родами деятельности) занимались шпионажем. Для предотвращения последнего предлагалось предпринимать различные меры: например, Военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов в циркуляре от 18 июля 1902 г. писал, что для недопущения деятельности «японских офицеров-шпионов» необходимо «иметь неослабное наблюдение за проживающими и прибывающими японцами» [11. Л. 11], а чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе вообще предлагал применять к японцам высшую меру, чтобы удерживать их от шпионства [11. Л. 36].

Для сокращения урона, который японцы наносили рыбным богатствам, было решено разработать специальные правила по рыбному промыслу иностранцев (читай, японцев) на русском Дальнем Востоке. В ноябре 1901 г. были разработаны «Временные правила производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства», согласно которым право на ловлю рыбы предоставлялось лишь русским подданным, иностранцы же могли ловить рыбу в южной части острова Сахалин (от мыса

Терпения до мыса Орокесь) и южной части Приморской области [6. Л. 13 об.]. В целом из 269 арендуемых японцами участков 145 было закрыто под предлогом «истощения рыбных ресурсов» [3. С. 100]. Японский парламент в ответ в 1902 г. принял закон «О рыбопромысловых союзах в иностранных водах», в котором в числе прочих пунктов содержалось запрещение японцам наниматься на русские промыслы. Русская сторона, в свою очередь, в 1903 г. еще больше ужесточила правила лова: в бассейне р. Амур и Амурском лимане, а также на Камчатке лов рыбы был разрешен только местному населению и русским промышленникам, иностранные промышленники могли заниматься лишь приготовлением рыбных продуктов; нанимать японских рабочих и прочих персонал (приказчики и т.д.) русским промышленникам также запрещалось, за неисполнение этого предписания полагался значительный штраф.

Реализация правил привела, с одной стороны, к резкому сокращению аренды рыболовных участков (так, на Камчатке на торгах 1903 г. было приобретено всего 8 участков), а с другой – к усилению браконьерского (или, как тогда говорили, «хищнического») промысла со стороны японцев [7. С. 149]. Где было возможно, японцы также активно прибегали к практике оформления аренды участков на подставных лиц, на Сахалине таковых участков в 1903 г. было 78 штук [3. С. 101]. Для японцев вопрос осуществления рыбной ловли на Дальнем Востоке был в том числе вопросом выживания, поскольку рыба составляла основу рациона и, кроме того, использовалась для удобрения рисовых полей, а вблизи Японии рыбных богатств осталось значительно меньше, чем в русских территориальных водах. Как отмечают исследователи, главной причиной активного проникновения японцев на русский Дальний Восток была обострившаяся из-за резкого роста численности населения Японии продовольственная проблема (с 1882 по 1898 г. население увеличилось на 6,5 млн чел.), при этом за время самоизоляции «прибрежные воды страны активно эксплуатировались японскими рыбаками и были предельно истощены» [12. С. 71]. Объем вывезенных из России в Японию рыбопродуктов в 1901 г. достиг 2,5 млн пудов, что составляло 91% от всей ввезенной рыбы. Из этого объема 1,2 млн пудов составлял тук, который использовался для удобрения рисовых полей, благодаря чему урожайность их в Японии в 1901–1903 гг. возросла по сравнению с 1897 г. на 29% [12. С. 76].

О том, насколько важен был для японцев ввоз рыбы с русского Дальнего Востока, дают представление табл. 1, 2.

Таблица 1

Сведения о ввозе рыбных продуктов с о-ва Сахалин и побережья Приморской области в Японию

Год	Ввезено рыбных продуктов, пуд.	В том числе селёдочного тука, пуд.	В том числе красной рыбы, пуд.	Ценность ввезенных рыбных продуктов, руб.
1897	734 200			880 000
1898	920 000			1 104 000
1899	1 506 900	705 800	801 100	1 582 000
1900	2 827 500	942 500	1 885 000	3 200 000
1901	2 162 000	1 219 500	942 500	2 666 000

Примечание. Составлено по: [6. Л. 40].

Таблица 2

Сведения о количестве рыбы, выловленной японцами на о-ве Хоккайдо

Год	Улов кеты, пуд.	Улов горбуши, пуд.	Приготовлено тука, пуд.
1897	661 600	285 800	11 809 000
1898	606 900	223 300	7 890 600
1899	169 600	мало	8 001 000
1900	160 200	мало	7 728 500
1901	188 500	мало	6 597 500

Примечание. Составлено по: [6. Л. 41].

Итак, в начале XX в. японский рыболовный промысел в русских территориальных водах, который как раз набрал обороты, стал активно пресекаться российской стороной. Ответные меры японского правительства (и, в свою очередь, ответ российских властей) привели к состоянию экономической войны. Отказаться от промысла Япония в силу объективных причин (необходимость срочно решать продовольственную проблему и пр.) не могла. Россия же отстаивала свои экономические и геополитические интересы. Как считают большинство исследователей, «рыбный вопрос» был далеко не последним в череде проблем, которые привели в итоге к развязыванию Русско-японской войны 1904–1905 гг. В годы войны японский рыбный промысел в русских водах был, естественно, полностью запрещен, что не мешало японцам заниматься браконьерством, особенно на Камчатке. Так, согласно докладу и.д. Петропавловского уездного начальника Д. Павского военному губернатору Приморской области от 28 ноября 1904 г. за № 703, в течение лета 1904 г. по западному и восточному побережьям Камчатки рыболовным промыслом занимались 50 хищнических рыболовных шхун [13. С. 190–191]. Одна из таких попыток закончилась инцидентом с «захватом» Камчатки лейтенантом Сечу Гундзи [13. С. 193–198].

По завершении Русско-японской войны вопрос о японском рыболовном промысле в российских территориальных водах вновь встал на повестку дня. На мирных переговорах по итогам войны Японией были выдвинуты требования в том числе в сфере рыболовства, однако окончательное разрешение данные вопросы получили после заключения в июле 1907 г. русско-японской рыболовной конвенции. Согласно ст. 1 этой конвенции, «русское правительство предоставляло японским подданным право ловить и обрабатывать все виды рыб и водных объектов, за исключением котиков и морских бобров, вдоль русского побережья Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением рек и бухт. Японские подданные должны заниматься ловлей и обработкой рыбы на специальных участках, полученных в аренду с публичных торгов» (цит. по: [14. С. 58]). Стоянка японских судов была разрешена только против арендуемых участков. Японцы платили равные с русскими налоги и пошлины за арендуемые участки и могли беспощинно вывозить рыбу в Японию. Все промысловые воды Дальнего Востока были разделены на «конвенционные» и «неконвенционные». К первым относились Берингово, Охотское и Японское моря, за исключением заливов и бухт. В остальных неконвенционных водах японский промысел разрешен не был [5. С. 17].

В 1907 г. на торги было выставлено 232 морских рыболовных участков, из них взято 93, причем, согласно официальным отчетам, «6 участков были взяты русскими промышленниками, остальные японцами» [6. Л. 180]. В Приморской области были выставлены на торги: по побережью Татарского пролива 29 участков, из них арендовано японцами 12 участков; по западному берегу о-ва Сахалин 2 участка были арендованы Ларионовым, но промысел производился «при посредстве японских рабочих и шхун»; по восточному берегу Сахалина 4 участка были арендованы японским промышленником Токай Иосикику; в Охотском районе из выставленных на торги 15 участков арендованы 6, один русским промышленником, 5 – японскими; по восточному берегу Камчатки к торгам были представлены 43 участка, арендовано 5, все – японцами; по западному берегу Камчатки к торгам было выставлено 132 участка, арендовано 61, из них 3 русскими, остальные японцами [6. Л. 207–218]. Всего, по оценкам исследователей, после подписания конвенции морские рыболовные участки были сосредоточены в руках японцев, русские промышленники арендовали не больше 15% от их общего числа [15. С. 9].

Впрочем, нередко была ситуация, когда в деле аренды участков, неразрешенных к сдаче японцам, действовали подставные лица. Командир лодки «Манчжур» сообщал 17 мая 1907 г., что некий г-н Суровцев под видом погрузки готовой рыбы на японские шхуны проводил последние в реки Камчатки [6. Л. 159–159 об.]. 34 залива и бухты побережья русского Дальнего Востока, все реки Приморской области и Северного Сахалина были открыты только для русских подданных, разрешительных свидетельств на ловлю рыбы в 1907 г. было выдано 176 (35 лицам), однако, как отмечалось в докладе начальника Приамурского управления государственных имуществ В.К. Бражникова Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру, «большинство оных поспешили переуступить свои права японцам»; на реке Амур производилась ловля рыбы неким Бондаренко, но «доказано, что он являлся подставным лицом крупного японского рыбопромышленника Тасиро Санкици из Ниигаты», на участке Бондаренко работали 9 японских шхун и 200 японских рыбаков [6. Л. 211–212 об.]. На Тауйской губе, куда впадает р. Ола, производила незаконный лов японская шхуна, «эта шхуна, заблаговременно предупрежденная жителями Тауска, скрылась ночью, без огней, при свежем ветре, от направляющегося к ней “Командора Беринга”». Жители объясняли свое «предупредительное отношение» к японцам тем, что последние снабжают их всем необходимым по умеренной расценке и, кроме того, доставляют в Тауй соль [6. Л. 208].

В докладе В.К. Бражникова также отмечалось, что лов рыбы японцами часто совершается хищнически: «Арендаторами лов велся в большинстве случаев хищнически в том отношении, что, где только была возможность, они ловили не в море, на своих участках, а в ближайших реках; здесь же в большинстве случаев стояли и японские рыболовные шхуны» [6. Л. 208 об.]. Из распространенных нарушений В.К. Бражников назвал лов рыбы в реках вместо морского, несоблюдение расстояний между участками, содержание на промыслах японских рабочих вместо русских, стоянки в не указанных для этого местах и т.д. [6. Л. 213 об.]. Суда надзора (в 1907 г. ими были отряд миноносцев, транспорты «Колыма» и «Шилка», канонерская лодка «Маньчжур», крейсера «Лейтенант Дымов» и «Командор Беринг», судно «Сторож») вели борьбу с японскими браконьерами. В частности, «Маньчжур» задержал на Камчатке две японские шхуны, одну сжег, другую доставил в Петропавловск; «Шилка» арестовала одну японскую шхуну, действовавшую на восточном берегу Камчатки; «Лейтенант Дымов» арестовал три японских судна [6. Л. 214–215 об.]. В целом В.К. Бражников оценивал предпринимаемые меры охраны наших рыбных богатств как недостаточные: «...именно теперь, когда японцы в силу конвенции получили возможность на законных основаниях хлынуть широкой волной на наше побережье, когда пускаются в оборот последние запасы рыбных богатств – речные воды – в надежде привлечь русских предпринимателей, большинство из которых на деле оказываются просто спекулянтами, было бы преступным оставить это побережье почти без охраны, руководствуясь узко фискальными соображениями» [6. Л. 217].

Японские промышленники, недовольные пунктами конвенции о запрещении стоянки японских судов в реках и заливах, постоянно просили более широких прав, аргументируя свои просьбы тем, что для японских парусных судов «сколько-нибудь продолжительная стоянка на открытых рейдах, вблизи берега, является технически крайне затруднительной, а во многих случаях и совершенно невозможной» [6. Л. 293]. По распоряжению Главного управления землеустройства и земледелия японским парусным судам временно (на 1907 год) разрешили стоянки в заливе Св. Владимира, Императорской гавани, гаванях Охотска и Петропавловска, а также в реках Большой, Облуковиной, Тагиле по западному берегу Камчатки.

Примечательно, как на это прореагировали власти на местах. В специальной справке от 10 февраля 1908 г. В.К. Бражников писал: «В ограничении права стоянки японских рыболовных судов мы имеем весьма сильное средство воздействия на промысел японцев, ибо в случае благоприятного для нас оборота общего политического положения мы можем, строго основываясь на конвенции, не разрешать вовсе стоянок японских судов в закрытых бухтах и реках и тем самым заставить японцев почти отказаться от услуг парусного флота, что принесло бы им громадный экономический ущерб и вынудило бы их значительно сократить свои операции в наших водах» [6. Л. 293 об.]. По мнению В.К. Бражникова, согласиться на требования японцев

нельзя ни из экономических соображений (поставим под удар наш рыбный промысел), ни из дипломатических (проявим слабость). Разрешение японцам стоять в реках и бухтах поставит «русских промышленников в невозможность конкурировать с японцами», так как японцы в условиях слабого надзора «фактически овладеют промыслами в реках и бухтах», а разрешение русским промышленникам найма японских рабочих и судов «недопустимо с точки зрения общегосударственной, так как сразу и окончательно убило бы всякую надежду на возможность развития русской рыбопромышленности на Дальнем Востоке, а вместе и русской колонизации побережья» [6. Л. 294 об.].

Казалось бы, все ясно: японцы расхищают наши рыбные богатства, «убивают» русскую рыбопромышленность, и расширять их права на рыболовство в наших водах неприемлемо ни с экономической, ни с геополитической точки зрения. Однако японцы были весьма настойчивы. Японское правительство, ссылаясь на стеснительные для его рыбаков меры, установленные рыболовной конвенцией, предложило русской стороне обсудить данный вопрос на специальном совещании. Известие об этом весьма встревожило русских промышленников, которые отправили Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру следующую телеграмму: «Представители японского министерства прибыли Владивосток, чтобы выхлопотать право японским шхунам входить во все реки и другие льготы, надеются успешно закончить свою миссию. От имени 30 рыбопромышленников охотско-камчатского района обращаемся к Вашему Высокопревосходительству со следующим: такое разрешение поставит японских промышленников в привилегированное положение, будет мешать русским промышленникам ловить рыбу в реках, открытых японцам, недостаточный надзор не в силах препятствовать незаконной торговле... рыбой, товарами и спиртом; в то же время русские промышленники связаны тяжелыми условиями, не будут в состоянии конкурировать, и край, безусловно, попадет под полное экономическое преобладание японской промышленности. Если ходатайство японцев будет удовлетворено, промышленники просят уравнивать их в правах с японцами, разрешив полную свободу найма рабочих и фрахтование всех судов на такой же срок, как оказаны льготы японцам. Просим поддержки нашего ходатайства перед министерством» [6. Л. 193–194].

Международное совещание состоялось в марте 1908 г. в Петербурге, с японской стороны в нем приняли участие чиновник министерства земледелия Кимигами и вице-консул Судзуки. По итогам работы совещания рыболовная конвенция 1907 г. была дополнена «Правилами производства рыболовного промысла» 1908 г. По некоторым техническим пунктам «домогательства японцев» были удовлетворены (например, было разрешено увеличивать по согласованию с русской стороной длину и ширину арендованных участков, использовать дополнительные неводы и т.д.) [6. Л. 90]. Между тем запрет на нахождение японцев в бухтах и реках Приамурского генерал-губернаторства был подтвержден, и, более того, снова были запрещены

стоянки, разрешенные в 1907 г. Главным управлением землеустройства и земледелия.

Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер по поводу запрета стоянок писал, что стоянки нужны японцам, «чтобы сноситься с нашим прибрежным населением, которое они мастерски подчиняют своему влиянию» (населению дают хлеб, орудия лова, товары, спирт и т.д., после чего хищническим ловом рыбы для японцев занимаются сами русские). С другой стороны, если давать право стоянки как льготу от генерал-губернатора, японцы предпочтут легальный путь (получить разрешение) и «вместо того, чтобы искать сообщничества нашего населения в своих противозаконных действиях, они будут обращаться к нашему правительству в законных пределах» [16. Л. 318]. Совещание министров иностранных дел, торговли и управления землеустройства и земледелия, обсудив проблему, вынесло решение, что для разрешения стоянок японцев необходимо обеспечение строгого надзора (а возможностей для этого пока нет), поэтому в 1908 г. стоянки следует запретить, но в будущем вопрос можно будет обсудить снова [16. Л. 318]. Дополнительно совет министров вынес решение, что на севере Приморской области остаются открытыми для иностранных судов Петропавловск на Камчатке и Александровск на Сахалине [17. Л. 60–64].

Тем не менее министр иностранных дел А.П. Извольский писал 26 апреля 1908 г. главноуправляющему землеустройством и земледелием Б.А. Васильчикову о последствиях отказа предоставить японцам льготы (право стоянки в запрещенных местах). По мнению министра, «японцы с присущим им упорством и беззастенчивостью начнут действовать косвенными средствами для достижения намеченной цели», поэтому принятое решение «послужит причиной целого рода конфликтов и недоразумений между японскими рыбаками и чинами надзора», что приведет в итоге к созданию неблагоприятной для общих отношений с Японией атмосферы. Японские промышленники начнут образовывать компании и союзы, приобретать пароходы, что усилит их деятельность и «поставит их в большую независимость от нашего надзора» [6. Л. 346–347].

Дальнейшие события показали, что министр как в воду глядел. В 1908 г. в Японии было образовано «Общество морских промыслов Приморской области» (Рорио Енкайшу Суйсан – Кумий), к которому прикнули почти все японские рыбопромышленники [7. Л. 153]. В том же 1908 г. разгорелся скандал по поводу восьми японских шхун, арестованных канонерской лодкой «Маньчжур» на Камчатке в навигацию 1908 г. Японский вице-консул в Николаевске Судзуки жаловался, что шхуны были арестованы неправомерно и что собственники шхун «потерпели крупные убытки» [6. Л. 74]. Для расследования дела он лично посетил Камчатку, где имел беседу с начальником Петропавловского узла Лехом. По ходу беседы выяснилось, что командир «Маньчжура» Огильви утверждал, будто арестованные японские шхуны «стояли на якоре и команды их ловили рыбу не на том месте, где им отведены участки, обозначенные в имеющихся у них документах, выданных управлением Государственных имуществ.

При дальнейшем разговоре с г-ном Сузуки выяснилось, что командир «Маньчжура» руководствовался при аресте шхун картами, изданными Морским министерством, а участки отдавались по карте, изданной Горным департаментом. По последней карте шхуны находились в том месте, где им отведены участки» [6. Л. 80–80 об.]. Сузуки требовал выработать однородную карту и настаивал на том, что даже если японские шхуны ловили рыбу в неполюженном месте, на них должен был быть наложен штраф, а не арест.

Из дальнейшей официальной переписки по делу арестованных японских шхун выяснились еще более интересные подробности. Начальником Приамурского управления государственных имуществ в 1908 г. был В.К. Бражников. По поводу конкретных условий аренды участков для рыбной ловли В.К. Бражников давал японским промышленникам некие разъяснения, но оные, как отметили официальные документы, «происходили частным порядком в форме предварительных переговоров В.К. Бражникова с упомянутыми делегатами и какими-либо взаимно обязывающим документом не скреплены. Нося такой характер, упомянутые разъяснения не могли, конечно, войти в письменную инструкцию, тем более – в инструкцию командующих военных судов» [6. Л. 90 об.–91]. Иными словами, В.К. Бражников о чем-то устно договорился с японскими арендаторами участков, но командиры русских сторожевых судов, которые должны были пресекать браконьерские действия, остались об этих договоренностях в полном неведении.

По поводу карт тоже все было не просто. В.К. Бражников в официальном письме Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру писал, что в Управлении имуществ были только старые карты побережья, неточные и неполные, «на этих картах рассматриваемая часть побережья имеет совершенно иную конфигурацию, нежели в действительности», поэтому японские арендаторы «были лишены возможности точно соблюсти указанное в списке местоположение их участков», и налагать на них взыскание несправедливо [6. Л. 135–136].

Впрочем, если по поводу шхун, арестованных канонерской лодкой «Маньчжур», сомнения были (кстати, в дальнейшем они были возвращены владельцам вместе с документами и разрешением на лов рыбы на арендованных участках), то в других случаях нарушения японцами конвенции были слишком очевидны. В ту же навигацию 1908 г. крейсером «Лейтенант Дымов» были арестованы следующие японские суда: 1) шхуна «Явато-Мару» – арестована 5 мая 1908 г. в бухте Находка, не имела права там находиться; 2) шхуна «Миура-Мару» – арестована 13 мая 1908 г. в бухте Ванино, «каковая бухта по рыболовной конвенции запрета для японских промыслов»; 3) шхуна «Эйфуку-Мару» – арестована 22 июня 1908 г. в Татарском проливе, «производила самовольный рыбный промысел без надлежащего разрешения на то место, где она занималась этим промыслом»; 4) шхуна «Хекуму-Мара» – арестована и сожжена на острове Большой Шантар (Курильские о-ва) за хищнический промысел пушнины; 5) шхуна «Кумао-Мару» – арестована 5 сентября в заливе Байкал на о-ве Сахалин, ловила рыбу, «не имея

разрешения». Крейсером «Командор Беринг» 23 августа 1908 г. была арестована японская шхуна «Мотоиси-Мару» – ловила рыбу в устье р. Ини, «на что не имела разрешения» [6. Л. 75–75 об., 92–92 об]. Транспорт «Шилка» в том же 1908 г. была арестована шхуна «Мийе-Мару», производившая хищнический промысел пушнины на Командорских островах, еще три шхуны («Мейхо-Мару», «Хейхо-Мару» и «Гисе-Мару») были обнаружены в Алучинском заливе п-ва Камчатка, стояли не на своем участке и были нагружены рыбой, на их владельцев был наложен штраф [6. Л. 117–120]. В целом за 1908 г. «Командор Беринг», «Лейтенант Дымов» и шхуна «Сторож» отметили 58 случаев нарушения японскими рыбопромышленниками рыболовной конвенции 1907 г. [18. С. 107].

Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер писал в записке от 17 декабря 1908 г.: «Ряд поступивших ко мне за последнее время сведений свидетельствует, что влияние японцев на жителей северных уездов Приморской области все увеличивается и что, не ограничиваясь уже производством рыбного промысла, часть японцев остается здесь круглый год. Например, по донесению начальника Петропавловского уезда, осенью сего года по западному побережью Камчатки почти в каждом селении осталось на зимовку по одному, по два японца, причем население к ним относится радушно и гостеприимно. Из тех же сведений и донесений видно, что японцы снабжают население дешевым контрабандным спиртом, дают им товары в долг, лечат их бесплатно, дают сельским властям взятки, получая за это разрешение нарушать рыболовные правила и прочее. Все это, по мнению местных представителей власти, склоняет симпатию жителей на сторону японцев, которые в недалеком будущем окончательно заберут в свои руки страну, если не будут приняты энергичные меры для противодействия их влиянию» [17. Л. 39].

Своеобразным дополнением к записке генерал-губернатора может служить письмо вице-консула в Хакода-те Троицкого русскому послу в Токио от 30 декабря 1908 г., в котором он писал о практике японцев по спаиванию населения Приморской области. Попытки самого Троицкого запретить японским рыбопромышленникам вывозить спирт наталкивались на противодействие русской таможни, которая «всячески покровительствует вывозу спирта», а низшие чины промыслового надзора, «угостившись от японцев, также закрывают глаза на их проделки» [17. Л. 99–103].

Итак, события 1908 г. показали, что русско-японская рыболовная конвенция 1907 г. не только не решила проблемы, связанные с японским рыболовным промыслом, но и породила новые. Для начала выяснилось, что она не была обеспечена даже чисто технически (были серьезные разночтения в картах Морского министерства, которыми руководствовались командиры сторожевых судов, и картах управления государственных имуществ, которыми руководствовались при отдаче в аренду морских рыболовных участков). Японская сторона сплошь и рядом нарушала условия конвенции, причем во многих случаях это делалось при попустительстве или даже прямой помощи чинов

местной администрации и / или местных жителей, которых японцы снабжали спиртом, лекарствами, товарами первой необходимости и т.д. «Народная дипломатия» явно оказывалась сильнее официальной, за чем со все возрастающей тревогой следила администрация Приамурского генерал-губернатора, не без оснований полагая, что японцы, не сумев захватить русский Дальний Восток территориально, теперь захватывают его экономически.

Примерно такая же картина наблюдалась и в 1909 г. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора в специальном докладе отмечала, что по р. Амур японцы имеют право арендовать только рыбодельные участки, главным действующим лицом на Амуре является японец Симада, проживающий в Николаевске. Означенный Симада снимает с торгов большую часть участков (в 1908 г. снял 16 участков) и затем переуступает их другим японским промышленникам. Японские суда часто посещают участки русских промышленников для приема рыбы и доставки ее на рыбодельные участки, но, поскольку посещать русские участки запрещено конвенцией, возникают постоянные конфликты. Командир крейсера «Лейтенант Дымов» объявил, что в 1909 г. будет арестовывать все японские суда, не имеющие консульских навигационных свидетельств, японцы, соответственно, осаждают вице-консула просьбами или выдать свидетельства, или выяснить, «на основании каких документов они могут заниматься скупкой и обработкой рыбы в Николаевском районе» [16. Л. 6]. Причем японский консул собирается выдавать свидетельства, но канцелярия против, так как это противоречит конвенции и предлагает японцам скупать рыбу на отведенных для сего участках или в открытых портах. Резюме канцелярии: «Посещение японскими судами русских рыболовных и японских рыбообделочных участков по Амуру до сих, по-видимому, допускалось беспрепятственно, почему изменение такого порядка вызовет недовольство со стороны русских и японских предприятий, но перед этим не следует остановиться» [16. Л. 8].

Итак, позиция администрации Приамурского генерал-губернаторства была однозначна – «не пущать!». Японцы, разумеется, будут недовольны, но этим недовольством власти собирались пренебречь. Однако внезапно обнаружилось, что интересы геополитические входят в конфликт с интересами экономическими, причем непосредственно русских промышленников. О последнем дает представление доклад Шипова, смотрителя за рыболовством при Приамурском управлении государственных имуществ. В докладе от 2 июня 1909 г. Шипов писал, что воспреещение захода японцев на речные рыбалки поставило в затруднение «всех без исключения арендаторов рыбалок и засолен», так как русский рынок вместить столько рыбы просто не в состоянии. «При создавшемся положении необходимо признать возможность массовой порчи рыбы, особенно горбуши, из которой в Россию закуплена почти исключительно одна икра; масса этой рыбы по вырезании икры будет непроизводительно уничтожаться тем или иным способом» [16. Л. 45]. Шилов также отметил, что, если не продать рыбу японцам, арендаторы не смогут запла-

тить аренду за участки. То есть рыба, которая уже выловлена, будет просто уничтожена, а русские арендаторы рыболовных участков разорятся.

Примечательно, что Приамурское управление государственных имуществ выводы Шилова подтвердило, отметив в своем докладе, что запрет доступа японских судов к русским рыболовным участкам «поставит рыбопромышленников как японских, так и русских, имеющих промыслы ниже Николаевска по Амуру до его лимана, в критическое положение», а потому следует «сохранить порядок прошлого года» [16. Л. 49]. Поскольку Приамурское управление государственных имуществ в своей деятельности руководствовалось больше экономическими интересами, чем политическими, оно закономерно сочло, что продать уже все равно выловленную рыбу японцам будет явно более выгодно, чем позволить ей сгнить, лишь бы не пустить японцев в неконвенционные воды.

После этого последовала бурная переписка между министерством иностранных дел, управлением земледелия и канцелярией Приамурского генерал-губернаторства, по итогам которой власти признали возможным «для нагрузки и выгрузки скупленной рыбы и соли допускать в навигацию сего года хождение между Николаевском и означенными участками японских судов, применяя к ним каботажные правила» [16. Л. 55].

Применение каботажных правил означало, что с японских судов стали брать каботажный сбор (пошлину), против чего тут же стал активно протестовать японский консул. В письмах к военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу консул указывал, что из-за каботажного сбора японцам приходится снижать цену на рыбу, поэтому весь промысел Николаевска и его торговля могут пострадать [16. Л. 104–105].

Впрочем, беспокоился японский консул напрасно. Управляющий государственными имуществами в Приамурском генерал-губернаторстве статский советник Михайлов в записке о рыбном промысле Николаевска отмечал, что благодаря принятым мерам лов рыбы теперь сосредоточен у русских промышленников, но основным рынком сбыта является Япония, в 1909 г. в Японию было экспортировано горбуши и кеты 17 522 920 штук (2 200 000 пудов), для транспортировки которых потребовалось 73 парохода и 69 шхун, а на внутренний рынок было вывезено всего 581 939 пудов, поэтому отказать японцам в закупке рыбы и рыбопереработке сейчас нецелесообразно (это вызовет кризис), а полное запрещение доступа японских судов на участки для вывоза рыбы «равносильно воспреещению сдачи участков», так как сильно удорожает обработку и вывоз рыбы и делает их убыточными [16. Л. 123–128].

Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в письме главноуправляющему землеустройством и земледелием с выводами Михайлова согласился лишь частично, написав, что его опасения «несколько преувеличены», так как из 15,5 млн штук рыбы, вывезенной в Японию, с доступных для иностранных судов участков вывезено 2,5 млн штук, с участков рядом с Николаевским рейдом – 1,5 млн штук, на русских судах – 3 млн штук, т.е. речь идет о 10 млн штук рыбы, поэтому возможный экономический кризис (если запре-

тить японцам посещать рыбопромышленные участки) «не будет затрагивать интересы действительно русских предприятий, а угрожает лишь тем русско-еврейским рыболовным хозяйствам, которые, работая почти исключительно на японский рынок и часто на японские деньги, не могут быть признаны нормальным явлением в русской культурной деятельности на Дальнем Востоке» [16. Л. 136]. В целом генерал-губернатор предложил разрешить каботаж только паровым судам, а для парусных судов – только в виде исключения.

С генерал-губернатором явно были несогласны русские промышленники, которые в телеграмме, посланной в мае 1910 г., буквально умоляли его разрешить стоянку японских судов на рыбных промыслах ниже Николаевска, иначе им всем грозит разорение (так как для доставки рыбы японцам самостоятельно просто нет достаточного количества бочек и грузовых судов) [16. Л. 153–156]. По итогам переписки между генерал-губернатором, министром иностранных дел, министром торговли и главноуправляющим управления землеустройства и земледелия стоянку японских судов на русских рыболовецких участках на 1910 г. все-таки разрешили. Министр иностранных дел А.П. Извольский, в частности, требовал разрешить стоянку японских судов, поскольку в противном случае русский рыболовный промысел и торговля на Амуре просто прекратят существование, так как основным рынком сбыта является Япония, «ломать условия этого промысла в пользу проблематичной возможности сохранить наши рыбные богатства для того, быть может, далекого будущего, когда они будут разрабатываться исключительно русскими силами и вывозиться исключительно на русских судах, было бы противно более широким задачам нашей политики, имеющим первостепенное значение» [16. Л. 182]. Между прочим, сумма каботажных пошлин, взятых с японских судов за 1909–1910 гг. составила 10 645 рублей [16. Л. 231], а проданная в Японию рыба исчислялась миллионами штук.

Общее представление о количестве рыбы, вывезенной в Японию из Николаевского района, дает табл. 3 [16. Л. 131].

По оценке С.Г. Кошкарева и С.С. Спиридонова, на Камчатке, где русские промышленники в 1910 г. получили право брать наиболее значимые участки на 12 лет на льготных условиях, русская рыбопромышленность все равно не могла конкурировать с японской, поскольку в значительной степени финансировалась японцами и находилась в полной зависимости от них в приобретении орудий лова [19. С. 16]. Согласно исследованию С.И. Вахрина, в 1910 г. на Камчатке работали два русских рыбоконсервных завода (Х.П. Бирича и К.В. Эккермана) и один японский (Сейроку Цуцуми), причем русские предприятия выработали 9 300 ящиков консервов, а японский завод – всего 700 [7. С. 153]. Но в целом Япония в 1910 г. выловила в российских дальневосточных конвенционных водах 4 млн пудов рыбы [7. С. 155]. В 1911 г. на Камчатке, согласно отчету губернатора Камчатки Перфильева, было выловлено 38 млн штук рыбы, из них 30 млн штук – японцами, а 8 млн – русскими промышленниками, но 2 млн штук из этих восьми было отправлено в Японию. Икры рус-

ские промышленники заготовили 45 тыс. пудов, причем большая часть из нее была скуплена из японских

рыбалок (т.е. японцы забирали рыбу, а русские – икру) [7. С. 155].

Таблица 3

Количество рыбы, вывезенной в Японию из Николаевского района

Годы	Пароходов, шт.	Шхун, шт.	Горбуши, шт.	Летней кеты, шт.	Осенней кеты, шт.
1899	9	33	–	1 835 700	698 000
1900	11	44	–	2 078 000	762 500
1901	15	37	–	2 598 120	931 380
1902	18	46	361 600	2 957 040	1 865 340
1903	23	65	320 000	3 010 800	1 764 120
1906	30	24	65 000	2 924 400	1 132 200
1907	64	44	1 483 200	4 945 000	2 849 598
1908	58	72	5 572 000	6 456 000	3 542 400
1909	73	69	2 206 720	11 170 620	4 145 580

Примечание. Составлено по: [16. Л. 131].

Примечательно, что в 1911 г. опять был поднят вопрос о разрешении или запрещении японцам посещать русские рыболовные участки для приема рыбы, снова последовала бурная дискуссия, главноуправляющий управления землеустройства и земледелия высказался в духе, что три четверти рыбы Амура идет в Японию, русский торговый флот на Дальнем Востоке пока малочислен, поэтому «внезапное полное воспрещение японским судам посещать рыбные промыслы в Амурском лимане могло бы тяжело отразиться на интересах русских рыбопромышленников, ограничив для них возможность сбыта рыбы на японский рынок» [16. Л. 185]. В итоге на сезон 1911 г. стоянки японских судов на русских рыбных промыслах разрешили, но тут же опять между ведомствами (министерство иностранных дел, министерство торговли, управление землеустройства и земледелия, канцелярия Приамурского генерал-губернатора) завязалась переписка на тему необходимости запретить японцам стоянки.

Таким образом, японское рыболовство в русских территориальных водах и после заключения рыболовной конвенции 1907 г. являлось камнем преткновения как между правительствами Японии и России, так и между самими российскими ведомствами. Власти на уровне Приамурского генерал-губернаторства, опасаясь влияния японцев на местное население, выступали за то, чтобы максимально ограничить (а еще лучше полностью запретить) проникновение японцев на территорию российского Дальнего Востока. Министерство торговли и управление землеустройства и земледелия, руководствуясь экономическими мотивами, выступали за то, чтобы не препятствовать вылову и скупке японцами рыбы в российских территориальных водах. Министерство иностранных дел балансировало между отстаиванием геополитических интересов России и сохранением добрососедских (насколько это возможно) отношений с Японией. Государственная Дума озабочена мерами надзора за японцами, правда, весьма ограниченными. По инициативе Государственной Думы в 1908 г. был принят закон об учреждении в Приамурском генерал-губернаторстве промыслового надзора сроком на два года (1909–1910). Закон предусматривал организацию береговой постоянной стражи путем создания отдельных постов в наиболее важных промысловых пунктах. В 1910 г. он был продлен Думой еще

на два года. К сожалению, на практике сразу возникли сложности с комплектованием штатов смотрителей и стражи, а также строительством судов охраны, так что реальная отдача от реализации закона оказалась весьма скромной [20. С. 48–50]. Также в 1909 г. морская таможенная полоса была увеличена до 12 морских миль, а в 1911 г. принят закон, по которому русским сторожевым судам было предписано задерживать иностранные суда в пределах 12-мильной прибрежной зоны [5. С. 17].

Помимо мер по усилению контроля над деятельностью японцев предпринимались также шаги по стимулированию отечественной рыбной промышленности на Дальнем Востоке. В районах, исключенных из действия конвенции, где ловить рыбу могли только русские промышленники (34 залива и все реки побережья), по инициативе управления землеустройства и земледелия в 1910 г. были введены льготные условия аренды рыболовных участков (увеличен срок аренды, снижены ставки налогов и т.д.; при этом нанимать иностранных рабочих запрещалось). Дополнительно в 1910–1911 гг. был понижен фрахт на рыболовные грузы, на 25% понижен железнодорожный тариф на провоз кеты и горбуши, разрешен провоз рабочих, нанятых на дальневосточные промыслы в центральных губерниях России, по льготному тарифу. В 1912 г. был разрешен беспошлинный ввоз предметов, необходимых русским рыбопромышленникам для ведения промысла на Дальнем Востоке [20. С. 52–55]. По оценке О.А. Яковлевой, принятые законодательные меры, хотя и способствовали развитию русской рыболовной промышленности на Дальнем Востоке, все же были недостаточными, «слабая информированность о реальной ситуации... в значительной степени снижала эффективность разрабатываемых мер», и к тому же «многие дальневосточные законопроекты воспринимались как второстепенные, частные как представителями исполнительной власти, так и думскими депутатами» [20. С. 56].

В целом японская рыбопромышленность на Дальнем Востоке продолжала доминировать над российской: с момента начала действия конвенции до начала Первой мировой войны японцы увеличили количество арендованных участков в 2 раза, за 1907–1914 г. японскими рыбопромышленниками было изготовлено 33 млн пудов рыбопродукции [21. С. 77]. По оценкам Т.З. Поз-

няка, на дальневосточных рыбных промыслах в 1912 г. работали около 14 тыс. японцев, в 1913 г. – свыше 16 тыс. [22. С. 32]. На Камчатке в 1912 г. из 132 рыболовных морских участков только 3 были арендованы русскими промышленниками, остальные 129 – японскими; на речных участках действовало много подставных лиц от японского рыбопромышленного капитала [7. С. 157]. По оценкам А.А. Курмазова, японское население на Камчатке к 1914 г. превысило русское (13–15 тыс. японцев против примерно 8,5–9,5 тысяч русских, считая сезонных рабочих). Наибольшую выгоду от эксплуатации рыбных богатств Камчатки извлекали японцы, хотя были и случаи взаимовыгодного сотрудничества. В их числе – так называемые «икряные сделки» (на русских участках зачастую заготавливалась только икра, а рыба выбрасывалась; благодаря «икряным сделкам» рыбу забирали японцы и использовали как сырье) [4. С. 396]. Попытки русских властей развивать местный промысел наталкивались как на конкуренцию со стороны японских рыбопромышленников (были более образованы и лучше оснащены, чем русские), так и на то, что русский и европейский рынки сбыта были труднодостижимы из-за расстояний. Русские рыбопромышленники не могли обходиться ни без японской техники и орудий лова, ни без японских рынков сбыта [4. С. 397].

Примечательно, что действия японцев в водах Дальнего Востока и местными властями в начале XX в., и позже – советскими историками – рассматривались как «широкомасштабная экономическая экспансия», при этом современные историки дают более осторожные оценки. В частности, В.А. Ильина пишет, что «зависимость формирующейся отечественной рыбопромышленности на окраинах Российской империи от японского капитала можно рассматривать не только как неизбежное зло, но и как экономически оправданный выход в сложившихся условиях» [21. С. 78]. Л.В. Волков считает, что «в результате длительного концессионного сотрудничества с Японией в макрорегионе начал активно развиваться морской рыболовный промысел, создавались перерабатывающие производства, формировалась экспортная направленность, чему в значительной степени способствовала диффузия в отечественное рыболовство японских технологий добычи и переработки водных биологических ресурсов» [14. С. 58].

В целом обращение к архивным материалам позволяет увидеть очень интересную картину взаимодействия между японскими предпринимателями и населением, промышленниками и властями Дальнего Востока. На низовом уровне речь шла, скорее, о взаимовыгодном сотрудничестве. Японцы снабжали население спиртом, солью, медикаментами и рядом товаров первой необходимости. Население укрывало японцев от судов надзора. Русские рыбопромышленники в лице японцев имели, с одной стороны, конкурентов. С другой стороны, Япония являлась крупнейшим рынком сбыта для русских рыбопромышленников, снабжала русскую промышленность необходимыми орудиями лова, частично давала необходимые финансовые средства и рабочую силу. Помимо этого, были еще и факты прямого сотрудничества, как взаимовыгодные экономические (например, русские промышленники добыва-

ли икру красной рыбы, а саму рыбу продавали японцам), так и спекулятивного характера (фиктивная аренда рыболовных участков русскими промышленниками с последующей передачей японцам). Объективно и русские, и японские промышленники способствовали уменьшению рыбных богатств Дальнего Востока, так как лов рыбы вели, по сути, хищническими методами. Поскольку японцы доминировали в рыбопромышленности в начале XX в., их можно с полным правом обвинить в «широкомасштабной экономической экспансии» (как это сделали советские историки), но при этом японцы способствовали, собственно, становлению российской рыбной промышленности, которая без их финансов, орудий лова и рынков сбыта просто не смогла бы встать на ноги.

Что касается местных властей, то на низовом уровне (сельские старосты и пр.) наблюдалась, скорее, поддержка японцев. На уровне области и губернаторства власти, несомненно, видели в японцах прямую угрозу экономическим, геополитическим и оборонным интересам России и рады были максимально сократить (или вовсе прекратить) проникновение японцев на русский Дальний Восток. Предпринимаемые ими административные меры (многочисленные правила производства рыбного промысла и т.п.) действительно сокращали (местами очень значительно) легальное проникновение японцев в русские территориальные воды, однако не устраняли нелегальное. Кроме того, вынужденные считаться с реалиями (зависимость русской рыбной промышленности от Японии как рынка сбыта), местные власти вынуждены были давать разрешение на проникновение японцев даже в неконвенционные воды (причем этот вопрос вставал каждый год после заключения Рыболовной конвенции 1907 г.). Центральные ведомства (министерство торговли, управление землеустройством и земледелием, министерство иностранных дел) склонны были скорее поддерживать деятельность японцев, нежели запрещать (об этом свидетельствует переписка между ведомствами). Государственная Дума приняла ряд законопроектов, призванных усилить надзор над японскими рыбопромышленниками и стимулировать русскую рыбную промышленность, но в целом вопрос охраны рыбных богатств Дальнего Востока оставался, скорее, на периферии государственного внимания. В итоге после заключения Рыболовной конвенции 1907 г. масштабы деятельности японских рыбопромышленников непрерывно росли. Противоречивая деятельность русской администрации (беспрерывное то разрешение, то запрещение одних и тех же действий) подвигла японцев повсеместно прибегать к методам «народной дипломатии» (напрямую договариваться с населением, промышленниками, лицами низовой администрации и даже чинами надзора), что, в свою очередь, только усиливало подозрения и враждебность властей Приамурского генерал-губернаторства. Примечательно, что отстаивание местными властями геополитических интересов Российской империи (причем гораздо более жесткое, чем со стороны центральных властей) сплошь и рядом шло вразрез с благополучием местных жителей.

Список источников

1. Дацишен В.Г. Японский труд в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России // Япония. История и археология : ежегодник. 2013. № 42. С. 237–249.
2. Алепо Н.А. Японское предпринимательство в Сахалинской промысловой акватории России в конце XIX – начале XX в. // Омский научный вестник. Исторические науки. 2009. № 2 (76). С. 64–68.
3. Трехсвятский А.В. Экономическое развитие Южного Сахалина и японское рыболовство. 1875–1905 гг. // Россия и АТР. 2002. № 1 (35). С. 90–103.
4. Курмазов А.А. Российско-японские рыболовные отношения в конце XIX – начале XX века // Известия ТИНРО. 2005. Т. 142. С. 391–402.
5. Гантимуров И.П. Защита экономических интересов России в области морского рыболовства на Дальнем Востоке (1821–1944 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2011. № 1. С. 13–21.
6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 2. Д. 190.
7. Вахрин С.И. Рыбачья летопись полуострова. Камчатка: 1896–2016 гг. Петропавловск-Камчатский : Дальпресс, 2018. 327 с.
8. Алепо А.В. Столкновение экономических интересов России и Японии на Дальнем Востоке в начале XX в. // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории : материалы междунар. науч. конф. Хабаровск : ХГПУ, 1997. С. 43–46.
9. Судзуки А. К российским берегам // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 37–41.
10. Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 190 с.
11. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 516.
12. Алепо А.В., Алепо Н.А. Японо-российские отношения в сахалинской промысловой акватории во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Восточного института. 2006. № 13. С. 68–82.
13. Воробьева Э.А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. 252 с.
14. Волков Л.В. Институциональные аспекты развития рыбной промышленности Дальнего Востока // Регионалистика. 2016. Т. 3, № 6. С. 56–68.
15. Кошкарёва С.Г. Камчатка в системе АТР (из исторического опыта первой половины XX в.) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (31). С. 9–13.
16. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 243.
17. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 221.
18. Ляпустин С.Н. Таможенный надзор и борьба с контрабандой на морском направлении Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (58). С. 102–111.
19. Кошкарёва С.Г., Спиридонов С.С. Русско-японские отношения на Камчатке в 1907–1923 гг.: к постановке проблемы исследования // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (31). С. 14–17.
20. Яковлева О.А. Законодательная деятельность Государственной думы и проблемы охраны Дальневосточного морского побережья в начале XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 2: История. С. 46–56.
21. Ильина В.А. Японский промышленный лов на Камчатке в 1907–1928 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 77–79.
22. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток : Дальнаука, 2004. 316 с.

References

1. Datsyshen, V.G. (2013) Yaponskiy trud v rybnoy promyshlennosti na Dal'nem Vostoke Rossii [Japanese labor in the fishing industry in the Russian Far East]. *Yaponiya. Istoriya i arkhologiya: ezhegodnik*. 42. pp. 237–249.
2. Alepko, N.A. (2009) Yaponskoe predprinimatel'stvo v Sakhalinskoy promyslovy akvatorii Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Japanese entrepreneurship in the Sakhalin fishing waters of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Istoricheskie nauki*. 2(76). pp. 64–68.
3. Trekhsvyatskiy, A.V. (2002) Ekonomicheskoe razvitiye Yuzhnogo Sakhalina i yaponskoe rybolovstvo. 1875–1905 gg. [Economic development of South Sakhalin and Japanese fisheries. 1875–1905]. *Rossiia i ATR*. 1(35). pp. 90–103.
4. Kurmazov, A.A. (2005) Rossiysko-yaponskie rybolovnye otnosheniya v kontse XIX – nachale XX veka [Russian-Japanese Fishing Relations in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Izvestiya TINRO*. 142. pp. 391–402.
5. Gantimurov, I.P. (2011) Zashchita ekonomicheskikh interesov Rossii v oblasti morskogo rybolovstva na Dal'nem Vostoke (1821–1944 gg.) [Protection of Russia's Economic Interests in Marine Fisheries in the Far East (1821–1944)]. *Vestnik DVO RAN*. 1. pp. 13–21.
6. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 2. File 190.
7. Vakhrin, S.I. (2018) *Rybat'skaya letopis' poluostrova. Kamchatka: 1896–2016 gg.* [Fishing Chronicle of the Peninsula. Kamchatka: 1896–2016]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Dal'press.
8. Alepko, A.V. (1997) Stoknovenie ekonomicheskikh interesov Rossii i Yaponii na Dal'nem Vostoke v nachale XX v. [The Clash of Economic Interests of Russia and Japan in the Far East in the Early 20th Century]. In: *Evolutsiya i revolyutsiya: opyt i uroki mirovoy i rossiyskoy istorii* [Evolution and Revolution: Experience and Lessons of World and Russian History]. Khabarovsk: KhSPU. pp. 43–46.
9. Sudzuki, A. (1992) K rossiyskim beregam [To the Russian Shores]. *Rossiia i ATR*. 2. pp. 37–41.
10. Sinichenko, V.V. (2003) *Pravonarusheniya inostrantsev na vostoке Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov* [Offenses of Foreigners in the East of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
11. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 1. File 516.
12. Alepko, A.V. & Alepko, N.A. (2006) Японо-российские отношения в сахалинской промысловой акватории во второй половине XIX – начале XX в. [Japanese-Russian relations in the Sakhalin fishing waters in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 13. pp. 68–82.
13. Vorobieva, E.A. (2020) *Voyna i obshchestvo. Sibir' i Dal'niy Vostok v gody Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg.* [War and Society. Siberia and the Far East during the Russo-Japanese War of 1904–1905]. Novosibirsk: NSTU.
14. Volkov, L.V. (2016) InstitutSIONAL'nye aspekty razvitiya rybnoy promyshlennosti Dal'nego Vostoka [Institutional aspects of the development of the fishing industry in the Far East]. *Regionalistika*. 3(6). pp. 56–68.
15. Koshkareva, S.G. (2018) Kamchatka v sisteme ATR (iz istoricheskogo opyta pervoy poloviny XX v.) [Kamchatka in the Asia-Pacific region system (from the historical experience of the first half of the 20th century)]. *Vestnik KRAUNT. Gumanitarnye nauki*. 1(31). pp. 9–13.
16. The Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 2. File 243.
17. The Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 2. File 221.
18. Lyapustin, S.N. (2012) Tamozhenny nadzor i bor'ba s kontrabandoy na morskoy napravlenii Dal'nego Vostoka Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [Customs supervision and the fight against smuggling in the maritime direction of the Russian Far East (late 19th – early 20th centuries)]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 1(58). pp. 102–111.

19. Koshkareva, S.G. & Spiridonov, S.S. (2018) Russko-yaponskie otnosheniya na Kamchatke v 1907–1923 gg.: k postanovke problemy issledovaniya [Russo-Japanese relations in Kamchatka in 1907–1923: Towards the formulation of the research problem]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki*. 1(31). pp. 14–17.
20. Yakovleva, O.A. (2008) Zakonodatel'naya deyatelnost' Gosudarstvennoy dумы i problemy okhrany Dal'nevostochnogo morskogo poberezh'ya v nachale XX veka [Legislative activity of the State Duma and problems of protection of the Far Eastern sea coast in the early 20th century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2. pp. 46–56.
21. Ilina, V.A. (2007) Yaponskiy promyshlennyy lov na Kamchatke v 1907–1928 gg. [Japanese industrial fishing in Kamchatka in 1907–1928]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 303. pp. 77–79.
22. Poznyak, T.Z. (2004) *Inostrannye poddannyye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Foreign subjects in the cities of the Russian Far East (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Vladivostok: Dal'nauka.

Сведения об авторе:

Воробьева Эвелина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: tinva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vorobyeva Evelina A. – Candidate of History Science, Associate Professor of the History and Political Science Department of Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tinva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 25.01.2021; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья

УДК 94(47+57):330.322.3"1870/1914"

doi: 10.17223/19988613/90/2

Институциональные источники формирования человеческого капитала в регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.)

Дмитрий Валерьевич Диденко

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
Москва, Россия, didenko-dv@ranepa.ru*

Аннотация. Статья сфокусирована на процессах формирования человеческого капитала в основных макрорегионах Российской империи: Восточной Европе, Сибири и Дальнем Востоке. Представлены результаты анализа длинных рядов данных о финансировании образования и здравоохранения в разрезе его институциональных источников. Основой источниковой базы исследования послужили губернаторские годовые отчеты. Построены динамические модели институциональной структуры источников накопления человеческого капитала в указанных макрорегионах в период перехода России к «современному экономическому росту», указаны характерные признаки региональных моделей формирования человеческого капитала.

Ключевые слова: длинные ряды данных, губернаторские годовые отчеты, образование, здравоохранение, пространственное неравенство

Для цитирования: Диденко Д.В. Институциональные источники формирования человеческого капитала в регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 17–29. doi: 10.17223/19988613/90/2

Original article

Institutional sources of human capital formation in the regions of European Russia, the Siberia, and the Far East (late 19th – early 20th centuries)

Dmitry V. Didenko

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation, didenko-dv@ranepa.ru*

Abstract. The paper is focused on the processes of human capital formation in the principal macroregions of the Russian Empire: Eastern Europe, Siberia, and the Far East. We present our results of the long series analysis of financing education and healthcare as regards their institutional sources.

The study is aimed at discovering common patterns and features of the role of institutional sectors of the economies in the macroregions as the sources of their human capital formation during Russia's transition to 'modern economic growth' (as the term was coined by S. Kuznets) in the late 19th – early 20th centuries.

The study is based on annual governors' reports. Their information potential is discussed in this paper. By utilizing their quantitative evidence, we have constructed our dynamic models of institutional structure of the sources of human capital accumulation (in tabular form).

We analyze the following institutional sectors: central government (secular powers represented by the Ministry of Public Enlightenment and other agencies, primarily the Ministry of Defense); clerical powers (the Holy Synod and various church communities); administrations of regional and local levels; rural self-governments of the lower level (*volost'* and *mir* communities); urban communities; enterprises; households. The data are related to organized forms of education and health care, they do not cover the respective services provided at home.

In the conclusion we formulate the characteristics of the models of human capital formation in the three macroregions of the country.

In European Russia the first place in the total expenditures for education belonged to the *zemstvos* since the end of the 1860s till the 1900s. But the central government increased its share of funds and by the early 1910s had taken over in education financing. At the same time, it remained much less active in the healthcare sector and could even reduce its share of funds in certain periods.

The Far East was distinguished by an elevated share of funds from the central government (in the field of education it became prevalent as early as in the 1880s), a depressed role of regional dues; a steadily growing and fairly significant share of the funds from the urban communities by the end of the period under study.

Siberia demonstrates an intermediate position between the regions of European Russia and the Far East. The central government funds became prevalent in the late 19th century. The funds from local self-governments of the lower level (rural and urban communities) were comparable to that of European Russia, while urban funds played a much more modest role as compared with the Far East.

The author suggests that the economic history approach allows to discover the sources of divergences and convergences in trajectories of institutional development of the three Russia's macroregions which have been realized to a large extent in the Soviet and post-Soviet periods.

Keywords: long time series, annual governors' reports, education, health care, spatial inequality

For citation: Didenko, D.V. (2024) Institutional sources of human capital formation in the regions of European Russia, the Siberia, and the Far East (late 19th – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 17–29. doi: 10.17223/19988613/90/2

Введение

Развивая первые результаты реконструкции процессов накопления человеческого капитала (накопленные и воплощенные в человеке знания и навыки, которые становятся средством для производства новых благ с добавленной стоимостью [1. С. 49–155; 2]) и его роли в социально-экономическом развитии регионов России в дореволюционный период [3], мы смещаем внимание от центра (Европейская Россия) к окраинам (Сибирь и Дальний Восток) и расширяем выборку регионов страны.

Цель нашего исследования – установление общих закономерностей и особенностей роли институциональных секторов экономики как источников накопления человеческого капитала в основных макрорегионах Российской империи при переходе к «современному экономическому росту» в конце XIX – начале XX в. Такой режим роста характеризуется тем, что основным фактором экономической динамики становится повышение производительности на основе применения в материальном и нематериальном производстве новых знаний в результате развития науки и образования [4].

Для понимания особенностей формирования человеческого капитала в разных регионах России важно получить ответы на вопрос, насколько в этих процессах проявлялись характерные черты, специфические для региональных моделей. Впервые для этого привлекаются количественные свидетельства из годовых губернаторских отчетов.

Поставленные вопросы выходят на проблематику пространственного неравенства, очень важную для понимания типа развития России как страны с большой территорией, обладающей повышенной социокультурной гетерогенностью. Такая дифференциация являлась следствием разнотемпового изменения социальных, экономических, политических институтов и практик в отдельных регионах. Полученные результаты важны для понимания устойчивости региональных характеристик человеческого капитала России.

Человеческий капитал регионов в историко-экономической литературе

Отдельное направление в научной литературе последних лет – создание и внедрение в исследовательскую практику рядов исторических данных, характеризующих различные показатели человеческого капитала. Они существенно расширяют эмпирическую базу сравнительных и страновых исследований, ведут к проверке ранее выдвинутых гипотез, постановке новых вопросов и проблем. Широко используются электронные наборы данных по средней продолжительности обучения. Р. Барро и Д.-Х. Ли рассчитывали соответствующие данные по бывшему СССР (в ранних версиях своего набора данных) и большинству его республик за период 1950–2010 гг. Данные в [5] о средней продолжительности обучения по возрастным когортам и трем уровням образования доступны на электронном ресурсе <http://www.barrolee.com>; данные в [6] о средней продолжительности обучения по отдельным странам за 1870–2010 гг. и об охвате тремя уровнями образования за 1820–2010 гг. доступны на электронном ресурсе http://barrolee.com/Lee_Lee_LRdata.htm. Некоторые исследователи (данные в [7] доступны на электронном ресурсе <http://www.oecd.org/dataoecd/33/13/2669521.xls>; обновленная версия набора данных из [8] доступна на электронном ресурсе https://www.bbva-research.com/wp-content/uploads/migrados/WP_1220_tcm348-357479.pdf) не включали эти страны в свои выборки, а К. Моррисон и Ф. Мюртен приводили некоторые количественно выраженные предположения [9].

База данных экономического развития Пруссии XIX в., составленная в CESifo (описание этой базы данных см.: [10]), содержит ряды следующих показателей человеческого капитала: количество учащихся, учителей в разрезе учебных заведений различного уровня, объемы их финансирования и оплаты труда работников образования, грамотность населения; количество занятых в сельском хозяйстве, мануфактурах и фабриках, в сфере услуг; оплата труда рабочих. На

основе их количественного анализа С. Беккер и соавт. сделали вывод, что распространение элементарной грамотности способствовало ускорению адаптации новых технологий и догоняющему (по отношению к Великобритании) индустриальному развитию регионов Пруссии в разных отраслях [11].

Параллельно с данным проектом возникла интернет-платформа, интегрировавшая основательно документированные базы исторических данных, в том числе по развитию образования в Германии за последние 200 лет в менявшихся границах (описание этой базы данных см.: [12]). Некоторые длинные ряды представлены в разрезе ее отдельных государственных образований, земель и муниципалитетов, в наибольшей степени – по Пруссии.

Я.Л. ван Занден и его научная школа (Утрехтский университет и Международный институт социальной истории) активно исследовали процессы накопления человеческого капитала в доиндустриальных экономиках в межстрановом сопоставлении. Я.-Л. ван Занден измерял человеческий капитал уровнем распространением книжной продукции, элементарной и количественной грамотности [13. Р. 85–88, 190–197]. Особое внимание отводилось им эффективности использования человеческого капитала, т.е. динамике премии за квалификацию [13. Р. 149–176]. Уровень дифференциации оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда, как и уровень процентных ставок, выбран в качестве аппроксимирующего показателя для оценки качества институтов [13. Р. 19–31, 175–176, 222–223, 291–294].

В рамках проекта Clio-Infra под руководством Я.-Л. ван Зандена был собран значительный массив исторических количественных данных (с XVI по начало XXI в.) по различным аспектам человеческого капитала, развития и благосостояния в страновом представлении. Тематические узлы данных включают показатели формирования человеческого капитала (преимущественно в сфере образования) и демографии (ожидаемая продолжительность жизни, смертность), антропометрии (вес, рост), цен и зарплат, политических институтов, социально-экономических неравенств (в том числе в гендерном аспекте). Однако в размещенном на интернет-сайте проекта массиве [14] доступны только производные данные, без первичных. Кроме того, Россия представлена слабее, чем многие другие страны сопоставимого уровня развития.

В соавторстве с коллегами по указанному проекту Clio-Infra Д.В. Диденко создан массив исторических данных по различным аспектам человеческого капитала, формируемого преимущественно в сфере образования, а также науки и здравоохранения, и экономического развития (ВВП, физический капитал в текущих и постоянных ценах) в бывшем СССР и республиках на его территории (в основном за период с 1920-х по 1990-е гг.). Этот массив приложен к электронной версии статьи [15] (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122>), в которой представлены подробная характеристика источников и методология составления соответствующих временных рядов. Характеристика

методов расчетов результирующих показателей также приведена в [16].

Данные о финансировании отраслей формирования человеческого капитала в регионах России представлены в электронном наборе данных, созданном научным коллективом под руководством Х. Кесслера и А.М. Маркевича (доступны данные и документация к ним за 1795, 1897, 1959 и 2002 гг.) [17]. Соответствующие потоки инвестиций также представлены количеством обучавшихся в разных уровнях институционализированного образования.

По итогам изучения совокупности историко-экономической литературы можно сделать вывод, что в наибольшей степени продвинулись работы, посвященные накоплению и использованию регионального человеческого капитала в других странах, в России / СССР – в отношении советского и постсоветского периодов, в гораздо меньшей степени – в отношении дореволюционного периода.

Особенности информации в источниках исторических данных

Данные по образованию появляются в губернаторских отчетах с 1850–1855 гг. и касаются главным образом количества учащихся в учебных заведениях разных уровней и типов. Однако до 1870-х гг. они очень редко корреспондируют с соответствующими статьями объемов финансирования. Как правило, в период с начала 1870-х гг. по 1916 г. соответствующая информация становится значительно насыщеннее. С отменой строгой формы (с 1898 г.) она была преимущественно представлена в обзорах, являвшихся приложениями к губернаторским отчетам (в разделах «Народное образование» и «Народное здравие и общественное призрение»). Как правило, они представляют количественные свидетельства в разрезе источников (в укрупненном виде – институциональных секторов региональной экономики) и в значительно меньшей степени – получателей финансирования (образовательных и медицинских учреждений). При этом представление соответствующих данных характеризуется неоднородностью как во времени, так и между губерниями.

Как было отмечено Н.П. Дятловой в одном из первых источниковедческих исследований губернаторских отчетов, они представляют собой «ценный», а выпущенные с 1898 г. – «ценнейший» источник именно для изучения отдельных районов Российской империи [18. С. 238, 243].

Другое крупное источниковедческое исследование Б.Г. Литвака было сосредоточено на информации о продукции аграрного и промышленного секторов экономики и на периоде 1840–1860-х гг., когда ведомости по образованию и здравоохранению не входили в утвержденный формуляр, но могли время от времени попадать в Ведомость № 15 «Статистические сведения» [19. С. 142–205]. Указанная Ведомость № 15 и Ведомость 23 «О состоянии народонаселения в губернии» были оценены как содержащие сведения с «вероятной» достоверностью [19. С. 185, 196].

В более поздней литературе также указывалось на высокий информационный потенциал губернаторских отчетов [20]. В частности, Т.А. Кискидосовой отмечено, что они являются «ценным» источником по изучению состояния медицины и образования в городах и округах Восточной Сибири [21. С. 52]. Однако качество информации об объемах финансирования данных отраслей в губернаторских отчетах по регионам Сибири и Дальнего Востока оценивается нами значительно ниже, чем по регионам Европейской России. Это касается полноты, уровня детализации, структурной однородности и непрерывности рядов статистических данных. В связи с этим мы шире, чем в отношении Европейской России, использовали данные из указанных ниже дополнительных источников за отдельные годы.

Мы выборочно сопоставляли данные из губернаторских отчетов с другими источниками по государственному финансированию в региональном разрезе, основу которых составляла ведомственная статистика за отдельные годы [22], по финансированию со стороны органов местного самоуправления губернского, уездного, волостного и мирского уровней, основу которой составляла отчетность местных органов [23–25; 26. С. 56–57; 27. С. 398–411, 432–433, 458–459], а также с оценками из научной литературы

Результаты сопоставлений показывают, что завышение объемов земского финансирования (на 20–25%) частично компенсировало занижение объемов государственного финансирования (во многих случаях в 2–3 раза за счет недоучета финансирования со стороны иных ведомств, помимо профильного Министерства народного просвещения). При этом авторы губернаторских отчетов были склонны занижать данные о финансировании со стороны низших уровней местного самоуправления (волости и миры), которое играло сравнительно небольшую роль.

Тем не менее содержащаяся в губернаторских отчетах информация об образовании и здравоохранении вряд ли подвергалась сознательному искажению, и ее достоверность может быть оценена как приемлемая. Для восполнения пробелов в данных и неполноты учета широко применялись методы реконструкции длинных рядов соответствующих показателей (интер-, ретро- и экстраполяции).

Динамическая институциональная структура инвестиций в человеческий капитал: макрорегиональные модели

Для понимания источников накопления человеческого капитала принципиальное значение имеет их институциональная структура, причем меняющаяся во времени. Структурные изменения предполагают наличие качественных процессов в экономических системах, т.е. их развитие. Рассмотрим, насколько в этом отношении различались крупнейшие макрорегионы Российской империи.

Европейская Россия. В отношении Европейской России общую выборку составили 8 земских губерний в сфере образования и 7 земских губерний в сфере здравоохранения, данные по которым обладают достаточной степенью полноты и достоверности.

В нашей модели финансирования сферы **образования** наблюдаются следующие тенденции структурной динамики (табл. 1): основная (но не преобладающая) роль земств (до начала 1910-х гг.); расширение участия центрального правительства, которое в начале 1910-х гг. оставило земства позади; заметная доля участия Святейшего Синода, характеризовавшаяся сильными колебаниями вокруг уровня, слабо изменившегося за почти полувековой период; снижение доли мирских и волостных средств сельских обществ; повышение роли средств городов в 1870-е гг. с сильными колебаниями вокруг стабильного уровня в последующем.

В сфере финансирования **здравоохранения** наша модель институциональных источников финансирования демонстрирует следующие тенденции структурной динамики (табл. 2): преобладающая роль земств; значительно более низкая (по сравнению со сферой образования) роль центрального правительства; повышенная концентрация сельских органов местного самоуправления низового уровня на начальном этапе; с течением времени повышение доли уездных земств за счет снижения низовых органов местного самоуправления; умеренное снижение доли центрального правительства; отсутствие определенной тенденции к изменению доли средств городов (несмотря на сильные колебания во времени).

Таблица 1

Сводная институциональная структура источников финансирования образования по выборке земских губерний Европейской России (в % от суммы за год)

Годы	Центральное Правительство	Святейший Синод и церковные братства	Земства	Мирские и волостные средства	Городские средства	Предприятия, (благотворительность)	Домохозяйства (оплата за обучение)
1914	36,7	10,4	34,7	2,7	13,6	1,1	0,7
1913	41,0	7,5	37,0	1,7	7,6	2,1	3,1
1912	46,6	8,5	34,6	1,2	4,0	2,2	2,9
1911	34,6	9,9	37,7	2,6	11,9	2,0	1,3
1910	34,5	9,8	45,7	1,8	4,8	2,0	1,4
1909	28,5	14,9	40,9	3,5	5,4	4,6	2,1
1908	26,7	13,8	43,0	3,8	5,8	5,2	1,7
1907	31,1	16,0	33,1	5,5	6,9	5,5	1,8
1906	27,8	13,9	33,9	6,2	10,5	5,9	1,7
1905	29,6	11,5	32,5	7,0	11,3	6,2	1,9
1904	27,0	15,4	28,8	7,6	11,5	7,2	2,5

Окончание табл. 1

Годы	Центральное Правительство	Святейший Синод и церковные братства	Земства	Мирские и волостные средства	Городские средства	Предприятия, (благотворительность)	Домохозяйства (оплата за обучение)
1903	28,3	13,8	35,0	5,8	9,9	3,9	3,3
1902	28,9	15,5	36,0	6,3	6,0	4,2	3,0
1901	28,3	15,3	36,6	4,8	5,2	6,2	3,6
1900	22,8	16,0	33,1	5,7	4,6	10,9	6,9
1899	22,3	14,3	32,0	6,3	8,3	11,7	5,2
1898	24,2	16,1	35,1	5,6	9,0	6,2	3,9
1897	28,5	12,7	29,9	9,0	10,9	2,8	6,2
1896	22,9	10,8	34,9	8,6	12,5	7,5	2,8
1895	23,3	11,0	29,7	10,1	12,5	10,5	2,9
1894	22,7	6,0	34,2	10,2	14,6	9,3	3,0
1893	23,8	10,7	27,3	11,8	13,5	9,3	3,7
1892	24,6	9,0	31,5	11,8	11,6	8,3	3,2
1891	23,9	6,3	36,7	11,5	10,3	7,5	3,9
1890	28,6	5,5	30,5	13,2	10,3	8,2	3,8
1889	24,9	9,1	34,4	11,2	9,5	7,8	3,3
1888	21,2	8,5	35,3	12,7	10,4	9,4	2,6
1887	30,7	4,4	35,4	10,2	10,5	6,0	2,8
1886	28,7	5,9	34,0	11,1	11,1	6,0	3,2
1885	23,5	4,4	37,8	11,7	13,9	5,5	3,1
1884	21,1	8,7	38,9	9,5	13,9	4,9	3,0
1883	21,9	8,5	40,7	9,6	11,2	5,9	2,2
1882	23,3	8,1	44,3	9,9	10,9	2,6	0,8
1881	23,4	12,6	37,9	8,8	11,8	2,7	2,7
1880	20,9	12,2	41,8	10,6	10,1	3,6	0,7
1879	25,4	13,5	34,7	9,7	10,2	4,2	2,3
1878	23,6	13,0	38,2	10,2	10,0	2,9	2,2
1877	22,6	10,7	37,1	13,3	11,4	2,6	2,2
1876	22,7	12,6	37,7	16,2	5,7	3,5	1,5
1875	18,5	18,8	39,8	13,5	6,5	2,8	0,1
1874	20,2	17,5	34,2	15,7	7,7	3,2	1,6
1873	20,6	19,7	32,9	15,8	4,1	4,9	2,0
1872	29,2	23,1	33,1	4,4	6,5	1,4	2,3
1871	24,5	24,0	23,1	15,6	6,2	3,9	2,8
1870	19,0	21,4	28,8	18,6	8,5	1,4	2,3

Примечание. Рассчитано по губернаторским годовым отчетам по Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Курской, Пермской, Рязанской, Саратовской губерниям [17, 22, 28–35].

Таблица 2

**Сводная институциональная структура источников финансирования здравоохранения
по выборке земских губерний Европейской России (в % от суммы за год)**

Годы	Центральное Правительство	Губернское земство	Уездные земства	Городские средства	Мирские и волост- ные средства	Частные средства и прочие
1914	3,6	16,9	59,1	10,3	4,9	5,3
1913	3,0	18,8	59,5	9,7	4,4	4,6
1912	3,6	21,7	55,8	7,8	3,5	7,7
1911	3,5	21,5	54,3	10,2	4,7	5,8
1910	3,0	23,9	57,5	7,1	3,0	5,4
1909	2,9	27,9	53,3	6,5	3,1	6,2
1908	4,2	22,0	58,4	3,7	3,0	8,7
1907	2,5	29,4	55,2	8,5	1,2	3,1
1906	3,3	25,0	51,7	11,3	4,6	4,0
1905	3,8	31,2	46,8	8,8	4,0	5,4
1904	3,3	23,8	53,1	10,8	5,4	3,7
1903	3,9	24,1	51,0	11,1	5,9	4,0
1902	4,1	28,8	53,1	6,0	2,8	5,3
1901	4,3	33,6	52,4	6,1	2,1	1,5
1900	4,6	24,2	53,6	4,7	3,2	9,7
1899	3,9	34,8	42,8	6,0	5,1	7,3
1898	4,4	34,1	43,1	5,2	5,6	7,6
1897	4,9	27,8	47,1	4,5	6,6	9,2
1896	5,0	24,5	48,7	4,4	7,5	10,0
1895	4,0	34,5	46,8	5,5	6,7	2,5
1894	5,3	32,4	44,8	5,2	4,8	7,5
1893	4,8	33,7	38,0	5,7	13,6	4,1
1892	5,0	27,6	28,2	30,6	4,8	3,8
1891	5,9	29,9	35,1	22,0	4,3	2,8

Окончание табл. 2

Годы	Центральное Правительство	Губернское земство	Уездные земства	Городские средства	Мирские и волостные средства	Частные средства и прочие
1890	5,6	28,7	43,0	6,7	11,5	4,5
1889	6,9	14,5	51,1	7,8	13,8	5,9
1888	6,7	12,7	56,1	5,0	14,8	4,7
1887	4,6	13,8	53,9	6,4	13,3	8,0
1886	5,9	13,3	51,7	8,2	17,0	4,0
1885	6,0	10,6	51,8	7,5	9,6	14,4
1884	5,9	13,8	51,9	5,8	8,6	14,0
1883	6,3	11,1	52,2	5,6	9,8	15,0
1882	6,9	11,7	49,8	5,2	10,3	16,2
1881	5,5	12,8	52,7	6,5	19,1	3,4
1880	6,6	12,5	48,7	5,5	11,0	15,8
1879	10,7	14,5	56,2	7,1	7,3	4,3
1878	10,8	19,1	46,5	16,7	3,4	3,5
1877	8,7	20,0	53,1	10,0	4,6	3,6
1876	10,1	22,2	48,2	7,8	7,3	4,4
1875	5,4	19,9	38,3	4,4	26,5	5,4
1874	6,3	12,0	38,8	4,5	32,6	5,9
1873	5,7	22,5	34,1	3,9	30,7	3,1
1872	13,3	23,4	40,4	10,0	9,4	3,5
1871	5,6	22,6	28,9	6,9	31,0	5,1
1870	5,7	16,6	31,9	9,3	30,0	6,4

Примечание. Рассчитано по губернаторским годовым отчетам по Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Курской, Пермской, Рязанской, Саратовской губерниям [17, 22, 28, 29, 32, 33, 35–37].

Таким образом, в регионах Европейской России, в которых на протяжении полувека действовало земское самоуправление, именно ему принадлежало первое место по доле финансирования обеих отраслей формирования человеческого капитала до начала XX в. Центральное правительство устойчиво занимало второе место по финансированию образования, на протяжении рассматриваемого периода расширяло свою долю и в начале 1910-х гг. опередило земства, выйдя на первое место. Но оно проявляло значительно меньшую активность в финансировании здравоохранения, в отдельные периоды могло снижать свою долю финансирования этой отрасли, которая по крайней мере не возросла за период запуска и начала «современного экономического роста» в России. Это вело к различным тенденциям пространственной дифференциации в накоплении человеческого капитала в сферах образования (преобладание признаков ослабления) и здравоохранения (наличие признаков усиления).

Дальний Восток. Для регионов современного Дальнего Востока были характерны частые изменения политико-административной принадлежности территорий. С 1884 г. Амурская, Приморская и Забайкальская области входили в состав Приамурского генерал-губернаторства, выделенного из состава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства [38. С. 87]. В отличие от губерний, в областях военная и гражданская власти были практически неразделенными (военные губернаторы по совместительству выполняли гражданские административные функции); кроме того, в составе вооруженных сил широко присутствовали формирования с особым статусом (казаки).

Регионы Дальнего Востока в сфере финансирования **образования** демонстрируют значительно более высокую роль средств центрального правительства по сравнению с регионами европейской части России (табл. 3). При этом если в европейской выборке отсутствовали города с университетами (единственным вузом был

Демидовский лицей в Ярославле), то во Владивостоке в 1899 г. был открыт Восточный институт (для изучения основных языков региона), в 1920 г. преобразованный в университет [39]. На Дальнем Востоке доля средств центрального правительства уже в 1880-е гг. превосходила долю каждого из других источников. В первую очередь это были средства Министерства народного просвещения, в то время как роль Святейшего Синода была ниже, чем в европейских регионах. Существенную роль играли средства Военного министерства. Значительно более скромную роль по сравнению с Европейской Россией играли земские сборы. Их распорядителями, в отсутствие учреждений местного самоуправления, выступали представители центрального правительства. Причем роль земских сборов на Дальнем Востоке была ниже даже по сравнению с Архангельской губернией, в которой местное самоуправление также отсутствовало [3. С. 528–529]. В то же время по мере колонизационной урбанизации, как правило, росла доля средств городов, что слабо проявлялось в Европейской России.

Различия между структурной динамикой институциональных источников финансирования образования в Приморской и Амурской областях состоят в том, что доля средств центрального правительства в первой понижалась, в то время как во второй росла. В Приморской области это, скорее всего, связано с увеличением доли гражданского населения и распространением общероссийских образовательных практик в процессе колонизации территории. С этим же могли быть связаны более быстрое повышение доли средств городов и увеличение доли частного предпринимательского сектора, которая в Амурской области понижалась.

В сфере финансирования **здравоохранения** регионы Дальнего Востока по сравнению с Европейской Россией также демонстрируют повышенную долю центрального правительства, которая уменьшалась с течением времени, пониженную роль земских сборов, повышенную и увеличивавшуюся долю средств городов. Последняя

была более весомой в Амурской области. Причем доля земских сборов в одних регионах возрастала (Примор-

ская область), в других – снижалась (Амурская и Забайкальская области) (табл. 4).

Таблица 3

Сводная институциональная структура источников финансирования образования на Дальнем Востоке Российской империи (в % от суммы за год)

Годы	Центральное Правительство	Святейший Синод и церковные братства	Земские сборы	Мирские и волостные средства	Городские средства	Предприятия (благотворительность)	Домохозяйства (оплата за обучение)
1914	60,6	1,8	5,1	3,2	21,9	5,6	1,8
1913	59,5	2,0	5,5	3,3	21,9	6,0	1,7
1912	57,6	2,0	5,5	3,3	23,8	6,1	1,8
1911	58,7	2,3	5,4	3,2	22,9	5,7	1,8
1910	54,6	1,9	5,0	3,3	24,8	8,7	1,7
1909	54,0	2,0	5,2	3,5	26,5	7,2	1,7
1908	50,5	1,8	7,0	3,3	27,7	8,1	1,7
1907	51,5	1,7	6,4	2,8	26,8	9,1	1,8
1906	50,6	1,7	6,5	3,0	27,7	8,7	1,7
1905	51,8	1,8	6,1	2,9	27,2	8,4	1,8
1904	53,7	1,8	5,9	3,0	25,9	7,9	1,8
1903	55,1	1,9	5,7	3,0	24,8	7,7	1,8
1902	56,8	1,9	5,5	3,0	23,6	7,5	1,8
1901	65,3	2,2	3,0	3,5	20,0	4,2	1,8
1900	64,7	2,3	5,4	3,7	18,8	3,4	1,7
1899	76,3	2,1	2,6	4,4	11,7	1,8	1,0
1898	70,0	2,5	1,8	3,8	17,2	3,0	1,8
1897	71,9	2,0	1,8	3,3	15,9	3,2	2,0
1896	71,0	1,9	3,3	3,2	12,6	6,2	1,8
1895	74,5	1,9	2,3	2,4	11,8	5,1	1,9
1894	75,9	2,0	1,7	3,2	10,8	4,6	1,9
1893	74,8	1,9	1,9	2,9	11,6	5,0	1,9
1892	74,7	2,0	1,8	3,0	11,3	5,3	1,9
1891	70,7	1,8	1,6	2,7	10,1	11,1	1,8
1890	74,5	1,9	1,7	2,9	10,5	6,6	1,9
1889	59,3	16,1	1,5	6,6	9,3	5,6	1,6
1888	72,9	2,0	1,6	3,3	10,1	8,4	1,7
1887	70,4	2,3	1,7	4,1	11,5	8,6	1,5
1886	51,4	3,0	2,3	6,2	16,8	19,9	0,4
1885	50,3	2,9	2,2	6,0	15,9	22,2	0,4
1884	49,4	2,9	2,2	5,9	15,2	24,2	0,4
1883	46,5	2,6	2,0	5,4	12,7	30,5	0,3
1882	45,9	2,6	1,9	5,3	12,3	31,6	0,3
1881	45,4	2,5	1,8	5,2	12,0	32,7	0,3

Примечание. Рассчитано по губернаторским годовым отчетам по Приморской, Амурской областям [17, 22, 40, 41].

Таблица 4

Сводная институциональная структура источников финансирования здравоохранения на Дальнем Востоке Российской империи (в % от суммы за год)

Годы	Центральное Правительство	Земские сборы	Городские средства	Мирские и волостные средства	Частные средства и прочие
1914	24,2	13,3	48,1	0,3	14,1
1913	31,2	14,5	34,9	0,4	19,0
1912	35,1	10,7	37,0	0,3	16,9
1911	17,8	38,0	30,4	0,7	13,1
1910	40,7	16,6	28,1	0,6	14,0
1909	41,8	17,8	27,9	0,7	11,8
1908	28,1	16,4	39,4	1,0	15,2
1907	27,8	18,2	32,6	0,9	20,5
1906	30,7	17,6	25,8	1,0	25,0
1905	29,5	21,3	22,3	0,9	25,9
1904	29,0	23,0	25,9	0,9	21,2
1903	31,8	20,0	27,8	1,0	19,4
1902	22,9	22,5	32,6	0,9	21,1
1901	31,7	20,0	29,3	0,8	18,2
1900	30,4	19,6	29,1	0,7	20,1
1899	34,1	20,3	21,9	0,7	23,0
1898	35,0	20,5	19,6	0,6	24,3
1897	49,3	21,9	13,2	0,6	15,1
1896	39,1	23,3	15,4	0,4	21,8

Окончание табл. 4

Годы	Центральное Правительство	Земские сборы	Городские средства	Мирские и волостные средства	Частные средства и прочие
1895	37,0	26,8	12,5	0,3	23,4
1894	39,3	28,5	12,8	1,2	18,3
1893	37,6	26,9	11,6	1,1	22,8
1892	37,6	28,9	11,6	1,2	20,7
1891	38,6	31,5	11,4	1,2	17,2
1890	34,6	31,0	10,7	1,2	22,5
1889	33,5	32,7	9,4	1,2	23,1
1888	32,4	34,6	8,3	1,2	23,4
1887	37,1	33,2	6,1	1,2	22,4
1886	20,5	15,5	32,4	0,8	30,8
1885	22,5	16,1	31,2	0,8	29,4
1884	31,6	17,9	19,6	0,8	30,1
1883	32,3	18,2	20,4	0,7	28,5
1882	34,2	18,6	18,5	0,7	27,9
1881	36,2	19,0	16,8	0,7	27,3
1880	38,2	19,4	15,2	0,6	26,6
1879	40,1	19,8	13,7	0,6	25,8
1878	42,0	20,2	12,3	0,6	25,0
1877	43,8	20,6	11,0	0,5	24,1
1876	45,5	20,9	9,8	0,5	23,2
1875	47,3	21,3	8,7	0,5	22,3
1874	48,9	21,6	7,7	0,4	21,3
1873	50,5	21,9	6,9	0,4	20,4
1872	52,0	22,2	6,1	0,4	19,4
1871	53,4	22,5	5,3	0,3	18,4
1870	54,8	22,7	4,7	0,3	17,5

Примечание. Рассчитано по губернаторским годовым отчетам по Приморской, Амурской и Забайкальской областям [17, 22, 40–42].

Таким образом, институциональные структуры обеих отраслей формирования человеческого капитала на российском Дальнем Востоке демонстрируют во многом общие характеристики, отличающие их от Европейской России: повышенную долю средств центрального правительства (в сфере образования стала преобладающей), пониженную роль земских сборов, возрастающую и к концу рассматриваемого периода довольно весомую долю средств городов. При этом следует отметить нестабильность финансирования со стороны центрального правительства, особенно на начальном этапе. Резкое увеличение средств от него часто происходило при наступлении чрезвычайных обстоятельств (например, эпидемий, наводнений).

Сибирь. Выборку регионов Сибири составили наиболее плотно населенные Енисейская, Иркутская, Тобольская, Томская губернии. В этих четырех регионах в сфере финансирования **образования** наблюдаются тенденции структурной динамики, которые можно охарактеризовать как промежуточные между Европейской Россией и Дальним Востоком (табл. 5). Роль центрального правительства была выше, чем в Европейской России, но ниже, чем на Дальнем Востоке. Средства из данного источника стали преобладающими в конце XIX в. (против середины 1880-х гг. на Дальнем Востоке), в то время как в Европейской России они к концу имперского периода не превысили 46,6%. В свою очередь, средства за счет земских сборов, которые являлись основным источником в европейских земских губерниях, в Сибири имели гораздо меньшее значение, но занимали при этом более важное место по сравнению с Дальним Востоком. Доля этих средств колебалась, но в конце имперского периода мало отличалась от начала 1870-х гг. По сравнению с регионами Евро-

пейской России меньшее значение имели средства Святейшего Синода. Средства местного самоуправления нижнего уровня (миров-общин, волостей, городов) занимали сопоставимое место с губерниями Европейской России, причем городские средства – значительно более скромное место по сравнению с Дальним Востоком. Если доля средств нижнего уровня сельского самоуправления в Сибири не показывала определенно выраженной динамики, то доля средств городов несколько снизилась с конца XIX в. Также снизилась доля частного предпринимательского сектора.

Динамика доли средств центрального правительства в Енисейской губернии в большей степени соответствовала общестрановой тенденции, в то время как в Иркутской на протяжении всего рассматриваемого периода демонстрировала повышенные значения. В Томской губернии финансирование центральным правительством основного в 1878 г. университета [43] составляло около 23% средств на все губернское образование за 1897 г. [17]. Земские сборы играли значительно большую роль в финансировании образования в Енисейской губернии по сравнению с Иркутской. Напротив, в Иркутской губернии значительно большую роль, чем в Енисейской, играли мирские и волостные средства.

В сфере финансирования **здравоохранения**, как и в сфере образования, регионы Сибири демонстрируют промежуточное положение между областями Дальнего Востока и Европейской России (табл. 6). Их отличает в несколько раз более высокая доля средств центрального правительства, которая умеренно снижалась. В то же время роль финансирования из земских сборов была еще более значительной, чем в европейских губерниях, причем она увеличивалась с течением времени. Напро-

тив, доля городских средств понижалась, в отличие от Дальнего Востока (где она возрастала) и Европейской России (где она не показала определенно выраженной долгосрочной динамики). Как и в других макрорегио-

нах, в Сибири снизилась доля средств частных лиц и предпринимательского сектора, которая по величине доли была ближе скорее к областям Дальнего Востока, чем к Европейской России.

Таблица 5

Сводная институциональная структура источников финансирования образования в российской Сибири (в % от суммы за год)

Годы	Центральное Правительство	Святейший Синод и церковные братства	Земские сборы	Мирские и волостные средства	Городские средства	Предприятия (благотворительность)	Домохозяйства (оплата за обучение)
1914	53,0	12,8	12,7	4,5	5,9	7,1	4,1
1913	50,6	12,6	12,0	4,6	7,2	7,4	5,7
1912	49,9	11,9	13,0	5,0	7,1	7,9	5,2
1911	58,4	11,3	8,1	4,8	4,9	9,6	3,0
1910	55,3	10,5	9,2	5,1	6,0	10,2	3,7
1909	49,0	11,8	8,9	6,5	5,7	14,0	4,2
1908	56,2	10,3	9,6	5,2	6,4	9,1	3,3
1907	56,6	10,6	9,8	5,0	6,4	8,5	3,1
1906	58,0	9,0	9,3	5,0	6,1	9,5	3,1
1905	57,4	11,2	9,6	4,7	6,4	8,1	2,7
1904	59,1	11,1	9,9	4,6	5,9	7,6	1,9
1903	57,7	12,0	9,3	4,7	6,1	7,7	2,5
1902	56,4	15,5	8,7	4,2	6,2	7,3	1,8
1901	57,0	12,0	10,3	5,4	6,4	7,2	1,6
1900	59,6	13,0	9,4	4,5	5,8	6,6	1,2
1899	56,0	14,6	9,5	5,5	6,6	7,0	0,9
1898	56,9	11,8	10,1	5,8	7,2	6,5	1,8
1897	54,2	13,2	8,5	5,2	7,0	9,8	1,9
1896	51,3	13,5	9,2	5,4	6,5	11,8	2,2
1895	53,4	14,2	9,5	5,4	6,9	8,5	2,1
1894	52,3	14,2	9,3	5,9	6,9	9,1	2,3
1893	49,8	14,6	9,4	6,1	6,8	10,7	2,6
1892	51,2	15,7	9,9	6,5	7,3	7,9	1,7
1891	46,0	14,9	9,2	6,2	7,1	13,4	3,3
1890	46,6	15,6	10,0	6,5	7,6	11,4	2,3
1889	44,2	15,1	8,1	6,3	6,9	15,9	3,5
1888	46,0	16,5	8,9	7,0	8,2	10,9	2,5
1887	48,6	8,5	10,1	8,0	8,4	13,9	2,4
1886	51,6	7,6	11,5	7,6	10,1	10,0	1,6
1885	33,9	7,0	15,5	9,0	10,3	21,0	3,2
1884	40,7	5,2	10,5	4,0	7,1	31,3	1,1
1883	33,2	9,7	20,3	7,0	11,3	16,7	1,9
1882	26,4	7,2	12,2	5,9	18,6	26,9	2,8
1881	33,9	10,1	13,8	13,9	9,6	15,0	3,7
1880	47,0	2,6	16,3	10,3	10,2	13,1	0,5
1879	46,6	2,6	16,7	10,2	10,0	13,2	0,7
1878	46,9	2,6	16,9	10,2	10,1	12,6	0,7
1877	47,8	2,7	16,8	11,0	10,8	10,2	0,6
1876	51,0	2,5	17,6	11,0	8,4	9,0	0,6
1875	41,5	3,0	19,6	12,3	11,7	11,4	0,6
1874	44,5	3,3	18,3	12,7	11,4	9,2	0,6
1873	51,4	2,7	16,5	10,9	10,7	7,5	0,4
1872	50,8	2,7	17,1	10,6	10,2	8,2	0,4
1871	47,9	2,8	17,9	12,6	12,0	6,5	0,4
1870	55,0	2,3	15,5	11,2	10,5	5,3	0,3

Примечание. Рассчитано по губернаторским годовым отчетам по Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской губерниям [17, 22, 44–47].

Таблица 6

Сводная институциональная структура источников финансирования здравоохранения в российской Сибири (в % от суммы за год)

Годы	Центральное Правительство	Земские сборы	Городские средства	Мирские и волостные средства	Частные средства и прочие
1914	29,8	51,3	11,2	2,3	5,4
1913	32,6	54,8	9,5	1,7	1,4
1912	30,1	56,2	9,2	2,6	1,9
1911	30,5	55,3	9,1	2,7	2,5
1910	38,9	46,4	8,6	2,6	3,5
1909	31,0	52,1	7,1	2,7	7,0

Окончание табл. 6

Годы	Центральное Правительство	Земские сборы	Городские средства	Мирские и волостные средства	Частные средства и прочие
1908	29,3	51,2	9,8	2,9	6,8
1907	27,5	53,9	10,3	3,1	5,1
1906	25,1	55,0	10,0	2,9	6,9
1905	24,7	54,6	12,7	3,3	4,8
1904	31,1	48,5	10,0	3,5	6,8
1903	25,0	49,1	11,9	3,6	10,4
1902	26,0	50,1	8,3	3,3	12,2
1901	27,1	51,7	11,4	4,7	5,1
1900	32,9	43,9	14,4	4,1	4,7
1899	36,5	45,4	8,3	3,4	6,5
1898	33,6	47,2	9,1	2,8	7,2
1897	36,3	43,8	9,4	3,4	7,1
1896	35,8	41,4	9,7	4,2	8,9
1895	39,7	41,8	10,7	1,1	6,7
1894	36,0	39,4	10,2	3,8	10,6
1893	35,1	40,8	10,8	3,6	9,6
1892	34,0	40,1	10,0	3,2	12,7
1891	36,1	41,4	10,1	3,4	9,1
1890	40,2	39,8	9,6	3,7	6,7
1889	34,5	38,6	15,1	3,0	8,8
1888	37,1	36,5	13,7	3,1	9,6
1887	36,7	36,7	17,2	3,1	6,3
1886	34,3	33,5	14,1	4,4	13,7
1885	36,2	32,9	15,5	6,5	9,0
1884	36,7	33,8	16,4	5,2	8,0
1883	36,2	32,7	16,9	5,4	8,8
1882	36,3	31,0	17,8	2,8	12,1
1881	35,9	29,7	19,8	6,2	8,4
1880	34,6	30,6	18,1	6,4	10,2
1879	33,3	29,6	19,2	7,0	11,0
1878	30,3	26,3	25,3	7,1	11,0
1877	29,0	25,0	28,7	5,7	11,6
1876	27,8	25,2	27,5	9,6	9,9
1875	27,5	22,1	28,6	9,8	12,0
1874	26,1	21,1	32,2	9,0	11,5
1873	29,5	25,4	24,8	8,6	11,7
1872	28,9	24,8	26,5	7,9	12,0
1871	30,1	26,8	25,7	6,0	11,4
1870	29,7	26,4	23,8	8,7	11,4

Примечание. Рассчитано по губернаторским годовым отчетам по Енисейской, Иркутской, Тобольской губерниям [17, 22, 44–46].

Процесс замещения финансирования центрального правительства средствами от земских сборов отчетливо проявлялся в Енисейской губернии, в то время как повышение доли земских сборов в Иркутской губернии происходило главным образом за счет средств городов. Снижение доли средств частных лиц и предпринимательского сектора в большей степени наблюдалось в Иркутской губернии.

Таким образом, в Сибири отмечалась повышенная роль светских ведомств в финансировании образования, которая с конца XIX в. стала превосходить долю других источников. При этом роль Святейшего Синода характеризуется как пониженная. В сфере здравоохранения доля средств центрального правительства с течением времени уменьшалась.

По сравнению с Европейской Россией роль органов местного самоуправления (местных представителей центрального правительства, выполнявших соответствующие функции) характеризуется как пониженная в сфере образования, но как не менее существенная в сфере здравоохранения. При этом в сфере образования доля данного источника не имела определенно выраженной тенденции, в то время как в сфере здравоохранения была склонна к повышению.

Роль органов сельского самоуправления низового уровня в сфере образования была сопоставима с уровнем Европейской России без определенно выраженной тенденции к изменению во времени. В сфере здравоохранения роль этих органов не была значительной.

Роль средств городского самоуправления в сфере здравоохранения была важной на начальном этапе при выраженной тенденции к понижению (как и в сфере образования).

В обеих сферах накопления человеческого капитала в Сибири зафиксирована тенденция к понижению доли средств организаций и домохозяйств.

Заключение

Процессы формирования человеческого капитала в периоды запуска и начала современного экономического роста протекали в российских регионах неравномерно. Построенная нами динамическая институциональная структура процессов накопления человеческого капитала в макрорегионах Российской империи является эвристически ценным инструментом для сравнительного анализа траекторий развития макрорегионов. Она позволяет выделять общее и особенное на

разных этапах социально-экономического развития, сопоставлять тенденции общестрановые, характерные для отдельных регионов и их групп. Это выводит на характеристику признаков региональных моделей формирования человеческого капитала.

Следует выделить две различные модели для Европейской России и Дальнего Востока, в то время как Сибирь занимала промежуточное положение между ними.

Общей закономерностью в сфере образования является то, что средства центрального правительства, представленного светскими ведомствами, в первую очередь Министерством народного просвещения, существенно способствовали накоплению человеческого капитала и играли выравнивающую роль в сокращении пространственного неравенства на территории единой страны. Роль средств региональных и местных органов управления, а также предприятий и домохозяйств в той или иной мере понизилась к концу рассматриваемого периода по сравнению с его началом. Это не касается средств городского самоуправления, роль которых в той или иной степени возрастала на фоне бурных процессов урбанизации.

Общей закономерностью в сфере здравоохранения является преобладание средств региональных и местных органов управления (в Европейской России – до-

минирование) при слабой роли центрального правительства, которая в той или иной степени становилась еще менее выраженной с течением времени.

Ключевые отличия заключаются в начальном уровне средств центрального правительства (самая высокая – на Дальнем Востоке, самая низкая – в Европейской России), местных органов управления (самая высокая – в Европейской России, самая низкая – на Дальнем Востоке), в распределении расходов между разными уровнями местных органов управления (в Европейской России основную часть несли земства, на Дальнем Востоке – города). Соответственно, отличались темпы движения в рамках отмеченных общестрановых тенденций.

Полученные результаты анализа процессов формирования человеческого капитала в основных макрорегионах России важны в контексте поиска ответа на вопрос о том, каково место данного периода в более долговременном процессе накопления человеческого капитала и его роли в экономическом развитии страны. Историко-экономический взгляд в данном ракурсе позволяет увидеть источники расхождений и сближений в траекториях институционального развития указанных макрорегионов, которые в значительной степени реализовались в советский и постсоветский периоды.

Список источников

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М. : ГУ-ВШЭ, 2003. 670 с.
2. Schultz T.W. The Economic Value of Education. New York : Columbia University Press, 1963. 92 p.
3. Didenko D.V. The role of institutional sectors of regional economy in human capital formation in European Russia (late 19th – early 20th centuries) // Вестник Пермского университета. Сер. Экономика. 2019. Т. 14, № 4. С. 518–536. doi: 10.17072/1994-9960-2019-4-518-536
4. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven ; London : Yale University Press, 1966. 529 p.
5. Barro R., Lee J.-W. A New Data Set of Educational Attainment in the World, 1950–2010 // Journal of Development Economics. 2013. Vol. 104. P. 184–198. (Данные см.: <http://www.barrolee.com>).
6. Lee J.-W., Lee H. Human capital in the long run // Journal of Development Economics. 2016. Vol. 122, September. P. 147–169. (Данные см.: http://barrolee.com/Lee_Lee_LRdata.htm).
7. Cohen D., Soto M. Growth and Human Capital: Good Data, Good Results // Journal of Economic Growth. 2007. Vol. 12, № 1. P. 51–76. (Данные см.: <http://www.oecd.org/dataoecd/33/13/2669521.xls>).
8. Doménech R., de la Fuente A. Human capital in growth regressions: how much difference does data quality make? // Journal of the European Economic Association. 2006. Vol. 4, № 1. P. 1–36.
9. Morrisson C., Murtin F. The century of education // Journal of Human Capital. 2009. Vol. 3, № 1. P. 1–42.
10. Becker S.O., Cinnirella F., Hornung E., Woessmann L. iPEHD – The ifo Prussian economic history database // Historical Methods: a Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. 2014. Vol. 47, № 2. P. 57–66. (Данные см.: <https://www.ifo.de/en/iPEHD>).
11. Becker S.O., Hornung E., Woessmann L. Education and Catch-Up in the Industrial Revolution // American Economic Journal: Macroeconomics. 2011. Vol. 3, № 3. P. 92–126. doi: 10.1257/mac.3.3.92
12. Diebolt C., Franzmann G., Hippe R., Sensch J. The power of big data: Historical time series on German education // Journal of Demographic Economics. 2017. Vol. 83, № 3. P. 329–376. (Данные см.: <https://histat.gesis.org>).
13. Van Zanden J.L. The Long Road to the Industrial Revolution: The European economy in a global perspective, 1000–1800. Leiden : Koninklijke Brill NV, 2009. 342 p.
14. Clio Infrastructure / Global History Hubs. URL: <http://www.clio-infra.eu>.
15. Didenko D., Földvári P., Van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4, № 2. P. 123–135 + Supplementary data. doi: 10.1016/j.euras.2013.03.002
16. Van Leeuwen B., Didenko D., Földvári P. Inspiration versus perspiration in economic development of the Former Soviet Union and China (ca. 1920–2010) // Economics of Transition. 2015. Vol. 23, № 1. P. 213–246.
17. Кесслер X., Маркевич А. Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII–XXI вв. URL: <http://ristat.org/>, <https://datasets.iisg.amsterdam/dataverse/RISTAT>
18. Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л. : Наука, 1964. С. 227–246.
19. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М. : Наука, 1979. 294 с.
20. Бражникова А.С. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12 (303): История. Вып. 55. С. 83–89.
21. Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 50–53.
22. Яснопольский Н.П. Приложения к исследованию о географическом распределении государственных расходов в России : статистические таблицы, картограммы и диаграммы. Киев : Тип. Киевского Имп. ун-та св. Владимира, В.И. Завадского, 1897. Ч. 2. 619 с.
23. Бычков Н.М. Финансы крупнейших русских городов. М. : Гор. тип., 1894. 139 с.
24. Мирские доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России / М-во финансов, Деп. окладных сборов. СПб., 1909. 401 с.
25. Статистика Российской Империи. СПб. : Центр. стат. комитет М-ва внутренних дел, 1898. Т. 39: Мирские доходы и расходы за 1894 год в 50 губерниях Европейской России. 190 с.

26. Статистический временник Российской империи. Серия III. СПб. : Центр. стат. комитет М-ва внутренних дел, 1886. Вып. 16: Доходы и расходы губернских и уездных земств за 1883 год. 83 с.
27. Статистический ежегодник на 1914 г. Год издания третий / под ред. В.И. Шараго. СПб. : Совет съездов представителей промышленности и торговли, 1914. 849 с.
28. Обзор Вологодской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Вологда, 1871–1915.
29. Обзор Воронежской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Воронеж, 1872–1916.
30. Обзор Вятской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Вятка, 1871–1916.
31. Обзор Калужской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Калуга, 1871–1915.
32. Обзор Курской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Курск, 1870–1916.
33. Обзор Пермской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Пермь, 1870–1916.
34. Обзор Рязанской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Рязань, 1871–1915.
35. Обзор Саратовской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Саратов, 1871–1915.
36. Обзор Екатеринославской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Екатеринослав, 1890–1913.
37. Обзор Пензенской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Пенза, 1880–1915.
38. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М. : Директ-Медиа, 2014. 592 с.
39. История ДВФУ // Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, 2020. URL: www.dvfu.ru/about/history
40. Обзор Приморской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Владивосток, 1871–1916.
41. Обзор Амурской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Благовещенск, 1871–1916.
42. Обзор Забайкальской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Чита, 1885–1911.
43. История названия ТГУ // Томский государственный университет. Томск, 2020. URL: www.tsu.ru/university/tsutoday/istoriya_nazvaniya_tgu.php
44. Обзор Енисейской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Красноярск, 1871–1916.
45. Обзор Иркутской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Иркутск, 1870–1916.
46. Обзор Тобольской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Тобольск, 1871–1916.
47. Обзор Томской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету) [по годам]. Томск, 1882–1914.

References

1. Becker, G.S. (2003) *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works on Economic Theory]. Moscow: HSE.
2. Schultz, T.W. (1963) *The Economic Value of Education*. New York: Columbia University Press.
3. Didenko, D.V. (2019) The role of institutional sectors of regional economy in human capital formation in European Russia (late 19th – early 20th centuries). *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Ekonomika*. 14(4). pp. 518–536. DOI: 10.17072/1994-9960-2019-4-518-536
4. Kuznets, S. (1966) *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven; London: Yale University Press.
5. Barro, R. & Lee, J.-W. (2013) A New Data Set of Educational Attainment in the World, 1950–2010. *Journal of Development Economics*. 104. pp. 184–198.
6. Lee, J.-W. & Lee, H. (2016) Human capital in the long run. *Journal of Development Economics*. 122(September). pp. 147–169.
7. Cohen, D. & Soto, M. (2007) Growth and Human Capital: Good Data, Good Results. *Journal of Economic Growth*. 12(1). pp. 51–76.
8. Doménech, R. & de la Fuente, A. (2006) Human capital in growth regressions: how much difference does data quality make? *Journal of the European Economic Association*. 4(1). pp. 1–36.
9. Morrisson, C. & Murtin, F. (2009) The century of education. *Journal of Human Capital*. 3(1). pp. 1–42.
10. Becker, S.O., Cinnirella, F., Hornung, E. & Woessmann, L. (2014) iPEHD – The ifo Prussian economic history database. *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 47(2). pp. 57–66.
11. Becker, S.O., Hornung, E. & Woessmann, L. (2011) Education and Catch-Up in the Industrial Revolution. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 3(3). pp. 92–126. DOI: 10.1257/mac.3.3.92
12. Diebolt, C., Franzmann, G., Hippe, R. & Sensch, J. (2017) The power of big data: Historical time series on German education. *Journal of Demographic Economics*. 83(3). pp. 329–376.
13. Van Zanden, J.L. (2009) *The Long Road to the Industrial Revolution: The European economy in a global perspective, 1000–1800*. Leiden: Koninklijke Brill NV.
14. EU. (n.d.) *Clio Infrastructure / Global History Hubs*. [Online] Available from: <http://www.clio-infra.eu>.
15. Didenko, D., Földvári, P. & Van Leeuwen, B. (2013) The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset. *Journal of Eurasian Studies*. 4(2). pp. 123–135 + Supplementary data. DOI: 10.1016/j.euras.2013.03.002
16. Van Leeuwen, B., Didenko, D. & Földvári, P. (2015) Inspiration versus perspiration in economic development of the Former Soviet Union and China (ca. 1920–2010). *Economics of Transition*. 23(1). pp. 213–246.
17. Kessler, H. & Markevich, A. (n.d.) *Elektronnyy arkhiv Rossiyskoy istoricheskoy statistiki, XVIII–XXI vv.* [The Electronic Archive of Russian Historical Statistics, 18th – 21st centuries]. [Online] Available from: <http://ristat.org/>, <https://datasets.iisg.amsterdam/dataverse/RISTAT>
18. Dyatlova, N.P. (1964) Otchet gubernatorov kak istoricheskii istochnik [Reports of governors as a historical source]. In: Bedin, V.V. (ed.) *Problemy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya* [Problems of Archival and Source Studies]. Leningrad: Nauka. pp. 227–246.
19. Litvak, B.G. (1979) *Ocherki istochnikovedeniya massovoy dokumentatsii XIX – nachala XX v.* [Essays on source studies of mass documentation of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
20. Brazhnikova, A.S. (2013) Gubernatorskiy otchet: izuchenie istochnika v otechestvennoy istoriografii [The Governor's Report: A Study of the Source in Domestic Historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12(303). pp. 83–89.
21. Kiskidosova, T.A. (2016) Governor's annual reports as a source for the research of the urban population of Eastern Siberia in the 1850s – 1880s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 50–53. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/8
22. Yasnopolskiy, N.P. (1897) *Prilozheniya k issledovaniyu o geograficheskom raspredelenii gosudarstvennykh raskhodov v Rossii : statisticheskie tablitsy, kartogrammy i diagrammy* [Appendices to the study of the geographical distribution of government expenditures in Russia: Statistical tables, cartograms, and diagrams]. Vol. 2. Kiev: St. Vladimir Kiev Imperial University, V. I. Zavadsky.
23. Bychkov, N.M. (1894) *Finansy krupneyshikh russkikh gorodov* [Finances of the largest Russian cities]. Moscow: Gor. tip.
24. Ministry of Finance, Department of Tax Collections. (1909) *Mirskie dokhody i raskhody za 1905 god po 50 guberniyam Evropeyskoy Rossii* [Municipal income and expenses for 1905 in 50 provinces of European Russia]. St. Petersburg: Ministry of Finance, Department of Tax Collections.
25. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1898) *Statistika Rossiyskoy Imperii* [Statistics of the Russian Empire]. Vol. 39. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
26. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1886) *Statisticheskiy vremennik Rossiyskoy imperii. Seriya III* [Statistical Timeline of the Russian Empire. Series III]. Vol. 16. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
27. Sharago, V.I. (ed.) (1914) *Statisticheskiy ezhegodnik na 1914 g. God izdaniya tretyi* [Statistical Yearbook for 1914. Third year of publication]. St. Petersburg: Council of Congresses of Representatives of Industry and Trade.

28. Russia. (1871–1915) *Obzor Vologodskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Vologda Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Vologda: [s.n.].
29. Russia. (1872–1916) *Obzor Voronezhskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Voronezh Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Voronezh: [s.n.].
30. Russia. (1871–1916) *Obzor Vyatskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Vyatka Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Vyatka: [s.n.].
31. Russia. (1871–1915) *Obzor Kaluzhskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Kaluga Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Kaluga: [s.n.].
32. Russia. (1870–1916) *Obzor Kurskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Kursk Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Kursk: [s.n.].
33. Russia. (1870–1916) *Obzor Permskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Perm Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Perm: [s.n.].
34. Russia. (1871–1915) *Obzor Ryazanskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Ryazan Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Ryazan: [s.n.].
35. Russia. (1871–1915) *Obzor Saratovskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Saratov Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Saratov: [s.n.].
36. Russia. (1890–1913) *Obzor Ekaterinoslavskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Ekaterinoslav Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Ekaterinoslav: [s.n.].
37. Russia. (1880–1915) *Obzor Penzenskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of the Penza Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Penza: [s.n.].
38. Datsyshen, V.G. (2014) *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX – nachale XX vv.* [History of Russian-Chinese Relations in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Direkt-Media.
39. Far Eastern Federal University, Russia. (2020) *Istoriya DVFU* [History of FEFU]. [Online] Available from: www.dvfu.ru/about/history
40. Russia. (1871–1916) *Obzor Primorskoy oblasti (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of the Primorsky Region (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Vladivostok: [s.n.].
41. Russia. (1871–1916) *Obzor Amurskoy oblasti (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of the Amur Region (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Blagoveshchensk: [s.n.].
42. Russia. (1885–1911) *Obzor Zabaykal'skoy oblasti (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of the Transbaikalian Region (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Chita: [s.n.].
43. Tomsk State University. (2020) *Istoriya nazvaniya TGU* [History of the name of TSU]. [Online] Available from: www.tsu.ru/university/tsutoday/istoriya_nazvaniya_tgu.php.
44. Russia. (1871–1916) *Obzor Eniseyskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of the Yenisei Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Krasnoyarsk: [s.n.].
45. Russia. (1870–1916) *Obzor Irkutskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of the Irkutsk Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Irkutsk: [s.n.].
46. Russia. (1871–1916) *Obzor Tobol'skoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of the Tobolsk Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Tobolsk: [s.n.].
47. Russia. (1882–1914) *Obzor Tomskoy gubernii (Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu) [po godam]* [Overview of Tomsk Province (Appendix to the Most Faithful Report) [by year]]. Tomsk: [s.n.].

Сведения об авторе:

Диденко Дмитрий Валерьевич – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, профессор кафедры социальной и экономической истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Москва, Россия). E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Didenko Dmitry V. – Doctor of Economics, Candidate of Historical Sciences, a leading researcher at the Centre for Studies in Economic and Social History, professor of the Department of Social and Economic History of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russian Federation). Email: didenko-dv@ranepa.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.09.2020; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 07.09.2020; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья
УДК 94(47).084.3
doi: 10.17223/19988613/90/3

Двухпартийность в Крестьянской секции ВЦИК: практики взаимодействия большевиков и левых эсеров

Илья Анатольевич Концевой

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ilkontsevov@gmail.com

Аннотация. Рассматривается взаимодействие большевиков и левых эсеров в Крестьянской секции ВЦИК в период формирования советского государственного аппарата. Исследуются практики совместной работы представителей двух партий и делается вывод о том, что их взаимодействие в Крестьянской секции оказало влияние на проведение аграрной политики государства. Несмотря на существовавшие разногласия, большевики и левые эсеры стремились не только к конфронтации, но и к поискам компромиссных решений.

Ключевые слова: Мария Спиридонова, Владимир Ленин, большевики, левые эсеры, российское крестьянство, аграрная политика, революция

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Концевой И.А. Двухпартийность в Крестьянской секции ВЦИК: практики взаимодействия большевиков и левых эсеров // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 30–39. doi: 10.17223/19988613/90/3

Original article

The dual-party system in the Peasant section of the Central Executive Committee: practices of interaction between the Bolsheviks and the left SRS

Ilya A. Kontsevov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, ilkontsevov@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the research of the problem of interaction between the Bolsheviks and the left socialist-revolutionaries in the Peasant section of the C.E.C. – autonomous institution, which was an important state body for conducting of agrarian policy in the first six months of Soviet power. The purpose of the study is to characterize the methods of interaction between representatives of the two parties in the Peasant section and to illustrate the conflicts that occurred between the Bolsheviks and the left SRs within the framework of this state institution. Based on archival sources and materials of personal origin, the author examines the practices of interaction between representatives of the Bolshevik party and the left socialist-revolutionaries, studies the features of their joint work in the Peasant section, which included both cooperation and numerous conflicts. The article examines the process of formation of the Peasant section of the C.E.C. and its state activities in the conditions of the dual-party system. The author also examines in detail the interaction between the leadership of the Peasant section and the leaders of the Bolshevik party and comes to the conclusion that both the Bolshevik and left socialist-revolutionary leaders sought to maintain close relations until July 1918, despite growing ideological differences between the parties. The main role in communication with the Bolshevik leadership was played by the Chairman of the Peasant section, left socialist-revolutionary M. A. Spiridonova, who often made various requests personally to V. I. Lenin and other Soviet leaders. Close interaction between the leaders of the two parties was an important characteristic of the work of the C.E.C. and its institutions in the first six months of Soviet power. The author shows that both the Bolsheviks and the left SRs sought to use the Peasant section as an institution for conducting party agitation in the countryside. Ideological conflicts between the representatives of the RCP(b) and the left SRs in the section escalated in connection with the desire of the leadership of the Left socialist-revolutionary party to promote the idea of a revolutionary war with Germany among the peasantry. In many respects, this factor led to a crisis of cooperation between the two parties in the Soviet state bodies and caused a break in relations between them. The author comes to the conclusion that the interaction of the Bolsheviks and the left SRs in the Peasant section was a unique phenomenon in Soviet history, as the conducting of agrarian policy was entirely dependent on the position of the leadership of both socialist parties, which allowed the left SRS to have a significant influence on the work of state administration and implement some of their ideas and proposals.

Keywords: Maria Spiridonova, Vladimir Lenin, the Left Socialist-revolutionaries, the Bolsheviks, Russian peasantry, agrarian policy, revolution

Acknowledgements: This article was written within the research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

For citation: Kontsevov, I.A. (2024) The dual-party system in the Peasant section of the Central Executive Committee: practices of interaction between the Bolsheviks and the left SRS. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 30–39. doi: 10.17223/19988613/90/3

Изучение различных аспектов истории Российской «долгой революции» 1917–1918 гг. предпринималось различными авторами на протяжении более чем восьмидесяти лет. Одним из таких аспектов являются создание и функционирование особого автономного отдела ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым являлась Крестьянская секция. Этот отдел ВЦИК был важной частью советского государственного аппарата в период существования двухпартийности, которая подразумевала разделение властных полномочий между руководителями большевиков и левых эсеров. Данное явление было характерно для конца 1917 – середины 1918 г. Крестьянская секция играла значительную роль во взаимодействии двух советских партий, поскольку осуществляла политику по отношению к самому массовому социальному слою в России того времени.

В постреволюционный период в свет вышли работы участников революционных событий, а также авторов, бывших непосредственными свидетелями установления советской власти в Петрограде. Многие из исследований данного времени несут на себе отпечаток партийной борьбы большевиков и их политических противников из лагеря умеренных социалистов. Изданные в 1920–1930-е гг. работы А.В. Шестакова [1], В. Владимировой [2], З. Пиндрика [3] не затрагивали деятельность Крестьянской секции, а были направлены на критику идеологии и политики партии левых эсеров.

Период «оттепели» стал временем появления множества работ в данной области, что ознаменовало начало подлинно научного изучения периода революции 1917–1918 гг. Несмотря на сохранявшуюся марксистскую парадигму, ученые использовали множество архивных документов и открытых источников и стремились более объективно рассмотреть проблемы политической истории. После выхода в свет работ К.В. Гусева возникло направление по изучению политики небольшевистских партий [4–6]. Также исследователи стали разрабатывать проблематику деятельности ВЦИК в первые годы советской власти. Среди множества исследований следует выделить работы К.Г. Федорова [7] и В.М. Клеандровой [8]. Отдельным направлением в историографии стало изучение аграрной политики периода становления советской власти. Были опубликованы работы П.Н. Першина [9], В.В. Кабанова [10], А.А. Чернобаева [11]. Авторы затронули проблематику, связанную с борьбой между большевиками и левыми эсерами по аграрному вопросу. Впервые деятельность большевиков и левых эсеров в Крестьянской секции ВЦИК изучила Т.А. Сивохина [12]. Ею были введены в научный оборот новые архивные документы, проанализированы действия большевистских и левоэсеровских членов секции, выявлены основные аспекты идеологических споров двух партий. Однако работа Сивохиной была написана с применением марксистской методологии, что обусловило выводы автора и оценки действий мелкобуржуазных союзников РКП(б).

Постсоветский период характеризуется введением в научный оборот новых архивных документов, что позволяет всесторонне осветить рассматриваемую проблематику. В современной историографии преоблада-

ют тенденции изучения партийной истории или биографий отдельных политических деятелей того времени. Так, в работах Я.В. Леонтьева [13], С.В. Безбережьева [14] и В.М. Лаврова [15, 16] исследуется политическая деятельность левоэсеровских лидеров, в особенности М.А. Спиридоновой. Отдельные современные работы в полной мере не раскрывают проблему взаимодействия большевиков и левых эсеров в государственных учреждениях. Для изучения данного вопроса большое значение имеет исследование американского историка А. Рабиновича, который на основе документов проанализировал политику большевиков и левых эсеров в первой половине 1918 г., затронув деятельность Крестьянской секции ВЦИК [17].

В целом историография рассматриваемой нами проблемы обширна, однако многие аспекты деятельности двух советских партий в органах власти и управления так и остаются изученными далеко не полностью. Особенно большую важность представляет рассмотрение взаимодействия большевиков и левых эсеров с применением подходов «новой политической истории», предполагающей исследование повседневных практик в работе государственных деятелей, а также выявление механизмов функционирования тех или иных политических учреждений.

История создания Крестьянской секции ВЦИК берет свое начало с момента слияния советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в единую систему советов, что являлось одним из пунктов соглашения между большевиками и левыми эсерами, заключившими политический союз в ноябре 1917 г. Решение о создании объединенного ВЦИК Советов было принято 15 ноября после переговоров, которые провели члены Президиума ВЦИК и Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов. Согласно воспоминаниям левого эсера Малкина, данное соглашение имело письменный характер и, возможно, было подписано Свердловым как главой Президиума ВЦИК и М.А. Спиридоновой как председателем Чрезвычайного крестьянского съезда [18].

Однако это объединение напрямую не привело к полному слиянию советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Исполком Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов продолжал существовать [15. С. 229]. 13 января 1918 г. открылся самостоятельный III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, который впоследствии стал заседать совместно с открывшимся в то же самое время III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Главным условием объединения съездов стал вопрос о немедленном принятии закона о социализации земли, который разрабатывался совместно большевиками и левыми эсерами. Об этом сообщила М.А. Спиридонова, заявившая, что представители съезда крестьянских депутатов для объединения с советами рабочих и солдатских депутатов имеют одно требование, которое заключалось в том, чтобы делегаты съезда не разъезжались и утвердили закон о социализации земли [15. С. 228].

В период своей работы съезд Советов крестьянских депутатов образовал собственную крестьянскую сек-

цию, которая для разработки закона о социализации земли объединилась со съездом земельных комитетов. В целом съезд земельных комитетов и крестьянская секция состояли примерно из 700 человек, среди которых было 237 большевиков, 262 левых эсера, 136 беспартийных и 70 представителей других партий [10. С. 87]. Совместная работа большевиков и левых эсеров в процессе разработки закона о социализации земли стала основой для их дальнейшего взаимодействия в рамках Крестьянской секции ВЦИК.

После окончания заседаний III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был сформирован ВЦИК III созыва, в состав которого вошли преимущественно большевики и левые эсеры [19. С. 69]. Представителей иных политических партий в «советском парламенте» оставались единицы. На двухпартийной основе была сформирована и Крестьянская секция. По подсчетам Т.А. Сивохиной, сумевшей установить партийность 67 из 140 ее членов, к большевикам принадлежали 15 человек, а к левым эсерам – 51 [12. С. 15]. В рамках секции сформировалась своеобразная двухпартийность во главе с левозерской партией, что не могло не оказать влияния на практики взаимодействия ПЛСР(и) с большевиками.

Слияние съездов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и ликвидация отдельного Исполкома съезда Советов крестьянских депутатов означали, по мнению В.М. Лаврова, упразднение самостоятельной всероссийской классовой организации крестьян [15. С. 229]. Однако оформление автономной Крестьянской секции, которая фактически становилась заменой распущенному исполкому, не позволяло большевикам проводить самостоятельную аграрную политику без учета интересов крестьянства. Стоит отметить, что Крестьянская секция имела отличную от других отделов ВЦИК структуру, поскольку в ней присутствовал свой исполнительный комитет, а также образованный в марте 1918 г. президиум, главой которого была назначена М.А. Спиридонова, ставшая, таким образом, руководителем всей Крестьянской секции [12. С. 15].

Во многом вследствие исчезновения учреждения, представлявшего интересы крестьянства, левозерское руководство решилось на создание отдельной Крестьянской секции, которая могла контролировать проведение социализации земли на местах, что и стало основой ее деятельности. По словам Спиридоновой, чтобы не лишать крестьянство органа, представлявшего его интересы, большевики и левые эсеры на III Всероссийском съезде советов договорились о создании автономного крестьянского отдела ВЦИК, который организовывал бы крестьянство по образцу профсоюзов [20. С. 51]. По вопросу о конечной цели создания секции на II съезде ПЛСР(и) Спиридонова амбициозно заявляла следующее: «Наша Крестьянская секция должна создать профессионально-классовую организацию крестьянства <...> которая будет вершить судьбы нашей русской истории» [21. С. 241].

Важной практикой в работе Крестьянской секции было взаимодействие между ее центральными структурами и агитаторами, занимавшимися осуществлением социализации земли на местах. Зачастую представите-

ли местных советов обращались напрямую в секцию с просьбами отправить в регионы агитационную литературу или же текст принятого закона о социализации земли. Среди материалов, запрашиваемых местными земельными учреждениями, фигурировали тексты брошюр с резолюциями III Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов, а также агитационные издания по проведению социализации земли [22. Л. 2, 7, 19]. Членами Крестьянской секции был составлен наказ для агитаторов, который рекомендовал «пропагандировать преимущества устройства сельскохозяйственных, трудовых коммун перед единоличным чересполосным хозяйством». Для этого агитаторы на местах должны были устраивать крестьянские сходы и митинги [12. С. 16]. По данным М.А. Спиридоновой, к 17 апреля 1918 г. Крестьянской секцией в различные губернии было отправлено 777 агитаторов, из которых большевиками были 432 человека, левыми эсерами – 257, беспартийными – 84, анархистами – 4. Большое число большевиков руководством секции было направлено в связи с тем, что «они были более идейны, чем левые с.-р.» [21. С. 238]. Руководство Крестьянской секции не стремилось ограничить РКП(б) в возможности отправлять на места своих агитаторов, поскольку партии проводили общую политическую линию в аграрном вопросе, а разногласия между их лидерами еще не проявились в полной мере.

Зачастую руководство секции сталкивалось с проблемой отсутствия квалифицированных и мотивированных сотрудников, что приводило большевиков и левых эсеров к необходимости искать более способных работников. Некоторые агитаторы из среды крестьян, получив указания от руководителей Крестьянской секции, не выполняли своей работы, «ничего не делали, получали деньги, уезжали на места и лежали на печке» [21. С. 240]. Проблема поиска надежных сотрудников секции во многом спланивала членов двух советских партий, которые образовали коллектив наиболее активных членов Крестьянской секции, постоянно участвовавших в ее заседаниях. Про совместную деятельность большевиков и левых эсеров в апреле 1918 г. М.А. Спиридонова заявила, что «работа идет довольно ладная и дружная» [21. С. 240].

Работа с крестьянским населением составляла значительную часть всей деятельности Крестьянской секции ВЦИК. Из различных губерний на прием в секцию стекались ходоки, которых приглашало руководство секции и принимало решения о выделении им средств для проведения социализации земли на местах, а также для осуществления агитации в поддержку аграрной политики советской власти среди крестьянства. Приезжавшие крестьяне часто снабжались литературой и направлялись на курсы по подготовке агитаторов [21. С. 238]. Также в президиум секции поступало множество обращений местных советов и отдельных крестьян с просьбами выделить им средства или направить агитационную литературу. Большинство таких обращений направлялось непосредственно в редакцию газеты «Голос трудового крестьянства», которая издавалась Крестьянской секцией ВЦИК [12. С. 15]. Так, 8 апреля 1918 г. в редакцию обратился земельный отдел

Царевококшайского уездного совета, который попросил «выслать 800 экземпляров основного закона о социализации земли для широкого распространения среди населения и снабжения земельных отделов уезда» [22. Л. 4]. Сотрудниками секции были составлены списки брошюр, листовок и газет, которые направлялись в большинство губерний Европейской части России [22. Л. 27–49].

Распространенной практикой повседневной работы Крестьянской секции являлось сотрудничество между представителями двух советских партий. В первую очередь оно проявлялось при совместном разрешении конфликтов в региональных советах, а также при борьбе с противниками советской власти. 25 мая 1918 г. на заседании Крестьянской секции было зачитано воззвание социал-демократической группы «Единство» контрреволюционного содержания. Без каких-либо прений сотрудники секции приняли решение сообщить о данном воззвании в ВЧК для дальнейшего обнаружения и наказания лиц, составивших его [23. Л. 1]. Другим примером сотрудничества левых эсеров с большевиками в рамках секции является рассмотрение злоупотреблений местных советских органов.

В начале июня 1918 г. на заседании секции был заслушан доклад агитатора Ольхина, который вернулся из Псковской губернии. Он сообщил о злоупотреблениях региональных советов и жестокостях красноармейцев по отношению к некоторым местным жителям. Так, за неуплату контрибуции в местный совет «подло бессмысленно расстреляна женщина Рокатова, не внесшая в совет пяти тысяч рублей». В Великих Луках был убит член Псковского губисполкома, а также при реквизиции зерна без суда расстреляны несколько крестьян, о чем Ольхин упомянул, заявив, что «расстрел до того кошмарен, что нет сил прямо подробно описывать» [23. Л. 2]. Согласно докладу агитатора, во главе Холмского уезда стояли некомпетентные лица, которые осуществляли самоуправство. Так, председатель Холмского уездного исполкома «именовал себя анархистом, а потом записался в большевики» и произвел арест нескольких большевиков, бывших членами исполкома. В его работе «участвовали меньшевики, секретарем был урядник, в продовольственном отделе был полицейский пристав» [23. Л. 2]. Агитаторам Крестьянской секции удалось произвести своеобразную «чистку» местных советов от противников власти СНК, а также от лиц, использовавших революционные события в своих корыстных целях. При их участии было завершено установление советской власти в Холмском уезде, где из уездного исполкома были удалены многие бывшие сотрудники и председатель [23. Л. 14 об.].

В вопросе о ликвидации злоупотреблений на местах позиции большевиков и левых эсеров не расходились. Член фракции РКП(б) в Крестьянской секции С.С. Крутошинский, как и левые эсеры, был «до глубины души возмущен происходящим безобразием» и потребовал немедленной отправки в Псковскую губернию комиссии с целью очищения советов от «контрреволюционного элемента» [23. Л. 2 об.]. М.А. Спиридонова просила ВЦИК делегировать своих представителей для расследования действий уездных советов [23. Л. 33].

Впоследствии проблема самоуправления местных властей в Холмском уезде была рассмотрена руководством ВЦИК. Было принято решение отправить в этот уезд двоих представителей для разбирательства [23. Л. 36].

Стремление Спиридоновой и ее коллег по Крестьянской секции вникать в региональные проблемы, а также деятельность секции по осуществлению социализации земли делали левозэровских лидеров популярными фигурами в политической жизни. В.М. Лавров считал, что М.А. Спиридонова являлась скорее «радикальной социалисткой, чем крестьянским лидером» [16. С. 443]. Однако ее работа в рамках секции показывает, что к аграрной политике она не была безразлична. Благодаря известности Спиридоновой среди сельского населения Крестьянский отдел ВЦИК «превратился в национальный центр, куда крестьяне со всей России обращались за помощью и советом» [17. С. 421]. Безусловно, в этом была большая заслуга «самой влиятельной женщины России», как называл М.А. Спиридонову американский писатель Джон Рид.

Камнем преткновения во взаимодействии двух советских партий стало проведение политики социализации земли. В период существования двухпартийного советского правительства между большевиками и левыми эсерами не возникало разногласий относительно осуществления социализации. При Наркомате земледелия был создан специальный орган для проведения социализации, который именовался Главным земельным советом (ГЗС). В данный орган были включены и представители Крестьянской секции ВЦИК [24. Л. 1]. Структура и полномочия ГЗС были определены коллегией Наркомзема и поддержаны Крестьянской секцией.

После передачи Наркомзема в руки большевиков начался период нарастания напряженности в рамках двухпартийной коалиции. Стремление руководства РКП(б) поставить проведение социализации под контроль большевистского Наркомзема встретило сопротивление со стороны левых эсеров в ГЗС и привело к конфронтации. Отказавшись отчитываться о своей работе перед членами Главного земельного совета, руководство Наркомзема поставило левых эсеров перед фактом вмешательства большевиков в проведение социализации земли, что привело к конфликту между представителями двух советских партий [25. С. 102]. Руководство ГЗС обратилось в Крестьянскую секцию с просьбой устроить совместное заседание секции с представителями наркоматов, чтобы решить вопрос об их взаимодействии [26. Л. 81]. Однако каких-либо попыток найти компромисс со стороны большевиков не последовало. Напротив, руководство СНК стало ограничивать деятельность Крестьянской секции посредством уменьшения финансирования ее работы.

Некоторая опасность для дальнейшей работы секции стала возникать уже в период столкновения между лидерами большевиков и левых эсеров по вопросу о заключении Брестского мира. По словам М.А. Спиридоновой, некоторые представители РКП(б) на IV Всероссийском съезде Советов поставили вопрос о полном упразднении секции, однако его удалось снять «исключительно благодаря личному влиянию видных представителей большевиков» [21. С. 237]. Впослед-

ствии большевистское руководство взяло курс на постепенное ограничение вмешательства Крестьянской секции в аграрную политику. 17 апреля 1918 г. Спиридонова отметила, что «смета на дальнейшие расходы не утверждена» и, если «Крестьянская секция не получит денег, она не сможет существовать. Значит, крестьянство не будет представлено, значит, фактически совершенно обезглавлено» [21. С. 240].

Архивные документы содержат множество обращений сотрудников секции с просьбами выделить им средства на дальнейшую работу. 29 апреля 1918 г. в Президиум ВЦИК было направлено заявление руководства Крестьянской секции с просьбой о выделении денег для ее сотрудников. Сотрудники секции попросили выплатить им 20 тыс. руб., поскольку «в кассе секции не имеется ничего» [23. Л. 20]. В тот же день секцией было направлено еще одно обращение, в котором ее руководство ходатайствовало перед Президиумом ВЦИК о «пересмотре оклада жалования членам Крестьянской секции ввиду дороговизны жизни в г. Москве» [23. Л. 21]. М.А. Спиридонова направила в Президиум ВЦИК личное заявление об оплате счетов Крестьянской секции за апрель и май. Секретариат Президиума распорядился «поручить Аванесову навести справку в протоколах Президиума об указанных счетах и в случае правильности заявления Спиридоновой предложить Финансовому отделу уплатить указанные счета Крестьянского отдела» [23. Л. 14]. Однако вплоть до V Всероссийского съезда Советов данная проблема так и не была решена.

М.А. Спиридонова также напрямую обращалась к В.И. Ленину с просьбой оказать содействие в вопросе о выделении денег для нужд секции. Она утверждала, что Комиссариат земледелия отказывался выделять средства на проведение социализации земли, частью которой была организация трудовых коммун. Председатель секции писала, что трудовые коммуны «растут, как грибы, но без финансового питания не могут из области благих порывов перейти в реальность» [27. С. 12]. Большинство обращений левых эсеров к руководству ВЦИК и РКП(б) осталось без ответа. Финансирования работы секции Спиридоновой и ее коллегам приходилось добиваться посредством споров с руководством ВЦИК, которое всячески препятствовало выделению крупных денежных сумм. Левым эсерам для получения финансирования «приходилось вырывать из горла силой каждый десяток тысяч» [20. С. 54]. Действия руководства ВЦИК подчеркивали стремление большевиков «связать» активность Крестьянской секции в проведении социализации и уменьшить влияние левозеро-эсерской партии на аграрную политику.

Начало продовольственной диктатуры в деревне негативно повлияло на совместную работу лидеров большевиков и левых эсеров. Недовольство руководства ПЛСР(и) проведением данных мер привело к конфликту между партиями, вследствие чего В.И. Ленин перестал воспринимать левых эсеров как своих полноправных союзников. Идея большевистского руководства по созданию в деревне комитетов деревенской бедноты стала главным предметом спора между представителями двух советских партий. Оперативно со-

зданный декрет о введении данных комитетов был составлен большевиками и не передавался на рассмотрение Крестьянской секции ВЦИК, несмотря на тот факт, что имел непосредственное отношение к крестьянскому вопросу. Накануне рассмотрения данного декрета во ВЦИК член Крестьянской секции от фракции левых эсеров А.А. Измайлович направила в его Президиум заявление с просьбой «отложить вопрос о декрете об организации и снабжении деревенской бедноты до следующего заседания ввиду того, что секция, не получив этого проекта, не имела возможности ознакомиться с этим документом» [22. Л. 95]. В итоге 10 июня 1918 г. обсуждение проекта декрета не состоялось, но на следующий день он был рассмотрен и утвержден на заседании ВЦИК. Согласно документам, узнав о просьбе Крестьянской секции перенести обсуждение вопроса о комбедах, В.И. Ленин заявил, что «я левым эсерам больше не доверяю» [28. С. 94]. Данная оценка во многом иллюстрировала политический курс большевиков по отношению к Крестьянской секции после выхода левых эсеров из состава СНК.

11 июня 1918 г. перед заседанием ВЦИК, где должен был рассматриваться проект декрета, проводилось заседание Крестьянской секции с участием представителей всех фракций, однако большевики его покинули, сославшись на необходимость присутствовать на заседании своей фракции [29. 12 июня]. На заседании пленума ВЦИК член Крестьянской секции левый эсер Левин подверг критике позицию большевиков и подчеркнул, что «ни одно продовольственное предприятие, ни один из продовольственных планов не были внесены в Крестьянскую секцию на рассмотрение» [30. С. 403]. Игнорирование мнения членов секции приводило к неизбежной конфронтации между двумя партиями.

В связи с появлением тенденций со стороны руководства СНК и ВЦИК по ограничению участия Крестьянской секции и Главного земельного совета в проведении аграрной политики левыми эсерами была выдвинута идея о созыве Всероссийского крестьянского съезда. Впервые данная мысль была высказана в мае 1918 г. левым эсером Левиным [12. С. 23]. 17 мая 1918 г. состоялось заседание секции, на котором это мнение было озвучено. При этом подчеркивалось, что секция должна существовать в неизменном виде, какой она создана на III Всероссийском съезде Советов [29. 22 мая]. В тот же день состоялось заседание ЦК ПЛСР(и), на котором рассматривался поднятый вопрос. На этом заседании М.А. Спиридонова сообщила об устранении трений между большевиками и левыми эсерами в Крестьянской секции, вследствие чего было принято решение не созывать отдельный крестьянский съезд [31. С. 74]. Видимо, данный шаг был вызван стремлением левых эсеров к компромиссу с большевиками, что было важно для организации совместной работы в рамках секции. Т.А. Сивохина ошибочно приписывала заслуги в принятии решения об отмене крестьянского съезда большевистской фракции Крестьянской секции, которая проголосовала против проведения съезда [12. С. 23]. Как показывают документы, левозеро-эсерское руководство само ранее отказалось от этой идеи.

Вместо созыва съезда в конце мая 1918 г. левозерские лидеры осуществили реорганизацию секции, разделив ее на 10 комиссий, которые должны были устраивать свои заседания не реже раза в неделю. Сотрудниками комиссий стали многие видные деятели ПЛСР(и), такие как И.А. Майоров, А.А. Измайлович и М.Д. Самохвалов [32. Л. 25]. В комиссии были назначены и многие большевики. Так, в земельную и продовольственную комиссии помимо левых эсеров вошли по трое представителей РКП(б) [32. Л. 25]. По заключению Т. А. Сивохиной, руководство секции стремилось сделать Крестьянскую секцию «еще более обособленной от ВЦИК выразительницей интересов крестьянства» [12. С. 23].

Помимо продовольственного вопроса, на взаимодействие большевиков и левых эсеров в Крестьянской секции ВЦИК оказала влияние позиция двух партий относительно заключения Брест-Литовского мирного договора. Идеологические столкновения на данной почве в мае–июне 1918 г. стали распространенной практикой работы секции. Во многом именно стремление левых эсеров использовать секцию для осуществления агитации против выполнения условий договора привело к ухудшению отношений двух партий в рамках секции. Весной 1918 г. многие агитаторы – левые эсеры были направлены в районы, примыкавшие к линии разграничения между советскими и германскими войсками, что облегчало ведение агитации против внешней политики СНК на местах. По словам М.А. Спиридоновой, в прифронтовые губернии были отправлены «лучшие представители нашей Крестьянской секции» [21. С. 238].

Архивные документы содержат свидетельства критики внешней политики советского правительства левозерскими агитаторами Крестьянской секции. Подтверждением данных фактов являются резолюции местных крестьянских сходов, которые принимались после докладов агитаторов от Крестьянской секции. Особенно активно агитаторы действовали в пограничной Псковской губернии. В Холмский уезд был направлен левый эсер А.Д. Цветков, организовавший несколько волостных сходов, на которых заключению Брестского мира было осуждено крестьянами. Жители Локонской волости Холмского уезда на сходе приняли резолюцию со следующим содержанием: «Мы, граждане Локонской волости Холмского уезда Псковской губернии, считаем мирный договор отнимающим у трудового народа и власть, и землю, и волю, а мир считаем несправедливым» [33. Л. 32]. Волостной сход Хлавицкой волости Опочецкого уезда по докладу Цветкова постановил приступить к организации вооруженных крестьянских отрядов. В тексте решения схода говорилось, что «заключенный мир с германским империализмом не даст нам закрепить завоеванную свободу, землю и волю» [33. Л. 34].

Деятельность левозерских агитаторов встречала сопротивление со стороны большевиков, которые стали требовать от них прекратить критику политики Совнаркома. Так, 27 июня 1918 г. представитель Новоржевского совета Никифоров направил руководству Крестьянской секции телеграмму, в которой сообщил,

что агитаторы секции Иванова и Арутюнов на уездном съезде советов «ведут агитацию против организации Красной Армии, против выполнения декретов центральной власти, чем вносят большую разруху». Никифоров потребовал от руководства секции отозвать этих агитаторов [23. Л. 309].

В связи с активностью левозерских агитаторов руководство Псковского губисполкома, в котором преобладали большевики, выдвинуло предложение о ликвидации Крестьянской секции ВЦИК, что было оформлено как постановление исполкома. 24 июня 1918 г. на волостном сходе Воронежской волости Опочецкого уезда крестьяне раскритиковали решение губисполкома. В резолюции схода было сказано, что он «самым решительным образом протестует против такого поступка», поскольку «при отсутствии секции социализацию земли могут свести на нет» [33. Л. 30].

В работе агитаторов Крестьянской секции проявилась и критика продовольственной политики СНК. Выступавший от имени секции в Холмском уезде левый эсер Понятский высказался против продовольственной диктатуры и организации комбедов и предложил местным советам самим производить закупку зерна [33. Л. 21]. По-видимому, под влиянием левозерской агитации была принята резолюция волостного схода крестьян Воронежской волости, в которой содержалась критика создания комитетов бедноты. В резолюции говорилось, что «организация комбедов несет развал и разруху в без того трудно организуемую деревню» [33. Л. 30].

Вопрос о деятельности агитаторов в деревне привел к столкновению представителей двух советских партий в Крестьянской секции ВЦИК. На ее заседании большевики С.С. Крутошинский, П.В. Майоров и Ф.М. Юферов подвергли критике левозерское руководство секции и потребовали направлять в регионы двоих агитаторов: по одному от партий большевиков и левых эсеров. Их требование в итоге было удовлетворено, что можно рассматривать как уступку со стороны руководства ПЛСР(и) [12. С. 23].

Однако данное событие не разрешило противоречия между партиями, так как по мере нарастания конфронтации между ними отношения большевиков и левых эсеров становились все более враждебными. Повседневной практикой работы секции стали конфликты, о чем большевики сообщали своему руководству. Интерес представляют воспоминания члена РКП(б) Врачёва, который жаловался на действия левых эсеров в Крестьянской секции Я.М. Свердлову. По сведениям Врачёва, большевикам, членам Крестьянской секции, стали известны факты антибольшевистской агитации со стороны левых эсеров, вследствие чего они явились к Свердлову и «стали с возмущением рассказывать о поведении левых эсеров». Кто-то из большевиков спросил Свердлова: «А не пора ли нам прогнать их из Крестьянской секции?» В ответ председатель Президиума ВЦИК ответил, что «время для этого еще не пришло» [34. Л. 5].

Стоит отметить, что не только левые эсеры использовали структуру Крестьянской секции для ведения партийной агитации среди крестьянства. В воспоми-

нениях большевика Д.И. Гразкина, работавшего в Крестьянской секции, говорится, что он распространял большевистскую агитационную литературу под видом левоэсеровской. Гразкин писал, что «работать со Спиридоновой было нелегко», поскольку она была в курсе стремления некоторых большевиков агитировать за свою партию среди крестьян [35. С. 249]. Чтобы осуществлять данную деятельность втайне от руководства ВЦИК, Гразкин распорядился подкладывать в пачки левоэсеровской литературы большевистские агитационные материалы. Член РКП(б) был вызван к Свердлову, где был раскритикован за этот поступок и узнал о недовольстве Спиридоновой, которая «громы и молнии мечет». В итоге сам В.И. Ленин выступил против данной тактики большевиков в секции, заявив, что не «стоит ссориться из-за мелочей со Спиридоновой и срывать совместную работу» [35. С. 250]. Несмотря на возросший антагонизм, большевистское руководство было готово пойти на некоторые уступки своим временным союзникам.

Обострение противоречий между двумя партиями происходило также вследствие межличностных конфликтов и наличия среди левых эсеров лиц с сомнительными идеями, которые примкнули к данной партии, поскольку она заняла важное положение в социалистической революции. Одним из таких партийных работников был секретарь Крестьянской секции Е.С. Турбин, чье поведение спровоцировало столкновение между РКП(б) и ПЛСР(и). 30 июня 1918 г. Турбин выступал на митинге, был при этом пьян и «вел агитацию против Совнаркома от имени секции партии левых эсеров». Во время его выступления из собравшейся толпы стали звучать антисемитские лозунги, вследствие чего один из собравшихся засомневался в том, что оратор представляет ВЦИК. «Тогда Турбин достал свой мандат и обратился к толпе с просьбой удостоверить подпись председательницы Спиридоновой, добавив, что он не просто член секции, но и секретарь ее» [36. Л. 1]. В своей речи левый эсер заявлял, что у него есть телеграммы крестьянских советов с требованием распустить советское правительство. 1 июля 1918 г. большевистская фракция Крестьянской секции направила запрос ее руководству с просьбой сообщить, почему контрреволюционные телеграммы были скрыты от членов их фракции, а также какие меры предприняты в отношении Турбина в связи с его агитацией [36. Л. 1 об.]. Левоэсеровское восстание 6–7 июля 1918 г. избавило большевиков от необходимости требовать расследования действий Турбина, поскольку после данного события левые эсеры были исключены из структур ВЦИК.

М.А. Спиридонова к началу июля 1918 г. полностью перешла на радикальные позиции в своей оценке политики Совнаркома. 30 июня 1918 г. она прочитала перед членами Крестьянской секции зажигательную речь, в которой призвала к борьбе с германским империализмом и обвинила руководство большевистской партии в поставке в Германию хлеба и мануфактуры стоимостью 2 млрд руб. [31. С. 408]. Некоторые цифры в речи Спиридоновой были преувеличены автором газетной статьи, о чем она сама сообщила в письме

в редакцию газеты «Голос трудового крестьянства» [31. С. 413]. Однако вагоны с хлебом в Германию действительно направлялись, что признал Я.М. Свердлов на заседании фракции РКП(б) перед созывом V Всероссийского съезда Советов. Он отметил, что было отправлено 4 вагона хлеба для военнопленных и ассигновано для них же 5 млн руб. Однако председатель ВЦИК заявил, что ему непонятно, почему Спиридонова обвиняет советскую власть в «каких-то преступлениях» [37. С. 231]. Безусловно, факт исполнения решений Брестского мирного договора делал примирение между большевиками и левыми эсерами практически невозможным. Более того, в связи с началом продовольственной диктатуры Крестьянская секция оказалась завалена данными и полными подробностей рассказами очевидцев о зверствах продотрядов в деревне. Так, по словам одного из крестьян Юхновского уезда Смоленской губернии, при изъятии излишков зерна произошло восстание, которое было подавлено продотрядом с использованием артиллерии, что привело к сожжению множества крестьянских домов [17. С. 422].

На V Всероссийском съезде Советов лидеры левых эсеров попытались отстоять свою позицию по крестьянскому вопросу. М.А. Спиридонова обвинила большевистских лидеров в торможении социализации земли и подмене ее национализацией. Главной целью Крестьянской секции Спиридонова назвала защиту интересов крестьянства, положительно оценив ее деятельность под своим руководством. Важными заслугами сотрудников секции, по мнению левоэсеровского лидера, являлись создание курсов по подготовке инструкторов по социализации земли, рассылка «свыше 1 тыс. пудов литературы», а также установление тесной связи между руководством секции и сельским населением на местах [20. С. 52]. Лидер левых эсеров предположила, что «уже на этом Съезде Советов пройдет вопрос об уничтожении Крестьянской секции», заявив о том, что левые эсеры иницируют созыв отдельного Крестьянского съезда [20. С. 54]. Фактически левоэсеровская партия бросала вызов большевикам.

В.И. Ленин также не был примирительно настроен к своим бывшим союзникам по коалиции. Он подверг критике политику левых эсеров, заявив, что они «ушли от социализма», и назвал взаимоотношения с левоэсеровской партией «действительным бесповоротным разрывом» [20. С. 64]. В своем выступлении глава большевистской партии процитировал письма Спиридоновой, в которых она просила его содействовать выделению денег Крестьянской секции на развитие трудовых коммун. Ленин заявил, что средства на создание коммун выделялись Наркомату земледелия, чем дал понять, что советское правительство может обойтись без существования Крестьянской секции [20. С. 72].

Разрыв между двумя советскими партиями произошел на следующий день, 6 июля 1918 г. После подавления левоэсеровского выступления судьба автономной Крестьянской секции ВЦИК была предрешена. 15 июля на заседании ВЦИК руководитель секретариата Президиума Аванесов заявил о том, что крестьян-

ский отдел должен слиться с аппаратом Наркомата земледелия. Руководителем этого отдела был назначен большевик А.Х. Митрофанов [38. С. 54]. 20 октября 1918 г. им был составлен проект постановления ВЦИК об упразднении Крестьянского отдела ВЦИК путем его слияния с аппаратом Наркомзема [23. Л. 98].

Взаимодействие большевиков и левых эсеров в Крестьянской секции ВЦИК сыграло значительную роль в ее функционировании в период становления советской власти. Практики совместной работы членов двух партий включали в себя как сотрудничество, так и конфликты, которые зачастую были вызваны

идеологическими разногласиями. Тем не менее присутствие двух политических сил в Крестьянской секции способствовало нахождению компромиссов между ними, а также совместному участию в разрешении проблем деревни на местном уровне. Нарастание противоречий во взаимодействии большевиков и левых эсеров оказывало влияние на их совместную работу, превращая деятельность секции в арену политического противоборства. Подобное кризисное состояние взаимоотношений большевиков и левых эсеров в рамках секции свидетельствовало о разрушении идейных основ советской двухпартийности.

Список источников

1. Шестаков А.В. Блок с левыми эсерами (страницы из истории Октябрьской революции) // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 21–47.
2. Владимирова В. Левые эсеры в 1917–1918 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 101–140.
3. Пиндрик З. О блоке с левыми эсерами после Октября 1917 года // Красная летопись. 1934. № 3. С. 110–130.
4. Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М. : Соцэкгиз, 1963. 259 с.
5. Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции : (очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М. : Мысль, 1968. 447 с.
6. Стишов М.И. История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917–1930-е годы). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 207 с.
7. Федоров К.Г. ВЦИК в первые годы Советской власти. 1917–1920 гг. М. : Госюриздат, 1957. 170 с.
8. Клеандрова В.М. Организация и формы деятельности ВЦИК 1917–1924 гг. М. : Юрид. лит., 1968. 127 с.
9. Першин П.Н. Аграрная революция в России. М. : Наука, 1966. 576 с.
10. Кабанов В.В. Разработка основного закона о социализации земли // Октябрь и советское крестьянство. М. : Наука, 1977. С. 79–111.
11. Чернобаев А.А. Развитие социалистической революции в деревне. М. : Высш. школа, 1975. 182 с.
12. Сивохина Т.А. Образование и деятельность Крестьянской секции ВЦИК // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1969. № 2. С. 13–26.
13. Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М. : АИРО-XXI, 2007. 326 с.
14. Безбережьев С.В. Мария Александровна Спиридонова // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 65–81.
15. Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России : (всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М. : Археографический центр, 1996. 236 с.
16. Лавров В.М. Была ли левозероветская альтернатива? // Труды отделения историко-филологических наук РАН. М. : Наука, 2006. С. 439–445.
17. Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М. : Новый хронограф, 2007. 622 с.
18. Малкин Б.Ф. На крестьянском съезде // Об Ильиче : воспоминания питерцев. Л. : Лениздат, 1970. С. 438–441.
19. Сивохина Т.А. Политические партии в послеоктябрьской России: сотрудничество и борьба (октябрь 1917–1920/1921 гг.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. 158 с.
20. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов : стенограф. отчет. М. : Изд-во ВЦИК, 1918. 254 с.
21. Партия левых социалистов-революционеров : документы и материалы / сост. Я.В. Леонтьев, М.И. Люхузаев. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1: Июль 1917 г.–май 1918 г. 862 с.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 7.
23. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 2.
24. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 1. Д. 34.
25. Концевой И.А. Двухпартийный Наркомат земледелия: сотрудничество и конфликты большевиков и левых эсеров (ноябрь 1917 г.–июль 1918 г.) // Клио. 2017. № 8. С. 97–105.
26. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 35.
27. «Вы довольствуетесь информацией с одной стороны и воображаете, что Вы все знаете и очень правы во всем» : письма М.А. Спиридоновой В.И. Ленину и А.Д. Цюрупе. 1918 г. / публ. И.А. Концевой // Исторический архив. 2018. № 5. С. 3–16.
28. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1970. Т. 50. 624 с.
29. Знамя труда : орган Центрального Комитета Партии левых социалистов-революционеров. М., 1918.
30. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва : стенограф. отчет. М. : Госиздат, 1920. 442 с.
31. Партия левых социалистов-революционеров : документы и материалы / сост. Я.В. Леонтьев, М.И. Люхузаев. М. : РОССПЭН, 2010. Т. 2, ч. 1: Апрель–июль 1918 г. 772 с.
32. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 4.
33. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 3.
34. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 86. Оп. 1. Д. 115.
35. Гразкин Д.И. За темной ночью день вставал... : воспоминания старого большевика. М. : Политиздат, 1982. 271 с.
36. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 92. Д. 9.
37. Свердлов Я.М. Избранные произведения : в 3 т. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 2. 329 с.
38. Пятый созыв Всероссийского центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. М. : Изд-во ВЦИК, 1918. 312 с.

References

1. Shestakov, A.V. (1927) *Blok s levymi eserami (stranitsy iz istorii Oktyabr'skoy revolyutsii)* [The wing with the Left Socialists-Revolutionaries (pages of the history of the October revolution)]. *Istorik-marksist*. 6. pp. 21–47.
2. Vladimirova, V. (1927) *Levy ebery v 1917–1918 gg.* [The Left Socialist-Revolutionaries in 1917–1918]. *Proletarskaya revolyutsiya*. 4. pp. 101–140.

3. Pindrik, Z. (1934) O bloke s levymi eserami posle Oktyabrya 1917 goda [About the wing with the Left Socialist-Revolutionaries after October 1917]. *Krasnaya letopis'*. 3. pp. 110–130.
4. Gusev, K.V. (1963) *Krakh partii levyykh eserov* [The collapse of the Left Socialist-Revolutionaries]. Moscow: Sotsekgiz.
5. Gusev, K.V. & Eritsyana Kh.A. (1968) *Ot soglashatel'stva k kontrrevolyutsii. (Ocherki istorii politicheskogo bankrotstva i gibeli partii sotsialistov-revolutsionerov)* [From compromise to counter-revolution. (Essays on the history of political bankruptcy and the death of the party of Socialist-Revolutionaries)]. Moscow: Mysl'.
6. Stishov, M.I. (1981) *Istoriya ideyno-politicheskogo bankrotstva i organizatsionnogo raspada melkoburzhuanzykh partiy v SSSR (1917–1930-e gody)* [The history of ideological and political bankruptcy and the organizational breakdown of petty-bourgeois parties in the USSR (1917–1930s)]. Moscow: Moscow State University.
7. Fedorov, K.G. (1957) *VTsIK v pervye gody Sovetskoj vlasti. 1917–1920 gg.* [All-Russian Central Executive Committee in the early years of Soviet power. 1917–1920]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Kleandrova, V.M. (1968) *Organizatsiya i formy deyatel'nosti VTsIK 1917–1924 gg.* [Organization and forms of activity of the All-Russian Central Executive Committee 1917–1924]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
9. Pershin, P.N. (1966) *Agrarnaya revolyutsiya v Rossii*. [The Agrarian Revolution in Russia]. Moscow: Nauka.
10. Kabanov, V.V. (1977) *Razrabotka osnovnogo zakona o sotsializatsii zemli* [Drafting of the basic law on the socialization of the land]. In: Volkov, I.M. (ed.) *Oktyabr' i sovetskoe krest'yanstvo* [The October and the Soviet Peasantry]. Moscow: Nauka. pp. 79–111.
11. Chernobaev, A.A. (1975) *Razvitiye sotsialisticheskoy revolyutsii v derevne* [The Development of the Socialist Revolution in the Countryside]. Moscow: Vysshaya shkola.
12. Sivokhina, T.A. (1969) *Obrazovanie i deyatel'nost' Krest'yanskoy sekcii VTsIK* [Formation and activities of the Peasant Section of the All-Russian Central Executive Committee]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8. Istoriya. – The Bulletin of Moscow State University. Series 8. "History."* 2. pp. 13–26.
13. Leontiev, Ya.V. (2007) *"Skify" russkoy revolyutsii: partiya levyykh eserov i ee literaturnye poputchiki* ["Scythians" of the Russian Revolution: The party of the Left Socialists-Revolutionaries and its literary companions]. Moscow: AIRO-XXI.
14. Bezbrezhnev, S.V. (1990) Mariya Aleksandrovna Spiridonova [Maria Alexandrovna Spiridonova]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 65–81.
15. Lavrov, V.M. (1996) *"Krest'yanskiy parlament" Rossii. (Vserossiyskie s'ezdy Sovetov krest'yanskikh deputatov v 1917–1918 godakh)* [The "Peasant Parliament" of Russia. (All-Russian Congresses of Soviets of Peasant Deputies in 1917–1918)]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr.
16. Lavrov, V.M. (2006) *Byla li levoeserovskaya al'ternativa?* [Was There a Left Socialist-Revolutionary Alternative?]. In: *Trudy otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Proceedings of the Department of History and Philology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Nauka. pp. 439–445.
17. Rabinovich, A. (2007) *Bol'sheviki u vlasti. Pervyy god sovetskoy epokhi v Petrograde* [The Bolsheviks are in power. The first year of the Soviet era in Petrograd]. Moscow: Novyy khronograf.
18. Malkin, B.F. (1970) *Na krest'yanskom s'ezde* [At the Peasant Congress]. In: *Ob Il'iche. Vospominaniya pitertsev* [About Ilyich: Memories of St. Petersburg Residents]. Leningrad: Lenizdat. pp. 438–441.
19. Sivokhina, T.A. (1995) *Politicheskie partii v posleoktyabr'skoy Rossii: sotrudnichestvo i bor'ba (oktyabr' 1917–1920/1921 gg.)* [Political Parties in Post-October Russia: Cooperation and Struggle (October 1917–1920/1921)]. Moscow: Moscow State University.
20. RSFSR (1918) *Pyatyy Vserossiyskiy s'ezd Sovetov rabochikh, soldatskikh, krest'yanskikh i kazach'ikh deputatov: stenograficheskiy otchet* [The Fifth All-Russian Congress of Soviets of Workers, Soldiers, Peasants, and Cossack Deputies: A Verbatim Report]. Moscow: VTSIK.
21. Leontiev, Ya.V. & Lyukhudzaev, M.I. (eds) (2000) *Partiya levyykh sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy* [Party of the Left Socialist-Revolutionaries. Documents and Materials]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
22. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-1235. List 92. File 7.
23. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-1235. List 92. File 2.
24. The Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 1. File 34.
25. Kontsevoy, I.A. (2017) *Dvukhpartiyyny Narkomat zemledeliya: sotrudnichestvo i konflikty bol'shevikov i levyykh eserov (noyabr' 1917 g.–iyul' 1918 g.)* [Two-Party People's Commissariat of Agriculture: Cooperation and Conflicts between the Bolsheviks and the Left Socialist-Revolutionaries (November 1917 – July 1918)]. *Klio*. 8. pp. 97–105.
26. The Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 1. File 35.
27. Kontsevoy, I.A. (2018) *"Vy dovol'stvetes' informatsiey s odnoy storony i voobrazhaete, chto Vy vse znaete i ochen' pravy vo vsem."* Pis'ma M.A. Spiridonovoy V.I. Leninu i A.D. Tsyurupu. 1918 g. ["You are content with information on the one hand and imagine that you know everything and are very right in everything." Letters of M.A. Spiridonova to V.I. Lenin and A.D. Tsyurupa. 1918]. *Istoricheskiy arkhiv*. 5. pp. 3–16.
28. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 50. Moscow: Politizdat.
29. *Znaniya truda*. (1918).
30. RSFSR. (1920) *Protokoly zasedaniy Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta 4-go sozyva (stenograficheskiy otchet)* [Minutes of meetings of the All-Russian Central Executive Committee of the 4th convocation (a verbatim report)]. Moscow: Gosizdat.
31. Leontiev, Ya.V. & Lyukhudzaev, M.I. (eds) (2010) *Partiya levyykh sotsialistov-revolutsionerov* [Party of the Left Socialist-Revolutionaries. Documents and Materials]. Vol. 2(1). Moscow: ROSSPEN.
32. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-1235. List 92. File 4.
33. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-1235. List 92. File 3.
34. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 86. List 1. File 115.
35. Grazkin, D.I. (1982) *Za temnoy noch'yu den' vstaval...: vospominaniya starogo bol'shevika* [Behind a dark night, the day rose ...: memories of the old Bolshevik]. Moscow: Politizdat.
36. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-1235. List 92. File 9.
37. Sverdlov, Ya.M. (1959) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
38. RSFSR. (1918) *Pyatyy sozyv Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov* [The fifth convocation of the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of Workers', Soldiers', and Peasants' Deputies]. Moscow: VTSIK.

Сведения об авторе:

Концевой Илья Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института региональных исторических исследований, доцент Школы исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ilkontsevoy@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kontsevoy Ilya A. – Candidate of Historical Sciences, research fellow at the Institute of Regional Historical Studies, Associate Professor at the School of Historical Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation).
E-mail: ilkontsevoy@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.05.2021; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 10.05.2021; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья
УДК 94(470.42)
doi: 10.17223/19988613/90/4

Политические настроения населения и его реакция на немецкую пропаганду на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь)

Елена Анатольевна Пушкаренко¹, Сергей Александрович Третьяк²

¹ *Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, pushkarenko-elena@mail.ru*

² *Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь, dynochius@mail.ru*

Аннотация. Исследуется проблема политических настроений населения и его реакции на немецкую пропаганду на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь). Сделан вывод, что политические настроения белорусского населения округа определялись рядом объективных факторов: во-первых, отсутствием практики самостоятельного государственного строительства и длительным пребыванием в составе иных государств – Польши и России; во-вторых, периодическими военными действиями между странами Западного мира и Россией, происходившими на земле Беларуси; в-третьих, недолговременным предшествующим пребыванием в составе БССР.

Ключевые слова: политические настроения, немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, Великая Отечественная война

Для цитирования: Пушкаренко Е.А., Третьяк С.А. Политические настроения населения и его реакция на немецкую пропаганду на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 40–49. doi: 10.17223/19988613/90/4

Original article

The political mood of the population and its reaction to German propaganda in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)

Elena A. Pushkarenko¹, Sergey A. Tretyak²

¹ *Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian Federation, pushkarenko-elena@mail.ru*

² *Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, Republic of Belarus, dynochius@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of the political mood of the population in the occupied Soviet territory and its reaction to German propaganda (on the example of the General District of Belarus). The purpose of the study: to identify specific features of the political mood of the population in the territory of the General District of Belarus in 1941-1944, to determine the factors that caused them, and the effectiveness of German propaganda. The sources for writing the work were the documents of the National Archive of the Republic of Belarus (NARB), the Russian State Military Archive (RGVA), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). The methods of research used are analysis, synthesis, and comparison.

The problem of the political mood of the population and its reaction to German propaganda in the occupied Soviet territory remains a little studied problem until recently. At the same time, the general mood of the people, their expectations, and the reaction to the policy pursued by the occupation authorities had a significant impact on the outcome of the war. It should be noted that during the Great Patriotic War in the occupied territory of the BSSR there was the most massive partisan movement, the very presence of which was the clearest evidence of the attitude of Belarusians to the German authorities and their policies. At the same time, the political mood of the population of the General District of Belarus was not uniform. A small part, mainly the Belarusian intelligentsia, initially accepted the propaganda slogans about the «revival of Belarus» with confidence, cooperated with the civil German administration in the field of propaganda, culture, education, participated in the creation of various collaborationist organizations, naively expecting a «gift» from the Nazis in the form of sovereignty. The overwhelming part of the society was extremely skeptical of the agitation and propaganda of the German authorities, while at the beginning of the war its position can be described as expectant and indifferent.

The authors came to the conclusion that the political mood of the population of the General District of Belarus was determined by a number of objective factors: the lack of practice of independent state-building and long stay under the authority of other states, large-scale and destructive military actions between the Western countries and Russia that took place on the land of Belarus. In general, the reaction of the population of the district to the German propaganda was

characterized by a high degree of distrust and skepticism, since the content of the propaganda materials was in sharp contrast to the harsh reality. The policy of «scorched earth», methods of fighting partisans, the genocide of Jews, the practice of forced recruitment of potential ostarbeiters – all this together leveled the slogans of German propaganda about the prospects of national and cultural construction of Belarus as part of the so-called «New Europe».

Keywords: political attitudes, German propaganda, the General district Belarus, the Great Patriotic war

For citation: Pushkarenko, E.A., Tretyak, S.A. (2024) The political mood of the population and its reaction to German propaganda in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 40–49. doi: 10.17223/19988613/90/4

Проблема политических настроений населения, его отношения к оккупационной политике немецких властей, их пропаганде и агитации долгое время оставалась под грифом «секретно» и практически не была предметом исторических исследований. В советский период архивные источники, содержавшие подобную информацию, были засекречены, и лишь сравнительно недавно отечественные исследователи обратились к вышеназванной теме. Актуальность проблемы политических настроений населения в условиях оккупации связана с необходимостью дальнейшего детального изучения периода Великой Отечественной и Второй мировой войн в условиях непрекращающихся попыток фальсификации истории и искажения исторической правды. Новизна работы обусловлена ее предметом. В настоящее время отсутствуют работы, посвященные изучению феномена политических настроений населения на территории Генерального округа Беларусь. Дело в том, что оккупационный режим в пределах данной административной единицы характеризовался рядом специфических черт, что не могло не отражаться на настроениях местного населения, его восприятии проводимой политики и пропаганды. В отечественной и зарубежной историографии до сих пор крайне мало работ, посвященных специфике содержания пропаганды немецких властей на территории оккупированных советских республик, в данном случае БССР, а также реакции населения на немецкую пропаганду и политику. Существующие советские и западные исследования, например работы Н. Мюллера [1], А. Даллина [2], У. Герберта [3], В.И. Дашичева [4], А.А. Факторовича [5], А.Ф. Юденкова [6], в силу объективных причин были лишены источниковой базы, ставшей основой для данного исследования. В советское время это было связано с идеологическими запретами и установками, ведь немецкая пропаганда нередко содержала критику реальных недостатков советской экономической и политической модели (политические репрессии, раскулачивание, методы коллективизации и т. д.) [4–6]. Поэтому главным предметом изучения историков применительно к обозначенной проблеме были партизанская контрпропаганда и партизанское движение как таковое, примеры чему – системные энциклопедические издания белорусских историков по истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории БССР [7], коллективные монографии под редакцией А.А. Ковалени [8, 9].

В настоящее время недостаточная изученность вопроса во многом обусловлена недоступностью архивных источников для российских историков на постсоветском пространстве, поэтому основным объектом

исследования российских историков в контексте указанной проблемы стало изучение немецкой пропаганды в пределах отдельных оккупированных частей РСФСР либо отдельных аспектов советско-германского идеологического противостояния, например в исследовании Ф.Л. Синецына [10]. Зарубежные историки также рассматривают только отдельные аспекты обозначенной проблемы. Например, анализ и систематизацию периодических изданий немецких оккупационных властей на территории Генерального округа Беларусь осуществил белорусский историк С.В. Жумарь [11], изучение пропагандистских материалов, ориентированных на сельское население округа, предприняла Е.А. Мигунова [12]. Польский историк Ю. Туронек провел исследование специфических черт оккупационной политики немецкой гражданской администрации на территории округа, уделив особое внимание роли в ней пропаганды [13]. Немецкий историк Й. Шлоотц в конце 90-х гг. прошлого столетия провел анализ содержания изобразительных средств немецкой пропаганды в Генеральном округе Беларусь (листовок, обращений к населению, «пропусков» для партизан и т.д.), однако всеохватывающего и системного исследования проблемы проведено не было [14]. И только сравнительно недавно стала объектом исследования тема политических настроений населения на оккупированной территории, его реакции на вражескую пропаганду, например в работах Ю. Туронка [13], В.Ю. Чехлова [15], а также проблема коллаборационизма, в том числе белорусского, сыгравшего существенную роль в реализации оккупационных планов нацистов, например в исследовании О.В. Романько [16]. Таким образом, проблема реакции населения на немецкую пропаганду на оккупированной советской территории, его политических настроений требует дальнейшего детального и системного изучения.

Следует отметить, что оккупация БССР продолжалась более трех лет, сама территория республики входила в состав целого ряда административно-территориальных образований, что, конечно, обусловило ряд специфических черт как в методах хозяйственно-эксплуатационных мероприятий на данной территории, проводимых немецкими властями, так и в содержании немецкой пропаганды, адресованной местному населению. Генеральный округ Беларусь занимал порядка четверти довоенной территории БССР. Помимо него земли Беларуси входили в Генеральный округ Литва рейхскомиссариата Остланд, генеральные округа Воляния, Житомир рейхскомиссариата Украина, округ Белосток и территорию тыла группы армий «Центр» [17. С. 7]. Источниковой базой для исследования по-

служили документы из фондов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Методы исследования – анализ, синтез, сравнение. Хронологические рамки исследования – 1941–1944 гг., территориальные – Генеральный округ Беларусь. Цель проведенной работы – определить специфические черты политических настроений населения в пределах Генерального округа Беларусь и его реакции на пропагандистские кампании немецких властей, а также выявить факторы, их обусловившие.

Белорусская земля и ее народ одними из первых столкнулись с немецко-фашистскими захватчиками в июне 1941 г. Наступление вермахта и установление нового режима власти были по-разному восприняты населением оккупированной БССР. Большая часть населения, по мнению историка В.Ю. Чехлова [15], заняла пассивную, выжидательную позицию. Дело в том, что в исторической памяти белорусского народа сохранились неоднократные предшествовавшие «крестовые походы» с Запада на Восток, в том числе сравнительно недавно до этого завершившаяся Первая мировая война, одним из театров военных действий которой также стала земля Беларуси. Одной из главных специфических черт менталитета белорусов, обусловленных длительным периодом отсутствия собственной государственности (в периоды войн, пребывания в составе иных государственных образований – Речи Посполитой, Российской империи), стала терпимость к власти как таковой; в массовом сознании прочно укоренился стереотип, что власть периодически меняется и неважно, кто ее представляет, главное – сохранить свою жизнь. Для основной массы населения, проживавшей в пределах Генерального округа Беларусь (а это преимущественно районы Западной Беларуси), непродолжительный предыдущий этап советского правления был воспринят, как очередной, на смену которому снова пришли немцы. Также немаловажным фактором в пассивном, выжидательном отношении людей к происходящим событиям стал достаточно низкий уровень этнического самосознания простых белорусов, многие из которых именовали себя «тутэйшыя», т.е. «местные». Население Беларуси традиционно испытывало воздействие двух сил – польской и российской, что значительно минимизировало как уровень национального самосознания, так и тенденции к национализму и сепаратизму. На это обратили внимание и представители германской администрации, указав, что пассивные по отношению к ним политические настроения обусловлены «низким национальным самосознанием» белорусов, а также «отсутствием национальной интеллигенции» [18. Л. 248, 250]. При этом немаловажным фактором в формировании политических настроений стала разница в социально-экономическом положении населения в Западной и Восточной Беларуси, которые соответственно входили в состав Польши и СССР.

Говоря о подчиненной ему территории, генеральный комиссар округа В. Кубе высказал следующее замечание: «Беларусь была в самом прямом значении слова не более, чем туманным географическим поня-

тием» [19. С. 1]. В первую очередь это высказывание касалось национального самосознания белорусов. Как отмечали немецкие источники, длительная предшествующая политика русификации и полонизации белорусского населения привела к тому, что «белорусы в массе своей считают себя русскими в большей степени, чем белорусами (в восточных областях) и, соответственно, поляками в Западной Беларуси» [20. Л. 8].

Это обстоятельство во многом послужило основой пропаганды по национальному вопросу, широко развернутой по инициативе Кубе. Идея так называемой «белорусизации», предложенная им, включала целый ряд составляющих – возрождение культуры и языка, возобновление церковной жизни, популяризацию достижений мировой и белорусской культуры среди населения округа, открытие школ и высших учебных заведений. В своей идеологической обработке местного населения гражданская немецкая администрация исходила из того, что белорусский край на протяжении долгого времени существовал в условиях целенаправленной русификации и полонизации, зачастую полного отрицания феномена белорусской культуры, языка, истории. Эти обстоятельства как нельзя лучше способствовали пропагандистским слоганам о том, что только политика немецких властей станет предпосылкой «возрождения национального самосознания и культуры» белорусов [21. Л. 30]. Публичные высказывания Кубе относительно перспектив национального развития белорусского края доходили даже до того, что Генеральный округ Беларусь должен был не только выполнять административные задачи, продиктованные военной необходимостью, но ему «суждено стать Отечеством для белорусского народа», и белорусский народ в определенном смысле является «государствообразующим народом» [19. С. 1]. Чтобы завоевать симпатии и доверие местного населения, Кубе использовал разнообразный пропагандистский инструментарий. Так, по инициативе генерального комиссара округа в 1942 г. были основаны многочисленные культурные, общественные и иные организации – «Белорусское научное общество» [22. Л. 1–5], «Белорусские профсоюзы» [23. Л. 2], «Судебный аппарат Беларуси» [24. Л. 4], «Все-белорусский женский комитет» [25. Л. 5]. Само их наличие должно было служить доказательством доверия немецкой администрации к белорусам, уважения к их стремлению организовать собственные общественные и государственные структуры.

Кубе считал, что для успешного господства в белорусском крае необходимо учитывать «его наиболее тяжелое положение среди стран рейхскомиссариата Остланд». Причину этого он видел «в более чем 20-летнем нахождении Беларуси под властью Польши и большевиков». «В Беларуси положение осложняется еще и тем, что здесь постоянно проходят войска, а теперь остались коммунисты и партизаны. В годы советской власти на белорусских землях хорошо жили евреи и русские, а местные рабочие, крестьяне, ученые находились под жидовским гнетом. Культура Беларуси уничтожалась: церкви разграбили большевики, а поляки проводили полонизацию. Чтобы навести здесь порядок, – отмечал Кубе, – необходимо в первую оче-

редь уничтожить большевизм и его последствия, остановить рост партизанского движения, провести реприватизацию, поднять зарплату местным служащим и рабочим до уровня Прибалтики, начать издание белорусско-язычной литературы, особенно учебников». Генеральный комиссар считал необходимым «развивать школьную систему, запретить употребление русского и польского языков как отголоска большевистского и польского режимов». Кубе также предложил наладить отношения с православной церковью и «попытаться найти взаимопонимание с католической» [26. Л. 151].

Ставка Кубе на национальные чувства белорусов дала определенные результаты, однако активное сотрудничество с немецкой администрацией выявили лишь отдельные представители национальной интеллигенции, которые наивно уверовали в то, что нацистская Германия сделает своего рода подарок белорусам в виде суверенитета. Цитата из статьи Ф. Акинчица, одного из наиболее активных белорусских коллаборационистов, подтверждает вышесказанное: «Мы, белорусы, не должны относиться к этой войне с точки зрения исключительно белорусских интересов... Мы должны понять, что война ведется во имя будущего всего цивилизованного мира. От того, чья сторона возьмет верх, будет зависеть судьба всех народов... Кроме того, война ведется за перестройку Европы на новых экономических и политических принципах. Какой бы ни стала Европа в ближайшем будущем, нам, белорусам, не приходится жалеть о довоенной Европе. Ничего мы в ней не имели и иметь не могли... На своей земле мы никогда не имели возможностей для национального развития, однако теперь она у нас появилась... Судьба белорусского дела зависит исключительно от антибольшевистского фронта» [27. С. 1].

Немецкая администрация в лице Кубе предприняла массу шагов, направленных на создание видимых «доказательств» некой будущности белорусского государства, созданной с помощью нацистской Германии. Учреждалось большое количество коллаборационистских организаций с культурно-образовательными, просветительскими, а по сути – пропагандистскими функциями. Например, практически накануне освобождения Беларуси от фашистов с подачи оккупационной администрации были основаны Белорусское культурное объединение (БКО) и Белорусское научное товарищество (БНТ) (в феврале и марте 1944 г. соответственно). Целью их создания было объявлено «развитие белорусской науки и культуры» [28. Л. 10]. В Статуте БНТ, подписанном Кубе еще в 1943 г., говорилось: «Чтобы удовлетворить стремления к развитию и подъему белорусской культуры и науки и сделать возможной организацию научной работы в Беларуси, распоряжаюсь об основании в Минске БНТ и наделяю его Статутом». Для проведения своей работы члены БНТ предполагали повсеместное основание на территории округа секций белорусоведения, природоведения, математики, техники, искусства и литературы [29. Л. 38]. Однако основная масса населения была слишком далека от иллюзорных задач «возрождения и развития белорусской культуры и науки», провозглашенных Кубе. Простые люди ежедневно решали для себя «сверхзадачу»

выживания в условиях проводимой оккупантами политики «выжженной земли», необходимости выполнять при этом сельхозпоставки перед немецкой администрацией, оказывать под страхом смерти помощь партизанам и жить в полной неизвестности относительно своего будущего. Поэтому фальшивые лозунги о «светлом» будущем Беларуси в составе «Новой Европы» воспринимались белорусским населением, как лживые и демагогичные. Представители пропагандистской службы Генерального комиссариата округа констатировали, что хотя местные жители и охотно разбирают газеты и листовки, но впоследствии не столько читают их, сколько используют для изготовления папирос-самокруток [30. Л. 75].

На оккупированной территории БССР немецким властям приходилось учитывать историческую специфику белорусского края, в том числе многоэтничный (белорусы, поляки, евреи, русские, украинцы, татары, цыгане) и поликонфессиональный (православные, католики, униаты, иудеи, мусульмане) характер местного населения. Среди сотрудников администрации министерства оккупированных восточных территорий Беларусь зачастую называли «национальным коктейлем» или «золушкой Рейхскомиссариата Остланд», подчеркивая тем самым отсутствие здесь ярко выраженных националистических сил, с одной стороны, и второстепенное значение округа в числе прочих административных единиц рейхскомиссариата – с другой [13. С. 113]. Понятно, что столь разнородный состав местного населения и в этническом, и в религиозном плане влиял на специфику политических настроений в среде той или иной этнической группы. Тем не менее, «несмотря на разные впечатления от советской действительности у белорусов и поляков, в первых донесениях айнзатцгруппы “В” из районов Западной Беларуси отмечалось положительное отношение к приходу немецких войск со стороны обеих групп населения». Отношение населения характеризовалось амплитудой от «довольно позитивной нейтральности» до «радости в связи с освобождением от советского ярма, которая проявилась в готовности белорусского и польского населения сотрудничать с нами в деле восстановления» [13. С. 51]. Исследователь В.Ю. Чехлов также отмечает: «Как советские, так и нацистские источники с редким единодушием свидетельствуют о первоначальной спокойной, выжидательной и даже лояльной позиции значительной части жителей Белоруссии по отношению к оккупантам» [15. С. 23–24]. Одним из факторов подобного отношения можно считать сложившуюся ситуацию с роспуском колхозов и возвращением к частным хозяйствам. Немецкие власти, как отмечает польский исследователь Ю. Туронек, не препятствовали их роспуску, хотя в соответствии с инструкцией должны были сохранить коллективные хозяйства. Зато в остальных сферах жизни царил «напряженное ожидание». «Немцы не спешили с определением будущего общественно-политического строя, прикрываясь только общими лозунгами освобождения от большевизма» [13. С. 51]. Исследователь делает вывод, что при такой ситуации в настроениях людей преобладали «неуверенность и пассивность» [13. С. 52].

В полицейских донесениях конца 1941 г. немцы еще не отмечали «всеобщей враждебности населения, однако отношение к оккупантам становилось все более отрицательным. Особенно на это повлияли грабежи и реквизиции, убийства военнопленных, евреев и советских деятелей, сохранение колхозов в Восточной Беларуси и проблемы с обеспечением продовольствием в городах» [13. С. 88].

При этом в центральной и восточной частях оккупированной БССР настроения населения перестали быть пассивными уже в первый период войны [31. С. 96], в них в значительной степени проявилась просоветская позиция [32. Л. 9]. В июне 1942 г. ЦК КП(б) Белоруссии докладывал в ЦК ВКП(б), что «население Белоруссии все более озлобляется против немецких захватчиков» и антигерманские настроения «перерастают в народное движение» [33. Л. 119]. Причины этого легко объяснимы: с одной стороны, указанные районы БССР находились под советским правлением значительно дольше, их население испытало в значительно большей степени влияние советской идеологии, выросло целое поколение молодежи, воспитанной в советских школах; с другой стороны, росту партизанского движения способствовали сами действия оккупационных властей, применявших в борьбе с партизанами тактику «выжженной земли».

Существенным фактором, формировавшим политические настроения масс и их реакции на пропагандистские акции немецких властей, стала политика геноцида в отношении евреев, веками проживавших рядом с коренным населением. Известно, что согласно советской переписи населения, проведенной в БССР в 1939 г., на территории республики проживали около 375 тыс. лиц еврейской национальности. В том же году, после вхождения Западной Белоруссии в состав БССР, общее число еврейского населения достигло миллиона человек. В их числе оказались и 200 тыс. польских евреев, нашедших спасение от нацистского холокоста на земле Советской Белоруссии.

С началом Великой Отечественной войны, отступлением регулярных частей Красной Армии и установлением власти немецкой администрации еврейское население в первую очередь испытало на себе угрозу массового истребления. С организацией в сентябре 1941 г. немецкого гражданского руководства на территории Генерального округа Беларусь началась реализация «Программы по окончательному решению еврейского вопроса в занятых советских областях». При этом еще 13 августа 1941 г. штаб оперативного управления Восточного фронта распорядился организовать во всех тыловых районах армии гетто. А в Минске гетто было создано еще в июле 1941 г. в соответствии с приказом фельдкоменданта города [34. С. 197].

Следует отметить, что уже летом–осенью 1941 г. среди немецких оккупационных властей наметился определенный разлад в «решении еврейского вопроса». Так, после жестокой расправы с евреями г. Слуцка силами СД 30 октября 1941 г. генеральный комиссар Беларуси В. Кубе, возглавлявший так называемую гражданскую администрацию, написал ряд донесений имперским властям «рейха» относительно методов

оккупационной политики и «решения еврейского вопроса». Дело в том, что после проведенной карательной акции генеральный комиссар получил доклад от окружного комиссара Слуцка. В нем, в частности, говорилось: «С невероятной жестокостью немецкие полицейские и особенно литовские партизаны [речь идет о литовских частях полиции на службе у немцев] вытаскивали из домов и сгоняли евреев, а среди них – и белорусов. Повсюду в городе была стрельба, на отдельных улицах лежали трупы убитых евреев. Белорусам с большим трудом удавалось избавиться от обвинений [в том, что они не евреи]. Не говоря уже о том, что над евреями, в том числе над ремесленниками, издевались на глазах белорусов, так и самих белорусов били резиновыми дубинками и прикладами карабинов. Это была уже не еврейская акция, а выглядело, скорее, как революция. Белорусское население, которое нам полностью доверяло, теперь в ужасе. Я считаю, что этой акцией было уничтожено многое из того, что нам удалось достигнуть за последние месяцы, и что пройдет много времени, пока мы вернем утраченное у населения доверие». Реакцией В. Кубе стало обращение 1 ноября 1941 г. к рейхскомиссару Остланда Г. Лозе: «Такими методами нельзя поддерживать в Беларуси покой и порядок. То, что тяжелораненые были похоронены живьем, а потом выкарабкивались из могил, – это такое безграничное свинство, что об этом событии нужно было бы просто сообщить фюреру и рейхсмаршалу. Гражданское руководство Беларуси прилагает огромные усилия, чтобы, в соответствии с указаниями Фюрера и министра рейха [Розенберга], заработать симпатии местного населения. Но эти усилия не могут сосуществовать и мириться с вышеописанными методами» [13. С. 79].

Из содержания обращения видно, что уже первые антиеврейские акции на белорусской земле, предпринятые силами полиции, не нашли поддержки у местного населения, более того, они оттолкнули его от немцев. Однако среди оккупационных властей не было единства: СС и СД не подчинялись В. Кубе. И уже в ноябре 1941 г. в Минске начинаются еврейские погромы и расстрелы. Как сообщали советские подпольщики, во время одной из подобных акций – 7 ноября – евреев согнали на улицу Широкую, дали им красные флаги и заставили пропеть «Интернационал», после чего расстреляли. Это массовое убийство ни в чем не повинных людей было объявлено карой за «попытку провести демонстрацию». Тот же источник рассказывал и о принудительной стерилизации евреев. Советские подпольщики сообщали, что под видом обысков – якобы искали оружие, еврейское население попросту грабили. Потом из этих вещей отобрали наиболее старые и непригодные для организации пропагандистской выставки, которую устроили в Доме правительства. Она должна была продемонстрировать, как плохо жили люди при «еврейско-большевистской власти». На основе материалов данной «экспозиции» был снят ряд документальных фильмов пропагандистского характера под названием «Советский рай» [35. Л. 17, 18]. Но никакие фильмы не принесли ожидаемого эффекта. Звериная жестокость нацистов к еврейскому населе-

нию Беларуси вызывала у белорусов стойкое неприятие. Создатели третьего рейха и так называемой «Новой Европы» стремились привлечь к антиеврейским акциям как можно больше местного населения, пытаясь таким образом переложить ответственность за геноцид еврейского народа на белорусов. К сожалению, подобная тактика имела успех во многих европейских странах, в том числе в Польше и в самой нацистской Германии, о чем предпочитают умалчивать как европейские политики, так и историки. Однако проверенный на населении других оккупированных европейских стран прием не сработал на белорусской земле. Издавна евреи населяли многочисленные белорусские местечки и не сталкивались с проявлениями антисемитизма со стороны белорусов. Тем не менее политика холокоста, начатая нацистами в Европе, получила продолжение на оккупированной территории Советской Белоруссии.

Другим существенным фактором, формировавшим политические настроения населения и его восприятие немецкой пропаганды, было масштабное партизанское движение. В рядах партизан, действовавших на всей оккупированной территории БССР, насчитывалось 374 тыс. человек. Они были объединены в 213 партизанских бригад и 258 отдельно действовавших отрядов. Через партизанские резервы прошло примерно 400 тыс. человек. Подполье объединяло не менее 70 тыс. бойцов [36. С. 26]. Кроме того, на территории Генерального округа Беларусь к западу от Минска были достаточно сильны позиции польского патриотического подполья и партизан «лондонского лагеря» – силы антисоветской, но и антигерманской одновременно. Партизанское движение было столь масштабным, что препятствовало хозяйственной эксплуатации края и другим мероприятиям немецких властей. Именно поэтому гражданская администрация округа делала все, чтобы разжечь ненависть белорусского народа к партизанам, борьбу с которыми оккупанты именовали не иначе, как «борьба с бандитизмом». Однако, как констатировали оба генеральных комиссара округа – В. Кубе, а затем К. фон Готтберг – вести эту борьбу без оружия нельзя, и в результате «террористической бандитской деятельности» во второй половине 1942 г. – первой половине 1943 г. население уже утратило веру в победу немецкого оружия, чему значительно поспособствовала лживая вражеская пропаганда... Гебитско-миссары также отмечали большое отрицательное влияние вражеской пропаганды, которая называет партизанскую борьбу вторым фронтом и использует в своих целях информацию о разнице в социальном положении белорусских работников и немецких [у белорусских «остарбайтеров» зарплата была значительно меньше] [37. Л. 23–25]. Более того, даже в немецких источниках признавалось, что население рассматривает противопартизанские акции как проявление слабости немецкой администрации. Гебитскомиссар г. Слуцка, например, жаловался, что доверие населения потеряно полностью, поскольку люди совершенно не обеспечиваются продовольствием. Сотрудники отдела пропаганды оценивали эффективность собственной работы на 50% по сравнению с тем уровнем, на который рас-

считывали [38. Л. 96]. Еще одним фактором, влиявшим на неэффективность антипартизанской борьбы, выступало то обстоятельство, что белорусы в принципе крайне неохотно принимали участие в организации «нового порядка». «В отличие от Украины и Прибалтики тут было сложно создать полицейские батальоны и действительно национальную администрацию – немцы чаще называли ее “местная”, чем “белорусская”», – отмечает польский исследователь Ю. Туронек [13. С. 113]. Отсутствие проявлений национализма в широкой народной массе минимизировало, таким образом, эффект использования немецкими властями местного белорусского населения как в геноциде евреев, так и в антипартизанской борьбе.

Однако при этом следует признать, что население округа находилось как бы меж двух огней: с одной стороны, за сотрудничество с оккупантами (а сотрудниками могли посчитать не только полицейских, но и учителей, врачей, крестьян, исполняющих военные поставки) могли покарать партизаны – советские или польские, а с другой – грозила смертная казнь за помощь «бандитам». Население, особенно деревенское, значительно страдало в сложившейся ситуации, ведь крестьяне должны были одновременно и выполнять приказы немецкой власти, и обеспечивать потребности партизан в продуктах, одежде и т.д. «Партизанские листовки грозили смертью и полицаям, и их семьям. Смертью угрожали и крестьянам за поставки немцам сена, пшеницы и другой сельхозпродукции» [13. С. 97]. Командир одного из партизанских отрядов в своем отчете признавал: «Организация и комплектование отрядов проводились несерьезно, люди подбирались непривычные к трудностям походных условий, доверять которым нельзя из-за того, что мобилизовывались из вражеского тыла; люди в отрядах не имели необходимой одежды и обуви, часто болели; не было связи с фронтом или ЦК КП(б), не хватало оружия; была плохо поставлена политработа» [39. Л. 13]. Следствием этого были ситуации, когда в западных районах округа местное население достаточно пассивно, а в некоторых случаях либерально относилось к оккупационным властям и в достаточной степени настороженно – к партизанам. В ряде источников представители немецкой администрации сообщали, что на этой территории «приказы немецких властей выполнялись местным населением» и не было «преступлений по политическим мотивам», а влияние советской пропаганды было «очень слабым», и только небольшая часть населения «доверяла партизанам». Например, осенью 1943 г. в г. Скидель распространились слухи о том, что «большевики уже в Минске», что вызвало «волнения среди местного населения» [40. Л. 26–26 об., 29, 91, 93, 103]. Однако еще большие волнения и поистине ужас вызывали карательные экспедиции, проводившиеся в зонах действия партизан, жертвами которых становились отнюдь не только партизаны, но и гражданское население. За весь период оккупации Беларуси было проведено более 60 карательных экспедиций, в результате которых уничтожено 692 деревни вместе с жителями [41. С. 135]. Важные детали добавляют воспоминания партизан: «В партизанских районах в периоды

блокад с населением обращались жестоко: созывали под видом “собрания”, а потом загоняли в сарай, запирали и сжигали вместе с сараем или домом; в минуты этого варварства стреляли из пулеметов и автоматов по сараю, где горели наши советские люди. Такими фактами являются сожженные деревни Любча, Борки, Бригидово, Старинки Ивнянского района Вилейской области, где было сожжено свыше 300 стариков, женщин и детей» [42].

О негативном психологическом воздействии на население округа карательных антипартизанских акций весьма красноречиво высказался В. Кубе в рапорте Г. Лозе: «Это – результат психологических ошибок, что допускают с населением в ходе полицейских акций отряды, которые их проводят. Фатальную роль здесь особенно играет имя Дирлевангера, так как этот человек во время карательной экспедиции против мирного населения сознательно не принимает во внимание никакие политические интересы. Это напоминает методы Тридцатилетней войны, поэтому утверждения немецкой гражданской администрации о желании сотрудничестве с белорусским народом звучат лживо. Массовые расстрелы или сжигание женщин и детей не имеют ничего общего с гуманным ведением войны. Количество деревень, уничтоженных в ходе крупных полицейских операций, превышает количество деревень, сожженных партизанами... Если такими методами действовать и дальше, нечего рассчитывать на умиротворение края, даже если силы полиции увеличатся в десять раз. Территория постепенно обезлюдет и будет потеряна в интересах хозяйственного использования для немецкого Рейха... Карательные экспедиции подчас превращаются в кровавые оргии, и это не только уничтожает доверие населения к немецкому руководству, но в первую очередь бьет по доверию белорусов, желающих с нами сотрудничать... Пока методы нашей борьбы с партизанщиной будут направлены против мирного населения... пока будут расстреливать детей и женщин, до тех пор все эти выходки будут висеть на счету министерства Остланд, рейхскомиссаров и генеральных комиссаров» [13. С. 142–143]. Приведенная цитата может быть интерпретирована неоднозначно, в том числе как проявление некоего гуманизма со стороны Кубе по отношению к местному населению. Однако сам генеральный комиссар округа был членом НСДАП, а потому не мог не разделять идеологии и «ценностей» устроителей третьего рейха. Его беспокойство по поводу негативных психологических последствий карательных экспедиций, скорее, продиктовано стремлением переложить с себя ответственность за невинные жертвы на представителей СС и СД, а также создать условия на подчиненной ему территории, которые в наибольшей степени будут способствовать ее эксплуатации. Поэтому основную ставку Кубе сделал на пропаганду и использование коллаборационистов, о чем уже говорилось выше.

Таким образом, двойственность положения гражданского населения, его страх перед возможным наказанием за сотрудничество с «бандитами», с одной стороны, а также ужас перед карательными акциями против партизан, жертвами которых неизменно становились

мирные граждане – с другой, вылились в формирование подобной специфической позиции, которая во многом оставалась выжидательной. Люди не знали, что их ждет в будущем, были лишены достоверной информации о происходящем на советско-германском фронте, испытывали на себе воздействие массовой немецкой пропаганды, осуществлявшейся через СМИ, школу, церковь, многочисленные культурно-просветительские акции и мероприятия (проведение традиционных праздников, художественных выставок, экскурсий в рейх и т.д.). Выжидательная, а в некоторых случаях лояльная позиция белорусов по отношению к немецким властям на начальном этапе войны объяснима, с одной стороны, незнанием истинных планов «освободителей», а с другой – своего рода стереотипным отношением к сложившейся ситуации. За долгие годы нахождения между двумя мирами – западным, европейским и восточным, российским – в менталитете белорусов выработалась определенная индифферентность по отношению к очередным завоевателям России, которые шли на Восток по их земле. В обыденном сознании существовало представление, что война касается России и Германии, русских, немцев и поляков, но не белорусов, не стоит лишь выказывать очевидное неприятие новым властям. При этом некоторые исследователи, например В.Ю. Чехлов, считают, что предпосылкой выжидательной позиции стало недостаточно эффективное влияние советских идеологических служб в предвоенные годы [15. С. 23]. Польский историк Ю. Туронек отмечает, что «под знаменитыми спокойствием и пассивностью» белорусского населения скрывалось «полное бессилие перед двумя великими армиями, которые в страшном противоборстве решали его судьбу». «Население, оказавшееся между молотом и наковальней, просто не могло все время отстаивать какие-то политические взгляды, вся его так называемая позиция заключалась в одном слове – «выжить»... Подавляющая часть белорусского общества предчувствовала близкую смену власти и поэтому не сильно стремилась в БЦР [Белорусская Центральная Рада – очередной коллаборационистский орган, учрежденный незадолго до освобождения Беларуси]. Несмотря на это, мощный порыв национализма не мог не оставить следа в массовом сознании» [13. С. 189–190]. Исследователь Ф.Л. Сеницын, характеризуя политические настроения белорусского населения на завершающем этапе войны, подчеркивает, что «на основной территории Белоруссии... Красную Армию встречали с радостью... такие же настроения отмечались среди городского населения Западной Белоруссии, которое пострадало от германской оккупации намного больше, чем сельское» [10. С. 358].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что политические настроения населения Генерального округа Беларусь определялись рядом объективных факторов. Во-первых, территория округа не охватывала всей территории Беларуси, а границы его были проведены произвольно. Во-вторых, отсутствие практики самостоятельного государственного строительства и длительное пребывание в составе иных государств (Польши и России) обусловили достаточно низкий

уровень национального самосознания белорусов и, как следствие, слабые националистические и сепаратистские устремления, что значительно снижало эффект от пропагандистской деятельности коллаборационистских организаций. В-третьих, масштабные и разрушительные военные действия между странами Запада и Россией, с периодичностью раз в столетие происходившие в XVIII – начале XX в. на земле Беларуси, во многом обусловили индифферентное, выжидательное отношение местного населения к очередной смене власти. В-четвертых, недолговременное предшествующее пребывание в составе БССР отразилось на специфике массового сознания большинства населения округа, сформированного во многом под влиянием польской культурно-политической среды. При этом реакция

населения округа на немецкую пропаганду характеризовалась высокой степенью недоверия и скепсиса, поскольку содержание пропагандистских материалов резко контрастировало с жестокой реальностью. Политика «выжженной земли», методы борьбы с партизанами, геноцид евреев, практика принудительных вербовок потенциальных оstarбайтеров – все это в совокупности нивелировало слоганы немецкой пропаганды об «освобождении» белорусов от «жидо-большевизма» и открывшихся перспективах национального и культурного строительства Беларуси в составе так называемой «Новой Европы». Существенным фактором, снижавшим эффективность немецкого идеологического воздействия на население округа, была советская контрпропаганда, которую вели партизаны.

Список источников

1. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в организации оккупационного режима на советской территории. М. : Воениздат, 1974. 387 с.
2. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of occupation policies. London : Macmillan and Company, 1957. 250 p.
3. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des “Auslandereinsatzes” in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin–Bonn, 1985. 265 S.
4. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма : в исторические очерки : документы и материалы : в 2 т. М. : Наука, 1973. Т. 1. 766 с.
5. Факторович А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. Минск : Наука и техника, 1979. 150 с.
6. Юденков А.Ф. Политическая работа партизан среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М. : Мысль, 1971. 358 с.
7. Беларусь партизанская : иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск : Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. 352 с.
8. Беларусь в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А.А. Коваленя. Минск : Белта, 2005. 529 с.
9. История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск : Беларуская навука, 2019. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома Н.Б. Нестерович. 567 с.
10. Силицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР. Национальный и религиозный аспекты : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. 555 с.
11. Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1995. 129 с.
12. Мігунова А.А. Нямецкая прапаганда сярод вясковага насельніцтва Генеральнага Камісарыята Беларусі (ГКБ) у 1941–1944 гг. // Весці Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта. 1998. № 4. С. 101–106.
13. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. М. : Беларусь, 1993. 236 с.
14. Шлоотц Й. Немецкая пропаганда в Беларуси 1941–1944: конфронтация между пропагандой и действительностью. Берлин : Свободный университет, 1997. 80 с.
15. Чехлов В.Ю. Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941–1944 гг. (на примере Белорусской ССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 32 с.
16. Романько О.В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М. : Центрполиграф, 2013. 478 с.
17. «Остарбайтеры». Принудительный труд белорусского населения в Австрии : документы и материалы. Минск : НАРБ, 2003. 331 с.
18. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56.
19. Kube W. Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung // Deutsche Zeitung im Ostland. 1942. 30.08.
20. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 411.
21. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1.
22. НАРБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1.
23. НАРБ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1.
24. НАРБ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2.
25. НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1.
26. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1272.
27. Акінчыц Ф. Увагі на часе // Беларуская газета. 1943. 28.03–08.04.
28. НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 5.
29. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 419.
30. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2372.
31. Майнер С.М. Сталинская священная война: религия, национализм и союзническая политика : 1941–1945. М. : РОССПЭН, 2010. 453 с.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 66.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104.
34. Евреи Беларуси: история и культура : сб. ст. / отв. ред. И. Герасимова и др. Минск : Беларусь, 1997. 297 с.
35. НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 648.
36. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : документы и материалы : в 2 кн. / сост. Г.Д. Князько, В.И. Адамушко и др. Минск : НАРБ, 1996. Кн. 1: 1941–1942. 304 с.
37. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 386а.
38. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 50.
39. НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 81.
40. РГВА. Ф. 1323к. Оп. 2. Д. 243.
41. Большая советская энциклопедия : в 30 т. М. : Сов. энцикл, 1970. Т. 3: Барн–Браслет. 895 с.

42. Селемев В., Корбут В. Архивные материалы раскрывают неизвестные факты о сожженных деревнях Беларуси // Советская Белоруссия. 2014. 23 сент. № 181 (24562).

References

- Müller, N. (1974) *Vermakht i okkupatsiya (1941–1944). O roli vermakhta i ego rukovodyashchikh organov v organizatsii okkupatsionnogo rezhima na sovetской territorii* [The Wehrmacht and the Occupation (1941–1944). On the Role of the Wehrmacht and Its Governing Bodies in Organizing the Occupation Regime on Soviet Territory]. Translated from German. Moscow: Voenizdat.
- Dallin, A. (1957) *German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies*. London: Macmillan and Company.
- Herbert, U. (1985) *Fremdarbeiter. Politik und Praxis des "Auslandereinsatzes" in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. Berlin; Bonn: Verlag Dietz.
- Dashichev, V.I. (1973) *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: istoricheskie ocherki: dokumenty i materialy* [Bankruptcy of the strategy of German fascism: Historical essays: Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Faktorovich, A.A. (1979) *Krakh agrarnoy politiki nemetsko-fashistskikh okkupantov v Belorussii* [The collapse of the agrarian policy of the Nazi occupiers in Belarus]. Minsk: Nauka i tekhnika.
- Yudenkov, A.F. (1971) *Politicheskaya rabota partizan sredi naseleniya okkupirovannoy sovetской territorii (1941–1944 gg.)* [Political work of guerilla fighters among the population in the occupied Soviet territory (1941–1944)]. Moscow: Mysl'.
- Kuznetsova-Timonova, A.V. (2019) *Belarus' partizanskaya: illyustrirovannaya entsiklopediya partizanskogo dvizheniya v Belarusi v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Resistance Fighters of Belarus: An illustrated encyclopedia of the resistance movement in Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk: Petrus Browka Belarusian Encyclopedia.
- Kovalenya, A.A. (ed.) (2005) *Belarus' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk: Belta.
- Kovalenya, A.A. et al. (2019) *Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti: v 5 t.* [History of Belarusian Statehood: in 5 vols]. Vol. 4. Minsk: Belaruskaya navuka.
- Sinitsyn, F.L. (2018) *Sovetsko-germskoe ideologicheskoe protivoborstvo na okkupirovannoy territorii SSSR. Natsional'nyy i religioznyy aspekty* [Soviet-German ideological confrontation in the occupied territory of the USSR. National and religious aspects]. History Dr. Diss. Moscow.
- Zhumar, S.V. (1995) *Okkupatsionnaya periodicheskaya pechat' na territorii Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Occupation periodicals on the territory of Belarus during the Great Patriotic War]. History Cand. Diss. Minsk.
- Migunova, A.A. (1998) *Nyametskaya prapaganda syarod vyaskovaga naseľnitsva General'naga Kamisaryyata Belarusi (GKB) u 1941–1944 gg.* [German propaganda of the common people of the General Staff of Belarus (GKB) in 1941–1944]. *Vestsi Belaruskaga dzyarzhavnaga pedagogichnaga universiteta*. 4. pp. 101–106.
- Turonak, Yu. (1993) *Belarus' pad nyametskay akupatsyyay* [Belarus under German occupation]. Moscow: Belarus'.
- Schloutz, J. (1997) *Nemetskaya propaganda v Belarusi 1941–1944: konfrontatsiya mezhdru propagandoy i deystvitel'nost'yu* [German Propaganda in Belarus 1941–1944: Confrontation between Propaganda and Reality]. Berlin: Svobodnyy universitet.
- Chekhlov, V.Yu. (2004) *Otnoshenie naseleniya k nemetskomu okkupatsionnomu rezhimu na territorii SSSR 1941–1944 gg. (na primere Belorusskoy SSR)* [Attitude of the Population to the German Occupation Regime on the Territory of the USSR 1941–1944 (a case study of the Belarusian SSR)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
- Romanko, O.V. (2013) *Belorusskie kollaboratsionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941–1945* [Belarusian Collaborators. Cooperation with the Occupiers on the Territory of Belarus. 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- The National Archive of the Republic of Belarus. (2003) *Ostarbeiter. Weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich: Dokumente und Materialien*. Graz: Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung; Minsk: NARB.
- The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 1370k. List 1. File 56.
- Kube, W. (1942) Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung. *Deutsche Zeitung im Ostland*. 30th August.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 411.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 1.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 386. List 1. File 1.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 555. List 1. File 1.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 396. List 1. File 2.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 384. List 1. File 1.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1272.
- Akinchyts, F. (1943) Uvagi na chese. *Belaruskaya gazeta*. 28th March – 8th April.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 908. List 1. File 5.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 419.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 2372.
- Mayner, S.M. (2010) *Stalinskaya svyashchennaya voyna: religiya, natsionalizm i soyuznicheskaya politika: 1941–1945* [Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Allied Policy: 1941–1945]. Moscow: ROSSPEN.
- The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 122. File 66.
- The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 125. File 104.
- Gerasimova, I. et al. (eds) (1997) *Evrei Belarusi: istoriya i kul'tura* [Jews of Belarus: History and Culture]. Minsk: Belarus'.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 33a. File 648.
- Knatko, G.D., Adamushko, V.I. et al. (eds) (1996) *Belorusskie ostarbaytery. Ugon naseleniya Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniyu (1941–1944): dokumenty i materialy* [Belarusian Ostarbayters. The Deportation of the Population of Belarus for Forced Labor in Germany (1941–1944): Documents and Materials]. Vol. 1. Minsk: NARB.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 386a.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 50.
- The National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 33a. File 81.
- The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 1323k. List 2. File 243.
- Prokhorov, A.M. (1970) *Bol'shaya sovetская entsiklopediya: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vols]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Selemenev, V. & Korbut, V. (2014) Arkhivnye materialy raskryvayut neizvestnye fakty o sozhzhennykh derevnyakh Belarusi [Archival materials reveal unknown facts about the burned villages of Belarus]. *Sovetskaya Belorussiya*. 23th September.

Сведения об авторах:

Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (Лjubерцы, Россия). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Третьяк Сергей Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь). E-mail: dynochius@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Pushkarenko Elena A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities of the Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russian Federation). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Tretyak Sergey A. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Modern History of Belarus of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: dynochius@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.09.2021; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 21.09.2021; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья

УДК 94(57)

doi: 10.17223/19988613/90/5

Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Западной Сибири по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Юрий Владимирович Семенов

Томский государственный университет, Томск, Россия, semen_sbp@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается национальный состав вооруженных сил и казачьих войск Российской империи в двух губерниях – Тобольской и Томской – по результатам Первой всеобщей переписи населения 1897 года для выявления зависимости дислокации, мест проживания, несения военной службы воинских соединений от их национального состава и особенностей местного населения. Эти внутренние регионы типичны для губерний Сибири и позволяют наметить общие тенденции размещения войск в империи.

Ключевые слова: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, вооруженные силы, Сибирское казачье войско, войсковые казаки, Томская губерния, Тобольская губерния

Для цитирования: Семенов Ю.В. Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Западной Сибири по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 50–58. doi: 10.17223/19988613/90/5

Original article

Ethnic composition and features of the deployment of military formations in Western Siberia according to the results of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897

Yuri V. Semenov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, semen_sbp@rambler.ru

Abstract. The national (ethnic composition) of the armed forces of the Russian Empire and the specifics of their deployment have been little studied both in pre-revolutionary Russian historiography and in subsequent works by historians of the Soviet and post-Soviet period. The purpose of this study is to show the ethnic (national) composition of the armed forces and Cossack troops of the Russian Empire in Western Siberia (in two provinces - Tobolsk and Tomsk) according to the results of the First General Population census of 1897. An attempt has been made to identify patterns and cause-and-effect relationships (dependence of dislocation, places of residence, military service on their national composition and socio-political qualities and characteristics of the local population). Also, the task is not only to show the management system of national policy in tsarist Russia, but also to preliminarily analyze the causes of its occurrence using the example of two inner Siberian regions.

The main question is where to get reliable data on these aspects, and which comparative characteristics to use for analysis and then make conclusions about the general principles of manning the armed forces of the Russian Empire based on nationality and location in the last peaceful decade of its history. Previously, it was possible to rely on data from the audit inventories of provinces, reports and orders of military districts, but before the census of 1897 there was no complete picture of the entire empire. With its implementation, the final materials provided the data for such work. The population Census of 1897 was and remains today the most valuable source on the history of Russia, and this research is based on it. Therefore, the purpose of this article is to develop a methodology for calculating and analyzing the problems the author is interested in.

For the calculations, data on the volume of the population census in the Tobolsk and Tomsk provinces and a general summary of the results of processing census data were taken. Comparative tables are presented below (table 1 – for the Tobolsk province, table 2 – for the Tomsk province) quantitative indicators were distributed by the categories under consideration: by armed forces: the total population in the provinces, the number of amateur (independent farming) men (in the armed forces and the Cossacks in combat strength - at that time, only men were taken into account) of the population, their family members of both sexes, the percentage ratio for comparative analysis is an indicator of the share of the armed forces from the total number of amateur population of the province; according to the military Cossacks: the Cossack population of men and women, the total number of the Cossack population and the percentage ratio for comparative analysis is an indicator of the share of the Cossack population not from the amateur male population, but from the total

population of the province (since the tables do not indicate the amateur population). military Cossacks, but only the male and female population – that is, it is not possible to calculate the number of Cossacks of military age). For both the armed forces and the military Cossacks, all indicators are selected by nationality and presented in the columns: armed forces - table XXII, military Cossacks - table XXIV, including family members and the female sex of the Cossack population. Comparative analysis - the indicator is available for each nationality, both for military personnel and family members, both within a group and in general indicators of provinces. Data on the armed forces are taken from table XXII of the provincial volumes of the census "Distribution of the population by profession and nationality based on knowledge of the native language"; data on military Cossacks are taken from table XXIV of the provincial volumes of the census "Distribution of the population by native language, class and state". To check the indicators for the whole province, in case of possible discrepancies, tables I "Available population and permanent", tables VIII "Distribution of population by estates" of the same volumes by provinces were used.

As a result of such an analysis of the issue, using the results of the census, we can conclude that the ethnic composition and features of the deployment of military formations in Western Siberia (Tobolsk and Tomsk provinces) are classic for the inner provinces of the empire. The absence of other large and, most importantly, economically significant ethnic groups, with the exception of Russians, ensures the loyalty of the local population to the government. In this regard, the central government planned the number of troops and Cossacks, their national composition and key locations in certain territories of the provinces. In our case, the territory of the provinces of Western Siberia was considered by St. Petersburg as safe from the point of view of the internal political situation and from a military-strategic point of view, based on the capabilities of the opposing border countries (the Chinese Empire). Hence the small number of troops - 5,991 military personnel in the Tobolsk and Tomsk provinces, which have sufficiently large mobilization resources. A relatively high concentration of troops and Cossack detachments was generally found near a small section of the border and around the Altai – Biysk and Zmeinogorsky districts (military factories and mines). All of the above factors made it possible to develop the region without fear of internal and external shocks.

Keywords: The First general population census of the Russian Empire in 1897, armed forces, Siberian Cossack army, military Cossacks, Tomsk province, Tobolsk province

For citation: Semenov, Y.V. (2024) Ethnic composition and features of the deployment of military formations in Western Siberia according to the results of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 50–58. doi: 10.17223/19988613/90/5

Вопрос национального (этнического) состава вооруженных сил Российской империи и особенностей их дислокации практически мало изучен как в отечественной дореволюционной историографии, так и в работах историков советского и постсоветского периодов [1], хотя имеется достаточное количество упоминаний об этом в работах многих авторов. Дается общее представление о национальных частях в составе как вооруженных сил Империи, так и ее иррегулярных формирований – казачества, причем если по первым приводятся данные по всем вооруженным силам Империи [2. С. 3–9] в разрезе комплектования, обучения и словного разделения [3], то по казачеству в основном данные приводятся или по линейным казачьим войскам [4. С. 3–4], или по географическим районам, например по казачеству Азиатской России [5. С. 186].

Однако для более детального анализа этнического (национального) состава и особенностей дислокации вооруженных сил и казачества опубликованных данных явно недостаточно. Кроме того, нет смысла жестко разделять категории вооруженных сил и казачества – после принятия Устава 1874 г. о всеобщей воинской повинности эти воинские формирования мало чем отличались как в правовом статусе, так и в порядке участия в боевых действиях; их различия как раз и крылись в географическом местонахождении и отсюда – в национальном составе. Эти данные чаще всего представляют собой сводные таблицы с узкоспециальным анализом по определенным межэтническим видам разделения труда (допустим, род занятий от вооруженных сил до купечества и видов промышленного производства) или таблицы-показатели национального

состава, в первую очередь для объяснения социально-демографического, языково-культурного или религиозного характера [6]. Тем более что эти вопросы, несмотря на их ежедневную актуальность, были не совсем приняты к обсуждению в общественном поле многонационального российского общества конца XIX в.

Главный вопрос заключается в том, где можно взять достоверные данные о национальном составе войск? На основании каких сравнительных характеристик делать анализ с выводами об общих принципах комплектования по национальному составу и месту дислокации вооруженных сил Российской империи последнего «мирного» десятилетия в ее истории? Если ранее можно было хоть как-то опираться на данные ревизских сказок, описей губерний и присоединяемых территорий, отчеты и приказы военных округов, которые достаточно информативны со середины XIX в., то цельной картины до Первой всеобщей переписи 1897 г. не было. В военных статистических материалах можно встретить массу показателей – боеспособность, численный состав, национальный состав отдельных воинских частей, перемещения мобилизационных резервов и т.д. [1. С. 81–84], однако глубины данных, в том числе по округам (уездам), принципов размещения частей по национальному комплектованию в конкретных местах и населенных пунктах в них нет.

Цель всего моего исследования – показать национальный (этнический) состав вооруженных сил и казачьих войск Российской империи на основе материалов Первой всеобщей переписи 1897 г., выявить зависимость дислокации мест проживания, несения военной службы от национального состава и социально-полити-

ческих качеств местного населения, тем самым «закрыть «лакуну» в истории национальной политики царской России, получить инструмент для объяснения многих исторических фактов, бывших на национальных окраинах империи.

Данный вопрос важен в историческом и в военно-политическом аспектах как для изучения в историографии, так и для понимания внутренней политики такого многонационального государства, как Российская империя, «умиротворения» национальных окраин, сосуществования народов и вероисповеданий, управления колоссальными территориями без привычных нам средств информации, управления и связи. К сожалению, в отечественных историографических работах данная тема рассмотрена в основном в численно-сравнительном (цифровом) аспекте, а не с точки зрения анализа качества, количества и принципов размещения войск и военно-мобилизационных ресурсов по национальному признаку; а между тем, по-моему мнению, можно будет сделать выводы и подтвердить не только основные принципы оперативного планирования и военного строительства в Российской империи, но и в «философском смысле увидеть тот самый Русский имперский особый путь и судьбу», по выражению Н.А. Бердяева [7], и само понимание – как вообще могла существовать Российская империя в тех границах и с таким национальным составом, а также ответить на вопрос З. Бжезинского: «...почему Советскому Союзу удалось практически повторить границы своего предшественника и просуществовать 70 лет и возможно ли опять...» [8. С. 104].

Рассматриваемые мной политика государства и его требования к качественному и количественному составу вооруженных сил отражались в комплектовании офицерскими кадрами и «нижними чинами» в соответствии с выработанной веками внутренней политикой, национальным составом «инородного или туземного населения», военно-стратегическими и экономическими интересами, географо-климатическим положением и граничащими государствами, религиозными традициями. Поэтому позволю себе не до конца согласиться с мнением именитых историков о том, что у Российского государства «не было национальной политики и не было нужды в специальных бюрократических органах, все происходило исторически стихийно» [9. С. 206]. Не могу полностью утверждать о наличии этнической политики при формировании кадров государственного гражданского аппарата управления и местного самоуправления на рубеже XIX – XX вв., но в вооруженных силах и в казачестве национальная политика определялась недвусмысленно, однозначно, жестко и с учетом многих факторов – национальности людей с оружием, их размещения, вероисповедания, ассимиляции с местным населением (поощрялась ли или нет, цель и конечный результат ассимиляции), готовности и потенциала на отстаивание интересов власти «Белого Царя» [9. С. 3] с самого начала движения России по всем направлениям. Также большое значение имела и подоплека вхождения определенных территорий в состав как Российской империи, так и ранее в состав Московского царства. В договорах (в том числе ранее – в шертях (клятвах) о вхожде-

нии народов и государств «под руку» (покровительство) России четко оговаривались вопросы о военной службе у русского государя [9. С. 134], причем эти условия были связаны со сложившимся сословным и религиозным делением принимаемого народа и, соответственно, различались по этим признакам. В большинстве случаев подробно определялись возможное участие (принудительное или добровольное) в боевых действиях на стороне государя, состав и подчиненность, порядок формирования собственных вооруженных сил, к примеру: Кавказ, Польша, Финляндия [10. С. 304]. Все эти моменты и сыграли решающую роль в национальном (религиозном) составе вооруженных сил самой империи, в принципах дислокации по губерниям и количественном составе на определенном театре военных действий, в начертании и составе военных округов, исходя из имеющихся мобилизационных ресурсов [1. С. 80].

Наибольшее же влияние на данные обстоятельства в описываемом мной периоде (1897–1905) оказал новый Устав о всеобщей воинской повинности (так, до него дворянское сословие от повинности было освобождено, казаки же были введены во всеобщую воинскую повинность с конкретными показателями призыва и выставляемых частей) и возникшие вместе с его принятием новые требования к мобилизационным ресурсам и принципам комплектования армии. Устав кардинально менял систему комплектования, размещения и мобилизационного развертывания императорской армии и иррегулярных формирований казачьих войск (не зря в составе Главной переписной комиссии был создан Военный комитет, и в состав комиссии был введен специальный член в ранге заместителя председателя – генерал П.О. Щербов-Нефедович, представитель казачьих войск) [11. С. 31]. Итоговые материалы Первой всеобщей переписи 1897 г. дали возможность «зафиксировать» данные для проведения соответствующего исследования.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. была и остается на сегодняшний день ценнейшим источником по истории России. Несмотря на то, что работа по полному завершению переписи, оформлению результатов в объемные и исчерпывающие общие своды по империи в целом и, самое главное, по оперативной корректировке полученных статистических и счетных данных была так и не окончена, материалы позволяют проводить глубокий анализ практически по всем аспектам существования государства, получать информацию по каждому региону и группам населения Российской империи конца XIX – начала XX в.

Объемы и масштаб проведенной переписной работы, характер и качественный состав привлеченных для этого сил и средств удивляет даже по нынешним меркам (как один из территориально ответственных за Всероссийскую перепись 2020 г. могу сказать об этом очень профессионально и объективно). Даже в подборе статистических таблиц губернских материалов (тома или рабочие тетради) поражают глубина анализа и скрупулезность разработчиков проекта. Достаточно сказать для примера, что из 25 таблиц переписи две касаются «лиц, одержимых физическими недостатка-

ми», а в двух таблицах по группам населения учитываются «умалишенные и находящиеся на излечении душевнобольные».

Перепись охватывала практически все стороны материальной и религиозной жизни всех сословий Российской империи, а также иностранных подданных, постоянно пребывающих на ее территории. Подробно рассматривались вопросы вероисповедания, возрастные и сословные группы, группы занятий, национальность, доходы и классовые особенности регионов. Также подробно освещались вопросы браков, грамотности, временной и постоянной миграции и распределения населения в империи по национальному признаку. Впервые был показан полный состав национальностей Российской империи (пусть и в разных регионах по-разному называемых – енисейский тюрки, тунгусы (-ссы, -зы), кара-киргизы, кара-кайсаки и казахи, караймы – сиро-халдеи и пр.) с анализом экономического, религиозного, возрастного состояния и мест расселения.

Несмотря на обширные планы и программы, привлечение видных ученых и государственных деятелей России (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, И.О. Струве, Н.А. Тройницкий и др.), недостаточное финансирование переписи, отсутствие подготовительной работы и сведений о ней у населения, недоверие к вопросам самой переписи, а также катастрофически малая общая грамотность привели к тому, что получившаяся картина, к сожалению, была не совсем полной. Кроме того, таблицы изобилуют орфографическими, арифметическими ошибками (несоответствие сумм в столбцах и строках и одинаковых значений внутри и между разными таблицами), а также ошибками наборного и типографского ряда (несовпадение форм и оглавлений внутри таблиц и между таблицами). Так как в 1885 г. в России был отменен «подушный налог», Министерство финансов изрядно сократило финансирование работ (для примера: стоимость переписи 1900 г. в США составляла 13,5 копейки на человека, а в России – 4,2). Для обработки результатов за границей были закуплены счетные машины – табуляторы Гелетера с методом шифрования (нанесение меток ручным пробиванием в картах), а также несколько сотен арифмометров, но из-за скудного финансирования пришлось привлечь к работе малообразованных людей, что и породило массу ошибок, указанных выше [11. С. 30–33]. Все вышеперечисленное, а также затягивание сроков обработки результатов (на 8 лет), неравномерная печать губернских томов привели к определенной потере интереса общества к ожидаемому анализу результатов Первой всеобщей переписи. Смерть главного «инициатора и исполнителя» переписи Н.А. Тройницкого в 1913 г., а затем Первая мировая война в 1914 г. сделали нереальными как полное окончание работы над первой переписью, так и проведение второй переписи, запланированной на 1910, а затем на 1915 г. [12. С. 116–118]. Несмотря ни на что, Н.А. Тройницкий смог в 1905 г. выпустить общеимперский свод по Российской империи в двух томах, однако, как указано в предисловии к 1-му тому, «...ввиду отсутствия кредитов со стороны Министерства финансов» [13. С. 4] работа по своду была выполнена не очень качественно

(арифметические ошибки, несоответствия с губернскими томами).

Однако, несмотря на ошибки и неточности, материалы могут дать представление о тенденциях развития общества Российской империи во всех аспектах, в частности по национальному (этническому) составу и размещению вооруженных формирований в период 1897–1905 гг.

Незавершенность работы над переписью сказалась на том, что большая часть материалов таблицы XXII, в которой показано распределение населения губерний и областей на основании рода занятий и родного языка, не имеет общеимперских итогов.

В данной статье для анализа состава войск взяты только губернии Западной Сибири – Тобольская и Томская, как наиболее типичные для внутренних сибирских губерний Российской империи. Кроме того, мы находимся в стенах «Императорского» университета Томска, старейшего учебного заведения за Уралом. Несмотря на «почти внутреннее (есть горная граница с Монголией – порядка 50 км непроходимых гор)» [14. С. 197–200] расположение, Томская и Тобольская губернии имеют все элементы сельскохозяйственного, а где-то (как промышленный Алтай) и общегосударственного индустриального сегмента экономики страны. Кроме того, в них представлены все исторически значимые вехи развития государства (покорение Сибирского ханства, колыбель Сибирского казачьего войска), все виды населения, вероисповеданий и сословий империи, большие массы коренных народов и народностей, единственный внутренний сухопутный транспортный на то время путь, соединяющий Запад и Восток Российской империи. Достаточно большая плотность и численность населения – самая большая в Сибири – позволяет экстраполировать данные для статистическо-математического анализа.

Основная цель данной статьи – отработка методики подсчета и анализа интересующих меня проблем. Для производства подсчетов брались данные томов переписи 1897 г. по Тобольской [15] и Томской [16] губерниям и Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.

К сожалению, в обоих томах, именуемых «Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года», при всех их достоинствах (например, изготовлены «русско-французской билингвой», как отмечает сам Н.А. Тройницкий) урезано количество сводных таблиц и изменены формы таблиц в сторону уменьшения, данные по вооруженным силам большинства областей и губерний, выполненные не в томах, а в тетрадах (это происходило из-за недостатка времени, финансирования и желания местных властей получить пусть и не совсем полные (в тетрадах), но быстрые и более дешевые в типографии данные), вошли не в полном объеме или не вошли вовсе – к примеру Сахалин, Амурская область [13. С. 4–5]. Это не позволяет сделать подробный анализ по каждой губернии, краю или области империи без использования томов или тех же тетрадей по губерниям. Для того

чтобы получить наиболее полную картину, необходимо проводить анализ не только по губернии в целом, но и по округам (уездам) [6].

Представленные ниже сравнительные таблицы (табл. 1, 2) содержат распределенные количественные показатели по рассматриваемым мной категориям:

– по вооруженным силам: общее количество населения по губерниям, количество самостоятельного («ведущего самостоятельное хозяйство») мужского населения (в вооруженных силах и казачестве в «боевую» численность на то время учитывались только мужчины), члены их семейств обоих полов, процентное соотношение для сравнительного анализа-показателя доли вооруженных сил от общего самостоятельного населения губернии;

– по войсковым казакам: казачье население мужского и женского пола, общее количество казачьего населения и процентное соотношение для сравнительного анализа-показателя доли казачьего населения не от самостоятельного мужского населения, а от общего населения губернии (так как в таблицах не указывались самостоятельные войсковые казаки, а только мужское и женское население, т.е. вычислить число казаков служилых возрастов не представляется возможным).

Данные по вооруженным силам берутся из таблицы XXII губернских томов переписи «Распределение насе-

ления по группам занятий и по народностям на основании знания родного языка»; данные по войсковым казакам – из таблицы XXIV губернских томов переписи «Распределение населения по родному языку, условиям и состояниям».

И по вооруженным силам, и по войсковым казакам все цифры выбираются по национальностям, которые присутствуют в графах «вооруженные силы» (таблица XXII), «войсковые казаки» (таблица XXIV), в том числе члены семей и женский пол казачьего населения. Сравнительный анализ-показатель доступен для каждой национальности по обоим видам военного населения и членов семей как внутри любой группы, так и в общих губернских (в целом за губернии) показателях. Для проверки показателей в общем по губернии в случае возможных расхождений использовались таблица I «Наличное население и постоянное», таблица VIII «Распределение населения по сословиям». Доля арифметических ошибок и ошибок форматирования достаточно велика: так, при составлении таблицы только по Томской губернии «вышло» 12 ошибок и несоответствий итоговых цифр в самих таблицах XXII и XXIV и несовпадение с таблицами VIII и общими данными по соответствующим таблицам общего свода. Поэтому основные расчеты делаются только по таблицам XXII и XXIV губернских томов и тетрадей.

Таблица 1

Национальный состав вооруженных сил и казаков Российской империи, Тобольская губерния

Округа, города и национальный состав по знанию родного языка и группам языков)	Население все	Самостоятельное мужское население	Из них, вооруженные силы и формирования (в том числе казаки)						
			Военнослужащие			Войсковые казаки			
			Военнослужащие	Члены семейства	% военнослужащих от самостоятельного мужского населения	Казачье население, в том числе			% от всего населения
			мужчины	обоих полов		мужчины	женщины	всего	
О губернии в целом:	1 403 677	305 584	2 651	202	0,87	414	362	776	0,06
Русские, в том числе	великорусский	1 270 173	2 471	194	0,93	349	317	666	0,05
	малорусский	9 662	3	2	0,03	43	40	83	0,06
	белорусский								
Польский	5 745	2 985	11	3	0,37				
Ост. славянские (болг.)	46	22							
Литовско-латышские	2 723	1 032	2		0,19				
Романские (румыны, молдаване, французы)	82	55							
Немецкий	1 122	537	6	1	1,12				
Остальные германские (шведы, норвежцы, англичане)	80	44							
Остальные индоевропейские (цыгане и остальные)	1 599	472	3		0,63				
Картвельский (грузинский)	43	41		2	4,88	6		6	13,95
Еврейский	2 387	641	9		1,4				
Кавказских горцев (черкесский)	205	131							
Финские (финны, зыряне, мордва, эсты, вогулы, остяки, ост.)	35 582	8 453	37	1	0,44	1		1	0,003
Турецко-татарские (татары, киргизы, остальные)	65 692	14 734	109	1	0,74	15	5	20	0,003
Монголо-бурятские	13	9							
Языки народов крайнего севера (японский)	3	1							
Северные племена (самоеды и тунгузы)	4 454	1 078							
Прочие (арабский)	2	2							
Не указавшие языки	36	20							

Таблица 2

Национальный состав вооруженных сил и казаков Российской империи, Томская губерния

Округа, города и национальный состав по знанию родного языка и группам языков)	Население все	Самодетельное мужское население	Из них, вооруженные силы и формирования (в том числе казаки)						
			Военнослужащие			Войсковые казаки			
			Военно-служащие	Члены семейства	% военнослужащих от самодетельного мужского населения	Казацкое население, в том числе			% от всего населения
			мужчины	обоих полов		мужчины	женщины	всего	
По губернии в целом:	1 927 679	390 346	3 439	278	0,88	5 069	5 160	10 229	0,53
Русские, в том числе	великорусский	1 716 927	331 148	3 305	1,00	4 682	4 850	9 532	0,56
	малорусский	100 000	18 255	42	0,23	387	310	697	0,70
	белорусский	5 587	878	1	0,11				
Польский	6 387	3 104	10		0,32				
Ост. славянские (чехи, словаки, сербы, болгары)	33	17							
Литовско-латышские (литовцы, жмудь, латыши)	2 095	650							
Романские (молдаване, французы, итальянцы)	150	55							
Немецкий	1 430	605	3	1	0,50				
Остальные германские (шведы, датчане, англичане)	94	71							
Ост. индоевропейские (греки, армяне, персы, осетины, цыгане, ост.)	2 092	602							
Картвельский грузинский	53	40							
Еврейский	7 611	2 023	5	3	0,25				
Кавказских горцев (черкесы и абхазцы)	147	81							
Финские (финны, вотяки, зыряне, карелы, эсты, вогулы, остяки, мордва)	18 251	3 705	6		0,16				
Турецко-татарские (татары, чувашы, карачевцы, турки, башкиры, киргиз-кайсаки, туркмены, кара-киргизы, сарты, узбеки, сойоты, якуты)	123 164	29 082	92		0,32				
Монголо-бурятские	22	40							
Культуры народов крайнего востока	7	6							
Северные племена (самоеды и тунгусы)	4 228	1 016		1	0,00				
Прочие (сиро-халдеи)	29	10							
Не указавшие языки	17	13							

Анализ данных по вооруженным силам. Во второй половине XIX в. в ходе военной реформы генерала Д.А. Милотина в России была создана система военных округов. В 1899 г. Омский и Иркутский военные округа объединены в Сибирский военный округ. В пределах Омского и Иркутского военных округов с 1860-х гг. во всех губерниях, областных и других крупных сибирских городах на базе местных команд начали создаваться резервные пехотные батальоны со штатным составом к концу XIX в. в 25–36 офицеров и 783–1 000 нижних чинов, которые в случае мобилизации должны были разворачиваться в пехотные полки 4-батальонного состава с подразделениями обеспечения численностью более 6 тыс. человек. К концу XIX – началу XX в. в округе было сформировано 12 таких батальонов, в том числе 8-й Томский, 9-й Тобольский и 12-й Барнаульский. Территория Западной Сибири (Томская (за исключением, Бийского и отчасти Кузнецкого округов) и Тобольская губернии) являлась внутренней областью государства, без укрепленных линий и выходов к внешним границам. Основную часть военного сегмента здесь составляли, кроме вышеназванных пехотных резервных частей: 26 местных команд до 300–400 человек

для поддержания порядка на территориях, 9 конвойных команд по 30–40 человек, военные лазареты в губернских городах по 25–30 человек, военно-арестантские отделения по 20–25 человек и 3 военно-музыкальные школы (Барнаул (Бийск), Тобольск и Томск) при резервных пехотных батальонах, а также члены семей [17. С. 138–139]. Анализ таблиц показывает, что в Тобольской губернии было 2 652 военнослужащих и 202 члена семей обоего пола, в Томской губернии – 3 439 военнослужащих и 278 членов семей обоего пола. Национальный состав, в том числе и членов семей, также не вызывает особых вопросов: подавляющее количество русских (93 и 96% соответственно; полностью идентичен военнослужащим), турецко-татарские этносы составили не более 3% (практически все татары), что соответствует как национальному составу населения губерний, так и проводимой имперской политике комплектования вооруженных сил (по вхождению «бывшего» Сибирского ханства в состав Московского царства никаких препятствий по военной службе и дворянских званий именно для татар не оговаривалось, в том числе и ограничений по боевому применению) [18]. Состав и численность семей говорят о том,

что это в основном семьи командного (кадрового) состава (офицеров и унтер-офицеров, которые могли позволить себе по закону обзаводиться на службе семьями и – самое главное – материально содержать их).

Анализ данных по войсковым казакам. К 1860 г. военные линии Западной Сибири из границы превратились во внутренние районы государства – Степная Сибирь и Семиречье были «замирены», а на следующий год местное казачество подверглось существенной реорганизации. Из Сибирского линейного войска было создано Сибирское казачье войско, куда были причислены Тобольский казачий конный полк, Тобольский казачий пеший батальон и Томский городской казачий полк. В 1861 г. было признано бесцельным существование в Томской и Тобольской губерниях отдельных казачьих городских (станичных) полков, не плативших в казну налогов и, самое главное, утративших уже с созданием регулярных солдатских местных команд по сибирским городам то значение, какое они занимали ранее. Поэтому правительство империи пришло к заключению об упразднении этих полков и перечислении казаков в «податное состояние». В 1868 г. было приведено в исполнение решение об упразднении Томского и Тобольского татарского полков и пешего Тобольского батальона. Согласно данному положению из природных казаков этих частей были образованы три отдельные команды: Березовская, Сургутская и Нарымская, кстати, также распушенные, но уже в 1881 г., а все остальные казаки были переведены в крестьянское (мещанское) сословие с правом ухода в Сибирское казачье войско. Долги казакам были прощены, земли отданы в собственность, а полковые капиталы частью отданы казакам, частью переданы в казну. В 1868–1870 гг. также были обращены в гражданское состояние последние сибирские казаки – калтайские станичные и верхотурские городовые. Всем желающим была предоставлена возможность перейти в Сибирское казачье войско, чем многие и воспользовались, переехав на границы империи (на предложение 1867–1870 гг. по переходу во вновь создаваемое Семиреченское казачье войско основная часть городских казаков ответила отказом) или перейдя во всеобщую воинскую повинность в состав линейных войсковых казачьих частей первой и второй очереди (2-й отдел в г. Омске – ограничено касалось Кузнецкого, Барнаульского, Змеиногорского и Бийского округов Томской губернии – монгольская (китайская) граница).

Поэтому больших регулярных казачьих формирований, подчинявшихся Сибирскому казачьему войску, на территории Западной Сибири во время переписи 1897 г. не было, как уже практически не было ни казачьих станиц, ни самих городских казаков [4. С. 5]. Остались редкие казачьи населенные пункты из ушедших в Сибирское казачье войско городских (станичных) казаков в уже штатных его формированиях, прикомандированные казачьи подразделения этого же войска для охраны границы и военно-полицейских функций на областях, занимаемых промышленными объектами на Алтае. Кроме того, по воспоминаниям современников, многие бывшие казаки продолжали считать себя таковыми и могли быть ими же и записа-

ны (только в 1891 г., после визита наследника-цесаревича Николая Александровича в Сибирь, городovým казакам Сибири было окончательно отказано в возвращении в казачье сословие) [19].

Подобные выводы полностью подтверждаются результатами переписи 1897 г. Так, Тобольская губерния: всего казачьего населения 776 человек (414 мужского пола) – 0,06% от общего населения губернии; места наиболее компактного проживания – Ишим (158), Курган (161), Тюкалинск (285), т.е. исторически «ранее пограничные» районы Сибирского казачьего войска. Томская губерния: 10 229 казаков (5 160 мужского населения) – 0,53% от общего населения губернии; места наиболее компактного проживания – Барнаул (643), Бийск (5 919), Змеиногорск – (2 921), также «ранее пограничные» районы Сибирского казачьего войска и граница с Монголией (Китаем). Именно в этих районах, кроме концентрации охраняемых промышленных производств, уже после подчинения городских казаков Сибирскому казачьему войску находились переименованные 11-й Тобольский конный казачий полк, 12-й Томский конный казачий полк, Томские и Тобольские пешие казачьи батальоны. Кроме того, численность и распределение казачьего населения в Томской губернии по округам практически соответствуют численности и распределению отдельных казачьих сотен Томского казачьего городского полка до ликвидации в 1860 г.

Национальный состав всего казачьего населения по материалам переписи полностью соответствует устоявшейся для Сибири схеме, когда казачий состав формирует состав населения губернии: Тобольская губерния – 94,6% русские с незначительным элементами других этносов (2% малороссов и 1% местных татар); Томская губерния – 93% русские (малороссы – до 7%). Достаточно высокий процент малороссов можно объяснить тем, что в алтайских округах Томской губернии процент приезжего малорусского населения был выше, чем в других местах (в первую очередь из-за более благоприятных климатических условий, что было определяющим для переселенцев) – 6,7%, для сравнения в Тобольской губернии – 0,7%. Остается вопрос о практически полном отсутствии татар-казаков (с учетом того, что Томский конный казачий полк официально именовался «Сибирский татарский казачий полк»). На мой взгляд, причина не в миграционных процессах: во-первых, многие бывшие казаки-татары в силу «общей городской казачьей обиды» 1881 г. уже не хотели переписываться в казачье сословие [20], а во-вторых, если казак не жил традиционным казачьим укладом, то урбанизация и индустриализация стирали грань четкого осознания своей сословной принадлежности [21. С. 533–544]. Отсутствие большой числовой разницы между мужским и женским казачьим населением в губерниях (Тобольская губерния – практически равны, мужчин на 52 человека больше, Томская губерния – на 91 человек больше женщин) свидетельствует о слабой заселенности данных губерний населением «одного сословия» и большим процентом прикомандированных для выполнения служебных задач казаков.

Заканчивая анализ интересующего меня вопроса по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г, можно сделать вывод, что этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Западной Сибири (Тобольской и Томской губерниях) являются классическими для внутренних губерний империи. Отсутствие других крупных и значимых (в том числе и экономически) этносов, за исключением русского, обеспечивало лояльность местного населения к власти. На основании этого центральная власть и планировала количество войск и казачества, их национальный состав и ключевые пункты дислокации на определенной территории. В нашем случае территория губерний Западной Сибири рассматривалась Петербургом как безопасная и с точки зрения внутри-

политической обстановки, и в военно-стратегическом отношении, исходя из возможностей пограничных стран-противников (Китайская империя). Отсюда – небольшое количество войск: 5 991 человек на Тобольскую и Томскую губернии, при достаточно объемных мобилизационных ресурсах, возможность «безопасной» реформы «исконных городских» казаков в формате «Запорожской Сечи времен Екатерины II». Низкая плотность дислокации вооруженных формирований по территориям губерний и относительно высокая у небольшого участка границы и вокруг округов Алтая – Бийского и Змеиногорского – объясняется наличием на их территориях стратегических заводов и рудников. Все вышеперечисленные факторы позволяли управлять регионом, не опасаясь внутренних и внешних потрясений.

Список источников

1. Золотарев А.М. Население России как источник комплектования ее армии : материалы по военной статистике России. СПб. : Тип. Департамента уделов, 1889. 85 с.
2. Соловьев В.В. Основные направления строительства русской армии в последней четверти XIX века : дис. ... канд. ист. наук : 20.02.22. М., 2001, 295 с.
3. Лапин В.В. Армия империи – Империя в армии: организация и комплектование Вооруженных сил России в VI – начале XX вв. // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 109–140.
4. Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // *Донские областные ведомости*. 1913. № 203. Гл. XXVIII. 10 с.
5. Моциевский Г.О. Казачество Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. Особенности социально- демографического портрета // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета (КрАСГАУ)*. 2011. № 6. С. 186–192.
6. Зиновьев В.П. Национальный состав купечества и мещанства Северной Азии по переписи населения Российской империи 1897 г. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв. : тез. докл. Пятой междунар. науч. конф. (Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.)* / сост. А.И. Раздорский. СПб. ; Новосибирск, 2022. С. 109–112.
7. Бердяев Н.А. Судьба России : опыты по психологии войны и национальности. М. : Изд. Г.А. Лемана, С.И. Сахарова, 1918. [4], V, [3], 240 с.
8. Лаптева Е.В. Имперский менталитет России и англо-американские исследования в россиеведении 1980-х и 2000-х годов // *Genesis: исторические исследования*. 2021. № 4. doi: 10.25136/2409-868X.2021.4.35367. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35367 (дата обращения: 21.04.2024).
9. Трепавлов В.В. Белый царь. Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М. : Восточная лит. РАН, 2007. 256 с.
10. Лапин В.В. Армия России как имперский интеграционный механизм // *Петербургский исторический журнал*. 2019. № 1. С. 302–313.
11. От измерений до изменений : краткая история переписей населения. М. : Росстат, 2022. 92 с.
12. Переписи населения в России / Росстат. М. : Статистика России, 2022. 460 с.
13. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб. : паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. Т. 1: Законодательный отдел. 361 с. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого).
14. Россия : географическое описание Российской империи с картами. СПб.: Тип. «Бережливость», 1913. 244 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1905. Т. LXXVIII: Тобольская губерния. 250 с.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г., СПб. 1904. Т. LXXXIX: Томская губерния. 250 с.
17. Гефнер О.В. Повседневная жизнь нижних чинов русской армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки*. 2018. № 2 (18). С. 138–147. doi: 10.25513/2312-1300.2018.2.138-147
18. Трепавлов В.В. «Под государевой высокою рукою». Проблема российского подданства кочевников в историографии и источниках // *Россия и мировая цивилизация*. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. С. 398–412.
19. Инженко С.Н., Сибирские городские и пограничные казачьи полки // *Томская митрополия Русской Православной Церкви*. 2020. 29 нояб. URL: <https://tomsk-kazaki.cerkov.ru/2020/11/29/statya-s-n-zinchenko-sibirskie-gorodovye-i-pogranichnye-kazachi-polki/> (дата обращения: 21.04.2024).
20. Нестеров А.П. Реформы в Сибирском казачьем войске // *Сборник газеты «Сибирь»*. СПб., 1876. Т. 1. С. 335–368. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000579951> (дата обращения: 21.04.2024).
21. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи в XIX – в начале XX века. М. : Новый хронограф, 2010. 752 с.

References

1. Zolotarev, A.M. (1889) *Naselenie Rossii kak istochnik komplektovaniya ee armii: materialy po voennoy statistike Rossii* [The population of Russia as a source of manning its army: materials on military statistics of Russia]. St. Petersburg:Tip. Departamenta udelov.
2. Soloviev, V.V. (2001) *Osnovnye napravleniya stroitel'stva russkoy armii v posledney chetverti XIX veka* [The main directions of the development of the Russian army in the last quarter of the 19th century]. History Cand. Diss. Moscow.
3. Lapin, V.V. (2001) *Armiiya imperii – Imperiya v armii: organizatsiya i komplektovanie Vooruzhennykh sil Rossii v VI – nachale XX vv.* [The army of the empire – the empire in the army: The organization and manning of the Armed Forces of Russia in the 6th – early 20th centuries]. *Ab Imperio*. 4, pp. 109–140.
4. Saveliev, E. (1913) *Plemennoy i obshchestvennyy sostav kazachestva (istoricheskie nabroski)* [The tribal and social composition of the Cossacks (historical sketches)]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 203.
5. Motsievskiy, G.O. (2011) *Kazachestvo Aziatskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo portreta* [Cossacks of Asian Russia in the late 19th – early 20th centuries. Features of the socio-demographic portrait]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (KrASGAU)*. 6. pp. 186–192.
6. Zinoviev, V.P. (2022) *Natsional'nyy sostav kupechestva i meshchanstva Severnoy Azii po perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [National composition of the merchants and bourgeoisie of Northern Asia according to the 1897 Russian Empire census]. In: Razdorskiy, A.I. (ed.) *Torgovlya*,

- kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vv.* [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th–20th centuries]. St. Petersburg; Novosibirsk: [s.n.], pp. 109–112.
7. Berdyaev, N.A. (1918) *Sud'ba Rossii: opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The Fate of Russia: Experiments in the Psychology of War and Nationality]. Moscow: G.A. Leman, S.I. Sakharov.
 8. Lapteva, E.V. (2021) *Imperskiy mentalitet Rossii i anglo-amerikanskii issledovaniya v rossiyevedenii 1980-kh i 2000-kh godov* [The Imperial Mentality of Russia and Anglo-American Studies in Russian Studies of the 1980s and 2000s]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.4.35367
 9. Trepavlov, V.V. (2007) *Belyy tsar'. Obraz monarkha i predstavlenie o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [The White Tsar. The Image of the Monarch and the Notion of Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th–18th Centuries]. Moscow: RAS.
 10. Lapin, V.V. (2019) *Armia Rossii kak imperskiy integratsionnyy mekhanizm* [The Russian Army as an Imperial Integration Mechanism]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 1. pp. 302–313.
 11. Rosstat. (2022a) *Ot izmereniy do izmeneniy: kratkaya istoriya perepisey naseleniya* [From Measurements to Changes: A Brief History of Population Censuses]. Moscow: Rosstat.
 12. Rosstat. (2022b) *Perepisi naseleniya v Rossii* [Population Censuses in Russia]. Moscow: Statistika Rossii.
 13. Troynitsky, N.A. (ed.) (1905) *Obshchiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda* [General Summary for the Empire of the Results of the Development of Data from the First General Population Census, Conducted on January 28, 1897]. Vol. 1. St. Petersburg: N.L. Nyrkin.
 14. Ryabchenko, A.E. (ed.) *Rossiya: geograficheskoe opisanie Rossiyskoy imperii s kartami* [Russia: Geographical Description of the Russian Empire with Maps]. St. Petersburg: Berezhlivost'.
 15. Russia. (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g.* [First General Population Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. LXXVIII. St. Petersburg: [s.n.].
 16. Russia. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g.* [First General Population Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. LXXXIX. St. Petersburg: [s.n.].
 17. Gefner, O.V. (2018) *Povsednevnyaya zhizn' nizhnikh chinov russkoy armii v gorodakh Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Everyday life of the lower ranks of the Russian army in the cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*. 2(18). pp. 138–147. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.2.138-147
 18. Trepavlov, V.V. (2000) “Pod gosudarevoy vysokoyu rukoyu.” *Problema rossiyskogo poddanstva kochevnikov v istoriografii i istochnikakh* [“Under the sovereign's high hand”. The problem of Russian citizenship of nomads in historiography and sources]. In: Bokhanov, A.N. (ed.) *Rossiya i mirovaya tsivilizatsiya* [Russia and World Civilization]. Moscow: Institute of Russian History RAS. pp. 398–412.
 19. Zinchenko, S.N. (2020) *Sibirskie gorodovye i pogranichnye kazach'i polki* [Siberian city and border Cossack regiments]. *Tomskaya mitropoliya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 29th November. [Online] Available from: <https://tomsk-kazaki.cerkov.ru/2020/11/29/statya-s-n-zinchenko-sibirskie-gorodovye-i-pogranichnye-kazachi-polki/> (Accessed: 21st April 2024).
 20. Nesterov, A.P. (1876) *Reformy v Sibirskom kazach'em voyske* [Reforms in the Siberian Cossack Army]. In: *Sbornik gazety “Sibir”* [Collection of the Newspaper “Siberia”]. Vol. 1. St. Petersburg: Sibir. pp. 335–368. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000579951> (Accessed: 21st April 2024).
 21. Ivanova, N.A. & Zheltova, V.P. (2010) *Soslovnnoye obshchestvo Rossiyskoy imperii v XIX – v nachale XX veka* [Estate society of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novyy khronograf.

Сведения об авторе:

Семенов Юрий Владимирович – соискатель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: semen_sbp@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Semenov Yuri V. – Candidate of the Degree of Candidate of Historical Sciences at the Department of Russian History of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: semen_sbp@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 22.04.2024; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья
УДК 94(571.16)"1905/1919"
doi: 10.17223/19988613/90/6

Проблема соотношения государственных и рыночных механизмов регулирования экономики в теоретических представлениях и программных установках кадетов Сибири

Ольга Анатольевна Харусь

Томский государственный университет, Томск, Россия, olga.kharus@mail.ru

Аннотация. Представлен комплексный анализ позиций кадетов Сибири о возможностях и вариантах согласования государственного и рыночного начала в регулировании экономики. Установлена логическая связь между теоретическими построениями профессоров Томского университета, являвшихся идеологами неолиберализма, и программными установками местных отделов кадетской партии по экономическим проблемам. Раскрыто влияние конкретно-исторических обстоятельств на позиции кадетов Сибири по вопросу о роли государства в социально-экономической сфере. Обозначено инвариантное ядро в представлениях кадетов о назначении и пределах государственного воздействия на экономику.

Ключевые слова: кадеты, Сибирь, рыночная экономика, государственное регулирование

Для цитирования: Харусь О.А. Проблема соотношения государственных и рыночных механизмов регулирования экономики в теоретических представлениях и программных установках кадетов Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 59–65. doi: 10.17223/19988613/90/6

Original article

The State and Market Mechanisms Correlation Problem of the Economic Regulation in Siberian Cadets' Theoretical Ideas and Program Guidelines

Olga A. Kharus

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olga.kharus@mail.ru

Abstract. The aim of this study was to investigate the thoughts of the Cadet Ideologists and leaders about the role of the state in the economy, on the one hand, and controversial assessments of the Cadets' views on this issue in the scientific researches, on the other hand. The author's attention to the specific features of Siberian Cadets' views on the possibilities of coordinating state and market principles in regulating the economy was undertaken to identify fundamental positions that remained unchanged during 1905–1919, as well as nuances caused by the specifics of a particular historical situation. To achieve the scientific objectives the research works of Tomsk University professors who were members of the cadet party, local party departments' program documents, as well as Siberian periodicals editorial articles of Cadet-oriented publications were analyzed in the given paper. In our research we have revealed the common judgments of the neoliberalism ideologists about the role of the state in socio-economic problems solution. Firstly, a special emphasis is given to the social component of economic policy with a negative attitude towards protectionism and total state regulation of economic relations. Secondly, the compulsory legal basis of state participation in the regulation of socio-economic processes is highlighted. The program documents analysis of the cadet organizations drawn up during the revolution of 1905–1907 allowed us to make a conclusion that the economic demands contained corresponded to the theoretical believes of the Siberian intellectual elite representatives. At the same time, the program requirements reflected the cadets' desire to broaden the party's social support. In 1917–1919, the Cadets' views on the state role in the economy partly transformed and acquired new signs. Namely, the possibilities of legal regulation of economic processes were questioned in the conditions of large-scale social upheavals, and the emphasis shifted in favor on the idea of private initiative freedom and trade freedom. However, the commitment to the two key principles remained unchanged: 1) the state influence on economic processes must be socially oriented; 2) the state economic policy must ensure private property right guarantees.

Keywords: Cadets, Siberia, market economy, state regulation

For citation: Kharus, O.A. (2024) The State and Market Mechanisms Correlation Problem of the Economic Regulation in Siberian Cadets' Theoretical Ideas and Program Guidelines. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 59–65. doi: 10.17223/19988613/90/6

Постановка проблемы

Вопрос о роли государства в жизни общества в целом и в социально-экономической сфере в частности является одним из центральных в либеральной доктрине. Неслучайно позиции идеологов кадетской партии по этому вопросу, а также проекция их концептуальных построений в программных документах партии были и остаются предметом внимания специалистов по истории отечественного либерализма. Отдельные аспекты проблемы соотношения государственного регулирования и частнопредпринимательской инициативы в трактовке идеологов и политических деятелей, представлявших кадетскую партию, получили освещение как в контексте осмысления доктринальных основ российского либерализма, так и на основе анализа программных установок кадетов.

При этом в суждениях авторов научных трудов обнаруживаются некоторые разногласия. Ряд исследователей придерживается мнения о неизменности сформулированных в XVII–XVIII вв. ключевых принципов либерализма, к числу которых относят ограничение роли государства в экономике, свободу рынка (включая конкуренцию, ценообразование, распределение ресурсов), исключительную значимость частной собственности [1. С. 323; 2. С. 3, 4]. Однако большинство специалистов констатирует существенные изменения в доктрине отечественного либерализма, который в начале XX в. вышел за рамки некоторых традиций классического либерализма XVII–XIX вв. При фиксации этих изменений на уровне теории особый акцент исследователи делают на корректировку ценностных ориентаций в связи с отказом от признания приоритета права частной собственности в пользу свободы личности, а также на пересмотр роли и функций государства в связи с отказом от идеи «государства – ночного сторожа» в пользу расширения государственного регулирования в социально-экономической сфере в целях защиты прав и свобод человека [3; 4. С. 75; 5. С. 17, 21; 6. С. 274 – 299].

Характеристика теоретических представлений идеологов кадетской партии как социально-либеральных дополняется в трудах историков анализом программных документов, подтверждающим социальную направленность содержащихся в них требований и свидетельствующим о противоречивых отношениях между кадетами и российской буржуазией, о своеобразном конфликте интересов двух сторон, порожденном, в частности, ориентацией кадетов на ограничение частной собственности и усиление государственного воздействия на экономику [7. С. 37, 162; 8. С. 116]. Однако мнение о том, что кадеты не отражали специфические интересы российской буржуазии, разделяют не все специалисты, полагая, что подобные утверждения не выдерживают серьезной критики и предлагая свои контраргументы [9. С. 133].

Впрочем, сам по себе вопрос о соответствии программы кадетской партии интересам буржуазии имеет лишь косвенное отношение к проблеме поиска кадетами баланса государственного регулирования и экономической свободы. С одной стороны, следует признать, что призывы к ограничению частной собственности,

которые интерпретируются как один из основных индикаторов противоречий между кадетами и предпринимателями, не предполагали отказа социал-либералов от принципа неприкосновенности частной собственности и экономической свободы как одной из компонент либеральной системы ценностей. С другой стороны, очевидно, что вмешательство государства в социально-экономическую сферу нельзя априори считать противоречащим интересам предпринимателей и представляющим угрозу рыночным отношениям, поскольку многое зависит от назначения, форм, методов, масштаба и пределов государственного регулирования экономики в конкретно-исторических обстоятельствах.

Дискуссионный характер вопросов, связанных с проблемой соотношения государственных и рыночных механизмов регулирования экономики в теоретических представлениях и программных установках кадетов, свидетельствует о необходимости продолжения исследований в этом предметном поле. В качестве одного из перспективных направлений можно обозначить расширение источниковой базы, которая в настоящее время представлена главным образом и почти исключительно теоретическим наследием ведущих идеологов кадетской партии, официальной программой, материалами заседаний ЦК, съездов и конференций партии народной свободы и центральными периодическими изданиями кадетской ориентации. Присущее либералам многообразие мнений по актуальным политическим и социально-экономическим проблемам позволяет предположить, что обращение к характеристике теоретических взглядов и программных установок кадетов Сибири будет способствовать выявлению дополнительных нюансов в предлагавшихся вариантах сочетания механизмов государственного и рыночного регулирования экономики, в чем и состоит основной замысел данной статьи. Выбор в качестве объекта исследования именно этого «регионального отряда» либералов неслучаен. Наличие в Сибири теоретиков неолиберализма в лице профессоров Томского университета, а также особенности программных требований местных кадетов, обусловленные спецификой социально-экономических условий региона, дают основание для постановки и решения комплекса вопросов, имеющих отношение к центральной проблеме исследования. В их числе: оценка степени согласованности программных установок сибирских кадетов и теоретических представлений их интеллектуальных лидеров; анализ влияния конкретно-исторических обстоятельств на формулировки и обоснование программных требований кадетов Сибири; выявление базовых принципов, определявших программное видение оптимального баланса государственного регулирования и рыночной свободы.

Теоретические представления либерально настроенных профессоров Томского университета о роли государства в социально-экономической сфере

Для понимания общей направленности размышлений профессоров Томского университета, являвшихся членами кадетской партии, о роли государства в решении социально-экономических проблем особый

интерес представляет обращение к интеллектуальному наследию Иосифа Викентьевича Михайловского. Объясняется это тем, что, будучи учеником Бориса Николаевича Чичерина, И.В. Михайловский не только основательно изучил теорию классического либерализма, ярким представителем которого являлся его научный руководитель, но и подверг пересмотру некоторые ее положения в части, имевшей отношение к проблеме государственного регулирования экономики. К тому же именно вопросы гармонизации интересов личности, общества и государства в самых различных аспектах занимали центральное место в сфере научных интересов этого признанного специалиста в области теории и философии права.

Предметом детального критического анализа для И.В. Михайловского стали прежде всего идеи Б.Н. Чичерина о недопустимости государственного вмешательства в экономические процессы. Отдавая должное интеллекту своего учителя и высоко оценивая его научные труды, профессор Томского университета тем не менее был убежден, что Чичерин заблуждался в своих представлениях о благотворительных эффектах свободной конкуренции. Реконструируя логику рассуждений классика отечественного либерализма, Михайловский обнаружил в ней уязвимые для критики звенья. Главным аргументом в пользу ограничения роли государства охраной безопасности для Чичерина являлись опасения по поводу ущемления свободы личности в результате усиления государственной регламентации хозяйственных отношений [10. С. 30, 31]. Михайловский же полагал, что экономические процессы и свобода личности не являются столь тесно взаимосвязанными, чтобы можно было прогнозировать ограничение прав личности в ситуации расширения присутствия государства в сфере экономики [11. С. 371]. Свобода личности для него ассоциировалась с ценностями духовного порядка, а потому он горячо поддерживал мнение своего идейного наставника о недопустимости вмешательства и внешней регламентации в область науки, искусства и религии. Материальной же обеспеченности в этой системе мировоззренческих координат отводилась роль значимых предпосылок подлинной свободы личности, но не более того. Создание этих предпосылок профессор считал обязанностью государства, которое не должно пассивно относиться к социальным бедствиям, являющимся порождением свободной конкуренции. [11. С. 371, 372].

Вместе с тем в рассуждениях профессора Томского университета прослеживается и несомненная преемственность и даже определенная общность позиций представителя новой генерации либералов с интеллектуальной традицией классического либерализма. Михайловский полностью разделял негативное отношение своего учителя к безграничной государственной регламентации экономических отношений. Более того, столь же недопустимым считал он и государственное вмешательство в эту сферу. В своих формулировках профессор проявлял предельную осторожность: «Не государственное вмешательство и опека, а государственное содействие – вот настоящее имя социальному законодательству. Но, призывая государство к такому

содействию, ставя государству новые задачи, современная политическая мысль энергично подчеркивает, что это только содействие: главный творческий фактор есть личная энергия, личная свобода и инициатива» [12. С. 23]. Введение правовых ограничений свободы договоров в интересах обеспечения равенства исходных позиций контрагентов он считал возможным допустить только в исключительных случаях и одновременно выражал уверенность в том, что по мере развития общей культуры и в таких исключениях потребность исчезнет [13. С. 549, 550].

Мнение Михайловского о необходимости государственного регулирования экономических процессов с целью смягчения чрезмерного социального неравенства разделяли и его коллеги и идейные единомышленники – профессора Томского университета, члены кадетской партии Н.Я. Новомбергский и М.И. Боголепов. Николай Яковлевич Новомбергский, читавший студентам (в числе других курсов) лекции по финансовому праву, высоко оценивал опыт ряда европейских государств в сфере законодательного обеспечения прав граждан «на общественное призвание, на врачебную помощь, на минимальное образование, на минимум имущества, свободного от обложения и т.д.» [14. С. 302]. В исключительно положительной тональности были выдержаны и суждения профессора по кафедре финансового права Михаила Ивановича Боголепова о политике конституционных государств, предусматривавшей предоставление различных финансовых льгот и привилегий для поддержки малообеспеченных и социально уязвимых групп населения [15. С. 31].

Очевидно, что общим рефреном в решении вопроса об усилении роли государства в обществе звучала мысль о значимости именно социальной составляющей экономической политики. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, признавая необходимость участия государства в регулировании социально-экономических отношений, нелибералы подчеркивали необходимость установления правовых рамок этого участия. Их приверженность концепции правового государства оставалась незыблемой. Финансовый закон, «устанавливающий в рамках конституционного устройства правильное народнохозяйственное соотношение между запросами государства и частнохозяйственными источниками доходов» [15. С. 33], рассматривался как одно из проявлений правового государства. Выражением исключительной роли закона в государственной жизни, по мнению М.И. Боголепова, призван был служить принцип «конституционных финансов», предусматривающий, что «...всякое действие, всякая повинность индивидуума по отношению к государству должны быть точно определены в законе».

Основанное на принципах права государственное регулирование экономики нелибералы противопоставляли протекционистской политике. По мнению профессора кафедры политической экономии и статистики Томского университета Михаила Николаевича Соболева, чрезмерный протекционизм, находивший проявление в охранительной таможенной системе, покровительственных льготах и преимуществах для отечественной промышленности, в противодействии развитию рабо-

чего законодательства и введению подоходного налога и т.п., подрывал благосостояние не только бедных, но и состоятельных слоев населения [16. С. 25–27]. Как проявление «государственной бесхозяйственности» расценивал существовавшую таможенную политику Н.Я. Новомбергский, видя в ней одну из значимых причин неблагополучия в отечественной экономике в целом и препятствие развитию покупательной способности населения в частности [17. С. 12, 13].

В целом очевидно, что размышления и умозаключения профессоров Томского университета отражали общие тенденции в эволюции российского либерализма в начале XX в. [3]. Социал-либеральные мотивы, связанные с отказом от идеи государства – ночного сторожа и ассоциирования свободы личности с экономической свободой, в своеобразной форме нашли отражение и в программных документах сибирских кадетских организаций.

Проблема соотношения государственных и рыночных регуляторов в программных установках кадетов Сибири

Неолиберальная интерпретация концепции правового государства и отказ от присущего классическому либерализму признания права частной собственности главенствующим в системе ценностных ориентаций не могли не повлиять на формулирование программных требований кадетских организаций. Вместе с тем в данном случае сказывались и соображения практической политики, связанные с пониманием необходимости обеспечить партии возможно широкую поддержку со стороны населения, причем именно эти соображения, по-видимому, сыграли решающую роль в определении программных установок кадетов по экономическим вопросам. Их позиция была четко обозначена в программном заявлении томской организации: «...конституционно-демократическая партия должна быть партией строго демократической, опирающейся на широкие массы трудящегося населения. Всякие следы буржуазных тенденций должны быть из программы вычеркнуты... Конституционно-демократическая партия может рассчитывать на известный успех среди трудящихся элементов – крестьян, рабочих, ремесленников, только при последовательно проведенной истинно-народной программе» [18. Д. 400. Л. 16].

В таком контексте вполне логичным представляется то обстоятельство, что в перечне гражданских прав и свобод, которые должны быть гарантированы конституцией, программные документы сибирских кадетских организаций (как, впрочем, и общепартийная программа) не упоминали о праве частной собственности [18. Д. 77. Л. 1; 19. Д. 18. Л. 2]. Единственным исключением в этом отношении стал программный документ отдела партии в Минусинске. Наряду с принципом неприкосновенности частной собственности в этом документе подчеркивалась особая роль свободной конкуренции и свободной торговли как обязательных условий предоставления населению в необходимом объеме высококачественных товаров по доступной цене [19. Д. 14. Л. 1].

Впрочем, считать программные требования кадетов Минусинска принципиально отличающимися от общих установок партии нет достаточных оснований. Декларируя принцип неприкосновенности частной собственности, они сопровождали его характерной оговоркой: «...Партия Народной Свободы вполне принимает знаменитое историческое положение, что собственность не может быть ни у кого отнята иначе, как в случае, если этого очевидно требует законным образом удостоверенная общественная необходимость и под условием справедливого вознаграждения» [19. Д. 14. Л. 1]. Очевидно, что предложенные комментарии свидетельствовали об отсутствии диссонанса позиции минусинцев с позицией официального руководства и большинства однопартийцев, проявлявших солидарность в отношении требования выкупа при отчуждении частновладельческих земель.

Однако воспринимать ориентацию кадетов на принудительное отчуждение частной собственности при решении аграрного вопроса как свидетельство их антилиберальных позиций [7. С. 48] и показатель отказа от принципа неприкосновенности частной собственности не позволяет анализ аргументов, которые они приводили в пользу идеи выкупа. Основной акцент в аргументации был сделан на признание права частной собственности одной из основополагающих норм правопорядка и важным фактором обеспечения естественных прав человека [20]. Убежденность сибирских неолибералов в значимости гарантий права частной собственности подкреплялась рефлексией по поводу особенностей социально-экономического развития региона. Им были близки областнические идеи о невозможности отказа от частной собственности на средства производства и обращения в Сибири, едва перешедшей от натурального хозяйства к рыночному и имевшей весьма слабую промышленную базу. Не вызывали возражений у кадетов и рассуждения областников о психологических особенностях местных рабочих, являющихся выходцами из среды крестьян-индивидуалистов, а потому не приемлющих идею обобществления орудий производства и результатов труда [21]. Таким образом, в программных установках сибирских кадетов, имевших отношение к принципу частной собственности, отчетливо проявилось, с одной стороны, неолиберальное понимание роли частной собственности как неперемennого условия реализации прав личности, а с другой – стремление к учету настроений демократических слоев населения.

Признавая необходимость участия государства в решении экономических проблем, кадеты в своих программных требованиях исходили из тех же принципов, что и интеллектуалы – идеологи неолиберализма: воздействие государства на экономические процессы должно быть социально ориентированным и иметь установленные в законодательном порядке границы. В программных требованиях по рабочему вопросу эта позиция нашла столь же явное воплощение, как и в аграрной программе. Государству сибирские кадеты отводили важную роль в регулировании отношений рабочих и предпринимателей, полагая, что оно обязано оградить первых от злоупотреблений со стороны

вторых посредством принятия законов об охране труда и установления уголовной ответственности за их нарушения [18. Д. 400. Л. 31; 19. Д. 9. Л. 1; Д. 14. Л. 1; 22; 23]. Соображениями социальной справедливости были продиктованы и сформулированные в программных документах сибирских кадетских организаций требования увеличения государственных расходов на нужды народа, постепенной отмены косвенных налогов на предметы широкого потребления и введения прогрессивного подоходного и поимущественного обложения [18. Д. 77. Л. 1; 19. Д. 18. Л. 2; 20].

Роль государственных рычагов регулирования экономических процессов сибирские кадеты видели не в ограничении сферы действия рыночных механизмов, а в устранении барьеров и преград, которые препятствовали реализации частной инициативы, развитию предпринимательства и свободного товарооборота. Частным подтверждением этого может служить выдвигавшееся ими требование обеспечения возможности местным предпринимателям приобретать землю под предприятия на правах частной собственности или по крайней мере с гарантией долгосрочной аренды [24. С. 176]. Реализация этого требования должна была стать одной из предпосылок для развития сибирской промышленности. Главным же фактором успешного экономического развития региона кадеты считали отмену таможенных тарифов, создававших искусственные барьеры на пути свободного товарообмена между Сибирью и Европейской Россией, а также создание условий для вывоза сибирского сырья на внешние рынки посредством восстановления порто-франко в устьях Оби и Енисея [2. С. 51; 25. 30 марта]. В программу красноярской кадетской организации, разработанную с учетом экономических интересов Енисейской губернии, было включено специальное положение с требованием открыть беспопылинный ввоз иностранных товаров через устье р. Енисей. Аргументами в пользу необходимости реализации этого пункта программы служили перспективы снижения цен на импортные товары, увеличения сбыта местной продукции, что, в свою очередь, должно было привести к оживлению и экономическому подъему обширного севера губернии, развитию промышленности всей губернии и росту благосостояния ее населения [18. Д. 211. Л. 1; 19. Д. 18. Л. 7]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что содействие государства развитию экономики не ассоциировалось в представлениях кадетов с протекционистской политикой, отношение к которой было однозначно отрицательным.

В целом представляется возможным констатировать, что в период, предшествовавший революционным потрясениям 1917 г., программные установки кадетских организаций Сибири по вопросам включен-

ности государства в регулирование экономических отношений, по сути, являлись своего рода прикладной интерпретацией неоллиберальной концепции правового государства, основанной на признании необходимости реализации социально ориентированной экономической политики, и вместе с тем были продиктованы стремлением к расширению социальной опоры оппозиционной партии. Впрочем, политические соображения в данном случае не поставили под сомнение значимость для кадетов таких имевших принципиальный характер ценностных ориентиров, как гарантии права частной собственности и приоритет предпринимательской инициативы в противовес протекционистской политике государства.

Начавшаяся в феврале 1917 г. революция вызвала некоторые изменения в позициях кадетов по рассматриваемым вопросам. Предпринятый В.Г. Хандорин [26] анализ экономических воззрений кадетов в период революции и Гражданской войны позволил сделать вывод об их эволюции в направлении классического либерализма. В частности, исследователь отметил стремление идейных и политических лидеров сибирских кадетов к минимизации присутствия государства в экономической сфере и ярко выраженный акцент на отстаивании идеи свободы торговли и полной свободы частной инициативы (за исключением финансирования государством частных предприятий военного значения). Одним из ключевых факторов подобного настроя В.Г. Хандорин считает реакцию на провальный опыт избыточных мер государственного регулирования экономики при Временном правительстве, советской власти и демократических региональных правительствах лета-осени 1918 г. [26. С. 65]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в годы Гражданской войны кадеты не питали оптимизма по поводу возможностей правового регулирования экономических процессов для решения таких острых проблем, как спекуляция, продовольственный кризис, хозяйственная разруха. И все же представляется, что приведенные в исследовании специалиста по истории либерализма в Сибири периода революции и Гражданской войны факты не дают оснований для выводов об отказе кадетов от неоллиберальных представлений о роли государства в социально-экономической сфере. Приверженность кадетов ценностным установкам неоллиберализма, предполагавшим социальную ориентацию экономической политики государства при гарантиях права частной собственности, осталась в целом неизменной и в условиях масштабных социальных потрясений и трансформаций, несмотря на обусловленную историческими обстоятельствами частичную корректировку их позиций.

Список источников

1. Аронова С.А., Аронова А.Д. Экономический либерализм и его воплощение в современной России // Пятые «Муромцевские чтения». Конституция 1993 года и российский либерализм : к 20-летию российской конституции : сб. науч. ст. Орел : Александр Воробьев, 2013. С. 323–328.
2. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 1995. Вып. 2: Либералы. 72 с.
3. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 132–140.
4. Капустин Б.Г. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 69–76.
5. Гаджиев К.С. Либерализм: история и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 15–31.

6. Либерализм в России / ред. В.Ф. Пустарнаков, И.Ф. Худушина. М. : Ин-т философии РАН, 1996. 451 с.
7. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2006. 227 с.
8. Гайда Ф.А. Революция и идеологическая трансформация кадетской партии в 1917 г. // Девятые «Муромцевские чтения». Либералы и революция : сб. материалов Всерос. науч. конф. Орел, 13–14 октября 2017 г. Орел : Орлик, 2017. С. 116–124.
9. Егоров А.Н. Проблема взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 2. С. 124–136.
10. Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство // Образование. 1904. № 7. С. 24–38.
11. Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права Иосифа Колера (Берлин, 1909). [Б.м., б.г. 20] с.
12. Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. 27 с.
13. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск : В.М. Посохин, 1914. Т. 1. 625 с.
14. Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права (Томск, 1914. Т. 1) // Журнал министерства юстиции. 1915. Март. [12] с.
15. Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб. : О.Н. Попова, 1907. 334 с.
16. Соболев М.Н. Экономические интересы и группировка политических партий в России. М. : Е.В. Кожевникова и Е.А. Коломийцева, 1906. 34 с. (Библиотека «Свободная Россия»; № 11).
17. Новомбергский Н.Я. По пути к вырождению. Социально-гигиенические очерки. СПб. : «Новая типо-лит.» А.М. Ласман, 1913. 39 с.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1.
19. Центр хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 64. Оп. 10.
20. Сибирские отголоски (Томск). 1906. № 14. С. 2.
21. Сибирская жизнь (Томск). 1907. 18 июля.
22. Народные нужды (Томск). 1906. 17 марта.
23. Восточное обозрение. 1905. 8 дек.
24. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск : Том. гос. ун-т, 1996. 228 с.
25. Речь (СПб.). 1908.
26. Хандорин В.Г. Либерализм и государственное регулирование в экономических воззрениях сибирских кадетов периода революции и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4 (12). С. 57–66.

References

1. Aronova, S.A. & Aronova, A.D. (2013) Ekonomicheskiy liberalizm i ego voploshchenie v sovremennoy Rossii [Economic liberalism and its embodiment in modern Russia]. In: *Konstitutsiya 1993 goda i rossiyskiy liberalizm: k 20-letiyu rossiyskoy konstitutsii* [The Constitution of 1993 and Russian liberalism: On the 20th anniversary of the Russian constitution]. Orel: Aleksandr Vorob'ev. pp. 323–328.
2. Shilovskiy, M.V. (1995) *Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Socio-political movement in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vol. 2. Novosibirsk: [s.n.].
3. Novikova, L.I. & Sizemskaya, I.N. (1993) *Novyy liberalizm v Rossii* [New liberalism in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 132–140.
4. Kapustin, B.G. (1994) *Liberal'noe soznanie v Rossii* [Liberal Consciousness in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 3. pp. 69–76.
5. Gadzhiev, K.S. (1995) *Liberalizm: istoriya i sovremennost'* [Liberalism: History and Modernity]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 6. pp. 15–31.
6. Pustarnakov, V.F. & Khudushina, I.F. (eds) (1996) *Liberalizm v Rossii* [Liberalism in Russia]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
7. Seleznev, F.A. (2006) *Konstitutsionnye demokraty i burzhuaziya (1905–1917 gg.)* [Constitutional Democrats and the Bourgeoisie (1905–1917)]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
8. Gayda, F.A. (2017) *Revolutsiya i ideologicheskaya transformatsiya kadetskoy partii v 1917 g.* [Revolution and Ideological Transformation of the Cadet Party in 1917]. *Liberaly i revolyutsiya* [Liberals and Revolution]. Proc. of the Conference. Orel, October 13–14, 2017. Orel: Orlik. pp. 116–124.
9. Egorov, A.N. (2009) *Problema vzaimosvyazi novogo liberalizma i sotsializma v sovremennoy otechestvennoy istoriografii* [The Problem of the Relationship between the New Liberalism and Socialism in Modern Russian Historiography]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 124–136.
10. Mikhaylovskiy, I.V. (1904) *Vozzreniya B.N. Chicherina na pravo i gosudarstvo* [B.N. Chicherin's Views on Law and the State]. *Obrazovanie*. 7. pp. 24–38.
11. Mikhaylovskiy, I.V. (1909) *Retsenziya na uchebnik filosofii prava Iosifa Kolera* [Review of the Textbook on the Philosophy of Law by Joseph Kohler]. [s.l.: s.n.].
12. Mikhaylovskiy, I.V. (1910) *Kul'turnaya missiya yuristov. Pravovye prelyudii k gryadushchey kul'ture* [Cultural mission of lawyers. Legal preludes to the coming culture]. Tomsk: [s.n.].
13. Mikhaylovskiy, I.V. (1914) *Ocherki filosofii prava* [Essays on the Philosophy of Law]. Vol. 1. Tomsk: V.M. Posokhin.
14. Novombergskiy, N.Ya. (1915) *Rets. na: Mikhaylovskiy I.V. Ocherki filosofii prava* (Tomsk, 1914. T. 1) [Review of: Mikhailovsky I.V. Essays on the philosophy of law (Tomsk, 1914. Vol. 1)]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. March.
15. Bogolepov, M.I. (1907) *Finansy, pravitel'stvo i obshchestvennye interesy* [Finance, government and public interests]. St. Petersburg: O.N. Popova.
16. Soboлев, M.N. (1906) *Ekonomicheskie interesy i gruppirovka politicheskikh partiy v Rossii* [Economic interests and grouping of political parties in Russia]. Moscow: E.V. Kozhevnikova i E.A. Kolomiytseva.
17. Novombergskiy, N.Ya. (1913) *Po puti k vyrozhdeniyu. Sotsial'no-gigienicheskie ocherki* [On the way to degeneration. Social and hygienic essays]. St. Petersburg: A.M. Lasman.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 523. List 1.
19. The Center for the Storage and Use of Documentation of the Modern History of Krasnoyarsk Krai (TsKhIDNIKK). Fund 64. List 10.
20. *Sibirskie otgoloski*. (1906). 14. pp. 2.
21. *Sibirskaya zhizn'*. (1907). 18th July.
22. *Narodnye nuzhdy*. (1906). 17th March.
23. *Vostochnoe obozrenie*. (1905) 8th December.
24. Kharus, O.A. (1996) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka: ideologiya i politika* [Liberalism in Siberia in the Early 20th Century: Ideology and Politics]. Tomsk: Tomsk State University.
25. *Rech'*. (1908)
26. Khandorin, V.G. (2010) *Liberalizm i gosudarstvennoe regulirovanie v ekonomicheskikh vozzreniyakh sibirskikh kadetov perioda revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Liberalism and State Regulation in the Economic Views of Siberian Cadets during the Revolution and Civil War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal. History*. 4(12). pp. 57–66.

Сведения об авторе:

Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga.kharus@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kharus Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.kharus@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 13.04.2023; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/90/7

Дискуссия о третьей роли. Подходы к изучению неакадемической деятельности университетов в исторической ретроспективе

Даниил Евгеньевич Шандала¹, Михаил Викторович Грибовский²

^{1,2} Томский государственный университет, Томск, Россия

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ daniil.shandala.94@mail.ru

² mgrib@mail2000.ru

Аннотация. Трендом университетских исследований последнего десятилетия стало изучение высшей школы с точки зрения реализации третьей роли, под которой понимается деятельность университетов за пределами исследовательской и образовательной функций. Авторы приходят к выводу, что отсутствие глубокого исторического осмысления этого феномена значительно обедняет изучение третьей роли. Поэтому перед исторической наукой стоит задача системного исследования того, как университеты разных эпох реализовывали свою социальную миссию.

Ключевые слова: высшая школа, университет, третья роль, неакадемическая деятельность

Для цитирования: Шандала Д.Е., Грибовский М.В. Дискуссия о третьей роли. Подходы к изучению неакадемической деятельности университетов в исторической ретроспективе // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 66–73. doi: 10.17223/19988613/90/7

Original article

Discussion about the third role. Approaches to the study of non-academic activities of universities in historical retrospect

Daniil E. Shandala¹, Mikhail V. Gribovskiy²

^{1,2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

¹ daniil.shandala.94@mail.ru

² mgrib@mail2000.ru

Abstract. Higher education as a social institution of society has a long history of development. Thus, during most stages of institutional development, universities had two functions: educational and research. However, recently in scientific discussions the problem of the so-called “third role” has become increasingly relevant, which is considered by scientists as the social positioning of the university, which goes beyond the boundaries of the educational institution itself. In this regard, the purpose of the scientific article is to try to concretize the phenomenon of the “third role”: its components, characteristics, and other data. The study draws on a wide range of sources of both domestic and foreign expertise. The work of M. Markle and A. Paustist attracts attention, as they are “pioneers” in the methodology for identifying the “third role” of modern higher educational institutions. As for Russian specialists, N.A. Medushevsky, S.E. Sorokin, E.V. Kudryashova and other scientists made a great contribution to the problem study. The article consists of several parts: statement of the problem, approaches to understanding the “third role”, the “third role” in research on the history of universities, the “third role” of modern Russian universities in the focus of research, as well as the conclusion. The main conclusion that can be reached while reading the article is the need to seriously delve into the history of the “third role” issue. Modern articles and other types of publications in rare cases focus specifically on the historical essence of the phenomenon. More economic, cultural, and other local manifestations of it can be found in the example of individual higher educational institutions. In this regard, there is no systematic historical understanding of the third role and everything that is not related to the first two functions of the university: educational and research. Therefore, history as a science is faced with the task of systematic research, which will show the university as a huge complex of cultural, political and other spheres of life of a city, region, country.

Keywords: higher school, university, third role, non-academic activity

For citation: Shandala, D.E., Gribovskiy, M.V. (2024) Discussion about the third role. Approaches to the study of non-academic activities of universities in historical retrospect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 66–73. doi: 10.17223/19988613/90/7

Постановка проблемы

Современные концепции университета предполагают выход за границы классической двумерной модели представлений о вузе, включающей образовательную деятельность и научные исследования. Университет – это нечто большее. Даже не самый передовой университет представляет собой сложный социальный институт, включенный в систему разнообразных связей. Поэтому рассматривать его исключительно как место получения образования – недопустимое упрощение. То же можно сказать и о научной составляющей университета: при всей ее значимости и самоценности она в совокупности с образованием не определяет исчерпывающе сущность университета. Все чаще встает вопрос о необходимости расширения представлений о сфере деятельности вузов за счет «третьей роли», что имеет отношение к влиянию университета на город, регион, местное сообщество.

Смысловое наполнение этого понятия является предметом дискуссии, и одна из задач настоящего исследования состоит в том, чтобы систематизировать существующие подходы к пониманию третьей роли.

Само понятие «третья роль» возникло относительно недавно, несколько десятилетий назад, и стало применяться для описания современного университета. Объяснить его появление можно определенным кризисом, который переживает университет Новейшего времени. Университеты Средневековья и Нового времени могли позиционировать себя в качестве носителей и хранителей уникального знания. В известном смысле, постепенно затухая, такое позиционирование сохраняло актуальность в XIX и XX вв. В наши же дни, с упрощением способов передачи знаний и их общедоступностью, высшие учебные заведения ищут новую нишу. В этом смысле поиск университетами нового места через усиление своей роли в делах местных сообществ оказался весьма перспективным занятием. Особо остро этот вопрос стоит для не самых престижных (в национальном или тем более международном масштабе) региональных университетов, которым, в отличие от самых топовых, сложно конкурировать на рынке инноваций. Для вузов в небольшом городе именно региональное пространство выступает возможностью сохранения своей социальной, образовательной значимости и статуса.

При этом встает вопрос об историчности понятия «третья роль», т.е. о том, когда такая функция начинает реализовываться университетами, и о том, правомерно ли, расширительно трактуя данное понятие, искать его проявления в университетах прошлого.

Заметим, что в многочисленных подходах к интерпретации этого понятия ретроспективный аспект отсутствует, и в настоящее время феномен третьей роли применительно к университетскому прошлому только начинает исследоваться.

В статье М.В. Зоной [1] предлагается взгляд на периодизацию истории университета по эволюции базовых направлений деятельности вуза в разные исторические эпохи. М.В. Зона выделяет четыре периода истории высшего образования: «Средневековый» (ак-

цент делается на толкование религиозных знаний), «Предклассический» (университетами осуществляется заказ на подготовку кадров), «Классический» (вузы занимаются исследованиями, обучением) «Постклассический» (происходит формирование «социальной миссии»). Иными словами, именно развитие социальной миссии является, по мысли М.В. Зоной, основанием для выделения современного постклассического университета.

Однако можно допустить, что, несмотря на позднее возникновение понятия «третья роль», соответствующая миссия существовала с момента основания университетов. Поэтому в данной статье вслед за систематизацией существующих подходов к пониманию третьей роли обратимся к анализу того, в какой мере исследователи университетского прошлого обращались к подобной проблематике, а также возьмемся определить перспективность такого рода исследований.

Что касается историографической ситуации по проблематике настоящего исследования, то ее можно охарактеризовать как двойственную. С одной стороны, существуют работы, содержащие обзор подходов к третьей роли. Однако в них анализируются исследования сущности и механизмов реализации третьей роли современного университета. Так, в статье Е.В. Кудряшовой и С.Э. Сорокина «“Третья миссия” университетов как предмет научного анализа» [2. С. 20–21] приводятся подходы разных ученых (Х. Едкович, Л. Лейдесдорф, Ю. Караяннис, Д. Кэмпбелл и др.), которые предлагали собственное понимание третьей роли через модель «тройной спирали» или «четвертой спирали» в современном университете. Аналогичную фокусировку можно заметить и у других исследователей, например в публикации О.В. Перфильевой [3. С. 481–482]. Таким образом, с точки зрения внимания к проблеме третьей роли в исторической ретроспективе историографический задел невелик, что определяет новизну нашего исследования.

Подходы к пониманию третьей роли

Существует очень широкий набор интерпретаций третьей роли и того, что она в себя может включать. Проведем обзор исследований как отечественных, так и иностранных специалистов, которые в той или иной мере обращались к проблеме третьей роли.

Наиболее известной является разработка теоретико-методологических подходов к изучению деятельности университетов М. Мархла и А. Паусиста [4]. Эти специалисты в сфере высшего образования являются одними из лидеров в изучении проблем данной области. Их совместная статья так и называется – «Методология оценки третьей миссии университетов». Ученые приходят к выводу, что проявление третьей роли лежит не только в поле предпринимательской инициативы, но и в целом спектре факторов, таких как человеческие ресурсы, интеллектуальная собственность, коммерциализация результатов индивидуальных и групповых научных исследований, контракты с производством, контракты с государственными учреждениями, участие в процессе принятия решений, вовлеченность

в социально-культурную жизнь. Поскольку деятельность университета многоаспектна, он не позиционируется только как образовательная и научная организация, а как институция, активно работающая с разными агентами коммуникации, осуществляющая созидательную деятельность в культурной плоскости.

Свое понимание третьей роли предлагают не только ученые, но и те или иные компании, группы лоббирования интересов. В качестве примера приведем работу М.-К. Дан из Бухарестской экономической академии [5]. Исследование обращает на себя внимание в связи с привлечением измеряемых результатов в экономической плоскости. Ученый исследует опыт реализации третьей миссии на примере деятельности университетов г. Вена с точки зрения взаимодействия с городскими органами власти и соседними государствами. Одним из факторов, предопределивших формирование представлений о третьей роли, считается выработка единой системы образования в масштабе Европейского Союза. В силу разности научного и образовательного потенциала государства, объединенные в единое пространство, смогли более эффективно решать совместные задачи, что в том числе касается функции коммерциализации и социального ориентирования («неакадемическая деятельность»). Ученый также приходит к выводу, что явление «третьей миссии» неоднозначно, однако в нем явно присутствует коммерческий элемент, использование исследований для экономической выгоды, а также передача технологий в интересах всего общества.

Третья миссия, по мнению автора, имеет три стороны. Социальность – университет предлагает услуги без денежной выгоды. Такая активность работает на улучшение имиджа университета, вносит вклад в общество, распространяет идею «пожертвования» в интересах широких групп лиц. Предприимчивость – университет предоставляет услугу с целью увеличения дохода, например консультирование промышленности. Инновационность – университеты активно занимаются поиском венчурного капитала, консультируют правительства, развивают и внедряют инновации в конкретных отраслях.

Исследователи Х. Пинто, А.Р. Круз и Э. де Альмеида [6] из Португалии представляют совместное наблюдение в рамках изучения третьей роли как естественного состояния университета. По мнению авторов, представление о третьей роли как о должной, обязательной изначально заложено в университетскую модель. Университет не может не заниматься этим, иначе в условиях конкурентной борьбы он проиграет и утратит актуальность для общества и государства.

П. Монтесинс, Х.М. Карот и Х.М. Мартинез определяют третью роль как создание, генерацию университетом новых знаний, которые можно использовать вне академической среды [7]. Подход авторов можно привести в пример рассуждений о третьей роли, когда она смыкается с исследовательской функцией, что лишь раз подчеркивает сложность и соподчиненность процессов, которые протекают в высшей школе.

Идея А. Зоммера и П. Бенневорта завязана на тех социально-экономических сдвигах, которые возможны

только благодаря реализации третьей функции [8]. Конкурентоспособность и постоянное желание университетов быть полезными во многом реализуются благодаря заинтересованности политиков в деятельности университета. Подход как никогда актуален в XXI в. в связи с рыночной моделью взаимоотношений и важностью принятий тех решений, которые будут двигать вперед социальное позиционирование университета.

Можно сделать промежуточный вывод, что в понимании европейских исследователей третья роль университета состоит из следующих элементов: коммерциализации результатов исследований, наличия контрактов с разными производствами, контрактов с государственными учреждениями, участия в процессах принятия решений в городе, регионе, стране, мире и вовлеченности в социально-культурную жизнь.

Добавим к этому, что в целом третья роль в странах Западной Европы и США воспринимается преимущественно как экономическая деятельность, в которой преуспевает вуз. Университет – это игрок среди таких же социальных институтов, который борется за внимание, ресурсы, капитал. Отсюда вытекает, что социальная миссия лежит в плоскости механизмов реализации предпринимательской деятельности, поиска капитала и привлечения новых инвесторов. Университет, в свою очередь, предоставляет «услугу» в виде новой разработки, технологии, иных видов деятельности, которые необходимы заказчику.

Модели третьей роли через призму цивилизационных моделей

Если присмотреться к истории развития высшего образования на территории разных государств, то можно заметить, что каждое из них так или иначе развивало третью роль. При этом как присутствовали элементы заимствования, так и реализовывались уникальные формы. В связи с этим можно выделить три модели, которые представляют собой определенные векторы: азиатскую (китайскую), европейскую, американскую.

Эти модели по названию регионов характеризуются наибольшей развитостью на площадках других государств, поэтому суждения о том, что существуют и иные модели, безусловно, уместны. Однако в данном случае рассматриваются именно те, которые сегодня дают наиболее эффективный результат в системе высшего образования с точки зрения привлечения денежного капитала, новых студентов, развития мягкой силы как таковой.

Интересен взгляд азиатского региона о представлении «третьей роли» университетов, где лидером, задающим тон государством является Китай. Древняя история в сочетании с особенной культурной политикой имеет существенные преимущества развития сферы образования. Эти черты связаны прежде всего с тем, что университеты создаются и контролируются государством, следовательно, служат его интересам. В свою очередь, промышленные предприятия, вне зависимости от того, какая форма собственности им присуща, также ориентируются на государственные потребности. Таким образом, государство выступает посредником

во взаимоотношениях «университет–производство» и фактически определяет их содержание [9].

Отметим еще одну особенность, которая в настоящее время несколько теряет свое значение, но тем не менее остается актуальной. Не секрет, что Китай во многом ориентируется на заимствование технологий в других странах, поэтому правительство долгое время не рассматривало университеты в качестве центров разработки и трансфера инноваций, по крайней мере большую их часть. Однако сегодня тенденция меняется, и благодаря взаимодействию «университет–производство» возможны новые витки развития.

Вторая модель может называться «европейской». На европейском континенте начиная с 1990-х гг. начал разрабатываться проект ЕЗМ – European Indicators and Ranking Mythology for University Third Mission. Он объединил в себе 26 университетов, которые, участвуя в данном исследовательском проекте, находили общие формы реализации своих целей. Европейская модель оставляет приоритет за социальной составляющей. Развивается эндаумент-фонд как форма капитала, который провоцирует изменения в деятельности университетов [10].

Американская модель не предполагает единого проекта по примеру европейского, что предоставляет университетам возможность самостоятельно развивать третью роль без опоры на общие представления. Особенностью подхода считается акцент на передаче технологий. Данная модель отличается гибкостью в силу более развитой региональной специфики, сформированностью культурной традиции, многообразием системы высшего образования, децентрализацией и вариативностью системы финансирования [11].

Третья роль в исследованиях по истории университетов

Как было отмечено выше, изучая современные исследования по проблематике третьей роли университетов сложно столкнуться с материалом о генезисе этого явления в исторической ретроспективе [12]. Распространенным является положение об актуальности тематики применительно ко второй половине XX в., что обосновывается усложняющейся структурой общества, развитием рыночных отношений, когда университеты становятся не только местом аккумуляции знаний, но еще и экономическими «игроками».

Пожалуй, можно предположить, что историки высшей школы долгое время избегали постановки проблемы в залоге третьей роли в силу отсутствия ясного представления о ее предмете. Однако очевидно, что очерченный выше набор элементов, из которых состоит данное понятие, вполне применим не только к описанию университета XXI в., но и к заметно более ранним страницам его истории.

Остановимся на обзоре ряда исследований, в которых поднимаются вопросы, максимально плотно прилегающие к интересующей нас проблематике. К ним, несомненно, относятся работы, освещающие тему взаимоотношения университета и города. Долгое время проблема напрямую исследователями так не ставилась,

а немногочисленные публикации, затрагивавшие эту сторону университетской истории, касались лишь отдельных сторон жизни вузов (таких, например, как просветительская деятельность профессоров). Первыми в российской историографии культурно-урбанистический подход применительно к изучению истории российских университетов на примере Императорского Казанского университета применили казанские исследователи в коллективной монографии «Тerra Universitatis: два века университетской культуры в Казани» [13]. Теоретическую разработку различных связей между университетом и городом на материале трех университетов (Московского, Казанского и Харьковского) середины XVIII – середины XIX в. к настоящему времени выполнил С.И. Посохов, который рассмотрел интересующий нас вопрос через механизмы саморепрезентации университета, взаимоотношения университета с местным обществом и через участие университета в формировании нового облика города [14]. Применительно к началу XX в. на материале четырех университетов (Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Юрьевского) эта проблема была поднята в коллективном труде историков из России, Германии и Эстонии [15]. Тема «университет и город» порой появляется в современных учебных пособиях по университетской истории. В качестве примера приведем курс лекций Т.Н. Жуковской «Университеты и университетские традиции в России». Вписывая отечественные университеты в контекст европейской образовательной традиции, Т.Н. Жуковская помимо таких привычных аспектов, как учебный процесс, система преподавания, ученые степени и пр., уделяет значительное внимание университетской повседневности XIX в. Предметом ее изучения становятся университетские праздники, университетский фольклор. Автор рисует образ университетского профессора с точки зрения социального и профессионального статуса, материального положения, поднимает тему «город и университет», обращается к анализу особенностей архитектуры университетских зданий [16].

Еще одно направление, развитие которого приближает рецепцию концепции третьей роли к применительно к исследованиям по истории университетов, можно назвать «культурологическим».

В исследованиях по истории университетов дореволюционной России отмечаются культурная, просветительская, общественная роли, которые играли университеты. Выделяются факторы, которые способствовали реализации указанных направлений. В качестве одного из них называются демократизация и либерализация общественной жизни как необходимое условие выполнения университетом своих социальных функций [17].

Авторы на конкретных кейсах демонстрируют реализацию университетами имперского периода их социальной роли. Отметим исследование А.О. Степнова и С.Ф. Фоминых, которые показали, как профессора Томского университета, читая лекции, инициируя общественно-политические дискуссии, активно участвовали в формировании определенного нарратива. Так, университетская интеллигенция инициировала переименование улицы Жандармской в улицу Гоголя (со-

храняется в Томске и сегодня) [18]. То есть деятельность профессорско-преподавательского состава повлияла на окружающую среду: сначала общей заинтересованностью проблематикой творчества писателей, а в дальнейшем увековечиванием их памяти в городском пространстве. Упомянутое исследование примечательно тем, что оно представляет собой смыкание культурологического и урбанистического подходов.

Остается открытым вопрос о том, следует ли рассматривать через призму третьей роли многочисленные исследования, посвященные участию преподавателей и студентов, гражданская активность которых заметно возросла в эпоху Первой русской революции, в общественно-политической жизни. На наш взгляд, к этому вопросу нужно подходить выборочно и принимать во внимание, являлось ли то или иное действие исследуемой группы или лица порождением университетского начала или инициативой, напрямую с университетом не связанной.

Только в самые последние годы некоторые исследователи стали непосредственно использовать концепт третьей роли в исторических исследованиях. Обратим в этой связи внимание на статью В.В. Раскольца и А.Н. Сорокина [19], которые рассматривают реализацию третьей роли Томским университетом в исторической ретроспективе. Третья роль позиционируется авторами как действия университета, что связаны с образовательной и научной деятельностью, но в узком, в пределах преподавания и исследования смысле. Томский государственный университет – первое высшее учебное заведение на территории России за Уралом, и на протяжении рассматриваемого в исследовании периода (конец XIX – первая половина XX в.) третья миссия проявлялась по-разному. Авторы полагают, что в первые годы деятельности Томского университета присутствовала мессианская идея, проистекавшая из того обстоятельства, что университет как научно-образовательная институция покорял пространство Сибири и Дальнего Востока. Позже, в эпоху становления СССР, ТГУ воспринимает свою роль через призму вовлечения в большие государственные проекты, такие как индустриализация. В годы Великой Отечественной войны внеуниверситетская активность Томского университета направлялась на нужды фронта [20. С. 68–76].

Исследования по истории университетов позднего советского времени, которые были бы написаны с точки зрения концепта третьей роли, отсутствуют. Но в работах по истории того или иного вуза тех лет, конечно, встречается материал, характеризующий реализацию ими социальной функции, выражавшуюся в участии студентов и сотрудников в восстановительных работах на промышленных предприятиях, оказании университетом шефской помощи детским садам, школам, агитационно-пропагандистской работе, организации и проведению спортивных мероприятий в городе и пр. [20. С. 261, 309–332].

При этом, учитывая специфику эпохи, особого внимания заслуживает роль в организации многих из вышеперечисленных активностей комсомольской организации, объединявшей значительную часть студенчества.

Третья роль современных российских университетов в фокусе исследований

При весьма ограниченном количестве работ о феномене третьей роли университетов в исторической ретроспективе современная научная литература изобилует исследованиями этого феномена применительно к настоящему времени как на общероссийском [21–24], так и на местном материале [25–27].

В статье Э.В. Галажинского акцентируется внимание на региональном аспекте проявления социальной миссии. Автор определяет основой изменений человека с его творческими умениями, новыми взглядами. Именно они задают тон прогрессу в университетской среде и формированию третьей роли, основанной на человеческом потенциале [28].

К.О. Беляков исходит из того, что третья роль представляет собой взаимодействие университетов с бизнесом, необходимое в первую очередь для сокращения разрыва между фундаментальными и прикладными знаниями, что обеспечивает перенос внимания на деятельность университетов как места инноваций, формирования предпринимательского духа [29].

Интересное мнение представлено в статье Е.В. Неходы о третьей роли как вкладе университетов в повышение устойчивости качества жизни. Автор обращает внимание на университетские города, которые начинают играть роль драйверов экономики и тем самым преобразовывать внешнюю среду. Выделяются направления, по которым университет активизирует свою деятельность: научные исследования и инновации, расширение образовательных возможностей, формирование открытого культурного и образовательного пространства для жителей и гостей города. Делается вывод, что современные университеты при реализации третьей роли акцентируют внимание на создании экосистем, инклюзивных институтов развития и нового класса профессионалов [30].

Схожие выводы содержатся и в статье ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.А. Садовниченко, который предлагает понимать университеты как институции, формирующие новую социальную и культурную среду. При этом, по его мнению, несмотря на глобализацию, университеты должны играть ключевую роль именно в формировании внутренних межрегиональных связей [31. С. 9–19].

Любопытные наблюдения о влиянии пандемии COVID-19 на позиционирование университетов как центров решения глобальных проблем делают О.В. Дремова и И.А. Щеглова. По мысли авторов, в условиях пандемии стали важны не только исследовательская функция университетов и их участие в изобретении вакцины, но и социальная, связанная с объяснением обществу важности вакцинации и поиском путей более мягкого разрешения трудностей, с которыми столкнулось человечество в 2020–2021 гг. [32].

Иначе акценты расставляет М.Б. Видревич. По ее мнению, проблематика третьей роли связана с запросами самого общества. А поскольку образование является одним из наиболее востребованных социальных институтов, капиталом, который рассматривается как

инвестиция в будущее, социальное позиционирование высших учебных заведений по определению направлено на внешнюю среду [33].

Изучение понимания отечественными специалистами «неакадемической деятельности» высших учебных заведений позволяет установить, что она в большей степени трактуется как деятельность, направленная на поиск путей регионального развития с особой ставкой на человеческий капитал и гибким реагированием на социальные вызовы, с которыми сталкивается общество (глобализация, эпидемия COVID-19 и т.д.). Исследователи исходят из того, что развитие человека как личности определяется не только профессиональным освоением предмета деятельности, но и вовлечением в жизнь университета (участием в спортивных соревнованиях, культурной жизни, экспедиционных мероприятиях, деятельности студенческих отрядов и пр.). Не вполне корректным будет утверждать, что российское понимание третьей роли более многогранно, чем западное, однако внимание к возможностям университетской среды оказывать влияние на реализацию человеком творческого, гражданского, экзистенциального начала значительно расширяет и обогащает концепцию третьей роли.

Заключение

Исследование феномена университета с точки зрения реализации им третьей роли можно назвать трендом университетологии (university studies) последнего десятилетия.

Несмотря на то, что содержание третьей роли постоянно уточняется, необходимо установить определенные рамки понимания, чтобы консенсусно использовать данный термин в исследовательской деятельности. Отталкиваясь от накопленного в историографии опыта, пред-

ложим следующее рамочное определение: третья роль (неакадемическая деятельность) университетов – это исторически изменчивая совокупность действий высшего учебного заведения, которые напрямую связаны со всей активностью вуза за исключением образовательной и исследовательской составляющих.

Исследования, в которых намеренно или ненамеренно выявляются исторические формы проявления университетами третьей роли, преимущественно носят локальный характер или являются лишь периферийной частью иных исследований.

Несмотря на то, что понятие возникло недавно, категория третьей роли университета – это исторический феномен, формировавшийся как минимум с начала XIX в. и связанный с трансформацией подходов к реализации образовательной и исследовательской политики вуза в условиях менявшейся социальной реальности. Протекавшая в европейском мире, включая Россию, модернизация, сопровождавшаяся в том числе заметным усилением роли науки, меняла социальную роль университета и университетского преподавателя. Из кабинетного или аудиторного ученого-лектора он превращался в эксперта, публициста, общественного деятеля, политика, предпринимателя, играя тем самым все большую роль как в жизни университетского города, так и в жизни региона, да и всей страны.

Отсутствие глубокого исторического осмысления этого феномена значительно обедняет исследования третьей роли, тогда как обращение к этому слабоизученному аспекту университетской истории способно пролить свет на истинную роль университетов в истории страны, которая, несомненно, глубже, чем это представляется на первый взгляд. Поэтому перед исторической наукой стоит задача системного исследования того, как университеты разных эпох реализовывали свою социальную миссию.

Список источников

1. Зонова М.В. Эволюция миссии университетов: концепция «третьей миссии» // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург). Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. С. 181–184.
2. Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э. «Третья миссия» университетов как предмет научного анализа // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 17–24.
3. Перфильева О.В. Университеты и региональное развитие: теоретический анализ и методология исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 479–486.
4. Мархл М., Паусист А. Методология оценки третьей миссии университетов // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 1. С. 89–101.
5. Dan M.-C. The third mission of universities in the development strategy of Vienna City // Informatica Economica. 2012. Vol. 16, № 4. P. 49–56.
6. Pinto H., Cruz A.R., Almeida H. de. Academic Entrepreneurship and Knowledge Transfer Networks: Translation Process and Boundary organizations // Entrepreneurship: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications. Information Resources Management Association, 2017. P. 1051–1080.
7. Montesions P., Carot J.M., Martinez J.M., Mora F.J. Third Mission Ranking for World Class Universities: Beyond Teaching and Research // Higher Education in Europe. 2008. № 33 (2). P. 259–271.
8. Zomer A., Bennenworth P. The rise of the universities Third Mission // Reform of Higher Education in Europe / J. Enders et al. (eds.) Rotterdam : Sense Publishers, 2011. P. 81–101.
9. Леонова Е.И. Роль университетов в процессе коллективного познания при формировании инновационной и конкурентной экономики государства: опыт Китая // Вестник института экономических исследований. 2017. № 2 (6). С. 90–97.
10. Carrion A., Carot J.M. European indicators and ranking methodology for university third mission : Final Report. URL: <https://repositorio-aberto.up.pt/bitstream/10216/135816/2/489507.pdf> (accessed: 04.04.2024).
11. Медушевский Н.А., Перфильева О.В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2016. № 3. С. 19–31.
12. Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э. Проблемы реализации «третьей миссии» в условиях трансформирующейся роли университетов // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 3. С. 2958–2966.
13. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю. Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань : Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 500 с.
14. Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. 364 с.
15. Университет и город в России в начале XX века / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 784 с.

16. Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России : курс лекций. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. 140 с.
17. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 577 с.
18. Степнов А.О., Фоминых С.Ф. Чествование памяти Н.В. Гоголя (в 1902 и 1909 гг.) и «Шевченковские вечера» как инструментарий политической идентичности либеральной профессуры г. Томска // Русин. 2018. № 54. С. 126–144.
19. Расколец В.В., Сорокин А.Н. Теория и практика исторического исследования третьей роли в высшей школе (на примере вузов г. Томска в конце XIX – первой половине XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 66–78.
20. Плотникова М.Е. Томский университет 1880–1980 : очерк истории и деятельности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 420 с.
21. Медушевский Н.А. Современная миссия университета: практики Европы, США и России // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2016. № 4. С. 79–93.
22. Диев В.С., Головкин Н.В., Петров В.В. Третья миссия университета в современной России // Философское образование: вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2016. № 1. С. 122–130.
23. Перфильева О.В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. Т. 6, № 1. С. 133–144.
24. Фирсова А.А., Челнокова О.Ю. Модели взаимодействия университета и региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, № 4-2. С. 619–623.
25. Иманасава И.С. О «третьей миссии» университета в реалиях современного общества // Современные траектории развития социальной сферы: образование, опыт, проблемы, наука, тенденции, перспективы. 2017. С. 88–91.
26. Олейник Е.В. Современный вуз как центр развития региона (на примере г. Магнитогорска) // Региональный опорный вуз в рамках программы развития образования: миссия, функции и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.О. Францевой и др. Ставрополь : Ставропольский гос. мед. ун-т, 2017. С. 92–98.
27. Чернявская Н.В. Третья роль университета: основные положения и перспективы развития (опыт Краснодарского края) // Молодежь в науке: новые аргументы : междунар. молодежный сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Горбенко. Липецк : Аргумент, 2018. С. 256–259.
28. Галажинский Э.В. Третья роль университетов, или Роль вузов в региональном развитии // Социально-гуманитарные молодежные проекты университетов – местному сообществу : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Е.Г. Сырымкиной. Томск : Том. гос. ун-т, 2013. С. 54–59.
29. Беляков К.О., Новикова Е.С. Третья роль университетов // Ведомости. 2017. 1 окт.
30. Нехода Е.В. Третья роль университетов: вклад в повышение устойчивости качества жизни // Порядок / Беспорядок. Организация : материалы науч.-практ. конф. HR-trend (Томск, 25–27 июня 2020 г.). Томск, 2020. С. 110–112.
31. Садовничий В.А., Сидорович А.В., Семин Н.В. Три миссии университета: образование, наука, общество. М. : МАКС Пресс, 2019. 440 с.
32. Дремова О.В., Щеглова И.А. Третья миссия университетов России: тренд на (не) коммерциализацию? // Университетское управление: практика и анализ. 2022. № 26 (2). С. 27–37.
33. Видревич М.Б. Третья миссия университетов: какой мы ее видим? // Электронный научный архив УрФУ. URL https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/63144/1/978-5-7584-0334-1_2018_16.pdf (дата обращения: 16.07.2024).

References

1. Zonova, M.V. (2018) Evolyutsiya missii universitetov: kontseptsiya “tret'ey missii” [Evolution of the mission of universities: The concept of the “third mission”]. *Vysshee obrazovanie v rossiyskikh regionakh: vyzovy XXI veka* [Higher Education in Russian Regions: Challenges of the 21st Century]. Proc. of the Conference. Ekaterinburg, September 17, 2018. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. pp. 181–184.
2. Kudryashova, E.V. & Sorokin, S.E. (2020) “Tret'ya missiya” universitetov kak predmet nauchnogo analiza [“The third mission” of universities as a subject of scientific analysis]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(136). pp. 17–24.
3. Perfilieva, O.V. (2014) Universitety i regional'noe razvitie: teoreticheskiy analiz i metodologiya issledovaniya [Universities and regional development: Theoretical analysis and research methodology]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 14(3). pp. 479–486.
4. Marchl, M. & Pausist, A. (2013) Metodologiya otsenki tret'ey missii universitetov [Methodology for assessing the third mission of universities]. *Nepriyemnoe obrazovanie: XXI vek*. 1. pp. 89–101.
5. Dan, M.-C. (2012) The third mission of universities in the development strategy of Vienna City. *Informatica Economica*. 16(4). pp. 49–56.
6. Pinto, H., Cruz, A.R. & Almeida, H. de. (2017) Academic Entrepreneurship and Knowledge Transfer Networks: Translation Process and Boundary organizations. In: Information Reso Management Association. (ed.) *Entrepreneurship: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications. Information Resources Management Association*. Business Science Reference. pp. 1051–1080.
7. Montesions, P., Carot, J.M., Martinez, J.M. & Mora, F.J. (2008) Third Mission Ranking for World Class Universities: Beyond Teaching and Research. *Higher Education in Europe*. 33(2). pp. 259–271.
8. Zomer, A. & Benneworth, P. (2011) The rise of the universities Third Mission. In: Enders, J. et al. (eds) *Reform of Higher Education in Europe*. Rotterdam: Sense Publishers. pp. 81–101.
9. Leonova, E.I. (2017) Rol' universitetov v protsesse kolektivnogo poznaniya pri formirovanii innovatsionnoy i konkurentnoy ekonomiki gosudarstva: opyt Kitaya [The role of universities in the process of collective knowledge in the formation of an innovative and competitive economy of the state: Chinese experience]. *Vestnik instituta ekonomicheskikh issledovaniy*. 2(6). pp. 90–97.
10. Carrion, A. & Carot, J.M. (n.d.) *European indicators and ranking methodology for university third mission: Final Report*. [Online] Available from: <https://repositorio-aberto.up.pt/bitstream/10216/135816/2/489507.pdf> (Accessed: 4th April 2024).
11. Medushevskiy, N.A. & Perfilieva, O.V. (2016) Interpretatsiya tret'ey roli universitetov na sovremennom etape [Interpretation of the third role of universities at the present stage]. *Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3. pp. 19–31.
12. Kudryashova, E.V. & Sorokin, S.E. (2019) Problemy realizatsii “tret'ey missii” v usloviyakh transformiruyushchey roli universitetov [Problems of implementing the “third mission” in the context of the transforming role of universities]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 9(3). pp. 2958–2966.
13. Vishlenkova, E.A., Malysheva, S.Yu. & Salnikova, A.A. (2005) *Terra Universitatis: dva veka universitetskoy kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two Centuries of University Culture in Kazan]. Kazan: Kazan State University.
14. Posokhov, S.I. (2014) *Universitet i gorod v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.)* [University and City in the Russian Empire (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)]. Kharkov: Kharkov National University.
15. Maurer, T. & Dmitriev, A. (2009) *Universitet i gorod v Rossii v nachale XX veka* [University and City in Russia in the Early Twentieth Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Zhukovskaya, T.N. (2011) *Universitety i universitetskie traditsii v Rossii* [Universities and University Traditions in Russia]. Petrozavodsk: PetrSU.
17. Lyakhovich, E.S. & Revushkin, A.S. (1998) *Universitety v istorii i kul'ture dorevolutsionnoy Rossii* [Universities in the History and Culture of Pre-Revolutionary Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Stepnov, A.O. & Fominykh, S.F. (2018) Honouring the memory of N.V. Gogol (in 1902 and 1909) and “Shevchenko's evenings” as political identity tools of Tomsk liberal professorate. *Rusin*. 54. pp. 126–144. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/8

19. Raskolets, V.V. & Sorokin, A.N. (2021) Theory and practice of historical research of the third role of higher education (on the example of universities in Tomsk at the end of the XIX - the first half of the XX century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 74. pp. 66–78. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/74/8
20. Plotnikova, M.E. (1980) *Tomskiy universitet 1880–1980: ocherk istorii i deyatel'nosti* [Tomsk University 1880–1980: An Essay on History and Activities]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Medushevskiy, N.A. (2016) *Sovremennaya missiya universiteta: praktiki Evropy, SShA i Rossii* [The Modern Mission of the University: Practices of Europe, the USA, and Russia]. *Gumanitarniy: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya*. 4. pp. 79–93.
22. Diev, V.S., Golovko, N.V. & Petrov, V.V. (2016) Tret'ya missiya universiteta v sovremennoy Rossii [The Third Mission of the University in Modern Russia]. *Filosofskoe obrazovanie: vestnik Assotsiatsii filosofskikh fakul'tetov i otdeleniy*. 1. pp. 122–130.
23. Perfilieva, O.V. (2011) Universitet i region: na puti k realizatsii tret'ey funktsii [University and Region: Towards the Implementation of the Third Function]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 6(1). pp. 133–144.
24. Firsova, A.A. & Chelnokova, O.Yu. (2013) Modeli vzaimodeystviya universiteta i regiona [Models of Interaction between University and Region]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 13(4-2). pp. 619–623.
25. Imanaeva, I.S. (2017) O "tret'ey missii" universiteta v realiyakh sovremennogo obshchestva [On the "Third Mission" of the University in the Realities of Modern Society]. In: Koshel, V.I. (ed.) *Sovremennyye traektorii razvitiya sotsial'noy sfery: obrazovanie, opyt, problemy, nauka, tendentsii, perspektivy* [Modern Trajectories of Development of the Social Sphere: Education, Experience, Problems, Science, Trends, Prospects]. Stavropol: Stavropol State University. pp. 88–91.
26. Oleynik, E.V. (2017) *Sovremennyy vuz kak tsentr razvitiya regiona (na primere g. Magnitogorska)* [Modern university as a center of regional development (a case study of Magnitogorsk)]. In: Frantseva, V.O. et al.(eds) *Regional'nyy oporny vuz v ramkakh programmy razvitiya obrazovaniya: missiya, funktsii i perspektivy* [Regional flagship university within the framework of the education development program: Mission, functions and prospects]. Stavropol: Stavropol State Medical University. pp. 92–98.
27. Chernyavskaya, N.V. (2018) Tret'ya rol' universiteta: osnovnye polozheniya i perspektivy razvitiya (opyt Krasnodarskogo kraya) [The Third Role of the University: Basic Provisions and Development Prospects (a case study of the Krasnodar Krai)]. In: Gorbenko, A.V. (ed.) *Molodezh' v nauke: novye argumenty* [Youth in Science: New Arguments]. Lipetsk: Argument. pp. 256–259.
28. Galazhinskiy, E.V. (2013) Tret'ya rol' universitetov, ili Rol' vuzov v regional'nom razvitii [The Third Role of Universities, or the Role of Universities in Regional Development]. In: Syryamkina, E.G. (ed.) *Sotsial'no-gumanitarnyye molodezhnye proekty universitetov – mestnomu soobshchestvu* [Social and Humanitarian Youth Projects of Universities – to the Local Community]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 54–59.
29. Belyakov, K.O. & Novikova, E.S. (2017) Tret'ya rol' universitetov [The third role of universities]. *Vedomosti*. 1st October.
30. Nekhoda, E.V. (2020) Tret'ya rol' universitetov: vklad v povyshenie ustoychivosti kachestva zhizni [The third role of universities: contribution to improving the sustainability of the quality of life]. *Poryadok / Beporyadok. Organizatsiya* [Order / Disorder. Organization]. Proc. of the Conference. Tomsk, June 25–27, 2020. pp. 110–112.
31. Sadovnichiy, V.A., Sidorovich, A.V. & Semin, N.V. (2019) *Tri missii universiteta: obrazovanie, nauka, obshchestvo* [Three Missions of the University: Education, Science, Society]. Moscow: MAKSS Press.
32. Dremova, O.V. & Shcheglova, I.A. (2022) Tret'ya missiya universitetov Rossii: trend na (ne) kommertsializatsiyu? [The third mission of Russian universities: A trend towards (non)commercialization?]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 26(2). pp. 27–37.
33. Vidrevich, M.B. (2018) *Tret'ya missiya universitetov: kakoy my ee vidim?* [The third mission of universities: how do we see it?]. [Online] Available from: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/63144/1/978-5-7584-0334-1_2018_16.pdf (Accessed: 16th July 2024).

Сведения об авторах:

Шандала Даниил Евгеньевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: daniil.shandala.94@mail.ru

Грибовский Михаил Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: mgrib@mail2000.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shandala Daniil E. – Postgraduate Student at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: daniil.shandala.94@mail.ru

Gribovskiy Mikhail V. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading researcher at the Centre for the History of Russian Science and Scientific and Technological Development of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: mgrib@mail2000.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 07.04.2024; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья

УДК 39+94+351.853.1 (571.150)

doi: 10.17223/19988613/90/8

«Память» выбирала бойцов, бойцы выбирали «Память»: память, памятники, историко-культурное наследие и коммеморации в практике движения студенческих строительных отрядов в 1970–1990-е гг.

Татьяна Кирилловна Щеглова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, tk_altai@mail.ru

Аннотация. В контексте развития двух форм молодежного движения советского времени – поискового краеведческо-туристического и стройотрядовского – на примере студенческой организации «Память» рассматриваются традиции советских общественно-политических практик по выявлению, сохранению и популяризации историко-культурного наследия, базирующиеся на увековечивании исторической памяти. Анализируются мотивы участия стройотрядовской молодежи и представителей советской интеллигенции в проектировании, строительстве, открытии памятников, вклад в преемственность поколений и развитие диалога с властью на основе культуры памяти.

Ключевые слова: Алтайский край, молодежное движение, стройотряды, историко-культурное наследие, культурный ландшафт, мемориализация и коммеморация

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>.

Для цитирования: Щеглова Т.К. «Память» выбирала бойцов, бойцы выбирали «Память»: память, памятники, историко-культурное наследие и коммеморации в практике движения студенческих строительных отрядов в 1970–1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 74–83. doi: 10.17223/19988613/90/8

Original article

“Pamjat” chose fighters, fighters chose “pamjat”: memory, memorials, historical-cultural heritage and commemorations in the practice of student construction brigade movement in the years 1970–1990s

Tatyana K. Shcheglova

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, tk_altai@mail.ru

Abstract. The research considers the issues of development of cultural memory among the young generation by means of development of tourist and student construction brigade movement studying local lore between the 1970s and 1990s in the territory of Altai region. The foundation of the source base is constituted by visual sources – photo albums and manuscripts from the State archives of Altai region and the museum archive of Barnaul architecture college together with the reminiscences of members of construction brigades. Theoretical and conceptual basis is presented by the complex of notions and terms of «memory anthropology»: cultural and historical memory, material and nonmaterial historical-cultural heritage, processes of memorialization and commemoration. The accentuation on motives and principles of activity of the young people and their leader has been realized with the help of biographical method.

The author has analyzed Soviet practices on studying, storing and popularizing historical-cultural heritage, organizing memory sites. The research is focused on the foundation and activity of student construction brigade "Memory" that left a significant number of memorial and memorable signs considered as historical-cultural heritage of the region dedicated to a wide range of events and participants of historical life of the region. The author points out three periods in development of commemorative practices: in the context of scouting movement within the frame of «National youth march» with the purpose to immortalize heroes of military and revolutionary history between the 1970s and 1980s; in the context of construction brigade movement with the purpose of extension of memory sites during the 1980s; in the context of removing bans from the previously tabooed events of Soviet history during the 1990s. The algorithm of memorialization is analyzed in order to point out the periods with different forms and ways of work leading to the formation of historical conscience and civic engagement of students. The conclusion is made that the most important feature of commemoration practices was their leaning on communicative contacts between veterans and young people, between authorities and society, based on the principle of solidarity and continuity of generations. The experience of student construction brigade

"Memory" demonstrates the efficiency of young people movement technologies in Soviet period and may be highly sought by modern national and communal practice.

Keywords: Altai krai, youth movement, construction brigades, historical-cultural heritage, cultural landscape, memorialization and commemoration

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation № 23-28-01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>

For citation: Shcheglova, T.K. (2024) "Pamjat" chose fighters, fighters chose "pamjat": memory, memorials, historical-cultural heritage and commemorations in the practice of student construction brigade movement in the years 1970–1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 74–83. doi: 10.17223/19988613/90/8

Введение

Статья посвящена изучению советских общественных практик по мемориализации и увековечиванию исторической памяти, сохранению историко-культурного наследия региона, развитию регионального культурного ландшафта, культурной памяти, советских коммемораций на примере стройотрядовского движения советской молодежи. В центре внимания находятся история и деятельность «студенческого строительного отряда техникума «Память» (ССО «Память») и личность активистки движения, представителя советской интеллигенции по воспитанию «культуры памяти» в советскую эпоху, преподавателя техникума Светланы Федоровны Бондаревой (1949–2002).

Новизна исследования состоит в новых антропологических подходах к изучению советской эпохи как культурно-ментальной цивилизации с особым типом, советского человека как конструкта советской эпохи и способов конструирования историко-культурного наследия в советское время как базы развития советской цивилизации. Отечественные социогуманитарные науки, в том числе отечественная история, культурная и социальная антропология, философия, культурология ищут пути и подходы к изучению российского общества в советское время. Марксистско-ленинская методология, в русле которой интерпретировались исторические и антропологические аспекты в недавнем советском прошлом, а также скоропалительное перенесение в отечественную научную практику западно-либеральных концепций для анализа и оценок развития истории, культуры и этнологии советского общества исчерпали или дискредитировали себя и требуют новых теоретико-концептуальных подходов для анализа общества и государства в тот сложный противоречивый, интересный, но малоизученный период.

Актуальность исследования состоит не только в научной, но и в практической востребованности на современном этапе опыта реализации уникальных технологий советского молодежного движения по формированию мест памяти, сохранению и популяризации историко-культурного наследия, развитию культурного ландшафта с опорой на историческую память, а также по формированию каналов коммуникации между прошлым и будущим, между старшими и младшими поколениями в молодежной среде в советское время. Разрыв поколений на современном этапе и противопоставление прошлого будущему привели к размыванию

патриотизма и гражданственности, что в наши дни ощутимо на уровне как государства, так и общества.

В соответствии с научной и прикладной актуальностью предметом исследования выступает развитие в молодежной среде советских общественных практик по воспитанию культуры памяти, сохранению историко-культурного наследия и развитию регионального культурного ландшафта. Цель проведенного исследования – определить на примере «студенческого строительного отряда безвозмездного труда» ССО «Память» вклад советского студенческого общественного движения в изучение, сохранение, популяризацию историко-культурного наследия и формирование мест памяти в культурном ландшафте Алтайского края в контексте развития государственной социокультурной политики в 1970–1980-е гг.

Как известно, студенческое стройотрядовское движение появилось в 1960-е гг. (1966). Его целью, с одной стороны, являлось привлечение в условиях дефицита рабочих рук труда студентов на масштабных стройках в разных отраслях народного хозяйства – от свиноводников и коровников до железнодорожных путей и промышленных гигантов. С другой стороны, движение преследовало цель воспитания гражданственности, в том числе культуры памяти, что проявлялось, в частности, в практиках зачисления в отряды героев революций, Гражданской и Отечественной войн, перечислении однодневного заработка в советские фонды общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия, например в фонд Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры и т.д. В отличие от других стройотрядов ССО «Память» строил не объекты народного хозяйства, а памятники на территории Алтайского края, проявляя особое отношение к историко-культурному наследию и формируя свою культуру памяти и культуру памяти регионального общества безвозмездным трудом: и проекты памятников, и стройматериалы, и само строительство памятников, и их охрана были бескорыстным бесплатным вкладом стройотрядовцев. Этот опыт стоит особняком в общественном молодежном движении как пример понимания молодежью своей сопричастности к прошлому и будущему и воплощения принципа единства и преемственности поколений.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи: выявить этапы в развитии молодежного движения по мемориализации памяти в условиях меняющейся политики; определить способы и пути сохранения исторической памяти и историко-культурного

наследия, формы и методы воспитания культуры памяти и коммемораций, выявить приемы и методы формирования коммуникации между молодежью и обществом, молодежью и властью через процесс увековечивания исторической памяти.

Основными источниками служат новые материалы, выявленные в фондах музеев и архивов: документы Историко-краеведческого музея Барнаульского архитектурного колледжа (в прошлом БСТ) [1], открытого еще С.Ф. Бондаревой в 1985 г. и восстановленного спустя более 20 лет И.А. Телегиной, и «Коллекция документов и материалов по истории г. Барнаула Алтайского края (1716–1999)» Государственного архива Алтайского края (ГААК) [2]. Их основу составляют визуальные и рукописные источники о деятельности ССО «Память», газетные публикации о проведенных экспедициях и исторических событиях и / или исторических деятелях, которым посвящены памятники и памятные знаки, а также репортажи о торжественных мероприятиях, связанных с открытием памятников. В комплексе использованных документов выделяются летописи и фотоальбомы, демонстрирующие большой информационный потенциал визуальных источников, дающих возможность выходить на глобальные проблемы истории и антропологии советскости. При работе с ними учитывалось, что в летописях и фотоальбомах информацией являлся не только текст, но и визуальный материал, в том числе использованная при их оформлении советская атрибутика. Она сопровождает летописи и фотоальбомы, в которых черно-белые фотографии и черный шрифт текста оттеняет красный цвет приклеенных полосок цветной бумаги или советских символов – звезд и факелов, комсомольских и пионерских значков, знамен, барабанов и горнов и др. Самостоятельным источником служат построенные и входящие в культурный ландшафт населенных пунктов региона мемориалы, памятники и памятные знаки, которые позволяют давать оценку развитию культурной памяти регионального сообщества в прошлом и настоящем и являются историко-культурным наследием Алтайского края.

Новизна теоретико-концептуального подхода настоящего исследования проявляется в применении к анализу советского опыта популяризации историко-культурного наследия и мемориализации военно-исторической памяти разработанных в зарубежной и отечественной этнологии и истории понятий памяти, способов ее изучения, сохранения и увековечивания. В современной отечественной и зарубежной исторической науке сформировалось целое направление «антропология памяти», которое сопрягается не только с этнологией и историей, но и с другими социогуманитарными науками. В настоящей публикации наряду с использованием уже утвердившихся в науке представлений об исторической и социальной памяти большое значение имеет разработка дефиниций «культурная память», «места памяти» и ее «отверждение», в нашем случае отверждение культурной памяти через строительство памятников и их включение в историко-культурное наследие. Также автором прорабатывается понятие «мемориализации памяти» как увековечивание памяти о важных

событиях и людях. Широко используются введенные в последние годы исследователями понятия «коммеморации» и «коммеморативные практики», которые мы рассматриваем как способы действия, в том числе мероприятия, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о значимых исторических событиях и деятелях прошлого.

Биографический метод привлекался для исследования антропологических аспектов советской истории в связи с тем, что требовалась характеристика изучаемой личности в контексте советской эпохи как особой цивилизации и особого типа личности. Он реализуется через анализ развития используемых руководителем и молодежью коммуникативных практик с опорой на историческую и культурную память: между поколениями дедов и внуков, отцов и детей, а также коммуникаций «снизу вверх» и «сверху вниз», между властью и советским обществом в процессе развития государственной политики формирования советского человека и создания советской цивилизации. Антропологический подход реализуется через изучение мотивации, целеполагания участия стройотрядовской молодежи и их руководителя в строительстве памятников, посвященных историческим событиям. В нашем случае при рассмотрении советских коммемораций анализируется комплекс целей, представлений и мотивов С.Ф. Бондаревой как представителя советского поколения 1940-х годов рождения, воспитанного в условиях «победившего социализма», и ее стройотрядовцев 1970-х годов рождения, выросших в условиях позднего социализма («застоя»).

Результаты. Условия и факторы развития молодежного общественного движения в 1950–1990-е гг.

ССО «Память» Барнаульского строительного техникума существовал с 1981 до 2002 г., пока была жива руководитель этого проекта Светлана Федоровна Бондарева (1949–2002). Акцентуация на ее личности позволяет рассмотреть феномен советского человека из интеллигентской среды. Ее деды происходили из рабочих (Кустанай), родители были интеллигенцией в первом поколении: отец Федор Алексеевич Поздняков – военный летчик, мать Мария Михайловна, в девичестве Алимова, – детский врач-терапевт. Родилась Светлана Федоровна в с. Кировское Сахалинской области, окончила школу № 32 г. Ангарска Иркутской области (1965), исторический факультет Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова (1971), вышла замуж за Александра Яковлевича Бондарева и уехала за ним в Барнаул. На всех этапах жизни, начиная с деятельности комсорга в университете, занималась общественной деятельностью: работала лектором в краевом обществе «Знание» при планетарии, состояла в Президиуме алтайского отделения ВООПИиК (Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры).

В Барнаульском строительном техникуме она работала преподавателем политэкономии с 1974 г. Была членом ВЛКСМ, вступила в КПСС [1]. По воспоминаниям ее учеников-стройотрядовцев, она была пламен-

ным патриотом-правдолюбом, заряженным идеями социалистической морали, которые, по ее убеждению, базировались на общечеловеческих ценностях, с активной жизненной и гражданской позицией. Вот как описывают студенты ее лидерские качества: «Мое знакомство со Светланой Федоровной состоялось на первом курсе, на лекциях по предмету “Политэкономия”. То, что это человек неординарный, было видно сразу. Лекции шли в неформальной обстановке, много времени уделялось дискуссиям на злободневные темы. Так как в это время полным ходом шла перестройка, политэкономия стала популярной дисциплиной. По своим убеждениям Светлана Федоровна была идейным коммунистом с активной гражданской позицией. И своих убеждений не прятала, а транслировала нам, студентам, живо и интересно. Поэтому у нее было много... единомышленников. Она заражала своим энтузиазмом и жизнелюбием. Некоторые под ее влиянием успели вступить в партию. У меня также было намерение вступить в коммунистическую партию, но не успела, так как партию закрыли. Наши убеждения были искренними, доверительными и не обремененными знаниями о настоящем положении дел на идеологическом фронте. Светлана Федоровна сеяла доброе, вечное в прямом смысле этих слов» [3]. Портрет, данный ее учениками, демонстрирует типичные для советской интеллигенции, воспитанной в советское время в периферийных, нестоличных регионах, черты характера – страстность, убежденность, веру в идеалы и погруженность в общественную жизнь ради достижения тех или иных целей. Для С.Ф. Бондаревой такими целями стали память и памятники как формы увековечивания памяти о героизме.

В настоящей статье проект С.Ф. Бондаревой ССО «Память» по формированию культурной памяти на основе исторической памяти региона рассматривается как пример развития советских практик взаимодействия государства и молодежи в 1970–1980-е гг. Сформировался и реализовывался проект под влиянием и в русле двух форм молодежного движения – поискового туристско-краеведческого и стройотрядовского. Оба возникли в школьно-студенческой среде еще в 1950–1960-е гг., были поддержаны государством, включены в орбиту партийно-комсомольской деятельности, что в дальнейшем определяло формат молодежного движения, методику и технологии работы по развитию взаимоотношений старших и младших поколений, взаимодействию общества и власти. Анализ опыта ССО «Память» за 1970–1990-е гг. показывает как сходства, так и отличия в развитии общественно-молодежных практик этого времени по сравнению с 1950–1960-ми гг., когда зародились и поисково-краеведческое (1966–1967) и стройотрядовское (1966) движения.

Реализация проекта выпадает на два периода в истории российского общества: 1) время расцвета советского общества – «период развитого социализма», отличавшегося, по мнению историков, бюрократизацией и формализацией общественной жизни, что проявилось в неформальном названии – «период застоя»; 2) время перехода от социалистического производства и советского общества к либерально-рыночным отношениям

в экономике, общественной жизни и политике, отличавшегося пересмотром советской истории и практики сначала на государственно-политическом, а затем и на человеческом уровне, что проявилось в названии «перестройка». В соответствии с контентом социально-политической и экономической жизни российского общества второй половины XX столетия историю деятельности ССО «Память» по мемориализации исторической и социальной памяти можно разбить на три периода. Каждый из них демонстрирует процесс развития советских практик общественного молодежного движения по сохранению историко-культурного наследия в контексте взаимоотношений государства и общества.

Деятельность ССО «Память» по мемориализации военно-революционных событий. Первый период, 1970–1980-е гг.

Рождение ССО «Память» началось с образования в Барнаульском строительном техникуме в 1975–1976 гг. историко-краеведческого кружка и приобщения его к молодежному поисковому движению в рамках общесоюзного проекта «Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы коммунистической партии и советского народа» (далее – Поход). Сам проект был объявлен в 1966 г. Он централизовал работу со школьниками и молодежью, в среде которых ранее, в 1940–1960-е гг., инициативно снизу возникали самостоятельные движения: например, под влиянием книг А. Гайдара возникло тимуровское движение без излишней регламентации. Курс на внедрение в детско-молодежное движение положений Похода, с одной стороны, формализовал его, с другой – способствовал быстрому и масштабному развитию в образовательных учреждениях походно-отрядного движения, в том числе пионерского и комсомольского, нацелив его на места «революционной славы и боев в годы Великой Отечественной войны» как сакральные точки историко-культурного наследия регионов. Целью организации экспедиций и походов была «возможность непосредственного соприкосновения со славным наследием прошлого» [4] в лице очевидцев и участников прошлой жизни через встречи с ними и культурных следов в сельском ландшафте, в том числе и памятных знаков на местах захоронений красногвардейцев и партизан. В соответствии с методическими рекомендациями Похода, в разработке которых совместно с Центральным советом по туризму и экскурсиям участвовали общественно-политические партийные и комсомольские организации, в образовательных организациях усилились работа по составлению летописей пионерских дружин, колхозов и совхозов, школ, поисковая работа по краеведению с выявлением вклада земляков в социалистическое строительство и по увековечиванию памяти погибших в годы Гражданской и Отечественной войн, работа по сохранению и популяризации историко-культурного наследия, что привело к повсеместному созданию музеев, уголков и комнат боевой и трудовой славы, выявлению памятных мест.

В русле этого движения начал работу и кружок краеведческо-туристической направленности в Барнаульском строительном техникуме. Одной из форм его работы стала организация экспедиций, подспудной задачей которых было гражданское и патриотическое воспитание на основе поисково-исследовательской деятельности с опорой как на исторические примеры боевого и трудового подвига, так и на романтику походов. Романтика в рассматриваемое время являлась эмоциональным стержнем всей не только воспитательной, но и общественной системы. За романтикой ездили геологи, романтика пропитала песенное творчество, романтика краеведческих экспедиций привлекала студентов. Об этом красноречиво говорит строчка из характеристики Светланы Федоровны: «Каждое лето она совершает с ними экспедиции по краю, в которых рождаются новые краеведы и осуществляется преемственность принципов воспитания на живой походной жизни» [1]. Сплав исследовательской работы и романтики походной жизни стал привлекательной стороной в работе молодежи над историко-культурным наследием.

Работа созданного С.Ф. Бондаревой краеведческого кружка выстроилась на рубеже 1970–1980-х гг. вокруг партизанского «славного наследия прошлого» Алтая в период Гражданской войны. Обращение к памяти о гражданской войне было обусловлено рядом факторов. Как известно, Алтай был одним из регионов массового партизанского движения. Его территория хранила не только следы бывших боев на земле, но и многочисленные памятники и памятные знаки над могилами и захоронениями красных партизан, имена которых и события, связанные с ними, хранились в памяти сельчан. Известно, что партизанская война на Алтае имела крестьянский, оборонительный характер. В период зарождения молодежного поискового движения, в 1950–1970-е гг., школьники и студенты встречались в селах Алтая с бывшими партизанами или родственниками тех, чьи имена были высечены на обелисках. Обращению краеведческого кружка к Гражданской войне способствовало и то, что территория Алтайского края в годы Великой Отечественной войны находилась глубоко в тылу. Сами бои происходили далеко от Алтая, и требовались значительные средства на поездки в места сражений дивизий, сформированных на Алтае. Поэтому именно события именно Гражданской войны маркировали маршруты полевых исследований в походах и экспедициях историко-краеведческих кружков и пионерских отрядов Алтайского края.

На обращение к памяти о гражданской войне в кружке техникума повлияли убеждения руководителя, которая, встретившись в организованных ею походах с социальной и культурной памятью регионального общества о военно-революционных событиях, прониклась их историей. Как вспоминали ее ученики, «она с энтузиазмом рассказывала о Гражданской войне на Алтае, о необходимости сохранения памяти о героях этой войны. В этом вопросе она хорошо разбиралась» [3]. Рождение на базе краеведческого кружка не просто студенческого строительного отряда, а студенческого строительного отряда безвозмездного труда произошло

после очередного похода в 1981 г., о котором участники похода писали: «В июне 1981 года наша поисковая группа прошла по самому сложному отрезку пути красногвардейского отряда под командованием Петра Фёдоровича Сухова от Тележихи (Солонешенский район) до с. Тюнгур (Усть-Коксинский район Горно-Алтайской автономной области). Маршрут проходил по дорогам и перевалам Башчелакского и Теректинского хребтов» [5. Л. 6]. Триггером к переходу от краеведческого кружка и познавательно-поисковых туристических походов к созданию студенческого строительного отряда и строительству памятников стало состояние памятника одному из ярких участников гражданской войны П.Ф. Сухову, совершившему знаменитый двухмесячный и двухтысячеверстный рейд по территории Алтайской губернии в период гражданского противостояния 1918 г. Позиция юных краеведов выразилась в эмоциональном газетном заголовке публикации в краевой газете о памятнике П.Ф. Сухову «Расстрелянный обелиск» [1]. Участники похода писали: «В 1981 году в экспедиции по местам боев Красной гвардии Алтая (предгорная часть) мы столкнулись с ужасным примером вандализма: памятник П.Ф. Сухову был обезображен, повсюду грязь и пустота. Идея взяться за строительство пришла не сразу. Ходили по инстанциям, спорили, думали. Решили на кружке, что кроме нас не сделает никто. В 1982 году был построен по собственному проекту первый наш памятник в с. Тележиха Солонешенского района. Отряд стал именоваться не просто краеведческим, а научно-производственным отрядом безвозмездного труда “Память”... затем вписавшись в стройотрядовское движение – ССО “Память”» [6. Л. 1].

Как известно, суховский рейд был следствием восстания белочехов, и наиболее жестокие бои между «красными и белочехами развернулись тогда на так называемом “барнаульском” (черепановском, или алтайском) фронте». Красногвардейцы после поражения под Черепаново, пытаясь уйти от преследования белогвардейцев через весь Алтай в Монголию, прошли долгий путь, который, по словам историков, «без преувеличения являет собой сплошное кладбище, где покоятся красногвардейцы из отряда Сухова» [7. С. 322]. Всего, согласно сохранившейся в архиве записной книжке санитаря суховского отряда И.С. Кочергова, отряд прошел через более 50 населенных пунктов, и его остатки были расстреляны белоказаками в узком месте между Катунью и горами в районе с. Тюнгур [8. Л. 105].

Возникшая идея о безвозмездном научно-производственном отряде около «расстрелянного обелиска» в с. Тележиха базировалась на связи двух слов – «ПАМЯТник» и «ПАМЯТЬ». Как писалось в летописи, «в 1981 г. после экспедиции в Тюнгур родилась идея создания отряда “Память”. Отряд строился на принципах коммунистической организации труда. “Память” жила по законам добра, и справедливости, и чести. Мы слышали, словно живые, голоса отважных красногвардейцев, постигали их непреклонность и мужество. Мы держали экзамен на верность идеалам социализма, коммунизма. Мы несли Вахту памяти сегодняшней

молодежи» [5. Л. 7]. Так сформировалось устремление увековечить военно-революционное прошлое Алтая, а главным способом для студентов техникума как будущих архитекторов и строителей стало строительство памятников, которые сейчас входят в реестры историко-культурного наследия региона.

**Деятельность ССО «Память» по мемориализации
военно-революционных событий. Второй период,
1980-е гг.**

Становление ССО «Память» произошло в 1981–1982 гг. В архивном документе указано, что через год после похода и обсуждения около памятника, а затем в стенах техникума ситуации, связанной с памятью о П.Ф. Сухове и состоянием его памятника, «летом 1982 года бойцы ССО “Память” БСТ построили в с. Тележиха Солонешенского района памятник суховцам» [5. Л. 7 об.]. В летописи стройотрядовцы записали: «...в селе Тележиха Солонешенского района торжественно открыт памятник на месте расстрела большой группы красногвардейцев из отряда П.Ф. Сухова. На трех плоскостях – барельеф всадника в красноармейской форме с развернутым знаменем в руке, портрет Сухова и слова «Здесь 2–4.VIII.1918 г. стояли насмерть красногвардейцы из отряда П.Ф. Сухова» [5. Л. 4]. В дальнейшем, в 1980-е гг., работа велась и в других селах и районах Алтайского края вокруг памяти «героического рейда красногвардейского отряда Петра Сухова», но больше всего именно в Солонешенском районе, поскольку «путь отряда Сухова по Солонешенскому уезду – это цепь братских могил» [9. С. 146]. В культурном ландшафте Алтайского края и сегодня существуют «места памяти» суховцев: братская могила в с. Елиново, памятный знак на месте расстрела по дороге Солонешное–Медведка, могила суховца в с. Рыбное, братская могила в с. Сибирячиха, братская могила в с. Тальменка и др.

В 1983 г. в том же с. Тележиха был реконструирован, точнее – заново сооружен обелиск на месте деревянной пирамидки со звездой и надписью «Сестры милосердия из отряда Сухова» [5. Л. 69]. Стройотрядовцами были установлены и нанесены на памятник имена медсестер. До этого было известно только то, что «белые расстреляли группу 30 человек, где были и молодые девушки – это были медицинские работники – санитарный отряд Суховской Красной гвардии...» В современном Солонешенском краеведческом музее сохранился ряд работ местных краеведов, установивших не только имена, но и обстоятельства гибели сестер. Краевед В.Н. Швецов писал, что в с. Тележиха «ехал кавалерийский отряд... Особо (в конце колонны. – Т.Щ.) на 10–12 подводах были раненые и больные, с ними пять сестер-санитарок». Как было выявлено краеведами, после отступления суховцев из Тележихи «решено было полностью оставить лазарет, в котором было 28 раненых и пять сестер... В пяти километрах от последних домов села, в устье Четвертого ключа, раненные были расстреляны... Санитарок привели в сборню... Анна Дерябина, Дуся Федянина, Евгения Обухова, Мария Красилова, Нина Костина (или Кост-

кина)... Рядом с медсестрами была расстреляна А.К. Березовская [в доме которой была обнаружена бочка с порохом] – мать четырех детей» [9. С. 144–146]. Их имена стройотрядовцы увековечили на самом обелиске.

Анализ архивных материалов показывает, что процесс работы молодежи над памятью и историко-культурным наследием стал двусторонним. ССО «Память», сохраняя память о суховцах, оставляла в культурном ландшафте села и память о себе. Жители села, на территории которого и сегодня стоят построенные ими памятники, помнят, что «памятник суховцам в с. Тележиха безвозмездно спроектирован и построен в 1982 году студентами архитектурного отделения Барнаульского техникума под руководством Светланы Федоровны Бондаревой. Реконструирован этой же группой во главе с С.Ф. Бондаревой в июле 1988 г. В центре села на склоне горы установлен памятник медицинским сестрам отряда Сухова с установлением имен» [9. С. 167]. Можно сделать вывод о долгосрочности памяти, о построенных памятниках, о стройотрядовцах – их строителях, и о их руководителе, в отличие от тех примеров, когда стройотряды трудились на стройках народного хозяйства, многие из которых, к сожалению, стали сегодня руинами. А памятники ССО «Память» превратились в историко-культурное достояние сельских территорий.

Таким образом, особенностью молодежного стройотрядовского движения на Алтае являлись мемориализация военно-революционной истории на основе формирования культурной памяти региона об исторических событиях и сохранение памяти о вкладе самих студентов. Из нее вытекала и вторая особенность – тесная связь молодежи с сельскими обществами. Вписывая в культурный ландшафт села память о погибших суховцах и повстанцах-односельчанах, студенческая молодежь, сооружая памятники, создавала память и памятники о себе и устанавливала горизонтальные коммуникации между старшими и младшими поколениями, что закреплялось шефством над построенными памятниками. Так, в 1988 г. ССО «Память» вернулся в Тележиху, чтобы отремонтировать и перестроить памятник П.Ф. Сухову.

Подтверждением широких коммуникативных связей стройотряда «Память» служит то, что его работа над памятью была замечена и востребована. Об этом говорит тот факт, что в октябре 1982 г. в комсомольскую организацию техникума обратились с письмом жители села Вострово Волчихинского района с просьбой построить памятник на месте захоронения командира Семипалатинского отряда в сводном красногвардейском отряде П.Ф. Сухова Михаила Терентьевича Трусова и партизан 1919 г. Как узнали стройотрядовцы, Трусов «погиб в жестком бою под Вознесенкой (Родинский район). Его раненого суховцы везли с собой. В Вострово Михаил Терентьевич умер от ран. Здесь же похоронены партизаны 1919 года. Имена их не установлены. На могиле не было ни надписи, ни цветов» [5. Л. 8 об.]. Далее в соответствии с алгоритмом сложившихся практик «был объявлен конкурс на лучший проект памятника, продолжались поиски но-

вых сведений о суховцах. Победителями конкурса были названы Юрий Каргин и Владимир Башкловкин. Их проект был утвержден в краевой архитектуре. Ребята уже участвовали в работе ССО «Память» в Тележихе» [5. Л. 8].

Особенности коммеморативных и коммуникативных практик ССО «Память» по сохранению и популяризации историко-культурного наследия (материализованного и нематериализованного) в 1970–1980-е гг.

В целом в первой половине 1980-х гг. сложились принципы и традиции ССО «Память», на основе которых позже строилась деятельность стройотрядовцев по изучению и мемориализации исторической памяти. Сам процесс мемориализации памяти и популяризации историко-культурного наследия имел несколько ступеней со своими приемами воздействия для формирования у молодежи культурной памяти и гражданской позиции.

Первая ступень. Оформление идеи в проект. В истории ССО «Память» работа вокруг имени Сухова и суховцев являлась важнейшим приемом формирования памяти. Начальный этап работы сопровождался формированием коллекций материалов (фотоальбомы, газеты, музейные стенды) об участниках исторических событий, которым студенты посвящали памятник. В частности, при формировании мест памяти о суховцах в культурном ландшафте Тележихи «В течение трех лет бойцы “Памяти” собирали материал об отряде П.Ф. Сухова». В соответствии с методическими рекомендациями Похода стройотрядовцы встречались с участниками событий гражданской войны или их родственниками. Стройотрядовцы «встречались с Анной Александровной Антипенко, сестрой командира Железнодорожного отряда в Сводном красногвардейском отряде П. Сухова Ивана Александровича Пьянникова. Иван Пьянников – большевик, слесарь Барнаульского вагонного депо, вместе с И.И. Долгих и другими рабочими Барнаула пошел биться за нашу святую свободу, погиб в боях с белогвардейцами. Место гибели и время не установлены. Сколько их – безымянных героев гражданской» [5. Л. 2]. Как известно, сводный отряд Сухова был образован 10 июня 1918 г. на ст. Алейской, от которой они дошли до Черепаново. После поражения в бою с белочехами, отступив, на станции Алтайской произвели реорганизацию отряда: было образовано несколько полков: 1-м барнаульским командовал И.И. Долгих, 2-м железнодорожным – И.А. Пьянников и др. Командиром всего отряда стал П.Ф. Сухов [7. С. 322]. По данным краеведа Геннадия Мурыгина, командир роты барнаульских железнодорожников-красногвардейцев Иван Пьянников был казнен 10 августа 1918 г. в Тюнгуре в числе 144 суховцев [10]. Важной частью работы по мемориализации становилось изучение социальной памяти жителей села и окрестных мест. Оно включало в первую очередь такие коммуникативные методы формирования памяти, как опросы участников и очевидцев событий: «В беседах с местными жителями удалось уточнить некото-

рые обстоятельства перехода отряда через Будачиху (Гора), гибели бойцов интернациональной роты, расстрела санитарного отряда в Тележихе, картину гибели отряда в Тюнгуре» [5. Л. 2].

Вторая ступень в работе по формированию культуры памяти и воспитанию гражданственности была связана с сооружением памятника «Безвозмездным трудом». Во-первых, это бесплатное создание проекта памятника самими студентами. Авторами проектов всех установленных отрядом «Память» памятников являются студенты архитектурного отделения техникума. Во-вторых, средства для строительства памятника зарабатывали все студенты техникума, работая на объектах города, а также выступая с лекциями и концертами. В 1982 г. «деньги на строительство памятника в Тележихе были частично заработаны всеми комсомольцами техникума на коммунистических субботниках и перечислены в фонд строительства памятника» [5. Л. 7]. В таком случае вкладом в формирование памяти становился безвозмездный личный труд не только бойцов стройотряда, но и всех студентов техникума. Как писали стройотрядовцы, «каждый комсомолец отработал один день на предприятиях города, а заработанные деньги перечислились в фонд строительства памятника в с. Вострово» [5. Л. 8].

Третьей, самой трудозатратной, ступенью являлись выезд и работа на строительстве памятников. На формирование памяти и гражданственности в этот период влияли как внутренние, так и внешние факторы. К внутренним относились романтическая атмосфера строительных отрядов и традиции отрядной жизни, которые сформировались в период походов краеведческого кружка и сохранялись в стройотрядовских буднях, так как ССО «Память» не прерывал связи с поисковым движением, участвуя в его слетах. Вот что вспоминают стройотрядовцы: «Спали в палатках, варили на костре. Светлана Федоровна давала незабываемые уроки по приготовлению пищи в полевых условиях. Какие травы можно использовать, какие нельзя. Как запечь речную рыбу на костре, как разжечь сырые дрова... И везде мы во главе со Светланой Федоровной поднимались в горы... сидели у костра по всей ночи» [3]. К внешним факторам относились организация коммуникации с сельской и районной властью, советами ветеранов, пионерской и комсомольской организациями, сельскими жителями вокруг самого события, которую вызывали появление в селе студентов, процесс строительства и, главное, открытие памятника. Приемами воздействия являлись лекции и концерты в сельском клубе. Обращение коллективной памяти сельчан к прошлому выступало важным способом формирования культуры памяти и гражданственности как у старшего, так и у младшего поколения, воспитания бережного отношения к историко-культурному наследию.

Завершающей ступенью в цепи всей деятельности ССО «Память» являлось открытие памятника. В мероприятии участвовало несколько социальных групп советского общества. Площадкой коммуникации становилась сельская площадь с организованным вокруг пространством. Обязательным являлось при-

существование жителей села, для которых открытие памятника становилось событием. Участниками всегда были местные пионеры, парадная форма которых колоритно вписывалась в торжественность мероприятия. Ее эффект усиливали горны, барабаны, белые фартуки и белые банты у девочек, белые рубашки у мальчиков, галстуки и знамена. Символика и атрибутика становились важным каналом влияния на формирование памяти о прошлом и сакрального отношения к нему. Вот как описывали сами стройотрядовцы открытие памятника в Вострово: «Торжественный митинг в селе Вострово 11 июля 1983 г. Выступает командир отряда “Память” С.Ф. Бондарева. Под раскаты грома и оружейные выстрелы спало белое покрывало, и на бетонной плите...» [5. Л. 8]. В 1982 г. открытие памятника в Тележихе сопровождается минутой молчания, костюмированным выездом стройотрядовцев на лошадях, выступлением С.Ф. Бондаревой с комсомольским значком на груди, рапортом представителям районной администрации. Алгоритм проведения мероприятия по открытию памятника был отработан всей предшествующей практикой советских общественно-политических движений, а сами коммеморации являлись актом объединения общественных усилий и институтов власти.

Деятельность ССО «Память» по увековечиванию исторической памяти и сохранению историко-культурного наследия. Третий период. 1990-е гг.

Третий период выпадает уже на совсем другое время, с другим идейно-политическим контентом, обусловленным отказом от советских практик. Вместе с тем происходящие события актуализировали обращение общества к исторической и культурной памяти, расширив зоны мест памяти за счет ранее табуированных событий и участников исторических событий. В их мемориализацию включились те представители советской интеллигенции, у которых существовало особое бережное отношение к прошлому на основе принципов «единства и преемственности поколений». Отношение к вскрывшейся в период перестройки изнанке советской истории и новым сюжетам дореволюционного прошлого проявилось в появлении новых проектов «Памяти»: это памятный знак И.И. Ползунову в с. Красноярка Усть-Пристанского района (1997), сохранение памяти и памятников камнерезного искусства Алтая на колыванском кладбище (1993 по 1998), перезахоронения и открытие 20 августа 1991 г. памятника на месте расстрелов раскулаченных и репрессированных в 1930-е гг. в нагорной части Барнаула, памятный знак на месте массовых погребений пленных японцев (1991). Все они сейчас являются частью историко-культурного наследия алтайского региона.

Но и память о Гражданской войне и памятниках не ушла из практики стройотряда, который продолжал свою деятельность даже тогда, когда, как писали в одной из газет, «юность отбегалась, куртка изнасилась, а ССО исчезли из вузов одновременно с комсомолом» [11]. В 1987 г. на территории заброшенного села Васино У-Калманского района на месте, где «белые зарубили красных», был восстановлен развалившийся па-

мятник, а в соседнем селе Мезенцево, где «красные порубали на кусочки белых», установлен памятный знак. Это было обусловлено пониманием памяти как взаимоотношения между прошлым и настоящим, которое руководитель проекта С.Ф. Бондарева выразила так: «Тот, кому неведомо прошлое, обедняет свое настоящее» [5. Л. 8]. Именно поэтому, продолжая работу над памятью о Гражданской войне на Алтае под руководством С.Ф. Бондаревой в тот непростой перестроечный период, ССО «Память» расширял места памяти, продолжая традиции безвозмездного труда как проявления уважения к предыдущим поколениям. Недаром с потерей в 2002 г. лидера этого проекта С.Ф. Бондаревой завершилась деятельность студенческого строительного отряда безвозмездного труда «Память».

Дискуссия

Подводя итог, можно сказать, что реализация проекта «Память» в контексте формирования советских практик по организации молодежного движения в виде общественного стройотрядовского движения являлась кульминацией реализации советских общественных практик именно потому, что строительный студенческий отряд позиционировал себя как «отряд безвозмездного труда», который работал над увековечиванием памяти, конструированием исторического прошлого и формированием историко-культурного наследия регионального общества. Большинство стройотрядов, выполняя значимые государственные задачи и участвуя в стройках народного хозяйства, имело целью зарабатывание денег. Это не противоречило социалистическим принципам – воспитывалось отношение не только к труду, но и к трудовым деньгам. И потому, в отличие от других ССО, стройотряд «Память» сам представлял собой историческое и культурное явление своего времени, так как, маркируя памятниками «места памяти» тех или иных событий, тех или иных их участников, оставил после своей деятельности историко-культурное наследие. Памятники прошлому одновременно можно рассматривать и как памятники самому отряду как уникальному проекту советского времени, части и материального, и нематериального наследия советской эпохи. Его уникальность состоит в бесплатном и безвозмездном труде по увековечиванию памяти: безвозмездно студенты-архитекторы создавали проект, стройматериалы приобретали на заработанные в течение года деньги, строили безвозмездно и позже устанавливали контроль за состоянием памятников, бескорыстно ремонтируя или реконструируя их в последующие годы. Авторской «фишкой» общественно-политической деятельности Светланы Федоровны Бондаревой как создателя и руководителя проекта было формирование в культурном ландшафте мест памяти об историческом прошлом с опорой на конкретных героев и / или конкретные события с вовлечением студенческой молодежи через реконструкцию и строительство памятников и памятных знаков в селах и городах, развивая и приумножая историко-культурное наследие регионального общества через единство и преемственность поколений.

Заключение

Таким образом, деятельность ССО «Память» представляла собой единый процесс формирования материализованного и нематериализованного историко-культурного наследия и включала несколько этапов: этап изучения события или участника событий, кому посвящался памятник, проектирование памятника с учетом ландшафта, его сооружение, организация жизни вокруг строительства в самом отряде и в обществе села или города, где он сооружался. Завершался процесс открытием памятника с широким кругом участников с последующим контролем его состояния.

Проведенное исследование показывает, что как ни изменялась социально-политическая ситуация в стране с акцентуацией на тех или иных исторических героях и событиях, ни менялись взаимоотношения студентов стройотряда «Память» с Памятью – социальной, исторической, культурной, они зижились на бескорыстном вкладе в формирование мест памяти и историко-культурное наследие алтайского региона. ССО «Память» отличал деятельный подход, базирующийся на принципах единства и преемственности поколений как опоре формирования гражданского общества.

Проведенный анализ конкретной практики одного стройотряда позволяет сделать общие выводы. В частности, о том, что в любом обществе практика гражданской памяти объединяет людей и позволяет каждому ощутить свою причастность или принадлежность к нему. Через проведение коммеморативных практик у студентов формировалось бережное отношение к историко-культурному наследию. Это позволяет говорить об эффективности в советский период технологий работы с памятью с опорой на историю и культуру региона. Важным результатом деятельности многоканальных коммуникаций молодежи с обществом и властью вокруг героев или событий являлись развитие культурной памяти, формирование исторической па-

мяти у населения Алтайского края о прошлом региона, обогащение историко-культурного наследия. Одновременно эта работа способствовала глубокому проникновению социалистических идей, воспитанию гражданственности и советского патриотизма у молодого поколения. Благодаря участию в этом движении идеи глубоко проникали в сознание молодежи. Многие из них потом сами организовывали подобные отряды или брали шефство над памятниками, над героями Гражданской и Великой Отечественной войн. Вот как об этом говорит одна из участниц: «Я со своими друзьями уже после окончания техникума ездила в Горный Алтай для восстановления памятника героям Гражданской войны. На личные средства на заводе мы сделали большую металлическую доску с текстом. Установили ее и покрасили памятник между селами Инья и Инюшка» [3].

Таким способом на исторических примерах в процессе моделирования культурной памяти и работы по сохранению историко-культурного наследия формировался тот советский человек, для которого духовность и нравственность слились с социалистической идеологией. Сформированные молодежью места памяти в историко-культурном ландшафте региона закреплялись коммеморациями, сценарии которых при снятии с них идеологических лозунгов показывают их эффективность и практическую значимость, в том числе и для современного общества, которое ищет опору в прошлых общественных практиках нашей страны. Анализ опыта ССО «Память» по изучению памяти и сохранению историко-культурного наследия показывает эффективность технологий советского поискового краеведческо-туристического и молодежного стройотрядовского движения и возможность использовать эти технологии без излишней политизации и агрессивной идеологизации в современной практике выявления, изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия на уровне как регионов, так и всей страны.

Список источников

1. Архив Историко-краеведческого музея Алтайского архитектурно-строительного колледжа. Фонд «История колледжа». Рег. номер 5615.
2. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. Р.-1754. Оп. 2. Д. 97, 98, 99, 100, 101, 102.
3. Полевые материалы автора (ПМА). Царегородцева (Федоренко) О.А., 1968 г.р., запись 2023 г.
4. Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы коммунистической партии и советского народа // Скиталец : туристический портал. URL: https://skitalets.ru/information/books/metodicheskie-rekomendatsii-po-provedeniyu-vsosoyuznogo-pokhoda-komsomol'tsev-i-molodezhi-po-mestam-r-2410_4684/#13 (дата обращения: 17.05.2023).
5. ГAAK. Ф. Р.-1754. Оп. 2. Д. 100.
6. ГAAK. Ф. Р.-1754. Оп. 2. Д. 99.
7. Гордон Е.В. Из истории гражданской войны на Алтае: рейд отряда Петра Сухова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 320–322.
8. ГAAK. Ф. П-5876. Оп. 6. Д. 309.
9. Беликова Т.Г. Установление советской власти на территории Солонешенского района. 1918–1921 гг. Очерки. Путь отряда П. Сухова // Солонешенский район : очерки истории и культуры. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. С. 143–168.
10. Платунов Е. В августе 1918 года в Горном Алтае закончился многоверетный путь барнаульских красногвардейцев // Алтайская правда. 2023. 21 авг. URL: <https://www.ap22.ru/paper/Pervoe-protivostoyanie-belyh-i-krasnyh.html> (дата обращения: 21.08.2023).
11. Молодежь Алтая. 1997. 30 окт.

References

1. The Archive of the Local History Museum of the Altai College of Architecture and Civil Engineering. Collection "College History." Reg. № 5615.
2. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund R.-1754. List 2. Files 97, 98, 99, 100, 101, 102.
3. Author's field materials (PMA). Tsaregorodtseva (Fedorenko) O.A., born in 1968, recorded in 2023.
4. Anon. (n.d.) *Vsesoyuznyy pokhod komsomol'tsev i molodezhi po mestam revolyutsionnoy, boevoy i trudovoy slavy kommunisticheskoy partii i sovetskogo naroda* [All-Union campaign of Komsomol members and youth to places of revolutionary, military and labor glory of the Communist Party and the Soviet people]. [Online] Available from: https://skitalets.ru/information/books/metodicheskie-rekomendatsii-po-provedeniyu-vsosoyuznogo-pokhoda-komsomol'tsev-i-molodezhi-po-mestam-r-2410_4684/#13 (Accessed: 17th May 2023).

5. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1754. List 2. File 100.
6. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1754. List 2. File 99.
7. Gordon, E.V. (2013) Iz istorii grazhdanskoj voyny na Altae: reydy otryada Petra Sukhova [From the history of the civil war in Altai: The raid of Pyotr Sukhov's detachment]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4 (41). pp. 320–322.
8. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund P-5876. List 6. File 309.
9. Belikova, T.G. (2004) Ustanovlenie sovetskoj vlasti na territorii Soloneshenskogo rayona. 1918–1921 gg. Ocherki. Put' otryada P. Sukhova [Establishment of Soviet power in the territory of Soloneshensky district. 1918–1921. Essays. The path of P. Sukhov's detachment]. In: Shcheglova, T.G. (ed.) *Soloneshenskiy rayon: ocherki istorii i kul'tury* [Soloneshensky district: Essays on history and culture]. Barnaul: BSPU. pp. 143–168.
10. Platonov, E. (2023) V avguste 1918 goda v Gornom Altae zakonchilsya mnogoverstnyy put' barnaul'skikh krasnogvardeytssev [In August 1918, the multi-mile route of the Barnaul Red Guards ended in Gorny Altai]. *Altayskaya pravda*. 21st August. [Online] Available from: <https://www.ap22.ru/paper/Pervoe-protivostoyanie-belyh-i-krasnyh.html> (Accessed: 21st August 2023).
11. *Molodezh' Altaya*. (1997) 30th October.

Сведения об авторе:

Щеглова Татьяна Кирилловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: tk_altai@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shcheglova Tatyana K. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National history at Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tk_altai@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 19.04.2024; accepted for publication 01.07.2024

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 340.153; 94(517)

doi: 10.17223/19988613/90/9

О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования

Ленар Фиргатович Абзалов¹, Марат Салаватович Гатин²,
Ильяс Альфредович Мустакимов³, Роман Юлианович Почекаев⁴

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

³ Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

¹ len_afzal@mail.ru

² marat_gata@mail.ru

³ imus2007@mail.ru

⁴ rpochekaev@hse.ru

Аннотация. Характеризуется статус яргучи – судей Монгольской империи и ее улусов в XIII–XIV вв. Исследуется ценный источник – ярлык о назначении яргучи из сочинения 2-й половины XIV в. «Дастур ал-катиб», составленного Мухаммедом Нахчивани, чиновником при дворе персидских правителей Хулагуидов и Джалаиридов. На основе изучения текста ярлыка и сравнения его с другими историческими источниками (хроники и летописи, юридические памятники) реконструируется правовой статус яргучи, выявляются особенности функционирования этого института в чингизидских государствах.

Ключевые слова: Монгольская империя, Монгольский Иран, Золотая Орда, империя Юань, традиционное право, суд и процесс, ярлыки

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемого в Воронежском государственном Университете.

Для цитирования: Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 84–95. doi: 10.17223/19988613/90/9

Original article

On status of judges in the Mongol Empire and its uluses in 13th–14th centuries: an interdisciplinary analysis

Lenar F. Abzalov¹, Marat S. Gatin², Ilyas A. Mustakimov³, Roman Yu. Pochekaev⁴

^{1,2} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

³ L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

⁴ National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg Branch, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ len_afzal@mail.ru

² marat_gata@mail.ru

³ imus2007@mail.ru

⁴ rpochekaev@hse.ru

Abstract. The article is characteristic of status of yarghuchi – judge acted in the Mongol Empire and its uluses during 13th–14th cc. The court of Chinggisid states is well covered in historiography, however, the legal status of judges has not yet been specifically analysed due to the use by scholars of mainly narrative sources and the lack of legal ones.

The basic source of the study is a legal monument – yarligh (edict) on the appointment of “emir of yarghu” (senior judge) included as an example into the “Dastur al-katib fi ta’yin al-maratib” (“A Scribe’s Guide to Determining Degrees”) – Persian-language treatise created in the second half of the 14th c. by Muhammad b. Hindushah Nahchivani, the official at the court of rulers of Mongol Iran from Hulaguid and Jalayir dynasties. The goal of the article is to give an analysis of yarligh and compare it with other sources on yarghu courts – legal monuments of the Yuan dynasty and Golden Horde khans, medieval oriental narrative sources (“Secret history of Mongols”, “History of the World-Conqueror” by Juvaini, “Compendium of chronicles” by Rashid ad-Din, etc.).

The institution of yarghuchi was established at the dawn of the Mongol Empire because of the need to judge in accordance with imperial legislation: Great Yasa of Chinggis Khan, his aphorisms (biliqs) and khans’ yarlighs, rather than on a base of customs and traditions. Therefore, the position of yarghuchi could be held by trustworthy representatives of military aristocracy who knew well the rules and principle of the imperial law. The competence of yarghuchi was spread over Turlic-Mongol nomads of Chinggisid states who were a basis of their military forces, while sedentary subjects were tried in accordance with norms of religious and local law customs.

Despite the fact that requirements to candidates for the judge positions worded in the analyzed yarligh were universal for Chinggisid states, comparison with other sources of the 13th–14th cc. allows us to clarify specific features of yarghuchi’s status in different uluses. The position of yarghuchi in the Yuan Empire was well institutionalized and correlated with Chinese official ranks. There was a reception of some institutions of Islamic law in the Mongol Iran and careful record-keeping of legal procedure, etc. Traditional form of yarghu had long been preserved in the Golden Horde: it was functioning in parallel with court of Sharia, moreover, the representatives of two court systems could be in session in the same room of the ruler’s residence.

Detailed regulation of yarghuchis’ status did not mean that the court was an independent power branch. As it was common for medieval states, yarghu was not separated from the executive power: judges after their appointment retained positions of noyons (emirs), i.e. they were primarily military servicemen and performed administrative functions. At the local level of government the functions of judges were fulfilled by heads of the local governments (darughas, or basqaqs).

Keywords: Mongol Empire, Mongol Iran, Gokden Horde, Yuan Empire, traditional law, court and proceedings, yarlighs

Acknowledgements: The study was supported by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00147 “Social and Political Organization of the Eurasian Area in the Middle Ages (by the Example of the Golden Horde and Iran of 13th–14th cc.)”, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, implemented at the Voronezh State University.

For citation: Abzalov, L.F., Gatin, M.S., Mustakimov, I.A., Pochekaev, R.Yu. (2024) On status of judges in the Mongol Empire and its uluses in 13th–14th centuries: an interdisciplinary analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 84–95. doi: 10.17223/19988613/90/9

Введение

Современный венгерский востоковед И. Вашари отмечает, что «институт монгольских судов не изучен в достаточной степени» [1. Р. 157]. Ученый одновременно и прав, и неправ. С одной стороны, безусловно, вопросы организации и деятельности судебной системы Монгольской империи достаточно широко освещаются в работах, посвященных истории этого государства и ее улусов, а также проблемам истории государства и права монголов (и кочевников Евразии в целом). Более того, имеется целый ряд работ, исследующих непосредственно суд в Монгольской империи [2, 3], и даже монография, посвященная Шиги-Хутуху – ее первому верховному судье, назначенному Чингис-ханом [4]. Целый ряд специальных статей сосредоточен на изучении судов Золотой Орды [5–9] и монгольского Ирана [10, 11].

С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что в этих работах практически отсутствует рассмотрение столь важного аспекта, как правовой статус судьи (яргучи). Вполне понятно, почему этот вопрос не привлекал внимания ученых: большинство исследователей истории монгольских судов (яргу) опираются преимущественно на сведения нарративных источников – средневековых хроник и летописей, а также немногочисленные правовые памятники, имеющие косвенное отношение к процессуальной сфере.

Полагаем, что устранить этот пробел позволит обращение к важному правовому источнику – ярлыку (указу) о назначении на должность эмира яргу, т.е. именно судьи монгольского имперского суда. Этот документ

содержится в весьма ценном источнике «Дастур ал-катиб фи та’йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), представляющем собой руководство для представителей ханской канцелярии, который был составлен во второй половине XIV в. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани – чиновником при дворе монгольских правителей Ирана из династий Хулагуидов и Джалаиридов. Специфичность данного во многом уникального источника и отсутствие его полного перевода на русский и европейские языки послужили причиной того, что он до сих пор привлекает внимание весьма ограниченного круга специалистов.

Вторую часть трактата составляют образцы ярлыков о назначении на различные должности военной и гражданской администрации монгольского Ирана – всего 60 должностей, причем по большинству их Мухаммед Нахчивани приводит по три образца ярлыков, так что в источник вошло около 180 документов [12]. Интересующий нас ярлык о назначении эмира яргу идет под четвертым номером и также представлен в трех образцах.

Ярлык о назначении эмира яргу: история изучения, перевод и комментарий

Отметим, что этот документ привлекал внимание востоковедов довольно часто и, в отличие от других ярлыков из «Дастур ал-катиб», неоднократно переводился. Впервые немецкий перевод первого из трех образцов представил австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь, включив его вместе с 36 другими

образцами в приложение к своему известному труду «История Золотой Орды в Кипчаке: монголы в России» (1840) [13. С. 463–516]. Во второй половине XIX в. российский ученый В.Г. Тизенгаузен перевел 13 первых ярлыков из «Дастур ал-катиб», среди которых – и три образца о назначении эмира яргу, однако перевод не был доведен до конца, и в настоящее время его черновой вариант с многочисленными правками хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) [14. Л. 224–225]. В 1900 г. тюрколог П.М. Мелиоранский опубликовал русский перевод того же образцам, который перевел на немецкий Й. фон Хаммер-Пургшталь [15. С. 018–019]. В 1930–1940-х гг. этот документ привлек внимание А.Ю. Якубовского, который дал краткую характеристику судья-яргу на его основе, сочтя возможным распространить его выводы и на реалии Золотой Орды [16. С. 135–136]. Последний по времени перевод всех трех образцов на английский язык осуществил вышеупомянутый И. Вашари, включив их в свою статью, посвященную требованиям к лицу, назначаемому на должность яргучи [1. Р. 159–162].

Собственно, эта статья на сегодня является фактически единственным исследованием, посвященным именно судье монгольского имперского суда. Однако И. Вашари поставил перед собой сравнительно узкую задачу, соответственно, проанализировав лишь отдельные положения ярлыка о назначении эмира яргу. Авторы данного исследования предпринимают попытку продолжить изучение статуса судьи-яргучи на основе детального междисциплинарного анализа соответствующего ярлыка. Прежде всего мы намерены исследовать его как официальный акт, т.е. провести его дипломатический анализ. Также будет проведен формально-юридический анализ его содержания и сравнительно-правовой анализ его с другими правовыми актами эпохи Монгольской империи, в частности с кодификациями империи Юань и золотоордынскими ярлыками. Историко-правовой подход позволит нам выявить особенности статуса яргучи в империи Чингис-хана и ее отдельных улусах с учетом сведений неюридических источников – средневековых восточных летописей и хроник, включая такие известные сочинения, как монгольская хроника первой половины XIII в. «Сокровенное сказание», сочинения персидских авторов – «История завоевателя мира» Ата-Малика Алла ад-Дина Джувейни (1260-е гг.) и «Сборник летописей Рашид ад-Дина (конец XIII – начало XIV в.), китайская династическая хроника «Юань ши» (1369).

При этом, в отличие от И. Вашари, мы не стали обращаться ко всем трем образцам, поскольку, во-первых, они довольно однотипны, во-вторых, второй и третий документы в большей степени связаны с иранской спецификой, тогда как первый образец представляется более универсальным, и его положения, полагаем, могут быть с большим основанием экстраполированы на другие государства Чингизидов, в которых также действовали судьи-яргу. По-видимому, именно таким соображением в свое время руководствовался и Й. фон Хаммер-Пургшталь (а позднее, как отмечено выше, и А.Ю. Якубовский), включив именно этот образец

в свое сочинение, посвященное не Ирану¹, а Золотой Орде.

Признавая и уважая первенство австрийского ученого, мы сочли целесообразным включить в статью его перевод анализируемого документа, в свою очередь, впервые переведя его на русский язык, что представляется небезынтесным с историографической точки зрения. Параллельно с ним мы представляем современный русский перевод с оригинала этого документа, что позволит получить представление об отличиях в подходах германской школы XIX в. и современного отечественного востоковедения при изучении монгольского актового материала имперского периода с первой половины XIX в. до настоящего времени (таблица).

Сразу обращает на себя внимание, что перевод, выполненный Й. фон Хаммер-Пургштальем не просто гораздо короче буквального перевода с оригинала – он еще и гораздо «суше», поскольку в нем отсутствуют «цветистые» обороты и формулировки, характерные для средневековой персидской канцелярской культуры. Можно сказать, что австрийский востоковед не перевел, а, скорее, близко к тексту передал содержание ярлыка, впрочем, сохранив смысл его основных положений. Тем не менее нет сомнений, что анализировать следует именно современный перевод.

Почему же мы вправе доверять этому тексту и имеем основания реконструировать статус судьи-яргучи на его основе? Прежде всего заслуживает доверия сам источник, в котором содержится текст ярлыка.

В условиях активного правотворчества во всех государствах Чингизидов и их преемников (каковыми, в частности, в Иране являлись Джалаиры) в рассматриваемую эпоху не существовало формализованных, юридически закрепленных инструкций по оформлению правовых актов, но были достаточно строгие нормы, определявшие порядок документирования [18]. Эти правила в ряде случаев для удобства практики делопроизводства оформлялись в виде трактатов дидактического, литературно-художественного и справочно-информационного характера [19–22]. Такие труды принадлежали к особому жанру прозаических произведений, именуемому в восточной литературе «инша» или «адаб ал-инша», и представляли собой попытки осмысления документационных процессов. Они содержали правила документирования, которые могли иллюстрироваться примерами из трудов предшественников или же архивных материалов. При этом нельзя не обратить внимания, что их составители редко приводят полный текст документов, убирая шаблонные элементы акта, акцентируют внимание на структуре и способах их оформления, в частности на какой бумаге следовало писать письма, какими чернилами и пр. [23. С. 52–53].

В период правления Хулагуидов в Иране, при ильхане Газане (1295–1304) был подготовлен сборник «Канун ал-умур» («Деловой канон»), в котором представлены типовые документные формы [24. С. 277; 25. С. 290–291]. Делопроизводители (мунши, катибы, бахши и др.) были обязаны оформлять документы в соответствии с этими образцами, а в случае нестандартной ситуации предусматривалась особая процедура включения новых образцов в «Деловой канон».

Переводы грамоты эмиру яргу

Перевод Й. фон Хаммера-Пугшталя [13. S. 466–468] ²	Перевод с оригинала [Нахчивани, 1976, с. 29–32, араб. паг.] ³
Грамота [ярлык] князю суда (эмиру яргу), первый из трех [образцов] Эмиры улусов, везири, представители великого дивана, военачальники земель должны знать следующее: Порядок в делах религии и государства зависит от [строгого] исполнения законов и одно от другого невозможно отделить. Во-первых, и прежде всего необходимо исполнять предписания Ислама, что повелел делать Бог до дня воскресения из мертвых; во-вторых, действовать по праву и справедливости, так как, если одно из этих двух требований будет пренебрегаться, то это неизбежно приведет к недоверию к законам страны и государственной системе. В основе норм яргу (монгольского суда) лежат постановления Чингис-хана и монгольских султанов, которым нужно строго следовать, [необходимо] чтобы какое-либо из этих постановлений было образом для правосудия и законоотворчества, таким образом, он [яргу] достигнет высокой степени соблюдения закона и справедливости. Для этого необходим муж, у которого присутствует беспристрастие и врожденное чувство справедливости, именно ему, назначаемому из числа монгольских князей и воинов, вменяется в обязанность заниматься делами яргу. При этих обстоятельствах руководителем яргу назначается достаточно опытный и проницательный эмир Пайан Буфур, знающий лучше всех эмиров обычаи и традиции монгольской знати, их закон (яса) и устав (торе), таким образом, в естественный круг его обязанностей передается расследование судебных дел монголов, при этом он должен знать и уметь разбираться в «Кутатгу белик» (устном предании) Чингис-хана, чтобы мог обсуждать и советоваться с великими яргучи, вести следствие по монгольским судебным делам и не переступать через нормы справедливости и честности; решать спор между сторонами, опираясь на предписания ясы, если правота одной из сторон будет признана, то ей выписывать постановление суда (яргунаме), а другой [проигравшей] стороне отказывать. По этой причине этот указ вступает в силу, чтобы он [Пайан Буфур] с этого дня был признан князем суда (эмиром яргу) великой ставки [орды], и во всем, что касается этой должности, обращаться к нему, прислушиваться к его словам и решениям, все монгольские эмиры, кто соблюдает ясу Чингис-хана и ясак, обязаны соглашаться с его постановлением, никто иной не должен вмешиваться в его расследование; стороны, которые предстают перед судом, обязаны уплачивать необходимые пошлины слугам и писцам, задействованным в приговоре суда, для того, чтобы он [Пайан Буфур] мог бы думать исключительно о расследовании важных дел	Раздел первый. О поручении [должности] эмира яргу. Вид первый. Эмиры улуса, везиры, представители Великого дивана, правители областей да ведают нижеследующее. Устроение дел веры и державы и защита интересов шариата и государства основаны на двух важных делах, и разделение одного от другого с учетом требований эпохи невозможно. Первое – это укрепление дел шариата и исполнение повелений ислама – да продлит его Аллах до Судного часа и Часа воскресения! Второе – это следование путем правосудия и подражание обычаю и образу жизни справедливых. И если случится небрежение в одном из этих дел, то дела царства неизбежно придут в расстройство и обстоятельства страны останутся в запущенном состоянии. Поскольку устроение основ [суда] яргу принадлежит к изобретениям чингизхановой державы и монгольских государей, они в такой степени привержены ему (отправлению правосудия по суду яргу. – И.М.), что сделали его законоположением, основанным на правде и своим шариатом, доведя следование справедливости и беспристрастия до абсолютных высот и совершенных степеней. Посему [ныне] первоочередным из обязательных дел является назначение лица, характер которого обладал бы природной неподвзятостью и справедливостью для расследования дел, подлежащих [юрисдикции суда] яргу, [решениям] которого не могли бы не подчиняться монгольские эмиры и их воины. И так как эмир Баян превосходит всех эмиров [нашего] времени [своей] чрезвычайной компетентностью, опытом, разумением обычаев и правил монгольских государей и эмиров, знанием их ясаков и торе, должность эмира яргу и расследование [возникающих] между монголами дел, которые по своей природе и [обстоятельствам] возникновения [подлежат рассмотрению] в нем (суде яргу. – И.М.), препоручается ему, чтобы при рассмотрении дел между монголами [он] руководствовался тем, как он [это] видел и читал в Кутатгу Билик Чингиз-хана и наблюдал у великих яргучиев. Занимаясь рассмотрением дел монголов, он ни на кончик волоса не должен отступать от принципов справедливости и беспристрастия и решать тяжбы между тяжущимися в соответствии с постановлениями ясака. Когда станет известной правота одного из тяжущихся, пусть [эмир яргу] выдаст ему яргу-наме с тем, чтобы тот сохранял его в качестве документа, и если другая сторона повторно обеспокоит [эмира яргу], последний мог ответить в соответствии с решением, изложенным в яргу-наме, и знать о необходимости отказа [от повторного рассмотрения дела]. По этой причине и издано это постановление для того, чтобы начиная с этой даты его признавали эмиром яргу Высочайшей Орды и относительно того, что относится к его ведению, обращались только к нему и не преступали его слова и благоусмотрения. Пусть монгольские эмиры, тяжбы коих он заслушал и решил на основе положений чингизхановых ясы и ясака, не возобновляют и не разбирают повторно дело. Тяжущиеся, которые явятся на заседание [суда] яргу, должны выплатить оговоренный сбор ему (эмиру яргу. – И.М.), его слугам и писцу яргу-наме, дабы они могли тратить их по своему усмотрению и заниматься ведением этого дела

Образцы ярлыков, приводимые Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани являют собой проявление юридической техники, практикуемой в государстве Хулагуидов и Джалаиридов. Автор «Дастур ал-катиб» дает разъяснения по поводу оформления нормативных документов, он пишет о средствах и приемах, при помощи которых обеспечивается юридическое содержание нормативных актов, приводит образцы их словесно-документального изложения, демонстрирует формуляр ярлыка, характерный официальным актам, исходящим от публичной власти.

Издаваемые в канцеляриях Чингизидов и продолжателей их традиций Джалаиридов ханские указы имели соответствующие реквизиты в современном документо-ведческом понимании (например, текст документа,

дата, место составления или издания документа, оттиск печати). С правовой точки зрения документы имели содержательную часть, в письменном виде выражающую нормы права или индивидуальные предписания, и реквизиты, которые были необходимы для идентификации документа и придания ему юридической силы (место издания, оттиск печати и др.).

Официальный персоязычный документ начинался инвокацией на арабском языке [26. S. 26]. Далее следовали инскрипция и промульгация. В аренге (преамбуле), как правило, приводились моральные и религиозные мотивы принятия документа [27. P. 309]. После аренги следовала наррация, в которой излагались обстоятельства дела, предшествующие совершению акта, здесь

впервые появляется имя и титул назначаемого лица (эмир Баян). Сущность документа выражала диспозиция, т.е. распоряжение о назначении эмира Баяна на должность яргучи. В актах о назначении на ту или иную должность в диспозитивной части, как правило, добавлялись предписание, запреты или ограничения для адресата или должностных лиц (адхортация, прескрипция), что мы можем видеть и в разбираемом нами образце ярлыка.

Традиционный документ персидских канцелярий заканчивался фразой, в которой делалась ссылка на печать (корроборация) и указание даты [27. Р. 310]. В индивидуальном формуляре разбираемого ярлыка они отсутствуют. Рашид ад-Дин конечный протокол условного формуляра документа обозначает следующим образом: «Указ написан в таком-то месяце, такого-то года, в таком-то месте» [24. С. 285]. При Чингидах в персидскую делопроизводственную практику внедряется тюрко-монгольский календарь [28. Р. 150], сохранявшийся в делопроизводстве Ирана до первой трети XX в. До конца XV – начала XVI в. справа под текстом и перпендикулярно ему указывались имена секретаря и других должностных лиц, участвовавших в подготовке документа [27. Р. 310].

В соответствии с нормами, установившимися еще во времена Хулагуидов, в обязанности бахши входил перевод персидских документов, адресованных кочевому населению Ирана, на монгольский или тюркский язык [20. Р. 757]. Эти документы имели свойственный чингизидским актам формуляр, отличавшийся от персидского.

Начальный протокол монгольских документов включал в себя интитуляцию (адресант) и инскрипцию (адресат). Адресант был связан с конкретным правителем, от имени которого издавался ярлык, при этом он мог иметь различные варианты, которые зависели от языка и графики документа. Наиболее распространенной была формула «Слово наше (мое)». Интитуляционные формулы могли иметь различные вариации, определявшиеся политическими притязаниями адресанта [29. С. 30]. В адресате, следовавшем за интитуляцией, был представлен круг должностных лиц, принимавших официальный акт к исполнению, число элементов адресата могло варьировать, и располагались они в определенной иерархической последовательности [29. С. 52–54].

Переход от начального протокола к основной части документа производился посредством характерной для чингизидского делопроизводства арабским письмом формулы-оповещения (или обнародования): «...должны знать следующее». В актах на монгольском языке эта формула могла звучать следующим образом: «к совершенному постижению ярлык» [29. С. 34].

Условный формуляр документов чингизидских канцелярий также мог включать преамбулу (аренгу) и нарацию. Здесь следует отметить, что в отличие от арабо-персидской традиции, в рамках которой использовались изящные словесные формулы и эпитеты, собственно монгольской канцелярской культуре они были несвойственны [30. Р. 26–27]. Ядром документа выступала диспозиция. В условном формуляре вслед за диспозицией, как правило, следовали санкция [31. С. 247]

и корроборация, завершавшая основную часть документа. Например, в грамоте ильхана Абу-Са'ида от 1320 г., подготовленной на монгольском языке уйгурицей, корроборация выражена в следующей форме: «С золотой пайцзой, с красной печатью ярлык милостиво выдан» [29. С. 67]. После помещения оттиска печати документ приобретал юридическую силу [27. Р. 311–312].

Эсхатокол документов чингизидских канцелярий должен был содержать указание даты и места выдачи. Помимо этого, конечный протокол чингизидских актов мог включать указание имен ходатаев и исполнителей его оформления. В канцелярской культуре Чингизидов также прослеживается практика помещения удостоверяющих надписей на обороте документа [32. Р. 508]. Вероятно, подобная практика была введена в годы правления Чингис-хана или же Угедэя, что было вызвано возрастанием документооборота и необходимостью несения ответственности за подготовленный документ. В свою очередь, секретари, а также ходатаи могли выступать свидетелями при разрешении дела, связанного с выдачей этого документа. Удостоверительные надписи на уйгурской графике также применялись в случае написания документов на других языках [33. С. 42–43]. Часто удостоверительные надписи отражали краткое содержание документа на монгольском языке [34], для того чтобы писцы и сановники, не владевшие языком, на котором был написан документ, могли иметь представление о его содержании [24. С. 276].

Легко заметить, что в анализируемом образце некоторые части условного формуляра или реквизиты документа не представлены в силу того, что мы имеем дело с образцом документа. В начальном протоколе отсутствуют инвокация и адресант, в основной части корроборация и конечный протокол в целом. Их отсутствие объясняется тем, что эти компоненты были хорошо известны каждому опытному писцу или же зависели от конкретных условий издания документа, поэтому не требовали указания.

В целом же анализируемый ярлык имеет характерный для персидских документов формуляр и состоит из промюльгации, преамбулы (аренги), нарации и диспозиции [27]. С одной стороны, он во многом соответствует персидской (и, более широко, мусульманской) делопроизводственной традиции, о чем свидетельствует сравнение его с образцами документов о назначении на должность кади – судьи шариатского суда [19. С. 17, 29–33, 56, 77–79, 84–87, 93–94; 24. С. 235–236].

Анализ индивидуального формуляра ярлыка на назначение яргучи позволяет сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани сделал акцент на основной его части и в соответствии с персидской традицией дал развернутую характеристику преамбулы, нарации и диспозиции, не включив при этом некоторые элементы корпуса документа, а именно корроболяцию и санкцию, а также не дал полного описания типичных для актовых материалов и хорошо известных каждому писцу-делопроизводителю начального и конечного протоколов. Но, исходя из того, что ярлык был в первую очередь адресован представителям монгольской элиты, он должен был быть подготовлен или

продублирован на монгольском или тюркском языке в соответствии с типовым формуляром, принятым в чингизидской делопроизводственной культуре. Сравнение основных структурных элементов содержания анализируемого ярлыка с вышеупомянутыми образцами монгольской имперской дипломатики дает основание утверждать, что ярлык составлялся по канонам чингизидской канцелярской традиции. Более того, тот факт, что в нем упоминается конкретное лицо – эмир Баян – позволяет рассматривать этот образец не как некий универсальный шаблон с идеалистическими представлениями составителя о должности, на которую назначается некий абстрактный получатель ярлыка, а как практико-ориентированный правовой акт, в свое время вступивший в юридическую силу.

Правовой статус яргучи в Монгольской империи и его особенности в отдельных улусах

Исследовав ярлык эмиру яргу как официальный документ, мы приступаем к основной части нашего исследования – характеристике правового положения яргучи в Монгольской империи и государствах Чингизидов XIII–XIV вв.

Сразу же обратим внимание, что адресатом ярлыка является гораздо более ограниченный круг лиц, чем в ханских жалованных грамотах, которые адресованы практически всем представителям власти в государстве, так или иначе связанным с исполнением административных функций и, соответственно, имеющим отношение к сбору или использованию налогов и повинностей (не говоря о самой обобщающей категории «все»). В данном документе адресатами являются лишь «эмиры улуса, везиры, представители Великого дивана, правители областей»: речь идет лишь о тех представителях власти, которые в той или иной степени могли взаимодействовать с назначаемым судьей в рамках своих полномочий. Аналогичным образом ограничен и круг адресатов в ярлыке о назначении казиза, приведенный Рашид ад-Дином в «Сборнике летописей»: «Да ведают баскак, мелик и лица, которые правят от нашего имени в таком-то владении» [24. С. 235].

Заслуживающим внимания представляется положение: «Устроение дел веры и державы и защита интересов шариата и государства основано на двух важных делах, и разделение одного от другого с учетом требований эпохи невозможно». В данном случае, как следует из последующего текста, речь идет об исламе, однако нельзя не провести параллель с концепцией «двух законов», которая в Монгольской империи и империи Юань в Китае действовала в рамках сотрудничества ханов с тибетскими буддийскими иерархами уже со второй половины XIII в. [35. С. 12]. Полагаем, что эта традиция в той или иной степени стала отличительной чертой при выстраивании системы власти во всех чингизидских государствах XIII–XIV вв., в которых официальное признание получала та или иная религия.

Вместе с тем исследователи не без оснований полагают, что именно в тех государствах Чингизидов, где основное местное население исповедовало ислам, существование судов-яргу трактовалось как посягатель-

ство на мусульманские судебные институты – шариатские суды кади (казиев) [36. Р. 52]. Неудивительно, что в ярлыках, посвященных яргу и яргучи, правители последовательно старались проводить идею о том, что эти органы правосудия не противостоят друг другу, а действуют параллельно, имея собственную компетенцию.

В целях примирения своих подданных правители монгольского Ирана старались находить точки соприкосновения между ними, порой используя одни и те же термины для характеристики разных правовых и судебных систем, обеспечивать конструктивное взаимодействие представителей тюрко-монгольской и персидской администрации [37. Р. 73]. Это намерение нашло прямое отражение в ярлыке: «Поскольку устройство основ [суда] яргу принадлежит к изобретениям чингизхановой державы и монгольских государей, они в такой степени привержены ему (отправлению правосудия по суду яргу. – *И.М.*), что сделали его законоположением, основанным на правде и своим *шариатом* (курсив наш. – *авт.*), доведя следование справедливости и беспристрастия до абсолютных высот и совершенных степеней». В документе также подчеркивается, что деятельность яргу представляла собой «расследование [возникающих] между монголами дел, которые по своей природе и [обстоятельствам] возникновения [подлежат рассмотрению] в нем (суде яргу. – *И.М.*)», – без уточнения, поскольку, вероятно, и представители власти, и потенциальные участники процесса прекрасно знали, какие именно виды споров или категории иных дел относятся к ведению данного вида судебных инстанций.

Следует отметить, что во второй половине XIII в. суд яргу в Иране мог рассматривать дела не только монголов, но и представителей местного населения, в частности споры правителей вассальных владений или их жалобы на действия представителей хулагуидской администрации [38. Р. 35, 112–113, 120]⁴. Однако со временем, особенно после провозглашения ислама официальной религией государства Хулагуидов в 1295 г., эта практика была прекращена, и все дела оседлых подданных ильханов решались отныне исключительно на основе шариата, тогда как яргу остался судом только для тюрков и монголов – «людей меча» [10. Р. 29; 37. Р. 76].

Обращаясь к качествам лица, назначаемого на должность яргучи, мы до некоторой степени выступаем продолжателями исследования, начатого И. Вашари в вышеупомянутой статье, и в целом соглашаемся с его наблюдениями, однако по некоторым из них у нас имеются уточнения. В частности, говоря о требованиях к кандидату на должность яргучи, венгерский востоковед считает, что тот должен был знать обычное и имперское право [1. Р. 162], однако, на наш взгляд, нет оснований считать, что обычное право могло иметь отношение к перечисленным в ярлыке типам источников права и тем более к деятельности яргучи.

«Законоположения» Чингис-хана и «монгольских государей и эмиров» – это, несомненно, указы основателя Монгольской империи и его преемников в Монгольской империи и непосредственно Иране. В тюрко-монгольской традиции они известны как «ярлыки»,

в персидских же источниках (в частности, у Рашид ад-Дина) они также именовались «фирманами», тогда как китайские авторы называли такие акты высшей юридической силы «указы» («чжао») и «распоряжения» («чи») [41. С. 74, 183].

Составитель ярлыка, помимо указов-ярлыков, упоминает о «ясаках» и «төрэ», а также «Кутатгу Билике» Чингис-хана. «Ясаки», т.е. знаменитая «Великая Яса» Чингис-хана, – это совокупность принципов организации власти и управления в Монгольской империи и наказаний за нарушение этих принципов [42. С. 39–49]. Отсутствие четкой фиксации этих принципов привело к тому, что исходные принципы организации власти и управления, сформулированные Чингис-ханом, уже при его ближайших преемниках подверглись определенной трансформации в соответствии с их политическими интересами и намерениями. А после раскола Монгольской империи понятие «Яса» стало весьма поразному трактоваться в каждом улусе Чингизидов, – неудивительно, например, что золотоордынский правитель Берке и Хулагу, ильхан Ирана, развязав в начале 1260-х гг. военный конфликт, упрекали друг друга в нарушении Ясы, приводя при этом разные основания [43. Р. 170–173, 180; 44. Р. 357]. Со временем Яса превратилась в некий символ преемственности власти улусных правителей-ханов от Монгольской империи и лично от Чингис-хана, но источники не дают оснований говорить о применении каких-то конкретных ее принципов и норм вроде тех, которые в свое время были сформулированы Джувейни [30. Р. 23–34]. Неудивительно, что и яргучи, считаясь знатоками Ясы, имели широкую свободу интерпретации ее норм [11. Р. 561].

Что касается «төрэ», то это было своего рода «государственное право», т.е. базовые принципы организации власти и военного дела в Монгольской империи, унаследованные Чингис-ханом и его потомками еще от древних тюрков. Универсальность этих предписаний (принципы ханской власти, организации войск, разделение улусов на крылья и центр и т.д.), первые упоминания которых относятся еще к VI–VII вв., обусловили их «живучесть» не только в Монгольской империи и ее улусах, но и в гораздо более поздние периоды [42. С. 28–39]. Точно так же, как и Яса, оно стало символом монгольской государственности в чингизидских улусах XIV–XV вв. и в источниках обычно упоминалось абстрактно, без каких-то конкретных норм. Тем не менее И. Вашари считает, что «төрэ» имело обычно-правовую природу, прямо соотнося его с монгольским степным правом «йосун» [1. Р. 163], для чего, по нашему мнению, нет никаких оснований.

Наконец, под «Кутадгу билик» имеются в виду «билики» – изречения основателя Монгольской империи, сказанные по конкретным поводам в качестве назиданий. Крайне любопытно, что знание биликов, по мнению составителя ярлыка, необходимо эмиру яргу, чтобы «он занимался разбором дел между монголами по образцу того, как он видел и читал (об этом)» в упомянутом источнике: как видим, опираться на билики следовало в процессе рассмотрения дела. Неслучайно в историографии высказывалось мнение, что билики – это именно «процессуальные нормы», сформулирован-

ные Чингис-ханом [15. С. 020; 33. С. 268; 45. С. 219], в отличие от «материальных» норм «ясака», опираться на которые автор ярлыка предписывает, когда следует непосредственно решать «дела между противниками». Необходимость знания биликов, причем не только чиновниками, но и самими правителями, нашла отражение в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, упоминающего, что предпочтение Тэмуру, внуку Чингис-хана, как наиболее подходящему претенденту на трон монгольских ханов и юаньских императоров в ущерб его старшему брату Каммале было сделано именно благодаря знанию им биликов своего предка [46. С. 206]. Еще одним источником, на который следует опираться эмиру яргу, являлись «постановления... монгольских султанов», – полагаем, речь идет уже о текущем законодательстве непосредственно персидских ильханов, нашедшем отражение в издававшихся ими ярлыках (фирманах).

Требования к компетентности яргучи в сфере законодательства, как полагает И. Вашари, отражали сложный и многоуровневый характер системы монгольского имперского права. Мы согласны с венгерским ученым, что необходимость знания принципов и норм этого права была весьма обоснованной в Иране эпохи Хулагуидов и Джалаиридов, поскольку требовалось весьма деликатно взаимодействовать с представителями мусульманского духовенства и шариатских судов [1. Р. 167]. Однако, как представляется, этот вывод можно распространить и на реалии других государств потомков Чингис-хана: точно так же осторожно следовало взаимодействовать яргучи с мусульманскими судьями-кади в Золотой Орде или Чагатайском улусе, а в Китае эпохи Юань – с представителями традиционной китайской судебной системы.

Результат вынесенного решения (приговора) фиксировался в «яргу-наме», которое П.М. Мелиоранский вполне обоснованно соотносит с древнерусским аналогом – правой (судной) грамотой [15. С. 019]. В этом документе судья фиксировал победу одной стороны и поражение другой в разбираемом деле. Фиксация судебных решений в письменном виде имела место уже на начальном этапе существования Монгольской империи: на курултае 1206 г. Чингис-хан приказал: «Пусть записывают в Синюю роспись “Коко Дефтер-Бичик”, связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных “ур-ирген”, а равным образом и судебные решения» [47. С. 160]. Цель составления «яргу-наме» вполне четко указана в самом документе: его наличие у победившего в суде лица предотвращало возможные попытки проигравшего соперника обратиться с тем же делом в другой суд.

Завершая разговор об источниках права, относящихся к сфере деятельности судей-яргучи, можно отметить, что их перечень представляет большой интерес с точки зрения правовой системы права, действовавшей в монгольском Иране в рассматриваемый период. Несмотря на то, что в результате реформ ильхана Газана на рубеже XIII–XIV вв. ислам стал официальной религией государства Хулагуидов, потомки Чингис-хана не только не забывали «чингизово право», унаследованное ими от Монгольской империи, но и ак-

тивно его применяли. Таким образом, достаточно четко разграничивались источники права для кади и яргучи, в совокупности составляя общую правовую базу, необходимую для принятия решений и вынесения приговоров судами различных инстанций.

Привлекает внимание наличие в ярлыке требований к кандидату на должность, среди которых есть и личные, и профессиональные. К числу личных относятся «прирожденная непредвзятость и справедливость». Дополнительные качества перечислены уже применительно к конкретному лицу – эмиру Баяну⁵, среди которых и личные («проницательный»), и профессиональные («чрезвычайная компетентность», «опытность», «разумение обычаев и правил монгольских государей и эмиров», «знание их ясаков и төрэ»). Кроме того, принят во внимание и его профессиональный опыт: до назначения на должность он «видел» и «наблюдал» судебную практику «великих яргучиев». Наряду с требованиями к кандидату в судьи, также важным является требование к самому судье: «ни на кончик волоса не... отступать от принципов справедливости и беспристрастия и решать тяжбы между тяжущимися в соответствии с постановлениями ясака».

Завершают текст ярлыка несколько «технических», но также весьма интересных положений, касающихся организации судебного процесса в монгольском Иране. Одно из них гласит, что после вступления ярлыка в законную силу все бы эмира Баяна «признавали эмиром яргу Высочайшей Орды и относительно того, что относится к его ведению, обращались только к нему и не преступали его слова и благоусмотрения». Оно позволяет сделать вывод о достаточно четкой компетенции суда яргу, которая, впрочем, не уточняется в тексте документа – вероятно, в силу того что, как уже отмечалось, все заинтересованные лица и так имели о ней представление. Кроме того, в документе подчеркивается, что речь идет именно о яргучи Высочайшей Орды, т.е. ханской ставки. Это позволяет говорить об иерархии самих судов-яргу в монгольском Иране, во главе которой стоял «великий яргу», судивший только самых высокопоставленных сановников и военачальников [38. Р. 117, 120]. Аналогичным образом в империи Юань имелся «великий придворный суд яргу», возглавлявшийся «главным из всех яргучи» [48. С. 168; 49. Р. 244].

Здесь уместно будет уделить внимание статусу судей-яргучи в системе органов государственной власти и управления. Прежде всего следует отметить, что наличие судов-яргу и назначение судей-яргучи отнюдь не означало, что в Монгольской империи и государствах Чингизидов существовала отдельная, самостоятельная ветвь судебной власти. Все яргучи, начиная с первых «верховных судей» Монгольской империи – Шиги-Хутуху и Мункесара, прежде всего были представителями знати – нойонами⁶ (в мусульманских государствах Чингизидов – эмирами, как, собственно, и Баян в анализируемом нами документе) и продолжали выполнять соответствующие функции даже вступив в судейскую должность. Так, Шиги-Хутуху командовал войсками во время войны Чингис-хана с Хорезмом, а нойон Мункесар – в походах хана Мунке [30. Р. 406; 33. С. 235, 237]. Ряд яргучи в государстве Хулагуидов

активно участвовал в междоусобицах и придворных интригах [40. Р. 136, 142]. В империи Юань яргучи приравнивались к китайским сановникам «пред-первого ранга», числились в приказах при имперском секретариате и должны были присутствовать на официальных церемониях, сопровождать ханов-императоров в поездках и пр. [49. С. 180; 50. Р. 96].

Таким образом, яргучи принадлежали к тюрко-монгольской аристократии со всеми ее правами и привилегиями, обладали высоким статусом и собственными владениями [16. С. 136]. Неудивительно, что эта категория сановников не была столь значительной: в начале 1260-х гг. в Монгольской империи (вернее, во владениях Хубилая – будущей империи Юань) было не более 10 яргучи, лишь к 1324–1325 гг. их число возросло до 42 [51. Р. 153]⁷. О количестве яргучи в Чагатайском улусе, Золотой Орде и монгольском Иране источники сведений не сохранили, но есть основания считать, что и в этих государствах их число не было значительным и они являлись судьями высшей инстанции, рассматривая воинские и политические преступления, дела сановников и военачальников, иногда – дела о колдовстве [40. Р. 131]; ср.: [44. Р. 338, 340, 361]. Решение яргучи было окончательным, о чем свидетельствует фрагмент нашего ярлыка: «Пусть монгольские эмиры, тяжбы коих он заслушал и решил на основе положений чингизхановых ясы и ясака, не возобновляют и не разбирают повторно дело».

Текущую судебную деятельность в отдельных административно-территориальных единицах – округах (улусах), туменах и т.д., осуществляли сами руководители региональных и местных администраций либо назначавшиеся ими лица [52. Р. 72]. Так, например, в хорошо известном фрагменте сочинения арабского путешественника первой половины XIV в. Ибн Баттуты сообщается, что при дворе Кутлуг-Тимура, правителя золотоордынского Хорезма в 1330-х гг., ежедневно заседали друг напротив друга кади со своими писцами и «восемь... старших эмиров и шейхов тюркских, называемых *аргуджи*», которые разбирали дела, не предусмотренные шариатом [53. С. 311–312]. С учетом вышесказанного позволим себе усомниться в статусе судей, упомянутых Ибн Баттутой как «старших эмиров»: вряд ли даже такой могущественный региональный наместник, как Кутлуг-Тимур (двоюродный брат хана Узбека), мог позволить держать при себе целых 8 яргучи⁸, – вероятно, речь шла о писцах или секретарях, которые принимали обращения тяжущихся, заслушивали показания, после чего уже либо сам улус-бек Хорезма, либо назначенный им чиновник действительно осуществлял разбирательство по принципам суда-яргу, т.е. на основе ханских ярлыков, Великой Ясы, төрэ и т.д. Аналогичным образом в золотоордынских ярлыках XIV в. предусмотрено право наместников-даруг Крыма и Азака участвовать в совместных судах с консулами итальянских колоний в этих регионах по спорам между ордынцами и итальянцами либо же назначать в такие суды своих подчиненных [54. С. 10, 28, 73].

Принадлежность яргучи к представителям исполнительной власти также предусматривала выполнение

ими и иных полномочий, что приводит исследователей к не вполне корректным выводам относительно обязанностей монгольских судей. Так, например, И. Вашари, опираясь на сообщение Гильома де Рубрука о том, что французское посольство при дворе хана Мунке принимал «секретарь и судья» Булгай, делает вывод, что на яргучи возлагались и дипломатические функции [1. Р. 158]. Аналогичным образом сообщения о том, что тот или иной эмир, исполнявший судебские обязанности, также, в качестве эмира, занимался и управленческими вопросами, приводит некоторых исследователей к наличию среди обязанностей яргучи также распределения уделов и т.п. [55. Р. 186; 57]. Однако есть все основания утверждать, что подобного рода функции были связаны со статусом не столько яргучи как судьи, сколько эмира как военачальника или сановника при ханском дворе.

Наличие многочисленных административных функций, несомненно, снижало эффективность суда-яргучи, поэтому Хубилай в свое время под влиянием китайских процессуальных традиций принял решение о приоритете судебных функций нойонов, занимавших пост яргучи, над управленческими [49. Р. 244]. Единственная «побочная» функция яргучи (т.е. не связанная непосредственно с отправлением правосудия) упоминается в китайском своде законов 1291 г.: помимо собственно разбирательства дел они раз в квартал должны были посещать тюрьмы с проверкой, насколько законно заключены туда те или иные лица, ожидающие суда, и насколько соблюдаются условия их содержания. То, что это относилось именно к судебным функциям, подтверждается тем фактом, что аналогичные обязанности были и у судей китайских судов в рамках их территориальных округов [51. Р. 155].

Завершает текст ярлыка еще одно важное положение, предусматривающее обязанность участников процесса «выплатить оговоренный сбор ему (эмиру яргучи. –

И.М.), его слугам и писцу яргучи-наме, дабы они могли тратить их по своему усмотрению и заниматься ведением этого дела». Это положение подтверждает мнение о том, что ханские чиновники, включая судебных, не получали жалования в нашем понимании этого термина, и подношения от тяжущихся составляли основной источник их дохода, они рассматривались, соответственно, не как взятки, а именно как официальные пошлины, т.е. платежи за совершение правозначимых действий уполномоченными государственными органами [57. С. 194–198; 58. С. 256–265]. И если для самих яргучи как состоятельных сановников и землевладельцев это жалование не было необходимым, то для их подчиненных⁹ получение вознаграждения могло иметь существенное значение.

Заключение

Как представляется, на основе анализа ярлыка эмиру яргучи из «Дастур ал-катиб» и за счет соотнесения его положений с другими историческими источниками юридического и неюридического характера нам удалось сформировать определенное представление о статусе монгольских имперских судей яргучи. Несмотря на отмеченную «персидскую» специфику документа, у нас есть все основания экстраполировать указанные принципы отправления правосудия на другие государства Чингизидов – империю Юань, Золотую Орду, Чагатайский улус. Таким образом, данный документ представляет ценность для изучения особенностей организации судебной власти и правосудия не только в самом Иране, где он был создан, но и на всем имперском пространстве рассматриваемого периода. Вместе с тем необходимо учитывать и особенности политического и культурного развития того или иного улуса Монгольской империи, выявить которые позволяют как раз дополнительные источники.

Примечания

¹ Монгольскому Ирану посвящена другая монография Й. фон Хаммера-Пургшталя [17].

² Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

³ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

⁴ Тадж ад-Дин б. Баха ад-Дин Пур-и Баха, поэт, современник ильхана Абаги (1265–1282), посвятил оду сахибу Шамс ад-Дину Джувеини, о котором написал, что под его судом («яргучи») – «тюрьки, персы, румийцы и берберы» [39. Р. 265; 40. Р. 120].

⁵ Идентифицировать это лицо при отсутствии даты выдачи исследуемого ярлыка не представляется возможным. Наиболее вероятно, что речь идет о Баяне-битикчи, упомянутом в связи с заговором эмира Буги (Букая) против ильхана Аргуна, однако впоследствии прощенном [24. С. 120, 121].

⁶ М. Хоуп полагает, что официально обязанности яргучи выполняли внуки Чингис-хана Мунке и Орда [40. Р. 69, 70], однако, на наш взгляд, нет оснований для такого утверждения, поскольку они были назначены судьями только для одного дела – процесса над своим двоюродным дедом Тэмугэ-отчигином [30. Р. 255; 46. С. 119].

⁷ Число яргучи могло быть временно увеличено в случае, если имеющиеся не справлялись со своими обязанностями: например, в 1287 г. Хубилай приказал направить по несколько яргучи в две области, где скопилось много неразобранных дел [48. С. 496–497].

⁸ Среди исследователей нет единого мнения о единоличности или коллегиальности принятия решений яргучи. Так, Д. Эгль подчеркивает, что суд яргучи – это суд одного знатока права, противопоставляя его мусульманской традиции совместной выработки решений улемами в мусульманском суде [36. Р. 63]. Однако Д. Лэйн отмечает упоминание в источниках и коллективных судов [38. Р. 112].

⁹ Любопытно, что в монгольском Иране к штату чиновников, находившихся в подчинении яргучи, применялся термин «диван-и яргучи», на основании чего А.А. Али-заде делает вывод, что суд яргучи испытал влияние мусульманских правовых и процессуальных традиций [12. С. 18]. Однако, по нашему мнению, в данном случае применение этого термина играло, скорее, ту же функцию, что и характеристика норм монгольского имперского права в анализируемом ярлыке как «шариата» для монголов: правители старались сблизить две судебные системы в своем государстве в том числе и за счет использования единой терминологии.

Список источников

1. Vásáry I. The Preconditions to Becoming a Judge (Yarguci) in Mongol Iran // Journal of Royal Asiatic Society. Ser. 3. 2016. Vol. 26 (1-2). P. 157–169.
2. Скрынникова Т.Д. Судопроизводство в Монгольской империи // Altaica. 2002. VII. С. 163–174.

3. Дугарова С.Ж. Судебная система Монголии XIII в. по «Голубой книге» указов Чингисхана // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы междунар. науч.-практ. Конф. (г. Улан-Удэ, 15–16 июня 2007 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2007. С. 42–45.
4. Минжин Ц. Их Монгол улсын заргач Шихихутуг. Улаанбаатар : Бэмби Сан, 2011.
5. Почекаев Р.Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. 2004. № 2. С. 217–232.
6. Сапронова Ю.В., Ярошенко У.А. Суд и правосудие в Золотой Орде // Академия педагогических идей. Новация. 2018. № 6. С. 698–706.
7. Шургучиев О.С. Источники о судопроизводстве в Золотой Орде // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 28, № 6. С. 128–134.
8. Шургучиев О.С., Лиджиева И.В. К проблеме судоустройства в Золотой Орде // Universum: общественные науки. 2017. № 4 (34). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4700>
9. Якушева А.А., Калашникова Е.Б. Суд и правосудие в Золотой Орде // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 18 июня 2017 г. Чебоксары : Интерактив плюс, 2017. С. 57–61.
10. Lambton A.K. Changing Concepts of Justice and Injustice from the 5th/11th Century to the 8th/14th Century in Persia: The Saljuq Empire and the Ilkhanate // *Studia Islamica*. 1988. Vol. 68. P. 27–60.
11. Hope M. Some Notes on Revenge and Justice in the Mongol Empire and the Il-Khānate of Iran // *Journal of the American Oriental Society*. 2016. Vol. 136 (3). P. 551–566.
12. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / грит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. М. : Наука, 1976. Т. 2.
13. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth : C.A.Hartleben's Verlag, 1840.
14. Тизенгаузен В.Г. Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани. Рукописный перевод // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 52. Ед. хр. 14–16. Л. 217–239.
15. Мелиоранский П. О Кудатку Билике Чингиз-хана // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1900. Т. XIII. С. 015–023.
16. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
17. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Ilchane. Das ist: der Mongolen in Persien. Darmstadt : Carl Wilhelm Leske Verlag, 1842–1843. Bd. 1, 2.
18. Favereau M. La horde d'or de 1377 à 1502. Aux sources d'un siècle «sans Histoire» // *Labyrinthe*. 2005. Vol. 21 (2). P. 153–158.
19. Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба) / пер. с перс., введение и коммент. Г.М. Курпалидиса. М. : Наука, 1965.
20. Fragner B. Katib in Persia // *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden : Brill, 1997. Vol. IV. P. 757–758.
21. Gabrieli F. Adab // *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden : Brill, 1986. Vol. I. P. 175–176.
22. Roemer H.R. Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallāh Marwārid in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GmbH, 1952.
23. Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 41–84.
24. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. А.К. Арендса, отв. ред. В.В. Струве. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. Т. III.
25. Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. Berlin : Akademie – Verlag, 1955.
26. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers / Herausg. von G. Hazai. Budapest : Akademiai Kiadó, 1977.
27. Busse H. Diplomatie. Perse // *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden : Brill, 1991. Vol. II. P. 301–313.
28. Vasary I. The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians // *Turcologica* / ed. by E.A. Csaty, L. Johanson, A. Rona-Tas, B. Utas. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2016. Bd. 105: Turks and Iranians: Interactions in Language and History. P. 141–152.
29. Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
30. Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror / transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle; intr. by D.O. Morgan. Manchester : Manchester University Press, 1997.
31. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1979.
32. Cleaves F.W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. P. 496–526.
33. Золотая Орда в источниках / пер. с кит., сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М. : Наука, 2009. Т. III: Китайские и монгольские источники.
34. Cleaves F.W. The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953. Vol. 16 (3-4). P. 478–486.
35. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1988.
36. Aigle D. Le grand jasaq de Gengis-khan, l'empire, la culture mongole et la shar'a // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2004. Vol. 47 (1). P. 31–79.
37. Aigle D. Iran under Mongol domination: The effectiveness and failings of a dual administrative system // *Bulletin d'études orientales*. 2008. Vol. LVII (Suppl.). P. 65–78.
38. Lane G. Early Mongol Rule in Thirteenth-century Iran. A Persian renaissance. London ; New York : Routledge Curzon, 2003.
39. Minorsky V. Pūr-i Bahā's 'Mongol' ode (Mongolica, 2) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1956. Vol. 18 (2). P. 261–278.
40. Hope M. Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford : Oxford University Press, 2016.
41. Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н.Ц. Мункуева. М. : Наука, 1975.
42. Почекаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань : Татар. кн. изд-во, 2016.
43. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination (B) // *Studia Islamica*. 1971. № 34. P. 151–180.
44. Golev K. Intra-Mongol diplomacy and witch-hunt during the dissolution of the empire: the witchcraft trial at the court of Hulegu // *Eurasian Studies*. 2019. Vol. 17, is. 2. P. 327–368.
45. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2009.
46. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П. Верховского, Б.И. Панкратова; ред. И.П. Петрушевский. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2.
47. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. ; Л. : АН СССР, 1941.
48. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши») / подгот. изд., пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М., 2019.
49. Farquhar D.M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1990.
50. Ratchnevsky P. Un code des Yuan / intr. par. P. Pelliot. Paris : Ernest Leroux, 1985. Vol. 1.
51. Ch'en P.H. Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed. Princeton : Princeton University Press, 1979.
52. Ratchnevsky P. Un code des Yuan. Paris : Presses Universitaires de France, 1972. Vol. 2.

53. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. : Изд. графа С.Г. Строганова, 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских.
54. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции : источниковедческое исследование. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002.
55. Melville Ch. Ghazan Khan's political will and testament: Further light on the Mongol household // *Ming Qing Yanjiu*. 2018. Vol. 22. P. 164–190.
56. Yokkaichi Ya. The Role of jaryuči in the Structure of the Distribution System under the Mongol Empire // *Bulletin of Japan Society for the Promotion of Science*. 2006. Vol. 4. P. 91–114.
57. Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. Казань : Татар. кн. изд-во, 2013.
58. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды : (историко-правовые очерки). М. : Юрлитинформ, 2015.

References

1. Vásáry, I. (2016) The Preconditions to Becoming a Judge (Yarguci) in Mongol Iran. *Journal of Royal Asiatic Society*. 3(26(1–2)). pp. 157–169.
2. Skrynnikova, T.D. (2002) Sudoproizvodstvo v Mongol'skoy imperii [Legal procedure in the Mongol Empire]. *Altaica*. 7. pp. 163–174.
3. Dugarova, S.Zh. (2007) Sudebnaya sistema Mongolii XIII v. po "Goluboy knige" ukazov Chingiskhana [The court system of Mongolia in the 13th century according to the "Blue Book" of Genghis Khan's edicts]. *Sravnitel'noe pravovedenie v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Comparative law in the countries of the Asian-Pacific region]. Proc. of the Conference. Ulan-Ude, June 15–16, 2007. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 42–45.
4. Minzhin, Ts. (2011) *Ikh Mongol ulsyn zargach Shikhikhutug* [The judge of the Mongol Empire Shigi Qutuqu]. Ulaanbaatar: Bembi San.
5. Pochekaev, R.Yu. (2004) Sud i pravosudie v Zolotoy Orde [Court and justice in the Golden Horde]. *Pravovedenie*. 2. pp. 217–232.
6. Sapronova, Yu.V. & Yaroshenko, U.A. (2018) Sud i pravosudie v Zolotoy Orde [Court and justice in the Golden Horde]. *Akademiya pedagogicheskikh idey. Novatsiya*. 6. pp. 698–706.
7. Shurguchiev, O.S. (2016) Istochniki o sudoproizvodstve v Zolotoy Orde [Sources on the legal proceeding in the Golden Horde]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 28(6). pp. 128–134.
8. Shurguchiev, O.S. & Lidzheva, I.V. (2017) K probleme sudoustroystva v Zolotoy Orde [On the judicial system in the Golden Horde]. *Universum: Obshchestvennyye nauki*. 4(34). [Online] Available from: <http://7univsum.com/ru/social/archive/item/4700>
9. Yakusheva, A.A. & Kalashnikova, E. B. (2017) Sud i pravosudie v Zolotoy Orde [Court and justice in the Golden Horde]. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Science, Education, Society: Trends and Prospects of Development]. Proc. of the Conference. Cheboksary, June 18, 2017. Cheboksary: [s.n.]. pp. 57–61.
10. Lambton, A.K. (1988) Changing Concepts of Justice and Injustice from the 5th/11th Century to the 8th/14th Century in Persia: The Saljuq Empire and the Ilkhanate. *Studia Islamica*. 68. pp. 27–60.
11. Hope, M. (2016) Some Notes on Revenge and Justice in the Mongol Empire and the Il-Khānate of Iran. *Journal of the American Oriental Society*. 136(3). pp. 551–566.
12. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. (1976) *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib* [A Scribe's Guide to Determining Degrees]. Vol. II. Moscow: Nauka.
13. Hammer-Purgstall, J. von. (1840) *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag.
14. Tizengauzen, V.G. (n.d.) *Iz sochineniya Mukhammada Khindushakha Nakhchivani. Rukopisnyy perevod* [From the treatise of Muhammad Hindushah Nakhchivani. Manuscript translation]. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 52. Units 14–18. pp. 217–239
15. Melioranskiy, P. (1900) O Kudatku bilike Chingiz-khana [On the Qutatuq Biliq of Chinggis Khan]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkhеологического общества*. 13. pp. 015–023.
16. Grekov, B.D. & Yakubovskiy, A.Yu. (1950) *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its Fall]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
17. Hammer-Purgstall, J. von. (1842–1843) *Geschichte der Ilchane. Das ist: der Mongolen in Persien*. Bd. 1–2. Darmstadt: Carl Wilhelm Leske Verlag.
18. Favereau, M. (2005) La horde d'or de 1377 à 1502. Aux sources d'un siècle "sans Histoire." *Labyrinthe*. 21(2). pp. 153–158.
19. Muntadzhad ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. (1965) *Stupeni sovershenstvovaniya katibov (Atabat al-kataba)* [Stages of Perfection of the Katibs (Atabat al-Kataba)]. Translated from Persian by G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka.
20. Fragner, B. (1997) Katib in Persia. In: *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 4. Leiden: Brill. pp. 757–758.
21. Gabrieli, F. (1986) Adab. In: *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 1. Leiden: Brill. pp. 175–176.
22. Roemer, H.R. (1952) *Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung*. Persischer Text in Faksimile. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.
23. Favereau, M. (2018) Kak sultan mamlyukov obrashchalsya k khanu Zolotoy Ordy. Formulyar pisem i pravila ikh sostavleniya [How the Mamluk Sultan Appealed to the Khan of the Golden Horde. Letter Form and Rules for Compiling Them]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 6(1). pp. 41–84.
24. Rashid ad-Din. (1946) *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. III. Translated from Persian by A.K. Arends. Moscow; Leningrad: USSR AS.
25. Spuler, B. (1955) *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. Berlin: Akademie – Verlag.
26. Fekete, L. (1977) *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers*. Budapest: Akademiai Kiadó.
27. Busse, H. (1991) Diplomatie. Perse. In: *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 2. Leiden: Brill. pp. 301–313.
28. Vasary, I. (2016) The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians. In: Csaty, E.A. et all (eds) *Turcologica*. Bd. 105. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. pp. 141–152.
29. Grigoriev, A.P. (1978) *Mongol'skaya diplomatika XIII–XV vv. (Chingizidskie zhalovannye gramoty)* [Mongolian diplomacy of the 13th – 15th centuries. (Chingizid diplomas)]. Leningrad: Leningrad University Press.
30. Ata-Malik Juvaini. (1997) *The History of the World-Conqueror*. Translated from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press.
31. Usmanov, M.A. (1979) *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted charters of the Ulus of Jochi of 14th–16th century]. Kazan: Kazan State University.
32. Cleaves, F.W.(1951) A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 14. pp. 496–526.
33. Khrapachevskiy R.P. (ed.) (2009) *Zolotaya Orda v istochnikakh* [Golden Horde in Sources]. Vol. 3. Translated from Chinese by R.P. Khrapachevskiy. Moscow: Nauka.
34. Cleaves, F.W. (1953) The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 16(3–4). pp. 478–486.
35. Skrynnikova, T.D. (1988) *Lamaistskaya tserkov' i gosudarstvo. Vneshnyaya Mongoliya XVI – nachalo XX v.* [Lamaism church and state. Outer Mongolia of 16th – early 20th century] Novosibirsk: Nauka.
36. Aigle, D. (2004) Le grand jasaq de Gengis-khan, l'empire, la culture mongole et la shar'a. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 47(1). pp. 31–79.

37. Aigle, D. (2008) Iran under Mongol domination: The effectiveness and failings of a dual administrative system. *Bulletin d'études orientales*. LVII (Suppl.). pp. 65–78.
38. Lane, G. (2003) *Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran. A Persian Renaissance*. London; New York: Routledge Curzon.
39. Minorsky, V. (1956) Pūr-i Bahā's 'Mongol' ode (Mongolica, 2). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 18(2). pp. 261–278.
40. Hope, M. (2016) *Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford: Oxford University Press.
41. Men-da Bei-lu. (1975) *“Polnoe opisanie mongolo-tatar”* [Complete Description of Mongols and Tatars]. Translated from Chinese by N.Ts. Munkuev. Moscow: Nauka.
42. Pochekaev, R.Yu. (2016) *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii* [Genghis law: The legal legacy of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar khanates and states of Central Asia]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo.
43. Ayalon, D. (1971) The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination (B). *Studia Islamica*. 34. pp. 151–180.
44. Golev, K. (2019) Intra-Mongol diplomacy and witch-hunt during the dissolution of the empire: the witchcraft trial at the court of Hulegu. *Eurasian Studies*. 17(2). pp. 327–368.
45. Klyashtorniy, S.G. & Sultanov, T.I. (2009) *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Ot drevnosti k Novomu vremeni* [States and peoples of Eurasian steppes. From ancient times to the modern age]. 3rd ed. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
46. Rashid ad-Din. (1960) *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. II. Translated from Persian by A Yu.P. Verkhovskiy; B.I. Pankratov. Moscow; Leningrad: USSR AS.
47. Kozin, S.A. (1941) *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [A Secret Story. Mongolian Chronicle 1240]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
48. Khrapachevskiy, R.P. (ed.) (2019) *“Annaly Khubilaya”, glavnyy istochnik po istorii pravleniya pervogo imperatora dinastii Yuan' (tszyuani 4–17 “Yuan' shi”)* [“Annals of Kublai”, the principal source on history of rule of the first emperor of the Yuan dynasty (chapters 4–17 of “Yuan shih”)]. Moscow: [s.n.].
49. Farquhar, D.M. (1990) *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
50. Ratchnevsky, P. (1985) *Un code des Yuan*. Vol. 1. Paris: Ernest Leroux.
51. Ch'en, P.H. (1979) *Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed*. Princeton: Princeton University Press.
52. Ratchnevsky, P. (1972) *Un code des Yuan*. Vol. 2. Paris: Presses Universitaires de France.
53. Tizengauzen, V.G. (1884) *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collected Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. grafa S.G. Stroganova.
54. Grigoriev, A.P. & Grigoriev, V.P. (2002) *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii: Istochnikovedcheskoye issledovanie* [Collection of Golden Horde documents of the 14th century from Venice: A source study]. St Petersburg: St. Petersburg University Press.
55. Melville, Ch. (2018) Ghazan Khan's political will and testament: Further light on the Mongol household. *Ming Qing Yanjiu*. 22. pp. 164–190.
56. Yokkaichi, Ya. (2006) The Role of jaryuči in the Structure of the Distribution System under the Mongol Empire. *Bulletin of Japan Society for the Promotion of Science*. 4. pp. 91–114.
57. Abzalov, L.F. (2013) *Ordynskaya kantselyariya* [The Golden Horde Chancellery]. Kazan: Tatar Booking Press.
58. Pochekaev, R.Yu. (2015) *Pravovaya kul'tura Zolotoy Ordy (istoriko-pravovye ocherki)* [Legal Culture of the Golden Horde (Historical Legal Essays)]. Moscow: Yurlitinform.

Сведения об авторах:

Абзалов Ленар Фиргатович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: len_afzal@mail.ru

Гатин Марат Салаватович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: marat_gata@mail.ru

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ «Ел тарихы» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан). E-mail: imus2007@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rpochekaev@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Abzalov Lenar F. – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography of the Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: len_afzal@mail.ru

Gatin Marat S. – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography of the Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: marat_gata@mail.ru

Mustakimov Ilias A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Scientific Research Center “El Tarikhy” of L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan). E-mail: imus2007@mail.ru

Pochekaev Roman Yu. – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of HSE University in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia). E-mail: rpochekaev@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2022; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 04.03.2022; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья

УДК 94(6)

doi: 10.17223/19988613/90/10

Международная помощь Африке в борьбе с COVID-19: опыт ЕС

Наталья Викторовна Ивкина

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, ivkina-nv@rudn.ru

Аннотация. Исследуются усилия ЕС по содействию странам Африки Южнее Сахары в борьбе с COVID-19. На основе финансовых вложений (система смешанного финансирования: GAVI COVAX, Team Europe и др.), а также посредничества в поставках вакцин выявляется степень асимметричности взаимозависимости между ЕС и странами Африки Южнее Сахары.

Ключевые слова: теория ассиметричной взаимозависимости, Африка Южнее Сахары, Европейский союз, COVID-19, цели устойчивого развития ООН

Для цитирования: Ивкина Н.В. Международная помощь Африке в борьбе с COVID-19: опыт ЕС // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 96–103. doi: 10.17223/19988613/90/10

Original article

International assistance to Arica in the fight against COVID-19: EU experience

Natalia V. Ivkina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation, ivkina-nv@rudn.ru

Abstract. The problem of cooperation between developed and developing countries is one of the key issues at the present stage of international relations. Despite the fact that the countries of Sub-Saharan Africa are the most dynamically developing, they still need assistance from donors: China, Russia, the USA, the EU. International assistance can take different forms: from financial to socio-humanitarian. It is designed to help fight poverty and other threats to the region. In 2020, the issue of the spread of the new COVID-19 virus, which launched a general pandemic, was on the agenda. To a greater extent, it has affected the developed countries of the world, which have close ties with each other. For Africa, it has become no less a challenge. It's not only about a poorly developed health care system, but also about the economic downturn that was provoked by COVID-19, and the corresponding increase in the public debt of a number of African countries. In this regard, the assistance of partners to Africa in the fight against the pandemic is an urgent issue. The theory of complex interdependence, which has an asymmetric character, is proposed as the theoretical basis of the study. If the interdependence is asymmetric, then there is a kind of exchange of interests. For economic assistance from recipient countries, loyalty is expected in relation to a number of international disputes, support on international platforms, for example, in the UN. This can be regarded as manipulation of the economic and social vulnerability of those countries that receive assistance. That is why we can talk about moving away from double interdependence, where the priority of force and economic issues dominated, to interdependence, within which non-power instruments of involving the parties in dependence prevail. The choice of theory is also explained by the purpose of the study, which consists in identifying the main directions of EU assistance to African countries in connection with COVID-19 and the dividends that they receive from their investments as a result.

The study is conditionally divided into 2 large parts. The first of them is devoted to the financial component of EU assistance to Africa. The main funding channels of ACP, the Pan-African Program, GAVI COVAX, Team Europe and others are analyzed. The second part includes a number of non-financial instruments of assistance from the EU: the purchase of a vaccine, as well as information support and support for the fight against the pandemic. It was revealed that by purchasing a non-certified vaccine in the EU, the access of the African population to the European region is artificially restricted. And with the help of the fight against fakes in the media and social networks, there is a direct intervention in the formation of information content in African countries that is beneficial to the EU. As a result, conclusions are drawn regarding the coupling of asymmetric interdependence and European aid to Africa.

Keywords: theory of asymmetric interdependence, Sub-Saharan Africa, European Union, Covid-19, UN Sustainable Development Goals

For citation: Ivkina, N.V. (2024) International assistance to Arica in the fight against COVID-19: EU experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 96–103. doi: 10.17223/19988613/90/10

Постановка проблемы исследования

2020 год ознаменовался новой угрозой для всего мира – COVID-19, который запустил пандемию. В большей степени это коснулось развитых стран мира, которые имеют тесные связи друг с другом. Однако африканский континент пандемия также не обошла стороной. Несмотря на то, что по официальным статистическим данным показатели заболеваемости и смертности там несколько ниже, чем в Европе или США, у Африки Южнее Сахары и гораздо меньше ресурсов для борьбы с ними. Речь идет не только о плохо развитой системе здравоохранения, но и об экономическом спаде, который был спровоцирован COVID-19 и соответствующим увеличением государственного долга ряда африканских стран. В связи с этим актуальным вопросом является помощь Африке в борьбе с пандемией со стороны партнеров. Эта помощь может иметь разные формы: от финансовой до социо-гуманитарной.

При этом с учетом того, что регулярные инвесторы африканской экономики, такие как ЕС, США, Китай, Россия, в большей степени пострадали от пандемии, они вынуждены были сократить расходы на помощь. По данным Глобального прогноза ОЭСР по финансированию устойчивого развития, развивающиеся страны столкнутся с нехваткой 1,7 трлн долл. [1] в финансировании, которое им понадобится для реализации целей устойчивого развития (ЦУР) до 2030 г., в рамках которых важное место отводится системе здравоохранения.

О необходимости оказания помощи Африке в период пандемии и после нее говорит большинство исследовательских организаций. Согласно данным ПРООН и SDG Integration, «пандемия может привести к увеличению числа людей, живущих в крайней нищете, на 44 млн человек в 2030 г [2]. По данным Всемирной организации здравоохранения, в рамках ЦУР пока не разработаны специальные меры по борьбе с пандемией [3], поэтому в качестве ответной реакции на COVID-19 можно предложить только индивидуальные решения в области здравоохранения. Для стран Африки Южнее Сахары, как и для ряда других регионов мира, пандемия стала испытанием еще и потому, что существенно активизировались протекционистские рефлексии развитых стран, оставив развивающиеся запертыми в собственных границах (перекрытие воздушных путей).

Одними из главных партнеров Африки Южнее Сахары в вопросе борьбы с пандемией стал Европейский союз (ЕС). Это обусловлено, во-первых, наличием особых отношений между сторонами, во-вторых, готовностью более развитых стран помочь развивающимся в условиях гуманитарного кризиса, в-третьих, помогая, развивающимся странам, ЕС укрепляет свое положение как интеграционного объединения. Так, европейские страны используют финансовую и гуманитарную помощь Африке для сохранения своего влияния на континенте после развала колониальной системы. В исследовании предлагается выявить особенности финансовой и гуманитарной помощи странам Африки Южнее Сахары в связи с COVID-19 со стороны ЕС.

Теоретическая и методологическая база исследования

В качестве теоретической базы исследования предлагается теория комплексной взаимозависимости. Еще в 1977 г. Р. Кохейн и Дж. Най определили этот термин как характерный взаимный эффект в процессе построения отношений между акторами мировой политики [4. Р. 8]. Причем основной акцент в процессе возрастающей взаимозависимости сделан именно на неравноценных субъектах, таких как государственные и институциональные. Подчеркивается, что речь идет не только о связке сотрудничество–конфликт, но и о других областях, в рамках которых можно установить взаимозависимую транзакцию, подтверждающую действия стран, чувствительных к потребностям друг друга [5. Р. 130–140]. Особо стоит отметить, что эти потребности необязательно должны быть паритетными и обоюдными, т.е. взаимозависимость не всегда сбалансирована [4. Р. 10–11].

Идея исследования политических проблем в международных отношениях пришла из экономики. В 1945 г. Альберт Хиршман предложил странам использовать асимметричную экономическую взаимозависимость в качестве оружия политического влияния за счет прямого ущерба безопасности своих торговых партнеров [6]. Таким образом, асимметрия может выражаться сразу в двух составляющих: во-первых, когда одна сторона получает больше выгоды от процесса взаимодействия, во-вторых, когда одна сторона при возникновении потенциально опасной ситуации в двусторонних отношениях может оказывать большее давление на вторую.

В случае если взаимозависимость асимметрична, то происходит своеобразный размен интересов: за экономическую помощь от стран-реципиентов ждут лояльности в отношении ряда международных споров, поддержки на международных площадках, например в ООН. Ряд экспертов полагает, что это является ничем иным как манипуляцией экономической и социальной уязвимостью тех стран, которым оказывается помощь [7. Р. 295–296]. Именно поэтому можно говорить об отходе от двойной взаимозависимости, где доминировал приоритет силы и экономических вопросов, к взаимозависимости, в рамках которой доминируют несиловые инструменты вовлечения сторон в зависимость.

Очевидно, что выбор теории объясняется еще и тем, что она стирает грань между неореалистическим и неолиберальным спором в вопросе асимметричной помощи развитых стран развивающимся, а также объясняет, как проблемы в одном регионе могут создать разрушительный эффект во всем мире [8]. Но поскольку сотрудничество и конкуренция идут бок о бок, в случае серьезной эксплуатации уязвимостей и чувствительности экономическая конкуренция может привести к серьезным последствиям в области политики и безопасности [7. Р. 295–296].

Следовательно, применительно к ситуации с пандемией COVID-19 и помощи ЕС странам Африки Южнее Сахары в ее преодолении можно также говорить о дуализме в асимметричной теории взаимозависимости: во-первых, ЕС пытается не допустить рас-

пространения угрозы в регионе, что может негативно сказаться в глобальном масштабе (учитывая количество беженцев и мигрантов, прибывающих в Европу), во-вторых, рассчитывает получить более весомые дивиденды взамен на оказанную помощь. Цель исследования – выявление тех выгод, которые ЕС получит в процессе оказания международной помощи Африке Южнее Сахары, а также подтверждение того факта, что теория взаимозависимости может носить и носит асимметричный характер в пользу развитых стран мира.

С учетом теоретических выкладок по оказанию помощи странам Африки Южнее Сахары и необходимости оценки европейского вклада в борьбу с пандемией в регионе следует на первом этапе проследить за изменениями в нормативно-правовой базе отношений, на втором – проанализировать основные программы, разработанные ЕС для преодоления ситуации, а также финансирование, поступающее из ЕС в Африку, и, наконец, на третьем – сделать выводы об эффективности европейской помощи ситуативного характера.

Финансовая помощь ЕС странам Африки Южнее Сахары в связи с пандемией COVID-19

С началом COVID-19 в 2020 г. большинство стран мира начали предпринимать активные действия для сдерживания распространения вируса. Африка не стала исключением. Oxford Martin School на фоне уже имеющихся баз данных создала индекс жесткости ограничений и эффективности борьбы с пандемией по 9 метрикам: закрытие школ; закрытие рабочих мест; отмена публичных мероприятий; ограничения на общественные собрания; закрытие общественного транспорта; требования к пребыванию дома; кампании общественной информации; ограничения на внутреннее передвижение; международный контроль за поездками [9]. Согласно данным этого индекса, Африка Южнее Сахары неоднозначно восприняла рекомендации ВОЗ: одни проводили достаточно строгую политику по соблюдению правил, и это дало результат в виде снижения уровня заболеваемости для таких стран, как, например, Маврикий, Южная Африка, Сенегал и Кабо-Верде, другие, напротив, отказались от ограничительных мер или не предоставляли информацию ВОЗ по их введению.

Такое поведение можно объяснить сравнительно невысоким уровнем заболеваемости и смертности от COVID-19 на континенте ввиду особых погодных условий, отсутствия тесной коммуникации между странами, наличия опыта борьбы с вирусными угрозами. Однако это не отменяет экономического (падение спроса на сельскохозяйственную продукцию, товары, туризм, высокие расходы на здравоохранение и пр.) и энергетического ущерба (падение спроса на нефть и полезные ископаемые с 1,8% в 2019 г. до –2,8% в 2020 г.) [10], который был нанесен пандемией. По данным доклада МВФ для стран Африки Южнее Сахары, ожидаются отрицательные темпы роста, и их восстановление займет не менее 2–3 лет, что сводит на нет усилия стран в рамках целей устойчивого развития [11]. Всемирный банк прогнозирует, что потоки денежных

переводов в Африку, которые и составляют основу внешней помощи, в 2020 г. сократятся на 23,1% – до 37 млрд долл. США с 48 млрд долл. США в 2019 г. Он предполагает, что в 2021 г. восстановление составит всего 4% [12].

Ряд европейских и американских исследователей, однако, видят в таком течении COVID-19 для Африки и положительные моменты. Они полагают, что «африканским лидерам и политикам необходимо использовать редкую возможность, открывшуюся в результате вспышки COVID-19, чтобы объединиться вокруг общей цели и укрепить системы общественного здравоохранения и надзора за болезнями» [13. Р. 149–150]. Такое единство в борьбе с пандемией облегчит Всемирному банку и другим донорским и кредитным учреждениям смягчение ее негативных последствий.

На фоне таких удручающих показателей для Африки Европейский Союз выработал «дорожную карту» финансовой и гуманитарной помощи. Это сразу отразилось в нормативно-законодательном формате. Основным документом, регулирующим отношения ЕС со странами Африки, является Соглашение Котону, которое было подписано 23 июня 2000 г. между Европейским союзом, с одной стороны, и 79 странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (подписан всеми 48 странами Африки Южнее Сахары) с целью сокращения бедности, поддержки устойчивого экономического, социального и культурного развития и содействия постепенной интеграции развивающихся стран в мировую экономику [14].

Последний пересмотр данного Соглашения произошел в 2020 г., в разгар пандемии, и получил название Пост-Котону. Согласованный документ в целом сохраняет уже существующие договоренности, а также учитывает интересы сторон в условиях угрозы COVID-19 [15]. Новым веянием, которое наблюдается в рамках обсуждения нового договора, является постоянная отсылка к тому, что страны, подписавшие Пост-Котону, вместе представляют больше половины мест в ООН. Это отвечает интересам сторон [16]. Уже понятно, что речь идет о том, что консолидированная и проевропейская позиция стран Африки Южнее Сахары выгодна ЕС. Это косвенно подтверждает теорию асимметричной взаимозависимости и фактический размен интересов. Союз готов использовать свое влияние на развивающиеся страны для достижения своих целей в глобальной международной организации, а именно сопряжение африканских позиций с европейскими, что дает преимущество в процессе голосования по отдельным вопросам, особенно в Генеральной Ассамблее ООН.

Несмотря на неальтруистические интересы со стороны ЕС в формате данного партнерства, европейская помощь все же остается одним из основных инструментов реализации целей устойчивого развития в Африке. За 2020–2021 гг. произошли подвижки в работе существующих, а также создано несколько новых программ и форм поддержки со стороны ЕС. Существующие каналы финансирования можно условно разделить на две категории: обеспечивающиеся исключительно средствами ЕС и общемировые, в которых финансы ЕС играют важную роль (таблица).

Программы помощи Европейского Союза странам Африки Южнее Сахары

Программа	Объем финансирования	Форма нефинансовой помощи в борьбе с COVID-19
АКТ	604 млн долл. (на 2019 г.)	Поддержка стратегии после COVID-19, направленная на укрепление потенциала стран Юга по производству вакцин, и снижение их зависимости от внешних рынков – важные шаги, необходимые для продвижения развития динамичных формальных экономических секторов и создания качественных рабочих мест
Панафриканская программа ЕС	400 млн (на 2014–2020 гг.)	Адаптация социальной сферы африканских стран в условиях COVID-19 (инфраструктура, образование, наука и др.)
Европейский инвестиционный банк	449,3 млн евро (на 2019–2020 гг.)	Наем дополнительного медицинского персонала, установка пункта мытья рук, обучение местного медицинского персонала, предоставление средств индивидуальной защиты, санитарное просвещение.
Европейский банк реконструкции и развития		Создание нового партнерства между Африканскими центрами по контролю и профилактике заболеваний (Africa CDC) и Европейским центром по профилактике и контролю заболеваний (ECDC)
COVAX	850 млн евро (на 2020 г.)	Доступ к безопасным и эффективным вакцинам против COVID-19, ликвидация социальных последствий пандемии

Примечание. Составлено по: [17–19].

Одной из основных новых европейских программ стала Team Europe, возникшая в 2020 г. как фактор поддержки стран-партнеров в борьбе с пандемией COVID-19 и ее последствиями [20]. Она призвана объединить разрозненные европейские механизмы помощи в один для более структурированного содействия развитию, прежде всего речь идет о Европейском инвестиционном банке и Европейском банке реконструкции и развития. За период существования (немногим более 1 года) общий объем финансирования по данной программе составил 38,5 млрд евро [20].

Панафриканская программа (PanAf) была запущена в 2014 г. и выдвинула амбициозное обязательство по выделению 845 млн евро [18]. Основная ее цель – оказание стратегической поддержки странам Африки, используя механизмы ЕС; это единственная программа ЕС, направленная на то, чтобы «относиться к Африке как к единому целому». Благодаря континентальным и межрегиональным инициативам Панафриканская программа дополняет поддержку ЕС на региональном и страновом уровнях. С 2014 г. программа уже выделила 400 млн евро на создание синергетических, взаимовыгодных проектов для ЕС и Африки.

Нефинансовая помощь Африке со стороны ЕС в период пандемии

Нефинансовую помощь ЕС африканским странам можно разделить на несколько составляющих. На первое место выходит вопрос обеспечения стран Африки вакциной от COVID-19, на втором месте стоит информирование населения о ситуации с пандемией и необходимости борьбы с ней посредством не только нетрадиционной медицины, распространенной во многих странах Африки, но и вакцинации. Именно это направление в странах Африки Южнее Сахары является самым проблемным, так как технологии находятся на значительно более низком уровне развития. По данным опроса Африканского центра по контролю и профилактике заболеваний (CDC), в 2020 г. среди граждан пяти стран (Бенин, Либерия, Нигер, Сенегал и Того) 6 из 10 человек не желали вакцинироваться [21]. К факторам, препятствующим процессу вакцинации, относятся: недоверие населения к западным вакцинам, боязнь

побочных эффектов, особенно среди медицинского персонала, а также дезинформация в социальных сетях и средствах массовой информации. Европейский союз выразил желание помочь как с поставками вакцин, так и с работой с африканским населением. Открытым остается вопрос, насколько альтруистичной будет эта помощь.

Вакцина. В связи с пандемией COVID-19 актуальным остается вопрос равного доступа людей к возможности вакцинации. При этом если развитые страны могут создавать или закупать вакцину, обеспечивая тем самым свое население, то развивающиеся страны Африки Южнее Сахары нуждаются в гуманитарных поставках либо поставках по сниженным ценам. Есть еще один вариант – передача технологии производства вакцин отдельным странам региона с одновременным развертыванием центров по их производству.

Европейский союз, как и другие игроки, заинтересованные в победе над COVID-19, проводит поступательную политику распространения информации о вакцинации и содействует получению вакцин развивающимися странами. В начале 2021 г. Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен объявила о готовности со стороны ЕС предоставить гуманитарную помощь Африке в размере 100 млн евро для поддержки вакцинации на континенте и помощи Африканским центрам по контролю и профилактике (Africa CDC) [22]. Кроме того, весомым подспорьем является так называемый «Гуманитарный воздушный мост ЕС», который представляет собой комплексный набор услуг, позволяющих доставлять гуманитарную помощь в страны, пострадавшие от пандемии коронавируса. Воздушный мост перевозит медицинское оборудование, а также гуманитарные грузы и персонал, предоставляя гуманитарную помощь наиболее уязвимым группам населения [23].

В качестве источников финансирования предлагалось использовать уже отлаженные механизмы финансирования – Team Europe и COVAX. Однако данный формат, а именно закупка вакцин для стран Африки, также имеет очевидные изъяны, которые ущемляют африканцев и, наоборот, дают дополнительные преимущества европейским странам. Речь идет о том, что Европейское агентство по лекарственным средствам (EMA)

одобрило для использования в ЕС лишь четыре вакцины – Comirnaty (BioNTech-Pfizer), Janssen (Johnson & Johnson), Spikevax (Moderna) и Vaxzevria (Oxford-AstraZeneca) [24], тогда как большую часть закупленных ЕС для Африки вакцин составляет Covishield [23], которая была произведена по лицензии Astra Zeneca, но Индийским институтом. Даже если не учитывать тот факт, что из Африки уже слышны голоса тех, кто считает, что ЕС лишь «зарабатывает себе очки», рассуждая о беспрецедентной помощи Африке, закупка и поставка исключительно этой вакцины существенно ограничивает возможности африканцев.

Эти ограничения связаны с миграцией африканцев в европейские страны после введения паспорта о вакцинации. Лишь четыре одобренные вакцины дают право пересечения европейских границ. Таким образом, происходит фактическое разделение людей на классы: те, кто имеет доступ к одобренным вакцинам, и те, кто такого доступа не имеет. Это выгодно ЕС, так как является искусственным ограничителем миграционного потока в страны Союза. Изменить эту ситуацию представители Африканского Союза (АС) попытались на саммите ЕС–АС в октябре 2021 г., но в совместном заявлении сторон говорится лишь «о желании продолжать совместные усилия по разработке взаимных сертификатов о признании вакцин» [23], но не предпринимается пока никаких усилий по признанию вакцины Astra Zeneca, произведенной в Индии. Так, на сайте Европейского агентства по лекарственным средствам в разделе рассматриваемых к признанию вакцин вышеописанная не значится.

Единственной уступкой, на которую пошли западные партнеры Африки – это соглашение между BioNTech и правительствами Руанды и Сенегала о совместном с Institut Pasteur de Dakar строительстве завода по производству вакцины с середины 2022 г. с перспективой передачи права собственности африканским партнерам [25]. Однако сроки передачи документов не регламентируются, а о признании сертификатов речи не идет. Другими словами, странам Африки предлагается рыбка, а не обучение, как ее ловить. Это косвенно подтверждает постулаты теории взаимозависимости: пока вакцина является уникальной технологией, доступной только узкому кругу стран, она может быть элементом манипуляции; как только ее производство станет доступно всем, она перестанет быть таковой.

Информирование населения. Особое место в процессе борьбы с пандемией COVID-19 в Африке Южнее Сахары уделяется работе с информированием общественности о необходимости соблюдать меры предосторожности и вакцинироваться, а также противодействию дезинформации, которая имеет место во многих странах. В связи с этим Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) создала новую платформу – Африканский альянс по борьбе с эпидемиями (AIRA) – из 13 региональных и международных организаций, которым и поручено бороться с «фейками о COVID-19» [26, Р. 2], особенно в социальных сетях.

Европейский союз также подключился к описанному выше процессу борьбы с дезинформацией. Фонд

Hirondelle совместно с ЕС разработал программу содействия борьбе с дезинформацией в шести африканских странах (Мали, Нигер, Буркина-Фасо, Центральноафриканская Республика, ДРК и Камерун). Цель этой программы, которая была начата в апреле 2021 г., заключается в предоставлении людям достоверной информации, отвечающей их меняющимся проблемам. Для достижения этой цели Фонд Hirondelle координирует работу своих отделов новостей в пяти странах (Studio Tamani в Мали, Studio Kalangou в Нигере, Studio Yafa в Буркина-Фасо, Radio Ndeke Luka в CAR, Studio Hirondelle в ДРК) и партнера в Камеруне (CCMN – Cameroon Community Media Network) с помощью централизованного редакционного подразделения, специализирующегося на проверке фактов [27].

Теперь европейские структуры фактически получили доступ к легальному формированию в странах Африки привлекательного радио- и телеконтента, позволяющего влиять на мнение населения не только по повестке дня, связанной с COVID-19, но и в целом по продвижению европейских интересов. Помимо этого, был получен доступ к распространению информации в мобильных системах, что также сокращает расстояние между иностранным вмешательством и гражданским обществом.

Кроме того, сами африканские исследователи доказали, что европейские СМИ воспользовались ситуацией с COVID-19 и усилили негативную коннотацию освещения событий в Африке на собственных информационных платформах. Это коснулось традиционных западных тем: усложнения региональных конфликтов, уносящих жизни людей, несоблюдения в африканских странах прав человека [28]. На примере нескольких европейских и китайских информационных каналов был проанализирован ряд сообщений, каждому из которых был присвоен ранг: «позитивный», «нейтральный» или «негативный». Если китайские СМИ в основном в положительном ключе рассматривают усилия африканских стран по борьбе с пандемией, то европейские, наоборот, искусственно нагнетают обстановку.

Каждая из сторон имеет свой интерес в этом вопросе. Китай с помощью такой солидарной позиции пытается еще прочнее закрепиться на континенте, реализуя там свои экономические интересы. Что касается европейских СМИ, то они являются мощным средством формирования образов групп населения, стран и народов [29], что впоследствии может стать причиной наклеивания ярлыка «плохих государств» и спровоцировать вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Было выявлено также, что европейские СМИ, в отличие, например, от китайских, активно сотрудничают с неофициальными источниками распространения информации в странах Африки, что, безусловно, искажает реальную картину происходящего на континенте.

Теоретико-практические выводы

Полученные данные говорят о том, что Европейский союз заинтересован в содействии Африке в борьбе с COVID-19. Об этом говорит большое количество раз-

рабочих и функционирующих финансовых и гуманитарных механизмов помощи. Однако тезис об альтруизме этой помощи, коим ее пытается представить сам ЕС, можно ставить под сомнение.

Наиболее явным кейсом, ставшим катализатором проверки теории асимметричной взаимозависимости, стало предоставление вакцины ЕС африканским странам. ЕС пошел по классическому западному пути и предложил африканцам готовое решение – разработанную и произведенную вакцину в отрыве от самих стран континента. Это не только не облегчает ситуацию с учетом высокой плотности населения на континенте и острой нехватки лекарств, но и усиливает зависимость от европейской помощи. Кроме того, европейские страны получают еще один весомый дивиденд, а именно возможность легального ограничения миграционных потоков в ЕС за счет отсутствия признания закупаемой для Африки вакцины.

Если бы ЕС предложил одной или нескольким африканским странам самим производить вакцину, продал патент, тогда можно было бы говорить об опровержении асимметричной теории взаимозависимости. Однако этот вариант производители вакцин пока не спешат задействовать. Технология является интеллектуальной собственностью и товаром, который должен найти своего покупателя.

Особенности работы ЕС с африканским населением также подтверждают теорию. ЕС использует двухуровневую систему формирования образов в контексте борьбы с COVID-19: внутрирегиональную (работа с европейскими СМИ) и внерегиональную (создание контента для африканских СМИ). Первая создает образ африканцев в местных СМИ, объясняя европейцам, почему их налоги идут в том числе на помощь развивающимся странам. Вторая используется для усиления влияния на общественное мнение.

Сложной задачей представляются выводы относительно эффективности международной помощи ЕС Африке в связи с COVID-19. Пока не накоплено достаточного количества знаний для мониторинга изменений в динамике вакцинации в Африке. Кроме того, согласно данным ООН, после пандемии явно потребуются гораздо больше инвестиций, чтобы достичь целей устойчивого развития, и будет ли ЕС готов увеличить объем вложений – неизвестно. Необходимо мониторинг ситуации, который поможет подтвердить или опровергнуть основные постулаты асимметричной теории взаимозависимости.

Таким образом, можно утверждать, что ЕС помогает африканским странам бороться с COVID-19, чтобы снизить риски для себя, а не для того, чтобы спасти африканское население и предоставить равный доступ развивающимся странам к вакцинам.

Список источников

1. The outbreak of coronavirus (COVID-19) has magnified the financing gap to achieve the Sustainable Development Goals (SDGs) in developing countries, with threats to SDG progress across all countries // OECD. 2020. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/e3c30a9a-en/index.html?itemId=/content/publication/e3c30a9a-en> (accessed: 02.12.2021).
2. Assessing impact of COVID-19 on the Sustainable Development Goals // UNDP. 2020. URL: https://sdgintegration.undp.org/sites/default/files/Flagship_1.pdf (accessed: 27.11.2021).
3. COVID-19 and sustainable development goals // World Health Organization. 2020. URL: <https://www.who.int/bulletin/volumes/98/10/20-263533/en/> (accessed: 05.12.2021).
4. Keohane R.O., Joseph S.N. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston : Little, Brown & Co, 1977.
5. Genest M.A. Conflict and Cooperation: Evolving Theories of International Relations. Belmont, CA : Thomson & Wadsworth, 1996.
6. Hirschman A.O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley : University of California Press, 1945.
7. Waheeda R. Theory of Complex Interdependence: A Comparative Analysis of Realist and Neoliberal Thoughts // International Journal of Business and Social Science. 2015. № 2. P. 295–296.
8. Villepin D. Dixième Conférence des ambassadeurs. Discours d'Ouverture du Ministre des Affaires Étrangères. Déclaration de Politique Étrangère, Paris. URL: <https://www.mfa.gov.tr/onikinci-buyukelcilere-konferansi-10-11-2020.fr.mfa> (accessed: 02.12.2021).
9. COVID-19: Stringency Index // Oxford Martin School. URL: <https://ourworldindata.org/covid-government-stringency-index> (accessed: 20.11.2021).
10. Regional Economic Outlook Sub-Saharan Africa COVID-19: An Unprecedented Threat to Development // International Monetary Fund. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/SSA/Issues/2020/04/01/sreo042> (accessed: 01.12.2021).
11. Regional Economic Outlook Sub-Saharan Africa. A Difficult Road to Recovery // International Monetary Fund. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/22/tr102220-transcript-of-october-2020-sub-saharan-africa-regional-economic-outlook> (accessed: 25.11.2021).
12. COVID-19 Crisis through a Migration Lens // World Bank. 2020. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/989721587512418006/pdf/COVID-19-Crisis-Through-a-Migration-Lens.pdf> (accessed: 02.12.2021).
13. COVID-19 in the Global South / P. Carmody, G. McCann, C. Colleran, C. O'Halloran (eds.). Bristol : Bristol University Press, 2020.
14. Cotonou Agreement // European Commission. URL: http://www.europa.eu.int/coop/acp/03_01/pdf/mn3012634_en.pdf (accessed: 25.11.2021).
15. Post-Cotonou: Negotiators reach a political deal on a new EU/Africa-Caribbean-Pacific Partnership Agreement // European Commission. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2291 (accessed: 04.12.2021).
16. Questions and answers: Reaching a political deal at chief negotiators' level on the EU's new Partnership Agreement with members of the OACPS // European Commission. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_2303 (accessed: 29.11.2021).
17. Archived: ACT-Accelerator funding tracker. URL: <https://www.who.int/initiatives/act-accelerator/funding-tracker> (accessed: 04.12.2021).
18. Africa as One Pan-African Programme 2014–2017. URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/budget-support-trends-and-results_en.pdf (accessed: 01.12.2021).
19. EU Council President witnesses inoculation of first Covax vaccine during Rwanda visit. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/african-union-au/94564/eu-council-president-witnesses-inoculation-first-covax-vaccine-during-rwanda-visit_en (accessed: 20.11.2021).
20. Team Europe. European Union External Action Service. 2011–2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/76341/coronavirus-news-eu-action-vaccines-team-europe-support-disinformation-repatriation-and_en (accessed: 02.12.2021).
21. COVID 19 Vaccine Perceptions: A 15 country study. URL: <https://africacdc.org/download/covid-19-vaccine-perceptions-a-15-country-study/> (accessed: 04.12.2021).
22. G7: EU to support COVID-19 vaccination strategies and capacity in Africa. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_701 (accessed: 22.11.2021).
23. The Second African Union – European Union Foreign Affairs Ministerial Meeting Kigali, Rwanda, 25–26 October 2021. Joint Communiqué. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/52671/20211026-au-eu-fam-meeting_joint-communique.pdf (accessed: 17.11.2021).

24. COVID-19 vaccines // European Medicine Agency. URL: <https://www.ema.europa.eu/en/human-regulatory/overview/public-health-threats/coronavirus-disease-covid-19/treatments-vaccines/covid-19-vaccines> (accessed: 01.12.2021).
25. BioNTech eyes construction start for African mRNA vaccine factory in mid-2022. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/biontech-says-aims-start-building-mrna-vaccine-factory-africa-mid-22-2021-10-26/> (accessed: 29.11.2021).
26. Swift A. Africa's infodemic war: a new alliance emerges to combat covid-19 misinformation // Institute for Defense Analyses. 2021. Feb. 3. P. 2–4.
27. Countering disinformation on COVID-19 in Africa: our programme with the support of the European Union. URL: <https://www.hirondelle.org/de/unsere-news/1237-lutte-contre-la-desinformation-liee-a-la-pandemie-de-covid-19-en-afrique-notre-programme-avec-le-soutien-de-l-union-europeenne> (accessed: 04.12.2021).
28. Gabore S.M. Western and Chinese media representation of Africa in COVID-19 news coverage // Asian Journal of Communication. 2020. Vol. 30, № 5. P. 299–316.
29. Wright T. Moving images: The media representation of refugees // Visual Studies. 2002. № 17 (1). P. 53–66.

References

1. OECD. (2020) *The outbreak of coronavirus (COVID-19) has magnified the financing gap to achieve the Sustainable Development Goals (SDGs) in developing countries, with threats to SDG progress across all countries*. [Online] Available from: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/e3c30a9a-en/index.html?itemId=/content/publication/e3c30a9a-en> (Accessed: 2nd December 2021).
2. UNDP. (2020) *Assessing impact of COVID-19 on the Sustainable Development Goals*. [Online] Available from: https://sdgintegration.undp.org/sites/default/files/Flagship_1.pdf (Accessed: 27th November 2021).
3. World Health Organization. (2020) *COVID-19 and sustainable development goals*. [Online] Available from: <https://www.who.int/bulletin/volumes/98/10/20-263533/en/> (Accessed: 5th December 2021).
4. Keohane, R.O. & Joseph, S.N. (1977) *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown & Co.
5. Genest Marc, A. (1996) *Conflict and Cooperation: Evolving Theories of International Relations*. Belmont, CA: Thomson & Wadsworth. pp. 130–140.
6. Hirschman, A.O. (1945) *National Power and the Structure of Foreign Trade*. Berkeley: University of California Press.
7. Waheeda, R. (2015) Theory of Complex Interdependence: A Comparative Analysis of Realist and Neoliberal Thoughts. *International Journal of Business and Social Science*. 2. pp. 295–296.
8. Villepin, D. (2020) *Dizième Conférence des ambassadeurs. Discours d'Ouverture du Ministre des Affaires Étrangères. Déclaration de Politique Étrangère, Paris*. [Online] Available from: <https://www.mfa.gov.tr/onikinci-buyukelciler-konferansi-10-11-2020.fr.mfa> (Accessed: 2nd December 2021).
9. Oxford Martin School. (n.d.) *COVID-19: Stringency Index*. [Online] Available from: <https://ourworldindata.org/covid-government-stringency-index> (Accessed: 20th November 2021).
10. International Monetary Fund. (2020) *Regional Economic Outlook Sub-Saharan Africa COVID-19: An Unprecedented Threat to Development*. [Online] Available from: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/SSA/Issues/2020/04/01/sreo042> (Accessed: 1st December 2021).
11. International Monetary Fund. (2020) *Regional Economic Outlook Sub-Saharan Africa. A Difficult Road to Recovery*. [Online] Available from: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/22/tr102220-transcript-of-october-2020-sub-saharan-africa-regional-economic-outlook> (Accessed: 25th November 2021).
12. World Bank. (2020) *COVID-19 Crisis through a Migration Lens*. [Online] Available from: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/989721587512418006/pdf/COVID-19-Crisis-Through-a-Migration-Lens.pdf> (Accessed: 2nd December 2021).
13. Carmody, P., McCann, G., Colleran, C. & O'Halloran, C. (2020) *COVID-19 in the Global South*. Bristol: Bristol University Press. pp. 149–150.
14. European Commission. (n.d.) *Cotonou Agreement*. [Online] Available from: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/acp/03_01/pdf/mn3012634_en.pdf (Accessed: 25th November 2021).
15. European Commission. (2020) *Post-Cotonou: Negotiators reach a political deal on a new EU/Africa-Caribbean-Pacific Partnership Agreement*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2291 (Accessed: 4th December 2021).
16. European Commission. (2020) *Questions and answers: Reaching a political deal at chief negotiators' level on the EU's new Partnership Agreement with members of the OACPS*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_2303 (Accessed: 29th November 2021).
17. WHO. (n.d.) *Archived: ACT-Accelerator funding tracker*. [Online] Available from: <https://www.who.int/initiatives/act-accelerator/funding-tracker> (Accessed: 4th December 2021).
18. EU. (n.d.) *Africa as One Pan-African Programme 2014–2017*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/budget-support-trends-and-results_en.pdf (Accessed: 1st December 2021).
19. EU. (n.d.) *EU Council President witnesses inoculation of first Covax vaccine during Rwanda visit*. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/delegations/african-union-au/94564/eu-council-president-witnesses-inoculation-first-covax-vaccine-during-rwanda-visit_en (Accessed: 20th November 2021).
20. EU. (n.d.) *Team Europe. European Union External Action Service. 2011–2021*. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/76341/coronavirus-news-eu-action-vaccines-team-europe-support-disinformation-repatriation-and_en (Accessed: 2nd December 2021).
21. Africacdc. (n.d.) *COVID 19 Vaccine Perceptions: A 15 country study*. [Online] Available from: <https://africacdc.org/download/covid-19-vaccine-perceptions-a-15-country-study/> (Accessed: 4th November 2021).
22. EU. (n.d.) *G7: EU to support COVID-19 vaccination strategies and capacity in Africa*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_701 (Accessed: 22nd November 2021).
23. EU. (2021) *The Second African Union – European Union Foreign Affairs Ministerial Meeting Kigali, Rwanda, 25–26 October 2021. Joint Communiqué*. [Online] Available from: https://www.consilium.europa.eu/media/52671/20211026-au-eu-fam-meeting_joint-communicue.pdf (Accessed: 17th November 2021).
24. EU. (n.d.) *European Medicine Agency. COVID-19 vaccines*. [Online] Available from: <https://www.ema.europa.eu/en/human-regulatory/overview/public-health-threats/coronavirus-disease-covid-19/treatments-vaccines/covid-19-vaccines> (Accessed: 1st December 2021).
25. Reuters. (2021) *BioNTech eyes construction start for African mRNA vaccine factory in mid-2022*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/world/africa/biontech-says-aims-start-building-mrna-vaccine-factory-africa-mid-22-2021-10-26/> (Accessed: 29th November 2021).
26. Swift, A. (2021) Africa's infodemic war: a new alliance emerges to combat covid-19 misinformation. *Institute for Defense Analyses*. 3. pp. 2–4.
27. Germany. (n.d.) *Countering disinformation on COVID-19 in Africa: our programme with the support of the European Union*. [Online] Available from: <https://www.hirondelle.org/de/unsere-news/1237-lutte-contre-la-desinformation-liee-a-la-pandemie-de-covid-19-en-afrique-notre-programme-avec-le-soutien-de-l-union-europeenne> (Accessed: 4th December 2021).
28. Gabore, S.M. (2020) Western and Chinese media representation of Africa in COVID-19 news coverage. *Asian Journal of Communication*. 5. pp. 299–316.
29. Wright, T. (2002) Moving images: The media representation of refugees. *Visual Studies*. 17(1). pp. 53–66.

Сведения об авторе:

Ивкина Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН) (Москва, Россия). E-mail: ivkina-nv@rudn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ivkina Natalia V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivkina-nv@rudn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 15.12.2021; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья
УДК 930.9 (512.317)
doi: 10.17223/19988613/90/11

Взаимодействие правовых систем Гонконга и КНР в контексте воссоединения китайских территорий

Георгий Зурабович Папашвили

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, gosha.papashvili@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс становления правовых систем Гонконга и КНР с целью выявления сущности этих систем, а также анализа их взаимодействия в условиях реализации концепции «одна страна – две системы». Констатируется, что правовая система Гонконга основана в целом на британской модели и имеет независимую судебную систему, а также формальные институты английского права. Делается вывод о возможности налаживания взаимодействия двух правовых систем и наличии стремления обеих сторон вывести его на новый уровень.
Ключевые слова: правовая система, правовое взаимодействие, Гонконг, КНР, концепция «одна страна – две системы»

Для цитирования: Папашвили Г.З. Взаимодействие правовых систем Гонконга и КНР в контексте воссоединения китайских территорий // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 104–110. doi: 10.17223/19988613/90/11

Original article

Hong Kong and the PRC Legal Systems Interaction Within the Framework of Reunification of the Chinese Territories

Georgy Z. Papashvili

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, gosha.papashvili@yandex.ru

Abstract. The article aims to identify the features of Hong Kong and the PRC legal systems interaction in the context of Beijing's recover of sovereignty over the former British colony, which is an essential element of the research of Hong Kong's political system evolution and its specificity at the present time.

The sources which this research is based on are The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China, the Constitution of the People's Republic of China, Letters Patent (The Hong Kong Charter) of 5 April 1843, Ordinances of Hong Kong's Supreme Court No. 15 of 1844 and No. 3 of 1873, Royal Instructions of 1917, Application of English Law Ordinance of 1966 and Hong Kong Bill of Rights Ordinance of 1991. Also, British (The Observer, The Manchester Guardian, London Standard) and American (The Washington Post, New York Times) press materials were used.

The article identifies characteristic features of Hong Kong's legal system, which implies a separate consolidated legislation and a certain degree of autonomy. The author points out that The Basic Law of Hong Kong contains a number of provisions which provide for application of the common law norms and continuation of using the pre-handover legal and judicial systems. For instance, the local courts have the power to cite precedents, which occurred in other jurisdictions of the common law. Analysis of the Basic Law and the Constitution of the PRC reveals that they contain controversial provisions which make it impossible to unambiguously identify the nature of correlation between the documents. Apart from that, the Basic Law does not include clear instructions on how to resolve issues concerning cross-border mutual legal assistance.

The article features the ways of Hong Kong and the PRC legal systems interaction: 1) regarding application of Mainland laws in Hong Kong; 2) regarding The Basic Law of Hong Kong and The Constitution of the PRC relations; 3) NPCSC's assessment of the laws issued by authorities of the Hong Kong Special Administrative Region in the areas related to the responsibility of Beijing concerning its relations with Hong Kong in order to determine validity of these laws; 4) in the area of mutual legal assistance – mutual recognition of judicial and arbitral awards, the service of documents and transfer of fugitives. Along with that, possible forms of the SAR Hong Kong and the PRC legal interaction are listed.

The author points out that the necessary pre-condition for formation of mutual legal assistance relations is co-existence of the two equally autonomous legal regimes, not striving to dominate each other. Accordingly, it is concluded that the real interaction of the SAR Hong Kong and the PRC legal systems is possible only in terms of partnership on the basis of equality, which can be achieved by democratization of the PRC's political system and its rejection of sole control of the processes of legal interaction with Hong Kong.

Keywords: legal system, legal interaction, Hong Kong, PRC, «one country, two systems» model

For citation: Papashvili, G.Z. (2024) Hong Kong and the PRC Legal Systems Interaction Within the Framework of Reunification of the Chinese Territories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 104–110. doi: 10.17223/19988613/90/11

Между правовой и политической системами любого государства существует неразрывная связь, поскольку обе системы являются частями совокупной общественной системы и взаимодействуют друг с другом. Гонконг (Сянган) как специальный административный район КНР обладает широкой автономией, в том числе в области правотворчества, благодаря функционирующей политико-правовой концепции «одна страна – две системы». Правовая система Гонконга, являясь составным элементом правовой системы КНР, существенно отличается от последней, поэтому анализ структуры и соответствия обеих систем необходим для определения особенностей их взаимодействия.

Цель работы – выявить особенности взаимодействия правовых систем Гонконга и КНР в условиях восстановления суверенитета Пекина над бывшей британской колонией. Для реализации цели исследования были поставлены следующие задачи: дать характеристику правовых систем Гонконга и КНР; обозначить отличия их конституций; определить сущность и формы их правового взаимодействия в условиях восстановления суверенитета КНР над Гонконгом.

Согласно ст. 8 гл. 1 Основного Закона Специального административного района (САР) Гонконг правовая база, существовавшая в Гонконге до момента его передачи под юрисдикцию КНР, а именно общее право (английское), право справедливости, обычное (традиционное китайское) право, указы, постановления и подзаконные нормативные акты, сохраняется, за исключением актов, противоречащих Основному Закону Гонконга и подлежащих корректировке со стороны местного законодательства. При этом по ст. 11 Закона (ссылающейся на ст. 31 Конституции КНР) все системы, существующие в Гонконге (социальная и экономическая, исполнительная, законодательная и судебная и соответствующие им политические стратегии, в том числе обеспечение безопасности основных прав и свобод местных жителей), основываются на положениях этого Закона [1].

Согласно ст. 2 гл. 1 Основного Закона САР Гонконг последнему предоставляется высокая степень автономии с осуществлением исполнительной, законодательной и независимой судебной власти, включая право на окончательное судебное решение в соответствии с положениями этого Закона [1].

Так, в соответствии с Конституцией Гонконг имеет полностью независимую от КНР правовую систему, основанную на общем (английском) и частично на традиционном китайском праве, укладывающуюся в концепцию «одна страна – две системы». Правовая система в данном случае требует более детальной характеристики, поскольку в Гонконге она существует не в «классическом» виде (как в Великобритании) и имеет свою специфику.

Процесс формирования правовой системы Гонконга начался с момента оккупации его Британской империей в 1841 г. До этого его территория являлась ча-

стью Цинской империи, где действовало китайское право и господствовали китайские национальные традиции. После перехода Гонконга под юрисдикцию Британской империи судебная практика стала осуществляться преимущественно на основе английского права, в то же время оставалось неясным, на каких условиях должны сохраняться китайское право и традиции как неотъемлемый элемент китайского социума.

Первая попытка определить это соотношение была предпринята в двух декларациях (1841) старшего суперинтенданта по торговле и полномочного представителя в Китае Ч. Эллиота, в которых китайское право и традиции провозглашались в качестве основы регулирования жизнедеятельности китайской части населения Гонконга, тогда как подданные Британской империи и иных государств должны были руководствоваться принципами и практикой английского права [2. V. 1. P. 34–35]. Однако эти декларации не стали юридической основой сохранения китайского права и традиций на территории колонии по двум причинам: во-первых, Ч. Эллиот как представитель Британской империи в Китае не имел полномочий издавать подобного рода документы; во-вторых, на декларации хотя и ссылались в течение некоторого времени при вынесении судебных решений, однако в конечном счете они не были ратифицированы и, более того, не были даже признаны британским министром иностранных дел.

Утвержденная королевой Великобритании 5 апреля 1843 г. Хартия Гонконга (The Hong Kong Charter) [3. P. 6] и Постановление гонконгского Верховного Суда № 15 от 1844 г. [4] (которое позже сменило Постановление гонконгского Верховного Суда № 3 от 1873 г. [5]) закрепили главенствующую роль на территории Гонконга английского законодательства, которое теперь регламентировало жизнь не только иностранных граждан, но и членов китайского сообщества, за исключением случаев, когда оно было неприменимо. Именно эти документы являлись подлинным юридическим обоснованием сохранения китайского права и традиций в Гонконге. Кроме того, в них губернатор Гонконга наделялся властью издавать любые законы, указы и постановления (с учетом рекомендаций Законодательного совета), которые необходимы для поддержания мира, порядка и эффективного управления колонией. Хартия в совокупности с Жалованной грамотой и Королевскими инструкциями 1917 г. [6. P. 16], по сути, сформировала писанную конституцию Гонконга как британской колонии.

В Постановлении 1873 г. прописывалось, что акты английского законодательства (но не принципы общего права), которые действовали до и на момент 5 апреля 1843 г., будут иметь силу в Гонконге. Там же указывалось, что гонконгские законодатели могут вводить законодательство, трансформирующее как принципы общего права, так и вышеуказанные законодательные акты, вследствие чего со временем возникли трудности при определении того, какие именно акты оста-

лись частью гонконгского законодательства. Для решения этой проблемы в 1966 г. было выпущено заменившее Постановление Верховного суда Гонконга 1873 г. Постановление о применении английского права [7], в ст. 4 которого перечислены те акты, которые являются частью гонконгского законодательства.

Английское право в том виде, в котором оно было привнесено в Гонконг, состоит из статутного права (правовые нормы, создаваемые законодательными органами) и общего права (право, основанное на судебной практике; система прецедентов).

Основополагающим для существования правовой системы Гонконга является принцип «верховенства закона» (Rule of law), который базируется на следующих постулатах: 1) закон есть прямая противоположность произвольной власти; 2) нет предвзятости при применении закона; 3) все равны перед законом; 4) закон должен быть эффективным; 5) закон должен приносить пользу обществу.

Таким образом, правовая система Гонконга основывается, по большому счету, на британской модели, характеризуется независимостью судебной власти и включает в себя формальные институты английского права и формальные аспекты принципа «верховенства закона».

Привнесенные из Великобритании правовые концепции и практика применения английских законов в отношении китайской части населения Гонконга порой порождали несправедливость ввиду культурной предвзятости и конфликта ценностей между судебной системой и местным населением [8], что усугубляло и без того напряженные отношения между китайским сообществом и экспатриантами. Значимые положительные изменения в этой ситуации произошли в десятилетия после Второй мировой войны. Например, введение Билля о правах 1991 г. [9] привело к отмене наиболее репрессивных законов в действующем законодательстве.

В Гонконге середины XIX в. существовал довольно высокий уровень преступности, который в основном поддерживался представителями китайского сообщества. Характер преступлений варьировал: совершались кражи, разбойные нападения, происходили покушения слуг на жизнь своих хозяев или попытки рядовых граждан в силу различных причин посягнуть на жизнь представителей власти и торговых кругов, хотя убийства все же совершались редко [10, 11]. Так или иначе, использование китайского права в качестве основы функционирования судебной системы представлялось совершенно недопустимым, по крайней мере в отношении британских подданных [12].

Говоря о правовой системе КНР, необходимо подчеркнуть, что процесс ее формирования существенным образом отличается от такового в Гонконге. После образования Китайской Народной Республики, которое произошло в 1949 г., предпосылки к складыванию ее правовой системы появились только с момента принятия первой Конституции в 1954 г., в которой в качестве главной задачи было прописано построение социалистического общества, но о создании собственной правовой системы речи не шло; Основ-

ной Закон и прочие акты формировались на основе советского опыта и с помощью советских специалистов. В 1956 г. Председатель Верховного народного суда КНР Дун Биу озвучил принцип «верховенства закона», ставший в дальнейшем краеугольным камнем правовой системы Китая. Однако он имеет значительное расхождение с аналогичным принципом в Гонконге – понятие «закон» в случае КНР будет иметь то определение, которое даст ему Коммунистическая партия [13]. В 1978 г., когда была принята очередная Конституция КНР, прозвучало заявление о необходимости оздоровления «социалистической законности», т.е. появилась установка на строгое следование закону. Было положено начало формированию социалистической правовой модели с китайской спецификой. С появлением в 1979 г. нового уголовного кодекса правовая система Китая стала более предсказуемой, впервые со времен начала «культурной революции» в 1966 г., когда маоистские радикалы навязывали свое понятие законности. Тем не менее степень контроля правовой системы со стороны Коммунистической партии не изменилась: полиция, адвокаты, прокуроры и судьи остались под единоличным контролем локальных политических деятелей и правовых комитетов, деятельность которых была направлена на защиту руководящей роли партии [14].

Последующее формирование правовой системы в 1980–1990-е гг. происходило в контексте «политики реформ и открытости», подразумевающей переход от плановой экономики к рыночной, а также экономическую и правовую открытость. 10 марта 2011 г. председателем ПК ВСНП Ву Банго было сделано официальное заявление о том, что «социалистическая правовая система с китайской спецификой уже сформирована» [15. Р. 2]. С этого момента идет совершенствование китайского законодательства, направленное на стабилизацию общественных отношений.

Ву также заявил, что корни правовой системы уходят в Конституцию. Принципиальной основой этой системы является несколько типов законодательства, в том числе конституционное, гражданское и торговое. Он отверг политическую реформу, сказав, что демократизация Китая или хоть сколько-нибудь значительное ослабление контроля со стороны Коммунистической партии Китая (КПК) может привести к хаосу [15. Р. 3]. Кроме того, Ву озвучил формулу пяти «нет»: нет многопартийным выборам; нет диверсификации руководящих принципов; нет разделению властей; нет федеральной системе; нет приватизации.

В настоящее время правовая система Китая существует и развивается под влиянием идеологии и политики Коммунистической партии. В КНР отсутствует разделение властей, право и его институты не являются автономными, поэтому зачастую не проводится разграничение между правом и политикой. Судебная система также не является независимой.

Возникновение проблемы взаимодействия правовых систем Гонконга и КНР обусловлено их существенными различиями, а также некоторыми опасениями относительно разрушения концепции «верховенства закона» в Гонконге в первые годы после возвращения

его под управление Китая [16]. Кроме того, накануне передачи Гонконга под суверенитет КНР среди значительной части гонконгцев возникли сомнения в том, что Китай сдержит свое обещание сохранить основы сложившейся в период британского правления правовой и судебной систем Гонконга. В 1982 г. стало известно, что Гонконг после перехода под юрисдикцию КНР станет одним из «специальных административных районов» наряду с Тайванем и Макао, в которых управление будет осуществляться на базе, отличной от правовой системы материкового Китая. Однако ряд судебных разбирательств свидетельствует о многократном нарушении этого принципа со стороны Китая, что ставит под сомнение эффективность модели «одна страна – две системы»: например, дело о праве проживания в Гонконге усыновленных гонконгцами детей из материковой части Китая [17], а также суд над преступной группировкой, орудовавшей в Гонконге в течение семи лет, когда местные власти отказались сделать запрос об экстрадиции обвиняемых из Китая, тем самым вызвав подозрения в том, что судебные органы Гонконга находятся в подчинении таковым в материковом Китае [18].

В этом отношении особый интерес представляют примеры из современной юридической практики, заставившие жителей Гонконга усомниться в независимости его судебной системы. Так, в ноябре 2016 г. по решению Верховного суда из Законодательного совета Гонконга были исключены два его члена, поддерживавших продемократические взгляды, а в июле 2017 г. по аналогичной причине суд исключил еще четырех членов совета, таким образом, предоставив Китаю больше пространства для влияния на правительство Гонконга [19, 20]. Повторяемость подобных ситуаций свидетельствует о нарушении Китаем суверенитета Гонконга, поэтому неудивительно, что это спровоцировало недовольство широких масс гонконгского населения. Следует подчеркнуть, что еще в ходе британо-китайских переговоров в 1995 г. по организации работы судебной системы в Гонконге после восстановления китайского суверенитета над ним были озвучены планы Китая о создании механизмов, которые позволили бы ему установить контроль над гонконгской судебной системой. От этих планов Китай позднее был вынужден отказаться [21].

Взаимодействие правовых систем Гонконга и КНР осуществляется по следующим направлениям:

1. По вопросам применения законов материкового Китая на территории Гонконга. Масштаб их применения весьма ограничен и сводится к сферам безопасности, внешней политики и прочим, находящимся вне рамок автономии Гонконга [1].

2. По вопросам соотношения Основного Закона Гонконга и Конституции КНР. Взаимодействие в этом направлении практически не оговаривается в документах и фактически не осуществляется. Присутствует только указание в ст. 31 Конституции КНР [22] на право последней устанавливать правовую систему специальных административных районов в соответствии с законами, принимаемыми Всекитайским собранием народных представителей с учетом конкретных условий.

3. Оценка ПК ВСНП законов, изданных властями САР Гонконг в сферах, относящихся к ответственности пекинских властей или касающихся их отношений с Гонконгом с целью установления обоснованности этих законов. Здесь одним из важных аспектов является схема интерпретации Основного Закона, в соответствии со ст. 158 которого ответственность за интерпретацию распределяется между ПК ВСНП и судами Гонконга [1]. При этом ПК ВСНП при толковании или внесении поправок к Основному Закону, а также при принятии решения об отмене или создании национальных законов применительно к Гонконгу содействует Комитет по Основному Закону, обладающий консультативными полномочиями. Комитет состоит из 6 представителей материкового Китая и 6 резидентов Гонконга. В соответствии со ст. 17 Основного Закона Гонконга текст закона, принятого его законодательным органом, должен быть передан для протокола Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей [1]. Если ПК ВСНП после консультаций с Комитетом по Основному Закону Гонконга сочтет, что какой-либо закон, принятый законодательным органом региона, не соответствует положениям Конституции КНР, касающимся вопросов, относящихся к компетенции центральных органов власти, или отношений между центральными органами власти и регионом, Постоянный комитет может вернуть соответствующий закон без внесения каких-либо поправок. Такой закон сразу же будет признан недействительным.

4. В сфере правовой взаимопомощи – взаимное признание судебных и арбитражных решений, вручение документов, передача скрывающихся от правосудия правонарушителей. Согласно ст. 95 Основного Закона судебные органы САР Гонконг могут в соответствии с законом путем консультаций поддерживать юридические взаимоотношения с соответствующими органами в других регионах Китая и осуществлять необходимую правовую взаимопомощь [1].

Несмотря на активное взаимодействие правовых систем Гонконга и КНР, Основной Закон Гонконга недостаточно полно регламентирует это взаимодействие по некоторым пунктам, поэтому остается неясным: имеют ли преимущественную силу в Гонконге нормы Конституции КНР или нормы Основного Закона в случае правового конфликта; являются ли суды Гонконга окончательным арбитром конституционности в Гонконге и могут ли, таким образом, отказать в приведении в действие актов ВСНП или положений Конституции КНР, противоречащих Основному Закону; являются ли Основной Закон или Конституция КНР нормативной базой для действия права материкового Китая в Гонконге; сохраняют ли гонконгские суды компетенцию определять пределы своей собственной компетенции.

Вопрос о том, могут ли гонконгские суды осуществлять пересмотр законов КНР, применяемых в Гонконге, возникал при рассмотрении некоторых дел с самого момента его перехода под юрисдикцию КНР в 1997 г. В качестве примера можно привести судебный процесс против Ма Вай Кван Дэвида по обвинению в заговоре

в рамках общего права [23. Р. 22]. Его дело начали рассматривать до, а продолжили уже после возвращения Гонконга под суверенитет КНР. Ма утверждал, что общее право больше не применяется в Гонконге, поскольку положение о его продолжении было принято временным законодательным советом, учрежденным подготовительным комитетом САР (который, в свою очередь, был создан ВСНП в соответствии с решением последнего от 4 апреля 1990 г.) в нарушение Основного Закона, поэтому судебный процесс не может быть продолжен. Заместитель главного прокурора колонии оспаривал полномочия региональных судов рассматривать акты Национального правительства, опираясь при этом на конкретные положения Основного Закона, а также на общие принципы, в соответствии с которыми должны действовать гонконгские суды. Он настаивал на том, что ст. 19 Основного Закона ограничивала суды той же юрисдикцией, что и 1 июля 1997 г., и утверждал, что гонконгские суды не могли тогда пересматривать британское законодательство или британские министерские акты, и поэтому они не могут теперь пересматривать акты нового суверена, КНР, или ее высшего органа государственной власти, ВСНП. В целом его аргумент заключался в том, что региональные суды не могут пересматривать акты «суверена» и что в федеральной системе региональные суды не могут подвергать сомнению национальные законы.

Однако проведение аналогии с колониальным правовым взаимодействием Гонконга и Великобритании в этом случае было совершенно неуместным, поскольку полностью игнорировало цель и статус Основного Закона – конституционные взаимоотношения между КНР и Гонконгом являются частью внутреннего права и радикальным образом отличаются от таковых между Великобританией и колониальным Гонконгом [23. Р. 23]. К тому же суд не предоставил четкого определения «суверену»: в рамках дела в одних случаях таковым называется КНР, в других – ВСНП.

Колониальные суды Гонконга фактически обладали юрисдикцией для пересмотра имперских актов и решений, только акты парламента обладали иммунитетом из-за особого правила парламентского превосходства, и даже они не были неприкосновенными, если выходили за пределы юрисдикции, приобретенной Короной в отношении колонии. Кроме того, ни в одном документе нет общего конституционного принципа, в соответствии с которым региональные или провинциальные суды не могут рассматривать национальные законы.

Еще одним примером конфликта стал судебный процесс по делу о праве проживания в Гонконге. Один из родителей нескольких детей, рожденных и проживающих в материковом Китае, въехал на территорию Гонконга, обладая таким правом в соответствии со ст. 24, п. 3 Основного Закона. Признавая тот факт, что

законы материкового Китая не могут применяться в Гонконге, правительство вместе с тем утверждало, что и игнорировать их также нельзя – позиция правительства заключалась в том, что если законодательство КНР ограничило число своих граждан, которые могут проживать в Гонконге, то для гонконгских законодателей будет неправильным издавать законы о въезде и проживании на его территории, противоречащие аналогичным на материке. Так, в обоих случаях прослеживается позиция властей, основывающаяся на верховенстве китайского права и законов материкового Китая.

Таким образом, взаимодействию правовых систем Гонконга и КНР после передачи Гонконга под управление Китая предшествовал этап выработки правовой основы такого взаимодействия (1982–1995), нашедшей отражение в Объединенной китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга и в его Основном Законе. Эта «мини-конституция» закрепила статус Гонконга как автономно развивающейся территориальной единицы, имеющей собственную правовую систему. Однако на практике происходило неоднократное нарушение этого условия Китаем, что создает угрозу подрыва концепции «верховенства закона», лежащей в основе правовой системы Гонконга. Причиной этого, видимо, является фундаментальное отличие правовой системы КНР, базирующейся на незыблемом положении о руководящей роли Коммунистической партии, от правовой системы Гонконга, сформировавшейся в условиях британского правления.

Процесс налаживания взаимодействия правовых систем Гонконга и КНР запущен, в определенной степени сформировалась основа для дальнейшего его развития. В целом присутствует настрой обеих сторон вывести это взаимодействие на новый уровень, однако такое устремление наталкивается на ряд трудноразрешимых противоречий. Эти противоречия приводят в одних случаях к затягиванию решения проблемы, в других – к критическим несоответствиям, не позволяющим найти выход из ситуации. По сути, это расхождения идеологического характера, выражающиеся в отказе КНР проводить радикальную политическую реформу и распределить правовой контроль между несколькими институтами, отказе от разделения властей, а также от отказе от федеральной системы, что перечеркивает возможность создания своего рода «федеральной юрисдикции» в контексте взаимодействия правовых систем Гонконга и КНР. Представляется, что для изменения ситуации требуется определенная степень демократизации правовой системы Китая, неразрывно связанной с демократизацией политических институтов, которую власти КНР отвергают. Нахождение выхода из ситуации представляется сложным без сотрудничества на основе равноправия сторон, что предполагает готовность китайского руководства поступиться частью контроля.

Список источников

1. The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China // Full Text of the Constitution and the Basic Law. URL: https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/chapter_1.html (accessed: 5.11.2020).
2. Wesley-Smith P. Constitutional and Administrative Law in Hong Kong. Hong Kong, 1987. 500 p.

3. Letters Patent (The Hong Kong Charter) 1843 (source: CO129/2) // LegCo InfoPack. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/bb/Hong_Kong_Letters_Patent_1917_to_1995.pdf (accessed: 21.11.2020).
4. Ordinance No. 15 of 1844 // Supreme Court. URL: <https://oelawhk.lib.hku.hk/archive/files/fd5e989b67db7589023a55a565e18309.pdf> (accessed: 23.11.2020).
5. Ordinance No. 3 of 1873 // Supreme Court. URL: <https://oelawhk.lib.hku.hk/archive/files/e257aef015c8a4e3aaef35416a5677e.pdf> (accessed: 23.11.2020).
6. Letters Patent and Royal Instructions 1917 (source: CO129/2) // LegCo InfoPack. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/bb/Hong_Kong_Letters_Patent_1917_to_1995.pdf (accessed: 26.11.2020).
7. Application of English Law Ordinance, 1966 // Laws of Hong Kong. URL: <https://oelawhk.lib.hku.hk/archive/files/649e1c590a6cae763fe9cb530a526cc6.pdf> (accessed: 28.11.2020).
8. Sin W.M., Chu Y.W. Whose Rule of Law? Rethinking (Post-) Colonial Legal Culture in Hong Kong // *Social & Legal Studies*. 1998. Vol. 7 (2). P. 147–169.
9. Hong Kong Bill of Rights Ordinance, 1991 // Constitutional and Mainland Affairs Bureau. URL: https://www.cmab.gov.hk/doc/en/documents/policy_responsibilities/the_rights_of_the_individuals/human/BORO-InductoryChapterandBooklet-Eng.pdf (accessed: 02.12.2020).
10. Six English Merchants Murdered at Canton // *The Observer*. 1848. 27 Feb. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/six-english-merchants-murdered-at-canton/docview/474148906/se-2?accountid=30386> (accessed: 30.03.2021).
11. Foreign Miscellany // *The Manchester Guardian*. 1846. 24 Jan. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/foreign-miscellany/docview/473596945/se-2?accountid=30386> (accessed: 30.03.2021).
12. Public Notice. To Her Majesty's Subjects // *London Standard*. 1840. 13 Feb. URL: <https://newspaperarchive.com/london-standard-feb-13-1840-p-3/> (accessed: 30.03.2021).
13. China Moves Gradually Toward Liberalized Legal System // *The Washington Post*. 1979. 19 Jan. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/china-moves-gradually-toward-liberalized-legal/docview/146952146/se-2?accountid=30386> (accessed: 01.04.2021).
14. China Presses Trials of Activists: Legal System Designed to Protect Communist Party, Not Defendants // *The Washington Post*. 1991. 21 Jan. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/china-presses-trials-activists/docview/140538126/se-2?accountid=30386> (accessed: 02.04.2021).
15. Wang C. *Inside China's Legal System*. Cambridge : Chandos Publishing, 2013. 390 p.
16. Hong Kong Rulings Stir Fears Over Law System // *New York Times*. 1998. 31 Mar. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/hong-kong-rulings-stir-fears-over-law-system/docview/109814358/se-2?accountid=30386> (accessed: 31.03.2021).
17. A Hong Kong Court Rebuffs Beijing on Residency Issue: A Boy Born to a Mainland Mother in Hong Kong Can Stay There, the Court Says // *New York Times*. 2001. 21 Jul. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/hong-kong-court-rebuffs-beijing-on-residency/docview/91794395/se-2?accountid=30386> (accessed: 31.03.2021).
18. Gangster Trial Blurs Hong Kong-China Distinction // *The Washington Post*. 1998. 13 Nov. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/gangster-trial-blurs-hong-kong-china-distinction/docview/1620798719/se-2?accountid=30386> (accessed: 31.03.2021).
19. Court in Hong Kong Bars 2 Pro-Independence Politicians from Taking Office // *New York Times*. 2016. 16 Nov. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/court-hong-kong-bars-2-pro-independence/docview/2310061779/se-2?accountid=30386> (accessed: 04.04.2021).
20. Ruling Threatens Hong Kong's Legal Freedoms // *New York Times*. 2017. 15 Jul. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/ruling-threatens-hong-kongs-legal-freedoms/docview/2463621491/se-2?accountid=30386> (accessed: 04.04.2021).
21. Britain and China Agree on a Future Court for Hong Kong: Trying to Protect the Legal System After China Takes Control of Hong Kong // *New York Times*. 1995. 10 Jun. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/britain-china-agree-on-future-court-hong-kong/docview/109515033/se-2?accountid=30386> (accessed: 01.04.2021).
22. China's Constitution of 1982 with Amendments Through 2004 // *Constitute*. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/China_2004.pdf?lang=en (accessed: 08.12.2020).
23. Ghai Y., Oliveira J., Cardinal P. *One Country, Two Systems, Three Legal Orders – Perspectives of Evolution*. Berlin : Springer, 2009. 844 p.

References

1. Hong Kong. (n.d.) *The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China*. [Online] Available from: https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/chapter_1.html (Accessed: 5th November 2020).
2. Wesley-Smith, P. (1987) *Constitutional and Administrative Law in Hong Kong*. Hong Kong: China and Hong Kong Law Studies.
3. Hong Kong. (n.d.) *Letters Patent (The Hong Kong Charter) 1843 (source: CO129/2)*. [Online] Available from: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/bb/Hong_Kong_Letters_Patent_1917_to_1995.pdf (Accessed: 21st November 2020).
4. Hong Kong. (n.d.) *Ordinance No. 15 of 1844. Supreme Court*. [Online] Available from: <https://oelawhk.lib.hku.hk/archive/files/fd5e989b67db7589023a55a565e18309.pdf> (Accessed: 23rd November 2020).
5. Hong Kong. (n.d.) *Ordinance No. 3 of 1873. Supreme Court*. [Online] Available from: <https://oelawhk.lib.hku.hk/archive/files/e257aef015c8a4e3aaef35416a5677e.pdf> (Accessed: 23rd November 2020).
6. Hong Kong. (n.d.) *Letters Patent and Royal Instructions 1917 (source: CO129/2)*. [Online] Available from: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/bb/Hong_Kong_Letters_Patent_1917_to_1995.pdf (Accessed: 26th November 2020).
7. Hong Kong. (n.d.) *Application of English Law Ordinance, 1966*. [Online] Available from: <https://oelawhk.lib.hku.hk/archive/files/649e1c590a6cae763fe9cb530a526cc6.pdf> (Accessed: 28th November 2020).
8. Sin, W.M. & Chu, Y.W. (1998) Whose Rule of Law? Rethinking (Post-) Colonial Legal Culture in Hong Kong. *Social & Legal Studies*. 7(2). pp. 147–169.
9. Hong Kong. (n.d.) *Hong Kong Bill of Rights Ordinance, 1991. Constitutional and Mainland Affairs Bureau*. [Online] Available from: https://www.cmab.gov.hk/doc/en/documents/policy_responsibilities/the_rights_of_the_individuals/human/BORO-InductoryChapterandBooklet-Eng.pdf (Accessed: 2nd December 2020).
10. *The Observer*. (1848) Six English Merchants Murdered at Canton. 27th February. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/six-english-merchants-murdered-at-canton/docview/474148906/se-2?accountid=30386> (Accessed: 30th March 2021).
11. *The Manchester Guardian*. (1846) Foreign Miscellany. 24th January. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/foreign-miscellany/docview/473596945/se-2?accountid=30386> (Accessed: 30th March 2021).
12. *London Standard*. (1840) Public Notice. To Her Majesty's Subjects. 13th February. [Online] Available from: <https://newspaperarchive.com/london-standard-feb-13-1840-p-3/> (Accessed: 30th March 2021).
13. *The Washington Post*. (1979) China Moves Gradually Toward Liberalized Legal System. 19th January. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/china-moves-gradually-toward-liberalized-legal/docview/146952146/se-2?accountid=30386> (Accessed: 1st April 2021).
14. *The Washington Post*. (1991) China Presses Trials of Activists: Legal System Designed to Protect Communist Party, Not Defendants. 21st January. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/china-presses-trials-activists/docview/140538126/se-2?accountid=30386> (Accessed: 2nd April 2021).
15. Wang, C. (2013) *Inside China's Legal System*. Cambridge: Chandos Publishing.
16. *New York Times*. (1998) Hong Kong Rulings Stir Fears Over Law System. 31st March. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/hong-kong-rulings-stir-fears-over-law-system/docview/109814358/se-2?accountid=30386> (Accessed: 31st March 2021).

17. *New York Times*. (2001) A Hong Kong Court Rebuffs Beijing on Residency Issue: A Boy Born to a Mainland Mother in Hong Kong Can Stay There, the Court Says. 21st July. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/hong-kong-court-rebuffs-beijing-on-residency/docview/91794395/se-2?accountid=30386> (Accessed: 31st March 2021).
18. *The Washington Post*. (1998) Gangster Trial Blurs Hong Kong-China Distinction. 13th November. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/gangster-trial-blurs-hong-kong-china-distinction/docview/1620798719/se-2?accountid=30386> (Accessed: 31st March 2021).
19. *New York Times*. (2016) Court in Hong Kong Bars 2 Pro-Independence Politicians from Taking Office. 16th November. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/court-hong-kong-bars-2-pro-independence/docview/2310061779/se-2?accountid=30386> (Accessed: 4th April 2021).
20. *New York Times*. (2017) Ruling Threatens Hong Kong's Legal Freedoms. 15th July. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/ruling-threatens-hong-kongs-legal-freedoms/docview/2463621491/se-2?accountid=30386> (Accessed: 4th April 2021).
21. *New York Times*. (1995) Britain and China Agree on a Future Court for Hong Kong: Trying to Protect the Legal System After China Takes Control of Hong Kong. 10th June. [Online] Available from: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/britain-china-agree-on-future-court-hong-kong/docview/109515033/se-2?accountid=30386> (Accessed: 1st April 2021).
22. China. (n.d.) *China's Constitution of 1982 with Amendments Through 2004*. [Online] Available from: https://www.constituteproject.org/constitution/China_2004.pdf?lang=en (Accessed: 8th December 2020).
23. Ghai, Y., Oliveira, J. & Cardinal, P. (2009) *One Country, Two Systems, Three Legal Orders – Perspectives of Evolution*. Berlin: Springer.

Сведения об авторе:

Папашвили Георгий Зурабович – ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: gosha.papashvili@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Papashvili Georgy Z. – Assistant of the Department of General History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: gosha.papashvili@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2021; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 27.01.2021; accepted for publication 01.07.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930

doi: 10.17223/19988613/90/12

Печатные источники о городском населении Сибири конца XIX – начала XX в.

Елена Александровна Брюханова¹, Мария Владимировна Рыгалова²

^{1,2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

² Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия

¹ elena@hist.asu.ru

² mariya_rygalova@mail.ru

Аннотация. Приводятся анализ и оценка репрезентативности губернских печатных изданий по Томской и Тобольской губерниям за 1895–1900 гг. как источников для расширения базы данных по городскому населению Сибири рубежа XIX–XX вв., основанной на данных переписных листов переписи 1897 г. Адрес-календари, памятные книжки и отдельные ведомственные издания содержат не только информацию о местах службы должностных лиц, но и сведения о их занятости в благотворительности, уровне образования, размере жалования и т.п., что позволит дополнить информацию из переписных листов для жителей отдельных городов.

Ключевые слова: городское население, информационная система, адрес-календарь, Сибирь, конец XIX в.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>

Для цитирования: Брюханова Е.А., Рыгалова М.В. Печатные источники о городском населении Сибири конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 111–118. doi: 10.17223/19988613/90/12

Original article

Printed sources about the urban population of Siberia in the late XIX – early XX centuries

Elena A. Bryukhanova¹, Maria V. Rygalova²

^{1,2} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

² Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russian Federation

¹ elena@hist.asu.ru

² mariya_rygalova@mail.ru

Abstract. The source potential and representativeness of printed editions published by provincial statistical committees and private printers on the example of Tomsk and Tobolsk provinces in 1895–1900 for filling of the information system "The population of Siberian cities at the turn of XIX–XX centuries" is examined. The aim of the article is to identify, analyze and evaluate the representativeness of provincial publications, which contain personal data on individual groups and categories of the population of cities of Tomsk and Tobolsk provinces for the period from 1895 to 1900. The chronological framework was chosen to provide an opportunity to compare and complement the information from the census sheets of 1897 on the population of cities in Siberia.

Printed editions of provincial statistical committees (address-calendars, commemorative books), publications of individual departments (Diocesan Gazette, reference books of military districts, commemorative books of educational districts, publications of military districts), as well as other printed editions (guidebook on all Siberia and Central Asian possessions of Russia) contain personal data (last name, name, middle name) and information on employees of different level of detail (position, education, year of enlistment, confession, size of salary, awards). Also of interest to our study is the information on the owners of commercial enterprises in the cities of Siberia. Information about representatives of industry and trade was published annually in the Siberian Commercial and Industrial Calendar. Its data allow to trace the develop-

ment of the affairs of individuals and the dynamics of these spheres as a whole. Comparison of data from Siberian and Russian address-calendars showed that the regional edition published more detailed information on the owners of commercial and industrial establishments (full data on surname, name, patronymic, estate, data on the types of enterprises). Despite the fact that provincial and departmental sources were not always published regularly, they still supplement and clarify information from the 1897 census lists, provide broader information (on awards, membership in public organizations) and also allow to trace the career path of employees in chronology, to know the owners of commercial and industrial enterprises in the towns of the provinces. This is necessary for the development of the information system "Population of Siberian cities at the turn of the 19th-20th centuries.

Keywords: urban population, information system, address-calendar, Siberia, late 19th century

Acknowledgements: The study was supported by grant No. 19-78-10020 from the Russian Science Foundation. Project No. 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>

For citation: Bryukhanova, E.A., Rygalova, M.V. (2024) Printed sources about the urban population of Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 111–118. doi: 10.17223/19988613/90/12

Одним из перспективных направлений демографической, социальной и городской истории видится изучение отдельных групп и слоев населения на основе персональных сведений исторических источников, что позволяет не только дополнить статистические материалы, но и получить детальное представление о происходящих в отдельные исторические периоды процессах и явлениях. Актуальным также является создание исторических баз данных и открытых информационных систем по населению разных регионов, направленных на расширение информационной открытости и доступности источников.

Современные тенденции в исторической науке получили развитие в зарубежных исследованиях и нашли отражение в крупнейших международных проектах, таких как Integrated Public Use Microdata Series (IPUMS) [1], The North Atlantic Population Project (NAPP) [2] (в настоящее время интегрирован в проект IPUMS), MOSAIC project [3].

В России исследовательский интерес к подобным проектам также значительно возрос. За последние несколько лет в российском историческом информационном пространстве все чаще стали появляться проекты, содержащие персональные сведения о людях, живших на отдельных территориях в XIX – начале XX в., и основанные на разных видах источников. Примерами проектов, созданных по материалам печатных изданий с пофамильными списками отдельных категорий населения, являются «Благовещенцы 1858–1920 гг.» – справочник о жителях Благовещенска, составленный на основе адрес-календарей и памятных книжек Амурской области [4], «Именной указатель по адрес-календарям Российской Империи 1765–1856 гг.», содержащий данные о чиновниках [5]. Проектами, созданными по сведениям метрических и ревизских сказок, являются «Регистр населения Урала» (Ural Population Project, UraPP) – открытая пополняемая база персональных данных жителей Урала конца XIX – начала XX в. [6], и ресурс «Поколение Пермского края», представляющий собой поисковую интернет-систему, в которой пользователь может найти электронные образы архивных документов и представленную в них информацию о людях, переведенную в цифровой вид [7]. Отдельно можно выделить тематические коллекции, содержащие персональные сведения. Например, проект «Духовенство

русской православной церкви в XX в.: библиографическая база данных», содержащий биографические сведения о священнослужителях, собранные как из опубликованных изданий (адрес-календари, справочные книжки и др.), так и из архивных источников (метрические книги, ревизские сказки) [8].

Кроме того, в современной историографии представлены статьи с описаниями баз персональных данных, также основанных на материалах переписей населения [9] или метрических книг [10], но в настоящее время не имеющих интернет-версий.

Основой проекта «Население городов Сибири рубежа XIX–XX вв.» [11] стали данные переписных листов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. по отдельным городам Сибири, сохранившимся в центральном и региональных архивах (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, государственные архивы в г. Тобольске, Красноярского и Хабаровского краев, Амурской области, Республики Саха (Якутия)). В переписных листах в разных объемах сохранились сведения о населении только 11 городов Сибири, поэтому для развития информационной системы необходимо привлечение дополнительных источников. В качестве одного из видов наиболее информативных источников рассматриваются печатные издания конца XIX – начала XX в., содержащие пофамильные сведения о разных группах городского населения Сибири. Таким образом, основной задачей исследования, представленного в статье, были выявление, анализ и оценка репрезентативности губернских печатных изданий, содержащих персональные сведения об отдельных группах и категориях населения городов Томской и Тобольской губерний за 1895–1900 гг. Указанные хронологические рамки были выбраны с целью обеспечения возможности сравнения и дополнения сведений переписных листов переписи 1897 г. о населении городов Сибири. На следующем этапе исследования планируется изучение губернских изданий Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Справочные издания в рассматриваемый период публиковались как центральными, так и губернскими статистическими комитетами, отдельными ведомствами и частными издательствами. Для исследования представляют интерес такие издания, как адрес-календари, памятные книжки со сведениями о служащих, купцах,

членах общественных организаций и т.п., справочные книжки и списки служащих по отдельным ведомствам, справочные издания по торговым, ремесленным, промышленным заведениям и их собственникам и / или управляющим.

В масштабах Российской империи издавался адрес-календарь под заглавием «Общая роспись всех чиновных особ в Российской империи», который выходил в Санкт-Петербурге, в типографии Сената. В нем приводились данные (фамилия, имя, отчество, звание, чин, должность) придворных служащих, государственных учреждений гражданского, военного и духовного ведомств центральных и губернских, а также указывались сведения о должностных лицах других крупных учреждений (воспитательные, учебные, благотворительные). В первой части издания публиковались списки чиновников общероссийских ведомств, во второй – данные по губерниям [12]. В типографии Сената также издавались «Списки военных и гражданских чинов по классам», содержащие фамилии, имена, отчества, должности, чины, даты получения чина служащих военного ведомства [13].

Отдельные ведомства также публиковали списки служащих. Например, в военной типографии издавались такие справочники, как «Общий список офицерских чинов Российской армии» и «Список полковникам по старшинству», в первом из которых представлены высшие военные чины, данные о служащих по военным округам с указанием воинского звания и видов войск, а во втором – сведения о высших военных чинах с указанием должности, даты рождения, вероисповедания, состава семьи, информации о дате производства в каждый чин [14, 15]. Министерство земледелия и государственных имуществ издавало списки служащих подведомственных ему учреждений с данными, включающими фамилию, имя, отчество, должность и чин [16]. Отдельные сведения о владельцах торговых, промышленных предприятий по отраслям можно было получить из Торгово-промышленных адрес-календарей Российской империи за 1895–1902 гг. В них были представлены данные по отраслям промышленности и губерниям с указанием сведений о владельцах предприятий [17]. Изданием, которое публиковало поименные данные о представителях дворянского сословия в масштабах Российской империи, был «Дворянский адрес-календарь» [18].

В связи с расширением государственного аппарата и развитием губернских статистических органов получили развитие местные издания, такие как адрес-календари, памятные книжки, справочные книги, списки должностных лиц и др. Однако общего регламента для подобного вида изданий не было, поэтому все зависело от местных учреждений, в ведение которых входили обязанности по сбору статистических и справочных данных по региону. Как правило, это были губернские статистические комитеты и / или губернские правления, подведомственные Министерству внутренних дел [19].

В историографии сложились неоднозначные точки зрения на эти источники. Н.М. Балацкая и И.А. Раздорский называют памятные книжки ценным и универсальным среди официальных справочных изданий

источником [20]. Такой же точки зрения придерживается Т.Г. Шумкина, подчеркивая, что в некоторых регионах, в частности на Урале, памятные книжки являются значимым источником за неимением в период их издания других научных, справочных, периодических изданий [21]. И.В. Травникова [22], Н.П. Ерошкин отмечают, что эти источники являются справочниками об учреждениях и их служащих, несут полную информацию [23]. Т.В. Ситникова называет адрес-календари «интересным специализированным городским изданием» [24]. Но существуют и иные мнения. Так, С.В. Левин отмечает, что поскольку сведения для публикации собирались через уездные и волостные учреждения, информация зачастую была неточной, неполной, несвоевременной, а издания выходили не ежегодно [25].

Стоит отметить, что Российской национальной библиотекой (РНБ) реализуется проект по выявлению памятных книжек и адрес-календарей губерний за 1833–1917 гг. Результаты проекта представлены как в специальном разделе сайта РНБ [26], так и в отдельных обобщающих изданиях [19]. Изучение проекта и публикаций показало, что авторы довольно подробно выявили и изучили особенности формирования подобных изданий для губерний Европейской России и Привислинского края, тогда как издания сибирского региона и Центральной Азии представлены меньше. Так, в сводном каталоге-репертуаре есть сведения об адрес-календарях Тобольской губернии за 1895 и 1900 гг., в 1896 г. справочные издания не выпускались. По Томской губернии за 1891–1903 гг. сведений нет. Кроме того, со ссылкой на другие справочные издания указано, что адрес-календари Тобольской губернии за 1897–1899 гг. выпускались частным издателем А.А. Крыловым [20. С. 389, 393].

Памятных книжек в этот период в Тобольской и Томской губерниях не выходило. Но сравнение выпусков адрес-календарей Тобольской губернии 1895–1900 гг. показало, что по содержанию они во многом повторяли структуру памятных книжек [28–32]. Все рассмотренные адрес-календари включали информацию о праздничных, выходных и непростительных днях, летоисчислении и пасхалиях, членах Российского императорского дома, далее в разных вариантах и с разной детализацией помещались справочные сведения о почтовых учреждениях и отправлениях, телеграфе, маршрутах, тарифах и расписании транспортных сообщений, часовых поясах (сравнение с Петербургским временем), административно-территориальном делении губернии, волостных правлениях, крестьянских начальниках и мировых судьях. Издание губернской типографии 1895 г. содержало обширные сведения краеведческого характера (население, географическое положение и пространство губернии, гидрографический обзор и флора), а также данные о развитии сельского хозяйства, промышленности, лесном хозяйстве, городских доходах и расходах, пожарах и происшествиях. Отдельный интерес для нашего исследования представляют ведомости фабрик и заводов 1891–1894 гг. (со сведениями о собственниках), списки ломбардов, благотворительных учреждений (со списками попечителей), городских училищ. В издании губер-

ского статистического комитета 1900 г. справочная часть включала епархиальные, лечебные, инспекторские районы, призывные и акцизные участки, в приложениях – список населенных мест Тобольского уезда на 1900 г. Частные издания сопровождалось объемными рекламными вставками о фирмах, товарах и мероприятиях в Тобольской губернии. Второй частью всех изданий были адрес-календари лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Тобольской губернии. Кроме того, вторая часть изданий могла включать алфавит к адрес-календарю (1895, 1897, 1900), изменения в составе служащих (1895, 1899, 1900), адрес-календарь духовенства и торговые фирмы Тобольской губернии (1897), высочайшие награды по губернии и назначения по сибирскому военному округу (1900). Таким образом, в адрес-календарях можно найти сведения не только о государственных и общественных служащих, но и о владельцах торговых фирм, фабрик и заводов, участниках и попечителях благотворительных обществ и учреждений и др.

Собственно адрес-календари содержат следующие сведения о служащих: фамилию, имя, отчество, место работы (учреждение и структурное подразделение), должность, чин, звание, при их отсутствии сословие. Отдельно публиковались сведения о наградах, например, за 1899 год [32. С. 38]. Интересно отметить, что для женщин – служащих государственных учреждений, таких как Мариинская женская школа, Александровский детский приют, сведения о социальном статусе указаны по мужу или отцу, например дочь статского советника, вдова штабс-капитана, жена ротмистра и т.п. Сравнив сведения адрес-календаря по Российской империи и губернских адрес-календарей, И.А. Раздорский отмечает, что в центральных изданиях, как правило, содержались сведения только об основных служащих и не публиковались данные о лицах, занимавших должности делопроизводителей, регистраторов, архивариусов, письмоводителей и т.п. [19. С. 18–20]. Д.Н. Шилов полагает, что это связано с тем, что издание носило справочный характер и публиковались чины, информация о которых могла понадобиться в справочных целях [33. С. 91]. В губернских адрес-календарях такая информация присутствует. Кроме того, в губернских изданиях содержатся сведения о штате губернских и местных учреждений: церквей, монастырей, училищ, больниц, приютов, школ и даже губернских изданий (редакторы Тобольских губернских ведомостей) [29. С. 2].

Перевод губернских адрес-календарей в электронный вид позволил выявить информацию о работе служащих в нескольких учреждениях, участии их в научных и благотворительных обществах. Так, по данным на 1897 г., служащий Губернского управления, помощник губернского врачебного инспектора, статский советник Де-Карлино Николай Николаевич был врачом и преподавателем медицины Тобольской духовной семинарии, членом Тобольской врачебной управы, членом благотворительной организации «Губернский попечительный о тюрьмах комитет», руководил деятельностью Тобольской лечебницы для приходящих бедных больных [29]. По сведениям Н.М. Балацкой, адрес-календари формировались на основе формуляр-

ных списков. При этом адрес-календари как печатное издание представляются более доступными для исследователей, кроме того, могут возместить отсутствующие или недоступные формулярные списки и нередко дополнить их сведениями о служебных и иных связях, профессиональном окружении человека, его социальных ролях [34. С. 146–147], а также реконструировать карьерный путь служащего при сопоставлении справочных изданий за разные годы.

Кроме губернских адрес-календарей на местах в конце XIX в. выходили некоторые ведомственные и специализированные издания. К ним можно отнести епархиальные адрес-календари, инициаторами издания которых были региональные епархии. К сожалению, такие издания выходили нерегулярно по причине отсутствия специального финансирования [35. С. 23–24]. Епархиальные адрес-календари содержали сведения о служащих епархии (архиерейского дома, духовной консистории) и ее учреждений (типографии, свечного завода, духовных семинарий, приходских училищ и т.п.), а также о священно- и церковнослужителях (пономари, звонари, ключники и т.п.). О священнослужителях публиковались данные о сане, должности, образовании, времени пребывания на службе, а также периодически сведения о жаловании и наградах [36. С. 36–46], а также списки получающих пособие для бедных священнослужителей и пенсии для вдов и детей священнослужителей [37. С. 21–24]. Такие материалы существенно дополняют данные губернских адрес-календарей в части сведений о священно- и церковнослужителях.

Еще одним ведомственным изданием являются памятные книжки Западно-Сибирского учебного округа, изданные в типографии сибирского просветителя П.И. Макушина. Они содержат списки учебных заведений по категориям, данные по служащим (должность, дата начала службы, образование, награды, жалование, вероисповедание) [38]. Памятная книжка Томской дирекции народных училищ содержит аналогичные данные по Томской губернии [39]. Источник позволяет уточнить данные по заведениям, относящимся к Западно-Сибирскому учебному округу. подобные издания выходили также по Восточно-Сибирскому учебному округу [40, 41].

Источником информации о воинских служащих являются Справочные книжки о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства за 1895–1898 гг., в которых представлены данные о начальственных чинах в Омском военном округе, а также о должностных лицах войсковых учреждений с указанием должности и фамилии, имени, отчества по губерниям [42].

К специальным изданиям можно отнести торгово-промышленные календари. С развитием торговли и промышленности, а также общественной инициативы изданием Сибирского торгово-промышленного календаря занялось не государственное учреждение, а крупное коммерческое книгоиздательское предприятие, его составителем стал Ф.П. Романов [43. С. 62]. В период 1895–1900 гг. Сибирский торгово-промышленный календарь издавался ежегодно и представлял собой до-

вольно объемное справочное издание по губерниям Сибири и Средней Азии [44–49].

Для нашего исследования представляют интерес сведения о владельцах торговых предприятий по городам Сибири, а также публиковавшиеся периодически сведения о градоначальствующих лицах, служащих правительственных, общественных и частных учреждений Томска и некоторых других городов. Так, в календаре за 1896 г. представлены данные о служащих Главного управления Алтайского округа в г. Барнауле, а также о некоторых чиновниках Барнаула, Бийска, Змеиногорска, Кузнецка, Каинска, Мариинска, Колывани и Нарыма [45. С. 581–584]. За 1898 г. по этим же городам представлены неполные данные [47. С. 246–248].

Сведения о представителях промышленности и торговли, публиковавшиеся ежегодно, позволяют проследить как развитие дел отдельных лиц, так и динамику указанных сфер в целом. Например, в календаре за 1896 г. купец 1-й гильдии В.С. Заславский значится как «киногородный, производящий торговлю в г. Томске» [45. С. 514], а в календаре за 1897 г. его имя значится среди купцов 1-й гильдии Томска [46. С. 638]. В 1897 г. в Барнауле значится один купец 1-й гильдии В.Д. Сухов [46. С. 646], в календаре за 1900 г. купцов 1-й гильдии в Барнауле уже шесть, в том числе Сухов. Остальные пятеро за 1897–1900 гг. перешли из купцов

2-й гильдии (по данным на 1897 г.) в 1-ю гильдию (1900) [49. С. 176]. Сопоставление данных сибирского и российского адрес-календарей показало, что региональное издание публиковало более подробные сведения о владельцах торговых и промышленных заведений (полные данные о фамилии, имени, отчестве, сословии, данные о видах предприятий).

Еще одним изданием, содержащим данные о градоначальствующих лицах Сибири и Средне-Азиатских владений России, правительственных, общественных и частных учреждений и их должностных лицах, а также владельцах торговых домов, магазинов и прочих учреждений Иркутска, Красноярска и Томска, является Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России, с 1895 по 1900 г. выходивший ежегодно [50, 51].

В целом если для Тобольской губернии ведомственные и специальные издания можно рассматривать как дополнительные материалы к губернским адрес-календарям, то для Томской губернии для получения комплекса сведений о служащих, а также представителях промышленной и торговой сферы, необходимо привлечение ряда как общероссийских, так и региональных изданий. Сводные данные об источниках персональных сведений по населению Томской и Тобольской губерний за 1895–1900 гг. представлены в таблице.

Данные о наличии в региональных изданиях персональных сведений о служащих и других группах городского населения Томской и Тобольской губерний за 1895–1900 гг.

Губерния	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.
Тобольская	К, ТПАК, П, СКВО	ТПАК, СКВО	К, ЕАК, ТПАК, СВПКУО, П, СКВО	АК, ТПАК, СКВО	АК, ТПАК	АК, ТПАК
Томская	ТПАК, П, СКВО	ТПАК, СКВО	ТПАК, П, СКВО	ТПАК, СКВО	ТПАК, ЕАК*	ТПАК, ПКУО

Примечание. К – календарь, АК – адрес-календарь, ЕАК – епархиальный адрес-календарь, ЕАК* – Справочная книга по Томской Епархии на 1898–1999 г., ТПАК – торгово-промышленный адрес-календарь, ПКУО – Памятная книжка учебного округа, П – путеводитель, СКВО – справочная книжка о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа.

В контексте развития информационной системы «Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв.» сведения адрес-календарей по Тобольской губернии могут быть дополнены данными из переписных листов переписи 1897 г. Так, из переписного листа упоминавшегося ранее Де-Карлино Николая Николаевича известно, что он родился в г. Вятка, на момент переписи ему было 49 лет, имел личное дворянство, обучался в Казанском университете, был женат и проживал в доме Тобольской лечебницы (на Захарьевской улице) с женой, прислугой (кухаркой, лакеем и кучером) и престарелой теткой из Эстляндской губернии [52]. По тем городам, по которым не сохранились переписные листы или сохранились частично, адрес-календари, ведомственные и специальные издания представляются достаточно репрезентативными источниками не только о государственных и общественных служащих, но и о представителях торговой и промышленной сферы городов сибирского региона. Материалы представленных источников смогут стать основой для базы данных по городскому населению и его динамике в Сибири конца XIX – начала XX в.

Итак, в 1895–1900 гг. адрес-календари по Тобольской губернии выходили регулярно, причем только два выпуска были подготовлены губернской типогра-

фией и губернским статистическим комитетом, тогда как остальные опубликованы частными издательствами. По Томской губернии за рассматриваемый период, к сожалению, адрес-календари обнаружены не были. Однако сведения о служащих губернии кроме общероссийского адрес-календаря можно обнаружить в ведомственных изданиях, таких как епархиальные адрес-календари, списки служащих учебных и военных округов, или в специальных изданиях, к которым можно отнести Сибирский торгово-промышленный адрес-календарь, а также Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России, которые издавались частными типографиями. Перечисленные источники содержали сведения и по городам Тобольской губернии. В них кроме информации о служащих представлены данные о купцах и владельцах торгово-промышленных предприятий. Наиболее подробные сведения о служащих публиковались в епархиальных адрес-календарях, где кроме места работы, должности, чина и звания отражены сведения об образовании, стаже, жаловании. Наиболее краткие сведения публиковались о купцах, владельцах торгово-промышленных заведений. Губернские адрес-календари, ведомственные издания со списками служащих и специальные издания, несмотря на нерегулярность выхода и краткость некоторых сведений, могут

рассматриваться как основа базы данных по населению городов Сибири, так как они содержат богатый матери-

ал не только о государственных и общественных служащих, но и о некоторых других категориях горожан.

Список источников

1. IPUMS International. URL: <https://international.ipums.org/international/> (accessed: 07.04.2023).
2. IPUMS NAPP. URL: <https://www.nappdata.org/napp/> (accessed: 07.04.2023).
3. Mosaic. URL: <https://censusmosaic.demog.berkeley.edu/> (accessed: 07.04.2023).
4. Благовещенцы 1858–1920-е гг. // Амурский областной краеведческий музей. URL: <http://old.museumamur.org/bibliography> (дата обращения: 07.04.2023).
5. Российский государственный исторический архив. URL: <https://fgurgia.ru/type/persons> (дата обращения: 07.04.2023).
6. Население Урала (конец XIX–начало XX в. // Уральский федеральный университет. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/#/> (дата обращения: 07.04.2023).
7. Поколения Пермского края. URL: <https://pokolenia.permkrai.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).
8. Духовенство Русской Православной церкви в XX веке : биографическая база данных и собрание материалов. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).
9. Стрекалова Н.В. Базы данных по проблемам изучения социальной стратификации и мобильности городской элиты и средних слоев Тамбова в конце XIX – начале XX в.: источники, структура, технология комплексного анализа // Историческая информатика. 2021. № 4. С. 50–66.
10. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.). Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2013. 114 с.
11. Население Сибири на рубеже XIX–XX вв. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).
12. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1897 год. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1897. Ч. 1, 2. 1013 с.
13. Список военным и гражданским чинам первых двух классов по старшинству. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1895. 73 с.
14. Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. СПб. : Военная тип., 1909. 1080 с.
15. Список полковникам по старшинству. СПб. : Военная тип., 1897. 917 с.
16. Список чинам министерства земледелия и государственных имуществ. СПб. : Тип. Берман и Ко, 1896. 602 с.
17. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1895–1902. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/24062-1899-god-t-1-1899> (дата обращения: 07.04.2023).
18. Дворянский адрес-календарь на 1897 год. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1896. 400 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/000200_000018_v19_rc_1600294?page=401&rotate=0&theme=white (дата обращения: 07.04.2023).
19. Раздорский А.И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей российской империи (1841–1908) : библиогр. указ. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 92 с.
20. Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833–1917) : сводный каталог-репертуар. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 645 с.
21. Шумкина Т.Г. Адрес-календари и памятные книжки Пермского губернского статистического комитета как источники по истории Урала // Вопросы всеобщей истории. 2013. № 15. С. 165–173.
22. Травникова И.В. Памятные книжки – провинциальные справочные издания XIX в. (на примере Пензенской губернии) // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 3 (11). С. 29–33.
23. Ерошкин Е.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. школа, 1983. 352 с.
24. Ситникова Т.В. Адрес-календари и справочники-календари Царицына рубежа XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 108–112.
25. Левин С.В. Издания губернских статистических комитетов как исторический источник // Наука и мир. 2014. № 5-2. С. 142–145.
26. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833–1917) // РНБ : коллекции электронной библиотеки URL: <https://nlr.ru/elibratupro/memo/RA5879/o-proekte> (дата обращения: 07.04.2023).
27. Памятные книжки губерний и областей Российской империи : в 4 т. / науч. ред. В.В. Антонов, Н.М. Балацкая. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. Т. 4, ч. 2. 615 с.
28. Календарь Тобольской губернии на 1895 год (3-й по високосе) : год 8-й. Тобольск : Тобольская губернская тип., 1894. URL: <https://www.prlib.ru/item/417405?ysclid=lg6b99rydn961341843> (дата обращения: 07.04.2023).
29. Календарь Тобольской губернии на 1897 год. Тобольск : Губернская тип., 1897. URL: <https://www.prlib.ru/item/417403> (дата обращения: 07.04.2023).
30. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1898 год. Тюмень : Тип. А.А. Крылова, 1898. 121 с.
31. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1899 год. Тюмень : Тип. «Сибирской торговой газеты» А.А. Крылова, 1899. 131 с.
32. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 год. Тобольск : Тобольская губернская тип., 1899. 170 с.
33. Шилов Н.Д. Основные документы и справочники о гражданских чиновниках в России (конец XVIII – начало XX века) : краткий обзор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1 (25). С. 90–95.
34. Балацкая Н.М. Адрес-календари в губернских и областных памятных книжках (особенности и факторы формирования программ) // Библиография. Археография. Источниковедение : сб. ст. и материалов. / ред.-сост. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. СПб. ; М. : Старая Басманная, 2022. Вып. 5. С. 146–182.
35. Раздорский А.И. Справочные издания Епархий Русской православной церкви 1861–1915 : сводный каталог и указатель содержания. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. 567 с.
36. Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1897 год. Тобольск : Тип. Тобольского Епархиального братства, 1897. 260 с.
37. Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1903 год. Тобольск : Тип. Тобольского Епархиального братства, 1903. 200 с.
38. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1897. 209 с.
39. Памятная книжка Томской Дирекции Народных Училищ 1900 года. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1900. 61, 91, IV с.
40. Памятная книжка Управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1898–99 учебный год. Иркутск : Типо-лит. П.И. Макушина, 1899. 156 с.
41. Памятная книжка Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям на 1 января 1880 года. Красноярск : Тип. С.К. Гоштовт, 1880. 234 с.
42. Справочная книжка на 1895 год, о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. Омск : Тип. окружного штаба, 1894. 61 с.

43. Циновская Л.Н. История Дальнего Востока России на страницах «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря» // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2003. № 2-3 (19-20). С. 62–69.
44. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 год. Томск : Паровая лито-тип. П.И. Макушина, 1895. 480 с.
45. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1896 год. Томск : Паровая лито-тип. П.И. Макушина, 1896. 794 с.
46. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1897 год. Томск : Паровая лито-тип. П.И. Макушина, 1897. 692 с.
47. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 год. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1898. 288, XX, 736, 128 с.
48. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1899. 1182 с.
49. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1900. 944 с.
50. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России с подробным дорожником / сост. В.А. Долгоруков. Томск : Лито-тип. П.И. Макушина, 1895. 406 с.
51. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год второй / сост. В.А. Долгоруков. Томск : Тип. Г.В. Преисман и Н.Я. Беляев, 1897. 548 с.
52. Дом Тобольской лечебницы // Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/locality/76/#households/20522/537> (дата обращения: 07.04.2023).

References

1. IPUMS International. [Online] Available from: <https://international.ipums.org/international/> (Accessed: 7th April 2023).
2. IPUMS NAPP. [Online] Available from: <https://www.nappdata.org/napp/> (Accessed: 7th April 2023).
3. University of California, Berley. (n.d.) *Mosaic*. [Online] Available from: <https://censusmosaic.demog.berkeley.edu/> (Accessed: 7th April 2023).
4. The Amur Regional Museum of Local History. (n.d.) *Blagoveshchentsy 1858–1920-e gg.* [Blagoveshchensk residents 1858–1920-e gg.]. [Online] Available from: <http://old.museumamur.org/bibliography> (Accessed: 7th April 2023).
5. The Russian State Historical Archive. [Online] Available from: <https://fguria.ru/type/persons> (Accessed: 7th April 2023).
6. Ural Federal University. (n.d.) *Naselenie Urala (konets XIX–nachalo XX v.* [The population of the Urals (late 19th – early 20th centuries)]. [Online] Available from: <http://urappdata-urfi.ru/#/> (Accessed: 7th April 2023).
7. The Agency for Archives of the Perm Territory & the State Archives of the Perm Territory. (n.d.) *Pokoleniya Permskogo kraya* [Generations of Perm Krai]. [Online] Available from: <https://pokolenia.permkrai.ru/> (Accessed: 7th April 2023).
8. Spaso-Preobrazhensky Solovetsky Stavropegic Monastery of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate). (n.d.) *Dukhovenstvo Russkoy Pravoslavnoy tserkvi v XX veke: biograficheskaya baza dannykh i sobranie materialov* [The clergy of the Russian Orthodox Church in the 20th century: A biographical database and collection of materials]. [Online] Available from: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/> (Accessed: 7th April 2023).
9. Strekalova, N.V. (2021) Bazy dannykh po problemam izucheniya sotsial'noy stratifikatsii i mobil'nosti gorodskoy elity i srednikh sloev Tambova v kontse XIX – nachale XX v.: istochniki, struktura, tekhnologiya kompleksnogo analiza [Databases on the problems of studying social stratification and mobility of the urban elite and middle classes of Tambov in the late 19th – early 20th centuries: sources, structure, technology of complex analysis]. *Istoricheskaya informatika*. 4. pp. 50–66.
10. Vladimirov, V.N. & Sarafanov, D.E. (2013) *Informatsionnye tekhnologii v izuchenii metriceskikh knig (naselenie Barnaula v kontse XVIII – nachale XX v.)* [Information technologies in the study of parish registers (the population of Barnaul in the late 18th – early 20th centuries)]. Barnaul: Altai State University.
11. Altai State University. (n.d.) *Naselenie gorodov Sibiri na rubezhe XIX–XX vv.* [The urban population of Siberia at the turn of the 20th centuries]. [Online] Available from: <https://person1897.histcensus.asu.ru/> (Accessed: 7th April 2023).
12. Russia. (1897) *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' nachal'stviyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v Rossiyskoy Imperii na 1897 god* [Official directory. General list of superiors and other officials in all departments in the Russian Empire for 1897]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. Pravitel'stviyushchego Senata.
13. Russia. (1895) *Spisok voennym i grazhdanskim chinam pervykh dvukh klassov po starshinstvu* [List of military and civilian ranks of the first two classes by seniority]. St. Petersburg: Tip. Pravitel'stviyushchego Senat.
14. Russia. (1909) *Obshchiy spisok ofiterskim chinam Russkoy imperatorskoy armii* [General list of officer ranks of the Russian Imperial Army]. St. Petersburg: Voennaya tip.
15. Russia. (1897) *Spisok polkovnikam po starshinstvu* [List of colonels by seniority]. St. Petersburg: Voennaya tip.
16. Russia. (1896) *Spisok chinam ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv* [List of ranks of the Ministry of Agriculture and State Property]. St. Petersburg: Tip. Berman i Ko.
17. Russia. (1895–1902) *Vsya Rossiya. Russkaya kniga promyshlennosti, trgovli, sel'skogo khozyaystva i administratsii: torgovo-promyshlennyy adres-kalendar' Rossiyskoy imperii* [All of Russia. Russian book of industry, trade, agriculture and administration: trade and industrial official directory of the Russian Empire]. St. Petersburg: A.S. Suvorin. [Online] Available from: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/24062-1899-god-t-1-1899> (Accessed: 7th April 2023).
18. Russia. (1896) *Dvoryanskiy adres-kalendar' na 1897 god* [Official directory of nobility]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. [Online] Available from: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1600294?page=401&rotate=0&theme=white (Accessed: 7th April 2023).
19. Razdorskii, A.I. (1999) *Obshchie pechatnye spiski dolzhnostnykh lits guberniy i oblastey Rossiyskoy imperii (1841–1908): bibliogr. ukaz* [General printed lists of officials of the provinces and regions of the Russian Empire (1841–1908): a bibliographical index]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
20. Balatskaya, N.M. & Razdorskii, A.I. (2008) *Pamyatnye knizhki guberniy i oblastey Rossiyskoy imperii (1833–1917): svodnyy katalog-repertuar* [Commemorative books of the provinces and regions of the Russian Empire (1833–1917): a consolidated catalogue]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
21. Shumkina, T.G. (2013) *Adres-kalendar' i pamyatnye knizhki Permskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta kak istochniki po istorii Urala* [Official directories and commemorative books of the Perm Provincial Statistical Committee as sources on the history of the Urals]. *Voprosy vseobshchey istorii*. 15. pp. 165–173.
22. Travnikova, I.V. (2015) *Pamyatnye knizhki – provintsial'nye spravochnye izdaniya XIX v. (na primere Penzenskoy gubernii)* [Commemorative books – provincial reference publications of the 19th century (a case study of Penza province)]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(11). pp. 29–33.
23. Eroshkin, E.P. (1983) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [History of state institutions in the pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
24. Sitnikova, T.V. (2018) *Adres-kalendar' i spravochniki-kalendar' Tsaritsyna rubezha XIX–XX vekov* [Official directory and reference calendars of Tsaritsyn at the turn of the 19th–20th centuries]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistsika*. 18(1). pp. 108–112.
25. Levin, S.V. (2014) *Izdaniya gubernskikh statisticheskikh komitetov kak istoricheskiy istochnik* [Publications of provincial statistical committees as a historical source]. *Nauka i mir*. 5-2. pp. 142–145.
26. Russian National Library. (n.d.) *Pamyatnye knizhki guberniy i oblastey Rossiyskoy imperii (1833–1917)* [Memorial books of the provinces and regions of the Russian Empire (1833–1917)]. [Online] Available from: <https://nlr.ru/librarypro/memo/RA5879/o-proekte> (Accessed: 7th April 2023).
27. Antonov, V.V. & Balatskaya, N.M. (eds) (2011) *Pamyatnye knizhki guberniy i oblastey Rossiyskoy imperii: v 4 t.* [Memorial books of the provinces and regions of the Russian Empire: in 4 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
28. Russia. (1894) *Kalendar' Tobol'skoy gubernii na 1895 god (3-y po visokose): god 8-y* [Directory of the Tobolsk province for 1895 (3rd leap year): Year 8]. Tobolsk: Tobol'skaya gubernskaya tip. [Online] Available from: <https://www.prilib.ru/item/417405?ysclid=lg6b99rydn961341843> (Accessed: 7th April 2023).

29. Russia. (1897) *Kalendar' Tobol'skoy gubernii na 1897 god* [Directory of Tobolsk Province for 1897]. Tobolsk: Gubernskaya tip. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/417403> (Accessed: 7th April 2023).
30. Russia. (1898) *Adres-kalendar' Tobol'skoy gubernii na 1898 god* [Directory of Tobolsk Province for 1898]. Tyumen: Tip. A.A. Krylova.
31. Russia. (1899) *Adres-kalendar' Tobol'skoy gubernii na 1899 god* [Directory of Tobolsk Province for 1899]. Tyumen: Tip. A.A. Krylova.
32. Russia. (1899) *Adres-kalendar' Tobol'skoy gubernii na 1900 god* [Directory of Tobolsk Province for 1900]. Tobolsk : Tobol'skaya gubernskaya tip.
33. Shilov, N.D. (2011) Osnovnye dokumenty i spravochniki o grazhdanskikh chinovnikakh v Rossii (konets XVIII – nachalo XX veka): kratkiy obzor [Key documents and reference books on civil servants in Russia (late 18th – early 20th century): a brief overview]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 1(25). pp. 90–95.
34. Balatskaya, N.M. (2022) Adres-kalendar' v gubernskikh i oblastnykh pamyatnykh knizhках (osobennosti i faktory formirovaniya programm) [Official directory in provincial and regional memorial books (features and factors in the formation of programs)]. In: Razdorskiy, A.I. & Shilov, D.N. (eds) *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovedenie* [Bibliography. Archeography. Source Study]. Vol. 5. St. Petersburg; Moscow: Staraya Basmanaya. pp. 146–182.
35. Razdorskiy, A.I. (2002) *Spravochnye izdaniya Eparkhiy Russkoy pravoslavnoy tserkvi 1861–1915: svodnyy katalog i ukazatel' soderzhaniya* [Reference publications of the Dioceses of the Russian Orthodox Church 1861–1915: A union catalogue and index of contents]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
36. Russia. (1897) *Tobol'skiy eparkhial'nyy adres-kalendar' na 1897 god* [Tobolsk Diocesan Directory for 1897]. Tobolsk: Tip. Tobol'skogo Eparkhial'nogo bratstva.
37. Russia. (1903) *Tobol'skiy eparkhial'nyy adres-kalendar' na 1903 god* [Tobolsk Diocesan Directory for 1903]. Tobolsk: Tip. Tobol'skogo Eparkhial'nogo bratstva.
38. Russia. (1897) *Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnykh zavedeniy s ukazaniem vremeni otkrytiya, istochnikov soderzhaniya, razmera platy za uchen'e, chisla uchashchikhsya i lichnogo sostava sluzhashchikh* [Memorial book of the West Siberian educational district, containing a list of educational institutions indicating the time of opening, sources of maintenance, amount of tuition, number of students and personnel]. Tomsk: P.I. Makushin.
39. Russia. (1900) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy Direktsii Narodnykh Uchilishch 1900 goda* [Memorial book of the Tomsk Directorate of Public Schools for 1900]. Tomsk: P.I. Makushin.
40. Russia. (1899) *Pamyatnaya knizhka Upravleniya grazhdanskimi uchebnymi zavedeniyami Vostochnoy Sibiri na 1898–99 uchebnyy god* [Memorial book of the Administration of Civil Educational Institutions of Eastern Siberia for the 1898 – 1899 academic year]. Irkutsk: P.I. Makushin.
41. Russia. (1880) *Pamyatnaya knizhka Vostochno-Sibirskogo uchebnogo okruga, sostavlenaya po svedeniyam na 1 yanvarya 1880 goda* [Memorial book of the East Siberian Educational District, compiled based on information as of January 1, 1880]. Krasnoyarsk: S.K. Goshovt.
42. Russia. (1894) *Spravochnaya knizhka na 1895 god, o dolzhnostnykh litsakh pravitel'svennykh i obshchestvennykh ustanovleniy Omskogo voennogo okruga i Stepnogo general-gubernatorstva* [Reference book for 1895, about officials of government and public institutions of the Omsk Military District and the Steppe Governorate-General]. Omsk: Tip. okruzhnogo shtaba.
43. Tsinovskaya, L.N. (2033) *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii na stranitsakh "Sibirskogo torгово-promyshlennogo i spravochnogo kalendarya"* [History of the Russian Far East in "Siberian Trade, Industrial and Reference Directory"]. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki*. 2-3(19-20). pp. 62–69.
44. Romanov, F.P. et al. (eds) (1895) *Sibirskiy torгово-promyshlennyy kalendar' na 1895 god* [Siberian Trade, Industrial and Reference Directory for 1895]. Tomsk: P.I. Makushin.
45. Romanov, F.P. et al. (eds) (1896) *Sibirskiy torгово-promyshlennyy kalendar' na 1896 god* [Siberian Trade, Industrial and Reference Directory for 1896]. Tomsk: P.I. Makushin.
46. Romanov, F.P. et al. (eds) (1897) *Sibirskiy torгово-promyshlennyy kalendar' na 1897 god* [Siberian Trade, Industrial and Reference Directory for 1897]. Tomsk: P.I. Makushin.
47. Romanov, F.P. et al. (eds) (1898) *Sibirskiy torгово-promyshlennyy kalendar' na 1898 god* [Siberian Trade, Industrial and Reference Directory for 1898]. Tomsk: P.I. Makushin.
48. Romanov, F.P. et al. (eds) (1899) *Sibirskiy torгово-promyshlennyy kalendar' na 1899 god* [Siberian Trade, Industrial and Reference Directory for 1899]. Tomsk: P.I. Makushin.
49. Romanov, F.P. et al. (eds) (1900) *Sibirskiy torгово-promyshlennyy kalendar' na 1900 god* [Siberian Trade, Industrial and Reference Directory for 1900]. Tomsk: P.I. Makushin.
50. Dolgorukov, V.A. (ed.) (1895) *Putevoditel' po vsey Sibiri i Sredne-Aziatskim vladeniya Rossii s podrobnym dorozhnikom* [Guide to all of Siberia and the Central Asian possessions of Russia with a detailed road map]. Tomsk: P.I. Makushin.
51. Dolgorukov, V.A. (ed.) (1897) *Putevoditel' po vsey Sibiri i Sredne-Aziatskim vladeniya Rossii. God vtoroy* [Guide to all Siberia and the Central Asian possessions of Russia. Year 2]. Tomsk: G.V. Preysman i N.Ya. Belyaev.
52. Altai State University. (n.d.) *Dom Tobol'skoy lechebnitsy* [The building of the Tobolsk Hospital]. In: *Naselenie gorodov Sibiri na rubezhe XIX–XX vv.* [The urban population of Siberia at the turn of the 20th centuries]. [Online] Available from: <https://person1897.histcensus.asu.ru/locality/76/#households/20522/537> (Accessed: 7th April 2023).

Сведения об авторах:

Брюханова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: elena@hist.asu.ru

Рыгалова Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия); научный сотрудник отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bryukhanova Elena A. – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Russian History, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: elena@hist.asu.ru

Rygalova Maria V. – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Philosophy and Sociology, Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia); Research Assistant, Department of Research and Development Support, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 11.04.2023; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья

УДК 94+32

doi: 10.17223/19988613/90/13

Геополитическая история как пограничная дисциплина истории и геополитики

Борис Акимович Исаев¹, Ирина Федоровна Игнатьева²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, isaevboris@yandex.ru

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, iifed@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу научной дисциплины геополитической истории (геоистории), которая понимается как изучение в историческом аспекте взаимодействия государств с окружающей природной средой и между собой. Главная цель геополитической истории – выяснение изменений структуры географического пространства в соответствии с геополитической мощью государств. Геополитическая история рассматривается, с одной стороны, как составная часть науки истории, с другой – как компонент геополитики.

Ключевые слова: геополитическая история, геополитический процесс, геополитические эпохи и картины мира, геополитические периоды и циклы

Для цитирования: Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Геополитическая история как пограничная дисциплина истории и геополитики // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 119–129. doi: 10.17223/19988613/90/13

Original article

Geopolitical history as a frontier discipline of history and geopolitics

Pavel A. Dombrovskiy

¹ Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation, isaevboris@yandex.ru

² The Herzen State Pedagogical University Saint Petersburg, Russian Federation, iifed@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to analyze the scientific discipline of geohistory, which is considered as a historical and geopolitical discipline. The article reveals, first of all, the geopolitical aspect of geohistory, which is understood as the history of the interaction of states with the natural environment and among themselves. The main goal of geopolitical history is to clarify the reasons and content of the divisions and redistributions of the world between the powers, to change the structure of geographic space in accordance with the geopolitical power of states.

The first geohistorical ideas about the structure of the world were brought by the founders of geopolitics Ratzel, who created the model of the "plant" world, and Kjellen, who created the model of the "animal" world. Modern models of world structures are very diverse. Among them, it is worth mentioning the ethno-tectonic model of Sergei Pereslegin, the galactic model of Boris Isaev, six models of international relations by Morton Kaplan and others.

Geopolitical history can be presented, on the one hand, as an integral part of history, and on the other, as a component of geopolitics. Geohistory occupies an important place in the structure of geopolitics and acts as its scientific discipline.

If the content of history is a historical process, then the content of geopolitical history can be considered a geopolitical process, which has a complex structure. Structurally, it is subdivided into eras, periods, pictures of the world and cycles. Geopolitical history is usually divided into five eras: Tordesillas, Westphalian, Vienna, Versailles and Potsdam. To improve the structure of geohistory, we proposed to subdivide each epoch into geopolitical pictures of the world that would take into account the accumulating changes, but would not have all the features of a geopolitical epoch. In this interpretation, geohistory consists not only of six geopolitical eras, but also of eleven geopolitical pictures of the world, reflecting the struggle of the leading powers for geopolitical space and the redistribution of spheres of influence.

Important factors of geopolitical dynamics are geopolitical processes that make changes in the geopolitical picture of the world and lead, in the end, to a change in geopolitical eras. We refer to the geopolitical processes of the New Time: great geographical discoveries, the creation of colonial empires, the process of decolonization and the creation of new states, wars leading to the revision of state borders, revolutions and other processes that change the geopolitical picture of the world.

Like most countries, Russia is experiencing another geopolitical cycle, which in its geohistory has gone through the cycles of Independent Russia, dependent on the Horde of Russia, the Grand Duchy of Moscow, the Moscow kingdom, the Russian Empire, and the USSR. Today Russia is at the very beginning of the cycle of a sovereign, republican Russia. It passed only the period of inception and entered the period of accelerated development.

Keywords: geopolitical history, geopolitical process, geopolitical eras and world views, geopolitical periods and cycles

For citation: Isaev, B.A., Ignatyeva, I.F. (2024) Geopolitical history as a frontier discipline of history and geopolitics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 119–129. doi: 10.17223/19988613/90/13

Трактовки термина «геоистория»

Термин «геоистория» ввел в научный оборот Фернан Бродель, понимая под ним процесс влияния среды, большого географического и культурного пространства на политический, культурный процесс и судьбы людей. Для него как историка-структуралиста географическое пространство почти застыло во времени. Позднее та же самая французская школа, возникшая из сообщества географов, была связана с движением за «связную» историю. Геоисторики стали исследователями, для которых время истории и пространство географии неразрывно связаны. В частности, Кристиан Граталуп придает геоистории значение науки о связи, переплетении времени и географического пространства: «домены действия» – это «регионы-периоды» [1]. Жак Леви определяет геоисторию как «пространственное измерение историчности», увлекаясь потенциальными изменениями в картографии, стремясь представить мир как ризому в движении [2]. В данных исследованиях достаточно часто фигурируют геополитические проблемы истории. Жан-Фредерик Шауб описал два интересных примера «взаимосвязанной» истории (геополитической истории) в презентации своих двух книг, одна из которых посвящена истории европейского присутствия на Индийском субконтиненте и в Индокитае, а другая – исследованию европейцами Китая в XVI и XVII вв. [3].

В наши дни геоистория понимается достаточно широко: и как географический аспект исторической науки, и как геологическая история Земли, и как изучение истории в контексте географии или наук о Земле [4]. Итак, термин «геоистория» может относиться: к субдисциплинам географии, таким, например, как историческая география (наука об изменениях географических аспектов отдельных сообществ и сред); к субдисциплинам геологии, таким как историческая геология (дисциплина, занимающаяся геологической историей Земли); к субдисциплинам истории, таким как географическая история (наука о влиянии географических факторов на историю человечества), история геодезии (связанная в основном с общей формой Земли, ориентацией в пространстве и гравитационным полем) и др; к субдисциплинам политологии, таким как геополитика (в этом смысле геоистория вскрывает природу геополитических контекстов и то, как они меняются с течением времени) [5]. Мы своей целью ставим раскрытие геоистории как истории геополитической, как истории влияния географической среды на политику государств, как соотношения исторического и политического процессов, как смены геоисторических эпох и периодов.

Соотношение понятий истории и геоистории

По мнению В.О. Ключевского, «в научном языке слово “история” употребляется в двояком смысле: 1) как движение во времени, процесс и 2) познание процесса.

Поэтому все, что совершается во времени, имеет свою историю» [6. С. 3]. В наши дни под историей в широком смысле понимают любой процесс изменения и развития, произошедший или происходящий в природе и обществе, в узком – в отдельной стране или даже в жизни отдельного человека.

Под геополитической историей в широком смысле этого слова мы понимаем процесс развития человеческого общества, разделенного на государства, расположенные в природной среде, взаимодействующие с этой средой и между собой, образуя определенную конфигурацию, или систему, геополитических сил.

Государства при этом представляют собой не только аппарат управления, но и территории, моря, их омывающие, недра, воздушную среду, народы, обитающие на этих территориях, национальные экономики и культуры. Эти государства не только разделяют народы на нации, но и все вместе составляют единое целое, образуя глобальный рынок, общечеловеческую культуру и человечество в целом.

Несмотря на то, что геополитики рассматривали и рассматривают нашу планету как единый живой организм, главным вопросом современной геополитики продолжает оставаться проблема структуризации мира, его раздела и передела между наиболее территориально крупными и населенными, военно-экономически мощными государствами – державами. Раздел и передел мира осуществляются в соответствии с геополитической силой, или мощью, государств, которая содержит следующие основные компоненты: территория; природные богатства; население, его этнический и конфессиональный состав, образовательный и культурный уровень; поддержка или не поддержка населением существующего политического режима; уровень развития экономики; уровень развития военно-промышленного комплекса; численность и боеготовность вооруженных сил; контроль всех своих и примыкающих к ним географических сред: суши, моря, воздуха; контроль искусственных сред: интернета, теле- и радиоэфира. Геополитическая мощь государств является величиной непостоянной: у одних держав она растет и развивается, у других – абсолютно или по крайней мере относительно уменьшается и деградирует. Поэтому соотношение геополитической мощи держав все время меняется. Например, в современном мире геополитическая мощь Китая, России, Бразилии, Индии постоянно растет, а мощь США и стран Евросоюза относительно уменьшается.

Для выявления геополитической структуры мира важно знать соотношение геополитической мощи наиболее влиятельных держав. Они, опираясь на свою территорию, территорию своих союзников и прилегающую природную среду, создают сферы влияния – пространства распространения своей экономической, политической, военной мощи и культурного воздействия. В современном мире сферы влияния покрывают, а иногда и перекрывают все пространство земного шара и весь

его объем. В тех местах, где сферы влияния пересекаются, образуются зоны геополитических конфликтов. Совокупность сфер влияния держав и составляет геополитическую структуру мира. Но раздел мира по сферам влияния не является единственно возможной структурой мира.

Несколько иная геополитическая структура мира может быть образована разделом его по государственным границам или по границам союзов государств. Ввиду изменяющегося соотношения между геополитической мощью государств структура мира постоянно меняется как качественно за счет изменения государственных границ и сфер влияния, так и количественно за счет выхода одних и вхождения других государств в число держав.

Существует несколько моделей геополитического изменения структуры мира. Основатель геополитики Фридрих Ратцель создал *модель «растительного мира»*, согласно которой государства в процессе изменения их геополитической мощи ведут себя, как колонии низших растений, например мхов или водорослей, т.е., расширяясь, отнимают жизненное пространство у соседей. Поэтому у каждого государства есть одна альтернатива: либо занимать, отнимать пространство соседей, либо самому быть уничтоженному соседними державами [7. С. 55].

Другой геополитик-классик Рудольф Челлен не только видел достоинства, но и понимал недостатки «растительной» модели, в которой все компоненты геополитической системы государства – земля, вода, воздух, люди, экономика, социальные отношения – получаются статичными, лишены движения и перемещения в пространстве. Поэтому он создал *«животную» модель* государства, в соответствии с которой великие державы выступают как хищники, контролирующие свою территорию, а в реальности – создавшие свою колониальную империю. Такая модель государства соответствовала колониальной структуре мира начала XX в., которая представляла собой пространство соперничества «крупных хищников» – великих колониальных держав: Великобритании, России, Франции, Германии, США, и малых хищников: Испании, Португалии, Голландии, Бельгии, которые всеми силами стараются удержать свои колонии. Травоядными животными в этой модели выступают народы колоний (стран Азии, Африки, Южной Америки) и полуколоний (Китая, Турции, Ирана), чья территория подлежала разделу [8].

Третий геополитик-классик Хелфорд Маккиндер представлял развитие человечества как поворот, вращение различных зон Земли вокруг «геополитической оси истории». В своей модели он разделил все геополитическое пространство на три региона: «хартленд», или «поворотную арену» (ее границы практически совпадают с границами России), через которую проходит «ось истории», «внутренний полумесяц», включающий государства Восточной, Западной Европы (кроме Великобритании), Скандинавии, Ближнего и Среднего Востока, полуострова Индостан, Юго-Восточной Азии, Японию, и «внешний полумесяц», образуемый всеми остальными странами и территориями (Северная и

Южная Америка, Африка, Австралия и Океания), ведущими среди которых выступают Великобритания и США. Геополитическое время, по Маккиндеру, течет неравномерно, оно как бы зависит от угловой скорости вращения региона. В хартленде эта скорость минимальна, во внутреннем полумесяце средняя, во внешнем – максимальна. Так Маккиндер объяснял неравномерность исторического развития различных государств: отставание России, «средний» прогресс стран внутреннего полумесяца и лидерство англо-саксонских держав. Оставим на совести Маккиндера довольно противоречивое деление государств по отношению к «оси истории», но отметим его новое видение мира в этой модели и новое представление о самой геополитической истории как *вращении вокруг геополитической оси* трех регионов Земли с разными угловыми скоростями [9; 10. С. 44–45].

Современный российский геополитик Сергей Переслегин, опираясь на теорию дрейфа материков Альфреда Вегенера, предложил *этнотектоническую модель* геополитической структуры мира, в соответствии с которой этнокультурные плиты (крупные государства) подобно тектоническим плитам земной коры перемещаются, сталкиваясь или наползая друг на друга, увеличивая свое и уменьшая чужое этнокультурное пространство, генерируя геополитические конфликты и изменяя структуру мира [11. С. 695–697].

Во второй половине XX в. геополитики выдвинули идею полюсных моделей мира. Наиболее проработанные полюсные модели мира предложил в 1960-е гг. американский геополитик Мортон Каплан, который полагал, что в геополитической истории имели или могут иметь место шесть моделей систем международных отношений: многополярная система баланса сил, гибкая биполярная система, жесткая биполярная система, многополярная универсальная система, безопасность которой обеспечивает универсальная международная организация (например, ООН), однополярная иерархическая система, представляющая собой пирамиду государств, на вершине которой находится доминирующая держава, многополярная система единичного вето, некоторые государства которой имеют право отвергнуть любые решения, не отвечающие их национальным интересам. Черты такой системы просматриваются в современном мире, в котором постоянные члены Совета Безопасности ООН могут налагать вето на любые предложения ведущих держав [12].

Если применить эти модели к международным реалиям, то следует сделать вывод о том, что современная структура мира имеет черты, характерные для 4-й, 5-й и 6-й моделей Каплана.

Современные геополитики редко используют все многообразие вариаций структуры мира, вытекающее из моделей Каплана, а чаще применяют упрощенный вариант, заключающийся в трех возможностях структурирования глобальной политической системы на одно-, двух- и многополярный мир. С этой точки зрения современный мир представляется переходом от однополярной структуры к многополярной. Существуют и другие модели изменения геополитической структуры мира, так же как и эти, служащие теоретической осно-

вой фиксации геополитических изменений и исследования геополитической истории.

Мы, например, предложили *галактическую модель* геополитического мироустройства. Она исходит из аналогии структуры и процессов земного мира международной политики и космического мира Вселенной. Каждая цивилизация не только развивается по галактическим законам Большого взрыва, но и имеет собственные параметры изменений, т.е. каждая цивилизация создает свою собственную культуру. При благоприятных внешних и внутренних условиях одни цивилизации опережают в культурном соревновании другие цивилизации и оказывают на них мирными и военными средствами свое культурное влияние. Величина этого влияния зависит от внутреннего напряжения и превышения концентрации культурных достижений данной цивилизации над соседними цивилизациями или странами [13, 14].

Все эти геополитические модели представляют собой упрощенные конструкции глобальной структуры и помогают геополитикам лучше видеть и анализировать реальную структуру мира, а геоисторикам – исследовать исторические изменения этой структуры. Итак, под геополитической историей в узком смысле мы понимаем исторический процесс в аспекте изменения политической структуры мира, его разделов и перделов, переноса государственных границ, изменения сфер влияния государств и цивилизаций, разрешения геополитических конфликтов между наиболее развитыми государствами и цивилизациями.

Место геоистории в структуре современной геополитики

Современная геополитика отличается от классической тем, что, во-первых, прошел процесс деколонизации, и количество государств существенно увеличилось, во-вторых, все геопространства оказались заселенными и даже перенаселенными, в-третьих, во всех геосферах усиливается борьба за повышение геополитических статусов государств, за влияние, лидерство и доминирование, за изменение структуры сферы и мира в целом.

Геополитическая история может быть представлена как составная часть, компонент геополитики. Геоистория занимает важное место в структуре геополитики. Если про историю говорят, что это опрокинутая политика, то геоистория – это опрокинутая геополитика. Геоистория позволяет видеть геополитику на большую историческую глубину, заглядывать в прошлое, находить в нем факты и события, составляющие процессы, приводящие в настоящее. Такой ретроспективный взгляд помогает не только лучше понять прошлые геополитические события и связать их с настоящими, но и четче увидеть и точнее анализировать настоящие явления и процессы. Кроме того, геоистория, излагая прошлые и настоящие геополитические явления и процессы, позволяет определять тенденции развития, заглядывать за «горизонт событий», лучше видеть и прогнозировать будущее.

Одно из самых важных мест в современной геополитике занимает полемика вокруг проблемы определения

полярной структуры современного мира. Какова она: однополярная с единственным мировым лидером США, биполярная, центральным процессом которой стала борьба двух экономических гигантов – США и КНР, триполярная, определяемая геостратегическим конфликтом между США, КНР и РФ, или многополярная, образуемая многосторонней геоэкономической борьбой за совершенствование технологий и рынки сбыта, за потоки товаров, финансов, рабочей силы, туристов и прочее между США, КНР, Японией, ФРГ, Россией, Великобританией, Францией, Италией, к которым стремятся присоединиться Индия, Бразилия, Индонезия и некоторые другие государства.

Содержание геополитической истории

Если содержанием истории выступает исторический процесс во всем своем многообразии, то содержанием геополитической истории можно считать геополитический процесс, который также имеет сложное строение. В структурном отношении он подразделяется, как и вся история человечества, на эпохи, периоды и т.д.

Уже упоминавшийся геополитик-классик Х. Маккиндер делил историю человечества на три эпохи:

1) доколумбова эпоха – в это время цивилизованные народы периферии мирового острова, т.е. земного массива, включающего в себя Азию, Европу и Африку (греки, римляне, китайцы), живут под постоянной угрозой завоевания со стороны отстающих в культурном развитии народов «срединной земли» – Центральной Азии (гуннов, алан, парфян, мадьяр, болгар, монголов);

2) колумбова эпоха, в течение которой достигшие достаточного уровня развития народы береговых «периферийных зон» (испанцы, португальцы, англичане, французы), используя выгодное географическое положение, отправляются на завоевание и освоение мира;

3) постколумбова эпоха, которая наступает после 1900 г., когда пустующих, не завоеванных территорий больше не осталось, и дальнейшее движение цивилизованных народов приводит к столкновению их интересов и образованию «закрытой политической системы» [9].

Мы не сомневаемся, что содержанием геополитической истории являются движение народов, развитие государств, изменение соотношения сил между ними и перестройка геополитической карты мира. Отсюда движущими силами геоистории выступают: природные, географические факторы – географическое положение государств, климат, полезные ископаемые, наличие рек как путей сообщения и выхода к морю и т.д.; социальные факторы – уровень экономического, культурного, военно-технического развития, позволяющий или не позволяющий государствам совершать геополитическое движение и осваивать геополитическое пространство и сферы влияния; человеческие, личностные факторы – влияние отдельных геополитически мыслящих личностей на принятие важных геополитических, стратегических для государства решений.

Геополитическую историю обычно делят на геополитические эпохи. Когда и как начинаются и заканчи-

ваются геополитические эпохи? Под началом геополитической эпохи мы понимаем установленный в результате войны или мирным путем, зафиксированный международным договором раздел или передел мира глобальными державами. О началах геополитических эпох говорит табл. 1.

Конец геополитической эпохи теряется в распаде структуры мира, провозглашенной в начале эпохи. Конец эпохи отличается от начала тем, что в результа-

те неравномерности геоэкономического и геополитического развития меняется соотношение сил между державами, или акторами на мировой арене. Это ведет к тому, что не соблюдается договор о разделе мира, произвольно меняются границы государств, и структура мира изменяется настолько, что требуется новый передел мира, который будет закреплён в новом глобальном договоре, символизирующем начало новой геополитической эпохи (см. табл. 1).

Таблица 1

Геополитические эпохи как разделы и переделы мира державами

Геополитические эпохи	Год и событие начала эпохи. Какие державы делили мир	По каким границам осуществлен раздел (передел) мира	Год и событие окончания эпохи
Тордесильяская	1494 – подписание Тордесильясского договора. Испания и Португалия	В современных координатах это меридиан 49°33' з.д. Моря и земли к востоку от этой линии отходили к Португалии, к западу – к Испании	1618 – начало Тридцатилетней войны. Эпоха длилась 124 года
	1529 – подписание Сарагосского договора. Испания и Португалия	В современных координатах – около 145° в.д. Моря и земли к востоку от этой линии отходили к Испании, к западу – к Португалии (в первую очередь Молуккские острова)	
Вестфальская	1648 – окончание Тридцатилетней войны и подписание Вестфальского мирного договора. Священная Римская империя и отдельные германские княжества, Испания, Франция, Швеция, Нидерланды	Признание независимости Швейцарии и Нидерландов. Изменение границ практически всех участников Тридцатилетней войны. Мир разделен по границам национальных государств	1799 – наполеоновские войны. Эпоха длилась 151 год
Венская	1815 – окончание наполеоновских войн и подписание Венского договора. Англия, Австрия, Пруссия, Россия	Франция возвращена к границам 1792 г. Англия получила несколько колоний. Австрия – Ломбардию и Венецию. Пруссия – Рейнскую область, Вестфалию, часть Саксонии. Россия – часть герцогства Варшавского	1914 – Первая мировая война. Эпоха длилась 99 лет
Версальская	1919 – окончание Первой мировой войны и подписание Версальского договора. Великобритания, Франция, Италия, Япония	Германия потеряла восьмую часть своих территорий в Европе и все колонии. Великобритания получила часть германских колоний в Африке и острова в Тихом океане. Франция – Эльзас и Лотарингию, часть германских колоний в Африке. Япония – часть германских островов в Тихом океане, провинцию Шаньдун в Китае. Италия – Южный Тироль и порт Триест. Дания и Бельгия получили часть территорий Германии. Воссоздана Польша. Созданы новые государства: Чехословакия, Финляндия, Эстония, Литва, Латвия	1939 – Вторая мировая война. Эпоха длилась 20 лет
Потсдамская	1945 – окончание Второй мировой войны и подписание Потсдамского договора. СССР, США, Великобритания	Западная граница Германии смещена до линии «Одер–Нейсе», что сократило территорию страны на 1/4. Сформированы послевоенные границы. СССР получил часть Восточной Пруссии	Эпоха длится уже 75 лет
	1951 – Сан-Францисский мирный договор с Японией. СССР, США, Великобритания, Франция	Определены послевоенные границы в Азии. СССР получил Южный Сахалин и южные Курилы	

Подобно тому, как исторические эпохи подразделяются на исторические периоды, геополитические эпохи можно разделить на геополитические картины мира.

Под *геополитической картиной мира* мы предложили понимать происшедшее в результате действия геополитических процессов новое соотношение сил между державами, представляющее собой новую структуру мира, но, в отличие от структуры мира начала геополитической эпохи, не зафиксированную всеобъемлющим договором между державами [15. С. 78–79].

Геополитическая картина мира охватывает менее продолжительный период времени, чем геополитиче-

ская эпоха. Динамика геоистории основана на постоянно текущих геополитических процессах, которые, накапливая в себе геополитические изменения, в определенные моменты кардинально меняют международную политическую систему, открывая новую геополитическую картину. Две-три геополитические картины мира составляют геополитическую эпоху. Главной отличительной чертой одной геополитической эпохи от другой служат всеобъемлющий международный конфликт и договор о переделе мира.

Геополитические эпохи и картины мира, очевидно, имели место на протяжении всей истории с тех пор,

как возникли геополитические субъекты этой истории – государства. В Новое время первая международная геополитическая система возникла в результате конфликта между великими колониальными державами Португалией и Испанией в 1494 г. Завершением этого конфликта, имевшего всемирное значение, стал Тордесильяский договор о разделе южноамериканских колоний и прилегающих к ним морей на португальскую и испанскую колониальные империи, положивший начало *Тордесильяской геополитической эпохе*, за которую сменились две геополитические картины мира: первая отражала противостояние и раздел мира между Португалией и Испанией; вторая – противостояние между Испанией и Голландией, когда последняя оттеснила прежнюю владычицу Португалию от кон-

троля над юго-восточным морским путем вокруг Африки в Индию, Китай и на острова пряностей.

Вторая, или Вестфальская, геополитическая эпоха ограничена от первой Тридцатилетней войной, в которую так или иначе было втянуто большинство государств Европы. Она началась с передела мира, объявленного Вестфальским договором 1648 г., а завершилась всеобъемлющими наполеоновскими войнами. Вестфальская эпоха включала третью и четвертую картины мира (табл. 2).

Третья, или Венская, геополитическая эпоха отмечена новым переделом мира, зафиксированным Венским договором 1815 г. Венскую геополитическую эпоху составили пятая, шестая и седьмая картины мира (см. табл. 2).

Таблица 2

Геополитические эпохи и геополитические картины мира

Геополитические эпохи	Год начала	Геополитические картины мира	Год начала
Тордесильяская	1494	1. Биполярный мир: противостояние и раздел мира между двумя мировыми державами – Португалией и Испанией	1494
		2. Биполярный мир: сокрушение и захват Испанией Португалии (1580). Борьба между Испанией и Голландией. Вхождение в число мировых держав Голландии	1580
Вестфальская	1648	3. Многополярный мир: борьба Голландии и Англии. Вхождение в число великих держав Англии (плюс Испания и Голландия)	1648
		4. Многополярный мир: торговая борьба Англии и Франции. Вхождение в число великих держав Франции	Конец XVII в.
Венская	1815	5. Биполярный мир: соперничество Великобритании (доминировала на море) и России (доминировала в Евразии)	1815
		6. Многополярный мир? или «Европейский концерт», образовавшийся после Крымской войны (1856): Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия, Россия	1856
		7. Биполярный мир: Антанта (Великобритания, Франция, Россия) против Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия)	Середина 1900-х гг.
Версальская	1919	8. Многополярный мир: доминируют страны-победительницы: Великобритания, США, Франция, Япония. Германия и Россия исключены из числа великих держав, а Австро-Венгерская и Османская империя распались	1919
		9. Биполярный мир: противостояние держав Антанта (Германия, Италия, Япония) и государств Атлантического договора (Великобритания и США), поддержанного Францией и СССР	Середина 1930-х гг.
Потсдамская	1945	10. Биполярный мир: противостояние США и СССР, НАТО и Варшавского договора	1945
		11. Многополярный мир	1991

В Новейшее время четвертая, или Версальская, геополитическая эпоха начинается с Версальского мирного договора 1919 г. Она состоит из восьмой и девятой картин мира (см. табл. 2).

Пятая, или Потсдамская, геополитическая эпоха также состояла из двух геополитических картин мира: десятой и одиннадцатой (см. табл. 2).

Итак, в своем геополитическом развитии, реперными точками которого являются войны и мирные договоры о разделе и переделе, мир в Новое и Новейшее время пережил пять геополитических эпох, состоящих в общей сложности из одиннадцати геополитических картин мира (см. табл. 2), и с точки зрения геоистории находится в пятой геополитической эпохе, одиннадцатой геополитической картине [15. С. 95–96].

Геополитические процессы как важные факторы геоистории

Важными факторами геополитической динамики выступали и выступают геополитические события

(например, подписание мирных договоров о переделе мира) и геополитические процессы, вносящие и вносящие изменения в геополитические картины мира и приводящие в конце концов к смене геополитических эпох. К геополитическим процессам Нового и Новейшего времени мы относим великие географические открытия, создание колониальных империй, процесс деколонизации и создания новых государств, войны, ведущие к пересмотру государственных границ, революции, другие процессы, изменяющие геополитическую картину мира [16]. В табл. 3 отмечены наиболее важные геополитические процессы, субпроцессы и события Нового и Новейшего времени, оказавшие наибольшее воздействие на геополитические изменения, смену картин мира и геополитических эпох.

Геополитические процессы, субпроцессы и события представляют собой динамику геоистории [16]. Геополитические изменения, вызываемые ими, ведут к перекройке мира, переносу государственных границ и переделу сфер влияния между великими державами.

Кроме отмеченных нами выше линейных процессов геополитической динамики мы предлагаем ввести

понятия периодичности и цикличности геополитических процессов. Такую цикличность испытывают многие государства, геополитические циклы которых можно разделить на два полуцикла: геополитического разви-

тия, подъема и геополитической деградации, спада. Кроме того, каждый геополитический цикл может быть дифференцирован на периоды: зарождения, ускоренного развития, расцвета, застоя, упадка и гибели.

Таблица 3

Наиболее важные геополитические процессы, субпроцессы и события Нового и Новейшего времени

Геополитические процессы, субпроцессы, события	Геополитические изменения
Великие географические открытия: – открытие Америки (Колумб, 1492); – открытие юго-восточного прохода в Индию и Китай (Васко да Гама, 1498); – открытие юго-западного прохода в Индию и Китай (Магеллан, 1521); – открытие островов пряностей (Магеллан, 1521); – открытие Австралии (А. Тасман, 1642); – открытие Антарктиды (Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев, 1820) [15. С. 80–84; 17. С. 84–102]	– расширены границы познанного и обитаемого мира; – исследованы морские побережья, территории, прилегающие к морям и рекам; – быстрыми темпами развивалось кораблестроение и мореплавание; – начато строительство портов, фортов, торговых факторий, городов и поселений; – в Европу начали поступать золото, серебро, пряности и другие товары
Создание колониальных империй: – создание Испанской империи; – создание Португальской империи; – создание Нидерландской империи; – создание Британской империи; – создание Французской империи; – создание Российской империи; – создание Германской империи; – создание Османской империи [16; 17. С. 696–709]	– освоены залежные земли в Африке, Азии, Латинской Америке, Австралии, на островах Атлантического, Тихого, Индийского океанов; – построены сельскохозяйственные предприятия, производящие фрукты, овощи, зерно, шерсть и другие товары; – начал формироваться международный рынок сырья и колониальных товаров; – проведены границы между колониальными владениями; – мир разделен между колониальными державами
Процесс деколонизации и создания новых государств может быть разделен на следующие этапы: 1-й этап: образование США (1783) и республик Южной Америки – Аргентины (1816), Чили (1818), Мексики и Перу (1821), Колумбии (1822), Бразильской империи (1822) и др.; 2-й этап: образование независимых государств в Азии и северной Африке – Египет (1930), Ирак (1936), Сирия и Ливан (начало 1940-х гг.), Индия и Пакистан (1947), Алжир, Тунис, Марокко (начало 1950-х гг.); 3-й этап: образование независимых государств в экваториальной Африке – Гана (1957), Нигерия (1960), Конго (1960), Руанда и Бурунди (1962), Танзания и Уганда (1962), Кения, Малави, Замбия (1964); 4-й этап: признание независимости своих колоний Испанией и Португалией (1973–1990); 5-й этап: признание независимости малых островных государств (конец XX в.) [13; 15. С. 77–79; 18. С. 323–488; 19. С. 5–9; 20. С. 245–260; 21. С. 83–100; 22. С. 194–226; 23; 24. С. 112–123]	– народы, подвергшиеся колониальной эксплуатации, приобщились к более производительному труду; – началось формирование современных наций из колониальных этносов; – в колониях были построены основы государственности; – народы, поднявшиеся на антиколониальную борьбу, получили опыт борьбы за независимость; – сильно изменилась качественная и количественная структура мира: вместо нескольких колониальных держав в мировую политическую систему вошло несколько десятков молодых независимых стран; – если с XVI по XIX в. в мире насчитывалось всего полтора десятка независимых государств, то в XXI в. только государств-членов ООН стало около двух сотен (193 страны)
Войны как геополитические процессы, среди которых мы выделяем: – большие войны, ведущие к кардинальному переделу мира: Тридцатилетняя война, наполеоновские походы, Первая и Вторая мировые войны; – колониальные войны по созданию и расширению владений колониальных держав; – войны за независимость колоний [15. С. 93–94; 16; 25. С. 174–184]	– большие войны и связанные с ними переделы мира служат раздельными маркерами между геополитическими эпохами; – колониальные войны с туземцами и между метрополиями за расширение своих владений служили переделу колониальной структуры мира; – войны за независимость колоний изменяли качественную структуру мира и привели к полному исключению из нее колоний
Революции и революционные войны. Мы разделяем великие революции, оказывающие влияние на весь мир, и национальные революции, происходящие в рамках одного государства. К великим революциям относятся: – Нидерландская революция и война за независимость от Испании; – Английская революция и войны с Шотландией и Ирландией; – Американская революция и война за независимость от Англии; – Французская революция и войны в защиту революции с Австрией; – Российская революция и Гражданская война, войны с отделившейся Финляндией и Польшей; – Китайская революция и война с Японией. Национальные революции: Мексиканская, Турецкая, Иранская и др. [17. С. 278–296; 26. 17–33, 115–168, 206–221, 330–378; 27. С. 43–69, 516–531; 28. С. 313–391]	– революции и революционные войны вели к изменению общественного сознания революционных наций в том смысле, что надо строить новый, более справедливый мир, мир без аннексий и контрибуций, мир без эксплуатации и войн, мир без колоний и колониальных империй; – революционные идеи и декларации из революционной страны распространялись на соседние страны, охватывали целые континенты и вели к качественной перестройке мира. Особую роль в этом отношении играли великие революции; – национальные революции вели к изменению национального сознания и социальных отношений, перестройке политических институтов в масштабе одной страны, так или иначе влияя на соседние страны

Окончание табл. 3

Геополитические процессы, субпроцессы, события	Геополитические изменения
Другие процессы, изменяющие картины мира: – развитие промышленности, особенно индустриальные революции; – развитие науки и технологий, особенно информационные революции; – развитие международной торговли, становление всемирного рынка; – развитие военного дела; – развитие кораблестроения и мореплавания; – развитие сухопутного и воздушного транспорта; – освоение космоса, подводного, подземного (недр) мира и др.; – освоение виртуальных пространств Интернета [28. С. 633–644; 29; 30]	Все перечисленные слева и подобные им процессы меняли соотношение сил между державами и объективно служили изменению структуры мира. Постоянные изменения структуры мира, накапливаясь, способствовали переходу его из одной картины мира в другую, из одной геополитической эпохи в другую

В своей геоистории российское государство прошло следующие циклы:

1) цикл независимой Руси, состоящий из двух полуциклов: централизации, начавшийся с образования государства восточных славян со столицей в Киеве и продолжавшийся до окончания правления Ярослава Мудрого (882–1054), и децентрализации, завершившийся завоеванием Руси татаро-монголами (1054–1240);

2) цикл ордынской Руси, состоящий из полуцикла жесткой связи Орды и Руси (1240–1328) и полуцикла номинальной зависимости (1328–1480), выражавшейся только в уплате дани;

3) цикл Великого княжества Московского, который составляют полуциклы обретения и укрепления суверенитета (1480–1533) и внешней экспансии (1533–1582);

4) цикл Московского царства. Здесь точнее будет выделить не полуциклы, а направления геополитического развития: направление восточной экспансии и завоевания Сибири и направление западной геостратегии и воссоединения с Украиной;

5) цикл императорской России. Можно долго спорить по поводу выделения периодов зарождения (очевидно, царствование Петра I (1682–1725)), ускоренного развития (царствования Екатерины II (1762–1796), Александра I (1801–1825), Николая I (1825–1855)), расцвета (может быть, царствование Александра II (1855–1881)), застоя (царствование Александра III (1881–1894)). Ясно одно: период упадка и гибели императорской России пришелся на царствование Николая II (1894–1917);

6) цикл Советского Союза. Здесь наиболее ярко проявились выделенные нами периоды зарождения (режим правления В.И. Ленина (1917–1921)), ускоренного развития (режим И.В. Сталина (1924–1953)), расцвета (режим Н.С. Хрущева (1953–1964)), застоя (режим Л.И. Брежнева (1964–1982)), упадка и гибели (режим М.С. Горбачева (1985–1991));

7) цикл демократической России (с 1991 г.), период зарождения которого начался с президентства Б.Н. Ельцина (1991–1999). Период ускоренного развития пришелся на президентство В.В. Путина (1999 – по настоящее время, с перерывом в 2008–2012 гг. на президентство Д.А. Медведева), для которого характерно повышение всех геополитических характеристик Российской Федерации [14].

Подчеркнем, что речь идет именно о российском государстве, а не о российском обществе и судьбе русского этноса. Сегодня российское государство находит-

ся в самом начале цикла, как гласит наша Конституция, суверенного, демократического развития с республиканской формой правления. Этот цикл характеризуется не только революционными изменениями в политической системе и государственном устройстве, не только существенными изменениями массового сознания россиян, но и ускоренным развитием всех геополитических характеристик российского государства. Современное российское государство, родившееся в 1991 г., прошло период зарождения и находится в периоде ускоренного развития.

Мы не сомневаемся, что найдется немало критиков, не признающих наличия ускоренного развития России, предполагающего быстрый подъем экономики и культуры, ускоренный геополитический рост нашей страны. Собственно говоря, геополитическое развитие государства российского уже началось. Стоит только сравнить цифры роста промышленности, сельского хозяйства, транспорта, военно-промышленного комплекса, других отраслей [18. С. 52–60], вспомнить о приращении российской территории воссоединением с Крымом, увеличении населения за счет миграции, присутствии российских вооруженных сил в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, Сирии и других странах, об общем усилении влияния России в мире. Все это геополитически укрепляет и развивает нашу страну, готовит ее к успешному завершению периода ускоренного развития и переходу к периоду расцвета в геополитическом цикле современной России.

Выводы

В заключение обозначим основные выводы:

– геоистория изучает геополитические события и процессы, ведущие к изменению соотношения сил между мировыми державами и перестройке структуры мира;

– геоисторию можно рассматривать как структурный элемент геополитики, позволяющий видеть изменения геополитической структуры мира на большую историческую глубину, фиксировать современное состояние мировой политической системы и предсказывать тенденции дальнейших изменений;

– движущими силами геоистории выступают геополитические события и процессы, изменяющие структуру мировой политической системы;

– содержанием геоистории следует считать изменение соотношения сил между державами – основными акторами геополитического и исторического процесса;

– содержание геоистории описывается геополитическими процессами, геополитическими картинами мира и геополитическими эпохами;

– под геополитической эпохой обычно понимают достаточно длительный период развития системы государств (десятилетия и столетия), который, как правило, начинается всеобъемлющим мирным договором о разделе или переделе мира и завершается всеобщей войной, в которую оказываются втянутыми практически все великие державы;

– под геополитической картиной мира мы предлагаем понимать менее продолжительный период, который, тем не менее, вносит существенные изменения в структуру мира, например меняет многополярную картину мира на биполярную. Геополитическую картину мира отличает от геополитической эпохи масштаб изменений;

– важным отличием геополитической картины мира от геополитической эпохи выступает официальный, утвержденный главами государств и международным соглашением раздел мира в начале геополитической эпохи и неофициальный, основывающийся только на изменении соотношения сил, пересмотр границ и сфер влияния в начале геополитической картины мира;

– геополитическая эпоха включает две-три геополитические картины мира. Всего в геополитической

истории Нового и Новейшего времени было пять геополитических эпох и 11 геополитических картин мира;

– пятая, или Потсдамская, геополитическая эпоха, начавшаяся после Второй мировой войны, включила две картины мира: биполярную, отразившую противостояние СССР и США, Варшавского договора и НАТО; однополярную во главе с США, сформировавшуюся после распада СССР и роспуска Варшавского договора. В настоящее время формируется третья картина мира Потсдамской геополитической эпохи: картина многополярного мира, основными акторами которого выступают США, КНР, Россия;

– предложенные нами измерения геоистории (геополитические события, процессы, картины мира и эпохи) сегодня удовлетворительно, по нашему мнению, объясняют изменение геополитической структуры мира. Очевидно, если потребуются для более точных исследований или для взгляда на большую историческую глубину, могут быть предложены и другие единицы измерения геоистории;

– предложенные нами периоды одного цикла геоистории государства (зарождения, ускоренного развития, расцвета, застоя, упадка и гибели) вполне применимы для описания геополитического процесса отдельных государств, что продемонстрировано на примере России.

Список источников

- Boquet Y. Christian Grataloup : Faut-il penser autrement l'histoire du monde? Paris : Armand Colin, 2011. 213 p. (Collection Éléments de réponse). URL: <https://journals.openedition.org/tem/1494> (accessed: 20.11.2020).
- Geohistory and connected history // Books. 2018. Vol. 2, is. 3. URL: <https://www.cairn-int.info/dossiers-2018-3-page-1.htm#> (accessed: 15.12.2020).
- Schaub J.-F. Race Is about Politics: Lessons from History. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2019. URL: <https://www.amazon.com/Race-about-Politics-Lessons-History/dp/0691171610> (accessed: 23.12.2020).
- Geohistory // Oxford English and Spanish Dictionary. Thesaurus and Spanish to English Translator. URL: <https://www.lexico.com/definition/geohistory> (accessed: 14.11.2020).
- Flint C., Xiaotong Zh. Historical–Geopolitical Contexts and the Transformation of Chinese Foreign Policy // The Chinese Journal of International Politics. 2019. Vol. 12, is. 3. P. 295–331. URL: <https://academic.oup.com/cjip/article/12/3/295/5552788> (accessed: 25.12.2020).
- Ключевский В.О. Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. М. : Мысль, 1995. Кн. 1. 576 с.
- Ратцель Ф. Политическая география // Землеведение. 1898. Кн. I-II. С. 52–108.
- Челлен Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства // Полис. 2005. № 2. С. 115–126.
- Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
- Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. 4-е изд. М. : Арктогей-центр, 2000. 928 с.
- Переслегин С. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики // Классики геополитики. XIX век. / сост. К. Королев. М. : АСТ, 2003. С. 680–700.
- Morton A. Kaplan System and process in International Politics. New-York ; London : ECPR Press, 2005. 260 p.
- Исаев Б.А. Российская цивилизация как вид европейской цивилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2, № 1. С. 270–279.
- Исаев Б.А. Геополитические эпохи развития российского государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2005. № 2. С. 140–152.
- Исаев Б.А. Геополитика и геостратегия : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020. 458 с.
- Исаев Б.А., Игнатъева И.Ф. Геоэкономика как структурный элемент геополитики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 213–223.
- Всемирная история : в 10 т. / отв. ред. М.М. Смирин. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1958. Т. 4. 824 с.
- Всемирная история / под ред. Р.Ф. Иванова. М. : Мысль, 1979. Т. 12, ч. 3: Национально-освободительное движение в 1950–1960 годах. 672 с.
- Новейшая история стран Европы и Америки. XX век : в 2 ч. / под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. М. : ВЛАДОС, 2001. Ч. 1: 1900–1945; Ч. 2: 1945–2000.
- Пономарев М.В., Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки : практ. пособие : в 3 ч. М. : ВЛАДОС, 2000. Ч. 1: Европейская цивилизация в XVI–XVII вв. Век Просвещения – период становления индустриального общества. Тексты источников. 288 с.
- Пономарев М.В., Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки : практ. пособие : в 3 ч. М. : ВЛАДОС, 2000. Ч. 2: Европейская индустриальная цивилизация в XIX в. Тексты источников. 288 с.
- Пономарев М.В., Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки : практ. пособие : в 3 ч. М. : ВЛАДОС, 2000. Ч. 3: Трансформация индустриальной цивилизации в период ГМК. Становление постиндустриального общества. Таблицы. Тексты источников. 384 с.
- Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток (Oriens). 2015. № 2. С. 5–19.
- Holland R.F. European Decolonization, 1918–1981: An Introductory Survey. London : Macmillan, 1992. 321 p.
- Всемирная история : в 10 т. / отв. ред. Н.А. Смирнова. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1958. Т. 6. 831 с.
- Исаев Б.А. Революциология: общая теория революций : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020. 384 с.
- Всемирная история : в 10 т. / отв. ред. Я.Я. Зутис. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1958. Т. 5. 783 с.

28. Всемирная история : в 10 т. / отв. ред. А.А. Губер. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1958. Т. 7. 820 с.
29. Исаев Б.А. Геополитика классическая и геополитика современная // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 69–85.
30. Исаев Б.А. В.В. Путин как геополитик и геостратег // Научная сессия ГУАП : сб. докладов. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2016. С. 52–60.

References

1. Boquet, Y. (2011) *Christian Grataloup: Faut-il penser autrement l'histoire du monde?* Paris: Armand Colin. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/tem/1494> (Accessed: 20th November 2020).
2. Cairn.info. (2018) Geohistory and connected history. *Books*. 2(3). [Online] Available from: <https://www.cairn-int.info/dossiers-2018-3-page-1.htm#> (Accessed: 15th December 2020).
3. Schaub, J.-F. (2019) *Race Is about Politics: Lessons from History*. Princeton, NJ: Princeton University Press. [Online] Available from: <https://www.amazon.com/Race-about-Politics-Lessons-History/dp/0691171610> (Accessed: 23rd December 2020).
4. Thesaurus.com. (n.d.) *Geohistory*. [Online] Available from: <https://www.lexico.com/definition/geohistory> (Accessed: 14th November 2020).
5. Flint, C. & Xiaotong, Zh. (2019) Historical–Geopolitical Contexts and the Transformation of Chinese Foreign Policy. *The Chinese Journal of International Politics*. 12(3). pp. 295–331. [Online] Available from: <https://academic.oup.com/cjip/article/12/3/295/5552788> (Accessed: 25th December 2020).
6. Klyuchevskiy, V.O. (1995) *Russkaya istoriya: polnyy kurs lektsiy: v 3 kn.* [Russian history: a full course of lectures: in 3 books]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
7. Ratzel, F. (1898) *Politicheskaya geografiya* [Political Geography]. *Zemlevedenie*. Vol. I-II. pp. 52–108.
8. Kjellen, R. (2005) О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства [On Political Science, its relationship with other branches of knowledge and the study of political space]. *Polis*. 2. pp. 115–126. DOI: 10.17976/jpps/2005.02.11
9. Mackinder, H.J. (1995) *Geograficheskaya os' istorii* [The Geographical Pivot of History]. *Polis*. 4. pp. 162–169.
10. Dugin, A.G. (2000) *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii. Myslit' prostranstvom* [Fundamentals of Geopolitics. Russia's Geopolitical Future. Thinking in Space]. 4th ed. Moscow: Arktogety-tsentr.
11. Pereslegin, S. (2003) *Samouchitel' igry na "mirovoy shakhmatnoy doske": osnovnye ponyatie geopolitiki* [Self-study Guide to Playing on the "World Chessboard": Basic Concepts of Geopolitics]. In: Korolev, K. (ed.) *Klassiki geopolitiki. XIX vek* [Classics of Geopolitics. The 19th century]. Moscow: AST. pp. 680–700.
12. Morton, A. (2005) *Kaplan System and process in International Politics*. New York; London: ECPR Press.
13. Isaev, B.A. (2006) Rossiyskaya tsivilizatsiya kak vid evropeyskoy tsivilizatsii [Russian civilization as a type of European civilization]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2(1). pp. 270–279.
14. Isaev, B.A. (2005) *Geopoliticheskie epokhi razvitiya rossiyskogo gosudarstva* [Geopolitical epochs of the Development of the Russian State]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2. pp. 140–152.
15. Isaev, B.A. (2020) *Geopolitika i geostrategiya* [Geopolitics and Geostrategy]. Moscow: Yurayt.
16. Isaev, B.A. & Ignatieva, I.F. (2018) Geo-economics as a structural element of geopolitics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 213–223. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/21
17. Smirin, M.M. (ed.) (1958) *Vsemirnaya istoriya: v 10 t.* [World History: in 10 vols]. Vol. 4. Moscow: Izd-vo sots.-ekon. lit.
18. Ivanov, R.F. (ed.) (1979) *Vsemirnaya istoriya* [World History]. Vol. 12. Moscow: Mysl'.
19. Rodrigues, A.M. & Ponomarev, M.V. (eds) (2001) *Noveyshaya istoriya stran Evropy i Ameriki. XX vek* [Modern History of the Countries of Europe and America. 20th Century]. Moscow: VLADOS.
20. Ponomarev, M.V. & Smirnova, S.Yu. (2000a) *Novaya i noveyshaya istoriya stran Evropy i Ameriki* [Modern and Contemporary History of the Countries of Europe and America]. Vol. 1. Moscow: VLADOS.
21. Ponomarev, M.V. & Smirnova, S.Yu. (2000b) *Novaya i noveyshaya istoriya stran Evropy i Ameriki* [Modern and Contemporary History of the Countries of Europe and America]. Vol. 2. Moscow: VLADOS.
22. Ponomarev, M.V. & Smirnova, S.Yu. (2000c) *Novaya i noveyshaya istoriya stran Evropy i Ameriki* [Modern and Contemporary History of the Countries of Europe and America]. Vol. 3. Moscow: VLADOS.
23. Fursov, K.A. (2015) Dekolonizatsiya afro-aziatskogo mira: predposylki, etapy, modeli [Decolonization of the Afro-Asian world: Prerequisites, stages, models]. *Vostok (Oriens)*. 2. pp. 5–19.
24. Holland, R.F. (1992) *European Decolonization, 1918–1981: An Introductory Survey*. London: Macmillan.
25. Smirnova, N.A. (ed.) (1958) *Vsemirnaya istoriya: v 10 t.* [World History]. Vol. 6. Moscow: Izd-vo sots.-ekon. lit.
26. Isaev, B.A. (2020) *Revolutsionnaya teoriya revolyutsiy* [Revolutionology: A general theory of revolutions]. Moscow: Yurayt.
27. Zutis, Ya.Ya. (ed.) (1958) *Vsemirnaya istoriya: v 10 t.* [World History: in 10 vols]. Vol. 5. Moscow: Izd-vo sots.-ekon. lit.
28. Guber, A.A. (ed.) (1958) *Vsemirnaya istoriya: v 10 t.* [World History: in 10 vols]. Vol. 7. Moscow: Izd-vo sots.-ekon. lit.
29. Isaev, B.A. (2011) *Geopolitika klassicheskaya i geopolitika sovremennaya* [Classical and modern geopolitics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2. pp. 69–85.
30. Isaev, B.A. (2016) V.V. Putin kak geopolitik i geostrateg [V.V. Putin as a geopolitician and geostrategist]. In: Antokhina, Yu.A. (ed.) *Nauchnaya sessiya GUAP* [SUAI scientific session]. St. Petersburg: St. Petersburg State. University of Aerospace Instrumentation. pp. 52–60.

Сведения об авторах:

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: isaevboris@yandex.ru

Игнатъева Ирина Федоровна – доктор философских наук, профессор кафедры туризма, сервиса и гостеприимства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ifed@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Isaev Boris A. – Doctor of Sociology, Prof., Professor of the History and Philosophy Department, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Honoured worker of higher school of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: isaevboris@yandex.ru

Ignatyeva Irina F. – Doctor of Philosophy, Prof., Professor of Tourism, Service and Hospitality Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: iifed@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 26.01.2021; accepted for publication 01.07.2024

Статья поступила в редакцию 26.01.2021; принята к публикации 01.07.2024

Научная статья
УДК 94(47)+930.2
doi: 10.17223/19988613/90/14

Подходы и методы к изучению дискриминационной кампании «лишенчества» (1918–1936) в трудах советских и российских историков и правоведов

Альбина Алексеевна Кожаева

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, a.kozhaeva18@mail.ru

Аннотация. Конституция РСФСР 1918 г. определила начало кампании по лишению избирательных прав групп населения, продолжавшейся вплоть до 1936 г. Статья посвящена анализу трудов советских и российских историков и правоведов, посвященных феномену «лишенчества». Выделены периоды в историографии указанной тематики. Выявляются подходы и методы, применяемые авторами при исследовании статуса «лишенцев», носившего характер социально-правовой дискриминации. Определена степень историографической изученности тематики в различные периоды. Сделан вывод о «стагнации» в изучении проблематики на современном этапе и определены возможные направления дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: «лишенцы», «лишенчество», историография, РСФСР, СССР

Для цитирования: Кожаева А.А. Подходы и методы к изучению дискриминационной кампании «лишенчества» (1918–1936) в трудах советских и российских историков и правоведов // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 130–138. doi: 10.17223/19988613/90/14

Original article

Approaches and methods for studying the discrimination campaign of deprivation of voting rights (1918–1936) in the researches of Soviet and Russian historians and legal scholars

Albina A. Kozhaeva

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, a.kozhaeva18@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to study research on the Soviet campaign to deprive voting rights. The author of the article sets out to determine the extent to which the issue has been studied and to identify existing research gaps. Of particular interest is the classification of approaches and methods used by Soviet and Russian historians and legal experts in analyzing the mentioned electoral discrimination. Using the problem and chronological method, several periods of research on the specified topic are distinguished: works written from practical positions during the existence of the campaign itself; works on the theme of Soviet historians and legal scholars on campaign to deprive voting rights; changes in research approaches on the specified topic during the 1990s – early 2000s; the current state of the problem. The identification of these periods is associated with the dynamics of the socio-political conditions in the country, which influenced the evaluations of the state policy in the sphere of discrimination and repression during the Soviet era.

Throughout the historiographical history of this campaign, approaches and methods of its study have changed significantly. Starting from the late 1980s, historians and legal scholars have found a place in their works to study the mechanisms and practices of its implementation. However, despite a fairly significant number of works on the topic of deprivation of voting rights, it should be noted that there are few works dedicated to the social and legal discrimination. Thus, the establishment of limitations associated with this rarely appears in the works of researchers. It is also worth noting that sources reflecting the view of persons deprived of voting rights on their discriminated position are often used by authors only to illustrate provisions formulated in other sources included in the personal file (references, cards, protocols of decisions of electoral commissions). Therefore, the campaign of deprivation of voting rights undoubtedly requires further study, but researchers need to focus on finding new methods and approaches that allow for a more detailed examination of behavioral practices and the socio-legal status of the discriminated.

Keywords: persons deprived of voting rights, deprivation of voting rights, RSFSR (Russian Soviet Federative Socialist Republic); USSR (Union of Soviet Socialist Republics)

For citation: Kozhaeva, A.A. (2024) Approaches and methods for studying the discrimination campaign of deprivation of voting rights (1918–1936) in the researches of Soviet and Russian historians and legal scholars. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 130–138. doi: 10.17223/19988613/90/14

Введение

Большевики, оказавшись у власти после октябрьских событий 1917 г., начали трансформацию всей структуры государственно-политического и общественного устройства. Для этого использовались различные механизмы: от частичной адаптации существующих институтов до полного их разрушения. Не являлась исключением и избирательная система, ставшая инструментом воздействия большевиков на социальное переустройство постреволюционного общества.

Отстранение от участия в выборах практиковалось и в Российской империи за счет реализации принципов куриальных и многоступенчатых выборов, а также наличия имущественного, гендерного и повышенного возрастного цензов. Избирательный закон 1907 г. ограничил избирательные возможности крестьян и рабочих, одновременно предоставив широкий круг возможностей в этой сфере зажиточной части населения. Лидер кадетов П.Н. Милюков в своих воспоминаниях определял следующую цель, которую преследовала власть, принимая указанный закон: «По самой идее третьей Думы, в ней не должна была предполагаться наличность оппозиции. И на выборах правительство все сделало, чтобы ее не было. Избирательные коллегии тасовались так, чтобы надежные выборщики майоризировали ненадежных. Нежелательные элементы и “нелегализированные” партии преследовались местными властями, не допускались к участию в выборах и т.д.» [1. С. 577].

Несмотря на то, что проходившие в ноябре 1917 г. выборы в Учредительное собрание осуществлялись еще в полном соответствии с принципом всеобщности согласно «Положению о выборах в Учредительное собрание» [2. Ст. 612–614], последующий разгон его большевиками означал наступление избирательных нововведений при выборах в Советы всех уровней. В подготовленной В.И. Лениным «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» утверждалось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти» [3. Ст. 215]. Заявленные ограничения стали частью реальной практики с принятием 10 июля 1918 г. на четвертом заседании V Всероссийского съезда Советов Конституции РСФСР.

Основной Закон государства конституционно оформлял существование двух социально-правовых групп: лица, имеющие права избирать и быть избранными, а также лица, лишённые таковых. В первую группу входили те, кого власть относил к трудящимся. Под это определение попадали: лица, не использующие наемный труд и добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом; солдаты Красной Армии и флота; утратившие трудоспособность [4. С. 28]. Одновременно с этим 65-я статья Конституции определила семь категорий лиц, лишённых избирательных прав: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и ре-

лигиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [4. С. 29]. Кроме того, широкая формулировка 23-й статьи Конституции предусматривала возможность лишать избирательных прав лиц, использующих их «в ущерб интересам социалистической революции» [4. С. 24]. Таким образом, центральным критерием социальной стратификации становилась трудовая обязанность. Лозунг «Не трудящийся, да не ест!» [4. С. 24] нашел свое конституционное закрепление.

Дискриминационная политика советского государства в данной области достигла наибольшей силы в конце 1920-х гг. за счет одновременного расширения числа «лишенцев» и количества сопутствующих ограничений в их повседневной жизни. Так, число «лишенцев» увеличилось с 1 040 894 человек в 1926 г. до 3 716 855 в 1929 г. [5. С. 15], а число ограничений к концу 1920-х могло достигать нескольких десятков (увольнения с работы, исключения из учебных заведений, выселения из муниципального жилья и пр.). Социально-правовая дискриминация, определенная большевиками как «временная» и «вынужденная» мера продолжалась 18 лет и завершилась принятием Конституции СССР 1936 г. В то же время указанная практика переросла с конца 1920-х гг. в предпосылку для прямых репрессий и значительно повлияла на социальные процессы в стране и в последующие после 1936 г. годы, трансформировавшись в норму поражения в правах по суду. Однако по ряду причин и к настоящему времени феномен «лишенчества» остается маловостребованной предметной областью для историко-правоведческих исследований.

Цель работы – изучение трудов, в которых исследуется данное направление дискриминационной политики раннесоветского государства. Автор статьи ставит задачу определить степень изученности проблемы и выявить существующие в ней исследовательские лакуны. Отдельный интерес представляет классификация подходов и методов, применявшихся советскими и российскими историками и правоведами при анализе указанной избирательной дискриминации. Используя проблемно-хронологический метод, мы выделяем несколько периодов исследования указанной тематики:

- работы, написанные с практических позиций в период ведения самой кампании;
- работы по тематике «лишенчества» советских историков и правоведов;
- изменение исследовательских подходов в указанной тематике в 1990-е – начале 2000-х гг.;
- современное состояние проблемы.

Выделение указанных периодов связано с динамикой происходивших в стране социально-политических условий, влиявших на оценки государственной политики в сфере дискриминаций и репрессий советской эпохи.

Объяснение целей кампании «лишенчества» в ранних работах советских правоведов и партийных деятелей

Кампания по лишению избирательных прав изначально и на протяжении последующих десятилетий рассматривалась через призму «классового подхода». Появление категорий «лишенцев» в Конституции РСФСР 1918 г. вписывалось в рамки советского государственного строительства. Первыми работы, посвященные советской избирательной системе, создавались не с научными целями, а выступали ответом специалистов-правоведов на запрос о необходимости применения данной правовой дискриминации. Так, в работе большевика М.Ф. Владимирского советская власть признавалась «классовой властью» во главе «рабоче-крестьянским правительством» [6. С. 9]. Именно этим объяснялась невозможность участия в выборах лиц, которые не признавались советской властью трудящимися. В тех же рамках С.М. Бродович, одна из первых предпринявшая попытку классификации избирательных систем, выделила в них три типа: «система открытого классового ценза»; «система ограниченного избирательного права, построенная на основе скрытого имущественного ценза»; «система формально-всеобщего избирательного права» [7. С. 26]. Советскую избирательную систему она относила к последнему типу, говоря о преимуществах всеобщего избирательного права для рабочих. В работе не отрицалось наличие ограничений в избирательной сфере для отдельных категорий граждан, но, по мнению автора, эти ограничения носили «временный или условный характер» [7. С. 36].

Для разъяснения положений Конституции были подготовлены специальные брошюры, первая из которых принадлежала Н.К. Крупской. В ней при сравнении Великой французской и Октябрьской революций добавлялось: «Современные рабочие знают, что для того, чтобы на деле могли осуществиться свобода, равенство и братство, нужно уничтожить разделение общества на классы, уничтожить эксплуатацию человека человеком <...>» [8. С. 5]. Эта цель, по ее мнению, сделала необходимыми 23-ю, 64-ю и 65-ю статьи Конституции, посвященные лишению избирательных прав отдельных категорий граждан. Н.П. Глебов-Авилов, первый нарком почт и телеграфов, в момент проведения V Всероссийского съезда Советов возглавлявший редакцию газеты «Труд», также подготовил брошюру для граждан с разъяснением положений Конституции. Отмена всеобщих выборов, по его мнению, являлась необходимой в связи с опытом Учредительного собрания, в состав которого с помощью агитации и обмана «прошли враги трудового народа, сегодняшние контрреволюционеры» [9. С. 32]. Читателей брошюры он убеждал, что ограничения в избирательной сфере представляют интересы всех трудящихся: «Рабочие и крестьяне взяли власть не для того, чтобы делить ее с буржуями и кулаками» [9. С. 11].

После принятия в 1924 г. Конституции СССР вновь потребовались работы, объясняющие основные положения государственного устройства. С этой целью была написана и издана работа юриста, профессора Петро-

градского (Ленинградского) университета С.Н. Драницына [10]. Автор стремился на примерах продемонстрировать читателям разницу между «буржуазными» и советскими конституциями, отмечая преимущество советской избирательной системы. По его мнению, широкое избирательное право в Англии нивелировалось предоставлением исключительных прав буржуазии: «Там имеется широкое избирательное право, а в нижней палате общин 3/4 мест предоставлено лордам, землевладельцам, банкирам, хотя рабочий класс составляет большинство населения, и нет совсем крестьянских масс, так как лорды согнали их с земель еще в XVIII веке» [10. С. 175].

Участвовавший в 1918 г. в разработке Конституции Г.С. Гурвич, ставший затем деканом юридического факультета Московского университета, в своей работе «История Советской Конституции», изданной в 1923 г., привел в том числе и собственные воспоминания о работе подкомиссии, занимавшейся разработкой системы избирательного права. Он отмечал трудности соотношения создаваемой системы с теоретической базой, накопленной на тот момент в юридических науках: «Членам подкомиссии было ясно, что наше избирательное право – не всеобщее, и не цензовое, и не какое-либо другое, а *советское*» [11. С. 45]. «Советское избирательное право» в рамках представлений членов подкомиссии не должно допускать участия в выборах «предпринимателей разных типов и вообще нетрудовые слои населения» [11. С. 43]. Единственный вопрос, который остро стоял тогда перед членами комиссии – есть ли необходимость лишать избирательных прав интеллигенцию (врачи, преподаватели, офицеры и пр.). В итоге было принято решение не включать указанную категорию в финальный текст избирательного раздела. Работа Г.С. Гурвича ценна как источник, позволяющий проследить предысторию возникновения категорий лиц, лишенных избирательных прав.

Таким образом, на первом этапе практического осуществления ограничений в избирательных правах главной целью работ, посвященных избирательной системе, выступало стремление новой власти обеспечить поддержку населения, объяснив ему значение кампании «лишенчества». Именно поэтому все работы, так или иначе описывающие указанную тематику, писались не профессиональными исследователями, а партийной интеллигенцией. В рамках данного подхода теоретические обоснования концепции отстранения от участия в выборах части населения в их трудах поднимались редко.

«Лишенцы» в работах советских исследователей 1950–1980-х гг.

Кампания «лишенчества» в период ее проведения, за исключением работ, обозначенных нами выше, нечасто являлась темой специальных исследований. В тексте Конституции СССР 1936 г., провозгласившей победу социализма в стране, не содержалось информации о лицах, лишенных избирательных прав. После этого тематика «лишенчества» исчезла из работ историков и правоведов и вновь появилась в публикациях советских исследователей в середине 1950-х гг. До конца

1980-х гг. наиболее распространенным подходом в изучении практик «лишенчества» стало включение их в рассмотрение кампаний по осуществлению коллективизации и «раскулачивания». В публикациях советских авторов обоснованность указанной дискриминационной политики не подвергалась сомнению [12–16]. Предпочтение отдавалось изучению отдельных сторон жизни «лишенцев», связанных с советско-марксистской историографической традицией, в рамках которой «лишенцы» вписывались в тематику «трудового перевоспитания представителей эксплуататорских классов». Однако, несмотря на указанные исследовательские ограничения, некоторым авторам удалось сделать существенный шаг вперед и представить интересные материалы по интересующей нас тематике. Так, в изданной в 1972 г. работе известного специалиста по аграрной истории Н.А. Ивницкого впервые обсуждались численность и динамика сельских «лишенцев»: «В 1929 г. их (кулаков. – А.К.) число составило 4,1% от общего количества взрослого сельского населения против 3,6% в 1927 г. В РСФСР в сельской местности избирательных прав были лишены 1 706 025 кулаков, т.е. 3,9% от общего числа избирателей» [17. С. 104]. Автор выделял далее различного рода ограничения в их жизни (невозможность быть членами земельных обществ, обязанность выплачивать повышенные налоги, подвергаться конфискации имущества и выселению и пр.), которые трактовались преимущественно с положительной стороны, но отмечались и нарушения со стороны местных органов власти в ходе осуществления кампании «раскулачивания».

Другим устоявшимся подходом в работах советских исследователей выступало описание кампании «лишенчества» в контексте государственного правового строительства. Но и здесь «лишенцы» упоминались крайне фрагментарно и с явно негативной коннотацией. Дискриминация представителей привилегированного «старого мира» описывалась авторами как естественный и необходимый элемент построения нового общества. Так, в «классической» работе по истории Советской Конституции члена-корреспондента Академии наук СССР Ю.С. Кукушкина и доктора юридических наук О.И. Чистякова авторы писали о советской демократии как о «демократии для трудящихся» [18. С. 8]. В соответствии с этим принципом они делили раннесоветское общество на «трудящихся и эксплуататоров» [18. С. 9], аргументируя необходимость дискриминации последних стремлением большевиков добиться бедняцко-середняцкого большинства в местных советах.

Подводя итог рассмотрению публикаций авторов советской эпохи по проблематике «лишенчества», следует констатировать их полное соответствие концепции классового подхода, оговаривая лишь в отдельных случаях нарушения в практике его осуществления. Иначе говоря, исследователи доказывали объективную обусловленность государственной политики в данной области, не рассматривая собственно условия жизнедеятельности двух поколений граждан страны (отцов и детей), насчитывавших нескольких миллионов человек.

Обновление методологических подходов к проблематике «лишенчества»

С начала 1990-х гг. стали появляться публикации, направленные на изучение дискриминационных практик в послереволюционном обществе. Большое влияние на этот процесс оказало открытие засекреченных архивных документов и материалов. Исследователи получили возможность работать со значительным числом источников, позволяющих реконструировать базовые послереволюционные социально-политические процессы. Кроме того, важным изменением в изучении тематики «лишенчества» стал отказ от прежнего классового подхода при характеристике государственной политики в отношении лиц, лишенных избирательных прав, а сами «лишенцы» перестали восприниматься как деперсонифицированная статистическая категория населения.

Одним из первых исследователей, обратившихся к проблеме «лишенчества» с новых позиций, стал А.И. Добкин [19]. В своей работе, опубликованной в 1992 г., он на доступных на тот момент ему источниках изучил демографический и социальный состав «лишенцев». В статье отрицалась признанная в советской историографии идея о первостепенности политических целей при реализации кампании «лишенчества»: «...в лишении избирательных прав не было и не задумывалось прямого политического смысла (т.е. у большевиков не было реальных причин опасаться поражения на выборах со стороны тех, кто находился у власти до революции)» [19. С. 602]. А.И. Добкин обозначил круг многообразных последствий «лишенчества», связанных с сопутствующими ограничениями в жизни лиц, попавших в дискриминационные списки. Кроме того, вместе со статьей публиковались ходатайства «лишенцев» и доносы на них, позволяющие оценить степень социальной конфронтации в постреволюционной России. В то же время автор статьи мог только наметить дальнейшие направления исследований в данной области.

Свою роль для последующего изучения кампании «лишенчества» в СССР сыграла публикация В.А. Маныкина [20], показавшая громадный потенциал использования личных дел «лишенцев» и наметившая возможности дальнейшей разработки темы, связанной с практикой лишения избирательных прав части советского населения.

Существенный вклад в историографию внесла М.С. Саламатова, став одним из первых региональных исследователей проблематики «лишенчества» [21, 22]. Рассмотрению лишения избирательных прав посвящена отдельная глава в монографии М.С. Саламатовой о выборах в СССР [23]. Автор выделила четыре основные процедуры, сопровождавшие лишение избирательных прав (составление списков; рассмотрение жалоб на неправильное лишение; восстановление в правах; учет граждан, лишенных избирательных прав), а также проблемы, связанные с их становлением и эволюцией в раннесоветском государстве. Кроме того, М.С. Саламатова установила прямую последовательность между ужесточением дополнительных ограниче-

ний в жизни «лишенцев» и стремительным увеличением количества подаваемых ходатайств о восстановлении в правах в избирательные органы в конце 1920-х гг.: «Эти ограничения ставили на грань выживания как городских, так и сельских лишенцев, вынудив их активизировать борьбу за восстановление в правах. Количество жалоб увеличилось на всех уровнях – от районных до Центральной избирательной комиссии. В Центризбирком в избирательную кампанию 1928/1929 г. поступило 35 542 жалобы (в 1,6 раза превышало количество жалоб в 1927 г. и в 76 раз – в 1925 г.)» [23. С. 159]. Положение сельских «лишенцев» Сибири М.С. Саламатова проанализировала в соответствующем разделе коллективной монографии, посвященной «прологу» крестьянской ссылки в Западной Сибири в 1930-х гг. [24]. Различные категории сельских «лишенцев» рассмотрены ею на основе материалов Кочковского, Мошковского и Черепановского районов Новосибирского округа. В работе затрагивались проблематика изучения эго-документов «лишенцев», порядок их написания и обращения в институты власти.

Среди региональных исследований также выделяются диссертация [25] и написанная на ее основе монография Д.В. Валуева [26], посвященные «лишенцам» Смоленской губернии и Западной области РСФСР. Автор, используя фактический материал, показал механизм лишения избирательных прав в данных территориальных рамках, уделив особое внимание проблеме взаимоотношений «лишенцев» с различными группами общества и властью. Автор одним из первых предпринял попытку на основе законодательно-нормативных источников определить сопутствующие ограничения в экономической сфере (увольнения, налоговая дискриминация и пр.).

Работы преподавателя Уральского федерального университета А.П. Килина [27, 28] внесли существенный вклад в расширение проблематики «лишенчества» благодаря не только подробному рассмотрению состава отдельных категорий «лишенцев» на основе их личных дел, но и опоре на источники из Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Он сумел реконструировать их последующие судьбы как репрессированных, а затем реабилитированных граждан. В том же направлении работали и ряд других уральских историков (Л.Н. Мазур [29], Ю.А. Рузина [30] и Л.А. Фофанова [31]), установивших прямой переход правовых дискриминаций с начала 1930-х гг. в одно из оснований для прямых репрессий.

Специалист в области исторической информатики В.И. Тихонов в 1996 г. предложил исследователям варианты работы с личными делами «лишенцев» [32]. В коллективной монографии, написанной при его участии [33], сделана результативная попытка методами информатики раскрыть потенциал массовых источников по лишению избирательных прав жителей Москвы. Авторы создали историческую реконструкцию социального портрета московских «лишенцев», а также рассмотрели стратегии подходов избирательных комиссий при рассмотрении ходатайств «лишенцев». Главным достоинством работы стали разработка и применение источник-ориентированного подхода при

построении баз данных, а также обозначение метода создания электронного вида источников по данной тематике.

В контекст исследования кампании «лишенчества» вписывается и работа Т.М. Смирновой [34], которая посвящена рассмотрению судеб «бывших людей», оставшихся в России после Октября 1917 г. К сожалению, автор ни разу не дала четкого определения указанного термина, включая в него в разных главах интеллигенцию, лиц, живущих на нетрудовые доходы, «нэпманов», бывших помещиков, бывших служащих, «чуждых» и пр. В одном случае автор указывала, что социальное пространство «лишенцев» пересекается, но не совпадает с пространством «бывших» [34. С. 4], в других случаях использовала выдержки из постановлений и инструкций, касающихся лиц, лишенных избирательных прав, не давая пояснения, как этот материал связан с рассматриваемой группой [34. С. 230–231]. Тем не менее Т.М. Смирнова профессионально подошла к рассмотрению проблемы с позиции макроуровня. Для понимания положения «бывших» автор провела значительную работу по выявлению различных позиций, мнений большевистских руководителей по отношению к проводимой ими политике. Так, автор приводит интересные сведения о дискуссиях между Н. Крупской, Н. Бухариным, Г. Сафаровым и И. Сталиным по вопросу о «сортировке по происхождению» [34. С. 24–27], между Ю. Лариным и И. Смирновым по поводу чистки судов [34. С. 146–149] и др. Особое значение имеет пятая часть монографии, в которой Т.М. Смирнова впервые в отечественной историографии раскрыла комплекс социальных проблем, оказывающих влияние на детей «бывших».

Настоящее состояние изучения тематики: исследовательская «стагнация»

Исследовательский пик в разработке данной проблематики, пришедшийся на 1990-е – первое десятилетие 2000-х гг., в последующее время спал, и наступила стадия «стагнации», которая, как нам представляется, продолжается до настоящего времени. Исследователи все реже обращаются к тематике «лишенчества», при этом, что наиболее важно, авторы почти не предлагают новых подходов и методов для изучения указанной дискриминационной кампании. В некоторых случаях даже происходит обратное движение – к подходам, распространенным в работах советских историков. Так, в отдельных статьях можно встретить традиционно принятое у советских исследователей отождествление терминов «лишенец», «кулак», «эксплуататор» при рассмотрении массовой кампании «раскулачивания» [35, 36].

Несомненным закреплением достигнутого ранее является продолжение расширения территориальных рамок исследования. Вновь пришедшие в данную предметную область историки обращаются к региональным материалам для анализа практики реализации кампании [37–41]. Однако авторы, углубившись в изучение «особенного», упускают из внимания «общее». Сейчас описание кампании «лишенчества» в конкретных ре-

гионах становится более полной фактологически, нежели с позиций понимания ее функционирования в контекстном формате. Историки не стремятся учитывать опыт своих коллег и сравнивать проведение кампании в собственном регионе и соседних с ним.

Некоторая динамика наблюдается в исследовании конкретных категорий «лишенцев». Заметным методическим изменением последних лет является не увеличение работ, посвященных всем дискриминированным категориям сразу (распространенный подход прошлых периодов), а акцентирование внимания на одной или нескольких из них [42–44]. Данная практика представляется достаточно перспективным направлением в исследовании указанной тематики, поскольку поведенческие практики «лишенцев» и аргументация в их ходатайствах могли зависеть в том числе и от конкретной категории правовой дискриминации.

Однако методический поворот в обращении вглубь анализа жизнедеятельности самих разнообразных категорий «лишенцев» не подкреплен методологическими подходами на макроуровне, что позволило бы более рельефно реконструировать место и значение данной

дискриминации в общих процессах социальной трансформации в раннесоветском обществе.

Заключение

На протяжении всего историографического процесса изучения кампании «лишенчества» подходы и методы ее исследования существенно менялись. С начала 1990-х гг. историки и правоведы нашли в своих работах место для анализа механизмов и практик ее реализации. В то же время при значительном количестве работ по тематике «лишенчества» следует отметить малочисленность публикаций, посвященных не только правовой, но и социальной, политической, культурной дискриминации «лишенцев». Так, фиксация сопутствующих этому ограничений редко присутствует в работах исследователей. Таким образом, кампания «лишенчества», несомненно, требует дальнейшего изучения, однако исследователям необходимо сосредоточиться на поиске новых методов и подходов, позволяющих детальнее рассмотреть поведенческие практики и социально-правовое положение дискриминированных.

Список источников

1. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи : (воспоминания современников; материалы и документы) / под ред. А.В. Иванченко. М. : РЦИОИТ, 2008. 860 с.
2. Собрание узаконений и постановлений, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 111.
3. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917–1918. № 15.
4. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М. : Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.
5. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1998. 91 с.
6. Владимирский М.Ф. Организация советской власти на местах. М. : Гос. изд-во, 1921. 146 с.
7. Бродович С.М. Советское избирательное право. Л. : Гос. изд-во, 1925. 132 с.
8. Крупская Н.К. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М. : Издательство ВЦИК Советов р., с., к. и к. депутатов, 1918. 16 с.
9. Глебов-Авилов Н.П. Наш основной закон: разъяснение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М. : Изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Ком. Советов Р. С. Кр. и К. Депутатов, 1918. 40 с.
10. Драницын С.Н. Конституция СССР и РСФСР в ответах на вопросы. Л. : Прибой, 1924. 233 с.
11. Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М. : Изд. Социалистической акад., 1923. 216 с.
12. Беляков Г.Е. Из истории советского строительства в Таджикистане (избирательная кампания 1930–1931 гг.) // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1965. № 1. С. 26–34.
13. Ким А.И. Первая советская конституция и принцип всеобщих выборов для трудящихся // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Сер. юридическая. Т. 127: Сборник работ юридического факультета / отв. ред. А.П. Бунтин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1956. С. 3–38.
14. Ким А.И. Советское избирательное право : вопросы теории избирательного законодательства и практики его применения. М. : Юрид. лит., 1965. 212 с.
15. Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 103 с.
16. Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М. : Госюриздат, 1960. 77 с.
17. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М. : Наука, 1972. 360 с.
18. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1980. 160 с.
19. Добкин А.И. Лишенцы: 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М. ; СПб. : Феникс : Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 600–628.
20. Маныкин В.А. Личные дела лиц, лишенных избирательных прав: исследовательские перспективы и возможности // Источниковедение XX столетия : тез. докладов и сообщений науч. конф., 28–30 января 1993 г. / отв. ред. В.А. Муравьев. М., 1993. С. 136–137.
21. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы : сб. ст. молодых историков. М. : Звенья, 1996. С. 9–23.
22. Саламатова М.С. Краткий обзор массовых источников, содержащих сведения о лишенных избирательных прав (1926–1936) // Материалы к семинарам-тренингам : сб. материалов для участников партнерской сети проекта «Возвращенные имена» / сост. и вступ. статья В.М. Кириллова. Н. Тагил, 2002. С. 301–322.
23. Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : НГУЭУ, 2018. 340 с.
24. Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск : Сова, 2008. 392 с.
25. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): на материалах Западного региона РСФСР : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.102. Смоленск, 2003. 273 с.
26. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) : на материалах Смоленской губернии и Западной области. Смоленск : Маджента, 2012. 155 с. (Библиотека журнала «Странник»).
27. Килин А.П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале». Н. Тагил, 1997. С. 95–105.

28. Килин А.П. Автобиография как средство реабилитации (на материалах личных дел «лишенцев») // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 267–288.
29. Мазур Л.Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале». Н. Тагил, 1997. С. 105–119.
30. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е годы (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале». Н. Тагил, 1997. С. 119–129.
31. Фофанова Л.А. Бывшие государственные служащие Урала как жертвы репрессивной политики советской власти в 20–30-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале». Н. Тагил, 1997. С. 130–135.
32. Тихонов В.И. Структура противоречий личных дел как отражение противостояния общества и власти // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1996. № 17, март, спец. вып. бюллетеня: Тез. докл. и сообщ. IV конф. Ассоциации «История и компьютер», Звенигород, 15 марта – 17 марта 1996 г. / отв. ред. Л.И. Бородин. М., 1996. С. 129–131.
33. Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М. : Изд-во Моск. гор. объединения архивов, 1998. 256 с.
34. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М. : Мир истории, 2003. 296 с.
35. Ергина Н.М. Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса // Экономическая история. 2016. № 2 (33). С. 56–64.
36. Панкратова О.Б., Писанов С.С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова : науч.-метод. журнал. 2018. Т. 24, № 3. С. 52–55.
37. Бахтин В.В. Лишение избирательных прав (на материалах Воронежской области) // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы междунар. науч. конф., Смоленск, 9–11 октября 2011 г. / под ред. Е.В. Кодина. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 538–546.
38. Изъюрова Н.А. Избирательное право в СССР 1918–1925 по материалам избирательных кампаний Коми // Экономика и социум. 2018. № 2 (45). С. 223–226.
39. Рупасов А.И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 285–295.
40. Серокурова Л.А. Политико-правовые аспекты лишения избирательных прав граждан Крымской АССР в 1920-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2010. № 1. С. 76–84.
41. Кожасева А.А. Мотивации сельских «лишенцев» в Западной Сибири, ходатайствовавших о восстановлении в избирательных правах (1928–1936 годы) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов междунар. молодежной науч. школы-конф., Новосибирск, 23–25 сентября 2021 г. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2021. С. 124–135.
42. Кожасева А.А. Тактики торговцев г. Новосибирска в борьбе за восстановление в избирательных правах (1926–1936 гг.) // Серовские чтения 2022 : материалы всерос. науч. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого Д.Ол. Серова (1963–2019), Новосибирск, 27–28 октября 2022 г. / отв. ред. М.С. Саламатова, Ю.И. Узебекова. Новосибирск : НГУЭУ, 2023. С. 240–249.
43. Москаленская Д.Н. Тактики поведения священно- и церковнослужителей «лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах (середина 1920-х – середина 1930-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 8. С. 134–138.
44. Петин Д.И. Личное дело лица, лишенного избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера русской императорской армии М.К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.

References

1. Ivanchenko, A.V. (ed.) (2008) *Vybory v I–IV Gosudarstvennye dумы Rossiyskoy imperii (Vospominaniya sovremennikov. Materialy i dokumenty)* [Elections to the I–IV State Duma of the Russian Empire (Memoirs of contemporaries. Materials and documents)]. Moscow: RTsOIT.
2. Russian Provisional Government. (1917) *Sobranie uzakoneni y i postanovleniy, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate* [Collected laws and regulations issued by the Governing Senate]. 111.
3. RSFSR. (1917–1918). *Sobranie uzakoneni y i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva* [Collected laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government]. 15.
4. Vyshinskiy, A.Ya. (ed.) (1940) *Konstitutsii i konstitutsionnye akty RSFSR (1918–1937)* [Constitutions and constitutional acts of the RSFSR (1918–1937)]. Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR.
5. Krasilnikov, S.A. (1998) *Na izlomakh sotsial'noy struktury: marginaly v poslerevolutsionnom rossiyskom obshchestve (1917 – konets 1930-kh godov)* [At the Breaks in the Social Structure: Marginals in Post-Revolutionary Russian Society (1917 – Late 1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
6. Vladimirovskiy, M.F. (1921) *Organizatsiya sovetskoy vlasti na mestakh* [Organization of Soviet Power at the Local Level]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
7. Brodovich, S.M. (1925) *Sovetskoe izbiratel'noe pravo* [Soviet electoral law]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
8. Krupskaya, N.K. (1918) *Konstitutsiya Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki* [Constitution of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. Moscow: All-Russian Central Executive Committee of Soviets of Workers, Villages, Candidates, and Candidates of Deputies.
9. Glebov-Avilov, N.P. (1918) *Nash osnovnoy zakon: raz'yasnenie Konstitutsii Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki* [Our Basic Law: Explanation of the Constitution of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. Moscow: All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossack Deputies.
10. Dranitsyn, S.N. (1924) *Konstitutsiya SSSR i RSFSR v otvetakh na voprosy* [The Constitution of the USSR and the RSFSR in answers to questions]. Leningrad: Priboy.
11. Gurvich, G.S. (1923) *Istoriya Sovetskoy Konstitutsii* [The History of the Soviet Constitution]. Moscow: Izd. Sotsialisticheskoy akad..
12. Belyakov, G.E. (1965) *Iz istorii sovetskogo stroitel'stva v Tadzhikistane: (Izbiratel'naya kampaniya 1930–1931 gg.)* [From the history of the Soviet construction in Tajikistan: (Election campaign of 1930–1931)]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoy SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 1. pp. 26–34.
13. Kim, A.I. (1956) *Pervaya sovetskaya konstitutsiya i printsip vseobshchikh vyborov dlya trudyashchikhsya* [The first Soviet Constitution and the principle of general elections for workers]. In: Buntin, A.P. (ed.) *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva. Ser. Yuridicheskaya* [Works of V. V. Kuibyshev Tomsk State University. Law]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–38.
14. Kim, A.I. (1965) *Sovetskoe izbiratel'noe pravo : voprosy teorii izbiratel'nogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya* [Soviet Electoral Law: Issues of the Theory of Electoral Legislation and the Practice of Its Application]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Morozov, L.F. (1960) *Reshayushchiy etap bor'by s nepmanskoy burzhuaiziy (1926–1929 gg.)* [The decisive stage of the struggle against the NEPman bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow: VPSH i AON.

16. Filimonov, V.G. (1960) *Pervaya sovetskaya Konstitutsiya* [The First Soviet Constitution]. Moscow: Gosyurizdat.
17. Ivitskiy, N.A. (1972). *Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa* [The Class Struggle in the Countryside and the Elimination of the Kulaks as a Class]. Moscow: Nauka.
18. Kukushkin, Yu.S. & Chistyakov, O.I. (1980) *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [An essay on the history of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat.
19. Dobkin, A.I. (1992) Lishentsy 1918–1938 gg. [The Disenfranchised of 1918–1938]. In: Dobkin, A.I. et al. (eds) *Zven'ya. Istoricheskiy al'manakh* [Links. Historical Almanac]. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Feniks: Atheneum. pp. 600–628.
20. Manykin, V.A. (1993) Lichnye dela lits, lishennykh izbiratel'nykh prav: issledovatel'skie perspektivy i vozmozhnosti [Personal files of non-voters: research perspectives and opportunities]. In: Muraviev, V.A. (ed.) *Istochnikovedenie XX stoletiya* [Source Studies of the 20th Century]. Moscow: [s.n.]. pp. 136–137.
21. Salamatova, M.S. (1996) Lishenie izbiratel'nykh prav v Novosibirsk v 1927–1936 gg. [Deprivation of voting rights in Novosibirsk in 1927–1936]. In: Eremina, L.S. & Zhemkova, E.B. (eds) *Korni travy* [The Grass Roots]. Moscow: Zven'ya. pp. 9–23.
22. Salamatova, M.S. (2002) Kratkiy obzor massovykh istochnikov, sodershashchikh svedeniya o lishennykh izbiratel'nykh prav (1926–1936) [A brief overview of mass sources containing information about the deprivation of voting rights (1926–1936)]. In: Kirillova, N.M. (ed.) *Materialy k seminar-treningam: sb. materialov dlya uchastnikov partnerskoy seti proekta "Vozvrashchennyye imena"* [Materials for Seminar-Trainings: Collection of Materials for Participants in the Partner Network of the "Returned Names" Project]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 301–322.
23. Salamatova, M.S. (2018) *Vybory v Sovetskoy Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936 g.)* [Elections in Soviet Russia: Legislation and Implementation Practices (1918–1936)]. 2nd ed. Novosibirsk: NGUEU.
24. Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S. & Ushakova, S.N. (2008) *Korni i shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk: Sova.
25. Valuev, D.V. (2003) *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.): na materialakh Zapadnogo regiona RSFSR* [Non-voters in the system of social relations (1918–1936): Based on the materials of the Western Region of the RSFSR]. History Cand. Diss. Smolensk.
26. Valuev, D.V. (2012) *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.): na materialakh Smolenskoys gubernii i Zapadnoy oblasti* [Non-voters in the system of social relations (1918–1936) (a case study of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk: Madzhenta.
27. Kilin, A.P. (1997) Kategorii grazhdan, lishennykh izbiratel'nykh prav v 1920-e gody (analiz instruktsiy o vyborakh v Sovety) [Categories of citizens deprived of voting rights in the 1920s (an analysis of instructions on elections to the Soviets)]. In: *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 95–105.
28. Kilin, A.P. (2018) Avtobiografiya kak sredstvo reabilitatsii (na materialakh lichnykh del "lishentsev") [Autobiography as a means of rehabilitation (based on materials from the personal files of "disenfranchised")]. *Dialog so vremenem*. 63. pp. 267–288.
29. Mazur, L.N. (1997) Lishenie izbiratel'nykh prav krest'yan v 20-e – pervoy polovine 30-kh godov (po materialam lichnykh del) [The deprivation of voting rights of peasants in the 1920s – the first half of the 1930s (based on personal files)]. In: *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 105–119.
30. Rusina, Yu.A. (1997) Kharakteristika lishennykh izbiratel'nykh prav za svyaz' s religioznym kul'tom na Urale v 1920–30-e gody (po materialam lichnykh del) [Characteristics of Those Disenfranchised for Connection with a Religious Cult in the Urals in the 1920s–1930s (Based on Personal Files)]. In: *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 119–129.
31. Fofanova, L.A. (1997) Byvshie gosudarstvennye sluzhashchie Urals kak zhertvy repressivnoy politiki sovetskoy vlasti v 20–30-e gody [Former civil servants of the Urals as victims of the repressive policy of the Soviet government in the 1920–30s]. In: *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 130–135.
32. Tikhonov, V.I. (1996) Struktura protivorechii lichnykh del kak otzrazhenie protivostoyaniya obshchestva i vlasti [The structure of contradictions of personal affairs as a reflection of the confrontation between society and government]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Information bulletin of the Association "History and Computer"]. Moscow: [s.n.]. pp. 129–131.
33. Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S. & Yushin, I.F. (1998) *Lishenie izbiratel'nykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow: Moscow City Association of Archives.
34. Smirnova, T.M. (2003) *"Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii: strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody* ["Former People" of Soviet Russia: Survival Strategies and Paths to Integration. 1917–1936]. Moscow: Mir istorii.
35. Ergina, N.M. (2016) Tragediya Mordovskoy derevni v otzrazhenii sudeb krest'yan, raskulachennykh i lishennykh izbiratel'nykh prav v period likvidatsii kulachestva kak klassa [The tragedy of the Mordovian village reflects the fate of the peasants, dispossessed and disenfranchised during the liquidation of the Kulaks as a class] *Ekonomicheskaya istoriya*. 2(33). pp. 56–64.
36. Pankratova, O.B. & Pisanov, S.S. (2018) Politika lisheniya krest'yanstva izbiratel'nykh prav v 20-e – 30-e gody XX veka i ee posledstviya [The policy of depriving the peasantry of voting rights in the 1920s – 1930s and its consequences]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 3. pp. 52–55.
37. Bakhtin, V.V. (2011) Lishenie izbiratel'nykh prav (na materialakh Voronezhskoy oblasti) [The deprivation of voting rights (based on the materials of the Voronezh Region)]. In: Kodina, E.V. (ed.) *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyskaya provintsiya* [History of Stalinism: Repressed Russian Province]. Moscow: ROSSPEN. pp. 538–546.
38. Izyurova, N.A. (2018) Izbiratel'noe pravo v SSSR 1918–1925 po materialam izbiratel'nykh kampaniy Komi [Electoral law in the USSR in 1918–1925 based on the materials of the Komi election campaigns]. *Ekonomika i sotsium*. 2(45). pp. 223–226.
39. Rupasov, A.I. (2019) Lishennyye izbiratel'nykh prav v Leningrade v 1920-e gg. [The deprivation of voting rights in Leningrad in the 1920s]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2(22). pp. 285–295.
40. Serokurova, L.A. (2010) Politiko-pravovyye aspekty lisheniya izbiratel'nykh prav grazhdan Krymskoy ASSR v 1920-e gg. [Political and legal aspects of deprivation of voting rights of citizens in the Crimean ASSR in the 1920s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 1. pp. 76–84.
41. Kozhaeva, A.A. (2021) Motivatsii sel'skikh "lishentsev" v Zapadnoy Sibiri, khodataystvovavshikh o vosstanovlenii v izbiratel'nykh pravakh (1928–1936 gody) [Motivations of rural persons deprived of voting rights in Western Siberia who applied for restoration of voting rights in 1928–1936]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical Problems of Historical Research: Young scientists' perspective]. Proc. of the Conference. Novosibirsk, September 23–25, 2021. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 124–135.
42. Kozhaeva, A.A. (2023) Taktiki torgovtsev g. Novosibirsk v bor'be za vosstanovlenie v izbiratel'nykh pravakh (1926–1936 gg.) [Tactics of Novosibirsk Traders in the Struggle for Restoration of Electoral Rights (1926–1936)]. In: Salamatova, M.S. & Uzbekova, Yu.I. (eds) *Serovskie chteniya 2022* [The Serov Readings 2022]. Novosibirsk: NSUEU. pp. 240–249.
43. Moskalenskaya, D.N. (2013) Taktiki povedeniya svyashchenno- i tserkovnosluzhiteley «lishentsev» Zapadnoy Sibiri v bor'be za vosstanovlenie v pravakh (seredina 1920-kh – seredina 1930-kh godov) [Tactics of Behavior of the "Disenfranchised" Clergy and Servants of Western Siberia in the Struggle for Restoration of Rights (mid-1920s – mid-1930s)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 12. pp. 134–138.
44. Petin, D.I. (2017) Lichnoe delo litsa, lishennogo izbiratel'nykh prav, kak informatsionnyy kompleks v prakticheskoy genealogii (na primere sud'by kadrovogo ofitsera russkoy imperatorskoy armii M.K. Gombinskogo) [The personal file of a non-voter as an information complex in practical genealogy (a case study of a career officer of the Russian Imperial Army, M.K. Gombinsky)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 3. pp. 22–26.

Сведения об авторе:

Кожаева Альбина Алексеевна – аспирант кафедры отечественной истории, ассистент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kozhaeva Albina A. – PhD Student at the Department of Russian History, Assistant at the Department of History, Culture, and Arts of the Institute for the Humanities of Novosibirsk State University of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 27.02.2024; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья
УДК 930+343.8
doi: 10.17223/19988613/90/15

Становление и трансформация пенитенциарной политики периода НЭПа на территории Западной Сибири: историографический аспект

Дарья Андреевна Мамонтова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, d.mamontova@g.nsu.ru

Аннотация. Установление советской власти повлекло за собой объявление о создании новой уголовно-исполнительной системы, полностью отличной от поздней имперской. Это вызвало появление исследований советской пенитенциарной сферы, которые продолжают вплоть до настоящего времени. Статья представляет собой историографический обзор научных трудов, посвященных обозначенной проблематике. Выделены хронологические и проблемные аспекты в изучении советской уголовно-исполнительной политики. Изучены основные тенденции (подходы, оценки) в исследовании темы. Сделан вывод об отсутствии в настоящее время детального изучения пенитенциарной политики НЭПа и необходимости продолжения исследований в данной области.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, историография, НЭП, Западная Сибирь, РСФСР

Для цитирования: Мамонтова Д.А. Становление и трансформация пенитенциарной политики периода НЭПа на территории Западной Сибири: историографический аспект // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 139–147. doi: 10.17223/19988613/90/15

Original article

Formation and Transformation of the Penal Policy during the New Economic Policy (NEP) Period in Western Siberia: a historiographical aspect

Darya A. Mamontova

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, d.mamontova@g.nsu.ru

Abstract. The establishment of Soviet power entailed the announcement of the creation of a new penal system, completely different from the late imperial one. This necessitated research in this field, which continues to this day. The article is devoted to the question how Soviet penal system was studied during Soviet era and nowadays. The aim of the study is to analyze the main trends such as covered aspects, approaches and assessments in the study of this topic. Using the problem-chronological method, periods of study of Soviet penal policy by legal scholars and historians are identified. Separately, the issues of the degree of study of the topic at the regional level (Western Siberia), and the interaction of historians and legal scholars involved in the development of the topic at the present time are presented.

Each identified period of research differs in approaches to the study of the specified topic. Until the 1990s the topic of formation and transformation of early Soviet penal policy was developed mainly by legal scholars. With the advent of access to archival materials, historians have become more involved in research. In addition, the vector of research has changed towards studying the penal policy of the New Economic Policy (NEP) period as an independent one, as well as searching for connections between the pre-revolutionary and Soviet penal systems. At the same time, there is a lack of research on the transformation of penal policy in Western Siberia, although there is research potential in this area.

The works of legal scholars are analyzed separately. Their research interest mainly lies in attempts to apply historical experience to solve modern problems of Russian penal policy. However, there is a weak analytical basis for such studies. It is concluded that there is no detailed study of the penal policy of the NEP and the need to continue research in this area. Areas of promising directions in the study of the topic are identified, such as the study of the propaganda of Soviet penal policy and the practice of using the labor of convicts without imprisonment.

Keywords: penal policy, historiography, New Economic Policy (NEP), Western Siberia, Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR)

For citation: Mamontova, D.A. (2024) Formation and Transformation of the Penal Policy during the New Economic Policy (NEP) Period in Western Siberia: a historiographical aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 139–147. doi: 10.17223/19988613/90/15

Введение

Начало институционального становления пенитенциарной системы в Русском государстве необходимо отнести к XVI в., когда впервые тюрьма как мера наказания оказалась обозначена в Судебнике 1550 г. [1], хоть тюремное заключение в нем лишь упоминалось и не было должным образом отрегулировано. Более объемно и систематизировано вопрос о тюремном заключении получил раскрытие в Соборном уложении 1649 г. В дальнейшем имперская уголовно-исполнительная система прошла ряд этапов, следуя в пореформенный период по пути гуманизации политики исполнения наказания и сближения ее с практиками западных стран. Данные тенденции выражались в использовании труда заключенных с целью их исправления, зачислении заработной платы за данные им работы, появлении институтов амнистии и условно-досрочного освобождения. Реформирование пенитенциарной системы неизбежно трансформировалось под воздействием событий Первой мировой войны и Февральской революции, однако вектор движения оставался прежним.

Октябрьская революция прервала этот ход изменений. Для нового правительства тюремное заключение не могло ассоциироваться с честным правосудием, поскольку тюрьма воспринималась им «как создание государя» [2. С. 128]. Действительно, в первые постреволюционные годы прослеживаются намерение отказа от тюремного заключения и создание новых пенитенциарных учреждений – лагерей принудительных работ. Изменения коснулись не только уже сложившегося в дореволюционный период тюремного аппарата, но также самих теоретических и практических основ пенитенциарной политики.

Данная публикация представляет собой историографический обзор научных трудов, посвященных становлению и трансформации уголовно-исполнительной политики в 1920-е гг., в том числе на территории Западной Сибири. Целью исследования выступает анализ основных тенденций (затрагиваемые аспекты, подходы, оценки) в изучении указанной темы. В статье используется проблемно-хронологический метод, с помощью которого выделяются периоды исследования советской пенитенциарной политики правоведками и историками. Определение конкретных периодов основывается на динамике оценок советской пенитенциарной политики 1920-х гг., высказываемых в исследованиях, а также направленности этих разработок. Отдельно анализируются вопросы степени изученности темы на региональном уровне, в нашем случае – Западной Сибири, историками, правоведками и пенитенциаристами-практиками, занимающимися ее разработкой в настоящее время.

Формирование основ советской пенитенциарной политики в работах отечественных правоведов

Период 1920–1930 гг. является этапом становления советских принципов новой государственной пенитенциарной политики, которые в первую очередь оказались связаны с переоценкой норм позднимперской политики в указанной сфере (преемственность одних

норм и отказ от других). В данный период ученые-правоведы занимались разработкой теоретических основ советской уголовно-исполнительной политики, в дальнейшем осуществляемых на практике. Указанная тема выступала центральной в работах М.Н. Гернета, М.М. Исаева, А.А. Пионтковского, Е.Г. Ширвиндта, Б.С. Утевского и др., внесших большой вклад в разработку теории и практики формирования системы исполнения уголовного наказания в новых постреволюционных условиях.

Одним из первых свой концептуальный взгляд на проблемы теории исправительно-трудового права высказал С.В. Познышев, опубликовавший в 1924 г. книгу, посвященную тюрьмоведению [3], в которой нашли обстоятельное освещение как теоретические вопросы, связанные с лишением свободы, так и моменты, касавшиеся воплощения их на практике. Наказание в трактовке С.В. Познышева – не возмездие и не месть, а мера предупреждения преступлений [3. С. 4], из чего вытекают дальнейшие предложения автора по устройству мест заключения, управлению ими и организации жизни заключенных (распорядок дня, организация труда, проведение школьных занятий и пр.). Многие из его предложений, которые, впрочем, оказались на тот момент уже частично зафиксированы в принятом НКЮ РСФСР 15 ноября 1920 г. «Положении об общих местах заключения», были впоследствии включены в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК РСФСР) 1924 г. Кроме того, автор многократно обращается к опыту других стран, а также к дореволюционным отечественным разработкам в пенитенциарной сфере. Отличительной чертой данной работы является то, что автор отмечает как плюсы, так и минусы всех трех пенитенциарных систем – дореволюционной, советской и других стран, в то время как во второй половине 1920-х гг. приоритетной становится тенденция к сравнению трех пенитенциарных систем в пользу советской.

В 1925 г. под редакцией возглавлявшего в тот период Главное управление мест заключения (ГУМЗ) в структуре НКВД РСФСР Е.Г. Ширвиндта вышел сборник «Наше исправительно-трудовое законодательство» [4], в котором М.М. Исаевым обосновывалась идея расширительного понимании лишения свободы – как все меры, направленные на ограничение или лишение внешней свободы человека, а не только тюремное заключение [5. С. 222]. Данную точку зрения автор продолжил развивать в опубликованном в 1927 г. учебном пособии «Основы пенитенциарной политики» [6].

В том же 1927 г. вышла в свет работа Е.Г. Ширвиндта и Б.С. Утевского «Советское пенитенциарное право» [7], в которой авторы рассматривают основные положения советской пенитенциарной политики, закрепленные в ИТК РСФСР 1924 г. Обращаясь к зарубежному опыту в области исполнения наказаний с целью сравнить пенитенциарные системы СССР и капиталистических стран и выявить отличия [7. С. 27], они делают вывод о том, что советская система более открыта в плане ее изучения [7. С. 28], в то время как за рубежом официальные сведения о пенитенциарной системе не являются вполне достоверными [7. С. 29]. Авторы

также приходят к заключению, что именно в буржуазных странах теория расходится с практикой [7. С. 31]. Рассуждая о сущности тюремного заключения, Е.Г. Ширвиндт и Б.С. Утевский констатируют, что современная им пенитенциарная политика не ставит перед собой задачи кары и возмездия [7. С. 24], а, наоборот, призвана социально приспособить преступника, исправить его [7. С. 24, 26], тем самым выделяя два компонента наказания – кару и воспитание. В 1930 г. вышла книга Б.С. Утевского «Как советская власть исправляет преступников» [8], в которой он описывает советскую тюремную систему и присущие ей черты и которая на самом деле является пересказом положений ИТК РСФСР 1924 г.

К началу 1930-х гг. пенитенциарная наука уже имела ряд достижений: был издан ряд монографий, учебников, научных и научно-популярных брошюр, публиковались такие журналы, как «Административный вестник», «Еженедельник советской юстиции», «Право и жизнь» и др. Они стали площадками для обсуждений вопросов проведения пенитенциарной политики. Так, одной из широко обсуждаемых тем являлся вопрос о возможностях и ограничениях применения труда осужденных. В первой половине 1920-х гг. основой данных дискуссий выступала практика применения принудительных работ без заключения под стражу [9. С. 126; 10. С. 294]. В последующие годы роль труда заключенных возросла, несмотря на трудности, сопряженные с его организацией (безработица, недостаток средств, проблемы с оплатой труда и пр.) [11. С. 477], и вопрос перешел в поле практики его применения на безвозмездной основе. Данный вопрос, впрочем, уже не подвергался обсуждению, что свидетельствует о начале свертывания свободных обсуждений и исследований пенитенциарной политики. Решение о возможности применения бесплатного труда заключенных вышло в виде постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» [12].

Период 30-х – середины 50-х гг. XX в. характеризуется двумя тенденциями. С одной стороны, в это время, особенно в годы Великой Отечественной войны, наблюдается свертывание теоретических исследований в области уголовной и исправительно-трудовой политики. Так, некоторые вышеобозначенные издания либо оказались закрытыми, либо трансформировались в исключительно официозные издания. С другой стороны, данный период отмечен ужесточением контроля над юридической наукой. Под его воздействием ученым пришлось корректировать свои прежние подходы к раскрытию сути и тенденций советской репрессивной политики. В частности, Б.С. Утевский в учебнике 1934 г. «Советская исправительно-трудовая политика» [13] был вынужден изменить свое понимание лишения свободы, поставив его в зависимость от этапов развития советского государства [5. С. 223]. Так, в его работе 1927 г. [7] выделялось два компонента наказания – карательный и воспитательный. Согласно новому, измененному в 1930-е гг. подходу, например, для периода военного коммунизма превалирующей оказывалась репрессивная / карательная часть лишения свободы,

в то время как в 1920-е гг. наравне с ней выступает часть, связанная с исправительно-трудовым воздействием на преступников.

Таким образом, в первое десятилетие советской власти были заложены основы уголовно-исполнительной политики государства, которые из теоретических работ отечественных пенитенциаристов перешли в поле практики, к публикации нормативных актов, регулирующих деятельность данной сферы. На протяжении этого периода формировался образ новой, советской исправительно-трудовой политики, также транслируемый в изданиях исследователей. К концу 1920-х гг. наблюдаются сокращение обсуждений данной темы и переход к доктринальным установкам, а впоследствии – и к полному свертыванию исследований для широкой аудитории.

Возобновление исследований советской уголовно-исполнительной политики в 1950–1980-х гг.

Середина 1950-х гг., отмеченная серьезными изменениями социально-политической жизни советского государства, стала отправной точкой для возобновления исследований проблем уголовной репрессии, временем разработки научно обоснованных положений развития уголовного и исправительно-трудового законодательства. Тогда же в работу включаются историки, в частности В.А. Артамонов, однако большинство исследователей – это по-прежнему профессиональные юристы – Н.А. Беляев, А.Е. Наташев, Н.А. Стручков и др.

Происходят изменения и в оценках теорий, разработанных в 1920–1930-е гг. Так, идея Б.С. Утевского о двух компонентах лишения свободы (карательном и воспитательном) подверглась в 1959 г. критике А.Л. Ременсоном, указавшим, что содержанием наказания является только кара, под которой он понимал не физическое воздействие на преступника, а именно изоляцию и ограничение прав осужденного, тогда как, по его мнению, исправление находится за рамками уголовного наказания [5. С. 223]. Позднее данную идею поддержали и другие ученые – А.Е. Наташев, Б.С. Никифоров, Н.А. Стручков, А.С. Шляпников и др.

Впервые в этот период начали публиковаться работы, в которых рассматривались исторические аспекты исправительно-трудового дела России. В 1957 г. вышли статьи П.Е. Подымова и вернувшегося из заключения и ссылки Е.Г. Ширвиндта, затрагивающие вопросы становления советской исправительно-трудовой системы [14. С. 33–35]. В это же время П.М. Лосев и Г.И. Рагулин провели большую работу по систематизации нормативных актов и предложили свою периодизацию развития исправительно-трудовой системы [14. С. 35].

В первой половине 1950-х гг. был издан фундаментальный труд М.Н. Гернета по истории царской тюрьмы [15], написанный с осмыслением огромного фактического материала. Цель данного исследования состояла в обосновании полного разрыва между царской тюремной системой, в истории которой «нет и не могло быть ни одного светлого периода» [16. С. 51], и советской, которая по канонам того времени считалась передовой.

Несмотря на позитивные изменения в изучении юридической и исторической науками ретроспективных аспектов отечественной пенитенциарной системы, действовали и факторы, тормозящие это движение. К таковым следует отнести ведомственную закрытость информации, относящейся к пенитенциарной политике [14. С. 43]. Из-за проблем с доступом к источникам историкам, начинавшим в период «оттепели» делать шаги по изучению пенитенциарной политики, приходилось обращаться к редким публикациям воспоминаний бывших заключенных [17. С. 7].

На протяжении 60–80-х гг. XX в. продолжались интенсивные разработки теоретических проблем исполнения наказания [18. С. 3]. В отмеченный период в пенитенциарной науке появились исследования таких ученых, как В.В. Дедюхин, В.З. Пансенко, В.Г. Смольяков и др. [14. С. 45]. С конца 1980-х гг. материалы о ГУЛАГе (о жизни в советских лагерях, разоблачения о числах погибших, арестованных [19. С. 19]) стали широко публиковаться в периодике; советские историки и исторические общества, в частности возникший в конце 1980-х гг. «Мемориал»¹, начали публиковать исследования по истории отдельных лагерей, в том числе первых, возникших на Соловецких островах, жизнеописания узников, списки погибших и т.д. [19. С. 19]

В указанный период основными исследователями пенитенциарной политики остаются профессиональные юристы, которые обращались к наследию своих предшественников, переосмысливая их теории. Несмотря на отсутствие в тот момент доступной источниковой базы, в работу включаются и историки, изучающие советскую уголовно-исполнительную систему, со временем наращивая свой потенциал. Параллельно с этим происходило изучение царского тюремного наследия, исследования которого были более перспективными с точки зрения доступа к архивным материалам, а также отвечали интересам пропаганды советской тюремной политики.

Изменение вектора исследований советской уголовно-исполнительной политики периода НЭПа в работах современных исследователей

На рубеже 1980–1990-х гг. для исследователей открылся доступ к ранее засекреченным фондам государственных архивов, центральных и региональных. Кроме того, большую роль сыграл Указ Президента Российской Федерации № 658 от 23 июня 1992 г. «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» [20]. В научный оборот вводились громадные комплексы архивных документов и материалов, в том числе ведомственных. Исследователи анализировали такие проблемы, как количество и состав заключенных, организация и численность лагерей, колоний и тюрем, их

местоположение, экономическая роль [2. С. 9]. Появились работы, посвященные институциональным и региональным аспектам прежде всего проблем ГУЛАГа [2. С. 9]. В то же время именно в этот период авторы возвращаются к практике оценки пенитенциарной политики отдельных этапов советской эпохи, предшествовавших сталинскому.

Как и в предыдущие периоды изучения трансформации советской пенитенциарной политики, в исследованиях участвовали не только историки, но и юристы. Так, важной вехой в изучении пенитенциарной политики СССР и отдельно периода НЭПа стала монография ученого-правоведа А.С. Смыкалина «Колонии и тюрьмы в Советской России» [14], в которой рассматривается советская пенитенциарная политика с 1917 по 1950-е гг. Автор делает упор на анализ происходивших событий, стремясь выявить причины и следствия динамики изменений в данной сфере. В пенитенциарной политике периода НЭПа Смыкалин видит преемственность с дореволюционной исправительно-трудовой политикой, утверждая, что деятельности советской исправительно-трудовой системы предшествовала обширная научно-теоретическая база дореволюционной русской пенитенциарной науки [14. С. 13]. Автор также поднимает вопрос о складывании тогда предпосылок для формирования системы ГУЛАГа в 1930-е гг., подчеркивая, что уже в 1920-е гг. у государства возник экономический интерес к практике использования принудительных работ осужденных с целью ликвидации последствий Гражданской войны [14. С. 115–117]. Таким образом, А.С. Смыкалин видит в пенитенциарной политике НЭПа не просто предпосылки тех событий, которые произойдут позднее, в 1930-х гг., а непосредственное начало этой политики, но пока еще с поисками форм и ресурсов для осуществления государством внеэкономического принуждения к труду.

Другой, не менее значимой, обобщающей работой в области истории советской пенитенциарной политики следует считать монографию юриста М.Г. Деткова «Тюрьмы, лагеря и колонии России» [18], в которой автор осуществил обширный обзор исправительно-трудовой политики, начиная с дореволюционного периода и заканчивая 1990-ми гг. Решая вопрос преемственности имперской и советской пенитенциарных политик, исследователь делает акцент в основном на моментах, касающихся законодательства и тюремного быта. Говоря о законодательной преемственности, автор считает, что до публикации ИТК РСФСР 1924 г. вся пенитенциарная система функционировала на основе законодательства царского периода [18. С. 106, 112]. Утверждается также и преемственность в тюремной сфере, которая первое время просуществовала без изменений [18. С. 115]. Анализируя документы, исследователь делает вывод, что экономическое положение страны в период НЭПа закладывало предпосылки появления идеи использования труда заключенных в экономических интересах. По его мнению, документом, определяющим содержание практики исправительно-трудовых учреждений (ИТУ), стали рекомендации V Всероссийского съезда заведующих Отделами управ-

¹ Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”» внесена в реестр некоммерческих организаций, признанных «иностранными агентами», от 04.10.2016.

лений исполкомов 1922 г., где говорилось о необходимости самообеспечения мест лишения свободы [18. С. 123].

Автор акцентирует внимание не только на экономическом, но и на идеологическом аспекте, указывая, что отсутствие четкого понятия «классовый враг» позволяло широко трактовать данный термин в применении механизма уголовной репрессии [18. С. 141]. Точкой перехода к новой, более жестокой пенитенциарной политике он называет речь И.В. Сталина на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г., в которой тот указывал, что в дальнейшем «сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, и классовая борьба будет обостряться» [21. С. 171], что явилось оправданием репрессий 1930-х гг. Однако с данным тезисом можно поспорить, поскольку уже в марте 1928 г. вышло ранее упомянутое Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения», положившее начало жесточайшей политике исполнения наказания.

Важным событием стало появление справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР» [22], работа над созданием которого проводилась в рамках научных программ общества «Мемориал»¹. Раздел об исправительно-трудовых лагерях периода 1917–1930 гг. написан М. Джекобсоном и М.Б. Смирновым. Авторы утверждают, что в 1921 г. перед руководством местами заключения стояло две задачи: исправление и самоокупаемость. Однако возникавшая в годы НЭПа безработица заставляла делать акцент на чем-то одном, а именно на исправлении: «...лучше сделать тюрьмы ненужными, чем бесплатными». После этого решения число заключенных лишь росло, места заключения не справлялись и с самообеспечением, а деньги к концу НЭПа уже нужны были на индустриализацию. И единственным практическим шагом для решения данной проблемы стало постановление ВСНХ РСФСР от 19 декабря 1926 г. «Об использовании на лесозаготовках труда заключенных». Авторы отмечают, что до 1930-х гг. использование труда заключенных не было масштабным и заключенных все же не рассматривали как бесплатную рабочую силу. Таким образом, М. Джекобсон и М.Б. Смирнов считали, что предпосылкой для появления системы ГУЛАГа явилась нужда в финансовых и людских ресурсах для проведения форсированной индустриализации.

В это же время выходит переведенная на русский язык монография канадского историка П. Соломона «Советская юстиция при Сталине» [23], где рассматриваются проблемы развития советской правовой системы и судебных учреждений в 1920–1950-е гг. Несмотря на то, что исправительно-трудовая политика не является главным объектом интереса исследователя, в работе также прослеживается идея преемственности советской пенитенциарной политики в различные периоды. По его мнению, статус права в период НЭПа,

как и экономика этого же периода, был отголоском старой, дореволюционной системы [23. С. 24]. Несмотря на то, что многим большевикам не нравилось такое положение дел, быстрое приживание и относительно долгое существование нэповского права объясняется присутствием элементов традиций. При этом существовал разрыв между ожиданиями законодателей и практической реализацией. Подобный разрыв П. Соломон объясняет разницей культурных уровней столицы и регионов. Результатом региональных особенностей стали значительный рост количества дел в судах и одновременно с этим увеличение численности заключенных. Соответственно, в 1929 г. были проведены реформы сферы уголовных репрессий, корни которых автор видит в периоде НЭПа. По его мнению, сворачивание данной политики придало реформам новый радикальный смысл и, соответственно, новое радикальное предназначение.

В 2004 г. была опубликована монография И.В. Упорова [1], в которой глубоко рассматривается проблематика преемственности эпох и периодов в отечественной пенитенциарной политике. Исследователь выделяет не только преемственность в материальной и законодательной базе пенитенциарных систем поздней имперской и раннесоветской обществ, но и идеологические аспекты, такие как идея исправления преступников, закрепление сословного признака в законах империи и классового признака в законах советского государства. Тем самым автор обращает внимание не только на преемственность в нормах пенитенциарной политики предшествующего периода, но и на преемственность правового сознания в принципе.

Знаменательной работой по истории советского пенитенциаризма стала опубликованная в 2006 г. монография Г.М. Ивановой [2]. Данная работа примечательна тем, что автор подвергает обстоятельному анализу именно причины и предпосылки возникновения ГУЛАГа. Основа советских государственных репрессий, по ее мнению, была заложена еще в годы Гражданской войны, а продолжена в период НЭПа, когда при создании кодексов считалось, что террор – эффективное средство для достижения многих целей [2. С. 68], а главная задача – оправдать его, а не устранить [2. С. 69]. Причины отсутствия общественного недовольства репрессиями что в 1920-е, что в 1930-е гг. она видит в страхе, который первоначально внушался населению политическими репрессиями [2. С. 105]. Ее мнение по поводу причин развития сталинского ГУЛАГа совпадает с мнением большинства исследователей данного вопроса: Г.М. Иванова считает, что они формировались именно в период НЭПа. Затрагивая экономические вопросы, исследователь утверждает, что, несмотря на активную хозяйственную деятельность мест заключения, она не обеспечивала ни окупаемости мест лишения свободы, ни какой-либо значимой роли в экономике страны [2. С. 225]. В то же время, по мнению исследователя, труд заключенных уже тогда формировал некоторые принципы будущих лагерно-производственных комплексов [2. С. 226].

Из более поздних работ выделяется исследование В.А. Бердинских и В.И. Веремьева «Краткая история

¹ Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество „Мемориал“» внесена в реестр некоммерческих организаций, признанных «иностранными агентами», от 04.10.2016.

ГУЛАГа» [17]. Примечательно, что авторы, ныне одни из немногих, заостряют внимание на проблематике преемственности и перехода норм дореволюционной пенитенциарной политики в соответствующую политику советского периода. Говоря о пенитенциарной политике в период НЭПа, исследователи прежде всего задаются вопросом причин репрессий, продолжавшихся после Гражданской войны. По их мнению, террор продолжался прежде всего потому, что правящие круги уже не могли остановить его дальнейшее развитие [17. С. 23], поскольку насилие стало универсальным средством достижения властью своих целей [17. С. 22]. Таким образом, делают вывод исследователи, тюремно-лагерная система возникла как следствие массового и постоянно расширяющегося государственного террора [17. С. 22].

В работе затрагивается и вопрос широкого применения труда заключенных в 1930-е гг. По мнению авторов, главным документом по этому вопросу является постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения», принятое в 1928 г., в котором есть предпосылки для привлечения заключенных на хозяйственные работы в рамках курса на индустриализацию [17. С. 35–36]. Несмотря на то, что документ, определивший развитие системы мест заключения на многие годы вперед, начал свое практическое воплощение в 1929 г., постановление от 1928 г. следует считать прямой предпосылкой к использованию труда заключенных.

В настоящее время наблюдается уменьшение числа крупных, обобщающих работ, посвященных раннесоветской пенитенциарной политике, однако ее исследования продолжают. В 2022 г. М.А. Погореловым защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг.» [24]. Данную работу следует назвать на современный момент основной обобщающей по истории становления и трансформации уголовно-исполнительной политики в раннесоветский период. Автор привлекает большой объем фактологических данных разного характера (научные труды, делопроизводственные документы, пресса заключенных и др.), что, несомненно, является положительной стороной данного исследования.

Таким образом, доступ к архивным документам позволил отечественным ученым в постсоветский период выйти на новый уровень изучения советской пенитенциарной политики путем расширения исследуемых аспектов данной политики, периодов ее проведения. В 1990-е гг. при разработке указанной темы проявилась тенденция к охвату крупных временных промежутков, что давало возможность в результате создавать лишь «наброски» природы и характера уголовно-исполнительной политики на разных стадиях ее трансформации. Ключевой темой для исследователей становится поиск связей между пенитенциарными системами дореволюционного и раннесоветского периодов (а внутри последнего – между 1920-ми и 1930-ми гг.). Тем не менее в целом это позволяет выделить первое десятилетие советской власти в политике исполнения наказания как самостоятельный этап

со своими тенденциями, механизмами, факторами и особенностями, а не просто в качестве краткосрочного, промежуточного состояния системы между поздним имперским и ГУЛАГовским этапами.

Сибирский аспект в исследованиях советской пенитенциарной политики

Несмотря на значительное количество работ, посвященных государственной пенитенциарной политике периода НЭПа, появившихся с 1990-х гг., гораздо меньше публикаций нацелено на исследование регионального (сибирского) аспекта данной политики. Первая из них – кандидатская диссертация А.С. Кузьминой [25] – появилась в 1972 г., однако, учитывая время написания работы, в ней могли использоваться только те документы и материалы, которые соответствовали официальной доктрине. Десятилетия спустя, лишь в 2004 г., А.В. Быковым была защищена диссертационная работа о региональной пенитенциарной системе 1920-х гг., выполненная с позиций достижений современной историографии [26].

В настоящее время данная тема освещается преимущественно в журнальных публикациях, раскрывающих отдельные аспекты реализации пенитенциарной политики: труд заключенных, медико-санитарное обеспечение, кадровый вопрос и др. [27–29]

Наиболее значимым исследованием является монография В.Н. Уйманова, охватывающая весь межвоенный период трансформации региональных пенитенциарных учреждений [30]. Автор с привлечением значительного объема источников и литературы проанализировал основные элементы функционирования системы от управления местами заключения до ресурсного обеспечения и применения труда лишенных свободы в регионе. Он доказал, что проблемы, существовавшие в исправительно-трудовых учреждениях Западной Сибири в 1920-е гг. (переполненность, организация питания, работ и воспитательно-просветительной деятельности, компетенции сотрудников), являлись не особенными, а типичными для всех российских пенитенциарных учреждений [30. С. 75]. К достоинствам авторского подхода следует отнести то, что в нем ставится акцент на преемственности в практике раннесоветской эпохи некоторых дореволюционных пенитенциарных норм исполнения наказаний [30. С. 35]. В то же время В.Н. Уйманов уделяет приоритетное внимание практике осуществления пенитенциарной политики в регионе, что не позволяет оценить, в какой мере практика соотносилась с действовавшим законодательством.

Таким образом, отмечается существенный недостаток исследований, посвященных проведению раннесоветской пенитенциарной политики на территории Западной Сибири, в то время как потенциал архивных материалов в данном регионе позволяет не только описать жизнедеятельность и функционирование мест лишения свободы, но и рассмотреть аспекты реализации пенитенциарного законодательства на практике, изучить вопрос пропаганды советской исправительно-трудовой политики и т.д.

«Ведомственный подход» в изучении советской пенитенциарной политики современными правоведами и практиками-пенитенциаристами

Изучение пенитенциарной политики всегда сопряжено с анализом правовых документов, регулирующих данную сферу деятельности государства, что связывает эти исследования с юридической наукой. И, как отмечалось выше, профессиональные юристы также занимаются ретроспективными исследованиями указанной тематики, публикуя свои труды в различном формате – от статей до учебных пособий и монографий. Анализ исторического опыта существования мест заключения применяется ими с практической целью решения современных актуальных проблем исправительно-трудовой системы России. Соответственно, в ведомственных научных журналах институтов Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН) постоянно публикуются статьи, посвященные историческому анализу пенитенциарной политики раннесоветской эпохи.

В то же время у данных исследований есть свои особенности и ограничения. Как правило, в публикациях приоритет отдается правовому анализу законодательных норм, опираясь на которые делаются выводы о результативности проводимой политики, зачастую без рассмотрения реального положения дел в местах заключения [31, 32]. В некоторых из них формулируются предложения для оптимизации современной пенитенциарной системы на основе использования опыта предыдущих периодов [33. С. 120], однако сам опыт советской эпохи описывается общими словами.

Помимо этого, публикуются отдельные ведомственные работы, посвященные становлению и трансформации пенитенциарной системы на территории Западной Сибири в очень широких хронологических рамках, начиная с XVII в. до современности [34], в которых раннесоветскому периоду отведено лишь несколько страниц с изложением общеизвестной информации.

Более профессионально выполнена работа Л.И. Разбириной и Л.К. Пальмовой «Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 гг.)» [35]. Исследование базируется на рассмотрении корпуса источников, хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО), Новосибирском городском архиве и архиве Информационного центра ГУ МВД России по Новосибирской области. Проанализированная авторами документация по истории становления и изменений пенитенциарной политики на территории Новониколаевска / Новосибирска сопровождается сканами источников из архивных дел, что позволяет демонстрировать характер и типы пенитенциарного делопроизводства различных эпох.

Ведомственное «ответвление» в изучении раннесоветской пенитенциарной политики, несмотря на некоторые отмеченные выше ограничения, сохраняет свое значение, отчасти и потому, что работники ФСИН обладают возможностями доступа и анализа ведомственной документации, в отличие от гражданских историков.

Заключение

Изучение пенитенциарной системы, ее становления и трансформаций советского периода, в частности периода НЭПа, имеет значительный накопленный для историографического осмысления потенциал. На протяжении столетия данную проблематику разрабатывали как профессиональные юристы, пенитенциаристы-практики, так с позднесоветского периода и историки, причем дисциплинарная специализация и подходы в исследованиях правоведов, пенитенциаристов и историков сохраняются и в настоящее время. Собственно конкретно-исторические исследования получили импульс для развития начиная с рубежа 1980–1990-х гг., когда работа с источниками помимо нормативно-правовых документов включила в себя архивные материалы, позволившие выявить и проанализировать информацию о практике исполнения наказания. Это повлекло за собой в постсоветский период появление значительного корпуса монографий, диссертаций, статей по пенитенциарной тематике с позиций ретроспективного взгляда на трансформационные процессы в отечественной системе исполнения наказания, причем в них при анализе проблемы фиксируются в различных пропорциях исторический и правовой аспекты.

Основными принципами в такого рода ретроспективных исследованиях являются хронологическая глубина охвата временных периодов и признание важности рассмотрения преемственности и разрывов принципов и черт пенитенциарной системы разных эпох. Утвердился и стал общепринятой нормой подход к изучению периода НЭПа и как специфического, самостоятельного периода поисков способов реформирования мест лишения свободы, и как к переходного этапа, содержавшего предпосылки к построению принципиально иной пенитенциарной системы 30-х гг. XX в. Наличие дискуссионных позиций в трактовке уголовно-исполнительной политики 1920-х гг. как предтечи ГУЛАГа, когда одни авторы относят предпосылки этого к эпохе Гражданской войны и доктрине насилия как инструмента утверждения новой государственности, а другие делают акцент на потребностях экономики мобилизационного типа в принудительном труде осужденных с конца 1920-х гг. является свидетельством того, что данная проблематика остается открытой для дальнейшего изучения.

Несмотря на активный интерес к изучению пенитенциарной темы, в ней остаются так называемые «белые пятна», к которым относится слабая разработка темы на региональных, в том числе сибирских, материалах в период НЭПа, а также игнорирование некоторых аспектов пенитенциарной политики. Об этом свидетельствует отсутствие работ, посвященных печатной, прежде всего газетной, пропаганде советской исправительно-трудовой политики, что является важным коммуникационным звеном в цепочке «законодательство – исполнение наказания на практике», демонстрирующим приоритеты советского правительства в данной сфере. Слабо разработанной является проблематика широкого использования труда осужденных судами без заключения их под стражу как меры, обозначенной в ИТК РСФСР 1924 г. На данный момент

существуют только отдельные работы, посвященные обозначенным аспектам [36, 37], где лишь намечены подходы и методы для дальнейшей их разработки. Таким образом, исследования по пенитенциарной политике периода НЭП продолжаются, однако их направ-

ленность требует возможного смещения в сторону пусть и более узко профилированной проблематики, но при этом наполнения работ верифицируемым эмпирическим материалом в рамках отдельных периодов и усиления региональных аспектов в них.

Список источников

1. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. : историко-правовой анализ тенденций развития. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 608 с. URL: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html> (дата обращения: 20.05.2022).
2. Иванова Г.М. История ГУЛАГа 1918–1958 гг. : социально-экономический и политико-правовой аспекты. М. : Наука, 2006. 437 с.
3. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1924. 342 с.
4. Ширвиндт Е.Г. Наше исправительно-трудовое законодательство. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1925. 116 с.
5. Суслина Е.В. Понимание лишения свободы в трудах М.М. Исаева и Б.С. Утевского // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (73). С. 220–226.
6. Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики. М.–Л. : Гос. изд-во, 1927. 196 с.
7. Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1927. 276 с.
8. Утевский Б.С. Как советская власть исправляет преступников. М. : Изд-во НКВД, 1930. 67 с.
9. Аскарханов С. О принудительных работах без содержания под стражей // Ежедневник советской юстиции. 1923. № 6. С. 125–127.
10. Якупсон В. Принудительные работы и легальная возможность исполнения приговора // Ежедневник советской юстиции. 1923. № 13. С. 294–295.
11. Лаговьер Н. Организация принудительных работ (практические заметки) // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 16. С. 477–478.
12. О карательной политике и состоянии мест заключения : постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417–418.
13. Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика. М. : Сов. законодательство, 1934. 120 с.
14. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург : УрГЮА, 1997. 364 с.
15. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Госюриздат, 1951–1956.
16. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 3-е изд. М. : Госюриздат, 1960. Т. 1. 384 с.
17. Бердинских В.А., Веремьев В.И. Краткая история ГУЛАГа. М. : Ломоносовъ, 2018. 440 с.
18. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии. М. : Юрлитинформ, 1999. 448 с.
19. Эпльбаум Э. ГУЛАГ. Паутина большого террора. М. : Московская шк. политических исслед., 2006. 688 с.
20. О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека : Указ Президента РФ от 23.06.1992 № 658. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 26. Ст. 1510.
21. Сталин И.В. Сочинения. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 11. 377 с.
22. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / сост. М.Б. Смирнов. М. : Мемориал¹, 1998. 597 с. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 28.02.2024).
23. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН, 2008. 462 с.
24. Погорелов М.А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 450 с.
25. Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири (1917–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972. 22 с.
26. Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 24 с.
27. Михеенков Е.Г. Организация труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири в эпоху Новой экономической политики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 3, № 4 (60). С. 291–297.
28. Быков А.В. Проблемы кадрового обеспечения мест заключения в Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4 (29). С. 10–13.
29. Быков А.В. Медико-санитарное обеспечение мест заключения Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 1 (13). С. 102–109.
30. Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2011. 328 с.
31. Демидова О.В., Стукалов П.Б. Особенности системы источников уголовно-исполнительного права советского государства (1917–1929 гг.) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2019. № 4. С. 196–201.
32. Голикова О.А. Мероприятия советской власти по реализации образовательного процесса в рамках исправительно-трудовой деятельности осужденных // Вестник Кузбасского института. 2014. № 2 (19). С. 109–113.
33. Одинова Л.Н., Пушкарева И.А. Исправительные работы: история и современность // Вестник Кузбасского института. 2023. № 2 (55). С. 112–122.
34. Белоусова О.А. История уголовно-исполнительной системы Западной Сибири : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2018. 48 с.
35. Разбирин Л.И., Пальмова Л.К. Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 гг.). Новосибирск : НГУЭУ, 2020. 184 с.
36. Красильников С. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1027–1046.
37. Мамонтова Д.А. Освещение идеи трудового перевоспитания преступников в советской периодической печати (журнал «Ежедневник советской юстиции» и газета «Советская Сибирь») в 1922 и 1928 годах // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 116–128.

References

1. Uporov, I.V. (2004) *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya* [Penal Policy of Russia in the 18th – 20th Centuries. Historical and Legal Analysis of Development Trends]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press. [Online] Available from: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html> (Accessed: 20th May 2022).
2. Ivanova, G.M. (2006) *Istoria GULAGA 1918–1958 gg.: sotsialno-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekty* [History of the Gulag 1918–1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects]. Moscow: Nauka.

¹ Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»» внесена в реестр некоммерческих организаций, признанных «иностранными агентами», от 04.10.2016.

3. Poznyshev, S.V. (1924) *Osnovy penitentsiarnoy nauki* [Fundamentals of Penal Science]. Moscow: Yurid. izd-vo Narkomyusta.
4. Shirvindt, E. G. (1925) *Nashe ispravitel'no-trudovoe zakonodatel'stvo* [Our Corrective Labor Legislation]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR.
5. Suslina, E. V. (2016) Ponimanie lisheniya svobody v trudakh M.M. Isaeva i B.S. Utevskeya [Understanding of Imprisonment in the Works of M.M. Isaev and B.S. Utevskiy]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 12(73). pp. 220–226.
6. Isaev, M.M. (1927) *Osnovy penitentsiarnoy politiki* [Fundamentals of Penal Policy]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
7. Shirvindt, E. & Utevskiy, B. (1927) *Sovetskoe penitentsiarnoe pravo* [Soviet Penal Law]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR.
8. Utevskiy, B.S. (1930) *Kak sovetskaya vlast' ispravlyayet prestupnikov* [How the Soviet Government Corrects Criminals]. Moscow: NKVD.
9. Askarkhanov, S. (1923) O prinuditel'nykh rabotakh bez soderzhaniya pod strazhey [On Forced Labor without Detention]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 6. pp. 125–127.
10. Yakubson, V. (1923) Prinuditel'nye raboty i legal'naya vozmozhnost' ispolneniya prigovora [Forced Labor and the Legal Possibility of Sentence Execution]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 13. pp. 294–295.
11. Lagovier, N. (1927) Organizatsiya prinuditel'nykh rabot (prakticheskie zametki) [Organization of Forced Labor (Practical Notes)]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 16. pp. 477–478.
12. RSFSR. (1928) O karatel'noy politike i sostoyanii mest zaklyucheniya : postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR po dokladam NKYu i NKVD [On the punitive policy and the state of places of detention: resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR based on the reports of the People's Commissariat of Justice and the NKVD]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 14. pp. 417–418.
13. Utevskiy, B. S. (1934) *Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika* [Soviet Corrective Labor Policy]. Moscow: Sov. zakonodatel'stvo.
14. Smykalin, A.S. (1997) *Kolonii i tyur'my v sovetskoy Rossii* [Colonies and Prisons in Soviet Russia]. Ekaterinburg: UrSLA.
15. Gernet, M.N. (1951–1956) *Istoriya tsarskoy tyur'my*: v 5 t. [History of Tsar's Prison]. Moscow: Gosyurizdat.
16. Gernet, M.N. (1960) *Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of Tsar's Prison]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Gosyurizdat.
17. Berdinskikh, V.A. & Veremev, V.I. (2018) *Kratkaya istoria GULAGA* [A Brief History of the Gulag]. Moscow: Lomonosov".
18. Detkov, M.G. (1999) *Tyur'my, lagerya i kolonii* [Prisons, Camps, and Colonies]. Moscow: Yurlitinform.
19. Applebaum, A. (2006) *GULAG. Pautina bol'shogo terrora* [Gulag. The Web of the Great Terror]. Moscow: Moscow School of Political Studies.
20. Russia. (1992) O snyatii ogranichitel'nykh grifov s zakonodatel'nykh i inyykh aktov, sluzhivshikh osnovaniem dlya massovykh repressiy i posyagatel'stv na prava cheloveka : Ukaz Prezidenta RF ot 23.06.1992 № 658 [On the removal of restrictive labels from legislative and other acts that served as the basis for mass repressions and attacks on human rights: Decree No. 658 of the President of the Russian Federation of 23.06.1992]. *Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovno-go Soveta Rossiyskoy Federatsii*. 26. Article 1510.
21. Stalin, I.V. (1949) *Sochineniya* [Essays]. Vol. 11. Moscow: OGIZ, Gos. izd-vo polit. lit.
22. Smirnov, M.B. (ed.) (1998) *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerey v SSSR, 1923–1960* [System of Corrective Labor Camps in the USSR in 1923–1960]. Moscow: Memorial. [Online] Available from: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (Accessed: 28th February 2024).
23. Solomon, P. (2008) *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow: ROSSPEN.
24. Pogorelov, M.A. (2022) *Reformirovanie penitentsiarnoy sistemy v RSFSR v 1918–1930 gg.* [Transformation of Penal System in RSFSR in 1918–1930]. History Cand. Diss. Moscow.
25. Kuzmina, A.S. (1972) *Stanovlenie ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy Sibiri (1917–1924 gg.)* [Formation of correctional labor institutions in Siberia (1917–1924)]. Law Cand. Diss. Tomsk.
26. Bykov, A.V. (2004) *Stanovlenie i razvitiye penitentsiarnoy sistemy Zapadnoy Sibiri v 1920-e gg.* [Formation and development of the penitentiary system of Western Siberia in the 1920s]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
27. Mikheenkova, E.G. (2014) Organizatsiya tryda osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh Zapadnoy Sibiri v epokhu Novoy ekonomicheskoy politiki [Organization of Convicts' Labor in Penal Institutions of Western Siberia during the New Economic Policy (NEP)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(60). pp. 291–297.
28. Bykov, A.V. (2015) Problemy kadrovogo obespecheniya mest zaklyucheniya v Zapadnoy Sibiri v 1920-e gg. [Problems of Staffing Places of Detention in Western Siberia in 1920s]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 4(29). pp. 10–13.
29. Bykov, A.V. (2017) Mediko-sanitarnoe obespechenie mest zaklyucheniya Zapadnoy Sibiri v 1920-e gg. [Health Care in Places of Detention in Western Siberia in 1920s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki."* 1(13). pp. 102–109.
30. Uymanov, V.N. (2011) *Penitentsiarnaya sistema Zapadnoy Sibiri (1920–1941 gg.)* [Penal System of Western Siberia (1920–1941)]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
31. Demidova, O.V. & Stukalov, P.B. (2019) Osobennosti sistemy istochnikov ugovolno-ispolnitel'nogo prava sovetskogo gosudarstva (1917–1929 gg.) [Features of the system of sources of criminal-executive law of the Soviet state (1917–1929)]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*. 4. pp. 196–201.
32. Golikova, O.A. (2014) Meropriyatiya sovetskoy vlasti po realizatsii obrazovatel'nogo protsessa v ramkakh ispravitel'no-trudovoy deyatel'nosti osuzhdennykh [Measures of the Soviet Government to Implement the Educational Process within the Framework of Corrective Labor Activities of Convicts]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2(19). pp. 109–113.
33. Odintsova, L.N. & Pushkareva, I.A. (2023) Ispravitel'nye raboty: istoriya i sovremennost' [Corrective Labor: History and Modernity]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2(55). pp. 112–122.
34. Belousova, O.A. (ed.) (2018) *Istoriya ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Zapadnoy Sibiri* [History of Penal System in Western Siberia]. 2nd ed. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
35. Razbirina, L.I. & Palmova, L.K. (2020) *Ocherki po istorii ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Novosibirskoy oblasti (1920–1960 gg.)* [Essays on the History of Penal System of Novosibirsk Region (1920–1960)]. Novosibirsk: NSUEU.
36. Krasilnikov, S. (2017) Mezhduraznitsa pravom i nakazaniem: trud v rannesovetskom obshchestve [Between Rights and Punishment: Labor in the Early Years of Soviet Society]. *Quaestio Rossica*. 5(4). pp. 1027–1046.
37. Mamontova, D.A. (2023) Osveshchenie idei trudovogo perezovospitaniya prestupnikov v sovetskoy periodicheskoy pechati (zhurnal "Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii" i gazeta "Sovetskaya Sibir") v 1922 i 1928 godakh [Representation of the Idea of Labor Re-Education of the Criminals in the Soviet Periodicals (Magazine "Ezhenedel'nik Sovetskoy Yustitsii" and Paper "Sovetskaya Sibir") in 1922 and 1928]. *Istoricheskiy kur'er*. 1(27). pp. 116–128.

Сведения об авторе:

Мамонтова Дарья Андреевна – аспирант кафедры отечественной истории, ассистент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: d.mamontova@g.nsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mamontova Darya A. – PhD Student at the Department of Russian History, assistant at the Department of History, Culture and Arts of the Institute for the Humanities of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: d.mamontova@g.nsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 02.03.2024; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья

УДК 821.161./930

doi: 10.17223/19988613/90/16

«Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» в сборниках сибирских старообрядцев

Елизавета Андреевна Юдина

*Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, lvyaznikova@gmail.com*

Аннотация. Представлены результаты исследования выявленных списков древнего апокрифического памятника «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши» в старообрядческих сборниках XIX–XX вв. Приводятся основные особенности трансформации текста в поздней старообрядческой среде. Текстуальное сравнение одиннадцати списков из сибирских региональных хранилищ с критическим изданием «Сказания» позволяет говорить о новой, ранее не обнаруженной разновидности текста.

Ключевые слова: Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши, старообрядцы, рукописный сборник, текстология, археография

Благодарности: Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Депозитарий книжных памятников Сибири и Дальнего Востока: выявление, система цифрового хранения и организации доступа для исследования», № 122040600049-8.

Для цитирования: Юдина Е.А. «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» в сборниках сибирских старообрядцев // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 148–153. doi: 10.17223/19988613/90/16

Original article

‘The Twelve Dreams of King Shahaisha’ in the collections of Siberian Old Believers

Elizaveta A. Yudina

*State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, lvyaznikova@gmail.com*

Abstract. The aim of the study is to identify the text of the Legend of the Twelve Dreams of King Shahaisha " in the Old Believer manuscripts of the XVIII – XX centuries. The narrative of this ancient apocrypha tells of an eastern king telling his dreams to the wisest philosopher, who responds with an interpretation-prophecy to each dream. The material for the study was selected during archaeographic cameral work in the repositories of 13 Siberian archives of the cities of Novosibirsk, Tomsk, Tobolsk, Tyumen and Irkutsk, where it was possible to identify 11 copies of the Legend. It is worth noting that this number indicates the popularity of this apocryphal work: not all early Old Russian texts continued to actively exist in the Old Believers' milieu. Of course, the frequent rewriting of the Legend is connected with the eschatological nature of the literary monument. Earlier, researchers showed interest in earlier texts of the Legend, and the main issues for resolution were the origin and reconstruction of the ancient manuscript monument, the primacy and secondariness of the South Slavic edition and the Russian edition. Based on the material of well - known copies in the beginning of the XX century, a classification of editions was developed, which became the basis for distinguishing the "Siberian" copies of the Legend in this study. An important role for attributing texts to a particular group is the order of the king's dreams and the images in them. Working with the texts *de visu* and conducting textual analysis allow us to determine that one of the copies belongs to the 1st edition, three lists belong to the 2nd group of the 2nd edition, which indicates the continuation of the coexistence of the two editions in the literary process of the XIX–XX centuries. However, the main result of the study should be called the identification of a new kind of the Legend of the Twelve Dreams of King Shahaisha. It can be called the 3rd redaction. In five copies, new images were found that researchers had not encountered before - four dreams of the king were replaced. Changes in the text may be associated with a different interpretation of dark places that have not been fully understood in all ages: The Old Believers-scribes strive to adapt them for a modern reader. A thoughtful reading of the ancient text and the ability to create a new version of it once again confirms the belief of the archaeographers that the Old Believers can rightfully be called the direct successors of the Old Russian manuscript tradition.

Keywords: ‘The Twelve Dreams of King Shahaisha’, Old Believers, manuscript collection, textual studies, archeography

Acknowledgements: The article was prepared as part of the implementation of SPSTL SB RAS project No. 122040600049-8: “The Depository of Book Monuments of Siberia an the Far East: Identification, Digital Storage System and Organization of Access for Research”.

For citation: 'The Twelve Dreams of King Shahaisha' in the collections of Siberian Old Believers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 148–153. doi: 10.17223/19988613/90/16

Переводной апокрифический памятник «Сказание о 12 снах царя Шахаиши» вызывало особый интерес не только исследователей, но и книжников: произведение эсхатологического характера дошло до нас в достаточно большом количестве списков. По сюжету некий восточный царь рассказывает о своих загадочных снах мудрому философу, который делится с царем неутешительным толкованием каждого сновидения: образы из снов предвещали страшные беды для человечества в далеком будущем, его неминуемое моральное разложение, которое приведет к концу всего мира.

До определенного времени верхней и нижней хронологическими границами выявленных русских и южнославянских рукописей, содержащих Сказание в составе, считались XV–XVIII вв. Основу для дальнейшего изучения Сказания, определения редакций и источников текста в XIX в. положили А.Н. Веселовский [1], А.Н. Пыпин [2. С. 489–500] и Йи. Поливка [3, 4]. А.Н. Веселовский впервые затронул вопрос о редакциях памятника. Основным и явным разграничением предложено было считать имена царя и философа: в списках древнейшей редакции царь наречен Шахаиши (Шакиш, Шаикиши, Шеховицъ, Шаховичъ и др.), философ – Мамер (Моамерь, Америкъ и др.); в списках более поздней редакции царь и философ «поменялись» именами [1. С. 4]. Публикация текста древнейшей редакции была осуществлена исследователем по трем спискам XV в.

В своей классификации, опираясь на опыт предшественников, А.В. Рыстенко назвал древнейшую редакцию первой, более позднюю – второй. Внутри второй редакции он разграничил списки по трем группам. Исследовав 24 ранее не введенных в научный оборот списка, А.В. Рыстенко опубликовал текст второй редакции по вариантам [5. С. 71–112].

Более поздние исследования Сказания были посвящены предельно сложному вопросу реконструкции протографа памятника с привлечением, прежде всего, ранних списков для текстологического анализа. Особое внимание уделяется лингвистическим аспектам изучения произведения и особенностям его переводов, которые могли бы пролить свет на происхождение древнерусского текста. Б.И. Кузнецов привел ряд аргументов

в пользу персидского протографа Сказания, укрепляя выдвинутое ранее предположение А.Н. Веселовского [1. С. 47]. Имя мудреца Мамера неоспоримо связывается с именем персидского пророка, религиозного миссионера Митры [6. С. 273]. Исследователь называет «Книгу Заратуштры» одним из источников толкований снов философом [6. С. 275]. Исследование «темных мест» в славянском тексте привело В.М. Лурье к мысли о существовании сирийского протографа, повлиявшего на две славянские и две румынские редакции [7]. А. Милтенова посвятила ряд работ южнославянским спискам Сказания, выявила и опубликовала самый ранний список на сербском языке, найденный в Черногории и датированный ок. 1380 г. [8. С. 445–449]. В разрешение вопросов реконструкции первоначального текста внесла свой вклад А.А. Пичхадзе, обратившись к шести южнославянским и трем восточнославянским спискам: предложены новые интерпретации нескольких «темных мест», проведен анализ отличий древнейшей русской редакции от южнославянских текстов [9]. Несмотря на иную специфику и привлеченный более ранний материал, результаты исследований этих ученых оказались, безусловно, полезны и для нашей работы, главной задачей которой мы определили выявление списков Сказания в поздних старообрядческих сборниках из сибирских древлехранилищ, их текстуальное сравнение и определение их редакций.

В процессе работы над проектом РНФ «Древнерусские тексты в старообрядческой среде» (№ 22-28-00742), завершившемся в 2023 г., в древлехранилищах городов Новосибирска, Томска, Тюмени, Тобольска и Иркутска¹ нам удалось выявить 11 списков Сказания в старообрядческих сборниках, датированных XIX – началом XX в. Стоит отметить, что лишь единицы ранних древнерусских текстов были обнаружены в таком количестве списков, что, очевидно, подтверждает ранее замеченный специалистами интерес старообрядцев к этому произведению.

В своей классификации А.В. Рыстенко предложил начальное разграничение текстов на уровне их макроструктуры: списки Сказания разнятся образами, явившимися царю во снах [5. С. 49]:

	1-я редакция	2-я редакция 1-я группа	2-я редакция 2-я группа	2-я редакция 3-я группа
1-й сон	Золотой столп	Золотой столп	Золотой столп	Золотой столп
2-й сон	Сырь брюхъ (серъ убрусь)	Сырь брюхъ (серъ убрусь)	Сырь брюхъ (серъ убрусь)	Сырь брюхъ (серъ убрусь)
3-й сон	Три котла	Три котла	Три котла	Три котла
4-й сон	Кобыла и жеребята	Кобыла и жеребята	Кобыла и жеребята	Кобыла и жеребята
5-й сон	Собака со щенятами	Собака со щенятами	Собака со щенятами	Собака со щенятами
6-й сон	Иереи в грязи	Страшныя чудовища	Страшныя чудовища	Страшныя чудовища
7-й сон	Конь о двух головах	Священники, утопающие вь грязи	Священники, утопающие вь грязи	Священники, утопающие вь грязи
8-й сон	Драгоценные камни	Конь о двух головах	Конь о двух головах	Проливое молоко
9-й сон	Обманутые богачи	Драгоценные камни	Драгоценные камни	Конь о двух головах
10-й сон	Три котла	Разсевшаяся гора	Разсевшаяся гора	Драгоценные камни
11-й сон	Девицы	Пророчеств	Народъ много	Разсевшаяся гора
12-й сон	Люди страшнаго вида	Пророчество	Пророчество	Пророчество

Опираясь на разработанную А.В. Рыстенко систему, Т.Ф. Волкова и О.Р. Кориэлл провели исследование печорских списков Сказания, большинство которых было датировано XIX в. За исключением ряда разночтений, они пришли к выводу, что все семь печорских списков относятся ко 2-й группе 2-й редакции, и предложили разделить выявленные тексты на четыре варианта внутри группы [10].

Результаты текстуального изучения «сибирского» материала представляют иную картину бытования Сказания в поздней старообрядческой традиции.

1-я редакция:

1) ИИ СО РАН 2/71 (нач. XIX в.). Без заголовка и предисловия, начинается с описания 1-го сна царем: «...на рсях бисеръ и злато клевати и терзати, и от столпа злато и от рясъ бисеръ отсыпашеся».

2-я редакция 2-я группа:

1) ГАТОН № 7 (нач. XIX в.). Заголовок: «*Повесть о видение сновъ Мамера царя і рассужденія философа книжника ерехоскаго*». Текст оканчивается на толковании 1-го сна, однако совпадает со списками, относящимися к выделенной группе.

2) ТОКМ 7903.13 (кон. XIX в.). Заголовок: «*Бе не в коих странахъ древнихъ градъ именемъ Ириней, а царь именемъ Мамеръ*».

3) ГПНТБ СО РАН О.П.10 (нач. XX в.). Заголовок и часть текста утрачены, начинается с толкования 1-го сна философом: «...восплачются плачемъ великимъ и востанетъ господинъ на раба, а рабъ на господина, старецъ на старца, соседъ на соседа, друг на друга».

Отнесение исследованных нами списков к той или иной группе или редакции, по А.В. Рыстенко, не столь однозначно, как отраженный в исследовании Т.Ф. Волковой и О.Р. Кориэлл результат, основанный на изучении печорских старообрядческих сборников. В нашем случае лишь три списка Сказания можно с уверенностью отнести ко 2-й группе 2-й редакции. В своей статье Т.Ф. Волкова и О.Р. Кориэлл отметили: «Говоря об особенностях печорских списков, нами изученных, отметим, что в них иногда прослеживается замена некоторых образов на те, которые ярче отражают культуру и быт печорских крестьян. Так, например, вместо беременной собаки с щенятами в животе (5-й сон) во всех печорских списках появляется лежащая на берегу щука с трепыхающейся внутри нее живой рыбой» [10. С. 41]. Предложенная трактовка замены образа беременной собаки на образ щуки не представляется нам верной.

Безусловно, по опыту полевой археографии мы имеем представление, что и в XXI в. животное это воспринимается «нечистым» в старообрядческой среде, и собаку по-прежнему не положено пускать в дом. Но нельзя сказать, что она не близка староверам: в каждом доме этот помощник не просто сторожит территорию, но и содействует в промыслах: охоте и рыбалке. Отражает ли рыба быт старообрядцев ярче, чем собака? В таком случае можно ли сказать, что печорские старообрядцы среди других выделяются своей близостью к водоемам или рыбалке? В изученных нами старообрядческих сборниках мы также встречаем замену образа в 5-м сне. Более того, эту замену зафиксировал

и А.В. Рыстенко при публикации текста 2-й группы 2-й редакции [5. С. 107]. Куда более правдоподобной нам кажется ситуация, в которой для переписки текста был снят список с лексемой *сука*. По этой причине через несколько этапов переписки текста в рукописях возникает полноценный образ щуки.

ИИ СО РАН 2/71: «*И глагола ему царь, видехъ сукащени на гнощи лежаще, сиречь на навозной кучи, а в ней во чреве щенята брашуще*».

ГПНТБ СО РАН О.П.10: «*Виде царь в реке щюку во гнощи оу берегу лежить во чреве ея рыба трепещется*».

Наличие в поздних старообрядческих сборниках, хранящихся в сибирских древлехранилищах, списков Сказания, относящихся к обеим редакциям, подтверждает предположение А.В. Рыстенко, что и 1-я, и 2-я редакции продолжают сосуществовать в литературной традиции с количественным преобладанием 2-й в раскольничьей среде [5. С. 36]. Именно в этой редакции, при составлении которой привлекались другие известные древнерусскому книжнику тексты-пророчества, усиливается эсхатологическое настроение. Отметим также, что и в печорских, и в «сибирских»² старообрядческих сборниках отсутствуют тексты Сказания, относимые к 1-й и 3-й группам 2-й редакции: здесь мы можем предполагать о прерывании литературной традиции Сказания в этих двух вариантах. Безусловно, для более уверенного утверждения необходимо привлечение более широкого круга источников.

Остальные исследованные нами *de visu* списки Сказания не соответствуют разработанной около века назад классификации. В них мы встречаем иной набор образов во снах царя.

1) ИИ СО РАН 1/80 (нач. XIX в.). Заголовок и часть текста утрачены, начинается с толкования 1-го сна философом: «...а зима в лето, и среди лета будетъ мразъ великъ, а зимою дождь, и тогда не познаютъ время, когда семена сеяти».

2) НБ ИГУ № 170 (нач. XIX в.). Заголовок: «*От книги летописной, о царе Мамире, како виде в единой нощи 12 сновъ*».

3) НБ ТГУ В-27.238 (нач. XIX в.). Заголовок: «*Из книги летописной повесть о последних летехъ*».

4) ГПНТБ СО РАН О.П.24 (кон. XIX в.). Заголовок: «*Повесть о царе Мамере кано виде 12 сновъ*».

5) ИИ СО РАН 36/77 (кон. XIX в.). Заголовок: «*От книги летописной повесть о царе, како виделъ дванадцать сновъ, зело страшны*».

На примере этих пяти списков мы можем проследить, как места в тексте, представлявшиеся «темными» для переводчиков и книжников, создававших первые списки русской редакции еще в XV в., со временем окончательно теряют свой исконный смысл и становятся почвой для новых интерпретаций, влияющих на изменения сюжета Сказания уже в XIX в.

Совершенно неведомым для создателей рукописных сборников позднего времени представлялся образ в 2-м сне – *сырь брюхъ*. Даже в самых ранних русских и южнославянских списках это словосочетание являлось *lectio difficilior* и имело различные трактовки: *видѣхъ с нѣсе до земла вислицъ серъ убръсь / сыро брю-*

хо и даже *сребру*. В первоначальном варианте, как предположил В.М. Лурье, царю снились внутренности жертвенных животных, провисающие до земли [11. С. 6]. В выявленных пяти списках мы обнаруживаем более преобразованный вариант сна:

ИИ СО РАН. 1/80. Л. 14–14 об.	<i>Рече царь 2 сон. Видехъ тело наго стояще пред лицомъ моимъ</i>
НБ ИГУ. № 170. Л. 495 об.	<i>И рече царь философу 2 сонъ. Видехъ тело наго страшно стояща</i>
НБ ТГУ. В-27.238. Л. 133–133 об.	<i>Сон вторый. И рече царь, видехъ тело наго и страшно стоящо пред лицомъ моимъ</i>
ГПНТБ СО РАН. О.П.24. Л. 7	<i>И рече царь 2 сонъ. Видехъ тело наго страшно стояще пред лицомъ моимъ</i>
ИИ СО РАН. 36/77. Л. 29	<i>И рече царь 2 сонъ. Видехъ тело наго страшно, стоящо пред лицомъ моимъ</i>

Очевидно, что сквозь несколько веков переписки Сказания к XIX в. словосочетание «сыро брюхо» воспринимается книжником как оголенная часть человеческого тела. Для большего понимания текста оно заменяется на образ голого тела в целом. Однако без уточнения конкретной части не вполне ясно, каким образом нагое тело свисает с неба, в чем проявляется ужас во 2-м сне. Поэтому вместе с заменой образа происходит и замена всего сна: в новой интерпретации страшное нагое тело предстает перед лицом царя.

Следующая замена образа наблюдается в 4-м сне:

Собр. И.А. Вахрамеева. № 445, XVIII в. [5. С. 83]	<i>Рече царь Шаховицу: философе, видехъ староу кобылицу оря бороною, травову торжаше и дояще кобылоу жеребятъ, а орящей лизаша кобылоу</i>
ИИ СО РАН. 1/80. Л. 15	<i>И рече царь 4 сонъ. Видехъ ослицу, и на ней сидит юрод, и она хватает траву, а жребя ослицу лижитъ</i>
НБ ИГУ. № 170. Л. 496	<i>И рече царь 4 сонъ. Видехъ ослицу, а на ней орют, а она хватает траву, а жребя ослицу лижит</i>
НБ ТГУ. В-27.238. Л. 134–135 об.	<i>Четвертый сонъ. И рече царь къ философу. Видехъ ослицу, а на ней орютъ и боронятъ, а она хватает траву, а жребя ослицу лижетъ</i>
ГПНТБ СО РАН. О.П.24. Л. 9–9 об.	<i>И рече царь 4 сонъ. Видехъ ослицу, а на ней оуоротъ, а на хватает траву, а жребя ослицу лижитъ</i>
ИИ СО РАН. 36/77. Л. 29 об.–30	<i>И рече царь 4 сонъ. Видехъ ослицу, а на ней орютъ, а она хватает траву, а жребя ослицу лижетъ</i>

Вследствие неверного понимания текста переписчиками в 4-м сне вместо кобылицы и белого жеребца, рвущего для нее траву, появляется кобыла, на которой пашут и боронят. В выявленных нами пяти списках

кобылу заменяет ослица, в четырех из пяти на ослице сидит некий урод. Следует отметить, что образ ослицы с уродом во сне куда удачнее коррелирует с толкованием философа, нежели пашущая кобыла: философ ведает царю, что в последние времена до скончания мира ради куска хлеба мать принудит собственную дочь на распутство с чужим мужем и не постыдится присутствовать во время этого акта.

Подвергся изменению и 5-й сон: в тех же списках Сказания появляется образ лисицы, ранее не встречавшийся исследователям. Вероятно, замена может быть связана с записью собаки как *псица* предыдущим переписчиком, – такой случай встречается нам в одном из сборников:

ИИ СО РАН. 1/80. Л. 15	<i>И рече 5 сонъ. Видехъ лисицу лежащу и небрежащу щенята своя, а они на нея ляху</i>
НБ ИГУ. № 170. Л. 496 об.	<i>И рече царь философу 5 сон. Видехъ лисицу на гноищи лежащу и лижащу щенята своя. И они на нея лающе</i>
НБ ТГУ. В-27.238. Л. 136	<i>Пятый сон. И рече царь, видехъ лисицу на гноищи лежащу и брежащу щенята своя, а они на нее лающе</i>
ГПНТБ СО РАН. О.П.24. Л. 10	<i>И рече царь 5 сонъ: Видехъ псицу на гноитиши лежащу и брежащу шенята своя, а они на нея лають</i>
ИИ СО РАН. 36/77. Л. 30	<i>И рече царь 5 сонъ. Видехъ лисицу на гноище лежащу и брежецу и щенята тоя, а они на нея лающе</i>

Внутри сна разнятся и действия лисицы по отношению к своим щенятам: в большинстве списков она оберегает своих детенышей, в одном из списков – пренебрегает ими, еще в одном – лижет щенят.

Еще одной особенностью этой группы списков можно считать 12-й сон, называемый «пророчеством», – в текстах остальных групп царь спрашивает у философа: «Что есть скончание миру?» Далее философ делится с царем пророчеством. Это вольное представление последнего фрагмента текста без наличия сна как такового подчеркивает схожесть Сказания с произведениями эзотерической формы. В выявленной нами группе списков этот эпизод логично встраивается в стройную композицию Сказания, подвергнувшись легкому редактированию: царь говорит о том, что ему приснился «страхъ великъ, како быти скончании всему миру». Последующее пророчество философа представлено как толкование этого сна.

Все перечисленные изменения в пяти списках позволяют нам выделить новую, 3-ю редакцию Сказания о 12 снах царя Мамера:

	1-я редакция	2-я редакция 1-я группа	2-я редакция 2-я группа	2-я редакция 3-я группа	3-я редакция
1-й сон	Золотой столп	Золотой столп	Золотой столп	Золотой столп	Золотой столп
2-й сон	Сыръ брюхъ (серъ убрусь)	Сыръ брюхъ (серъ убрусь)	Сыръ брюхъ (серъ убрусь)	Сыръ брюхъ (серъ убрусь)	Нагое тело
3-й сон	Три котла	Три котла	Три котла	Три котла	Три котла
4-й сон	Кобыла и жеребята	Кобыла и жеребята	Кобыла и жеребята	Кобыла и жеребята	Ослица и жеребята
5-й сон	Собака со щенятами	Собака со щенятами	Собака со щенятами	Собака со щенятами	Лисица со щенятами
6-й сон	Иереи в грязи	Страшныя чудовища	Страшныя чудовища	Страшныя чудовища	Страшныя чудовища
7-й сон	Конь о 2-х головах	Священники, утопающие въ грязи	Священники, утопающие въ грязи	Священники, утопающие въ грязи	Священники, утопающие въ грязи
8-й сон	Драгоценные камни	Конь о двух головах	Конь о двух головах	Проливое молоко	Конь о двух головах
9-й сон	Обманутые богачи	Драгоценные камни	Драгоценные камни	Конь о двух головах	Драгоценные камни
10-й сон	Три котла	Разсевшаяся гора	Разсевшаяся гора	Драгоценные камни	Разсевшаяся гора
11-й сон	Девицы	Пророчеств	Народъ многъ	Разсевшаяся гора	Народъ многъ
12-й сон	Люди страшнаго вида	Пророчество	Пророчество	Пророчество	Сон о скончании мира

Дальнейшее исследование материала, работа со старообрядческими сборниками общин других регионов России позволит определить время и место создания этой новой разновидности памятника древнерусской письменности. Нельзя сказать, что в XIX в. данная разновидность была создана по причине неграмотности переписчика. Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши вдумчиво прочитывалось, и «темные места» были адаптированы для современного читателя в соответствии со смыслом каждого эпизода. В качестве примера вдумчивого разбора древнерусского текста можно привести маргиналию в сборнике НБ ИГУ №170: при переписке Сказания в рукопись писец заметил связь фрагмента Сказания с «Откровениями» Мефодия Патарского. Заканчивая переписку толкования 12-го сна, на л. 498 писец добавляет: «И в последние летех и изы-

дут оттуду и доидут до Рима, и всю землю поплелят, и тогда вскоре скончание всему миру будет, и в прочем... (зри в книзе Мефодия Патарьского, сия нужды и беды вси писаны)». А.В. Рыстенко удалось определить, что интерполяция из этого византийского эсхатологического сочинения явилась главным отличием 2-й русской редакции от основной 1-й [5. С. 59–60]. Выявление источника текста старообрядцем-книжником, несомненно, свидетельствует о широкой эрудиции и начитанности составителей подобных сборников, что в очередной раз подтверждает глубокое убеждение каждого археографа в том, что старообрядцы являются не только хранителями книжного наследия Древней Руси, владея самыми ценными экземплярами книжных памятников Средневековья, но и непосредственными преемниками древнерусской рукописной традиции.

Примечания

¹ Исследование старообрядческих сборников конца XVIII – XX в. было проведено в следующих архивах: Томская и Красноярская территориальные коллекции Древлехранилища им. Е.И. Дергачевой-Скоп Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (Новосибирск); Научная библиотека Томского государственного университета; Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова; Научная библиотека Тюменского государственного университета; Музейно-библиотечный комплекс ТюмГУ; Музейный комплекс им. И.Я. Слоцова (Тюмень); Государственный архив в г. Тобольске; Научная библиотека Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника; Институт истории СО РАН (Новосибирск); Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского; Научная библиотека Иркутского государственного университета им. В.Г. Распутина; Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского (и его филиал – Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы»).

² Когда мы употребляем прилагательное «сибирский» по отношению к исследованному материалу, мы ни в коем случае не утверждаем место его создания. В нашем случае мы указываем на его принадлежность к сибирским фондам, и последние места его «живого» бытования – в среде сибирских старообрядцев.

Список источников

1. Веселовский А.Н. Слово о двенадцати снах Шахаиши: по ркп. XV в. // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1879. Т. 20, № 2. С. 4–10.
2. Пыпин А.Н. История русской литературы. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2: Древняя письменность. Времена Московского царства. Канун преобразований. 566 с.
3. Polivka G. Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. II. Dvanajest snova cara Sahinsaha // Starine. 1889. Vol. 21. P. 187–194.
4. Polivka G. Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. XIV. Jošte dvanajest snova cara Sahinsaha // Starine. 1891. Vol. 24. P. 157–160.
5. Рыстенко А.В. Сказание о двенадцати снах царя Мамера в славяно-русской литературе. Одесса: Экон. тип., 1904. 112 с.
6. Кузнецов Б.И. «Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 30: Историческое повествование Древней Руси. С. 272–278.
7. Lourié B. The Slavonic Apocalypse The Twelve Dreams of Shahaisha: An Iranian Syriac Reworking of a Second Temple Jewish Legend on Jambres // Commentationes Iranicae: сб. Ст. к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 481–507.
8. Miltenova A. Tale of The Twelve Dreams of King Shahinshahi // Historical and Apocalyptic: Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria. Sofia: Iztok-Zapad, 2011. P. 427–449.
9. Пичхадзе А.А. К реконструкции текста «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши» // Slověne. 2021. Vol. 10, № 1. С. 41–56.
10. Волкова Т.Ф., Кориэлл О.Р. Апокрифическое «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» и его печорские списки // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. 2021. Вып. 4 (20). С. 38–48.
11. Лурье В.М. Славянское «Сказание о 12 снах Шахаиши». Сирийский оригинал, пехлевийский прототип (в связи с проблемой ранних сирийско-славянских контактов) // Средневековое православие от прихода до патриархата: сб. науч. ст. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1997. С. 5–39.

References

1. Veselovskiy, A.N. (1879) Slovo o dvenadsati snakh Shakhaiishi: po rkp. XV v. [The Tale of the Twelve Dreams of the Shahaishi: According to the Russian Classical Testament of the 15th Century]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk*. 20(2). pp. 4–10.
2. Pypin, A.N. (1898) *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature]. Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
3. Polivka, G. (1889) Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. II. Dvanajest snova cara Sahinsaha. *Starine*. 21. pp. 187–194.
4. Polivka, G. (1891) Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. XIV. Jošte dvanajest snova cara Sahinsaha. *Starine*. 24. pp. 157–160.
5. Rystenko, A.V. (1904) *Skazanie o dvenadsati snakh tsarya Mamera v slavyano-russkoy literature* [The Tale of the Twelve Dreams of Tsar Mamer in Slavic-Russian Literature]. Odessa: Ekon. tip.
6. Kuznetsov, B.I. (1976) “Slovo o dvenadsati snakh Shakhaiishi” i ego svyazi s pamyatnikami literatury Vostoka [“The Tale of the Twelve Dreams of Shahaishi” and its connections with monuments of Eastern literature]. In: *TODRL*. Vol. 30. Leningrad: Nauka. pp. 272–278.
7. Lourié, B. (2013) The Slavonic Apocalypse The Twelve Dreams of Shahaisha: An Iranian Syriac Reworking of a Second Temple Jewish Legend on Jambres. In: Tokhtasiev, S.R. & Lurie, P.B. (eds) *Commentationes Iranicae*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 481–507.
8. Miltenova, A. (2011) Tale of The Twelve Dreams of King Shahinshahi. In: Tăpkova-Zaimova, V. & Miltenova, A. (eds) *Historical and Apocalyptic: Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria*. Sofia: Iztok-Zapad. pp. 427–449.
9. Pichkhadze, A.A. (2021) K rekonstruktsii teksta “Skazaniya o dvenadsati snakh tsarya Shakhaiishi” [On the reconstruction of the text of “Tale of the Twelve Dreams of King Shahinshahi”]. *Slověne*. 10(1). pp. 41–56.
10. Volkova, T.F. & Koriell, O.R. (2021) Apokrificheskoe “Skazanie o dvenadsati snakh tsarya Shakhaiishi” i ego pechorskie spiski [The Apocryphal “Tale of the Twelve Dreams of King Shahaishi” and Its Pechora Lists]. *Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Ser. gumanitarnyykh nauk*. 4(20). pp. 38–48.

11. Lurie, V.M. (1997) Slavyanskoe "Skazanie o 12 snakh Shakhaiishi". Siriyskiy original, pekhleviyskiy prototip (v svyazi s problemoy rannikh siriysko-slavyanskikh kontaktov) [The Slavic " Tale of the Twelve Dreams of Shahaishi." The Syriac Original, Pahlavi Prototype (in Connection with the Problem of Early Syrian-Slavic Contacts)]. In: Barabanov, N.D. (ed.) *Srednevekovoe pravoslavie ot prikhoda do patriarkhata* [Medieval Orthodoxy from Parish to Patriarchate]. Volgograd: Volgograd State University. pp. 5–39.

Сведения об авторе:

Юдина Елизавета Андреевна – младший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: lvyaznikova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yudina Elizaveta A. – Junior Researcher of the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lvyaznikova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 20.11.2023; accepted for publication 01.07.2024

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 390(=941.112)

doi: 10.17223/19988613/90/17

Гипотезы о происхождении уйльта (ороков) Сахалина (вторая половина XIX – начало XXI в.)

Владимир Викторович Подмаскин

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук, Владивосток, Россия, podmaskin@yandex.ru*

Аннотация. Дается оценка трудов исследователей истории и культуры уйльта Сахалина. Каждый исследователь выдвигает свою точку зрения о происхождении народа на основе конструктивистской теории этничности. Основное внимание уделяется рассмотрению неаутентичных этнонимов (ороки, орочены, уйльта). Выясняется, что их общее самоназвание – нани, характеризующее идентичность самосознания древнего племенного союза.

Ключевые слова: вторая половина XIX – начало XXI в., уйльта (ороки), происхождение, историко-культурные связи, этнонимы, самоназвание, Сахалин и Нижний Амур

Для цитирования: Подмаскин В.В. Гипотезы о происхождении уйльта (ороков) Сахалина (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 154–161. doi: 10.17223/19988613/90/17

Original article

Hypotheses about the origin of the Uilta (Orok) of Sakhalin (second half XIX – beginning XXI century)

Vladimir V. Podmaskin

*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, podmaskin@yandex.ru*

Abstract. The objectives of the study are as follows: 1) to cobble together all known materials on the origins of the Uilta (Oroks) of Sakhalin in the broad sense of the toponym *nani* and 2) submit the author's own version of the origins of the Uilta dating from ancient times. The author is quite conscious both of the complexity of the task and that of the proposed solutions, particularly in the case of the version of the homogenous origin of the Uilta. Some modern scholars identify the Uilta in the initial stage of their formation with the modern Evenks. The author's version of the earlier appearance of the ethnonym *nani* is based on a set of known factors having overall credibility. If the version promotes the reader's interest in the history of Uilta, it will mean that the author has achieved his objectives.

The objects of the study are the hypotheses for the ethnogenesis of the Uilta presented in the works of the Russian and foreign scholars of the second half of the 19th – the early 21st centuries. It can be argued that the issue of the origin of the people remains unsolved, for many authors fail to persuasively argue their different points of view. Many complicated and controversial issues arise concerning the origins of the ethnonyms, the formation of the ethnic territory, toponymies, the relations between the families, dispersion, the population size in different historical periods, and the development of deer breeding conditioned by their nomadism.

The Manchu-Tungus peoples of the Lower Amur and Sakhalin engaged in sea animal and taiga hunting, river fishing, gathering, and deer breeding had constant close links with their neighbours far and near identifying themselves as an integrated and indivisible whole: they all had the same name for themselves, *nani*, and their languages were broadly similar. Common generic names testify to their being closely related, too. It can be argued that the territorially subdivided «forest people», «Amur river people», and «sea people» formed a union with the deer breeders (the Tungus) and agriculturalists (the Manchus). Turco-Mongol, Ainu, and Nivkh cultural impact can be traced.

The Russian historiography plays a fundamental role in the solution of ethnogenesis of the island ethnos. More recently, there has been a growing interest in the topic progresses conditioned by the revision of received notions.

Two concepts have been advanced: that of the local (island) origin of the Uilta, and that of their land (northern and southern) origin. Various hypotheses supported by anthropological, archaeological, linguistic, and ethnographic argu-

ments have persist up to the present getting close together. It testifies to the fact that many scholars acknowledge the complexity of the ethnogenesis of the Uilta whose structure reveals three cultural compounds: the substrate one (sea animal hunters), the Tungus one (deer breeders), and the Amur one (fishermen and taiga hunters). Further integrated studies of the Uilta history and culture can help to solve outstanding issues of the formation of that ethnic community in the island of Sakhalin.

Keywords: second half of the 19th – early 21st centuries, Uilta (Oroks), origin, historical and cultural ties, ethnonyms, self-name, Sakhalin and Lower Amur

For citation: Podmaskin, V.V. (2024) Hypotheses about the origin of the Uilta (orok) of Sakhalin (second half XIX – beginning XXI century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 154–161. doi: 10.17223/19988613/90/17

Уйльта (ранее в литературе известны как ороки или орочены) – один из малочисленных коренных народов Сахалина (295 чел. по переписи 2010 г.). Проживают преимущественно в средней и северной части острова. У уйльта записано несколько самоназваний. Это многообразие создавало путаницу в решении кардинальных проблем аутентичности происхождения этноса. Очевидно, в середине XIX в., когда русские познакомились на острове с уйльта, у них не было идентичного самоназвания и функционировала система взаимосвязанных этнонимов, состоящих из нескольких названий, даваемых им соседями, и самоназваний соседей. Они иногда именовали себя нани в соответствии с принадлежностью к народам материка, с которыми имели тесные родственные и историко-культурные взаимоотношения. Поэтому термины «уйльта», «ороки», «орочены», сохраняясь в этническом самосознании, не стали индикаторами зрелости этнического самоназвания. Наличие этноязыковой терминологии, включающей в себя родовой, территориальный и локальный уровни, характерно для народности с незавершенным процессом этнической консолидации. Многоступенчатость самоназваний – показатель многоступенчатости самосознания, что, в свою очередь, является признаком формирующегося этноса.

Большую роль в изучении этногенеза народов Нижнего Амура и Сахалина, в частности уйльта (ороки), приобретают данные археологических исследований. На юге Сахалина обнаружены памятники материальной культуры периода неолита, родственные арктической приморской культуре на Алеутских островах и северо-западе Аляски. Анализ находок неолита северного Сахалина выявил их родство с находками стоянок этого периода в Амурской области, Приморском крае, на Курильских островах и Камчатке. На основании этого был выдвинут ряд гипотез. Ранними поселенцами Сахалина были выходцы с материка, которые переселились сюда около 2 000 лет до н.э., заселили южную часть острова вдоль морских побережий и речных берегов. Вторая миграция охотников неолита с материка произошла на север Сахалина приблизительно за 1 000 лет до н.э. Культуры названных поселенцев имели тесные связи с неолитическими культурами Амурского и Приморского районов, откуда они пришли [1. С. 109–118].

Для решения проблем этногенеза уйльта важнейшими считаются исследования охотской культуры, имеющей глубокие связи с мохэской (IV–X вв.) в бассейне Амура и Приморья, а также с чжурчжэньской (X–XII вв.) на Среднем и Нижнем Амуре [2. С. 8–10]. Признано, что у носителей охотской культуры существовал культ

медведя и других животных. Производственным базисом этой культуры являлись рыболовство, охота на диких копытных и морских животных.

В фольклоре уйльта зафиксировано предание о древних обитателях Сахалина тондзях (тончах) [3. С. 859]. Аналогичные предания, записанные Л.Я. Штернбергом, сохранились у орочей и айнов [4. Л. 151–152]. Айны утверждали, что тончи были краснокожими, очень маленького роста. Они жили в ямах, над которыми ставили конической формы постройки из шестов, покрытых сверху корой, травой и засыпанных землей. Айны вели войну с тончами и полностью их истребили. Н.В. Кюннер считал, что предшественниками айнов были тончи [5. С. 217]. Археологические находки подтвердили точку зрения Н.В. Кюннера; приходу айнов предшествовала более ранняя миграция на Сахалин. Вероятно, тончи – охотники неолита, пришедшие на Сахалин из Амурского и Приморского районов 3 000–4 000 лет тому назад. Судьба тончей неясна. Возможно, они были поглощены айновскими, нивхскими и орокскими переселенцами или ушли на север и восток – на Камчатку, Чукотку и Алеутские острова, где и обосновались, став предками алеутов [1. С. 17–18; 6. С. 62–66]. При современном состоянии археологических знаний вопрос о древнем населении острова Сахалина не может быть решен полностью.

В антропологическом отношении народы Нижнего Амура и Сахалина, в их числе уйльта, представляют пеструю картину. Развитие межплеменных и межродовых отношений при практиковавшейся экзогамии, длительные связи с народами соседних районов привели к сложным расовым переплетениям. Антропологический тип уйльта исследователи обобщают с единым байкальским антропологическим типом центральной североазиатской монголоидной расы. Для территории Сибири и Дальнего Востока наиболее существенными антропологическими признаками являются: степень выступания носа, строение верхнего века, вертикальная профилировка лица, ширина грушевидного отверстия, пигментация волос и глаз, развитие третичного волосяного покрова. Комбинация этих признаков позволила выделить соматическую байкальскую группу, объединяемую генетическим родством. К ней относятся ламуты (эвены), большинство эвенков, негидальцы, ороки, нанайцы, большинство ульчей, по-видимому, также юкагиры и долганы [7. С. 119]. По ряду некоторых иных признаков региональный антропологический тип уйльта ближе к нивхам; по другим – к орочам. Народы Нижнего Амура и Сахалина, по мнению М.Г. Левина, по антропологическим признакам разде-

ляются на два типа: к наиболее древнему амурсахалинскому относятся нивхи, отчасти ульчи и ороки; к более позднему байкальскому – ороки, негидальцы, частично он прослеживается у ульчей, орочей и нанайцев [8. С. 130–131].

Имеется единственное описание внешнего вида ороков, зафиксированное И.С. Поляковым в 1883 г. Он отметил, что «все ороки – брюнеты, с черными или же только темными, черно-бурыми волосами, со значительно выдающимися скулами, с носами довольно разнообразными от короткого и вздернутого до удлиненного, на конце заостренного, при основании же, около ноздрей, немного расширенного. Рост их средний, часто малый. Собственно, у женщин лицо чистое, лунообразно округленное, с приплюснутым носом; встречаются особи с лицом миндалевидно округленным, притом женщины имеют всегда малый рост. Пальцы рук у мужчин и женщин короткие, ступни у ног малые; притом у женщин при ходьбе пальцы ног обращены всегда внутрь, а пятки расставляются» [9. С. 87]. Это описание ценно тем, что сделано оно около 160 лет назад, когда физический тип ороков был представлен в более чистом виде, чем ныне. Они слабее были затронуты процессами метисации с русскими, эвенками, японцами. Можно с достаточной определенностью считать, что этот монголоидный антропологический тип характеризуется крупной головой и широким лицом с большим выступлением скул, широким носом, эпикантусом, низким ростом. Антропологические данные свидетельствуют о сложном физиологически неоднородном происхождении уйльта.

В определенной степени дополняют вопрос этногенеза уйльта данные языкознания. В современных лингвистических классификациях орокский язык относят к южной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков алтайской языковой семьи. П. Шмидт обнаружил в нем ряд общих элементов с негидальским и тунгусским [10. С. 30]. Согласно исследованию Т.И. Петровой, родной язык ороков (уйльта) – самостоятельный язык, а не один из диалектов какого-либо языка тунгусо-маньчжурской группы. Хотя язык ороков и имеет ряд черт, присущих языкам северной группы, все же по основным ведущим формам он должен быть отнесен к южной группе, внутри которой наибольшую близость его можно констатировать с языками нанайским, ульчским и, возможно, орокским [11. С. 125].

Лексический состав орокского языка наряду с основной массой общетунгусских слов имеет большое количество слов иного происхождения. Л.И. Сем отметила, что длительное окружение ороков со стороны родственных в языковом отношении народностей (эвенков) и в большей степени неродственных (айнов, нивхов, русских, японцев) отразилось на их языке. В фонетике, морфологии и лексике орокского языка наряду с самобытными чертами наблюдается переплетение особенностей, свойственных южной (нанайцы, ульчи, удэгейцы) и северной (эвенки и негидальцы) группам тунгусо-маньчжурских языков. Л.И. Сем также пришла к выводу, что в языке ороков прослеживается ряд языковых пластов, древнейший из которых – амурский. Названия частей тела, одежды, пищи, предметов домашнего

обихода, жилища, животных, рыб и пр. – общеамурские, часть из них ороки выделяли как *горонти кэсэ* («старые слова») [12. С. 88, 93–94].

В середине XIX в. в трудах русских исследователей обозначилось две гипотезы этногенеза ороков: о материковом (южном и северном) и местном (островном) происхождении уйльта. Первая опиралась на орокские предания, записанные участниками Амурской экспедиции 1850–1854 гг., и сводилась к выводу, что этот народ произошел от эвенков, проживающих в Удском округе. Д.И. Орлов писал, что «народ, обитающий в средней и южной части Сахалина, состоит из двух племен – куги и ороксей. Куги – та самая отрасль курильцев, которые обитают на северных Курильских островах; язык их совершенно такой же, как и наших курильцев; ороксы, или орочены, – те же, что и наши удские тунгусы, пришедшие сюда, как можно было понять из их рассказов, более 200 лет тому назад. Они разместились по всем селениям острова Сахалина, начиная от Дуэ, и смешались с кугами» [13. С. 266–267]. Об этом же сообщает Н.В. Рудановский: «В двух северных бухтах – Томари-Анива и Сусуя, где расположены одноименные с ними селения, среди жителей, кроме айнов, встречаются еще ороко, то есть наши удские тунгусы, пришедшие на Сахалин в XVII столетии» [13. С. 279].

Казак Берёзкин, хорошо знавший эвенкийский язык, также отметил, что «из их рассказов оказалось, что в то время, когда русские подчинили своей власти весь край между рекой Леной и морем (то есть Якутский и Удский), что было в исходе XVI и в начале XVII столетия, многие тунгусы (ороки) из Удского края перешли на остров Сахалин и заняли среднюю и южную часть его, перемешавшись с айнами – народом, пришедшим сюда с северных Курильских островов. То же самое рассказывали и Бошняку орочены (ороки), обитавшие на реке Тымь и в заливе Ный» [13. С. 287].

Согласно преданиям ороков, они пришли на Сахалин в начале XVII в., к середине XIX в. расселились на всей средней и южной части острова в местах обитания нивхов и айнов, а также севернее нивхов на восточном берегу. Миграционную теорию о появлении уйльта на Сахалине поддержал Б. Пилсудский. Он считал, что постепенно на острове появились айны, гиляки (нивхи), ороки, а затем небольшое количество тунгусов и якутов [14. С. 8].

Этнограф А.Ф. Старцев, основываясь на миграционной теории, нашел ряд новых аргументов, подтверждающих точку зрения участников Амурской экспедиции и некоторых советских исследователей, об историко-культурных связях уйльта с эвенками и эвенками Охотского побережья и выдвинул гомогенную версию происхождения ороков от эвенков [15. С. 142, 150]. Подобное предположение прослеживается и в статье Л.Е. Фетицовой [16. С. 242]. Такие взгляды, безусловно, требуют дальнейших подтверждений, хотя они не являются новыми.

Академик Л.И. Шренк, работавший на Амуре в 1854–1856 гг., также относил ороков к ветви «тунгусского племени», тесно связывая их с «ольчами» (одним из ульчских родов). Он отметил, что «ороки, пройдя че-

рез область чуждых им гиляков, встречаются на Амуре наиболее родственных им ольчей (ульчей). Эти перекочевки, быть может, и теперь указывают нам путь, по которому в прежнее, ближайшим образом неопределимое время, ороки впервые переселились на Сахалин». Основываясь на лингвистических данных, он объединил амурских ольчей (ульчей), ороков, ороченгов, манегров, самагиров, негидальцев в «северную или сибирскую ветвь, простирающую до Енисея, Ледовитого моря и Камчатки». Все эти народы, по его мнению, позаимствовали от гиляков (нивхов) элементы местной амурской культуры [17. С. 21, 296]. Исторические экскурсы, гипотезы ученого о происхождении уйльта до сих пор заслуживают внимания, несмотря на то что некоторые из его взглядов не подтвердились позднейшими исследованиями.

Как отметил польский ученый Альфред Маевич, сами уйльта признавали кровные связи с эвенками. Некоторые уйльтинские легенды содержат сведения о живущих на материке предках-оленеводах, а в эвенкийском фольклоре есть упоминание о родственном племени орис, переселившемся на какой-то большой остров. Но, как считает Альфред Маевич, «даже если это и так, значительные различия уйльтинской и эвенкийской культур наводят на мысль, что в прошлом эти народы не составляли единого целого» [18. С. 12].

Л.Я. Штернберг, критикуя лингвистическую классификацию Л.И. Шренка, выдвинул гипотезу о племенном единстве народов тунгусо-маньчжурской языковой группы, в том числе и ороков, на основании их общего самоназвания *нани* [19. С. 6–10, 396–398].

Взгляды Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга на происхождение ороков оспаривает А.В. Смоляк. По ее мнению, гипотеза Л.Я. Шренка о позднем приходе на Нижний Амур тунгусоязычных групп не подтверждается: «...нанайцы, ульчи и ороки сохраняют реликтовые особенности алтайских языков, что выделяет их из числа всех нижеамурских тунгусских этнических общностей» [20. С. 5–7].

Изучая родовой состав народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX – начале XX в., она пришла к выводу, что некоторые родовые названия северных и южных ороков совпадают, однако на юге имелись роды, отсутствовавшие у северных соплеменников, и наоборот. Часть родовых названий (генонимов) связана с топонимами. А.В. Смоляк отмечает, что в с. Найпту длительное время совместно, кроме ороков (род Найпту-нени), жили нивхи с Амура и ульчи. Однако ороки не употребляли по отношению к себе старые ульчские родовые названия. Род Амультикану имеет амурское происхождение. Созвучны названия орокских родов с ульчскими – Баяуса и Аультикану, удэгейским – Намиса, с ороческими – Амупинка, Надамисса. Всего три орокских рода связаны, по мнению А.В. Смоляк, с жителями Амура: Баяуса и Намиса – жители севера Сахалина, Амультикану – юга. Остальные орокские генонимы не сходны ни с нивхскими, ни с негидальскими, ни с эвенкийскими. А.В. Смоляк обращает внимание на то, что территориальных орокских этнонимов мало. Формирование народа протекало в течение длительного периода. Она опровергает высказывание

Л.Я. Шренка о том, что ороки – это группа ульчей, переселившихся на Сахалин, поскольку и у ороков, и у ульчей был только один общий род, а образ жизни оленеводов-ороков в корне отличался от образа жизни оседлых ульчей. А.В. Смоляк предполагает, что Баяусал у ульчей – это группа ороков, переселившаяся на материк, а в состав как южных, так и северных ороков вошли тунгусоязычные группы, пришедшие с материка [21. С. 145]. Примечательно, что за исключением названных выше этнонимов остальные генонимы ороков самобытны; они могли принадлежать древнему населению, вошедшему в состав оленеводов – пришельцев с материка [22. С. 178–179].

А.Н. Липский также считал ороков ближайшими родственниками ульчей. Он отметил, что самоназвание у них не орок, а ульча (ульчасел). Исследователь писал: «Несмотря на сильное и длительное влияние гиляк (нивхов) и отчасти айнов ороки сохранили в значительной части характерные особенности языка и культуры ульчей, что и дает основания к их сближению» [23. С. 8].

В современных исследованиях на основании анализа родového состава народов Нижнего Амура и Сахалина, их материальной и духовной культуры с учетом достижений смежных наук показано, что родовой состав коренных народов региона образовался очень поздно. В традиционной культуре у всех этносов Амуро-Сахалинской историко-культурной области исследователи выделили субстратные (не нивхские), тунгусские, маньчжурские, тюрко-монгольские, айнские и нивхские компоненты [24. С. 77; 25. С. 137–145; 26. С. 182]. Уйльта сформировались на основе взаимодействия местных островных групп и мигрировавших с материка инородческих народов, что в соответствии с данными других источников делает весьма возможной гипотезу прямой генетической связи у них с тунгусами, маньчжурами, монголами, тюрками, нивхами, айнами и древними тончами Сахалина.

Сохранилась тенденциозная точка зрения на этническую историю Сахалина этнографа Ч.М. Таксами. По его версии, первыми переселились на Сахалин амгуньские негидальцы, затем – ульчи, а после них – эвенки. Эти три этнические группы явились «фундаментом», на основе которого сравнительно недавно, возможно, до прихода русских сформировались ороки [27. С. 34–35]. А.В. Смоляк посчитала выдвинутую гипотезу малоубедительной: в середине XIX в., по Л.И. Шренку, ороки были «единственным тунгусским народом на Сахалине» [17. С. 21]. Приход на Сахалин эвенков в работе С. Патканова датируется концом 1860-х гг. Согласно переписи 1897 г., негидальцев на острове не было [28. С. 41–45]. Это подтверждает и Л.Я. Штернберг, занимавшийся переписью коренного населения Сахалина в 1896 г. [29. С. 282]. Поэтому А.В. Смоляк считает невозможным согласиться с тем, что негидальцы «открыли» Сахалин для тунгусоязычных групп и стали «основой» в формировании уйльта. Кроме того, как отметили некоторые исследователи, в родовой состав уйльта нет ничего общего с родовым составом негидальцев [21. С. 146; 22. С. 175–179]. В связи с этим не мог с середины XIX в. сформироваться особый родовой состав ороков Сахалина.

Ю.А. Сем не согласен ни с теорией Л.И. Шренка, отождествляющего ороков с амурскими ульчами, ни с поддержанной А.В. Смоляк гипотезой участников амурской экспедиции 1850–1854 гг., согласно которой ороки произошли от эвенков, переселившихся в XVII в. с Охотского побережья. На основе своих изысканий Ю.А. Сем приходит к заключению, что предки ороков относились к байкальскому антропологическому типу и составляли одну этническую общность. На протяжении многих тысячелетий племена оленеводов в поисках пастбищ для выпаса оленей продвигались на восток и на юг из районов Станового хребта. Часть из них спустилась по долине Амгуни на Амур, вступив во взаимодействие с местным палеоазиатским населением, родственным предкам нани. Эта вышедшая на Амур группа составляла более или менее единое целое. Позднее из этой группы нани выделились племена ульчей, орочей, нанайцев. По мнению Ю.А. Сема, процесс переселения этих племен на Сахалин, вероятнее всего, наиболее интенсивно проходил в XVII – начале XVIII в. Бесспорным он считает тот факт, что этногенез ороков связан с тунгусским (олeneводческим), амуро-нивхским (рыболовецким) и в меньшей степени айнымским влиянием [30. С. 86–87].

У ороков отмечено два типа захоронений – на ветвях деревьев и в свайном погребальном домике. На подготовленное к захоронению тело покойного набрасывали шкуру только что убитого оленя. Покойника располагали лицом вверх, ногами на запад или юго-запад. По поверью ороков, это делалось для того, чтобы он мог найти страну предков, которая находилась на материке. Указанная выше ориентировка тела покойного в пространстве указывает на то, что страна предков – ограниченная на севере Амуром часть материка – лежит в прибрежном районе. Побережье Татарского пролива ороки называют Буниде, как и загробный мир, расположенный, по поверью, на месте их родины [30. С. 84].

Т.П. Роон на базе изучения традиционного хозяйства и материальной культуры уйльта написала монографию, основанную на архивных и полевых материалах XVIII – середины XX в. В ней она заключает, что «...уйльта не мигрировали на остров в XVIII в., как отмечалось в некоторых отечественных публикациях. Напротив, глубокие адаптивные корни культуры и ее архаичные элементы свидетельствуют об обратном: предки уйльта заселили остров в более отдаленные времена». Она отметила, что в приемах охотничьего промысла и рыболовства, в типах жилищ, в одежде и обуви «имеются самые древние элементы, именуемые рядом исследователей как субстратные, которые были выработаны и адаптированы к местным условиям существования еще более древними жителями (возможно, предками уйльта). Эти структуры находят аналогии в комплексах материальной культуры ульчей, орочей и частично нанайцев и удэгейцев, т.е. представителей амурской (южной) группы тунгусо-маньчжурских народов, что свидетельствует об общих этнических корнях» [31. С. 168–169].

Согласно гипотезе В.Д. Косарева, в основе этногенеза уйльта, в их субстрате, были не только тунгу-сы,

но группы палеоазиатов, включая загадочных тончей. Изучая происхождение оленеводства у ороков, он пришел к выводу «о местных, а не байкальских или алтае-аянских истоках оленеводческой культуры ороков» [32. С. 26, 30]. Эти выводы подтверждают концепции о субстратном происхождении многих элементов культурного фонда уйльта.

Л.И. Миссонова, рассматривая отдельные стороны этнокультурной динамики жизнедеятельности уйльта, отметила: «В конце XIX – первой половине XX в. родовая идентификация уходила постепенно на второй план из жизни уйльта, что было следствием прямого воздействия иноэтнического окружения на жизнь данной этнической общности. Отражением этого длительного и глубокого воздействия является и результат сложного этнического самоопределения уйльта в начале XXI столетия» [33. С. 13]. Этнические процессы на Сахалине отличались сложностью взаимоотношений.

Некоторые исследователи пытались решить проблему этногенеза уйльта при помощи анализа этнонимов. Так, этнограф А.Ф. Старцев считал, что определение этнического самоназвания является не только необходимым, но и вполне достаточным признаком этноса; основу формирования ороков он связывал с эвнами Охотского побережья [15. С. 150]. Однако самоназвание уйльта точно не установлено [34. С. 16].

Вероятно, этноним *нани*, зафиксированный многими исследователями, более древнего происхождения, чем уйльта, ороки, орочен. Этноним *нани* связан с первичным племенным образованием аборигенов Нижнего Амура. Когда-то часть их переселилась на Сахалин. Самоназвание *нани* у уйльта постепенно вышло из употребления [35. С. 80–83].

Как уже отмечалось выше, у народов Нижнего Амура и Сахалина в культуре проявляются местные моменты древнего происхождения. Примером могут служить общие понятия о планетах и созвездиях. Уйльта, орочи и ульчи именовали планету Юпитер Пуракта (Буракта, Хуракта), связывали ее с искрой, которая образуется из кремня для высекания огня, что указывает на древнее общее представление о небесном светиле у трех народов нани и характеризует консолидацию этнической общности в прошлом. Довольно архаичны представления об эпической модели «верхнего мира». Главное место в космогонии тунгусо-маньчжуров отводилось созвездию Пуалэ (Большая Медведица) – амбару для хранения вяленых мясных продуктов на четырех сваях с лестницей. Представления о нем отразили хозяйственную деятельность древних охотников и рыболовов региона [26. С. 183].

Общие черты аборигенного пласта до сих пор сохраняются в культуре питания тунгусо-маньчжуров: *тала* – блюдо из сырой мелко нарезанной рыбы; *тели* – вяленая или сушеная рыба. Мука из сушеной рыбы у ульчей называется *суптола*, удэгейцев – *хумта*, ороков – *сувукта*, негидальцев – *септула*. Стереотип обнаружен в приготовлении и названии блюда из рыбы, смешанной с толчеными ягодами. Такое блюдо негидальцы называли *соллан*, уйльта – *соли*, удэгейцы – *солими*, орочи – *сяини*, нанайцы – *солича*.

Примером генетического родства древних рыболовов, вероятно, могут служить традиционные средства

передвижения. Название *угда* (*огда*) для лодки-долбенки является общим для нанайцев, орочей, негидальцев, удэгейцев, уйльта и ульчей. У тугусо-маньчжуров с такой лодкой связан похоронный обряд, что свидетельствует о древнем местном происхождении данного средства передвижения. Тип лодки-долбенки с подобным названием нашел отражение в космологических представлениях удэгейцев, нанайцев и уйльта, характеризовал древний пласт культуры – специализированный морской зверобойный промысел [26. С. 186, 188].

В 2016 г. опубликована работа филолога Л.Е. Фетисовой «Повествовательный фольклор ороков (уйльта) в мультикультурном пространстве Дальнего Востока», в которой отмечено, что «повествовательный фольклор ороков (уйльта) имеет множественные близкородственные параллели в устном творчестве тунгусо-маньчжуров южной группы, прежде всего нанайцев и ульчей» [16. С. 241].

Среди зарубежных ученых, занимавшихся исследованием культуры коренных жителей Сахалина, в том числе и уйльта, был и участник Северо-Тихоокеанской Джезуповской экспедиции американский востоковед

Бертольд Лауфер. Исследуя быт и культуру, антропологические особенности народностей Сахалина в 1898 г., он пришел к выводу, что ороков, выделенных как народность известным русским этнографом Л.И. Шренком, на острове нет. Он выделил в числе аборигенов Сахалина ольчей и ороченов [36. С. 732–734]. В действительности же названные им группы коренного населения являлись уйльта. Ольчами их называли амурские эвенки, ульчи, орочи, а ороченами – русское население Сахалина, ороками – айны и нивхи [37. С. 56–57].

Таким образом, общепринятого мнения о происхождении уйльта нет. Каждый из исследователей выдвигает предположение, требующее подтверждения. Проблема этногенеза уйльта, как и других коренных народов юга Дальнего Востока России, чрезвычайно сложна. Многолетние исследования показали, что народ уйльта формировался на острове в XVII, XVIII и даже в XIX в.; в его этнический состав вошли субстратные, тунгусо-маньчжурские, тюрко-монгольские, нивхские и айньские компоненты, обусловленные не только этнокультурными связями, но и этногенетическим родством.

Список источников

1. Козырева Р.Н. Древний Сахалин. Л. : Наука, 1967. 156 с.
2. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М. : Наука, 1975. 196 с.
3. Народы Сибири : этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
4. Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 282. Оп. (?). Д. 9.
5. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во вост. лит., 1961. 392 с.
6. Стефан Д. Сахалин. История / пер. с англ. Оксфорд, 1971 // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 1. С. 46–88.
7. Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии (ТИЭ). Новая серия. М. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 17. С. 3–263.
8. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. Новая серия. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 36. С. 3–360.
9. Поляков И.С. Путешествие на остров Сахалин в 1881–1882 гг.: письма к секретарю Общества // Приложение к Известию Русского географического общества. СПб., 1883. Т. 19, вып. 1-2. С. 1–112.
10. Шмидт П.П. Этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1915. 30 с.
11. Петрова Т.И. Язык ороков (уйльта). Л. : Наука. 1967. 156 с.
12. Сем Л.И. Общая характеристика особенностей орокского языка // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней) : тез. докл. и сообщ. на сессии гуманитарных наук совета ДВФ СО АН СССР по итогам научно-организационной работы за 1964 г. Владивосток, 1965. С. 87–94.
13. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855. Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1969. 419 с.
14. Отчет о деятельности Общества изучения Амурского края за 1904 и 1905 годы. Владивосток : Тип. Н.П. Матвеева, 1908. 20 с.
15. Старцев А.Ф. Ороки – орочен, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток : Дальнаука, 2015. 163 с.
16. Фетисова Л.Е. Повествовательный фольклор ороков (уйльта) в мультикультурном пространстве Дальнего Востока // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 234–242.
17. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб. : Изд. ИАН, 1883. Т. 1. 323 с.
18. Маевич А.О. Ороки в прошлом и настоящем // Краеведческий бюллетень Сахалинского областного краеведческого музея. 1994. № 2. С. 11–31.
19. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, голды, негидальцы, айны: статьи и материалы / под ред. и с предисл. Я.П. Алькор (Кошкина). Хабаровск : Дальгиз, 1933. 740 с.
20. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина : этногенетический аспект. М. : Наука, 1984. 248 с.
21. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в. М. : Наука, 1975. 232 с.
22. Подмаскин В.В., Фадеева Е.В. Социальная организация уйльта Сахалина: середина XIX – первая половина XX в. // Россия и АТР. 2017. № 3. С. 172–186.
23. Липский А.Н. Туземцы Дальнего Востока (схематический обзор). Хабаровск, 1925. 10 с.
24. Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М. : Наука, 1975. С. 43–77.
25. Кочешков Н.В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX веков. СПб. : Наука, 1997. 175 с.
26. Подмаскин В.В. Проблемы этногенеза и этнической истории тунгусо-маньчжуров: по материалам народных знаний (XIX–XX вв.) // Первые Шавкуновские чтения. Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня : сб. науч. ст. Владивосток : Дальнаука, 2008. С. 182–204.
27. Таксами Ч.М. Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока. М. : Наука, 1968. Вып. 6: Страны и народы бассейна Тихого океана. С. 29–42.
28. Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и другие источники. Тунгусы собственно // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб. : тип. СПб. АО «Слово», 1906. Т. 31, вып. 1, ч. 1. С. 2–133.
29. Штернберг Л.Я. Дневник путешествия к восточным гилякам и орокам // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2001. Вып. 5. С. 216–283.

30. Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней) : тез. докл. и сообщ. на сессии гуманитарных наук совета ДВФ СО АН СССР по итогам научно-организационной работы за 1964 г. Владивосток : ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. С. 79–87.
31. Роон Т.П. Уйльта Сахалина : историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX веков. Южно-Сахалинск : Сахал. обл. кн. изд-во : Сахал. обл. краевед. музей, 1996. 176 с.
32. Косарев В.Д. Ороки (уйльта) в этногенетике тунгусоязычных народов Приамурья: задача со многими неизвестными // Культурное наследие Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2009. С. 17–31.
33. Миссонова Л.И. Вековой путь идентификации уйльта // Культурное наследие Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2009. С. 5–16.
34. Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–30.
35. Подмаскин В.В. Новая гипотеза о происхождении этнонимов «ороки» и «уйльта» // Восьмые Гродековские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне «Дальний Восток России: история и современность», Хабаровск, 15–17 апреля 2015 г. Хабаровск : Хабар. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2015. Т. 3. С. 79–83.
36. Laufer B. Ethnological work on the island of Sachalin // Science. 1899. May, № 26. P. 732–734.
37. Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М. : Наука, 1984. С. 44–69.

References

1. Kozyreva, R.N. (1967) *Drevniy Sakhalin* [Old Sakhalin]. Leningrad: Nauka.
2. Arutyunov, S.A. & Sergeev, D.A. (1975) *Problemy etnicheskoy istorii Beringomora* [Problems of the ethnic history of the Bering Sea]. Moscow: Nauka.
3. Levin, M.G. & Potapov, L.P. (1956) *Narody Sibiri: etnograficheskie ocherki* [Peoples of Siberia: Ethnographic Essays]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 282. List (?). File 9.
5. Kuehner, N.V. (1961) *Kitayskie izvestiya o narodakh yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese News about the Peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow: Izd-vo vost. lit.
6. Stefan, D. (1992) *Sakhalin. Istoriya* [Sakhalin. History]. Translated from English. Oxford, 1971. *Kraevedcheskiy byulleten'. Yuzhno-Sakhalinsk*. 1. pp. 46–88.
7. Debets, G.F. (1951) *Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoy oblasti* [Anthropological research in Kamchatka]. In: *Trudy Instituta etnografii (TIE). Novaya seriya* [Proceedings of the Institute of Ethnography (TIE). New series]. Vol. 17. Moscow: USSR AS. pp. 3–263.
8. Levin, M.G. (1958) *Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic anthropology and problems Ethnogenesis of the Peoples of the Far East]. In: *Trudy Instituta etnografii (TIE). Novaya seriya* [Proceedings of the Institute of Ethnography (TIE). New series]. Vol. 36. Moscow: USSR AS. pp. 3–360.
9. Polyakov, I.S. (1883) *Puteshestvie na ostrov Sakhalin v 1881–1882 gg.: pis'ma k sekretaryu Obshchestva* [Journey to Sakhalin Island in 1881–1882: Letters to the secretary of the Society]. In: *Prilozhenie k Izvestiyu Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Supplement to the Bulletin of the Russian Geographical Society.]. Vol. 19(1-2). St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–112.
10. Schmidt, P.P. (1915) *Etnografiya narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnography of the Peoples of the Far East]. Vladivostok: [s.n.].
11. Petrova, T.I. (1967) *Yazyk orokov (uy'l'ta)* [The Language of the Oroks (Uilta)]. Leningrad: Nauka.
12. Sem, L.I. (1965) *Obshchaya kharakteristika osobennostey orokskogo yazyka* [General characteristics of the peculiarities of the Oroks language]. In: *Obshchie zakonomernosti i osobennosti istoricheskogo razvitiya narodov sovetskogo Dal'nego Vostoka (s drevneyshikh vremen do nashikh dney)* [General patterns and features of the historical development of the peoples of the Soviet Far East (from ancient times to the present day)]. Abstract of reports at the session of the Humanities Council of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences on the results of scientific and organizational work for 1964. Vladivostok: USSR AS. pp. 87–94.
13. Nevelskoy, G.I. (1969) *Podvigi russkikh morskikh ofitserov na kraynem Vostoke Rossii. 1849–1855* [Exploits of Russian naval officers in the Far East of Russia. 1849–1855]. Khabarovsk: Khabar. kn. izd-vo.
14. Russia. (1908) *Otchet o deyatelnosti Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya za 1904 i 1905 gody* [Report on the activities of the Society for the Study of the Amur Region for 1904 and 1905]. Vladivostok: N.P. Matveev.
15. Startsev, A.F. (2015) *Oroki – orocheny, a ne uyl'ta! K probleme etnogeneza orokov Sakhalina* [Oroks are Orochen, not Uilta! On the problem of the ethnogenesis of the Oroks of Sakhalin]. Vladivostok: Dal'nauka.
16. Fetisova, L.E. (2016) *Povestvovatel'nyy fol'klor orokov (uy'l'ta) v mul'tikul'turnom prostranstve Dal'nego Vostoka* [Narrative folklore of the Oroks (Uilta) in the multicultural space of the Far East]. *Rossiya i ATR*. 1. pp. 234–242.
17. Shrenk, L.I. (1883) *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya. Chasti geograficheskoy-istoricheskoy i antropo-etnologicheskoy* [On the foreigners of the Amur region. Geographical-historical and anthropo-ethnological parts]. Vol. 1. St. Petersburg: IAN.
18. Maevich, A. (1994) *Oroki v proshlom i nastoyashchem* [Oroks in the past and present]. *Kraevedcheskiy byulleten' Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 2. pp. 11–31.
19. Shternberg, L.Ya. (1933) *Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ayny: stat'i i materialy* [Gilyaks, Orochs, Golds, Negidals, Ainu: articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz.
20. Smolyak, A.V. (1984) *Traditsionnoe khozyaystvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina: etnogeneticheskiy aspekt* [Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin: The ethnogenetic aspect]. Moscow: Nauka.
21. Smolyak, A.V. (1975) *Etnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Seredina XIX – nachalo XX v.* [Ethnic processes among the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Mid-19th – early 20th century]. Moscow: Nauka.
22. Podmaskin, V.V. & Fadeeva, E.V. (2017) *Sotsial'naya organizatsiya uyl'ta Sakhalina: seredina XIX – pervaya polovina XX v.* [Social Organization of the Sakhalin Uilta: mid-19th – first half of the 20th century]. *Rossiya i ATR*. 3. pp. 172–186.
23. Lipskiy, A.N. (1925) *Tuzemtsy Dal'nego Vostoka (skhematiceskiiy obzor)* [Natives of the Far East (a schematic review)]. Khabarovsk: [s.n.].
24. Smolyak, A.V. (1975) *O vzaimnykh kul'turnykh vliyaniyakh narodov Sakhalina i nekotorykh problemakh etnogeneza* [On the mutual cultural influences of the peoples of Sakhalin and some problems of ethnogenesis]. In: Gurvich, I.S. (ed.) *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of the North]. Moscow: Nauka. pp. 43–77.
25. Kocheshkov, N.V. (1997) *Tyurko-mongoly i tunguso-man'chzhury: problemy istoriko-kul'turnykh svyazey na materiale narodnogo dekorativnogo iskusstva XIX–XX vekov* [Turkic-Mongols and Tungus-Manchus: Problems of Historical and Cultural Relations Based on the Material of Folk Decorative Art of the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg: Nauka.
26. Podmaskin, V.V. (2008) *Problemy etnogeneza i eticheskoy istorii tunguso-man'chzhurov: po materialam narodnykh znaniy (XIX–XX vv.)* [Problems of ethnogenesis and ethnic history of the Tungus-Manchus: based on folk knowledge (19th–20th centuries)]. In: Dyakova, O.V., Sidorenko, E.V. & Shavkunov, V.E. (eds) *Pervye Shavkunovskie chteniya. Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya* [The First Shavkunov Readings. The Tungus-Manchurian Problem Today]. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 182–204.

27. Taksami, Ch.M. (1968) Tunguskie narody na Sakhaline [Tungus peoples on Sakhalin]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Vol. 6. Moscow: Nauka. pp. 29–42.
28. Patkanov, S. (1906) Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannyykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugie istochniki. Tungusy sobstvenno [Geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia based on the 1897 population census data and other sources. The Tungus proper]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. Vol. 31(1). St. Petersburg: Slovo. pp. 2–133.
29. Sternberg, L.Ya. (2001) Dnevnik puteshestviya k vostochnym gilyakam i orokam [Diary of a journey to the eastern Gilyaks and Oroks]. *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo*. 5. pp. 216–283.
30. Sem, Yu.A. (1965) Problema proiskhozhdeniya orokov Sakhalina [The problem of the origin of the Oroks of Sakhalin]. In: *Obshchie zakonomernosti i osobennosti istoricheskogo razvitiya narodov sovetskogo Dal'nego Vostoka (s drevneyshikh vremen do nashikh dney)* [General patterns and features of the historical development of the peoples of the Soviet Far East (from ancient times to the present day)]. Abstract of reports at the session of the Humanities Council of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences on the results of scientific and organizational work for 1964. Vladivostok: USSR AS. pp. 79–87.
31. Roon, T.P. (1996) *Uyl'ta Sakhalina: istoriko-etnograficheskoe issledovanie traditsionnogo khozyaystva i material'noy kul'tury XVIII – serediny XX vekov* [Uilta of Sakhalin: A historical and ethnographic study of traditional economy and material culture of the 18th – mid-20th centuries]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhal. obl. kn. izd-vo; Sakhalin Local Lore Museum.
32. Kosarev, V.D. (2009) Oroki (uyl'ta) v etnogenetike tungusoyazychnykh narodov Priamur'ya: zadacha so mnogimi neizvestnymi [Oroks (Uilta) in the ethnogenetics of the Tungus-speaking peoples of the Amur River Region: A problem with many unknowns]. In: *Kul'turnoe nasledie Dal'nego Vostoka Rossii. Sakhalinskaya oblast'. Uyl'ta. Evenki* [Cultural Heritage of the Russian Far East. Sakhalin Region. Uilta. Evenki]. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'e. pp. 17–31.
33. Missonova, L.I. (2009) Vekovoy put' identifikatsii uyl'ta [The century-old path of Uilta identification]. In: *Kul'turnoe nasledie Dal'nego Vostoka Rossii. Sakhalinskaya oblast'. Uyl'ta. Evenki* [Cultural Heritage of the Russian Far East. Sakhalin Region. Uilta. Evenki]. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'e. pp. 5–16.
34. Funk, D.A., Zenko, A.P. & Sillanpyaya, L. (2000) Materialy po sovremennoy kul'ture i sotsial'no-ekonomicheskomu polozheniyu severnoy grupy uyl'ta [Materials on the modern culture and socio-economic situation of the northern Uilta group]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 14–30.
35. Podmaskin, V.V. (2015) Novaya gipoteza o proiskhozhdenii etnonimov “oroki” i “uyl'ta” [A New Hypothesis on the Origin of the Ethnonyms “Oroks” and “Uilta”]. *Dal'niy Vostok Rossii: istoriya i sovremennost'. Vos'mye Grodekovskie chteniya* [The Russian Far East: History and Modernity. The Eighth Grodekov Readings]. Proc. of the International Conference. Khabarovsk, April 15–17, 2015. Vol. 3. Khabarovsk: Khabarovsk Museum of Local Lore. pp. 79–83.
36. Laufer, B. (1899) Ethnological work on the island of Sachalin. *Science*. 26. pp. 732–734.
37. Nikonov, V.A. (1984) Etnonimy Dal'nego Vostoka SSSR [Ethnonyms of the USSR Far East]. In: Dzharlygasinova, R.Sh. & Nikonov, V.A. (eds) *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic Onomastics]. Moscow: Nauka. pp. 44–69.

Сведения об авторе:

Подмаскин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: podmaskin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Podmaskin Vladimir V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: podmaskin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 14.02.2020; accepted for publication 01.07.2024

Статья поступила в редакцию 14.02.2020; принята к публикации 01.07.2024

Научная статья

УДК 303.725.22+308+316.351

doi: 10.17223/19988613/90/18

Модели этносоциального мониторинга: проблемы научного прогнозирования этнических процессов

Александр Николаевич Садовой

Субтропический научный центр Российской академии наук, Сочи, Россия, sadovoy.a.n@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются модели организации этнологического мониторинга, апробированные с начала 1990-х гг. в субъектах Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблеме формирования алгоритма научного прогнозирования изменения этносоциальной обстановки на основе использования принципов процессного, системного и выборочного подходов. По мнению автора, объектом современного мониторинга как процедуры выступают не столько социальные процессы, инициирующие столкновение общенациональных (государственных) и групповых (этнических) интересов, сколько индикаторы оценки текущего состояния социально-экономической, этносоциальной и этнокультурной обстановки (среды), использование которых сужает возможности научного прогнозирования ее изменения.

Ключевые слова: этнологический мониторинг, этнические процессы; научное прогнозирование

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ СНЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2.

Для цитирования: Садовой А.Н. Модели этносоциального мониторинга: проблемы научного прогнозирования этнических процессов // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 162–171. doi: 10.17223/19988613/90/18

Original article

Ethno-social monitoring models: problems of ethnic processes. Scientific forecasting

Alexandre N. Sadovoy

*Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Sochi, Russian Federation, sadovoy.a.n@gmail.com*

Abstract. Ethnological monitoring organization models, tested since the early 1990s in the subjects of the Russian Federation, are considered in the article. Particular attention is paid to the problem of scientific forecasting algorithm forming of the ethno-social situation change, using the principles of three methodological approaches - process, systemic and selective. The systematic approach is determined by the fact that the object of monitoring is a dynamic complex and multi-level system (complex) of social communications - political, socio-economic, socio-cultural. Only some of them are traditional (stochastic). The ethnic component of the structure of social relations (between social institutions) manifests itself in an extremely wide spectrum: from the ethnic sectors of the rural and urban economy with elements of network organization to the system of communications of cultural and confessional associations with local governments.

The process approach has a two-component structure. On the one hand, monitoring itself should be considered as a complex of interdependent processes with clearly expressed actors (participants) of the process, their social attitudes, the algorithm (sequence) of research of the current situation.

Based on the algorithm of the structural-functional analysis, the persons involved in this process (both legal and physical) are divided (by function) into three groups: a) "responsible" for organizing the process and implementing its results in political practice; b) "executors" - organizers of the ethno- social situation investigation - representatives of the expert community; c) "participants" - persons and organizations indirectly involved in the monitoring deployment/

The persons (both legal and physical) involved in this process, based on the structural-functional analysis algorithm, are divided (by function) into three groups: a) "responsible" for organizing the process and implementing its results in political practice; b) "executors" - organizers and representatives of the expert community; c) "participants" - persons and organizations indirectly involved in monitoring.

According to the author, the object of modern monitoring (as a procedure) is not so much social processes that initiate the national (state) and group (ethnic) interests clash, but indicators of socio-economic, ethno-social and ethno-cultural situation (environment). The use of these indicators does not expand the possibilities of scientific forecasting of the ethno-social situation change, but on the contrary, narrows them.

In this regard, it is proposed to consider the materials of monitoring studies as an independent group of sources to identify the intersection of latent forms of ethnic processes - ethnic structure and settlement system changes, traditional social organization and subsistence systems transformation, political consolidation, migrant adaptation, assimilation, and traditional culture commodification.

Reorientation of the object of ethnological monitoring on ethnic processes objectively promotes: applied anthropology of the subject area change; expansion of chronological framework (up to two centuries); principles of sampling approach. With the change of the subject area there is a prospect of the formation of databases to analyze the relationship of political history and ethnic history of the peoples of Russia.

Keywords: scientific forecasting, monitoring, ethnic processes

Acknowledgements: The study was funded by the state assignment research of FRC SSC RAS FGRW-2024-0002, project No. 124022000096-2.

For citation: Sadovoy, A.N. (2024) Ethno-social monitoring models: problems of ethnic processes. Scientific forecasting. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 162–171. doi: 10.17223/19988613/90/18

Введение

Актуальность научного прогнозирования изменения этносоциальной обстановки определяется заданным стратегическим курсом национальной политики Российской Федерации, где сформулирована задача развертывания системы мониторинга, ориентированного на принятие политических решений в части формирования условий «этнокультурного развития народов России, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, межнационального и межрелигиозного диалога, предупреждения конфликтов, социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов [1. Разд. III, ст. 21а]. Развертывание мониторинга как формы научно-прикладных исследований на стыке общественных и гуманитарных наук подразумевает наличие процедуры согласования используемой терминологии, методик и индикаторов оценки современной этносоциальной обстановки. Ее направленность на прогнозирование рисков дестабилизации этносоциальной обстановки подразумевает получение максимально полной информации об исторических корнях формирования конфликтной ситуации. В субъектах РФ с начала 1990-х гг. прослеживается востребованность со стороны региональных органов власти адекватной информации о механизме (причинно-следственных связях) изменения этносоциальной обстановки на подконтрольной территории, латентном характере трансформации социальных институтов и системы межэтнических коммуникаций, выявить которые возможно только на основе обнаружения взаимосвязи и взаимообусловленности ряда социальных процессов, имеющих «этническую составляющую». К числу современных процессов можно отнести формирование института частной собственности, развитие этнического предпринимательства, углубление процессов этнической и этносоциальной стратификации, миграции и формирование диаспор, изменение гендерной и этнической структуры населения, коммодификацию традиционной культуры, историческое мифотворчество, фольклоризм, распад традиционных институтов, маргинализацию и др.

Обращаясь к современной этнополитической обстановке, можно отметить, что вплоть до настоящего времени оценка эффективности национальной политики в субъектах РФ проводилась на основе качественных показателей состояния этносоциальной среды. К последним на федеральном уровне были отнесены: уровень стабильности этносоциальной и этноконфессиональной обстановки, пресечение проявлений терриоризма, отсутствие зафиксированных в СМИ межэтнических конфликтов, проявление форм творческой активности национальных общественных организаций, получающих поддержку региональных бюджетов, объемы финансирования программ социально-экономического развития малочисленных коренных народов и т.д. Этот подход привел к тому, что в отечественной историографии стала проявляться тенденция анализа региональных политических процессов в контексте проводимого федеральным центром курса в качестве своеобразной «реакции» населения на «внешнее воздействие», при этом за пределами внимания экспертного сообщества, привлекаемого органами власти к оценке характера межэтнических и межконфессиональных коммуникаций, оставались латентные проявления этнических процессов [2. С. 299], охватывающих не менее трех поколений (от 45 до 75 и более лет). Такие процессы имеют имманентный характер, в них воздействие институтов государственной власти имело и имеет опосредованный характер, а их средне- и долгосрочные социальные последствия, безусловно, могут выступать объектом не только мониторинга текущего состояния этносоциальной обстановки (ЭСО), но и научного прогнозирования направленности и динамики ее изменения в средне- и долгосрочной перспективе. Стоит особо отметить, что эти процессы во многом определяют сохранение этнической идентификации народов России и выступают связующей нитью между современностью и многовековой историей российского государства, включающей в качестве константы этническую историю народов и историю трех мировых конфессий (христианства, мусульманства, буддизма).

В этой связи вполне понятен интерес к материалам мониторинговых исследований как группе источников, отражающих взаимообусловленность процессов: а) концептуализации взглядов (в среде политиков) на текущую этносоциальную обстановку в субъектах РФ; б) формирования устойчивой системы коммуникаций между органами власти, экспертным сообществом, институтами гражданского общества по отслеживанию механизма ее изменения. Характер этой взаимообусловленности во многом определяется сменой научных парадигм, идеологией и проблемами этнологического образования [3. С. 123–148; 4].

В этой связи вполне понятен интерес к материалам мониторинговых исследований как группе источников, отражающих взаимообусловленность процессов: а) концептуализации взглядов (в среде политиков) на текущую этносоциальную обстановку в субъектах РФ; б) формирования устойчивой системы коммуникаций между органами власти, экспертным сообществом, институтами гражданского общества по отслеживанию механизма ее изменения. Характер этой взаимообусловленности во многом определяется сменой научных парадигм, идеологией и проблемами этнологического образования [3. С. 123–148; 4].

1. Методология, источники, методы исследования

Научное прогнозирование направленности этнических процессов, инициированных федеральным курсом национальной политики [1, 5–7], в субъектах РФ относится к числу трудноразрешимых задач. Связано

это не столько с политическими, сколько с методологическими и научно-организационными аспектами их решения. Методологические проблемы определяются интеграционным характером этой формы научно-прикладного исследования, необходимостью привлечения к проведению экспертиз (этнологических, этносоциальных, конфликтологических и др.) широкого круга специалистов в сфере не столько политологии и культурологии, сколько этнологии, этнической истории, экологии и социологии [8].

В связи с вышеизложенным определение в качестве объекта мониторинга текущей этносоциальной обстановки в субъектах РФ с перспективой отражения трендов ее изменения приводит к необходимости сочетания трех методологических подходов: системного, процессного, выборочного.

Системный подход определяется тем, что объект мониторинга представляет динамичную сложносоставную и многоуровневую систему (комплекс) социальных коммуникаций – политических, социально-экономических, социокультурных связей между социальными институтами. Из них только часть – традиционные (стохастические), т.е. имеют признаки устойчивости к процессам социальной трансформации. В структуре социальных связей между социальными институтами этническая составляющая проявляется в исключительно широком спектре: от этнических секторов сельской и городской экономики с элементами сетевой организации до системы коммуникаций культурных и конфессиональных объединений с органами местного самоуправления.

Процессный подход имеет двухкомпонентную составляющую. С одной стороны, собственно мониторинг стоит рассматривать как комплекс взаимообусловленных процессов с четко выраженными акторами процесса, их социальными установками, алгоритмом процедур исследования ЭСО. На основе алгоритма структурно-функционального анализа вовлеченные в этот процесс лица (как юридические, так и физические), разделяются (по функциям) на три группы: а) «ответственные» за организацию процесса и внедрение его результатов в политическую практику; б) «исполнители» – организаторы проведения обследования ЭСО, это представители экспертного сообщества; в) «участники» – лица и организации, опосредованно вовлеченные в развертывание регионального мониторинга, оказывающие прямое или косвенное воздействие на сопутствующие социальные процессы.

Акцентируем внимание на необходимости учета перманентных факторов воздействия на процессы организации, проведения и внедрения результатов мониторинга. Внешние факторы – правовые, финансовые, административные решения, определяющие направленность и содержание мониторинговых исследований. Внутренние факторы – системы социальных коммуникаций, объединяющие исполнителей и участников этого процесса, оказывающих опосредованное воздействие на политическую концептуализацию промежуточных и итоговых результатов мониторинга – оценок, рекомендаций и т.д.

Вторая компонента процессного подхода проявляется в том, что ЭСО, выступающая объектом монито-

ринга, как правило, определяется ходом и направленностью региональных социально-экономических, политических и социокультурных процессов. Каждый из этих процессов может выступать объектом структурно-функционального анализа при оценке его как фактора воздействия на изменение ЭСО. Учет этой константы позволяет выйти на определение сферы социальных установок и групповых интересов, включая этнические.

Целесообразность использования выборочного подхода определяется географическим, социально-экономическим, этническим, конфессиональным, культурным разнообразием России, существенно ограничивающим экстраполяцию (моделирование) процессов, выделенных в рамках одних ее субъектов, на другие. В этой связи использование разных форм компаративного анализа (структурно-функционального, историко-типологического, историко-генетического и т.д.) определяется как объектом проведенного пилотажного исследования – реализованными формами организации (моделями) мониторинга, так и характером (информативной емкостью) привлеченных источников.

В качестве основных нами были использованы три группы источников. К первой отнесены нормативные акты (законы, указы, методически рекомендации и т.д.), определившие принципы, которыми руководствуются представители органов всех ветвей власти при оценке текущей этносоциальной обстановки в субъектах РФ.

Ко второй – историографические источники, охватывающие широкий спектр публикаций представителей экспертного сообщества, привлекаемых к организации этнологического мониторинга и проведению этнологических экспертиз в субъектах РФ. Они включают как опубликованные результаты этнологического мониторинга и экспертиз, так и аналитические материалы по оценке эффективности этой формы научно-прикладных исследований.

К третьей группе отнесены материалы исследований, отложившиеся в текущих архивах лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского госуниверситета (1994–2010) и лаборатории этносоциальных исследований ФИЦ «Субтропический научный центр РАН (2011–2021). Они включают полевые дневники, делопроизводственные источники, отражающие взаимодействие экспертных групп, лидеров национальных общественных организаций с органами исполнительной власти, отчеты научных исследований, проведенных при поддержке отечественных и зарубежных программ и фондов. По этой группе источников прослеживаются спектр групповых интересов и социальных коммуникаций, формируемых в ходе проведенных этнологических экспертиз, накопленный опыт коммуникаций экспертных групп с Администрацией Кемеровской области (1994–2010), Городским собранием и Администрацией МО «город-курорт Сочи» (2011–2020).

Привлекаемый круг источников позволяет, с одной стороны, выйти на этап «моделирования» апробированных в Российской Федерации подходов в реализации концепции мониторинга ЭСО на региональном уровне, с другой стороны, определить информацион-

ную ценность формируемых в ходе мониторинга баз данных для выявления этнических процессов и прогнозирования их направленности и динамики.

2. Модели этносоциального мониторинга органами государственной власти

Начиная с 1990-х гг. формирование органами исполнительной власти системы мониторинга этносоциальной обстановки объективно было тождественно процессу формирования многоуровневой и многокомпонентной информационной системы социальных коммуникаций. В ее структуру последовательно включались социальные институты, представляющие как заказчика на получение объективной информации о социальных процессах – министерства, агентства, региональные органы исполнительной и законодательной власти, так и исполнителей (носителей информации) – временные научные коллективы, привлекаемые эксперты, представители местного (муниципального) самоуправления, природоохранных и национальных общественных организаций, учреждений культуры, массмедиа, бизнес-сообщества. В зависимости от характера запрашиваемой информации формировались качественно отличные *модели организации мониторинга*, определяющие как его содержание, так и характер воздействия на современные этнические процессы. Обратимся к наиболее ярким примерам.

Прослеживается несколько моделей мониторинга этносоциальной и этноконфессиональной ситуации в субъектах РФ. Наиболее устойчивая из них – система контроля за фактами, профилактикой, освещением в СМИ проявлений этнического сепаратизма, этнополитического экстремизма и терроризма. Спецификой этой модели является ее ориентация не столько на структурные подразделения региональных органов власти, отвечающих за реализацию федерального курса национальной политики, сколько на силовые структуры, привлекаемые на завершающих стадиях формирования и проявления конфликтов – «антагонизма» (следствие высокой напряженности) и «несовместимости» в сфере этнических и конфессиональных коммуникаций.

Для модели характерно, что ЭСО подвергается анализу в контексте соответствия нормативным актам, отражающим: общие принципы политики государства в части противодействия террористической деятельности [9, 10]; правовые основания включения иностранных и международных организаций в список организаций экстремистской направленности [11]; полномочия органов федеральной службы безопасности в области борьбы с терроризмом [12]; текущую деятельность органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере противодействия терроризму, организации мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизации их последствий [13]; участие органов местного самоуправления в профилактике терроризма и экстремизма, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах муниципальных образований [14]; информационное сопровождение контртеррористических операций и их освещение в средствах массовой информации [15] и др.

Основным источником по анализу ЭСО для представителей структурных подразделений региональных органов власти, отвечающих за проведение национальной политики, выступали: сводные материалы (по субъекту) последней переписи, пресс-релизы по материалам региональных массмедиа, освещающих социальную политику и социальные конфликты, публикации федеральных СМИ, отчеты текущей деятельности лояльных к органам власти национальных общественных объединений, публикации в сфере этнической истории и культурологии. Особое внимание обращалось на «фокусные» группы – этнические группы, отнесенные к категории коренных малочисленных народов, и диаспоры. Необходимо отметить, что большинство источников, привлекаемых органами власти (за исключением публикаций материалов полевых исследований), не несет существенной информации по региональным этническим процессам, формирующим начальные стадии конфликтной ситуации (скрытая напряженность, «осознание»), для которой характерны латентные формы межэтнических коммуникаций, отражающих столкновение групповых интересов – политических, экономических, социокультурных.

Контроль за исполнением федерального законодательства способствует формированию в ведомственных архивах структурных подразделений исполнительной власти корпуса делопроизводственных источников, содержащих «сопутствующую» информацию: а) по реализации целевых программ социально-экономического и культурного развития (по этническим группам); б) по миграционным процессам, формированию диаспор, интеграции мигрантов в региональную инфраструктуру, этническим секторам экономики (на уровне сельских анклавов и муниципалитетов), деятельности национальных культурных центров и коллективов и т.д. Процесс формирования фондов и их содержание определяются характером коммуникаций органов власти с привлекаемыми экспертными группами. С начала 1990-х гг. в субъектах РФ прослеживается практика, когда к мониторингу ЭСО в субъектах РФ федеральными органами власти последовательно привлекаются социальные институты, представленные структурами гражданского общества и экспертным сообществом – специалистами в сфере политологии, этнической социологии, этнографии (этнологии), экологии. Отметим, что обобщенная информация, например, по коренным малочисленным народам, предоставлялась регионами Сибири в Министерство регионального развития Правительства РФ. Как показывает опыт этнологических экспертиз в Кемеровской области [16, 17], синтез информации, заложенной в делопроизводственных источниках, с историографическими источниками и полевыми материалами может выступать основой для выявления ряда этнических процессов, определения их динамики и направленности как основы научного прогнозирования изменения ЭСО.

Одной из форм организации на федеральном уровне системного мониторинга экологической и этносоциальной ситуации в субъектах РФ выступают международные проекты и программы. В качестве примера можно привести реализуемые совместно с Правительством РФ

программы развития Организации Объединенных Наций и Глобального экологического фонда, направленные на сохранение биоразнообразия, природного и историко-культурного наследия. Так, в рамках программы ПРООН / ГЭФ в Саяно-Алтайском экорегионе (2007–2012) мониторинг этносоциальной обстановки реализовался на краткосрочной основе (сроки реализации программы составляли 5–7 лет). Проект был ориентирован на проблемы экологической сбалансированности традиционных моделей природопользования, сохранения традиционных знаний коренного населения в области природопользования, бедности, выбора альтернативных традиционным форм занятости, развития этнических форм предпринимательства, обучения правовым и экономическим основам. Опубликованные результаты проектов – информационные бюллетени, справочные издания, учебные пособия – представляют историографический источник, отражающий: а) этносоциальную и экологическую обстановку (на этапе реализации программы); б) уровень компетентности привлекаемых научных коллективов по текущим социально-экономическим, экологическим и этническим процессам; в) выявленные на полевом материале тенденции изменения традиционных форм сельской экономики и природопользования; г) дидактические подходы отражения экологических и этнических проблем в их логической взаимосвязи [18, 19]. Материалы, отложившиеся в текущих архивах организаций, вовлеченных в реализацию проектов программы ПРООН / ГЭФ, в случае проведения повторных исследования (сельских анклавов) могут стать базой для проверки краткосрочных прогнозов по изменению этносоциальной и экологической обстановки. В отдельных случаях – осуществить переход на уровень среднесрочного прогноза последствий изменения системы внутри- и межэтнических коммуникаций.

3. Сетевая модель этносоциального мониторинга

Одной из первых в РФ попыток использования модели взаимодействия органов государственной власти, учреждений науки, институтов гражданского общества, при мониторинге социальных коммуникаций на среднесрочной основе (10–50 лет) стала «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», развернутая в 1993 г. по инициативе профессора В.А. Тишкова, директора Института этнологии и антропологии РАН (Москва). Предлагаемой методологической основой мониторинга стало сочетание двух подходов: качественного анализа ситуации на основе экспертных оценок и формализованный замер динамики ситуаций на основе модели из 46 индикаторов, ориентированных на изменение общественного климата по субъектам РФ.

Согласно процессному подходу следует отметить, что на начальном этапе академический институт взял на себя одновременно ответственность за развертывание мониторинга и информационное обеспечение федеральных органов исполнительной власти об этносоциальной обстановке в субъектах РФ, а также функцию последовательного формирования в субъектах РФ

эпистемического сообщества (ЭС). Эпистемическое сообщество – это сеть специалистов с признанными знаниями и навыками концептуализации знаний в предметной области, охватывающей историю и содержание текущей национальной политики, инициированной политическими и социокультурными процессами. Сообщество объединяли: а) круг убеждений, определяющих аксиологические подходы к анализу этносоциальной обстановки; б) причинно-следственные убеждения, отражающие вовлеченность его членов в придание практической значимости полученным знаниям (связь политики и результатов); в) понятия достоверности или критерии подтверждения знаний на основе заданных индикаторов. На начальном этапе сообщество имело имманентную природу генезиса при ограниченном воздействии органов государственной власти. Эта тенденция прослеживается по факту регистрации Министерством юстиции РФ в 1999 г. сети как *региональной общественной организации* «Содействие по осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов».

На начальном этапе территориальный охват сети теоретически позволил организовать мониторинг этносоциальной обстановки на федеральном и отчасти международном уровне. С сетью на постоянной основе сотрудничали более сорока экспертов из 25 регионов России и 11 постсоветских государств [20–22]. Исходя из отчета за 2010 г., оценка этнополитической ситуации была проведена по 24 субъектам, а рейтинг конфликтности рассчитан по 43 (из 83) регионам [23. С. 242–243].

Следует отметить, что из-за динамично меняющейся этносоциальной обстановки и принадлежности к разным направлениям наук в своих оценках эксперты, как правило, были ориентированы на обобщение (синтез) информации, находящейся в открытом доступе. Ограниченный круг привлекаемых источников определил, что объектом внимания выступали или «знаковые» события, ставшие информационным «поводом» для высказываний и суждений, или аналитические материалы, подготовленные в структуре региональных органов власти. В качестве иллюстрации этой тенденции приведем представленные в отчете Сети ЕАWARN за 2010 г. аналитические обзоры по ситуации в двух регионах трансграничной зоны юга РФ: агломерации Большой Сочи – районе планируемой Зимней Олимпиады 2014 г., и Республике Алтай [3. С. 157–161]. Экспертные оценки по Черноморскому побережью были даны экспертами востоковедом О.М. Цветковым (АРИГИ им. Т.М. Керашева, Майкоп) и социологом и политологом М.В. Саввой (Кубанский госуниверситет), по Горному Алтаю – этнографом Калмыцкого научного центра РАН С.П. Тюхтеневой [23. С. 65–69, 140–142, 353–359]. Научная специализация экспертов в соответствии с методологическими установками ИЭиА РАН определила характер оценки этносоциальной ситуации. Так, О.М. Цветковым акцентировано внимание на рисках ее дестабилизации в предолимпийский период исключительно на основе генезиса «черкесского вопроса», т.е. этнополитических процессов в среде одной этнической группы из десят-

ков, проживающих в регионе. Внимание профессора М.В. Саввы было акцентировано уже на региональных процессах – миграции и миграционной политике, деятельности национальных общественных организаций, реализации курса национально-культурной автономии, проявлениях экстремистской деятельности и бытового национализма и т.д. Внутрорегиональная специфика этнических процессов не затрагивалась. В оценке этносоциальной обстановки на территории Республики Алтай этнографом С.П. Тютчевым внимание было акцентировано на освещении мероприятий, посвященных празднованию 140-летия со дня рождения художника Г.И. Гуркина (1870–1937). За пределами внимания эксперта осталась реализация в 2007–2011 гг. десятков проектов программы ПРООН / ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона». Реализованные проекты, выпавшие из внимания исследователя, стали серьезным фактором воздействия на систему внутри- и межэтнических коммуникаций в республике и отчасти способствовали их перестроению.

Приведенный пример достаточно показателен для отражения основных признаков сетевого мониторинга представителями *эпистемического сообщества*: а) оценки ЭСО проводятся на основе анализа не столько этнических процессов, сколько этнографических фактов; б) внимание акцентировано на проявлениях этнополитических и социокультурных процессов; в) узость источниковой базы, отсутствие анализа ее информативной емкости; г) отсутствие оценки репрезентативности выводов.

Проявившиеся в течение 1990–2010-х гг. проблемы методологического плана объективно способствовали корректировке модели мониторинга. В соответствии с решением Президента РФ от 4 апреля 2012 г. № 3230 Минобрнауки России совместно с Российской академией наук на базе ИЭиА РАН и РОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов» были созданы Распределенные научные центры межнациональных и религиозных проблем (РНЦ) в четырех федеральных округах – Северо-Кавказском (СКФО), Южном (ЮФО), Приволжском (ПФО) и Центральном (ЦФО). В 2013 г. на базе ИЭиА РАН был развернут центральный офис РНЦ. В 2015 г. РНЦ был создан в Крымском федеральном округе, позднее объединенном с ЮФО. В 2018 г. РНЦ распространил свою деятельность еще на два федеральных округа – Сибирский (СФО) и Дальневосточный (ДВФО).

Согласно разработанной концепции РНЦ представлял также сетевое сообщество, объединяющее специалистов региональных учреждений науки и образования, ориентированных на системное исследование межнациональных и конфессиональных проблем. Объективно это формировало условия для переориентации структурных подразделений РАН при организационно-методическом обеспечении со стороны ИЭиА РАН на проведение научно-прикладных исследований, направленных на повышение эффективности органов государственной власти и управления в сфере межнациональных отношений. В основу работы РНЦ был положен

уже апробированный ранее метод подготовки аналитических, научно-методических и справочных докладов для государственных служащих, политических и общественных деятелей, работников масс-медиа. Перестроение модели наложило отпечаток и на корректировку предметной области этнологического мониторинга. К числу основных современных трендов сетевых форм организации мониторинга были отнесены: а) повышение актуальности разработок, связанных с динамикой смены идентичностей (этнической, конфессиональной, гражданско-политической); б) смена приоритетов в оценке факторов изменения этносоциальной обстановки с ресурсных (среда, ресурсы, экономика) на социокультурные; в) акцентирование внимания на системе сетевых коммуникаций, процессах индокринации и проявлениях феномена презентизма, адаптации и интеграции мигрантов, эффективности госуправления (как процесса) и роли институтов гражданского общества в регуляции межэтнических отношений и исполнения государственной национальной политики [24].

При изменении организационно-методических подходов мы сталкиваемся с сочетанием двух не всегда совместимых аспектов мониторинга этносоциальной обстановки. Первый – это проявления разных форм межэтнических коммуникаций. Второй – очерчивание экспертом или группой экспертов трендов социальных процессов с учетом их этнической составляющей. В целом можно отметить, что динамично изменяемая экспертами ИЭиА РАН модель сетевого мониторинга достаточно эффективна в концептуализации содержания текущей этнополитической обстановки по Российской Федерации в целом. В меньшей мере она ориентирована на отслеживание этнической составляющей внутрорегиональных процессов, средне- и долгосрочные последствия которых и выступают объектом научного прогнозирования направленности изменения этносоциальной и этноконфессиональной обстановки.

4. Модели этносоциального мониторинга регионального и межрегионального уровней

Специфика организации регионального этносоциального мониторинга в области информационного обеспечения федерального курса национальной политики определяется рядом факторов.

Во-первых, характером заказа со стороны региональных органов власти на содержание мониторинговых исследований. Согласно последнему объектом исследования может выступать не только этносоциальная обстановка, но и социальные процессы, дестабилизирующие ее. При этом формы организации мониторинга в районах компактного проживания этнических меньшинств могут иметь существенные отличия. Так, в Кемеровской области региональный этнологический мониторинг начиная с 1990-х гг. был ориентирован на развертывание единого и последовательного процесса сбора, обобщения, оценки, анализа, прогноза и публикации данных по максимально полному спектру процессов (во взаимосвязи) и характеру внутри- и межэтнического взаимодействия в границах компакт-

ного проживания двух коренных малочисленных народов – шорцев и телеутов. Хронологические рамки не ограничивались. Этнологические экспертизы в структуре мониторинга выступали одной, далеко не доминирующей процедурой в поиске механизма взаимодействия между экспертным сообществом, заказчиком, бизнес-структурами, сельскими анклавами и институтами гражданского общества. Порядок проведения экспертиз определялся апробированными в экспертном сообществе алгоритмами исследования социальных процессов, включая этнические. Разработанный на основе государственного контракта с Администрацией Кемеровской области регламент этнологических экспертиз так и не стал нормативным документом. В большей мере он представлял собой алгоритм процедур, направленных на последовательное формирование базы данных по современной этнической истории этнических меньшинств и групп [3. С. 269–334; 25].

Качественно иной моделью организации исследований по заданным выборочным сельским анклавам выступают этнологические экспертизы, направленные на определение компенсации за вред, приносимый программами и проектами, которые реализуются на этнической территории. Как показала практика, достижению этой цели способствует более жесткая регламентация на региональном уровне процесса подготовки аналитических материалов. Ярким примером правового регулирования такой формы активности стала деятельность Правительства Республики Саха (Якутия). Проанализированный А.С. Басовым в соответствии с концепцией «структурного насилия» на «модусы человеческого общения и принятия решения в сфере управления» [26] алгоритм процедуры получения экспертных оценок отражает, с нашей точки зрения, крайне интересную тенденцию: выбор в качестве объекта мониторинга этнологической среды в границах сельских анклавов, заданных техническим заданием, объективно приводит к формированию многоуровневой системы коммуникаций, приобретающей форму бюрократических краткосрочных процедур, заданных на федеральном уровне методиками [27]. Представляемая «государственная услуга», включающая определение состава экспертов, сроков проведения экспертиз, структуры заключения по представляемой заказчиком, т.е. бизнес-структурами, документами, существенно ограничивает возможности среднесрочного и долгосрочного прогнозирования рисков изменения «этносоциологической среды», или «социокультурной ситуации», для прилегающих к месту экспертизы территорий. Локальные группы коренных малочисленных народов при этой модели фактически «выпадают» из системы внутри- и межрегиональных социальных коммуникаций [28].

В перспективе этнологические экспертизы как форма научно-прикладных исследований органически вписываются в формируемую на межрегиональном уровне систему координации структурных подразделений РАН и высшей школы в субъектах РФ, направленную на систематизацию и введение в научный оборот результатов мониторинга социальных процессов. В качестве примера можно привести серии изданий научных цен-

тров Сибирского и Южного и федеральных округов, в структуре которых прошел апробацию ряд методологических подходов в выявлении рисков дестабилизации социально-политической обстановки на межрегиональном уровне. Так, с начала 2000 гг. исследования ЮНЦ РАН сориентированы на текущую оценку «конфликтологического облика региона», этнический состав которого объединяет десятки этносов и этнических групп, часть из которых (например, регионы Северного Кавказа, Калмыкия и др.) сохраняет традиционную хозяйственную специализацию, социальные институты, системы жизнеобеспечения и природопользования. Внимание экспертного сообщества при этом ориентировано на доминантные конфликты, «генерируемые специфическими для субъектов федерации особенностями развития. Собственно, конфликт предлагается рассматривать в качестве многокомпонентного системного явления, обусловленного многими факторами, этническая и конфессиональная составляющая которых не рассматривается в качестве доминанты [29–32]. Апробированные Институтом философии и права СО РАН (Новосибирск) подходы, оценки и прогнозирование социальных процессов, определение их этнической составляющей базируются на обобщении информации по локальным сообществам в структуре тематических сборников [33–35]. Специфика этого историографического источника проявляется в ориентации на анализ не столько уровня конфликтологического облика региона (федерального округа), сколько на составляющие социогенеза, процесса, охватывающего широкий спектр этносов региона.

Выводы

На основе анализа источников выявлено, что с начала 1990-х гг. прослеживается устойчивая тенденция формирования в структуре Российской академии наук и высшей школы системы информационного обеспечения национальной политики РФ, определяемая нормативными актами федерального уровня. В рамках этносоциального (этнологического) мониторинга как формы научно-прикладных исследований прошло апробацию несколько социальных технологий, определяющих его модели – информационные системы социальных коммуникаций, объединяющие органы власти, учреждения науки и высшей школы и институты гражданского общества в оценке текущей этносоциальной обстановки.

Результатом мониторинга выступает формирование в субъектах Российской Федерации корпуса источников, анализ которых на основе методологических принципов процессного, системного и выборочного подходов, с одной стороны, позволяет обеспечить более высокий уровень выявления социальных процессов, инициирующих столкновение общенациональных (государственных) и групповых (этнических) интересов, с другой стороны, сформировать основу прогнозирования динамики и направленности латентных (по форме) этнических процессов – изменения этнической структуры и системы расселения, трансформации традиционной социальной организации и систем жизне-

обеспечения, этнополитической консолидации, адаптации мигрантов, ассимиляции, коммодификации

традиционной культуры и тому подобного в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Сокращения

ГЭФ – Глобальный экологический фонд
ИЭиА – Институт этнографии и антропологии
ИФИП – Институт философии и права
ПРООН – Программа развития Организации Объединенных Наций
РНЦ – Распределенные научные центры
РАН – Российская академия наук
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ЭСО – этносоциальная обстановка

Список источников

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата обращения: 17.02.2022).
2. Садовой А.Н., Белозерова М.В. Индикаторы мониторинга реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: модели традиционного жизнеобеспечения и этническое предпринимательство // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 296–312.
3. Кудрина Е.Л., Белозёрова М.В., Садовой А.Н., Пономарев В.Д., Марков В.И. Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект. Кемерово : КемГУКИ, 2013. 383 с.
4. Садовой А.Н. Проблемы этнологического образования в системе подготовки гуманитариев (проблемы и опыт решения). // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2014. № 1 (26). С. 130–135.
5. Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики в Российской Федерации // Национальная политика в Российской Федерации : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Липки, сентябрь 1992 г.). М. : Наука, 1993. С. 8–40.
6. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 15.06.1996 № 909 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571> (дата обращения: 17.02.2022).
7. Материалы Всероссийского совещания по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России, Москва, М-во регионального развития Правительства РФ, 22–23.10.2009 // Архив ЛЭИ ФИЦ СНИЦ РАН.
8. Садовой А.Н. Исследования в области социальной антропологии и социологии. Опыт и проблемы взаимодействия // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 109–120.
9. О противодействии терроризму : федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // КонтурНорматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=316809> (дата обращения: 10.03.2022).
10. О мерах по противодействию терроризму : Указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 // Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901968230> (дата обращения: 10.03.2022).
11. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-07082001-n-115-fz-o/> (дата обращения: 10.03.2022).
12. О федеральной службе безопасности : федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ // Гарант : информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10104197/> (дата обращения: 10.03.2022).
13. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102062162> (дата обращения: 10.03.2022).
14. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/laws/33> (дата обращения: 10.03.2022).
15. О средствах массовой информации : федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013812> (дата обращения: 10.03.2022).
16. Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В., Шиллер В.В., Белозерова М.В. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации М.О. «Город Мыски». Кемерово : Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. Вып. 1. 216 с.
17. Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В., Белозерова М.В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского района Кемеровской области. Новосибирск : Параллель, 2008. Вып. 2. 231 с.
18. Традиционные знания коренных народов Алтае Саянского экорегиона в области природопользования : информационно-методический справочник / ПРООН / ГЭФ. Барнаул : Азбука, 2009. 310 с.
19. Традиционные знания коренных народов Алтае Саян в области природопользования : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Барнаул, 11–13 мая 2009 г. / под ред. И.И. Назарова; ПРООН / ГЭФ. Барнаул : АРТТИКА, 2009. 144 с.
20. Амелин В. О сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов // Валерий Тишков. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya/_set_etnolol/o_seti_etn.html (дата обращения: 17.02.2022).
21. Тишков В.А. Сеть этнологического мониторинга десять лет спустя // Этнопанорама. 2003. № 1-2. С. 3–23.
22. Садовой А.Н. Этнологические экспертизы: к проблеме адекватного отражения современных этносоциальных процессов // Теоретические и практические аспекты социально-экономического и политического развития Республики Казахстан, Центральной Азии и стран СНГ на современном этапе. Алматы : TST company, 2009. С. 402–409.
23. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 г. : ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2011. 513 с.
24. Тишков В.А. О распределенном научном центре в Приволжском федеральном округе // Мониторинг реализации государственной национальной политики в Приволжском федеральном округе : экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М. ; Ижевск : Ин-т компьютерных исслед., 2017. С. 4.
25. Поддубиков В.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово : Практика, 2014. 358 с.
26. Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
27. Методика исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционно-

- го проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ : утв. приказом Министерства регионального развития РФ от 09.12.2009 № 565 // Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902193558> (дата обращения: 17.02.2022).
28. Басов А.С. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 91–123.
 29. Матишов Г.Г. Атлас социально политических проблем, рисков и угроз Юга России. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. Т. 3. 260 с.
 30. Юг России: проблемы, прогнозы, решения : сб. науч. ст. / гл. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 320 с.
 31. Авксентьев В.А., Аксенов Б.В., Гриценко Г.Д. и др. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / под ред. Г.Г. Матишова и др. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 328 с.
 32. Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона : Материалы всерос. науч. конф. (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 288 с.
 33. Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сб. Новосибирск : ЦЕРИС, 1997. 311 с.
 34. Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сб. Новосибирск : Изд-во ИФИП СО РАН, 1998. Вып. 2. 310 с.
 35. Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. 312 с.

References

1. Russian Federation. (2012) *Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda*: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 [Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025: Approved by Decree No. 1666 of the President of the Russian Federation of December 19, 2012]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (Accessed: 17th February 2022).
2. Sadovoy, A.N. & Belozeroва, M.V. (2016) Indikatory monitoringa realizatsii Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii: modeli traditsionnogo zhizneobespecheniya i etnicheskoe predprinimatel'stvo [Indicators for monitoring the implementation of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation: Models of traditional life support and ethnic entrepreneurship]. *Nauchnyy dialog*. 2(50). pp. 296–312.
3. Kudrina, E.L., Belozeroва, M.V., Sadovoy, A.N., Ponomarev, V.D. & Markov, V.I. (2013) *Tolerantnost' v mul'tikul'turnom obshchestve: regional'nyy aspekt* [Tolerance in a Multicultural Society: Regional Aspect]. Kemerovo: KemGUKI.
4. Sadovoy, A.N. (2014) Problemy etnologicheskogo obrazovanie v sisteme podgotovki gumanitariyev (problemy i opyt resheniya) [Problems of Ethnological Education in the System of Training Humanitarians (Problems and Solutions)]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya*. 1(26). pp. 130–135.
5. Tishkov, V.A. (1993) *Strategiya i mekhanizmy natsional'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii* [Strategy and Mechanisms of National Policy in the Russian Federation]. *Natsional'naya politika v Rossiyskoy Federatsii* [National Policy in the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Lipki, September, 1992. Moscow: Nauka. pp. 8–40.
6. Russian Federation. (1996) *Kontseptsiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii*: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 15.06.1996 № 909 [Concept of the State National Policy of the Russian Federation: Approved by Decree No. 909 of the President of the Russian Federation of June 15, 1996]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571> (data obrashcheniya: 17.02.2022).
7. Russian Federation. (2009) *Materialy Vserossiyskogo soveshchaniya po voprosam realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki i etnokul'turnogo razvitiya regionov Rossii, Moskva, M-vo regional'nogo razvitiya Pravitel'stva RF, 22–23.10.2009* [Materials of the All-Russian Conference on the Implementation of State National Policy and Ethnocultural Development of the Regions of Russia, Moscow, Ministry of Regional Development of the Government of the Russian Federation, October 22–23, 2009]. The Archive of the LEI FRC SRC RAS.
8. Sadovoy, A.N. (2012) Issledovaniya v oblasti sotsial'noy antropologii i sotsiologii. Opyt i problemy vzaimodeystviya [Research in Social Anthropology and Sociology. Experience and Problems of Interaction]. *Antropologicheskii forum*. 16. pp. 109–120.
9. Russian Federation. (2006) *O protivodeystvii terrorizmu: federal'nyy zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ* [On Counteracting Terrorism: Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006]. [Online] Available from: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=316809> (Accessed: 10th March 2022).
10. Russian Federation. (2006) *O merakh po protivodeystviyu terrorizmu: Ukaz Prezidenta RF ot 15.02.2006 № 116* [On measures to counter terrorism: Decree No. 116 of the President of the Russian Federation of February 15, 2006]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901968230> (Accessed: 10th March 2022).
11. Russian Federation. (2001) *O protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma: federal'nyy zakon ot 07.08.2001 № 115-FZ* [On counteracting the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001]. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-07082001-n-115-fz-o/> (Accessed: 10th March 2022).
12. Russian Federation. (1995) *O federal'noy sluzhbe bezopasnosti: federal'nyy zakon ot 03.04.1995 № 40-FZ* [On the Federal Security Service: Federal Law No. 40-FZ of April 3, 1995]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/10104197/> (Accessed: 10th March 2022).
13. Russian Federation. (1999) *Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ* [On the general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law No. 184-FZ of October 6, 1999]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102062162> (Accessed: 10th March 2022).
14. Russian Federation. (2003) *Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ* [On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003]. [Online] Available from: <https://mintrud.gov.ru/docs/laws/33> (Accessed: 10th March 2022).
15. Russian Federation. (1991) *O sredstvakh massovoy informatsii: federal'nyy zakon ot 27.12.1991 № 2124-1* [On the mass media: Federal Law No. 2124-1 of December 27, 1991]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013812> (Accessed: 10th March 2022).
16. Sadovoy, A.N., Nechiporenko, O.V., Poddubikov, V.V., Shiller, V.V. & Belozeroва, M.V. (2005) *Etnologicheskaya ekspertiza. Otsenka vozdeystviya OOO "Metal" (OAO MMK Magnitogorskiy metallurgicheskii kombinat) i UK "Yuzhnyy Kuzbass" (stal'naya gruppa "Mechel") na sistemy zhizneobespecheniya avtokhtonnoy i russkogo naseleniya Chuvashskoy sel'skoy administratsii M.O. "Gorod Myski"* [Ethnological examination. Assessment of the impact of Metal LLC (OJSC MMK Magnitogorsk Iron and Steel Works) and UK Yuzhny Kuzbass (Steel Group Mechel) on the life support systems of the autochthonous and Russian population of the Chuvashia rural administration of MO "Gorod Myski"]. Vol. 1. Kemerovo: SB RAS.
17. Sadovoy, A.N., Nechiporenko, O.V., Poddubikov, V.V., Belozeroва, M.V. et al. (2008) *Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teleutov Belovskogo i Gur'evskogo rayona Kemerovskoy oblasti* [Ethnological examination. Ethnopolitical, socio-economic and ethnodemographic processes among the Teleuts of the Belovsky and Gurevsky districts of the Kemerovo region]. Vol. 2. Novosibirsk: Parallel'.
18. Nazarov, I.I. (ed.) (2009) *Traditsionnye znaniya korennykh narodov Altae Sayanskogo ekoregiona v oblasti prirodopol'zovaniya* [Traditional Knowledge of Indigenous Peoples of the Altai-Sayan Ecoregion in Nature Management]. Barnaul: Azbuka.
19. Nazarov, I.I. (ed.) (2009) *Traditsionnye znaniya korennykh narodov Altae Sayanskogo ekoregiona v oblasti prirodopol'zovaniya* [Traditional Knowledge of Indigenous Peoples of the Altai-Sayan Ecoregion in Nature Management]. Barnaul: ARTTIKA.
20. Amelin, V. (n.d.) *O seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [On the network of ethnological monitoring and early warning of conflicts]. [Online] Available from: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya/_set_etnol1/o_seti_etn.html (Accessed: 17th February 2022).

21. Tishkov, V.A. (2003) Set' etnologicheskogo monitoringa desyat' let spustya [Network of ethnological monitoring ten years later]. *Etnopanorama*. 1-2. pp. 3–23.
22. Sadovoy, A.N. (2009) Etnologicheskie ekspertizy: k probleme adekvatnogo otrazheniya sovremennykh etnosotsial'nykh protsessov [Ethnological Expertise: Towards the Problem of Adequate Reflection of Modern Ethnosocial Processes]. In: *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty sotsial'no ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Respubliki Kazakhstan, Tsentral'noy Azii i stran SNG na sovremennom etape* [Theoretical and Practical Aspects of the Socio-Economic and Political Development of the Republic of Kazakhstan, Central Asia and the CIS Countries at the Current Stage]. Almaty: TST company. pp. 402–409.
23. Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (eds) (2011) *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 g.: ezhegodnyy doklad seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical Situation in Russia and Adjacent States in 2010: Annual Report of the Ethnological Monitoring and Early Warning Network]. Moscow: IEA RAS.
24. Tishkov, V.A. (2017) O raspredelenom nauchnom tsentre v Privolzhskom federal'nom okruge [On a Distributed Research Center in the Volga Federal District]. In: Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (eds) *Monitoring realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki v Privolzhskom federal'nom okruge: ekspertnyy doklad* [Monitoring the Implementation of the State National Policy in the Volga Federal District: Expert Report]. Moscow; Izhevsk: Institute of Computer Research. p. 4.
25. Poddubikov, V.V. (2014) *Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii* [Expertise and Monitoring of Traditional Forms of Nature Management of Indigenous Minority Ethnic Groups: Methods of Applied Ethnology]. Kemerovo: Praktika.
26. Greber, D. (2016) *Utopiya pravil: o tekhnologiyakh, gluposti i taynom obayanii byurokratii* [Utopia of Rules: About Technologies, Stupidity, and the Secret Charm of Bureaucracy]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
27. Russian Federation. (2009) *Metodika ischisleniya razmera ubytkov, prichinennykh ob"edineniyam korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka RF v rezul'tate khozyaystvennoy i inoy deyatel'nosti organizatsiy vseh form sobstvennosti i fizicheskikh lits v mestakh traditsionno-go prozhivaniya i traditsionnoy khozyaystvennoy deyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov RF: utv. prikazom Ministerstva regional'nogo razvitiya RF ot 09.12.2009 № 565* [Methodology for calculating the number of losses caused to associations of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation as a result of economic and other activities of organizations of all forms of ownership and individuals in places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous peoples of the Russian Federation: Approved by Order No. 565 of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation dated December 9, 2009]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902193558> (Accessed: 17th February 2022).
28. Basov, A.S. (2018) Dialog i byurokraticheskie protsedury: etnologicheskaya ekspertiza v Respublike Sakha (Yakutiya) RF [Dialogue and bureaucratic procedures: An ethnological examination in the Sakha Republic (Yakutia) of the Russian Federation]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 91–123.
29. Matishov, G.G. (2008) *Atlas sotsial'no politicheskikh problem, riskov i ugroz Yuga Rossii* [Atlas of Socio-Political Problems, Risks and Threats of the South of Russia]. Vol. 3. Rostov on Don: RAS.
30. Matishov, G.G. (ed.) (2010) *Yug Rossii: problemy, prognozy, resheniya* [The South of Russia: Problems, Forecasts, Solutions]. Rostov on Don: RAS.
31. Avksentiey, V.A., Aksyumov, B.V., Gritsenko, G.D. et al. (2011) *Yug Rossii v zerkale konfliktologicheskoy ekspertizy* [The South of Russia in the mirror of conflictological expertise]. Rostov on Don: RAS.
32. Matishov, G.G. (ed.) (2011) *Sistemnyy krizis na Severnom Kavkaze i gosudarstvennaya strategiya razvitiya makroregiona* [Systemic Crisis in the North Caucasus and the State Strategy for the Development of the Macroregion]. Rostov on Don: RAS.
33. Popkov, Yu.V. (ed.) (1997) *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* [Ethnosocial Processes in Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: TsERIS.
34. Popkov, Yu.V. (ed.) (1997) *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* [Ethnosocial Processes in Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS.
35. Popkov, Yu.V. (ed.) (1997) *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* [Ethnosocial Processes in Siberia]. Vol. 8. Novosibirsk: Sib. nauch. izd-vo.

Сведения об авторе:

Садовой Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией этносоциальных исследований Субтропического научного центра Российской академии наук (Сочи, Россия). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sadovoy Alexandre N. – Chief Researcher, Head of the Laboratory of Ethnosocial Research, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russia). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 16.05.2022; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья
УДК 94; 902; 394
doi: 10.17223/19988613/90/19

Этноархеологическое познание социокультурной истории (из опыта сибирских ученых)

Николай Аркадьевич Томилов

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук;
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, n.a.tomilov@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются основные результаты этноархеологических исследований сибирских ученых, главным образом томских и омских, социокультурной и этнической истории населения Западной Сибири. Приводятся периодизация истории археолого-этнографических исследований в России и характеристика нового этноархеологического направления – его методологических, источниковедческих и методических основ. Характеризуются разработанная омскими учеными теория этнографо-археологических комплексов и применение ее в изучении социокультурной истории русского и татарского населения Западной Сибири.

Ключевые слова: археолого-этнографические исследования, этноархеология, этнографо-археологический комплекс, социокультурная история

Благодарности: Работа выполнена по госзаданию № 122031600309-1.

Для цитирования: Томилов Н.А. Этноархеологическое познание социокультурной истории (из опыта сибирских ученых) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 172–180. doi: 10.17223/19988613/90/19

Original article

Ethno-archaeological study of socio-cultural history (based on the work of Siberian scholars)

Nikolay A. Tomilov

*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation, n.a.tomilov@gmail.com*

Abstract. The aim of this study is to characterize and evaluate the results of complex archaeological and ethnographic studies, including studies using methods of ethnoarchaeology, as well as a study of the sociocultural history of the population of Western Siberia in the middle ages and modern period in the works of scientists of Tomsk and Omsk. The sources for the present research are scientific studies published by archaeologists and ethnographers on socio-cultural history and anthropology of Western Siberia and ethnoarchaeology theory in the last 40 years, starting with the materials of the Fifth Western Siberian Archaeology and Ethnography Conference “Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia” held in Tomsk in 1981.

The present article investigates two topics: formation and functioning of ethnoarchaeology in Siberian science, and the work of Tomsk and Omsk scholars during the 1980s-2010s on the archaeological-ethnographic study of socio-cultural and ethnic history of Western Siberian peoples. The results of this research have been published in dozens of books and hundreds of articles, primarily in the proceedings of Western Siberian Archaeological-Ethnographic summits and conferences, held in Tomsk from 1970 to 2018, the proceedings of the International Symposium *Integrating Archaeological and Ethnographic Research*, organized by Omsk scholars in 1993-2018, and in volumes of scientific publication series *Ethnographic-Archaeological Complexes: Issues of Culture and Society*, published in Omsk. In the 1990s Tomsk scholars published a fundamental volume *Essays on Culture Genesis of Western Siberian Peoples*. In Omsk, a group of ethnoarchaeologists, formed in 1993, worked on developing ethnoarchaeology as scientific discipline and published volumes of *Ethnographic-Archaeological Complexes of the Tara area of the Irtysh region*. The main results of the research conducted by Tomsk and Omsk scholars in the last forty years include creating and developing ethnoarchaeology as a scientific discipline in Siberia; developing ethnoarchaeological methodology in the framework of Russian science; developing a periodization system of the history of archaeological-ethnographic research in Russian science from the 17th century until the present day (three periods); developing methodology of ethnoarchaeological research and issues of ethnoarchaeological primary source studies. They also conducted empirical research on socio-cultural history of Western Siberian peoples, including their culture genesis processes; and applied experimental modeling in studying ethnographic-archaeological socio-cultural complexes of Russian and Tatar populations of the Tara area of the Irtysh region in the 17th-20th centuries.

Keywords: archaeological and ethnographic research, ethnoarchaeology, ethnographic-archaeological complex, socio-cultural history

Acknowledgements: The work was completed according to state task No. 122031600309-1.

For citation: Tomilov, N.A. (2024) Ethno-archaeological study of socio-cultural history (based on the work of Siberian scholars). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 172–180. doi: 10.17223/19988613/90/19

Основанием для написания данной статьи послужила потребность в научном осмыслении и оценке результативности археолого-этнографического изучения, в том числе методами этноархеологии, социокультурной истории населения Западной Сибири Средних веков и Нового времени учеными томского и омского археолого-этнографических научных центров. А поводом для этого стала приближающаяся дата – 40-летие очень значимого для научного сообщества России проведенного в Томске на базе классического университета в 1981 г. V Западносибирского археолого-этнографического совещания по методологическим аспектам археологических и этнографических исследований. Сегодня этот научный форум продолжает проводиться в виде всероссийских научных конференций, и ему уже 50 лет, так как первое совещание прошло в 1970 г. Да и в 1981 г. фактически это была большая конференция, в которой приняли участие исследователи из полутора десятка городов, в том числе целые группы ученых из Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Омска и, разумеется, Томска. Был опубликован сборник с материалами этого форума, включивший 68 научных статей [1].

Тогда центральное место в работе совещания заняла тематика по комплексному привлечению археологических и этнографических источников и методов в изучении исторических процессов. Этому были посвящены статьи Л.С. Клейна об археолого-этнографических сопоставлениях, М.Ф. Косарева о методике таких сопоставлений, Г.Н. Грачевой и Л.П. Хлобыстина об использовании данных этнографии в археологических исследованиях, Э.Б. Вадецкой об археологических и этнографических аспектах в изучении погребальной обрядности, Д.Г. Савинова об этническом определении археологических памятников в эпоху Средневековья и др. Наша омская группа выступила тогда с единым блоком докладов, поставив вопрос о необходимости интеграции археологического и этнографического познания исторических процессов. Это были доклады В.И. Матюшенко о месте археологических и этнографических источников в исторических исследованиях [2], В.Б. Богомолова и Н.А. Томилова с изложением разрабатываемой ими теории и методики моделирования этнографо-археологических комплексов (ЭАК) [3], В.Б. Богомолова и сотрудничавшего с нами новосибирского археолога и историка В.И. Соболева об опыте изучения орнамента как компонента ЭАК барабинских татар [4]. Так и был в целом поставлен вопрос о необходимости с целью получения полновестных знаний о социокультурной и этнической истории населения тех или иных регионов организации и осуществления интеграции археологических и этнографических исследований, т.е. их сопряжения в единое научное направление.

Данное исследование охватывает для освещения две темы: сложение и функционирование этноархеологического направления в деятельности сибирских ученых; проведение томскими и омскими учеными в 1980–2010-е гг. археолого-этнографического изучения социокультурной и этнической истории народов Западной Сибири, в том числе методами этноархеологии, прежде всего конструированием и изучением этнографо-археологических социокультурных комплексов. История изучения этих тем уже охвачена рядом научных статей, в том числе и обобщающего характера [5–12]. Они и еще ряд научных работ являются фактически источниками для написания данной статьи. А в целом результаты археолого-этнографических исследований томских и омских ученых опубликованы в период 1980–2010-х гг. более чем в трех десятках монографий и учебных пособий и сотнях и сотнях статей, в том числе помещенных в сборниках материалов Западносибирского археолого-этнографического совещания, а позже конференции (Томск, 1970–2018), Всероссийского, позднее Международного научного семинара, а с 2007 г. симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» (проводился омскими этноархеологами в разных городах России – от Владивостока до Санкт-Петербурга, а также в Казахстане и на Украине в 1993–2018 гг.), и в издаваемой омскими учеными научной серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» (1996–2016).

Что касается археологического и этнографического сибиреведения, то здесь с 1940-х гг. складывались группы ученых, проводивших междисциплинарные исследования для изучения этнической и социокультурной истории народов Сибири. В 1947 г. выдающимся томским ученым А.П. Дульзоном был разработан подробный перспективный план всестороннего комплексного изучения происхождения народов Сибири и их языков, опубликованный в 1952 г. Согласно этому плану томские ученые проводили во второй половине 1940-х – 1960-х гг. работы по антропологии, археологии, лингвистике и этнографии народов Западной и отчасти Средней Сибири. А затем развернулись грандиозные научные работы Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции ленинградских, московских и сибирских ученых, в ходе которых были осуществлены этноархеологические исследования С.И. Вайнштейна [13–15] и В.П. Дьяконовой [16–18], которые в 1970-е гг. стали по-настоящему первыми этноархеологами в нашей стране и передавали свой научный опыт сибирским ученым.

Можно сказать, что концепция комплексного и позднее интеграционного изучения истории и культу-

ры народов нашла у сибирских ученых благодатную почву. Постепенно в ТГУ с 1950-х гг. складывались небольшие группы археологов во главе с В.И. Матющенко и этнографов, работавших под руководством Г.И. Пелих. В 1963 г. здесь даже образовалась кафедра археологии и этнографии (в тот момент первая в Сибири), руководимая З.Я. Бояршиновой и разместившаяся на площадях Музея истории материальной культуры ТГУ, который в 1968 г. был переименован в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ. Это приводило к тому, что молодые ученые – представители двух наук постоянно (фактически ежедневно) общались здесь друг с другом, обменивались научной информацией и стали применять в своих научных трудах метод сравнительного анализа с использованием археологических и этнографических источников. Так и мной уже в первую свою студенческую публикацию о традиционных жилищах населения на территории юга Томской области по настоятельному указанию Г.И. Пелих были включены и аналогии с археологическими объектами [19].

В 1968 г. в ТГУ была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири, заведующий которой А.П. Бородавкин сумел создать коллективы археологов и этнографов [20], члены которых постоянно сотрудничали друг с другом, обсуждали возможности совместных археолого-этнографических работ, теоретические и методологические аспекты таких междисциплинарных исследований. Развитию этих идей и замыслов способствовали научные форумы. В 1969 г. в Томске прошла II Межвузовская научная конференция «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» под председательством А.П. Дульзона, в 1973 г. состоялась третья такая конференция уже в статусе всесоюзного форума, в 1976 г. она собрала ученых уже в четвертый раз. С 1970 г. раз в три года в ТГУ стало проводиться Западносибирское археологическое, затем археолого-этнографическое совещание, а позднее Всероссийская научная конференция, о которой речь уже шла выше. Присоединился к обсуждению тематики междисциплинарных исследований и созданный в 1966 г. в Новосибирске Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, который провел под председательством А.П. Окладникова в декабре 1973 г. Всесоюзную научную конференцию «Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока».

Дальнейшие подвижки в проведении сибирскими учеными междисциплинарных археолого-этнографических исследований связаны с открытием в 1974 г. Омского государственного университета (ОмГУ) и переездом на работу в нем из Томска в этом же году этнографа Н.А. Томилова и в 1976 г. археолога В.И. Матющенко, с созданием здесь как базы для исследований в 1974 г. Музея археологии и этнографии, с подготовкой специалистов по археологии и этнографии сначала через работу студенческих кружков, затем через систему спецкурсов, а с конца 1980-х гг. через аспирантуру и позднее докторантуру, с открытием в 1985 г. третьей в российских университетах кафедры этнографии и в 1991 г. кафедры первобытной истории (се-

годня это единая кафедра этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ), с организацией с 1975 г. студенческих научных конференций, с 1977 г. общероссийских (сначала как омских) конференций по итогам полевых археологических и этнографических работ, с 1978 г. многочисленных всероссийских и международных научных семинаров, конференций, симпозиумов и конгрессов с наличием археолого-этнографической тематики, с созданием коллективов археологов и этнографов в ОмГУ и двух научных учреждениях – Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (создан в 1991 г.; позднее это Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, а сегодня Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения этого же института), и Сибирском филиале Российского института культурологии (создан в 1993 г.; сегодня это Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева) (подробнее см.: [20]).

Впервые более полномерно вопросы междисциплинарных археолого-этнографических исследований были обсуждены в Омске на прошедшей здесь в 1979 г. Всесоюзной научной конференций «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий» [20]. У сибирских ученых укрепились стимулы к обсуждению этих вопросов и дальше, а также к планированию проведения комплексных археолого-этнографических работ. Подтолкнула к этому и опубликованная в журнале «Советская этнография» статья С.А. Арутюнова и А.М. Хазанова о возможностях использования археологических и этнографических материалов и знаний в изучении этнической специфики [21]. Она появилась в разделе под названием «Дискуссии и обсуждения». Мы решили принять участие в этой дискуссии, и в редакцию журнала мною была отослана статья «Проблемы этнографических критериев этнической специфики археологических памятников». Готовились статьи и другими коллегами. Но дискуссия не состоялась тогда, возможно, как было объяснено, в связи с отъездом А.И. Хазанова на постоянное жительство в США. А мою статью удалось опубликовать лишь в 1986 г. [22], разместив затем ее текст в учебном пособии [23. С. 16–27] и теоретико-методической монографии об этнической истории [24. С. 30–53].

Конец 1970-х гг. – 2010-е гг. в истории археолого-этнографических исследований – время формирования и постепенного развертывания этноархеологического направления в российской науке. В целом периодизация истории таких исследований была разработана мной с участием А.В. Жука и С.С. Тихонова и опубликована в 2001–2003 гг. [5. С. 21–38; 25–27]. В кратком виде эта периодизация представлена нами следующим образом: «Первый (начальный) период датируется с конца XVII в. до конца 1820-х гг. и характеризуется прямыми сравнениями археологических и этнографических материалов (вещевых), а на последнем этапе внедрением в соотношение этих материалов положений теории о типологии вещей, о развитии формы вещей соединением источниковых баз археологии и этногра-

фии. Второй период – это 30-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в., и именно в это время укреплялся новый комплексный подход к изучению источников, и на втором этапе (с 1880-х гг.) складывалась и функционировала анучинская школа с ее концепцией комплексного метода исследования социокультурных явлений и систем тремя науками – антропологией, археологией и этнографией. Третий период датируется нами начиная с 1930-х гг. и заканчивая сегодняшним временем. Он характеризуется значительными совместными археолого-этнографическими исследованиями, осуществлением методолого-теоретических и методических разработок на стыке археологии, этнографии и других смежных научных дисциплин, усилением с конца 1970-х гг. интеграции археологии и этнографии, приведшей к выделению в 1990-х гг. самостоятельного этноархеологического направления в российской науке» [28. С. 153].

В третьем периоде, как нам представляется, выделяется три этапа. Первый приходится на 1930-е – середину 1940-гг. и характеризуется поисками новых комплексных научно-интерпретационных подходов к теме сопряжения археологических и этнографических знаний. Они были в значительной мере реализованы на втором этапе (вторая половина 1940-х – середина 1970-х гг.) масштабной работой крупных археолого-этнографических комплексных экспедиций в Сибири, Средней Азии, на Кавказе и в некоторых других регионах СССР, а также поисками подходов к интеграционным археолого-этнографическим исследованиям и первыми опытами таких научных работ. Они существенно расширили источниковую базу и подготовили условия для новых, уже этноархеологических, разработок в теории и методике интеграции археологических и этнографических знаний.

В эти два этапа существенно расширился круг специалистов, занимавшихся археолого-этнографическими исследованиями, среди которых немало видных и даже выдающихся ученых – это прежде всего С.И. Вайнштейн, Г.Ф. Дебец, В.П. Дьяконова, А.П. Дульзон, С.В. Иванов, О.В. Ионова, С.В. Киселев, И.В. Константинов, В.А. Куфтин, В.И. Мошинская, А.П. Окладников, Б.Э. Петри, С.И. Руденко, С.П. Толстов, В.Н. Чернецов, И.Н. Шухов, Д.Т. Янович и др. Большинство этих ученых проводили свои исследования, опираясь на сибирские объекты и материалы.

Третий этап современного периода, связанный с формированием и осуществлением интеграционных и комплексных исследований в сопряжении археологических и этнографических знаний, выделением в российской науке этноархеологии, охватил во второй половине 1970-х – 2010-х гг. еще больший круг исследователей. Это прежде всего связано с проведением фактически почти ежегодных (особенно в 1990–2000-е гг.) дискуссий по данной тематике, охвативших существенно больший круг ученых, занятых междисциплинарными исследованиями. И среди них – А.А. Азизян, С.А. Арутюнов, Ш.К. Ахметова, М.Л. Бережнова, В.В. Бобров, А.И. Боброва, В.Б. Богомолов, А.П. Бородовский, В.И. Васильев, С.А. Васильев, Р.С. Васильевский, И.Г. Глушков, Т.Н. Глушкова, А.В. Головнев, Г.Н. Грачева, С.В. Гусев, Е.М. Данченко, М.А. Дикова, В.В. Дря-

гин, М.А. Дэвлет, В.А. Ерохин, А.В. Жук, А.М. Илюшин, А.А. Казаков, А.Н. Калабанов, А.В. Кенинг, А.А. Кильдюшева, Л.С. Клейн, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, П.А. Корчагин, М.Ф. Косарев, П.А. Косинцев, Н.Н. Крадин, Р.Г. Кузеев, О.В. Кузнецов, Н.В. Лукина, Г.Е. Марков, А.В. Матвеев, В.И. Матющенко, Б.В. Мельников, О.М. Мельникова, А.Ф. Мельничук, В.И. Молодин, А.В. Новиков, А.В. Овчинников, Л.М. Плетнева, А.В. Полеводов, А.М. Решетов, О.М. Рындина, Д.Г. Савинов, А.Г. Селезнев, В.И. Семенова, Д.А. Сергеев, Ю.Б. Симченко, В.И. Соболев, С.В. Сотникова, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, А.В. Тетенькин, К.Н. Тихомиров, М.Н. Тихомирова, С.С. Тихонов, И.В. Толпеко, Н.А. Томилов, Т.Н. Троицкая, А.М. Хазанов, Н.А. Хамисов, А.В. Харинский, А.П. Хлобыстин, Ю.С. Худяков, М.П. Черная, Л.А. Чиндина, Ю.Ю. Шевченко, Е.В. Шелепова, В.А. Шнирельман, В.Б. Яшин и др.

Именно на этом этапе совместные археолого-этнографические исследования развернулись в Томске, затем в Омске. Сегодня археологи и этнографы Томска работают на двух профильных кафедрах ТГУ и Томского государственного педагогического университета, в названной выше проблемной лаборатории ТГУ, музеях и других учреждениях. Томский археолого-этнографический научный центр поставил кадры и в другие города и способствовал развитию археологических и этнографических исследований, например, в Барнауле, Новосибирске, Омске и т.д. Поэтому томский центр продолжает играть определенную координирующую роль в сибирской археологии и этнографии. Судьбы многих проживающих в разных городах страны ученых-гуманитариев, в том числе и моя [29], на первых этапах научной деятельности были связаны с Томском.

Высокорезультативной была работа томских ученых по подготовке и изданию в 1990-е гг. 4-томного (в 5 книгах) фундаментального научного труда «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» [30], инициированная и осуществленная коллективом Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ. К его созданию были привлечены, помимо томичей, ученые из Барнаула, Екатеринбурга, Кемерово, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Тюмени. Авторами этого уникального серийного издания стали 29 ученых – М.Т. Абдулганеев, А.А. Адамов, А.Н. Багашев, П.Е. Бардина, А.И. Боброва, В.А. Борзунов, Е.А. Васильев, А.Д. Гаман, В.А. Дремов, А.А. Казаков, Т.К. Карачилов, А.Р. Ким, Ю.Ф. Кирышин, Б.А. Коники, Л.Н. Корякова, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, А.И. Мартынов, В.И. Матющенко, В.И. Морозов, А.И. Петров, Л.М. Плетнева, М.П. Рыкун, О.М. Рындина, Л.М. Терехова, Т.Н. Троицкая, Е.Г. Федорова, Ю.П. Чемякин, А.Я. Яковлев. Издание осуществлялось его главным редактором Н.В. Лукиной. В состав редакционной коллегии кроме нее вошли В.П. Алексеев (Москва), В.А. Дремов, В.М. Кулемзин (Томск), В.И. Матющенко (Омск), В.И. Молодин (Новосибирск), Л.М. Плетнева (Томск), Н.А. Томилов (Омск).

Объектами для решения задач по изучению культурогенеза народов Западной Сибири были определены те, по которым имелись достаточно объемные ма-

териалы в археологии и этнографии, – поселения, жилища, ритуальные обряды при переходе человека из реального мира в потусторонний (в основном погребальная обрядность), орнамент. Отдельный том посвящен антропологии населения Западной Сибири и раскрывает тему расогенеза коренного населения данного региона. Для выполнения работы авторами этого коллективного научного труда были привлечены опубликованные материалы, полевые и архивные источники как авторов разделов, так и других исследователей. В ходе подготовки текстов нередко приходилось дособирать материалы в экспедиционных поездках.

Все это позволило добиться высшего уровня результативности в решении поставленных руководителями и исполнителями данного проекта задач, которые были сформулированы ими следующим образом: «1. Классификация и типологизация отдельных элементов культуры на разных хронологических этапах. 2. Выявление традиционных черт и заимствований на каждом из этапов. 3. Определение этноразличительных и этнически нейтральных признаков в разных компонентах культуры» [31. С. 8–9]. Безусловно, эта работа комплексного типа не только дала археолого-этнографическому сообществу результаты изучения генезиса и динамики названных выше компонентов материальной и духовной сфер традиционно-бытовой культуры, но и способствовала разработке теоретических основ и методических приемов в этой области междисциплинарных исследований. Этим самым данное издание стало выдающимся событием в российском научном сообществе и заслуженно получило высокую оценку в том числе от омских ученых [27. С. 39–40; 32; 33].

Вопросы выделения в российской науке в 1990-х гг. этноархеологии как самостоятельного научного направления и дальнейшего его формирования, тема сложения и функционирования омского этноархеологического центра на протяжении последних 25 лет (1993–2018) были уже достаточно полно освещены в разные годы в ряде работ [5. С. 10–20, 34–38; 7; 8; 11; 12; 27. С. 35–48; 34. С. 188–202; 35; 36].

В марте 1993 г. была создана поисковая группа по этноархеологии в Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. Первоначально в этот коллектив вошли археологи Б.В. Мельников, С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, этнографы В.Б. Богомолов, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, А.Г. Селезнев и Н.А. Томилов. Они и начали проводить изучение археологических памятников и этнографии тарских татар XVII–XX вв. С 1994 г. такие работы стали проводиться по истории и культуре русских Тарского Прииртышья, а в поисковую группу вошли этнографы М.Л. Бережнова, Л.М. Кадырова, археологи А.В. Жук, Л.В. Татаурова и позднее В.А. Ерохин. Сегодняшний состав группы – М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, К.Н. Тихомиров, М.Н. Тихомирова, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. С 1998 г. работы по этноархеологическому изучению погребального обряда казахов северных областей Казахстана и юга Западной Сибири проводят омские ученые Ш.К. Ахметова и И.В. Толпеко. Кроме них в научных работах группы

участвуют омичи В.Б. Богомолов, А.В. Жук, А.А. Кильдюшева, А.В. Полеводов и др.

В числе научно-организационных мероприятий коллектива омских этноархеологов за прошедшее с 1993 г. время: работа Омского межведомственного научного семинара «Этнографо-археологические комплексы Западной Сибири» на протяжении полутора десятка лет с участием ученых, студентов и аспирантов с целью подготовки кадров этноархеологов и повышения квалификационного уровня; проведение регулярного с 1993 г. Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», ставшего с 1998 г. международным семинаром и с 2007 г. международным симпозиумом (проведено 22 форума и не только в Омске, а и в Алматы, Барнауле, Владивостоке, Иркутске, Казани, Красноярске, Москве, Нальчике, Новосибирске, Одессе, Павлодаре, Санкт-Петербурге, Уфе и Ханты-Мансийске); издание двух научных серий – «Интеграция археологических и этнографических исследований» (с 1995 г. свет увидели 23 сборника научных трудов) и «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» (с 1996 г. выпущено 14 томов), а также около двух десятков монографий с этноархеологической тематикой; издание для преподавания в вузах двух учебных пособий – «Введение в этноархеологию» [5] и «Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии» [37]; организация чтения курсов лекций по этноархеологии в ОмГУ со второй половины 1990-х гг. по настоящее время; защиты омскими учеными кандидатских диссертаций, выполненных с использованием археологических и этнографических материалов и этноархеологических знаний (А.В. Матвеев, А.А. Кильдюшева, М.А. Корусенко, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, К.Н. Тихомиров и др.).

Становлению и разворачиванию работ омской этноархеологической группы существенно способствовали руководители и ряд ученых Института археологии и этнографии СО РАН – прежде всего А.П. Деревянко, В.И. Молодин, И.Н. Гемуев, Ю.С. Худяков, и ОмГУ – В.В. Тихомиров, Г.И. Геринг, В.И. Струнин, В.И. Матющенко, руководители Омской области Л.К. Полежаев, Н.М. Генова, М.А. Руденко, археолог Б.А. Кониюков. Значительную поддержку и помощь (нередко и финансовую от своих учреждений) в проведении научных форумов, экспедиционных работ, издании научных сборников оказали Г.Е. Марков, В.А. Тишков, В.А. Шнирельман (Москва), А.М. Решетов, Д.Г. Савинов, Ч.М. Таксами (Санкт-Петербург), Л.М. Плетнева, М.П. Черная, Л.А. Чиндина (Томск), А.В. Головнев (Екатеринбург), В.И. Соболев (Новосибирск), Р.Г. Кузеев (Уфа), В.Л. Ларин, В.А. Тураев (Владивосток), А.А. Тишкин (Барнаул), А.В. Харинский (Иркутск), Н.И. Дроздов (Красноярск) и др.

Работа омских этноархеологов проходит в следующих направлениях: «1) по методологическим аспектам этноархеологии, рассматриваемой как самостоятельное научное направление или даже формирующаяся наука; 2) по теме истории и периодизации археолого-этнографического течения в российской науке; 3) по формированию в России этноархеологии; 4) по методам и

источникам этноархеологических исследований; 5) по разработке проблемы «Этнографо-археологические комплексы» (ЭАК) и по выявлению возможностей использования этих разработок в исследовании социокультурной и этнической истории на примере археологических культур и материалов по этнографии народов Западной Сибири; 6) по внедрению в учебный процесс вузов такой дисциплины, как этноархеология» [12. С. 13]. Характеристика результатов этой работы приведена нами в одной из последних статей, посвященной 25-летию Омского этноархеологического научного центра [12], к которой мы и отсылаем наших читателей, так же как и к положительным отзывам о проводимых нами исследованиях [38–41; 42. С. 315, 494–495; 43–45].

Основные результаты эмпирической работы группы омских этноархеологов – это конструирование и изучение этнографо-этноархеологических комплексов татарского и русского населения Тарского Прииртышья XVII–XX вв. ЭАК – это «...выделенный по данным археологии и этнографии многокомпонентный социокультурный комплекс... это фактически реконструированный с помощью данных этнографии археологический социокультурный комплекс» [46. С. 8]. Его основой являются археологические материалы этнически определяемых памятников, обогащенные этнографической информацией и методикой. В процессе работы с археологическими и этнографическими материалами были углублены характеристики ЭАК. Так, были выделены его отдельные черты, и определение его приняло следующий вид (приводим с выделением курсивом ключевых слов): «...*этнографо-археологический комплекс* – это 1) компактно расположенный в определенных природно-географических условиях; 2) комплекс археологических памятников и этнографических объектов; 3) служащих для изучения и реконструкции элементов (этой группы и ее предков) культуры (материальной, духовной, соционормативной, природно-средовой, жизнеобеспечения); 4) оставленный одной группой населения и ее прямыми предками, которые хозяйственно осваивали территорию обитания; 5) на основании по преимуществу материалов археологических памятников означенного комплекса; 6) и дополненных этнографическими, а при необходимости историческими, географическими, биологическими и другими сведениями» [47. С. 17–18].

Сегодня группа работающих в области этноархеологии омских ученых приступила к подготовке и изданию трудов по выполняемой поисковой теме «Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья». Опубликовано два тома: один включает характеристики среды обитания населения этого реги-

она с описанием сухопутных коммуникаций, воссоздание истории формирования населения и сложения его этнического и этносоциального состава в конце XVI – XX в., обзор и анализ источников изучения культуры и социума населения Тарского Прииртышья [48]. Второй том охватывает результаты изучения погребально-поминальной обрядности русского и татарского населения Тарского Прииртышья с упором на теоретико-методологические, источниковедческие и методические разработки темы исследования [49]. Основное в этом томе – разработка и применение новых подходов в интеграции археологических и этнографических материалов для исторических реконструкций культуры и социума.

При улучшении финансовой ситуации в российской гуманитарной науке есть надежда продолжить подготовку и издание третьего тома по экспериментальному конструированию и изучению ЭАК русского и татарского населения Тарского Прииртышья в сфере культуры поселений, усадеб, жилищ и хозяйственных построек. Но и сегодня есть возможности для научного анализа и обобщения работ омских ученых по теме ЭАК как нового способа получения информации в изучении истории. Ведь результаты их исследований, опубликованные во многих отдельных монографиях и сотнях научных статей, охватывают и такие сферы культуры и социума населения Тарского Прииртышья XVI–XX вв. и более ранних периодов, как системы земле- и природопользования, этногенеалогический состав населения, социовозрастная реконструкция населения древних обществ, миграции, культура путешествий, хозяйство и орудия труда, керамика, одежда, украшения, орнамент, народные знания, религиозные верования и др. И, безусловно, изучение группой омских этноархеологов проблематики этноархеологии как самостоятельного научного направления в России и их поисковые фундаментальные работы по конструированию и изучению ЭАК народов Сибири требуют специального осмысления и исследования. В 2009 г. В.И. Матюшенко, характеризуя омское этноархеологическое направление и отмечая его положительные стороны и слабости, писал, что если «...группа Н.А. Томилова будет и впредь последовательно изучать эту проблему, то их обязательно ждет положительный результат» [42. С. 495].

Завершая обзор археолого-этнографических комплексных и интеграционных исследований томских и омских ученых, отметим, что они существенно способствовали созданию и успешному функционированию археологической и этнографической научных школ в Томске, этноархеологической и этнографической научных школ в Омске.

Список источников

1. Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 192 с.
2. Матюшенко В.И. О соотношении археологических и этнографических материалов в исторических исследованиях // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 123–125.
3. Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 125–128.
4. Богомолов В.Б., Соболев В.И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 129–132.

5. Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию : учеб. пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / отв. ред. В.И. Молодин. Омск : Наука, 2003. 72 с.
6. Кениг А.В. За создание отечественной этноархеологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири : тез. докл. X Западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В.Н. Чернецова. Томск : Том. гос. ун-т, 1995. С. 81–84.
7. Корусенко М.А., Тихонов С.С. Современная российская этноархеология // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Иркутск ; Омск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2013. Т. 1. С. 106–111.
8. Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Этноархеология и культурология традиционных сообществ: междисциплинарный подход (на материалах культур населения юга Западной Сибири) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Омск : Наука, 2005. С. 18–22.
9. Лукина Н.В., Плетнева Л.М., Кулемзин В.М. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири – опыт междисциплинарного исследования // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири : тез. докл. X Западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В.Н. Чернецова. Томск : Том. гос. ун-т, 1995. С. 99–102.
10. Решетов А.М. Проблема интеграции археологических и этнографических исследований в свете истории науки // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы IV Всерос. науч. семинара, посвящ. 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. Новосибирск ; Омск, 1996. С. 85–89.
11. Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление // Этноархеологическое обозрение. 1999. № 6. С. 75–84.
12. Томилов Н.А. Исследования российских этноархеологов в конце XX – 10-х годов XXI века (к 25-летию Омского этноархеологического центра) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Павлодар ; Омск : Наука, 2018. С. 11–20.
13. Батьянова Е.П. Севьян Израильевич Вайнштейн // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 202–207.
14. Тишков В.А. Размышления об итогах жизни: беседа с Севьяном Израильевичем Вайнштейном // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 70–86.
15. Томилов Н.А. Севьян Израильевич Вайнштейн – к образу ученого // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Павлодар ; Омск : Наука, 2018. С. 27–31.
16. Решетов А.М. У В.П. Дьяконовой – юбилей // Курьер Петровской кунсткамеры. 2004. Вып. 10-11. С. 181–185.
17. Степанова О.Б. Вера Павловна Дьяконова (06.09.1927–18.05.2011) // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 188–190.
18. Томилов Н.А. Вера Павловна Дьяконова: ее вклад в исследования народов Сибири и консолидацию этнографов-сибиреведов // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Павлодар ; Омск : Наука, 2018. С. 24–27.
19. Томилов Н.А. Жилища древней «чуди» юга Томской области // III Всесоюзная студенческая этнографическая конференция, 16–22 марта 1964. Тбилиси, 1964. С. 19–21.
20. Томилов Н.А. Из истории археолого-этнографических сообществ (к 30-летию конференции по этнической истории тюркских народов в Омске) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2012. Т. 12. С. 9–30.
21. Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблемы археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. 1979. № 6. С. 79–89.
22. Томилов Н.А. Проблема этнографических критериев этнической специфики археологических памятников // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово : КГУ, 1986. С. 5–13.
23. Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири : учеб. пособие / отв. ред. Р.Ф. Итс. Омск : Изд. Омск. гос. ун-та, 1987. 80 с.
24. Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири) / отв. ред. В.И. Васильев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. 222 с.
25. Томилов Н.А. Археолого-этнографическое течение в российской науке // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Нальчик ; Омск : Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2001. С. 20–23.
26. Томилов Н.А. Археолого-этнографическое направление в российской науке XVII–XX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука. 2003. Т. 6. С. 10–16.
27. Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Материалы к истории археолого-этнографических исследований в Сибири в XX в. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука. 2003. Т. 6. С. 32–48.
28. Томилов Н.А. История археолого-этнографических исследований в омских этноархеологических научных сериях // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3. С. 150–155.
29. Томилов Н.А. Томск в моей судьбе историка // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 100–103.
30. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. 485 с.; Кн. II / отв. ред. Л.М. Плетнева. 286 с.; 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний / отв. ред. В.М. Кулемзин. 475 с.; Т. 3: Рындина О.М. Орнамент. 640 с.; Т. 4: Расогенез коренного населения / отв. ред. А.Н. Багашёв. 354 с.
31. Предисловие // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. С. 5–11.
32. Селезнев А.Г. (Рец.). Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 4. Расогенез коренного населения. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. – 354 с. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, 2003. Т. 6. С. 288–291.
33. Фаткулина Ф.М., Селезнев А.Г. (Рец.) О.М. Рындина. Орнамент. Томск, 1995. 640 с., ил. // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 160–162.
34. Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / отв. ред. В.П. Корзун, В.И. Матющенко. Омск : Наука, 2007. 400 с.
35. Татауров С.Ф. Новые защиты диссертаций в омской научно-исследовательской археолого-этнографической группе // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2009. Т. 11. С. 297–300.
36. Томилов Н.А. Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 3–14.
37. Богомолов В.Б., Висклунд К.Б., Головнев А.В. и др. Вопросы и программы по этноархеологии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик : учеб.-метод. пособие / отв. ред. С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов. Омск : Изд. Омск. гос. ун-та, 2002. 200 с.
38. Мельникова О.М. Заметки о содержании этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; СПб. : Изд. Омск. гос. ун-та, 1998. Ч. II. С. 15–17.
39. Илюшин А.М. (Рец.) Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. 222 с. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука. 1999. Т. 4. С. 226–232.
40. Бурыкин А.А. (Рец.). Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / под ред. С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 1999. – 276 с. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2003. Т. 6. С. 286–287.
41. Матвеев А.В. Обзор публикаций серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» (1996–2002 годы) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2006. Т. 9. С. 316–329.
42. Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. 549 с.
43. Жук А.В. Н.А. Томилов как систематик истории этноархеологического направления отечественной науки // Этнограф, культуролог, историк... : к 70-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. Омск : Наука, 2011. С. 254–262.
44. Коников Б.А. Омская школа этноархеологии // Коников Б.А. Археология Омска : иллюстрированная энциклопедия. Омск : Радиозавод им. А. С. Попова (РЕЛЕРО), 2016. С. 93.

45. Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Стихийные историографы» в региональном интеллектуальном ландшафте: В.И. Матющенко, Н.А. Томилов // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 151–158.
46. Томилов Н.А. Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 3–14.
47. Тихонов С.С. Введение // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. Омск : Наука, 2014. С. 9–26.
48. Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Татауров С.Ф. и др. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники / отв. ред. М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск : Наука, 2014. 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; т. 13).
49. Бережнова М.Л., Корусенко М.А., Полеводов А.В., Татаурова Л.В. и др. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ / отв. ред. М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск : Наука, 2016. 294 с. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; т. 14).

References

1. Pletneva, L.M. (ed.) (1981) *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri* [Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Matyushchenko, V.I. (1981) O sootnoshenii arkheologicheskikh i etnograficheskikh materialov v istoricheskikh issledovaniyakh [On the relationship between archaeological and ethnographic materials in historical research]. In: Pletneva, L.M. (ed.) (1981) *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri* [Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 123–125.
3. Bogomolov, V.B. & Tomilov, N.A. (1981) Teoreticheskie i metodicheskie aspekty arkheologo-etnograficheskikh issledovaniy [Theoretical and methodological aspects of archaeological and ethnographic research]. In: Pletneva, L.M. (ed.) (1981) *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri* [Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 125–128.
4. Bogomolov, V.B. & Sobolev, V.I. (1981) Ornament v etnografiko-arkheologicheskom komplekse barabinskikh tatar [The ornamental pattern in the Ethnographic and Archaeological Complex of the Baraba Tatars]. In: Pletneva, L.M. (ed.) (1981) *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri* [Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–132.
5. Zhuk, A.V., Tikhonov, S.S. & Tomilov, N.A. (2003) *Vvedenie v etnoarkheologiyu* [Introduction to Ethnoarchaeology]. Omsk: Nauka.
6. Kenig, A.V. (1995) Za sozdanie otechestvennoy etnoarkheologii [For the Creation of Russian Ethnoarchaeology]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Metodika kompleksnykh issledovaniy kul'tur i narodov Zapadnoy Sibiri* [Methodology of Comprehensive Studies of the Cultures and Peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 81–84.
7. Korusenko, M.A. & Tikhonov, S.S. (2013) Sovremennaya rossiyskaya etnoarkheologiya [Modern Russian ethnoarchaeology]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Vol. 1. Irkutsk; Omsk: Irkutsk State Technical University. pp. 106–111.
8. Korusenko, S.N. & Tomilov, N.A. (2005) Etnoarkheologiya i kul'turologiya traditsionnykh soobshchestv: mezhdistsiplinarnyy podkhod (na materialakh kul'tur naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri) [Ethnoarchaeology and cultural studies of traditional communities: An interdisciplinary approach (based on the cultural materials of the population of the south of Western Siberia)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Omsk: Nauka. pp. 18–22.
9. Lukina, N.V., Pletneva, L.M. & Kulezina, V.M. (1995) Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri – opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia – interdisciplinary research]. Chindina, L.A. (ed.) *Metodika kompleksnykh issledovaniy kul'tur i narodov Zapadnoy Sibiri* [Methodology of Comprehensive Studies of the Cultures and Peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 99–102.
10. Reshetov, A.M. (1996) Problema integratsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v svete istorii nauki [The problem of integration of archaeological and ethnographic research in light of the history of science]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Proc. of the Sixth Conference. Novosibirsk; Omsk: [s.n.]. pp. 85–89.
11. Tomilov, N.A. (1999) Etnoarkheologiya kak nauchnoe napravlenie [Ethnoarchaeology as a scientific direction]. *Etnoarkheologicheskoe obozrenie*. 1999. № 6. pp. 75–84.
12. Tomilov, N.A. (2018a) Issledovaniya rossiyskikh etnoarkheologov v kontse XX – 10-kh godov XXI veka (k 25-letiyu Omskogo etnoarkheologicheskogo tsentra) [Research of Russian ethnoarchaeologists in the late 20th – 2010s (on the 25th anniversary of the Omsk Ethnoarchaeological Center)]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Pavlodar; Omsk: Nauka. pp. 11–20.
13. Batyanova, E.P. (2009) Sev'yan Izrail'evich Vaynshteyn [Sevyan Izrailevich Weinstein]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 202–207.
14. Tishkov, V.A. (2008) Razmyshleniya ob itogakh zhizni: beseda s Sev'yanom Izrail'evichem Vaynshteynom [Reflections on the results of life: Conversation with Sevyan Izrailevich Weinstein]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 70–86.
15. Tomilov, N.A. (2018b) Sev'yan Izrail'evich Vaynshteyn – k obrazu uchenogo [Sevyan Izrailevich Weinstein – to the image of a scientist]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Pavlodar; Omsk: Nauka. pp. 27–31.
16. Reshetov, A.M. (2004) U V.P. D'yakonovoy – yubiley [V.P. Dyakonova's anniversary]. *Kur'er Petrovskoy kamery*. 10–11. pp. 181–185.
17. Stepanova, O.B. (2011) Vera Pavlovna D'yakonova (06.09.1927–18.05.2011) [Vera Pavlovna Dyakonova (September 6, 1927 – May 18, 2011)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 188–190.
18. Tomilov, N.A. (2018c) Vera Pavlovna D'yakonova: ee vklad v issledovaniya narodov Sibiri i konsolidatsiyu etnografov-sibirevedov [Vera Pavlovna Dyakonova: her contribution to the study of the peoples of Siberia and the consolidation of ethnographers specializing in Siberia]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Pavlodar; Omsk: Nauka. pp. 24–27.
19. Tomilov, N.A. (1964) Zhilishcha drevney “chudi” yuga Tomskoy oblasti [Dwellings of the ancient “Chud” in the south of the Tomsk region]. *III Vsesoyuznaya studencheskaya etnograficheskaya konferentsiya* [III All-Union Student Ethnographic Conference]. March 16–22, 1964. Tbilisi: [s.n.]. pp. 19–21.
20. Tomilov, N.A. (2012) Iz istorii arkheologo-etnograficheskikh soobshchestv (k 30-letiyu konferentsii po etnicheskoy istorii tyurkskikh narodov v Omske) [From the history of archaeological and ethnographic communities (on the 30th anniversary of the conference on the ethnic history of the Turkic peoples in Omsk)]. In: Sobolev, V.I. (ed.) *Etnografiko-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 12. Omsk: Nauka. pp. 9–30.
21. Arutyunov, S.A. & Khazanov, A.M. (1979) Problemy arkheologicheskikh kriteriev etnicheskoy spetsifiki [Problems of archaeological criteria of ethnic specificity]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 79–89.

22. Tomilov, N.A. (1986) Problema etnograficheskikh kriteriev etnicheskoy spetsifiki arkheologicheskikh pamyatnikov [Problems of ethnographic criteria of ethnic specificity of archaeological sites]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii aborigenov Sibiri* [Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of Siberian Aborigines]. Kemerovo: KSU. pp. 5–13.
23. Tomilov, N.A. (1987) *Problemy rekonstruktsii etnicheskoy istorii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri* [Problems of reconstruction of ethnic history of the population of the south of Western Siberia]. Omsk: Omsk State University.
24. Tomilov, N.A. (1993) *Problemy etnicheskoy istorii (po materialam Zapadnoy Sibiri)* [Problems of Ethnic History (based on materials from Western Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Tomilov, N.A. (2001) Arkheologo-etnograficheskoe techenie v rossiyskoy nauke [The archaeological and ethnographic school in Russian Science]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Nalchik; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 20–23.
26. Tomilov, N.A. (2003) Arkheologo-etnograficheskoe napravlenie v rossiyskoy nauke XVII–XX vv. [Archaeological and ethnographic school in Russia of the 17th – 20th centuries]. In: Sobolev, V.I. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. pp. 10–16.
27. Zhuk, A.V., Tikhonov, S.S. & Tomilov, N.A. (2003) Materialy k istorii arkheologo-etnograficheskikh issledovaniy v Sibiri v XX v. [Materials for the history of archaeological and ethnographic research in Siberia in the 20th century]. In: Sobolev, V.I. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. pp. 32–48.
28. Tomilov, N.A. (2017a) Istoriya arkheologo-etnograficheskikh issledovaniy v omskikh etnoarkheologicheskikh nauchnykh seriyakh [History of archaeological and ethnographic research in Omsk ethnoarchaeological scientific series]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*. 3. pp. 150–155.
29. Tomilov, N.A. (2017b) Tomsk in my fortune of historian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 48. pp. 100–103. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/48/16
30. Lukina, N.V. (ed.) (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Anon. (1994) Predislovie [Preface]. In: Pletneva, L.M. (ed.) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 1(1). Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–11.
32. Seleznev, A.G. (2003) (Rets.). Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. – T. 4. Rasogenez korennoogo naseleniya. – Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1998. – 354 s. [Review. Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. – Vol. 4. Race genesis of the indigenous population. – Tomsk: Tomsk University Press, 1998. – 354 p.]. In: Sobolev, V.I. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. pp. 288–291.
33. Fatkulina, F.M. & Seleznev, A.G. (1999) (Rets.) O.M. Ryndina. Ornament. Tomsk, 1995. 640 s., il. [(Review) O.M. Ryndina. Ornamental Pattern. Tomsk, 1995. 640 p., ill.]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 160–162.
34. Zakharova, I.V. & Tomilov, N.A. (2007) *Etnograficheskie nauchnye tsentry Zapadnoy Sibiri serediny XIX – nachala XXI veka. Omskiy etnograficheskii tsentr* [Ethnographic Scientific Centers of Western Siberia in the Mid-19th – Early 21st Century. The Omsk Ethnographic Center]. Omsk: Nauka.
35. Tataurov, S.F. (2009) Novye zashchity dissertatsiy v omskoy nauchno-issledovatel'skoy arkheologo-etnograficheskoy gruppe [New Dissertation Defenses in the Omsk Research Archaeological and Ethnographic Group]. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 11. Omsk: Nauka. pp. 297–300.
36. Tomilov, N.A. (1998a) Problema etnografo-arkheologicheskikh kompleksov v issledovaniyakh omskikh etnoarkheologov [The Problem of Ethnographic-Archaeological Complexes in the Research of Omsk Ethnoarchaeologists]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 3–14.
37. Bogomolov, V.B., Viklund, K.B., Golovnev, A.V. et al. (2002) *Voprosniki i programmy po etnoarkheologii dlya uchastnikov arkheologicheskikh i etnograficheskikh ekspeditsiy i studencheskikh praktik* [Questionnaires and Programs on Ethnoarchaeology for Participants in Archaeological and Ethnographic Expeditions and Student Internships]. Omsk: Omsk State University.
38. Melnikova, O.M. (1998) Zametki o sodержanii etnoarkheologii [Notes on the Contents of Ethnoarchaeology]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Vol. 2. Omsk; St. Petersburg: Omsk State University. pp. 15–17.
39. Ilyushin, A.M. (1999) (Rets.) Tomilov N.A. Problemy etnicheskoy istorii (po materialam Zapadnoy Sibiri). Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1993. 222 s. [Tomilov N.A. Problems of ethnic history (based on materials from Western Siberia). Tomsk: Publishing house Tomsk. Univ., 1993. 222 p.]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic-Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 4. Novosibirsk: Nauka. pp. 226–232.
40. Burykin, A.A. (2003) (Rets.). Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov / pod red. S.S. Tikhonova, N.A. Tomilova. – Omsk: Izd-vo Omsk. ped. un-ta, 1999. – 276 s. [Review. Integration of archaeological and ethnographic research: collection of scientific works / ed. S.S. Tikhonova, N.A. Tomilova. – Omsk: Omsk Publishing House. ped. University, 1999. – 276 p.]. In: Sobolev, V.I. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. pp. 286–287.
41. Matveev, A.V. (2006) Obzor publikatsiy serii “Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma” (1996–2002 gody) [Review of publications in the series “Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society” (1996–2002)]. In: Korusenko, M.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 9. Omsk: Nauka. pp. 316–329.
42. Matyushchenko, V.I. (2009) *300 let istorii sibirskoy arkheologii* [300 years of the history of Siberian archeology]. Omsk: Omsk State University.
43. Zhuk, A.V. (2011) N.A. Tomilov kak sistematik istorii etnoarkheologicheskogo napravleniya otechestvennoy nauki [N.A. Tomilov as a taxonomist of the history of the Russian ethnoarchaeological school]. In: Remnev, A.V. & Strunin, V.I. (eds) *Etnograf, kul'turolog, isto-rik... : k 70-letiyu professora Nikolaya Arkad'evicha Tomilova* [Ethnographer, culturologist, historian...: On the 70th anniversary of Professor Nikolai Arkadyevich Tomilov]. Omsk: Nauka. pp. 254–262.
44. Konikov, B.A. (2016) *Arkheologiya Omska: illyustrirovannaya entsiklopediya* [Archaeology of Omsk: An illustrated encyclopedia]. Omsk: RELERO. pp. 93.
45. Korzun, V.P. & Mamontova, M.A. (2018) Spontaneous historiographers" in the regional intellectual landscape: V.I. Matyushenko and N.A. Tomilov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 151–158. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/18
46. Tomilov, N.A. (1998b) Problema etnografo-arkheologicheskikh kompleksov v issledovaniyakh omskikh etnoarkheologov [The problem of ethnographic and archaeological complexes in the research of Omsk ethnoarchaeologists]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 3–14.
47. Tikhonov, S.S. (2014) Vvedenie [Introduction]. In: Berezhnova, M.L., Korusenko, S.N., Matveev, A.V., Tataurov, S.F. et al. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы narodov Priirtysh'ya: prirodnyaya sreda, etnosy, istochniki* [Ethnographic and Archaeological Complexes of the Peoples of the Tara Irtysh Region: Natural Environment, Ethnic Groups, Sources]. Omsk: Nauka. pp. 9–26.
48. Berezhnova, M.L., Korusenko, S.N., Matveev, A.V., Tataurov, S.F. et al. (2014) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: prirodnyaya sreda, etnosy, istochniki* [Ethnographic and Archaeological Complexes of the Peoples of the Tara Irtysh Region: Natural Environment, Ethnic Groups, Sources]. Omsk: Nauka.

49. Berezhnova, M.L., Korusenko, M.A., Polevodov, A.V., Tataurova, L.V. et al. (2016) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы narodov Tarskogo Priir-tysh'ya: mogily, mogil'niki, pogrebal'nyy obryad i mir mertvykh v svete etnoarkheologicheskikh rabot* [Ethnographic and archaeological complexes of the peoples of the Tara Irtysh region: Graves, barrows, burial rites and the world of the dead in light of ethnoarchaeological works]. Omsk: Nauka.

Сведения об авторе:

Томилов Николай Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Омск, Россия); профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tomilov Nikolay A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher at the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation); Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archaeology and Museology of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2021; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 19.02.2021; accepted for publication 01.07.2024

Научная статья

УДК 9.93/94

doi: 10.17223/19988613/90/20

«Чужие» в контексте историко-мифологических воззрений народов Горного Алтая

Людмила Ивановна Шерстова

Томский государственный университет, Томск, Россия, Sherstova58@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема глубины исторической памяти народов Горного Алтая в контексте их историко-мифологических представлений. На основании анализа этнографических материалов народов Евразии, прежде всего Горного Алтая, делается вывод, что в основе представлений об алмысту лежит память о ранних контактах предков носителей бореальных языков с предшествующим населением региона. При цикличном восприятии времени наиболее значимые впечатления и события остаются в памяти народа и имеют тенденцию к актуализации, что объясняет бытование очень архаичных сюжетов в современных этнических культурах.

Ключевые слова: Евразия, Горный Алтай, бореальная языковая общность, алмысту, исторические предания, исторические предания, мифологическое мышление

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Шерстова Л.И. «Чужие» в контексте историко-мифологических воззрений народов Горного Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 182–188. doi: 10.17223/19988613/90/20

Original article

“Strangers” in the context of historical and mythological views of the of the Altai peoples

Liudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Sherstova58@mail.ru

Abstract. Almysts (almystu) is one of the mysterious characters in the folklore of some peoples of Eurasia. Almysts have important place among the religious-mythological and fairy-tale folklore characters in the folklore of other peoples of Eurasia. Ideas about them are spread over a vast territory, including Central and Western Asia, the Caucasus, Kazakhstan, the Volga region, and Southern Siberia. Regardless of the modern linguistic situation, the name of this creature sounds virtually the same everywhere: albasts, albasses, almasts, almastu, almysts.

Usually almysts (almystu) is presented as an ugly woman with long, loose blond hair, a body covered with hair. There was a belief that almystu could transform into animals or inanimate objects. Ethnographic materials often correlate Almysts with religious and superstitious beliefs. The stable existence of this character in Eurasian folklore, and the identical description made by different peoples allows us to think that its origins are real beings who struck those who gave it similar names.

The Boreal hypothesis of modern language families origin has made it possible to reconstruct the root words of many languages which are now common. The Boreal root word X-L meant "lost", "stranger", "alien tribe", "neglected". Thus, semantically, the root word X-L contained the meaning of "alien kind-tribe", "shunned", "stranger" and characterized the special relationship between people, focusing on the "alienness", "dissimilarity" of a separate member. Social hostility was expressed in the statement of their unusual, "unsightly" appearance and unusual, more archaic way of life.

The disintegration of the Boreal proto-family led to massive migrations of modern languages speakers who reclaimed the territory of Eurasia. Consequently, their contacts with the remaining Upper Paleolithic hunters - Paleoeuropeans and Paleoasians were common. These peoples differed significantly from incomers in their culture and lifestyle, which led to an aggravation of the "friend-foe" opposition. In the views of migrants, they had negative, not quite "human" impression. It follows from this that almystu was originally the early collective name of the oldest population of Eurasia. Thus, their historical "age" may number millennia. Over time, the sacralization and demonization of this character took place, it plunged into the world of myths, fairy tales, epics, superstitions.

Keywords: Eurasia, Altai Mountains, Boreal Linguistic community, almystu, historical legends, mythological thinking

Acknowledgements: The study was carried out under the support of the Tomsk State University Development Program (Priority-2030).

For citation: Sherstova, L.I. (2024) “Strangers” in the context of historical and mythological views of the of the Altai peoples. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 182–188. doi: 10.17223/19988613/90/20

В профессиональных кругах историков часто можно услышать мнение, что история народов и цивилизаций начинается тогда, когда создаются летописи, хронографы, т.е. появляются письменность и письменные источники. Однако письменные источники могут быть гораздо субъективнее, нежели легенды и предания, бытующие в народной среде. Во-первых, как верно замечено, «историю пишут победители», именно они дают свою версию событий, порой уничтожая письменные свидетельства побежденной стороны, и тогда получить более полную информацию о прошлом можно только в случае сохранения последней рассказов о прошлом. Во-вторых, историк всегда субъективен, что определяется не только тем, что он часто пишет историю при «правителе», но и его пристрастиями как человека и как современника каких-то событий, поэтому его повествование не может быть беспристрастным.

Между тем устные памятники не могут быть творчеством отдельного человека. Они сохраняются потомками лишь в том случае, если в них не столько отражено персональное мнение, сколько сохранена память, значимая для всего социума, и зафиксированы те события, которые важны для всех, а их оценки не расходятся с мнением большинства. Получается, что если письменный источник отражает официальное мнение или мнение человека, создавшего его, то устный – отношение к тому или иному факту всего человеческого коллектива. И в этом случае он закрепляет не только значимый для всех исторический факт, но и ценностные установки людей, их представление о добре и зле, о том, что волнует их и на что они надеются как на осознанном, так и на бессознательном уровне.

Устная традиция – это не только сохраненная историческая память, но и отражение менталитета, а следовательно, того, что часто называют «этнической картиной мира», «национальным характером» того или иного народа. Поэтому изучение устного творчества дает возможность не только заглянуть во внутренний мир отдельного человека – представителя конкретной исторической эпохи и этнической принадлежности, но и соприкоснуться с духовным миром всего народа данной исторической эпохи. Устная традиция – это еще и опыт народа, фиксация неких важных событий путем погружения их в устойчивые религиозно-мифологические образы, при котором некогда реально существовавшие персонажи и происходившие события могут принять причудливые формы.

С течением времени в памяти народа остается только то, что действительно значимо, – последующие поколения неосознанно «корректируют» историю, дополняют ее более поздними, значимыми с их точки зрения фактами, и «создание» истории продолжается. Этот процесс приобретает коллективный характер, но заданные изначально принципы придают ему целостность и логичность.

Острый интерес к прошлому и его героям актуализируется в обществах, переживающих противоречивые процессы социальной, политической, этнической трансформации, следствием чего является неуверенность как всего социума, так и отдельных его членов. Такая си-

туация сложилась в Горном Алтае в начале XX в. и проявилась в бурханистском движении 1904 г. При этом значительную роль сыграла память об исторических событиях середины XVII в., когда пало Джунгарское ханство, частью которого был Горный Алтай, а население подверглось убийствам и разорению. Сравнительный анализ исторических преданий, вплетенных в мифологический контекст, с историческими документами показал, что народная память адекватно сохранила не только канву событий, но и имена реальных исторических персонажей. Тексты, записываемые в XX в., во многом повторяли русские документы того периода [1. С. 191–197]. Из этого следовало, что исторические предания 250-летней давности, частично погруженные в мифологический контекст, определили глубину исторической памяти алтайцев.

Религиозно-мифологическое объяснение окружающего мира является важнейшим проявлением традиционного сознания, обладающего высокой степенью устойчивости и сохраняющегося в виде пережиточных форм у разных народов независимо от степени их социально-экономического развития. Необходимость ориентации не только в природном, но и в социальном окружении есть неременное условие благополучного развития этносов

Представление об этнической неоднородности Горного Алтая как в прошлом, так и в настоящем занимало важное место в картине мира аборигенного населения и находило выражение и в разнообразных формах социальных отношений с реально существовавшими иноэтничными группами, и в религиозно-мифологической традиции. При этом следует отметить, что социальная или этническая, реальная или религиозно-мифологическая гетерогенность осмысливалась в рамках оппозиции «свой–чужие». В одних обстоятельствах это противопоставление могло быть нечетким, размытым, данная человеческая общность не придавала ему особого значения; в других оно, напротив, становилось определяющим – как внутри этого этноса между его членами, так и в его отношениях с другими группами населения. Подчеркну, что традиционному сознанию присуще представление о неразрывной взаимосвязи Социума и Космоса: трансформации социального или этнического бытия влекут за собой природные изменения вплоть до мировых катастроф.

Соответственно, существует и обратная связь: нарушение природной гармонии, привычной картины окружающего пространства приводит к социальным потрясениям и конфликтам. Отсутствие представления о линейности времени приводило к нерасчлененности в восприятии прошлого, настоящего и будущего: все эти категории времени, а значит и события, связанные с ними, могли существовать в сознании и подсознании одновременно, что периодически оживляло таящиеся в общественном (этническом) сознании эсхатологические настроения, полузабытые образы и сюжеты [2]. Вторым важным компонентом мифологического сознания является нерасчлененность времени и пространства. Поэтому время может определяться через передвижения, т.е. преодоления пространства. В русских документах часто на вопрос о времени, необхо-

димом для определения расстояния, мог быть такой ответ: опираясь на сведения, полученные от Тояна, указывалось, что «до чат де будет от того города (Томска. – *Л.Ш.*) 10 дней», «до киргисского князька до Немчи 7 ден», а до Телеут дальнее кочевье 5 ден, а князек в Телеутах Обак (Абак. – *Л.Ш.*)» [3. С. 403], что приводило к появлению представлений об одновременном существовании множества пространств, земель, Алтаев, которые посещает герой эпоса, мифа, сказки.

Наиболее полно тезис о связанности каждого этноса со своим «временем-пространством» отразился в легендах так называемого «чудского цикла», широко распространенного на территории Северной Евразии. В полевых записях этнографа А.Г. Данилина, сделанных в 1920-е гг. в Горном Алтае, имеется следующее предание: «Недалеко от речки Каярлык (правый приток р. Урсулы. – *Л.Ш.*) фиксировали кожо – группу высоких узких камней, поставленных вертикально, плоской стороной к югу. Они в плане образуют круги (надмогильные сооружения афанасьевской археологической культуры VI–III тыс. до н.э. – *Л.Ш.*), местные жители считают их остатками каменных юрт легендарных народов – “алмыс”. Эти народы будто бы жили без одежды, тело покрыто шерстью, ногти похожи на длинные когти зверей. Будто бы, когда они увидели белую березу, то приняли ее знак, что придут белые люди и не дадут им жить. Тогда они свои постройки, сложенные из камня на подпорках, разрушили, сами погибли под этими обломками» [4. Л. 9].

Как следует из предания, алмыс (албыс) являются предшественниками предков современных алтайцев. Между тем алмысы занимают прочное место среди религиозно-мифологических и сказочно-фольклорных персонажей других народов. Представления о них распространены на огромной территории, включающей Среднюю и Переднюю Азию, Кавказ, Казахстан, Поволжье, Южную Сибирь. Независимо от современной лингвистической карты название этого существа везде звучит фактически одинаково: албасты, албассы, алмасты, алмасту, алмыс. Обычно алмыс (алмысту) представляется в облике уродливой женщины с длинными распущенными светлыми волосами и такими длинными грудями, что она закидывает их за спину. Существовало поверье, что алмысту может превращаться в животных или неодушевленные предметы [5. С. 29]. Иногда подчеркивалось, что у нее большие зубы и она покрыта шерстью.

Показательно, что независимо от этноязыковой среды бытования этого персонажа основные его характерные черты устойчиво идентичны, что позволяет предположить весьма древнее происхождение этого образа. На основе среднеазиатских материалов образ алмыса классифицируется чаще всего как персонаж анимистических верований, связанный с Анахитой – богиней плодородия и водной стихии восточноиранского пантеона, представления о которой под влиянием более поздних религий деформировались и деградировали, приобретая отрицательные черты вредоносного демона [6. С. 31–36].

Южносибирские материалы также часто соотносят алмысов с религиозно-суеверными представлениями.

В фольклорно-сказочной традиции алмыс сочетает в себе функции различных по происхождению и характеру божеств и духов: в нем прослеживаются черты, свойственные общетюркской богине плодородия и покровительницы деторождения Умай; заметно известное сходство с «лесными девушками», связанными с культом гор и охотничьими культами; в тувинском шаманизме алмыс – воплощение женского духа – покровителя шамана [7. С. 17–18]. Алмыс может быть и невидимым существом, являясь злым духом [8. С. 18].

Но, как свидетельствуют алтайские материалы, чисто религиозным содержанием образ алмысту не исчерпывается. Его не только увязывают с ранними обитателями Горного Алтая, но в некоторых преданиях подчеркивается генеалогическая связь некоторых современных алтайских сеоков (родов) с народом «алмыс». В записанной мной в 1981 г. алтайской легенде говорится: «Тёлёс и Кёбёк были братьями. Один из них женился на красивой женщине. Хороший он был охотник, но даже когда и он возвращался без добычи, в казане его жены всегда варилось мясо. Задумался муж и решил узнать, откуда жена берет мясо. Однажды сказал ей, что пойдет на охоту, а сам спрятался и стал караулить. И видит: жена срезает с себя мясо и бросает его в котел. Понял муж, что не человек она, а алмыс. Хотел сразу выгнать, да была женщина уже беременна. Пожалел он ее, но, когда родился сын, охотник прогнал жену, оставив у себя сына. И дал он ребенку имя Алмат. По имени этих трех людей-родоначальников и получили названия роды (сеоки) тёлёс, кёбёк и алмат, поныне обитающие в Горном Алтае» [9].

Этнографические данные из Горного Алтая акцентируют факт реального существования алмысов. Бытует множество рассказов о контактах с ними людей не только в прошлом, но и в настоящем: в 1988 г. Горный Алтай был встревожен слухами о «приходе алмысту», о далеко не безопасных встречах с ними. Об этом писала даже местная пресса. В коллекциях автора имеется пучок белесых «волос алмысту» из пещеры близ второго Каракольского озера, подаренный алтайцами в августе 2001 г. В 2022 г алтайский праздник Эл Ойын проходил в Усть-Канском районе Республики Алтай. Место проведения праздника находилось напротив знаменитой горы, носящей интригующее название Алмысту, на одном из склонов которой находится знаменитая верхнепалеолитическая Усть-Канская пещера. Важно заметить, что подножие горы и место праздника разделяла водная преграда – р. Чарыш. Местные жители с охотой рассказывали об алмысах как реально существующих существах, чем они и объясняли название горы, а также поясняли, что если в утренних лучах посмотреть на ее склоны, то можно якобы увидеть фигуры спящих алмысту [10]. Таким образом, можно констатировать, что алтайские представления об алмысах отличаются достаточной конкретностью и реалистичностью и поддерживаются устной народной традицией.

В связи с этим возникает вопрос о том, какие же реальные события и какой давности могут лежать в основе подобных преданий и представлений. Попытаемся выявить возможные реальные черты в этом, на

первый взгляд, фантастическом образе. В фольклоре чаще фигурируют женщины-алмысту, «покрытые шерстью» – быть может, просто одетые в глухую меховую одежду, живущие в скалах, пустотах каменных осыпей-курумов, пещерах (например, Усть-Канская пещера), т.е. в труднодоступных и потому безопасных местах. Здесь они, возможно, ожидают возвращения мужчин из охотничьих походов. Их неприятный, отталкивающий образ – просто эмоциональная оценка их непохожести, чуждости для очевидцев встреч с ними. Мотив срезания алмысом с себя мяса и приготовления из него пищи соотносится с представлениями о том, что со спины у алмысов видны внутренности и скелет, что может оказаться отдаленной реминисценцией каннибализма в экстремальных условиях. К тому же в алтайских сказках алмысы нередко вообще рисуются людоедами.

Таким образом, в преданиях образ жизни и общество алмысов предстают очень архаичными, но наделенными вполне реальными чертами. В то же время представление о существовании алмысов как в прошлом, так и в настоящем и будущем («нашествие алмысту») придает этому образу мифологическую окраску. И если тувинские, хакасские, среднеазиатские материалы характеризуют алмысту только как персонаж религиозно-мифологический, то алтайские легенды отличаются двойственной трактовкой: наряду с сугубо фантастическими свойствами и характеристиками алмысы в них описываются весьма реалистично и даже рутинно.

В связи с этим большое значение приобретает этимология самого слова «алмыс, албасту». Некоторые авторы наделяют и термин, и сам персонаж исключительно тюркским генезисом. Другие считают, что представления об алмысах связаны с традициями иранской мифологии. Название же «алмысту» в некоторых изданиях считается произошедшим от сочетания иранского «ал» (перевод не дается) и тюркского «басты» (надавил). Есть мнение, согласно которому корень «ал» связан с древним именем божества, родственным «илу, эль» семитских народов, а лексема «басты» – с индоевропейским термином, обозначавшим «дух», «божество» (ср. русск. «бес»). Отсюда следует, что образ «алмыс (албысту)» формировался в эпоху древнейшего существования языковой праобщности индоевропейской и семитской языковых семей, задолго до расселения их носителей на территориях современного обитания [6. С. 9].

В лингвистике существует гипотеза о ностратической (бореальной) языковой праобщности, которая облиняла современные языковые семьи – индоевропейскую, алтайскую, уральскую, семито-хамитскую, картвельскую и дравидийскую. Ее распад и формирование современных языковых семей приходится на 12–11 тыс. до н.э. и совпадают, таким образом, с началом периода голоцена в геологической истории Земли, сопровождавшемся после таяния ледников формированием современных природно-географических зон, и окончанием периода верхнего палеолита.

Бореальная гипотеза происхождения современных языковых семей позволила реконструировать корне-

вые слова многих ныне распространенных языков. Бореальное корневое слово X-L означало «заблудившийся», «чужак», «чужого племени», «пренебрегаемый». В раннеиндоевропейском языке его семантика осталась достаточно близкой: Al-yo – «блуждаю, брожу» (греч.); Al-atas – «бродяга, скиталец» (дорийск.); Al-ienus – «чужой, незнакомый» (лат.); AL-etste – «чужак» (тохарск.). Подобные аналогии можно найти в языках уральской и алтайской языковых семей: Hul-gus – «бродяга» (эстон.), Hal-veksia – «презирать» (финск.); эвенкийск. Hal – «исчезнуть», «скрыться с глаз» [12. С. 16, 221, 277]; Ol-и – «дядя по матери» (хантыйск., в условиях экзогамии – чужеродец); Al – «дикий, страшный» (алтайск.); Al-ak – «скитаться», «дичиться» (куманд.); Al-aa – «непонятливый» (теленгитск.); Al-aj – «злой дух» (теленгитск.); Al-tchy – «гость» (шорск., хакасск.) и т.д. Таким образом в семантическом плане корневое слово X-L содержало значение «чужого рода-племени, избегаемый, чужезин», чужак [12. С. 277] и характеризовало особые отношения между людьми, подчеркивая осознание ими гетерогенности человеческих популяций, акцентируя внимание на «чужеродности», «непохожести» отдельных их членов. Социальная неприязнь выражалась в констатации их необычного, «неприглядного» вида и непривычного, более подвижного образа жизни.

Как уже отмечалось, время бытования древнейшего бореального языка – поздний палеолит; период его распада и начало самостоятельной эволюции современных языковых семей – мезолит, неолит и эпоха раннего металла. Думается, что к периоду после распада бореальной прасемьи, когда еще сохранялась общая лексика, относится бытование слова «алмыс». Мощные миграции носителей современных языков осваивали территорию Евразии, в результате чего обычными были их контакты с палеоевропейцами и палеоазиатами, которые по своей культуре, образу жизни существенно отличались от мигрантов, что привело к обострению оппозиции «свой–чужие», и в представлениях евразийцев мигранты обрели негативную, не совсем «человеческую» окраску. Тогда алмысту – совокупное имя древнейшего населения Евразии.

Таким образом, исторический «возраст» алмысту может насчитывать тысячелетия. Возможно, последние потомки населения эпохи верхнего палеолита находили прибежища в труднодоступных местах, например в горах. Тогда интересным представляется предположение о том, что неслучайно горные массивы Евразии – Альпы, Албания (Балканская и Кавказская), Алатау, Алтай в своих названиях содержат корневое X-L как места обитания «чужаков». Процесс формирования образа алмысту прошел глубокие метаморфозы – от вполне реальных отношений предков носителей современных языков с остатками древнейшего евразийского населения, которое этнически было чужим, сохраняя архаическую культуру, до представлений о духах-покровителях шаманов, полностью утративших человеческую сущность и ставших частью сакрального пространства.

Алтайские предания и легенды достаточно полно сохранили представление об алмысах как предше-

ственников предков современного населения Горного Алтая и о некотором их участии в его этногенезе. В ментальном смысле это произошло в результате погружения вполне реального образа алмысту в мифическое время, где он законсервировался, сохранив не только своеобразные черты, но и название, которым соседи обозначали донеолитическое население Евразии. В дальнейшем этот образ был соотнесен с соответствующим ему пространством, изменение которого (появление березы и пр.) означало гибель тех, кто его обживал.

Универсальное евразийское представление о связи отдельных видов деревьев с конкретными людьми и целыми этносами отчетливо прослеживается в самых различных традиционных культурах. Дерево организует вокруг себя соответствующее ему пространство, частью которого являются человек и его этнос. Изменение пространства означает смену этносов, что наглядно представлено в еще одном записанном мной в 1981 г. алтайском предании: «Очень давно жили люди. Это они оставили курганы, а называли их торгутами. Но однажды появилось новое дерево – лиственница, и торгуты решили, что все меняется, что приходит новое время. И тогда они исчезли, уступив место другому народу» [10]. Замечу, что торгуты – это торгоуты, одно из западно-монгольских племен, миграция которого существенно задела Горный Алтай на рубеже XVI–XVII вв., заметно повлияв на культурные черты его населения [1. С. 59].

В представлениях алтайцев лиственница была не только олицетворением торгоутов, но и, как береза, связывалась с русскими. В рамках социальной организации алтайцев считалось, что разные секи (роды) имели свои виды деревьев-«прародителей», которые назывались *жайачы* (творец, создатель). По их представлениям, деревья – такие же живые существа, как и люди. Они рождаются, живут и умирают, они могут чувствовать. Так, об иркихтах обычно говорили «айдазы – ыргай, энези – кайын», т.е. «отец – жимолость, мать – береза». Аспак (осина) считалась прародителем секоков кергил, мундус, чагат, тонгжоан, жарык; роды майман, бурут вели свое происхождение от эргиш (калины), род алмат находился под покровительством сосны (карагай) и ивы (тал) [13. С. 63–65, 234–243].

В этногенетических легендах южных алтайцев явно отражаются представления о неоднородном в прошлом населении территории их обитания. Мифологическое сознание способствовало не только сохранению древнейших реальных образов, хотя и подвергшихся сакрализации, но и «оживлению» их в этнической картине мира уже современного населения. Будучи «чужими» во время контактов с ними алтайцев, предшественники сохранили за собой эту характеристику, и каждое появление нового этноса автоматически вызывало из глубин народной памяти архетипический образ «чужого». Такое восприятие укладывается в рамки циклического восприятия времени – «прошлое всегда рядом». Поэтому в характеристиках алмысту переплетены черты различных общественных и этнокультурных укладов. Но главным признаком остается невозможность сосуществования с ними в общем этносоциальном и этнокультурном пространстве.

В соответствии с экзогамией они могут рассматриваться как брачные партнеры, но, даже став женой охотника и родив ему сына, как об этом рассказывалось в предании, женщина-алмысту подвергается изгнанию сразу же после того, как становится известной ее «чуждая» природа. При этом ребенок остается с отцом, что полностью соответствует патрилинейному принципу родства. Иными словами, в алтайских легендах об алмысах, с одной стороны, удержались воспоминания о вполне реальных взаимодействиях разнотничного населения Горного Алтая в далеком прошлом, показан универсальный механизм включения отдельных его компонентов через брак в состав современных алтайцев; с другой стороны, природа алмысов уже настолько трансформирована сознанием, мифологизирована и демонизирована, что она не соотносится с реальным пространством людей.

Важно отметить, что в алтайских легендах в образе алмысту отложились воспоминания о многих народах, взаимодействовавших с предками алтайцев как в глубокой древности, так и в более поздние времена. Этнонимы их могли забыться, но ощущение их чужеродности сконцентрировалось в одном персонаже-архетипе, изначально обозначавшем человека чуждого племени, и архетип этот оброс наслоениями разнородных подробностей, заняв прочное место в религиозно-мифологической традиции южных алтайцев. Напомню, что в современном алтайском языке слово «ал» переводится как «дикий», «страшный», «мрачный» [14. С. 15], что также соотносимо с негативной характеристикой чужака.

Согласно алтайской религиозно-мифологической традиции, в мифологическом времени одновременно может сосуществовать несколько миров-пространств, что нашло выражение в представлении о множественности Алтаев. Как правило, в эпосе родиной героя является белый Алтай, где течет белая река. Богатырь эпоса Алтын-Мизе, отправляя своего дядю за невестой, говорит о том, что «около Алтая Елезин-Бёроль (местообитание богатыря. – Л.Ш.) есть рядом желтый Алтай. Двигается, не движется желтая река. Внутри желтого Алтая есть семьсот ельбегенов, над семьями ельбегенами есть Сары-ельбеген с курчаво-желтыми волосами и чуть голубыми глазами. Дочь Ельбегена, говорят, хороша» [15. С. 74]. В синем Алтае живет хан Соло, который умеет творить волшебство и который спрашивает героя: «Как твое имя, каков твой путь, из какого Алтая приехал?» [15. С. 76]. Рядом с синим Алтаем лежит черный Алтай с черной рекой.

Общеизвестно значение цветовой символики в тюркском этнокультурном комплексе, в частности в мифологии. Белый и синий цвета обладают положительной семантикой и соотносятся с такими понятиями, как «святость, божественность», в отличие от желтого и черного цветов, символизирующих «ядовитость, увядание» или «Нижний мир, враждебные силы» [16. С. 137]. Кроме того, эти цвета соотносятся с частями света: белый – восток, синий – запад, черный – север, желтый – юг, и ландшафтами: черный – лес, синий и белый – горы и горная степь, желтый – сухие равнинные степи и пустыни.

В совокупности здесь передается понятие многоцветного мира и содержится представление о единстве профанного и сакрального пространств в амбивалентной совокупности положительных и отрицательных сил, каждому из которых соответствует свой народ. При этом жители «разных» Алтаев могут ничем не отличаться от героя и его народа, а могут и выступать в фантастическом обличье. Так, Ельбеген (Jelbegen), согласно алтайским воззрениям, представлялся чудовищем – семиглавым пожирателем людей; правитель черного Алтая – Эрлик-хан – являлся хозяином Нижнего мира, который уводит к себе души умерших. Ранее упоминавшийся алмыс, образ которого в большей степени связан со сказочной традицией, претерпел поэтому серьезные метаморфозы: в сказках может быть людоедом, который нередко ездит на свирепом быке (как и Эрлик), глаза его – словно кипящие котлы, зубы – как острые ножи.

Однако между всеми Алтаями, а значит и их населением, возможны контакты и достаточно долгие и разнообразные отношения, связующим звеном в которых выступает герой-богатырь. Добраться до иных Алтаев весьма сложно: они разделяются бурными реками, которые герой переплывает в лодке или переходит по волосному мосту; путешествуя «на тот свет, на тот Алтай», герой приходит на «край земли» и прыгает в черную дыру [15. С. 128]. Между Алтаями большие расстояния: так, Алып-манаш «днем не отдыхал, ночью не спал. Сколько рек бродом перешел – не сосчитать, сколько горных перевалов позади оставил – не упомнить. Подошел к реке и на лодке переправился в страну Ак-Каана» [17. С. 245].

Одним из мотивов путешествия героя является поиск невесты. При этом неважно, из какого она Алтая, чьей дочерью является: человека Ак-Каана, чудовищ Ельбегена или божества Нижнего мира Эрлик-хана. Показательно, что через подобные браки восстанавливается и целостность единого Алтая. «Чужая» природа невесты оказывается привлекательной для героя эпи-

ческого сказания, что полностью укладывается в рамки экзогамных отношений и родовой морали. Существа с «чужой», нечеловеческой природой становятся невестами и женами героев и, следовательно, переходят в категорию «своих». Вследствие этого происходит десакрализация священного пространства, и оно осмысливается как часть реального Алтая, а обитатели того и другого объединяются разнообразными связями и отношениями.

Материалы алтайской этнографии позволяют не сомневаться в том, что население Горного Алтая отчетливо осознавало свою гетерогенность и соотносило это с категориями «своего» и «чужого» времени и пространства. Реальный опыт взаимоотношений с «чужими» иноэтничными группами переносился в мировоззренческую сферу и способствовал «налаживанию контактов» с сакральным миром. Одним из вариантов превращения «чужого» в «своего» оказывались брачные отношения: это могли быть временные связи с «лесными девушками», сексуальная связь шамана с духом-покровителем в женском облике, невеста из «другого Алтая», иногда из Нижнего или Верхнего миров.

В любом случае в результате брака их «чужая», а часто и враждебная сущность нивелировалась, подвергалась десакрализации, т.е. становилась менее опасной для контактов. При этом дети разнородных партнеров в патрилинейной среде осмысливались уже как полностью «свои» в общности отца, а окружающий мир приобретал целостность и гармонию. Так, побыв мужем дочери Эрлик-хана, богатырь Маадай-Кара «в свой Алтай мирно, свободно поехал... Скот поставил на травянистых местах. Юрт (жилище. – Л.Ш.) поставил на дровянистых местах. Война не смела воевать и сам не стал ходить на войну. Стал богатым, имеющим эрдине (счастье, удачу. – Л.Ш.), стал благодетельным ханом» [16. С. 116]. Таким образом, стал «своим» враждебный мир, а опыт реальных межэтнических коммуникаций продолжил свое развитие с персонажами сакрального мира.

Список источников

1. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : ТГУ. 2010. 288 с.
2. Шерстова Л.И. О глубине исторической памяти: алмысту // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 214–216.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
4. Архив Научно-исследовательского ин-та «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)». Ф. 15 (фонд А.Г. Данилина). Оп. 1. Д. 24. 76 л.
5. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад : Изд-во Акад. наук Тадж. ССР, 1953. Вып. 1. 380 с.
6. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Сов. энцикл., 1991. 736 с.
7. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М. : Наука, 1975. 327 с.
8. Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск : Наука, 1987. 178 с.
9. Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречия тюркского языка. Казань : Православ. миссионер. о-во, 1884. IV, 494 с.
10. Полевые материалы автора. Горно-Алтайская автономная область (Республика Алтай). Онгудайский район, с. Ело. 1981. Личный архив.
11. Полевые материалы автора. Республика Алтай. Усть-Канский район, с. Усть-Кан. 2022. Личный архив.
12. Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л. : Наука, 1986. 326 с.
13. Клещев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. Горно-Алтайск : Высоцкая Галина Григорьевна, 2011. 246 с.
14. Ойротско-русский словарь. Горно-Алтайск : Ак чечек, 2005. 316 с.
15. Никифоров Н.Я. Анонский сборник : собр. сказок алтайцев / с примеч. Г.Н. Потанина. Омск : тип. штаба Ом. в. окр., 1915. 293, XIV с. (Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества; т. 37).
16. Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. Горно-Алтайск : АКИН, 2006. 164 с.
17. Гарф А.Л. Танзаган – отец алтайцев. М. : Худож. лит., 1978. 286 с.

References

1. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The origins of the ethnos and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Sherstova, L.I. (2000) O glubine istoricheskoy pamyati: almystu [On the depth of historical memory: almystu]. In: Derevyanko, A.P. & Larichev, V.E. (eds) *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov i etnografov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1994–1996 godakh* [Review of the results of field and laboratory research of archaeologists and ethnographers of Siberia and the Far East in 1994–1996]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 214–216.
3. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Vost. lit.
4. The Archive of the Research Institute “Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera).” Fund 15 (A.G. Danilin’s Fund). List 1. File 24.
5. Andreev, M.S. (1953) *Tadzhiki doliny Khuf* [Tajiks of the Khuf Valley]. Vol. 1. Stalinabad: Tadzhik SSR AS.
6. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1991) *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
7. Sukhareva, O.A. (1975) *Perezhitki demonologii i shamanstva u ravninnykh tadzhikov* [Vestiges of Demonology and Shamanism among Lowland Tajiks]. In: Basilov, V.N. (ed.) *Domusul'manske verovaniya i obryady Sredney Azii* [Pre-Muslim Beliefs and Rituals of Central Asia]. Moscow: Nauka.
8. Kenin-Lopsan, M.B. (1987) *Obryadovaya praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva* [Ritual Practice and Folklore of Tuvan Shamanism]. Novosibirsk: Nauka.
9. Verbitskiy, V. (1884) *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiya tyurkskogo yazyka* [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Kazan': Pravoslav. missioner. o-vo.
10. Sherstova, L.I. (1981) *Polevyye materialy avtora. Gorno-Altayskaya avtonomnaya oblast' (Respublika Altay). Ongudayskiy rayon, s. Elo. 1981. Lichnyy arkhiv* [Field materials. Gorno-Altai Autonomous Region (Altai Republic). Ongudai district, Elo. 1981. Personal archive].
11. Sherstova, L.I. (2022) *Polevyye materialy avtora. Respublika Altay. Ust'-Kanskiy rayon, s. Ust'-Kan. 2022. Lichnyy arkhiv* [Field materials. Altai Republic. Ust-Kansky district, Ust-Kan. 2022. Personal archive].
12. Andreev, N.D. (1986) *Ranneindoevropeyskiy prayazyk* [Early Indo-European proto-language]. Leningrad: Nauka.
13. Kleshev, V.A. (2011) *Narodnaya religiya altaytsev: vchera, segodnya* [Folk religion of the Altai people: Yesterday, today]. Gorno-Altaysk: Vysotskaya Galina Grigor'evna.
14. Baskakov, N.A. & Toshchakova, T.M. (eds) (2005) *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oirot-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk: Ak chechek.
15. Nikiforov, N.Ya. (1915) *Anoskiy sbornik: sobr. skazok altaytsev* [The Anos Collection: A collection of fairy tales of the Altai people]. Omsk: Tip. shtaba Om. v. okr.
16. Oynoshev, V.P. (2006) *Sistema mifologicheskikh simvolov v altayskom geroicheskom epose* [The system of mythological symbols in the Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk: AKIN.
17. Garf, A.L. (1978) *Tanzagan – otets altaytsev* [Tanzagan is the father of the Altai people]. Moscow: Khudozh. lit.

Сведения об авторе:

Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sherstova Lyudmila I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 08.05.2024; accepted for publication 01.07.2024

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья

УДК 902.01+902.21+903.21+903.42+903.5

doi: 10.17223/19988613/90/21

Поселения и могильник эпохи бронзы в комплексе археологических памятников у Аникина камня (Нижнее Притомье) по результатам исследований 2022–2023 гг.

Дмитрий Александрович Бычков¹, Иван Алексеевич Деманов², Богдана Станиславовна Попова³,
Кристина Сергеевна Рацык⁴, Владимир Андреевич Мальцев⁵, Владислав Сергеевич Ревединский⁶

^{1,2} *Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия*

^{3,5,6} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

⁴ *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *bda.nsk@yandex.ru*

² *asus2000xp@yandex.ru*

³ *bogdana.borilo@mail.ru*

⁴ *racykkristina00@gmail.com*

⁵ *vova.malcev.02@list.ru*

⁶ *vlad.redic@mail.ru*

Аннотация. Представляются результаты полевых исследований, в ходе которых были получены уточняющие сведения о составе и локализации археологических памятников, расположенных на мысу у Аникина камня. Цель работы – обоснование положения поселенческих комплексов в ландшафтной структуре. Применение методов археологической разведки и сравнительного анализа морфологических признаков изделий из камня позволило установить стратиграфический контекст залегания ранее не выделяемого типа изделий и определить ближайший им круг аналогий в регионе. Геофизические изыскания позволили выявить объекты, визуально не выраженные в структуре изучаемой местности.

Ключевые слова: Нижнее Притомье, бронзовый век, поселение, могильник, долотовидное орудие

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Авторы выражают благодарность за помощь в проведении полевых работ И.Е. Дедову, А.В. Никонову, научному сотруднику ТОКМ А.П. Моносовой, студенту ТГУ М.Д. Чебакову и студентам ТГПУ А.О. Яковлеву и Д.В. Закирову, студентке ТГУ Ю.Б. Линейцевой за помощь в определении остеологического материала.

Для цитирования: Бычков Д.А., Деманов И.А., Попова Б.С., Рацык К.С., Мальцев В.А., Ревединский В.С. Поселения и могильник эпохи бронзы в комплексе археологических памятников у Аникина камня (Нижнее Притомье) по результатам исследований 2022–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 189–198. doi: 10.17223/19988613/90/21

Original article

Settlements and a burial ground of the Bronze Age in the complex of archaeological sites near Anikin Stone (Lower Tom Region) according to the results of research in 2022–2023

Dmitrii A. Bychkov¹, Ivan A. Demanov², Bogdana S. Popova³,
Kristina S. Racyk⁴, Vladimir A. Maltsev⁵, Vladislav S. Revedinskiy⁶

^{1,2} *Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation*

^{3,5,6} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

⁴ *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *bda.nsk@yandex.ru*

² *asus2000xp@yandex.ru*

³ bogdana.borilo@mail.ru⁴ racykkristina00@gmail.com⁵ vova.malcev.02@list.ru⁶ vlad.redic@mail.ru

Abstract. The complex of archaeological sites near Anikin Stone has long attracted the attention of specialists. Repeated studies of burial grounds in this area have revealed many details in the history of the Lower Tomsk region (Western Siberia). New materials were found in 2022–2023. Splintered pieces from the Yarsky settlement have become a unique source of information about the economy of its inhabitants. The purpose of the study is to substantiate the position of settlement complexes in the structure of the area near the Anikin Stone.

Archaeological exploration using modern technologies and methods made it possible to establish the context of the occurrence of cultural remains on the territory of two settlements near the Anikin Stone. Inspection of the outcrops and the use of georadar surveys made it possible to record traces of the burial ground. Facts indicate the presence of burials in it, which presumably belong to the Andronovo culture of the Bronze Age. Chisel tools and other artifacts from the settlements were discovered in the pits. A comparative analysis of morphological features and a search for similar items in the region made it possible to establish the occurrence of chisel-shaped tools in Bronze Age settlements in the Lower Tomsk region. As a result, the boundaries of the Yarsky settlement were clarified, the boundaries of the Shumikhinsky settlement were determined, and the location of the mounds from the Anikin Stone burial mound was localized.

Traces of two settlements on a cape-shaped ledge near the Anikin Stone were localized in space and documented. Previously expressed assumptions about the composition and safety of settlements and burial grounds near the Anikin Stone have been confirmed. The time of the emergence of settlements is determined in a wide range of the Bronze Age from the end of the 3rd to the beginning of the 1st millennium BC. It is possible to identify the Andronovo complex within the burial ground during further research.

Keywords: Lower Tom Region, Bronze Age, settlement, burial ground, splintered piece

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the research project IAET SB RAS FWZG-2022-0007 “Geochronology of cultural and historical processes in the Pleistocene-Holocene of North Asia based on a comprehensive study of geoarchaeological objects”. The authors express their gratitude for assistance in conducting field work I.E. Dedov, A.V. Nikonov, TLHM researcher A.P. Monova, TSU student M.D. Chebakov and TSPU students A.O. Yakovlev and D.V. Zakirov; TSU student Yu.B. Lineitseva for help in identifying osteological material.

For citation: Bychkov, D.A., Demanov, I.A., Popova, B.S., Racyk, K.S., Maltsev, V.A., Revedinskii, V.S. (2024) Settlements and a burial ground of the Bronze Age in the complex of archaeological sites near Anikin Stone (Lower Tom Region) according to the results of research in 2022–2023. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 189–198. doi: 10.17223/19988613/90/21

Введение

Комплексы эпохи бронзы исследуются на территории Западной Сибири уже более века. Запечатленная в них информация раскрывает детали жизни общества и его материальной культуры в период, который ознаменовался сложными миграционными процессами, находящими свое отражение в составе предметных комплексов этого периода [1. С. 373–375]. Крайне редко разные типы памятников данного времени располагаются концентрированно на локализованном участке местности. Правый берег р. Томи у Аникина камня относится к числу именно таких мест.

Аникин камень – памятник природы в виде выдающегося к реке скального массива в подножии мысовидного выступа правобережной надпойменной террасы р. Томи, расположенный возле устья р. Шумихи, на границе Томской и Кемеровской областей (рис. 1, 2). Первые сведения об обнаруженных здесь археологических древностях были опубликованы Г.В. Трухиным в 1952 г. Он указывал, что на площадке выступа наблюдается группа из 31 кургана, которая разделена оврагом на две части. В береговой осыпи по бровке этого выступа наблюдается культурный слой, насыщенный «фрагментами керамики, шлаком, пережженными костями животных и рыбы» [2. С. 70].

В 1954 г. данное место обследует В.И. Матющенко, который на береговой осыпи уступа террасы собрал подъемный материал, а на площадке террасы заложил

шурф. Как указано в полевой документации, «в шурфе была найдена керамика, украшенная резным линейным орнаментом; неоконченной обработкой каменный топор и отщепы галечника. Культурный слой достигает глубины 50–55 см и представляет собой гумусированный песок черного цвета». Таким образом, на тот момент было определено, что наблюдаемый в осыпи и шурфе археологический материал происходит из почвенного горизонта, который представлен гумусированной супесью темных оттенков и мощностью порядка 0,5 м.

Также В.И. Матющенко сообщал, что на том же мысу располагается несколько курганных насыпей. А в 300–350 м выше по течению, на том же берегу р. Томи, у устья р. Шумихи, расположен «известный уже могильник из 15 курганов» [3. С. 33, прил., рис. 58]. Обобщенные сведения В.И. Матющенко и Г.В. Трухина были приведены позднее в своде археологических древностей [4. С. 105–106].

В 1971 г. на данной территории проводила разведку Л.М. Плетнева. Она подтвердила, что около 300 м южнее по течению р. Томи от Аникина камня, на мысовидном выступе правого берега в устье р. Шумихи, расположена группа из 13 курганов, именуемая, как и в своде А.П. Дульзона, «Шумихинский курганный могильник». В заложенных шурфах культурного слоя поселения на этом могильнике обнаружено не было. В настоящее время локализовать местоположение этих шурфов не представляется возможным из-за отсутствия для них какой-либо привязки. Также ею была

подтверждена информация В.И. Матющенко о наличии курганных насыпей на площадке мысовидного выступа у Аникина камня, упоминаемых в его отчете. Кроме того, на этой же площадке она обнаружила «не-

сколько очень расплывчатых впадин», на краю одной из которых был заложен шурф, выявивший «фрагменты керамики и обожженные камни на глубине 0,4 м» [5. С. 18–19].

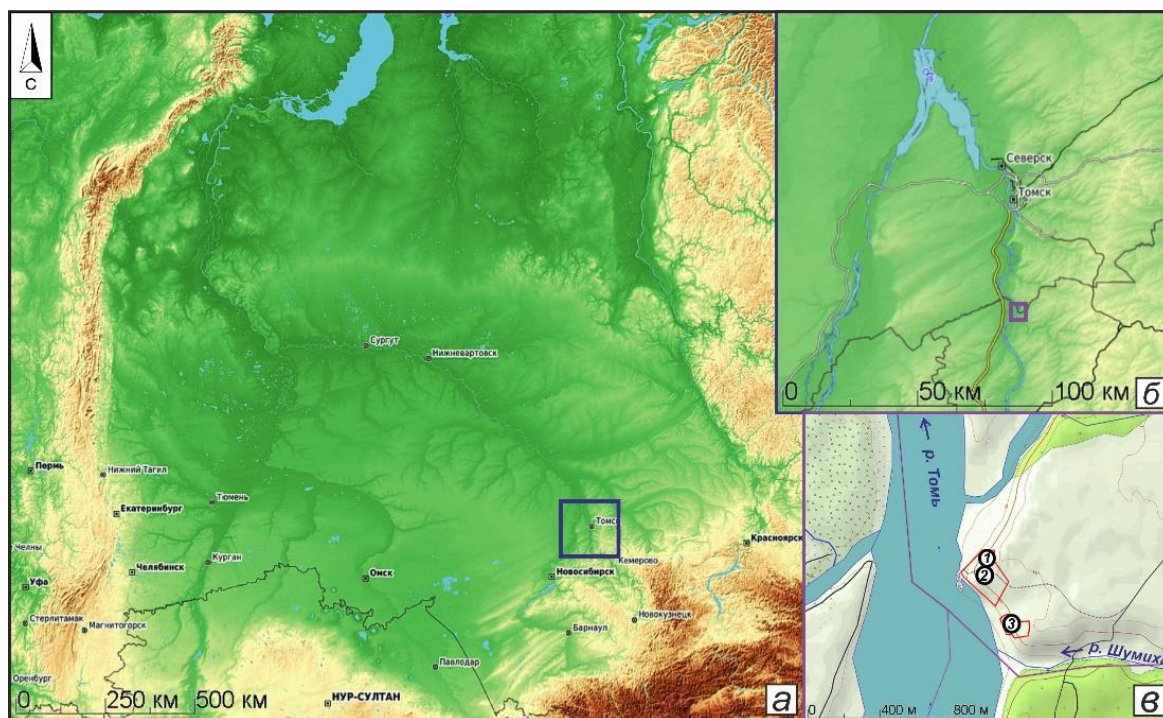

Рис. 1. Вид с юго-запада на мысовидный выступ правого берега реки Томь у Аникина камня:

1 – курганный могильник Аникин камень; 2 – Ярское селище; 3 – Шумихинское селище

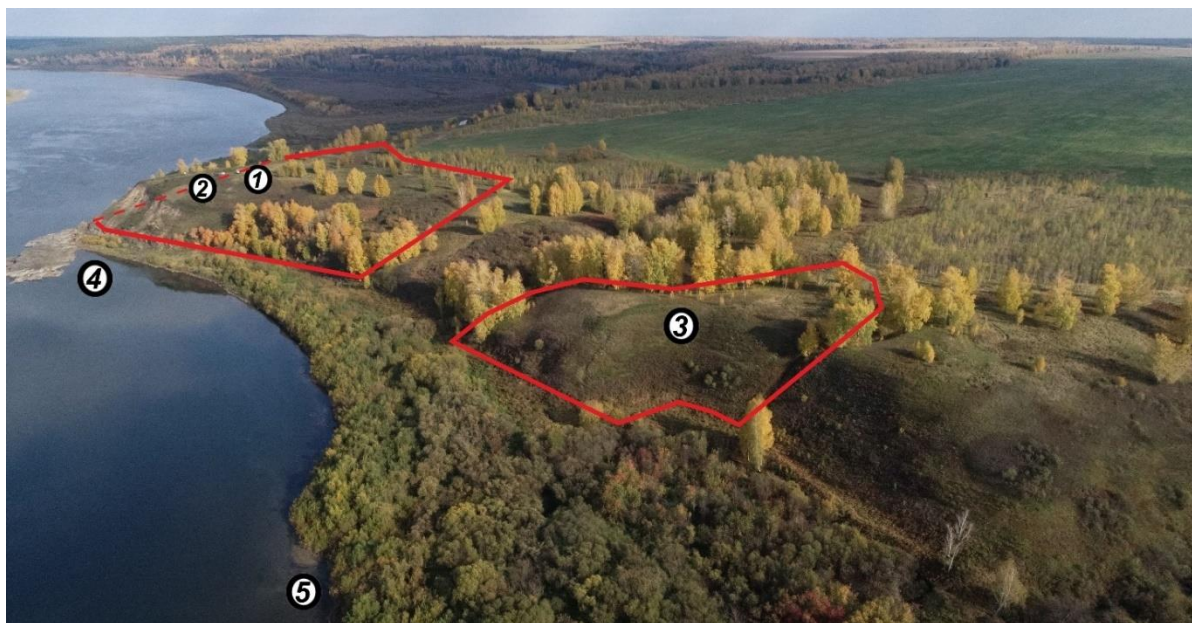

Рис. 2. Схема расположения мысовидного выступа у Аникина камня в Нижнем Притомье на цифровой карте OpenTopoMap:

1 – курганный могильник Аникин камень; 2 – Ярское селище; 3 – Шумихинское селище; 4 – памятник природы, скала «Аникин камень»; 5 – устье реки Шумихи

Таким образом, к третьей четверти XX в. было установлено, что мысовидный выступ правого берега р. Томи у Аникина камня разделен оврагом на две части: северную и южную. На них расположено два курганных могильника, которые в литературе и отчетной документации именовались как «Курганный могиль-

ник Аникин камень» и «Шумихинский курганный могильник» соответственно. Непосредственно на «северном» мысу у Аникина камня были повторно зафиксированы культурные остатки от поселенческого культурного слоя, которые позже были отнесены к материалам ирменской культуры эпохи поздней бронзы, да-

тируемой X–VIII вв. до н.э. [6. С. 7–8]. Впоследствии обнаруженный поселенческий комплекс был поставлен на учет под названием «Ярское селище» (рис. 2, 2).

В конце XX в. изучение древностей у Аникина камня ознаменовалось раскопками курганных могильников на обоих мысах. Этому предшествовало обследование территории, проведенное в 1989 г. С.А. Терехиным, который зафиксировал в составе «Курганного могильника Аникин камень» 16 курганов [7]. Все перечисленные сведения легли в основу информации, вошедшей в «Археологическую карту Томской области» [8. С. 155]. Опираясь на эти сведения, в 1994–1996 гг. А.Д. Гаман проводит здесь археологические раскопки [9–11]. В 1994–1995 гг. он исследует все курганы, расположенные на «южном» мысу, которые упоминались ранее как «Шумихинский курганный могильник». В 1996 г. им исследуется 11 из 23 курганов на «северном» мысу – так называемый курганный могильник Аникин камень [11. С. 88, рис. 2]. Результатом проведенных полевых исследований стало выделение пяти культурно-хронологических компонентов, изученных археологическими раскопками на пространстве, занимаемом двумя курганными могильниками на двух разных мысах одного большого мысовидного выступа правого берега р. Томи. В первую очередь это погребальные сооружения раннего железного века [12], погребения VIII–X вв. [13] и погребения XI–XIII вв. [14]. Отдельным комплексом являются курганы № 20–23, расположенные в южной части «северного» мыса и раскопанные в 1996 г. Под насыпями были обнаружены типовые погребения носителей ирменской культуры эпохи бронзы, а на межкурганном пространстве – фрагменты керамической посуды с характерным орнаментом [11. С. 5–44].

Во время раскопок межкурганного пространства повсеместно фиксировались фрагменты керамических изделий и продукты расщепления камня. Путем сопоставления с ранее обнаруженными здесь аналогичными материалами данный предметный комплекс был датирован эпохой неолита–бронзы [11. С. 75]. Таким образом, в ходе проведенных археологических раскопок было зафиксировано повсеместное распространение поселенческого культурного слоя, датировемого А.Д. Гаманом эпохой неолита–бронзы и залегающего под курганами изученных могильников. В отчетной документации и вышедших позднее публикациях никакой характеристики, кроме факта обнаружения этих материалов, не приводилось. Полученные сведения указывали, что обнаруженные ранее предметные комплексы этого времени не являются случайностью, а их распространение на мысовидном выступе имеет системный характер.

В 2022 г. Б.С. Попова провела обследование Ярского селища с целью определения границ его территории. Как было известно, культурный слой поселенческого комплекса встречался на «северном» мысу непосредственно над скальным обнажением Аникин камень (см. рис. 2, 2). При натурном обследовании в северной части селища на антропогенно поврежденном участке современной поверхности были обнаружены продукты расщепления камня. При их более детальном анализе

было установлено, что эти артефакты по своей морфологии и наличию технико-технологических признаков типологически относятся к долотовидным орудиям (см. ниже). Вместе с ними были найдены нуклеус, отщепы и изготовленные из них так называемые ногтевидные концевые скребки. На тот момент аналогии долотовидным орудиям в ближайшем приближении были известны только на Томской стоянке, которая датируется 18,3 тыс. лет назад [15], а на сопредельных территориях подобные предметы были известны только в материалах культурного горизонта финального верхнего палеолита на поселении Тайлеп-2, расположенном в долине р. Кондома на юге Кузнецкой котловины [16]. Таким образом, новый этап в изучении археологических древностей у Аникина камня ознаменовался тем обстоятельством, что на территории Ярского селища, расположенного в северной части мысовидного выступа, были обнаружены изделия из камня, ближайшие аналогии которым обнаруживаются в материалах памятников позднего палеолита Притомья.

Установленный в 2022 г. факт актуализировал продолжение полевых исследований на рассматриваемой территории (см. рис. 1, 2), поскольку полученные сведения не согласовывались как с результатами полевых работ предшествующих исследователей, так и с представлениями о культурно-историческом развитии Нижнего Притомья. В рамках последних в настоящее время и применительно к проводимому исследованию в составе каменных индустрий на изучаемой территории долотовидные изделия были известны только в материалах памятников позднего палеолита. В материалах остальных периодов данный тип изделий из камня ранее не выделялся.

Цель настоящего исследования – обоснование положения поселенческих комплексов в структуре мысовидного выступа у Аникина камня. Для этого решаются задачи по определению стратиграфического и планиграфического контекста залегания предметов каменной индустрии, их хронологической атрибуции относительно других известных материалов с мысовидного выступа у Аникина камня и предварительная интерпретация изучаемого культурного пространства, освоения древними коллективами на мысовидном выступе правого берега р. Томи у Аникина камня вблизи устья р. Шумихи. Для выполнения поставленных задач в 2023 г. здесь была проведена археологическая разведка. В рамках полевых исследований была заложена серия шурфов за пределами границ территории Ярского селища, проведены геофизические изыскания на бровке мысовидного выступа с целью выявления невыраженных в современном рельефе археологических объектов, геодезические изыскания для определения координат и высот пунктов съемочной сети, относительно которых осуществлялась пространственная привязка остальных проводимых мероприятий. В ходе топографической съемки «северного» и «южного» мысов обследуемого выступа была зафиксирована современная ландшафтная ситуация. Для этого использовались электронный тахеометр, двухчастотные GNSS-приемники и квадрокоптер для создания ортофотоплана обследуемой местности методом фотограмметрии.

Результаты полевых исследований

Натурное обследование началось с осмотра бровки береговой осыпи мысовидного выступа над Аникиным камнем (см. рис. 2, 4). Здесь был обнаружен подъемный материал – продукты расщепления камня и частично фрагментированный керамический сосуд (рис. 3). Изделие представляет собой слабопрофилированный плоскодонный горшковидный сосуд высотой 11,8 см и диаметром 13,08 см с отогнутым наружу венчиком. Сосуд имеет трехзональную разбивку орнаментального поля: венчик, тулово и придонная часть. Венчик покрыт чередующимися парными разнонаклонными насечками. Ниже расположено три горизонтальных линии, нанесенных прокатыванием гребенчатого штампа. Тулово орнаментировано двойной горизонтальной елочкой, выполненной оттисками гребенчатого штампа, в ее углах нанесено по три наклонных насечки. Далее располагается четыре горизонтальных орнаментальных ряда отступающей палочки. Узор придонной части сосуда состоит из тройных наклонных насечек, которые образуют штрихованные треугольники. Дно не орнаментировано.

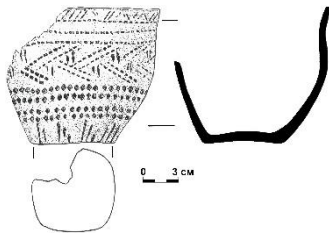

Рис. 3. Сосуд андроновской культуры из бровки береговой осыпи мысовидного выступа у Аникина камня

Насыщенность бровки мысовидного выступа экспонированным археологическим материалом требовала уточнения стратиграфического контекста его залегания. Для решения этой задачи необходимо было заложить серию шурфов в непосредственной близости от раскопов А.Д. Гамана 1996 г. Также необходимо было проверить наличие или отсутствие поселенческого культурного слоя на «южном» мысу у устья р. Шумихи, где в 1994–1995 гг. А.Д. Гаманом был полностью исследован Шумихинский курганный могильник. При сопоставлении планов выступа, прилагаемых к отчетам предшествующих исследователей, и современной ландшафтно-топографической ситуации было установлено, что отмеченные на планах 1954 и 1994 гг. курганные насыпи и другие объекты в настоящее время не определяются в современном рельефе. В связи с этим для определения отсутствия или наличия невыраженных в современном рельефе археологических объектов были проведены геофизические изыскания методом георадарной съемки с использованием прибора ЛОЗА-1В. Для измерений была выбрана площадка в прибрежной части мысовидного выступа, на которой от самой бровки и вглубь была размечена съемочная сеть размерами 11 × 5 м. Георадар снабжался двумя видами антенн: 0,5 и 1 м. Съемка антеннами разной частоты производилась в целях получения точных сведений о глубине залегания археологического

материала и о его стратиграфическом контексте. Антенны разной длины отличаются по максимальной глубине зондирования и разрешающей способности. В результате проведенных измерений была выявлена аномалия, которая фиксируется как в плане, так и на профилях. Расчетные размеры объекта, дающего столь контрастирующую при измерениях аномалию, составили 2 × 1 м в плане, а относительная глубина залегания определяется в пределах 0,5 м. Определяемый контекст и параметры объекта позволяют предполагать его археологизированный характер. В связи с этим было заключено, что на прибрежной части мысовидного выступа сохранились невыраженные в современном рельефе археологические объекты (рис. 4). В целях недопущения их разрушения в процессе шурфовки серия шурфов была заложена в глубине площадки мысовидного выступа.

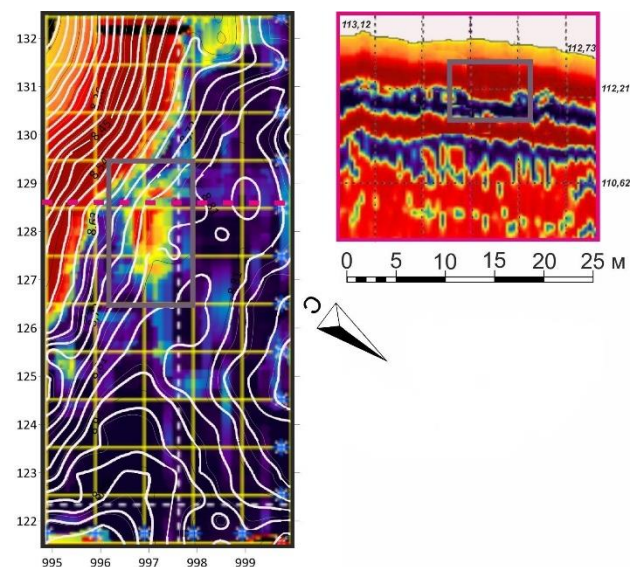

Рис. 4. Схема стратиграфического профиля кровли покровных отложений на мысовидном выступе у Аникина камня по результатам полевых работ в 2023 г.

Всего для обследования мысовидного выступа было заложено 11 шурфов: 8 на «северном» мысу у Аникина камня и 3 – на «южном» мысу возле устья р. Шумихи (см. рис. 2, 4, 5). Во всех заложённых шурфах наблюдалась схожая стратиграфическая ситуация с некоторыми локальными отличиями, которая представлена следующими напластованиями (рис. 5).

Слой 1 – черная гумусированная супесь. Кровля является современным дерново-почвенным горизонтом и включает множество корней растений. Плотная, однородная. Граница с нижележащим слоем размытая, неясная, наиболее контрастна при намывании и проведена по изменению цвета и текстуры. Мощность 0,15–0,2 м.

Слой 1А – черно-желтая мешаная гумусированная супесь. Кровля является современным дерново-почвенным горизонтом и включает множество корней растений. Рыхлая, местами сыпучая, неоднородная, мешаная. Морфология в профиле указывает на явный техногенный характер, а выявление этого слоя только в шурфе № 2 на кромке раскопа 1996 г. А.Д. Гамана указывает, что этим слоем заполнен рекультивированный раскоп.

Граница с нижележащим слоем четкая, ровная и проведена по изменению цвета, структуры и текстуры. Мощность до 0,6 м. Содержит археологический материал виде продуктов расщепления камня и фрагментов керамики.

Слой 2 – серая супесь. Однородная, плотная, местами сыпучая. Содержит корни растений, червячные ходы. Граница с нижележащим слоем размытая, неясная и проведена по изменению цвета и текстуры. Залегает на глубине от 0,2 м. Мощность 0,2–0,3 м. Содержит археологический материал виде продуктов расщепления камня и фрагментов керамики.

Слой 3 – серо-желтая мешаная супесь. Плотная, неоднородная, содержит множественные биотурбации. К подошве светлеет и обретает оттенок светло-коричневых тонов. В подошве может содержать корни растений, червячные ходы и землерои, заполненные темно-серой мешанной супесью (слой 3А). Граница с нижележащим

слоем четкая, ясная и проведена по изменению цвета и текстуры, которая в большинстве случаев маркируется делювиальными субгоризонтальными прослоями темно-коричневого суглинка. Залегает на глубине от 0,3 м. Мощность от 0,2 м. Содержит археологический материал виде продуктов расщепления камня.

Слой 4 – лессовидная желтая супесь. Однородная, плотная. В толще наблюдаются субгоризонтальные прослои светло-коричневого суглинка и редкие корни растений. Граница с нижележащим слоем четкая, неясная и проведена по изменению цвета и структуры. Залегает на глубине от 0,5 м. Мощность от 0,5 м.

Слой 5 – серо-желтая карбонизированная лессовидная супесь. Однородная, плотная. В толще наблюдаются субвертикальные трещины, заполненные вышележащим слоем и слоем 3А. Залегает на глубине от 1 м. Мощность до 0,5 м.

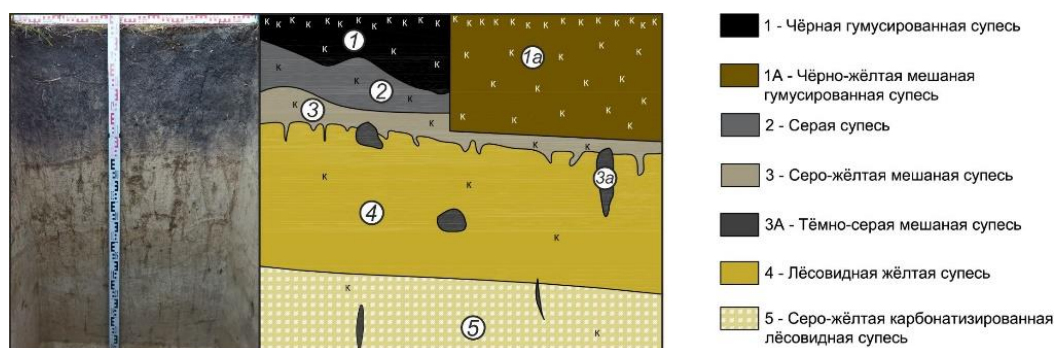

Рис. 5. Визуализация общей стратиграфической ситуации: 1 – черная гумусированная супесь; 1А – черно-желтая мешанная гумусированная супесь; 2 – серая супесь; 3 – серо-желтая мешанная супесь; 3А – темно-серая мешанная супесь; 4 – лессовидная желтая супесь; 5 – серо-желтая карбонизированная супесь; к – корни

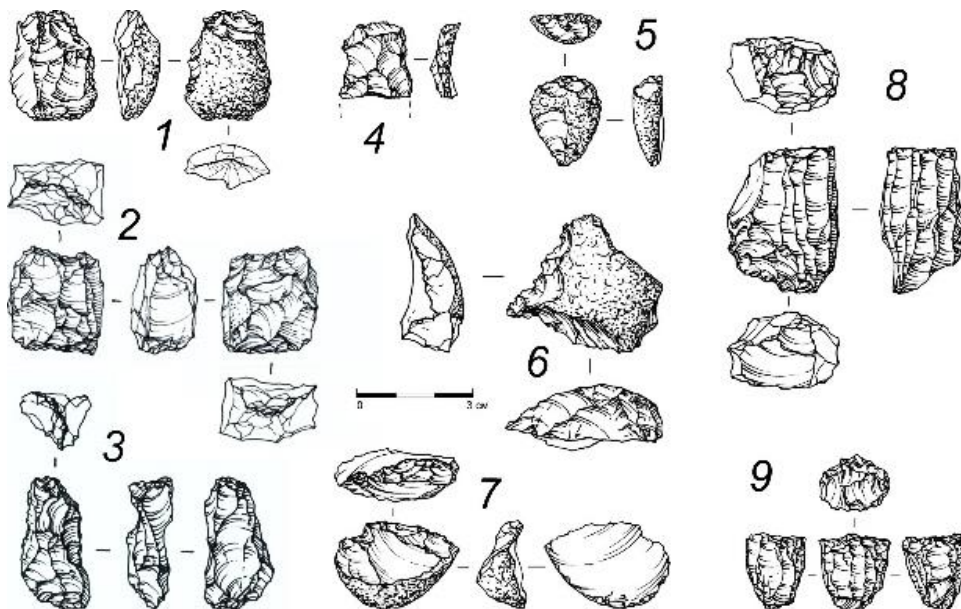

Рис. 6. Предметы каменной индустрии, обнаруженные на Ярском селище в 2022–2023 гг.: 1, 2, 3 – долотовидные орудия; 4 – скребло на латеральном крае дистальной части пластинчатого скола; 5 – «ногтевидный» концевой скребок на отщепе; 6 – шиповидное орудие; 7 – скребло на отщепе; 8 – торцовый нуклеус; 9 – призматический нуклеус

В 6 из 11 шурфов выявлен культурный слой ранее выделяемого на обследуемой территории поселенческого комплекса. Как на «северном», так и на «южном» мысу контекст залегания артефактов аналогич-

ный – культурные остатки приурочены в основном к слою 3, также распространены и в подошве слоя 2, и в кровле слоя 4. Расположение в слое 2 объясняется более поздними турбациями – например, в результате

деятельности землероев, а в кровлю слоя 4 артефакты могли попадать в ходе развития криогенных деформаций. Различия заключаются в глубине залегания и относительной мощности культурного слоя. Так, на «северном» мысу они залегают на глубине 0,2–0,8 м от современной поверхности при мощности слоя до 0,4 м, а на «южном» на глубине 0,14–0,65 м при мощности слоя до 0,51 м.

Всего в ходе проведенной разведки было выявлено 428 артефактов, из которых 390 относятся к изделиям из камня и продуктам его расщепления, 10 к остеологическим останкам, а 28 к фрагментам керамических сосудов. В шурфах с выявленным культурным слоем было обнаружено 374 артефакта, а остальные 54 предмета найдены в экспонированном состоянии на береговой осыпи у Аникина камня. Коллекция каменных артефактов представлена всеми типами полного технологического цикла от сколов декортикации до утилизированных изделий и нуклеусов (рис. 6), в числе которых 18 изделий, из них 8 определяются как долотовидные орудия. Этот тип изделий обнаружен как на «северном», так и на «южном» мысу обследуемого выступа. Каменная индустрия характеризуется полисырьевым составом, в основе которого лежат кремнистые кварциты из русловых отложений р. Томи. Среди фрагментов керамических сосудов, кроме фрагментов описанного выше сосуда, числятся 17 фрагментов от трех разных сосудов, которые были обнаружены в слое 2 в шурфах по северной бровке мысовидного выступа.

В результате проведенной археологической разведки было установлено, что на «северном» и «южном» мысах сохранился культурный слой двух поселенческих комплексов, артефакты из которых обнаруживались здесь и ранее – при обследовании выступа и во время раскопок курганных могильников. Установленный контекст залегания культурных остатков этих комплексов позволил уточнить границы Ярского селища на «северном» мысу и определить границы Шумихинского селища на «южном» мысу (см. рис. 2, 2, 3). Таким образом, были подтверждены ранее высказываемые предположения о наличии поселенческих комплексов на обеих частях обследуемого мысовидного выступа, которые были «перекрыты» более поздними погребальными сооружениями двух курганных могильников – Шумихинского и у Аникина камня. При сопоставлении результатов проведенных полевых исследований 2022–2023 гг. с приведенными выше архивными материалами было предположено, что курганный могильник Аникин камень мог быть исследован неполностью, а его объекты вследствие сильного антропогенного воздействия на данную территорию не выражены в рельефе. Поэтому в настоящее время предполагаемые погребальные объекты могут располагаться в пределах уточненных границ Ярского селища (см. рис. 2, 1).

Обсуждение

Единственным датирующим материалом, полученным при проведении полевых работ в 2023 г., стал фрагментированный керамический сосуд, обнаруженный на бровке осыпи западного склона мысовидного

выступа (см. рис. 3). При извлечении сосуда из осыпи были обнаружены фаланги пальцев взрослого индивида, которые переданы в ЦКП «Геохронология кайнозоя» СО РАН (Новосибирск) для радиоуглеродного анализа. По орнаментальным признакам данный сосуд может быть отнесен к андроновской культуре. В Томском Приобье схожие по форме и оформлению сосуды представлены в коллекциях Еловского II могильника [17. С. 124, 126, 155–157, 161, рис. 181, 185, 235, 237, 239, 244] и Томского могильника на Малом мысе [18. С. 28, рис. 16]. М.Н. Комарова материалы Томского могильника со схожим керамическим комплексом относил к своеобразной и самобытной культуре, синхронной андроновским памятникам [18. С. 27–28]. В.И. Матюшенко и ряд других исследователей причисляли часть комплекса Еловского II могильника к андроновской культуре с оговорками о некоторой своеобразности [19. С. 42; 20]. М.Ф. Косарев рассматривал эти памятники в рамках черноозерско-томского варианта андроновской культуры [21. С. 118]. В свою очередь, И.В. Ковтун классифицирует рассматриваемый культурно-хронологический пласт Томских могильников на Большом и Малом мысах как томский раннеандроноидный комплекс и с учетом новой калибровочной шкалы датирует второй половиной XVI – XV – первой половиной XIV в. до н.э. [22. С. 7–8, 17].

На основании приведенных сведений можно предполагать, что, помимо ранее выделяемого В.И. Матюшенко предметного поселенческого комплекса эпохи поздней бронзы, на мысовидном выступе у Аникина камня может располагаться также комплекс андроновской культуры эпохи бронзы. На это указывает характерное для андроновских могильников расположение насыпей в петляющую «цепочку», которое было документировано здесь А.Д. Гаманом в 1994 г. Также на это указывает наличие антропологического подъемного материала, орнаментированного керамического сосуда и радиолокационных аномалий от заглубленных и невыраженных в современном рельефе объектов в прибровочной части западного склона «северного» мыса у Аникина камня. Помимо этого, в материалах раскопок А.Д. Гамана за 1996 г. обнаруживаются отдельные фрагменты керамических сосудов с характерным орнаментом самусьской культуры, обнаруженные в межкурганном пространстве. Таким образом, за все время исследований на мысу у Аникина камня были обнаружены культурные остатки трех культур эпохи бронзы: самусьской, андроновской, ирменской.

Поиск аналогий долотовидным орудиям приводит к ряду схожих изделий с похожим контекстом залегания на других памятниках эпохи бронзы в Нижнем Притомье. Прежде всего это три долотовидных орудия, обнаруженных в 2022 г. П.Г. Соколовым на поселении Писаная I, которое расположено на бровке надпойменной террасы правого берега р. Томи возле устья р. Писаная в Кузнецкой котловине [23. С. 182, рис. 66]. В научной литературе также встречаются упоминания о «долотах», «долотцах» и других формах ударно-дробящих орудий, однако по описанной морфологии они не имеют ничего общего с обнаруженными на Ярском селище и на поселении Писаная I, прежде всего по той

причине, что обнаруженные орудия по своей функции являются посредниками, а описываемые в литературе в большинстве случаев – самостоятельные орудия, как топор или тесло. Как показывают экспериментальные исследования, об этом свидетельствуют характерные выщербленности по краю орудия, противолежащему рабочему, которые возникают в результате ударов тяжелым предметом сверху [24]. Таким образом, время бытования аналогичных орудий, обнаруженных как на Ярском и Шумихинском селищах, так и в Нижнем Притомье, может быть определено в широких пределах эпохи бронзы, которые в настоящее время соответствуют диапазону с конца III до начала I тыс. до н.э. [1. С. 436–438].

Вместе с тем нет достаточных оснований для исключения версии о том, что долотовидные орудия и другие изделия (см. рис. 6, 4–7), оформленные на сколах, которые получены путем призматического расщепления торцовых и клиновидных нуклеусов (см. рис. 6, 8, 9), не являются артефактами более ранних периодов. Выявленное залегание наиболее мелкоразмерных предметов на периферии и в кровле светло-коричневого суглинка в Нижнем Притомье может объясняться по-разному. В одном случае это наличие более ранней стратиграфической позиции наиболее мелкоразмерных предметов. В другом случае – постседиментационное изменение изначальной позиции вследствие растрескивания древней поверхности в результате иссушения и похолодания климата или активных почвообразовательных процессов, которые могли осуществляться землероями. Все основания для развития этих версий интерпретации имеющихся фактов явно представлены в наблюдаемой стратиграфической ситуации.

Предложенная ранее датировка поселенческого комплекса в широком диапазоне неолита–бронзы [11. С. 75] к настоящему времени не имеет оснований по следующим причинам. Во-первых, в материалах с мыса у Аникина камня отсутствует керамическая посуда с характерным для неолитического периода орнаментом. Во-вторых, состав каменной индустрии, достаточно широко представленной в коллекции 2023 г., не имеет никаких общих черт с известными в регионе индустриями эпохи неолита ни по используемому сырью, ни по технико-типологическим особенностям. В-третьих, геоморфологическая позиция поселений у Аникина камня отличается от типового контекста расположения неолитических стоянок в Нижнем Притомье, для которых характерно расположение на останцах террас в пойме, на бровках первых надпойменных террас [25].

Заключение

На основании приведенных фактов и изложенных точек зрения можно сделать вывод, что путем проведенной археологической разведки было определено обособленное положение поселенческих комплексов на изучаемом участке местности – в пределах уточненных границ территории Ярского селища и определенных границ Шумихинского селища. С помощью топографической съемки была зафиксирована современная ландшафтная ситуация на мысовидном выступе, которая посредством современных средств обработки пространственных данных была сопоставлена с ее состоянием в 1950-е и 1990-е гг. Это позволило локализовать вероятное местоположение насыпей курганного могильника Аникин камень, которые не были изучены раскопками предшествующих исследователей. Обнаруженный сосуд с типичным для андроновской культуры орнаментом, его расположение в «цепочке» насыпей и их невыраженный в рельефе характер указывают на вероятность выделения в сохранившейся части могильника комплекса андроновской культуры эпохи бронзы. Уточнение сведений о местоположении сохранившихся погребальных комплексов будет продолжено при дальнейшем исследовании этих памятников.

Хронологическая атрибуция обследованных поселений, выявленных на них долотовидных орудий и всего предметного комплекса весьма относительно может быть определена в пределах эпохи бронзы с конца III до начала I тыс. до н.э. Культурную принадлежность поселенческих комплексов доказательно определить не представляется возможным ввиду ограниченности источников и отсутствия в распоряжении авторов изученных закрытых объектов. Вместе с тем имеющиеся факты позволяют ограничить допустимые вероятности периодами развитой и поздней бронзы, предметные комплексы которых неоднократно обнаруживались на мысовидном выступе у Аникина камня.

К перспективам дальнейшего изучения обследованных селищ также следует отнести детализацию стратиграфического контекста залегания и статистический анализ технологически значимых признаков предметов каменной индустрии для решения вопроса о наличии или отсутствии в структуре поселенческих комплексов разновременных каменных индустрий, поскольку, как указывалось выше, наблюдаемая стратиграфическая ситуация не позволяет интерпретировать однозначно положение в ней изучаемых артефактов.

Список источников

1. История Сибири : в 4 т. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1: Каменный и бронзовый век / отв. редактор М. В. Шуньков. 660 с.
2. Трухин Г.В. Описание археологических памятников по берегам реки Томи в пределах Томской области // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск : Изд-во ТГПУ, 1952. Т. 9. С. 64–75.
3. Матюшенко В.И. Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории материальной культуры при Томском государственном университете им. В.В. Куйбышева летом 1954 г. Томск, 1955 // Архив МАЭС ТГУ. Д. 132.
4. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды ТОКМ. Томск : Полиграфиздат, 1956. Т. 5. С. 89–316.
5. Плетнева Л.М. Отчет о полевых исследованиях, произведенных летом 1971 г. Археологическим отрядом Проблемной лаборатории истории, этнографии и археологии при Томском университете. Томск, 1972 // Архив МАЭС ТГУ. Д. 499.
6. Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. Ч. 4: Еловско-ирменская культура. 195 с. (Из истории Сибири; вып. 12).

7. Терехин С.А. Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Томского государственного университета в 1989 г. Томск, 1990 // Архив МАЭС ТГУ. Д. 1048.
8. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
9. Гаман А.Д. Отчет об исследованиях археологической экспедиции отдела культуры г. Северска в 1994 году. Северск, 1995 // Архив Инспекции Центра по охране и использованию памятников истории и культуры г. Северска. Д. б.н. 25 л.
10. Гаман А.Д. Полевая документация аварийных раскопок курганного могильника Аникин Камень I в 1995 году. Северск, 1996 // Архив Инспекции Центра по охране и использованию памятников истории и культуры г. Северска. Д. б.н. Тетради 1, 2. 96 л.
11. Гаман А.Д. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Аникин Камень – I в Томском районе Томской области в 1996 г. Северск, 2000 // Архив Инспекции Центра по охране и использованию памятников истории и культуры г. Северска. Д. б.н.
12. Плетнева Л.М., Гаман А.Д. Курганы раннего железного века из могильника Аникин Камень // Археология и этнография Приобья : материалы и исследования. Томск : Изд-во ТГПУ, 2011. С. 64–75.
13. Плетнева Л.М., Гаман А.Д. Погребения VIII–X вв. из могильника Аникин Камень – I // Археология и этнография Приобья : материалы и исследования. Томск : Изд-во ТГПУ, 2009. С. 96–116.
14. Гаман А.Д., Плетнева Л.М. Погребения XI–XIII вв. из курганного могильника Аникин Камень I // След на песке : материалы и исследования по археологии: памяти Андрея Дмитриевича Гамана. Томск : Дельтаплан, 2010. С. 89–316.
15. Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 С. 22–44.
16. Деревнина А.С. Долотовидные изделия финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина) // МНСК-2022 : материалы Междунар. студенческой конф. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2022. С. 9–10.
17. Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. Ч. 2: Доирменский комплексы. 468 с.
18. Комарова М.Н. Томский могильник: памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы исследования по археологии Сибири. М. : Наука, 1952. № 23. С. 7–50.
19. Матюшенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. 151 с. (Из истории Сибири; вып. 11).
20. Мыльников Л.Н., Селин Д.В. Комплекс керамики андроновской культуры Еловского II могильника: морфологический анализ (возможности методики В.Ф. Генинга) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6 (62). С. 114–122.
21. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 282 с.
22. Ковтун В.И. Эпоха перехода от развитой к поздней бронзе в Нижнем Притомье // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2022. № 15. С. 5–41.
23. Соколов П.Г. Отчет о раскопках памятника археологии «Поселение Писаная I» в Яшкинском районе Кемеровской области в 2022 г. Кемерово, 2023 // Архив ГАУК «Кузбасский музей-заповедник “Томская писаница”». Б/н.
24. Харевич А.В., Харевич В.М., Федорченко А.Ю., Колобова К.А. Экспериментальный анализ долотовидных изделий из верхнепалеолитических комплексов Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, Филология. 2021. Т. 20, № 5. С. 55–68.
25. Бычков Д.А. Ландшафтно-топографические особенности расположения археологических памятников на территории Томско-Нарымского Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 180–191.

References

1. Shunkov, M.V. (ed.) (2022) *Istoriya Sibiri: v 4 t.* [History of Siberia: in 4 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS.
2. Trukhin, G.V. (1952) *Opisanie arkhologicheskikh pamyatnikov po beregam reki Tomi v predelakh Tomskoy oblasti* [A description of archaeological sites along the banks of the Tom River within the Tomsk region]. In: *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of Tomsk State Pedagogical Institute]. Vol. 9. Tomsk: TSPU. pp. 64–75.
3. Matyushchenko, V.I. (1955) *Otchet o rabote arkhologicheskoy ekspeditsii Muzeya istorii material'noy kul'tury pri Tomskom gosudarstvennom uni-versitete im. V.V. Kuybysheva letom 1954 g. Tomsk, 1955* [Report on the work of the archaeological expedition of the Museum of the History of Material Culture at V.V. Kuibyshev Tomsk State University in the summer of 1954. Tomsk, 1955]. The Archive of MAES TSU. File 132.
4. Dulzon, A.P. (1956) *Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arkhologicheskoy karte Srednego Priob'ya)* [Archaeological monuments of the Tomsk region (materials for the archaeological map of the Middle Ob region)]. *Trudy TOKM.* 5. pp. 89–316.
5. Pletneva, L.M. (1972) *Otchet o polevykh issledovaniyakh, proizvedennykh letom 1971 g. Arkheologicheskim otryadom Problemnoy laboratorii istorii, etnografii i arkhologii pri Tomskom universitete. Tomsk, 1972* [Report on field research conducted in the summer of 1971 by the Archaeological team of the Problem Laboratory of History, Ethnography and Archaeology at Tomsk University. Tomsk, 1972]. The Archive of MAES TSU. File 499.
6. Matyushchenko, V.I. (1974) *Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek)* [Ancient history of the population of the forest and forest-steppe Ob region (Neolithic and Bronze Age)]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.
7. Terekhin, S.A. (1990) *Otchet o polevykh issledovaniyakh arkhologicheskoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v 1989 g. Tomsk, 1990* [Report on field research of the archaeological expedition of Tomsk State University in 1989. Tomsk, 1990]. The Archive of MAES TSU. File 1048.
8. Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [The Archaeological Map of the Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
9. Gaman, A.D. (1995) *Otchet ob issledovaniyakh arkhologicheskoy ekspeditsii otдела kul'tury g. Severska v 1994 godu. Seversk, 1995* [Report on research of the archaeological expedition of the Department of Culture of the city of Seversk in 1994. Seversk, 1995]. The Archive of the Inspection of the Center for the Protection and Use of Historical and Cultural Monuments of the city of Seversk. No ref.
10. Gaman, A.D. (1996) *Polevaya dokumentatsiya avariynykh raskopok kurgannogo mogil'nika Anikin Kamen' I v 1995 godu. Seversk, 1996* [Field documentation of emergency excavations of the burial mound Anikin Kamen I in 1995. Seversk, 1996]. The Archive of the Inspection of the Center for the Protection and Use of Historical and Cultural Monuments of the city of Seversk. No ref. Books 1, 2.
11. Gaman, A.D. (2000) *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh kurgannogo mogil'nika Anikin Kamen' – I v Tomskom rayone Tomskoy oblasti v 1996 g. Seversk, 2000* [Report on archaeological research of the burial mound Anikin Kamen – I in the Tomsk District of the Tomsk Region in 1996. Seversk, 2000]. The Archive of the Inspection of the Center for the Protection and Use of Historical and Cultural Monuments of the city of Seversk. No ref.
12. Pletneva, L.M. & Gaman, A.D. (2011) *Kurgany rannego zheleznoogo veka iz mogil'nika Anikin kamen'* [Early Iron Age burial mounds from the Anikin Kamen burial mound]. In: Pletneva, L.M. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya: materialy i issledovaniya* [Archeology and Ethnography of the Ob Region: Materials and Studies]. Tomsk: TSPU. pp. 64–75.
13. Pletneva, L.M. & Gaman, A.D. (2009) *Pogrebeniya VIII–X vv. iz mogil'nika Anikin kamen' – I* [Burials of the 8th–10th centuries from the Anikin Kamen I burial mound]. In: Pletneva, L.M. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya: materialy i issledovaniya* [Archeology and Ethnography of the Ob Region: Materials and Studies]. Tomsk: TSPU. pp. 96–116.
14. Gaman, A.D. & Pletneva, L.M. (2010) *Pogrebeniya XI–XIII vv. iz kurgannogo mogil'nika Anikin kamen' I* [Burials of the 11th–13th centuries from the Anikin Kamen I burial mound]. In: *Sled na peske: materialy i issledovaniya po arkhologii: pamyati Andrey Dmitrievicha Gamana* [Trace in the Sand: Materials and Research on Archaeology: In Memory of Andrei Dmitrievich Gaman]. Tomsk: Del'taplan. pp. 89–316.

15. Zenin, V.N. (2002) Osnovnye etapy osvoeniya Zapadno-Sibirskoy ravniny paleoliticheskim chelovekom [The main stages of the development of the West Siberian Plain by Paleolithic man]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4 pp. 22–44.
16. Derevnina, A.S. (2022) Dolotovidnye izdeliya final'noverkhnepaleoliticheskogo kul'turnogo gorizonta poseleniya Taylep-2 (Kuznetskaya kotlovina) [Chisel-shaped products of the final Upper Paleolithic cultural horizon of the Taylep-2 settlement (Kuznetsk Basin)]. *MNSK-2022. Proc. of the International Conference*. Novosibirsk: NSU. pp. 9–10.
17. Matyushchenko, V.I. (2004) *Elovskiy arkheologicheskiy kompleks* [The Elovsky archaeological complex]. Vol. 2. Omsk: OSU.
18. Komarova, M.N. (1952) Tomskiy mogil'nik: pamyatnik istorii drevnikh plemen lesnoy polosy Zapadnoy Sibiri [Tomsk burial mound: A historical monument of ancient tribes of the forest belt of Western Siberia]. *Materialy issledovaniya po arkheologii Sibiri*. 23. pp. 7–50.
19. Matyushchenko, V.I. (1973) *Drevnyaya istoriya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya* [Ancient history of the forest and forest-steppe Ob region]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
20. Mylnikova, L.N. & Selin, D.V. (2015) Kompleks keramiki andronovskoy kul'tury Elovskogo II mogil'nika: morfologicheskiy analiz (vozmozhnosti metodiki V.F. Geninga) [Andronovo culture ceramics complex of the Elovsky II burial ground: The morphological analysis (possibilities of V.F. Gening's methodology)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2-6 (62). pp. 114–122.
21. Kosarev, M.F. (1981) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Bronze Age of Western Siberia]. Moscow: Nauka.
22. Kovtun, V.I. (2022) Epokha perekhoda ot razvitoi k pozdney bronze v Nizhnem Pritom'e [The era of transition from developed to late bronze in the Lower Tomsk region]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"*. 15. pp. 5–41.
23. Sokolov, P.G. (2023) *Ochet o raskopkakh pamyatnika arkheologii "Poselenie Pisanaya I" v Yashkinskom rayone Kemerovskoy oblasti v 2022 g. Kemerovo, 2023* [Report on the excavations of the archaeological site "Pisanaya I Settlement" in the Yashkinsky District of the Kemerovo Region in 2022. Kemerovo, 2023]. The Archive of the State Autonomous Cultural Institution Kuzbass Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa." No ref.
24. Kharevich, A.V., Kharevich, V.M., Fedorchenko, A.Yu. & Kolobova, K.A. (2021) Eksperimental'nyy analiz dolotovidnykh izdeliy iz verkhnepaleoliticheskikh kompleksov Tsentral'noy Azii [An experimental analysis of chisel-shaped products from the Upper Paleolithic complexes of Central Asia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, Filologiya*. 20(5). pp. 55–68.
25. Bychkov, D.A. (2022) Landscape-topographical features of the location of archaeological sites in the Tomsk- Naryn Ob region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 180–191. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/76/21

Сведения об авторах:

Бычков Дмитрий Александрович – младший научный сотрудник отдела спасательных археологических работ Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Деманов Иван Алексеевич – лаборант отдела спасательных археологических работ Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: asus2000xp@yandex.ru

Попова Богдана Станиславовна – аспирант кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

Рацык Кристина Сергеевна – студент Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: racykkristina00@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0004-2209-4391>

Мальцев Владимир Андреевич – лаборант Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vova.malcev.02@list.ru

Ревединский Владислав Сергеевич – студент Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vlad.redic@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bychkov Dmitry A. – Junior Researcher at the Department of Rescue Archaeological Works of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Demanov Ivan A. – laboratory assistant at the Department of Rescue Archaeological Works of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: asus2000xp@yandex.ru

Popova Bogdana S. – Graduate Student of the Department of Archaeology and Historical Local Lore at Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

Ratsyk Kristina S. – Student of Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: racykkristina00@gmail.com

Maltsev Vladimir A. – Laboratory Assistant at the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Siberia Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vova.malcev.02@list.ru

Revedinsky Vladislav S. – Student at Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vlad.redic@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 17.05.2024; accepted for publication 01.07.2024

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья

УДК 364.1

doi: 10.17223/19988613/90/22

Алгоритмы институционализации инклюзии в рамках Большого университета г. Томска

Валентина Ивановна Зиновьева¹, Максим Валерьевич Берсенева²

^{1,2} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

¹ valentina.zinoviyeva@gmail.com

² m.bersenev@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются основные моменты институционализации инклюзии в рамках Большого университета г. Томска: безбарьерная среда, удобство пользования сайтами и получения услуг от ключевых служб вуза, институционализация службы сопровождения лиц с инвалидностью. Авторы опирались на требования законодательства об инклюзивном образовании в Российской Федерации. Выделено пять основных моделей инклюзии, три из которых мы можем признать оптимальными и рекомендовать для распространения в вузах других городов России. Сформулирована нормативная модель инклюзии.

Ключевые слова: институционализация инклюзии, студенты с инвалидностью, дескриптивные модели

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0013.

Для цитирования: Зиновьева В.И., Берсенева М.В. Алгоритмы институционализации инклюзии в рамках Большого университета г. Томска // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 198–206. doi: 10.17223/19988613/90/22

Original article

Algorithms for the Institutionalization of Inclusion within the Framework of the Big University of Tomsk

Valentina I. Zinovieva¹, Maxim V. Bersenev²

^{1,2} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

¹ valentina.zinoviyeva@gmail.com

² m.bersenev@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to characterize the development of inclusive education and to identify algorithms for the institutionalization of inclusion on the example of the Big University of Tomsk. The analysis was carried out by studying websites, checking the work of admissions committees, conducting interviews and sociological surveys, “test purchases” with the participation of persons with disabilities, as well as studying the architectural accessibility of individual university buildings. The authors are guided by legal obligations related to the organization of inclusive education in universities of the Russian Federation. The authors have identified five models of inclusion, differing in the level of institutionalization, the degree of interactivity of the work of admissions committees, and the architectural accessibility of education for students with limited mobility. Three of these models, combining their best features, can become a normative model of inclusion; two of them are applicable only in cases where a university trains specialists who are unable to perform their functions due to disability. Nobody has carried out such large-scale and detailed studies of inclusion in all major universities in the city before. Based on the results of the study, the authors have drawn a conclusion about what the normative model of inclusion should be. This model consists of: the most accessible barrier-free environment; an institutionalized support service for people with disabilities, which has connections with all structural divisions; documents regulating the support of students with disabilities posted on the university website; a website accessible primarily for the blind. It is imperative to conduct advanced training courses for university employees on this topic. Also, the authors show the restrictions that are imposed

on the process of its formation in various universities in Tomsk. The article is useful for teachers and university administrations, who should take part in creating an inclusive eco-environment in each of the universities in Russia. The results of the article and research methods can be used to study the state of inclusion in universities in other cities.

Keywords: institutionalization of inclusion, students with disabilities, descriptive models

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task "Science" FEWM-2023-0013.

For citation: Zinovieva, V.I., Bersenev, M.V. (2024) Algorithms for the Institutionalization of Inclusion within the Framework of the Big University of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 198–206. doi: 10.17223/19988613/90/22

Введение

Задачи общественной консолидации, которые поставлены перед страной в связи с переходом от глобализма к фрагментации и собственному развитию России как определенной общественной системы требуют совершенствования управления образованием, в том числе высшей школой. Как известно, с 2019 г. в Томске реализуется беспрецедентный проект создания консорциума научно-образовательных и научных организаций на базе семи университетов и семи НИИ при полном сохранении их юридической самостоятельности. По 13 направлениям развития сотрудничества созданы рабочие группы, происходит выстраивание экосистем. Одним из факторов этого процесса в образовательном пространстве выступает инклюзивное образование как вопрос включения, выравнивания прав и развития потенциала лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Пока еще совместное сотрудничество вузов в рамках Большого университета в данной сфере не налажено.

Проблемы и аналитические оценки инклюзивного процесса в пространстве высшей школы являются предметом рассмотрения в многочисленных публикациях. Наиболее полно философские, культурологические и психологические основы инклюзивного образования исследованы в коллективной монографии «Психолого-педагогические основы инклюзивного образования» под редакцией С.В. Алехиной [1].

Современным трендом инклюзии, на который обращают особое внимание, является тема формирования инклюзивной культуры как понятия, политики, а также практики какой-либо организации или образовательного учреждения [2].

Ряд авторов продолжают рассматривать инклюзивное образование как прогрессивное новшество, пришедшее на смену дефектологическому подходу, который изолировал обучение учащихся с инвалидностью от общества [3]. Статьи Э.К. Наберушкиной и Е.Р. Мирзаевой посвящены актуальным проблемам инклюзивной политики и культуры, анализу современных тенденций в системе образования, утверждению принципа инклюзии [4, 5]. Другие исследователи признают необходимость «смешанной системы обучения в инклюзивном пространстве учебного заведения» [6]. Авторы данной статьи рассматривают дефектологический подход в обучении как архетип, имеющий ресурс развития на этапе инклюзии.

Вопросы организации профессионального сопровождения студентов на базе ресурсов Центра инклюзивного

образования вуза рассматриваются в статье О.И. Герасимовой и В.А. Тарутиной [7]. Развитие любого масштабного процесса, в том числе инклюзивного образования, в территориальном отношении и с точки зрения его собственной логики осуществляется неравномерно. Какие-то образовательные учреждения получают преференции, для других характерно инерционное развитие.

Цель данной статьи – дать характеристику развития инклюзивного образования, выявить алгоритмы институционализации инклюзии на примере Большого университета г. Томска.

Методы

Методологическим подходом в рамках понимания данного процесса стала системная теория. Университеты как самоорганизующиеся системы в межсистемном (образовательном) пространстве находятся в фазе видоизменения в связи с проектом Большого университета. Любая система стремится к иерархии, что придает ей устойчивость. Образовательное пространство – это инфраструктура и система взаимоотношений. В этом пространстве в настоящее время идет переход от группового авторитарного типа взаимодействия «студент–университет», характерного для современной массовой подготовки специалистов с высшим образованием, к «групповому принимающему», для которого главное – реальное включение не только на принципах равенства, но и с учетом индивидуальной траектории, потенциала каждого [8. С. 14, 19].

На основании нормативных актов мы провели мониторинг состояния инклюзии в шести вузах Томска. Были изучены сайты организаций, проведены интервью с представителями профессорско-педагогического корпуса, а также «контрольные закупки»: лица с инвалидностью писали, звонили и приходили в вузы и спрашивали, как им начать в них учиться, при этом фиксировались профессиональность ответов и общие навыки общения с инвалидами. На основании нормативных актов были выделены параметры безбарьерной архитектурной среды и в ряде корпусов каждого вуза проведена проверка соответствия этим нормативным актам.

Результаты

Университеты как самоорганизующиеся системы создают общее образовательное пространство высшей школы. При этом любая из систем обладает одними и теми же общими свойствами и развивается по пример-

но одинаковым законам. Следовательно, системный взгляд на проблемы инклюзивного образования дает понимание той бифуркации, в ходе которой формируются системная сложность и качественные изменения в образовательном пространстве высшей школы.

Наиболее актуальной темой и основой для общего сотрудничества в вопросах инклюзии на настоящем этапе является завершение процесса институционализации в самих вузах, а затем в масштабе Большого университета. Известно, что институционализация – это процесс и результат процесса, при котором действия становятся упорядоченными и образуются устойчивые социальные структуры. Вертикальные структуры координации и управления процессом инклюзии были созданы в России еще в 2017 г., когда на основе постановления Министерства науки и высшего образования учреждались региональные учебно-методические центры (РУМЦы) [9], каждый из которых создавал свою сеть и осуществлял координацию посредством разработки «дорожных карт», развития инклюзивного добровольчества, повышения квалификации кадров, организации конкурсов, форумов, ежегодных мониторингов и т.д. Этот несомненно положительный опыт решает только часть задач, тогда как сопровождение студентов с инвалидностью и ОВЗ – это конкретная практико-ориентированная и технологически организационная деятельность, составляющая сущность процесса инклюзии. Для ее реализации необходимо формировать горизонтальные связи как в отдельных вузах, так и в системном пространстве Большого университета. Горизонтальные связи:

- 1) Центр сопровождения (далее – Центр) – деканаты – студенты с инвалидностью и ОВЗ – волонтеры;
- 2) в интернет-пространстве: Центр – социальная сеть – студенты целевой группы;
- 3) центры сопровождения в вузах – рабочая группа инклюзивного образования в рамках Большого университета.

В каждом вузе имеется своя целевая группа инклюзии. Нормативная основа ее выделения – законы РФ «О социальной защите инвалидов» (ФЗ-181) [10], «Об образовании в РФ» (ФЗ-273) [11] в части ст. 79 относительно специальных условий обучения лиц с инвалидностью и ОВЗ. Такие студенты образуют целевую группу инклюзии. Внутри этой группы есть лица с инвалидностью, которую определяют комиссии медико-социальной экспертизы (МСЭ). Право поступления в вуз на внеконкурсной основе предоставляется инвалидам I, II групп, категории ребенок-инвалид, а также инвалидам III группы при условии, что имеется медицинское свидетельство об инвалидности с детства. Кроме того, в их число входит категория учащихся, которая сформировалась в соответствии с федеральным законом от 30 июня 2007 г. (ФЗ-120) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12], согласно которому употребляемые в нормативных правовых актах слова «с отклонениями в развитии» были заменены термином «ограниченные возможности здоровья, на основании чего было введено в действие понятие «лицо с ограниченными возможностями здоровья». Как правило, этот статус устанавливается

детям еще на школьной скамье в случае отклонений психического характера психолого-медико-педагогическими комиссиями субъектов РФ, действующими на территории районов и поселений. Такие абитуриенты поступают в вуз на конкурсной основе, но имеют право на специальные условия обучения, как и лица с инвалидностью.

В число специальных условий обучения согласно ст. 79 ФЗ-273 входит предоставление адаптированных образовательных программ по направлениям подготовки, индивидуального плана обучения, помощи ассистента в преодолении трудностей обучения. Адаптированные образовательные программы и индивидуальный план обучения не исключают какие-либо дисциплины из учебного плана, но предусматривают особенности нозологий, перенесение срока сдачи зачетов и экзаменов в зависимости от состояния самого студента-инвалида, предоставление методической литературы, пособий. Виды помощи ассистента (сопроводителя) студенту с ограниченными возможностями не регламентируются какими-то условиями.

Инклюзивное образование основывается, по мнению Э.К. Наберушкиной, на трех основных блоках: инфраструктурном (безбарьерная среда), образовательном и социокультурном [13]. На настоящем этапе развития в томских вузах сложились свои дескриптивные (т.е. реально существующие на практике) модели.

Имея информацию об особенностях вузовской среды, мы можем сопоставить дескриптивные модели инклюзии, характерные для различных вузов Томска. Хотя вузов в Томске шесть, таких моделей можно выделить всего пять. Эти модели мы продемонстрируем ниже. Для сбора информации для этих моделей были проведены скрининг электронных ресурсов, контрольная закупка услуг приемной комиссии по различным каналам связи, анализ сайтов и локальной базы, содержащейся на этих сайтах, а также с привлечением людей с инвалидностью было опробовано удобство передвижения по основным корпусам вузов.

Следует начать с анализа модели инклюзии, существующей в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). В этом вузе проблемы инклюзии разрабатываются давно и непрерывно, изучен опыт инклюзии зарубежных вузов, достигнут наибольший уровень институционализации (процесс и результат процесса, когда действия становятся упорядоченными и образуются устойчивые социальные структуры) в деле сопровождения студентов с инвалидностью.

В ТУСУРе существует Центр доступности образования, в задачи которого входят как непосредственное сопровождение студентов с инвалидностью (получение информации об их нуждах, установление контактов с должностными лицами, разбор конфликтов с преподавателями), так и участие в разработке локальных нормативных документов, связанных с жизнью и учебой студентов с особыми потребностями. Существование такого Центра, который, по сути, выполняет функцию обработки всей информации вуза, касающейся студентов с инвалидностью, значительно облегчает задачу сопровождения таких студентов, сокращает вре-

мья ответа при решении проблем, способствует продвижению идей инклюзии в вузе.

Элемент «приемная комиссия» успешно отработал почти все обращения «абитуриентов» в рамках контрольной закупки (почти – потому что ответ на бумажное письмо получен так и не был). Сотрудники комиссии дают ответы на вопросы абитуриентов в соответствии с Правилами приема, при возникновении трудных вопросов привлекают к разговору директора Центра доступности образования. Проблем с коммуникацией не возникло, на сайте ТУСУРа информация для инвалидов есть в достаточно большом объеме, хотя и не во всем и не всегда структурированная. Физическую доступность приемной комиссии (расположена на первом этаже, без лестниц, недалеко от входа) также можно отнести к плюсам данной модели.

Нормативное обеспечение ТУСУРа по вопросам студентов с инвалидностью, по сути, закрывает все вопросы существования таких студентов в вузе, является актуальным. Центр доступности образования своевременно реагирует на изменения в федеральном законодательстве и выступает с инициативой по внесению изменений в локальную нормативную базу.

Сайт вуза как один из способов получения информации студентом с инвалидностью работает хорошо. Информацию о студентах с инвалидностью можно легко найти, так как в отдельном разделе собраны все документы, касающиеся обучения людей с ограниченными возможностями, содержатся сведения о доступности зданий, есть контакты лиц, к которым можно обратиться за помощью. Это очень упрощает жизнь студентов с инвалидностью.

Архитектурная среда ТУСУРа является сравнительно доступной, хотя и не без недостатков. Один корпус оснащен всеми элементами такой среды, остальные – в разной степени, но возможность доступа на все этажи здания у инвалидов есть.

Мы можем сделать вывод, что инклюзия в ТУСУРе развивается по типу институционализации как социально-коммуникативная модель. Не все проблемы решены, однако благодаря существованию Центра доступности образования и выстроенным с ним коммуникациям всех служб вуза возникающие проблемы в целом эффективно решаются. Центр способствует модернизации локальной правовой базы, а также информационному продвижению идей инклюзии во внутривузовском сообществе. В условиях нашего общества, где еще далеко не все в порядке с обеспечением равных прав лиц с инвалидностью, эта система является, на наш взгляд, оптимальной.

Не менее интересную модель представляет и Томский государственный педагогический университет (ТГПУ). Здесь нет особого подразделения, отвечающего за сопровождение студентов с инвалидностью, однако ряд должностных лиц принимают на себя эти обязанности и решают эти проблемы. Хотя можно сказать, что это такая же система, что и в ТУСУРе, но институционализация инклюзии здесь как бы «рассеянная», нет единого органа по работе с инвалидами, что иногда затрудняет коммуникацию для абитуриентов и студентов с инвалидностью. На сайте не указаны

координаты специалистов по работе с лицами с ограниченными возможностями, поэтому абитуриенты попадают в затруднительную ситуацию, если хотят получить исчерпывающую информацию на сайте. Однако после попадания в вуз они могут рассчитывать на поддержку.

Педагогический университет обладает педагогами-специалистами с особой компетенцией – дефектологами, кроме того, его особенностью является присутствие штатных сотрудников-сурдопереводчиков и хорошей базы для обучения глухих студентов. Это предопределяет значительное присутствие среди его студентов представителей данной нозологии. Другие нозологии представлены сравнительно реже.

На сайте нет отдельных рекомендаций и списка льгот для студентов с инвалидностью, информация обо всех льготниках дается в одном информационном блоке. Сайт не приспособлен для слепых, программе экранного доступа сложно получить от него информацию. Форма обратной связи, как и связь по электронной почте, не работает (достаточно долгое время никто не написал ответ на наш запрос). Как и в других вузах, не работает обратная связь через бумажную почту. Единственным способом общения, доступным для абитуриента с инвалидностью, остается телефонная связь. В приемной комиссии есть специалист по инвалидам, однако он дает комментарии только о том, как у инвалидов принимаются экзамены. Визит в университет для контрольной закупки дал неожиданные выводы в виде информационного шума (представитель вахты, помогавший доставить нашего закупщика на этаж, на котором находится приемная комиссия, заявил, что все места в ТГПУ платные, что, конечно же, не соответствует действительности). Общение с представителем приемной комиссии осуществлялось в коридоре, что было некомфортно для нашего «абитуриента».

Сайт как способ получения информации от вуза, содержит отдельную страницу об обучении лиц с инвалидностью. Он обладает как достоинствами, так и недостатками. Из достоинств выделим возможность оставить заявку на услуги сурдопереводчика. Также опубликована большая часть документов, касающихся поступления и обучения студента с инвалидностью в вузе. Однако он не приспособлен для чтения программами экранного доступа (для слепых), отсутствуют контакты и упоминания о конкретных лицах, работающих в вузе со студентами-инвалидами.

Архитектурная среда практически недоступна для студентов с трудностями в передвижении. Так, главный корпус для них практически недоступен, другой изучавшийся нами корпус доступен частично и только при сопровождении инвалида другим лицом.

Таким образом, можно определить данный подход как коррекционно-инклюзивную модель. Внутри вуза существует обучение студентов с инвалидностью, представители вуза с гордостью говорят об этом, особенно вуз ориентирован на обучение студентов с дефектами слуха, есть специалисты по дефектологии.

Изначально абитуриент остается один на один с системой, которая не идет ему навстречу. Однако посту-

пив, он может обнаружить, что все не так плохо, в вузе ему готовы помогать, особенно если он обладает нозологией, понятной профессионалам данного вуза. Это не оптимальная, но вполне рабочая модель, поскольку мы не можем не согласиться, что для обучения в вузе человек должен проявить характер и преодолевать трудности.

Еще одну модель представляет Томский политехнический университет (ТПУ), где давно проводится работа по сопровождению студентов с инвалидностью и когда-то выполнялись научно-исследовательские проекты по этой тематике.

В вузе существует подразделение, ответственное за работу с инвалидами (Центр социальной работы), однако наряду с этой работой данный Центр осуществляет сопровождение и других студентов, нуждающихся в помощи (малоимущих и т.д.). Сопровождение студентов с инвалидностью возложено на руководителя Центра, отдельной должности для работы с инвалидами в Центре нет. С учетом того, что ТПУ – один из двух крупнейших по количеству студентов вузов Томска, становится понятно, что работу по сопровождению студентов с инвалидностью необходимо проводить более детально.

На сайте ТПУ мы нашли сведения только об условиях обучения уже поступивших студентов. В других вузах принято публиковать отдельную выдержку из правил приема, что упрощает взаимодействие инвалида с сайтом. Здесь отсутствует возможность задать вопросы по форме обратной связи, т.е. по электронной и бумажной почте ответа получено не было.

Сайт вуза недостаточно доступен для слепых. Гораздо труднее, чем в предыдущих случаях, найти ссылку на информацию о сопровождении студентов с инвалидностью. Функционал Центра социальной работы для решения проблем инвалидов практически не разъясняется, сама страница Центра содержит минимум информации. Тем не менее на сайте есть полная и актуальная информация об архитектурной доступности различных корпусов вуза.

В нормативной базе ТПУ не обнаружено документов, регламентирующих обучение студентов с инвалидностью, нет инструкций для персонала, не указан функционал лица, работающего с инвалидами. Нормативная база разработана фрагментарно и не покрывает все аспекты обучения людей с ограниченными возможностями.

Лучше, чем у некоторых вузов, обстоят дела с архитектурной доступностью. Частично доступен главный корпус, полностью доступна библиотека ТПУ – не только вузовский, но и общегородской культурный объект.

В лице Томского политехнического университета мы наблюдаем архитектурную модель. Попытки внедрения инклюзии там предпринимались ранее, чем в других вузах, поэтому особое внимание было обращено на инфраструктурную доступность. Студент с инвалидностью способен самостоятельно перемещаться по многим корпусам вуза. Предполагается, что, поступив в университет, такой студент будет обучаться совместно с группой, и группа в случае возникновения

проблем поможет ему. Однако это возможно не всегда. Тем не менее архитектурная доступность – также и самая дорогая составляющая инклюзивной среды, поэтому мы полагаем, что и такая модель интересна для изучения.

Томский государственный университет (ТГУ) – старейший университет не только Томска, но и всей Сибири. В нем учится наибольшее число студентов, обучение здесь считается наиболее престижным. Ответственность за работу с инвалидами возложена на проректора по социальным вопросам, у него есть сотрудник, отвечающий именно за этот блок вопросов. Однако за этим сотрудником нет никакой структуры, и не установлены его функции. В основном такой сотрудник отвечает за отчетность, а на момент взятия у него интервью он еще только приступал к обязанностям и ответить на вопросы предметно не мог. Второй сотрудник, неформально занимающийся проблемами студентов с инвалидностью (это связано с темой его научной работы), не обладает никакими полномочиями. Была предпринята попытка установить с ним контакт и попытаться продвинуть идею институционализации службы сопровождения инвалидов в ТГУ, но она была безуспешной. Таким образом, проблемы инвалидов решаются от случая к случаю на конкретных кафедрах или факультетах.

На сайте не существует отдельной рубрики для абитуриентов с ограниченными возможностями. В информации о поступлении для таких лиц дано очень мало информации, им предлагается изучать правила приема. Сотрудники вуза оперативно отвечают через форму обратной связи, однако по существу вопроса ответа не последовало. Ответ на вопросы, заданные через электронную почту, поступил также оперативно, однако в нем перечислялись в основном положения нормативных документов вуза без ответа на вопросы, интересующие конкретного человека.

Нормативное обеспечение, касающееся обучения инвалидов в университете, представлено фрагментарно, из него невозможно понять, кто и за что отвечает по вопросам инклюзии. Архитектурную среду можно определить как в основном недоступную или частично доступную для лиц с инвалидностью. В частности, полностью недоступен оказался главный корпус вуза.

Сайт вуза недоступен для слепых, содержит фрагментарную информацию об условиях обучения студентов с инвалидностью, никакой информации о должностных лицах или структурах, выполняющих сопровождение таких студентов, не найдено. Мы можем сделать вывод, что имеем дело с моделью абсентеизма. Инвалид в рамках такой модели может получить значительное количество информации об обучении, ему создадут условия для поступления согласно законодательству Российской Федерации. Однако в дальнейшем помощь ему будет оказываться на уровне отдельных факультетов. Структуры, которая объединяла бы эти усилия и выстраивала коммуникацию между различными подразделениями вуза, нет. Сопровождение хотя и осуществляется, но на уровне неформальных связей, лицом, которое не обязано осуществлять это сопровождение и делает это бесплатно, из научного интереса.

Далее был обобщен опыт последних в нашем исследовании двух вузов Томска – Сибирского государственного медицинского университета (СибГМУ) и Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ). Большая часть специальностей этих вузов не рассчитана на обучение инвалидов в силу своей специфики – тяжелая работа, требующая использования органов чувств и конечностей. В данных университетах нет структур, отвечающих за сопровождение студентов с инвалидностью. Эта задача возложена на проректоров, но в их ведении находится гораздо более широкий круг вопросов. Безбарьерная архитектурная среда этих вузов развита слабо, человеку с проблемами мобильности передвигаться в их стенах будет очень сложно. Локальная нормативная база в общем плане соответствует законодательству, на сайтах присутствуют только сведения о работе с абитуриентами с инвалидностью. Варианты контактов через форму обратной связи и электронную почту не сработали. Ответов на письма, отправленные бумажной почтой, также не было получено. В телефонных разговорах и при личной встрече было отмечено, что студент с инвалидностью, хотя и имеет все права на поступление, учиться, скорее всего, не сможет. На сайтах в основном освещены только вопросы поступления, но не обучения студентов с инвалидностью.

Отдельно отметим, что при СибГМУ работает колледж, который обеспечивает средним профессиональным образованием, но по нозологиям – только слепых и слабовидящих. Возможностей поступления на направления подготовки высшего образования в эти вузы у лиц с инвалидностью практически нет.

Такая модель может быть названа формальной: формально существуют все возможности для обучения, фактически же должностные лица вузов, предполагая, что на большую часть их специальностей лица с инвалидностью не пойдут, не предпринимают попыток по развитию инклюзии. Студент, попадающий в такие вузы, имеет возможность поступить, но далее его обучение может быть связано со значительным количеством сложностей: отсутствие необходимой структуры, малая информативность сайтов, слишком высокое положение и занятость лица, которое в вузе отвечает за данные вопросы. Тем не менее мы не можем не отметить, что в этих вузах такие должности появились недавно, возможно, мы наблюдаем за началом тренда, который приведет к созданию настоящей полноценной инклюзивной среды. С другой стороны, в высказываниях представителей вузов есть доля правды: не всякая специальность будет доступна инвалиду, даже если он получит высшее образование.

Таким образом, мы видим, что существует – условно – пять моделей инклюзии. Три первых названных нами модели, не являясь идеальными, могут, дополняя друг друга, развиваться в нормативную модель. Достоинство ТУСУРа – высокий уровень институционализации, развитая благодаря Центру доступности образования коммуникация по вопросам проблем инвалидности, индивидуальный подход к каждому студенту. Достоинство ТГПУ – существование школы дефектологов и возможность предоставления помощи сурдоперевод-

чиков. Достоинство ТПУ – относительно развитая безбарьерная среда. Объединение этих трех достоинств в одной модели может помочь сформировать нормативную модель саморазвивающейся, самоорганизующейся системы инклюзии в высшем учебном заведении.

При этом не следует отбрасывать и опыт остальных вузов. Формальная модель необходима, так как все вузы обязаны обеспечивать равенство поступления и обучения абитуриентов и студентов с инвалидностью. Однако даже если довести до совершенства механизм приема и обучения людей с инвалидностью на специальностях, по которым они затем не смогут работать из-за своих ограничений, это будет пустая трата государственных денег и времени молодых людей. Вопрос о том, как справляться с такой ситуацией, не имеет однозначного ответа, в различных странах мира его решают по-разному. И мы должны признать, что в ряде случаев, по крайней мере в ближайшее время, некоторые специальности вынуждены будут ограничиться формальной моделью. Единственный вариант ее оптимизации – введение в состав приемной комиссии психолога, который мог бы убедить человека выбрать другую специальность, которая подойдет ему, когда он закончит обучение.

Исследования уровня социальной эксклюзии, проведенные в 2023 г., показали, что наиболее комфортно студенты чувствуют себя в ТГАСУ, на втором месте ТУСУР, а на последнем – ТГПУ, но это может быть связано не только с атмосферой, существующей в вузе, но и с разным уровнем требований. Иными словами, не всегда комфортное существование студентов вуза гарантирует высокий уровень подготовки, хотя некоторая взаимосвязь, конечно, есть.

Таким образом, на современном этапе развития инклюзии и конструирования новой социальной реальности в вузах востребованы унификация и упорядочение моделирования в рамках реализации тренда экоинклюзии в направлении формирования безбарьерной среды и безбарьерной коммуникативной (информационной) среды, ориентированной на развитие личностных смыслов, чувства ответственности и создание механизмов информационно-аналитического обеспечения управления социально-экономическими системами и процессами.

Обсуждение

По результатам исследований, проведенных в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники в 2020–2023 гг. мы можем сформулировать оптимальный вариант алгоритма выстраивания экоинклюзивной среды для абитуриентов и студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. В идеале для студентов целевой группы за счет выполнения всех требований по созданию безбарьерной среды будут созданы условия на равных с остальными студентами посещать все учебные аудитории, «специальные средства сопровождения (включая технические: программы электронного доступа для слепых, индукционная петля для глухих и т.д.) будут выравнивать их возможности в обучении и получении

профессии, а дифференциация между студентами будет проводится только по уровню знаний» [14].

Процесс сопровождения таких студентов можно разделить на два этапа: на первом этапе, при переходе от школы к вузу, должны быть созданы условия для правильного выбора специальности и первоначальной адаптации. Для этого должны существовать элементы инфраструктурной доступности, важно, чтобы путь студента от остановки транспорта к учебному корпусу был безопасен. Необходимо, чтобы студенты-инвалиды могли передвигаться хотя бы по первым этажам учебных корпусов, иметь доступ к комнате общего пользования и специальным аудиториям, в которых такой студент может встретиться с представителями приемной комиссии, университетских служб, преподавателями для консультаций по дисциплинам. Для инвалидов первой группы по зрению на дверях аудиторий должны быть таблички с дублированием названий шрифтом Брайля. Необходимы полнота и доступность информации о правилах поступления, льготах, специальных условиях обучения, о том, как учитываются нозологии (отсутствие слуха, зрения, ограниченность передвижения или атрофия разной степени верхних конечностей, дислексия и пр.) в учебном процессе при сдаче экзаменов и в дальнейшем обучении по направлениям подготовки. Здесь необходимо уделить особое внимание содержащейся на сайте информации, а также инструктированию сотрудников приемных комиссий.

На втором этапе, после поступления в вуз, сопровождение студентов осуществляется при общественно-приемлемом уровне инфраструктурной инклюзии. Учебные корпуса должны быть оснащены лифтами или подъемниками на второй и последующий этажи; на каждом из этажей необходимо оборудовать комнаты общего пользования, проезды для инвалидных колясок достаточной ширины, чтобы можно было проехать по коридорам и не мешать другим участникам движения, обеспечить возможность для их разворота. Рекреационные зоны учебных корпусов всех вузов сегодня позволяют создать свободное пространство для отдыха. Аудитории на доступных этажах надо сделать также доступными для заезда коляски (это общая задача для всех вузов) и студенту с любой нозологией. Необходимо максимальное оснащение всех учебных аудиторий техническими средствами, экранами и проекторами, столами-лифтами с регулируемой высотой столешницы, специализированными компьютерами с установленной программой экранного доступа типа Jaws for Windows и т.п.

Нормативная модель инклюзии в вузе, таким образом, должна состоять из следующих элементов: доступная архитектурная среда во всех объектах вуза; наличие службы сопровождения студентов с инвалидностью, имеющей контакт со всеми факультетами; наличие необходимых документов, доступных с сайта, удобный и доступный сайт; постоянная практика сопровождения студентов-инвалидов в образовательной деятельности.

С точки зрения образовательной инклюзии целесообразна следующая практика:

1) наличие в вузе утвержденного приказом ректора «Положения об организации образовательной деятель-

ности для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья»;

2) институционализация: организация специального подразделения, отвечающего за сопровождение студентов с инвалидностью в структуре учебного отдела вуза, напрямую подчиняющегося одному из проректоров (служба, центр сопровождения и пр.); утвержденное ректором положение о направлениях деятельности этого отдела. Возможно также наличие в вузе официального лица, по приказу ректора отвечающего за сопровождение студентов с инвалидностью. Это лицо будет координировать всю деятельность по инклюзии в вузе и продвигать изменения к лучшему в этом вопросе;

3) повышение квалификации профессорско-преподавательского состава, компетентность сотрудников вуза в вопросах инфраструктурной и образовательной инклюзии, в том числе относительно специальных условий обучения лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, в рамках ГИА; учет численности студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в вузе, заполнение ими заявлений о согласии или отказе от специальных условий обучения; обучение преподавателей, обеспечивающих дисциплины основного цикла, правилам обращения со студентами с инвалидностью, инструктирование всех сотрудников вуза об этих правилах;

4) установление обратной связи со студентами с ограниченными возможностями: как прямой, во время тех или иных мероприятий, так и на сайте, в социальной сети;

5) планирование и реализация мер по социальной инклюзии, преодолению студентами целевой группы коммуникативных барьеров, формирование позитивной атмосферы в академических группах и вузе в целом;

6) постоянное взаимодействие вузов с Региональным учебно-методическим центром с целью изучения лучших практик в деле развития инклюзии;

7) проведение на базе Большого университета социологических исследований по проблемам инклюзивного образования, обсуждение итогов, разработка рекомендаций;

8) признание принципа: право студента с инвалидностью и ОВЗ на собственную позицию в вопросах сопровождения его обучения в вузе;

9) организация в вузе инклюзивного волонтерского движения для оказания помощи студентам с инвалидностью и ОВЗ. Проведение службами вуза регулярных мероприятий, направленных на повышение солидарности студентов, их толерантности к студентам-инвалидам, регулярная организация совместных мероприятий для инвалидов и не инвалидов.

Заключение

Таким образом, каждый вуз может определить для себя последовательность и порядок мероприятий по инфраструктурной, образовательной, социокультурной инклюзии и их организации. В результате в вузовском пространстве Большого университета все вузы будут стремиться обеспечить доступ студентов-инвалидов и

студентов с ОВЗ к образовательным услугам: от минимального к общественно приемлемому уровню инклюзии. В целом построение инклюзивного образования и благоприятной экосреды – это путь, который будет трансформировать массовое сознание, констру-

ировать новую социальную реальность, создавать новое психологическое пространство индивида, расширять его возможности для индивидуальной траектории обучения и приобретения новых компетенций для всех студентов.

Список источников

1. Психолого-педагогические основы инклюзивного образования / отв. ред. С.В. Алехина. М. : МГППУ ; Буки Веди, 2013. 334 с.
2. Старовойт Н.В. Инклюзивная культура образовательной организации: подходы к пониманию и формированию // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 8. С. 31–35. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56117.htm>
3. Ахметова Д.З. Тернистый путь от сегрегации к инклюзии // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–27 октября 2023 г.) / гл. ред. У.В. Самсонова, Ю.А. Быстрова. М. : МГППУ, 2023. С. 11–14.
4. Наберушкина Э.К., Мирзаева Е.Р. От инклюзивной политики к инклюзивной культуре // Человек. Общество. Инклюзия. 2020. № 3. С. 10–15.
5. Наберушкина Э.К., Мирзаева Е.Р. Социологический обзор современных тенденций в системе образования // Человек. Общество. Инклюзия. 2021. № 1. С. 16–19.
6. Кузеванова А.Л., Чернов А.Ю., Зоркова В.А., Ивашкина А.О. Инклюзивное образование в вузе: проблемы и перспективы развития // Вестник высшей школы. Философия и социология. 2022. № 6. С. 52–60. doi: 10.20339/AM.06-22.052
7. Герасимова О.И. Тарутина В.А. Формирование профессиональной компетентности студентов в условиях центра инклюзивного образования // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–27 октября 2023 г.) / гл. ред. У.В. Самсонова, Ю.А. Быстрова. М. : МГППУ, 2023. С. 61–64.
8. Поромарев Р.Е. Образовательное пространство. М. : МАКС-Пресс, 2014. 100 с.
9. Ресурсные учебно-методические центры // Инклюзивное образование в РФ. URL: <http://инклюзивное.образование.рф/румс>
10. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/
11. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья : федеральный закон от 30.06.2007 № 120-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69387/
13. Наберушкина Э.К. Ориентиры развития инклюзии в пространстве высшей школы // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 4 (32). С. 18–27.
14. Берсенева М.В., Зиновьева В.И. Безбарьерная среда образовательного пространства вуза: алгоритмы формирования // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 188–195. doi: 10.17223/19988613/69/27

References

1. Alekhina, S.V. (ed.) (2013) *Psikhologo-pedagogicheskie osnovy inkluzivnogo obrazovaniya* [Psychological and pedagogical foundations of inclusive education]. Moscow: MGPPU; Buki Vedi.
2. Starovoyt, N.V. (2016) *Inkluzivnaya kul'tura obrazovatel'noy organizatsii: podkhody k ponimaniyu i formirovaniyu* [Inclusive culture of an educational organization: approaches to understanding and formation]. *Kontsept*. 8, pp. 31–35. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2016/56117.htm>
3. Akhmetova, D.Z. (2023) *Ternistyy put' ot segregatsii k inkluzii* [The thorny path from segregation to inclusion]. In: Samsonova, U.V. & Bystrova, Yu.A. (eds) *Aktual'nye voprosy obespecheniya usloviy inkluzivnogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [Current Issues of Ensuring Conditions for Inclusive Education in the Russian Federation]. Moscow: MGPPU. pp. 11–14.
4. Naberushkina, E.K. & Mirzaeva, E.R. (2020) *Ot inkluzivnoy politiki k inkluzivnoy kul'ture* [From inclusive policy to inclusive culture]. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziya*. 3, pp. 10–15.
5. Naberushkina, E.K. & Mirzaeva, E.R. (2021) *Sotsiologicheskiy obzor sovremennykh tendentsiy v sisteme obrazovaniya* [Sociological review of modern trends in the education system]. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziya*. 1, pp. 16–19.
6. Kuzevanova, A.L., Chernov, A.Yu., Zorkova, V.A. & Ivashkina, A.O. (2022) *Inkluzivnoe obrazovanie v vuze: problemy i perspektivy razvitiya* [Inclusive education in the university: Problems and development prospects]. *Vestnik vysshey shkoly. Filosofiya i sotsiologiya*. 6, pp. 52–60. DOI: 10.20339/AM.06-22.052
7. Gerasimova, O.I. & Tarutina, V.A. (2023) *Formirovanie professional'noy kompetentnosti studentov v usloviyakh tsentra inkluzivnogo obrazovaniya* [Formation of students' professional competence in the context of an inclusive education center]. In: Samsonova, U.V. & Bystrova, Yu.A. (eds) *Aktual'nye voprosy obespecheniya usloviy inkluzivnogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [Current Issues of Ensuring Conditions for Inclusive Education in the Russian Federation]. Moscow: MGPPU. pp. 61–64.
8. Poromarev, R.E. (2014) *Obrazovatel'noe prostranstvo* [Educational Space]. Moscow: MAKS-Press.
9. Russian Federation. (n.d.) *Inkluzivnoe obrazovanie v RF. Resursnye uchebno-metodicheskie tsentry* [Inclusive education in the Russian Federation. Resource educational and methodological centers]. [Online] Available from: <http://inkluzivnoe.образование.рф/румс>
10. Russian Federation. (1995) *O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ* [On social protection of disabled persons in the Russian Federation: Federal Law N 181-FZ of November 24, 1995]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/
11. Russian Federation. (2012) *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ* [On education in the Russian Federation: Federal Law N 273-FZ of December 29, 2012]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
12. Russian Federation. (2007) *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosu o grazhdanakh s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: federal'nyy zakon ot 30.06.2007 № 120-FZ* [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Citizens with Disabilities: Federal Law No. 120-FZ of June 30, 2007]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69387/
13. Naberushkina, E.K. (2017) *Orientiry razvitiya inkluzii v prostranstve vysshey shkoly* [Landmarks for the Development of Inclusion in the Space of Higher Education]. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziya*. 4(32), pp. 18–27.
14. Bersenev, M.V. & Zinovieva, V.I. (2021) *Barrier-free environment of the university educational environment: creating algorithms*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 69, pp. 188–195. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/69/27

Сведения об авторах:

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: valentina.i.zinovyeva@tusur.ru

Берсенов Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: m.bersenev@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zinoviyeva Valentina I. – Candidate of History, Professor of the Chair of History and Social Work of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.i.zinovyeva@tusur.ru

Bersenev Maxim V. – Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of History and Social Work of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 02.04.2024; accepted for publication 01.07.2024

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2024 № 90

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 23.08.2024 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 26,0. Усл. печ. л. 24,2. Тираж 50 экз. Заказ № 5998. Цена свободная.

Дата выхода в свет 27.08.2024 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru